

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

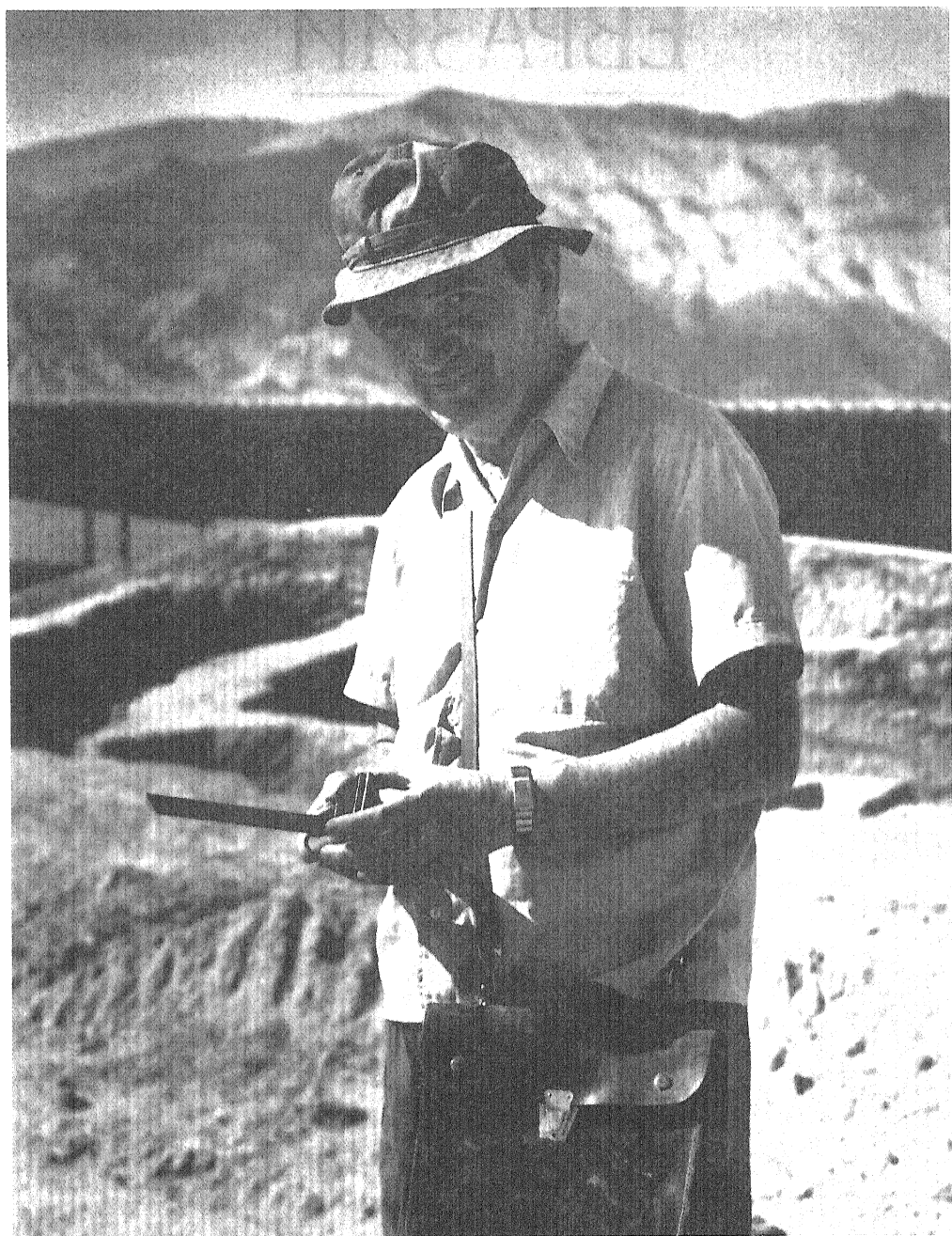

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ЕВРАЗИИ

Борис Анатольевич
ЛИТВИНСКИЙ
1975

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

1 $\frac{02 - 5}{3 - 4}$

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЕВРАЗИИ

ИСТОРИЯ
И КУЛЬТУРА

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 75-летию
действительного члена Академии наук Таджикистана,
академика РАЕН, доктора исторических наук,
профессора Б.А.Литвинского
(Москва, 14-16 октября 1998 г.)

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН
2001

УДК 902/904
ББК 63.4
Д73

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
2002

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проекту № 00-01-16003*

2004175057

Ответственный редактор
А.В.Седов

Редактор издательства
К.В.Орлова

Древние цивилизации Евразии. История и культура. Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию действительного члена Академии наук Таджикистана, академика РАЕН, доктора исторических наук, профессора Б.А.Литвинского (Москва, 14–16 октября 1998 г.). — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. — 464 с.: ил.

ISBN 5-02-018211-7

Сборник посвящен важной проблеме этнокультурных связей народов Древнего Востока и окружающего мира. Издание в своей основной части — публикация докладов, прочитанных в 1998 г. на конференции, посвященной 75-летию крупнейшего специалиста в области истории, истории культуры и археологии Центральной и Средней Азии, действительного члена АН Таджикистана, профессора Б.А.Литвинского. В конференции приняли участие и представили доклады, вошедшие в книгу, ученые из крупнейших научных центров России, востоковеды и археологи Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, Туркмении, США, Франции, Германии, Италии.

ББК 63.4

Научное издание

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЕВРАЗИИ

История и культура

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

Художник *Э.Л.Эрман*, Технический редактор *О.В.Волкова*
Корректоры *Е.В.Карюкина, Е.И.Крошкина*. Компьютерная верстка *Н.А.Важеникова*

ЛР № 020297 от 23.06.97

Подписано к печати 23.11.01. Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. п. л. 37,7

Усл. кр.-отт. 37,7. Уч.-изд. л. 41,6. Тираж 800 экз. Изд. № 7950. Зак. № 4820

Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
ППП «Типография «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ТП-2001-И-139
ISBN 5-02-018211-7

© Институт востоковедения РАН, 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник «Древние цивилизации Евразии. История и культура» составлен преимущественно из статей, представленных их авторами в качестве докладов на конференции, посвященной 75-летию Бориса Анатольевича Литвинского, одного из известнейших российских археологов и историков. Она проходила в Москве 14–16 октября 1998 г. и была организована Государственным музеем Востока и Институтом востоковедения РАН при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Тематика статей сборника весьма широка — палеолит Центральной Азии, археология, история и история культуры этого обширного региона и соседних с ним территорий в древности, археология и история раннего средневековья, этнология. Широта диапазона объясняется как обширностью научных интересов Б.А.Литвинского, так и многочисленностью его коллег и учеников, связанных с ним творческими узами на протяжении многих лет.

Свой путь в науку Б.А.Литвинский начал шесть десятилетий назад на кафедре археологии Средней Азии Среднеазиатского государственного университета (САГУ) в Ташкенте. Его студенческие занятия были прерваны войной, и только в самом конце ее, в 1945 г., после ранения будущий ученый вернулся в университет. Эвакуация ряда научных учреждений и многих ведущих ученых Москвы и Ленинграда в те годы превратила Ташкент в центр гуманитарной науки. Студенты университета слушали лекции крупнейших ученых страны. Историю Древнего Востока читал В.В.Струве, античности — Р.Ю.Виппер, Древней Руси — Б.Д.Греков, языкознание — В.А.Звягинцев и многие другие. Тайны истории Арабского халифата открывал А.Ю.Якубовский, персидский язык и литературу преподавал Е.Э.Бертельс, курс исламоведения читал И.П.Петрушевский. На кафедре археологии особое внимание уделялось прошлому Средней Азии — истории, археологии, нумизматике, архитектуре, искусству, этнографии, антропологии и т.д. Занятия вели ташкентские исследователи: Н.Г.Маллицкий, Л.В.Ошанин, А.А.Семенов, М.Е.Массон, Г.А.Пугаченкова. На заседаниях, конференциях, дискуссиях студенты слушали А.Н.Бернштама, К.В.Тревер, С.П.Толстого, других ведущих ученых. Именно тогда Б.А.Литвинский получил очень глубокое и широкое историческое и востоковедческое образование. Он познакомился с корифеями гуманитарного знания, многие из которых были подлинными энциклопедистами, проштудировал их основные труды, и, конечно, это во многом определило его дальнейший научный путь, горизонты его научных интересов. Позже, уйдя из САГУ, он вместе со своей женой — крупнейшим нумизматом-востоковедом Е.А.Давидович — переехал в Душанбе и организовал первый в Таджикистане научный археологический центр. Предыдущие археологические работы в Узбекистане и Туркмении уже тогда характеризовали Б.А.Литвинского как археолога-профессионала высокого класса. Но в отличие от многих археологов он не ограничивался раскопками и публикацией находок.

Археологические поиски и открытия являлись для него толчком к новым исследованиям в области истории, этногенеза, искусства, архитектуры, истории религий, этно-

графии. Школьники Таджикистана на протяжении почти полувека узнавали историю своей страны из учебников, написанных Б.А.Литвинским, таджикская интеллигенция зачитывалась книгой Б.Г.Гафурова «Таджики», в создании которой роль Б.А.Литвинского исключительно велика, студенты и ученые узнавали для себя много нового из первого тома академической «Истории таджикского народа», которая недавно вышла вторым изданием под редакцией и при участии Б.А.Литвинского и В.А.Ранова. В коллективных томах по истории Средней и Центральной Азии («History of Civilizations of Central Asia») и в своей книге «La civilization de l'Asie Centrale antique», не так давно опубликованных на Западе, Б.А.Литвинский написал яркую картину возникновения и развития цивилизации в этих регионах.

Много сделано юбиларом в изучении таджиков, бактрийцев, саков, ферганцев, уйгуров и других народов Центральной Азии. После раскопок в сложнейших условиях памирского высокогорья (на высоте до 4200 м) Б.А.Литвинский выпустил книгу «Древние кочевники „Крыши мира“», дав глубокий анализ сакской проблемы. Книга вызвала восторженный отзыв крупнейшего археолога Романа Гиршмана.

Особое место занимают труды Б.А.Литвинского по истории центральноазиатского буддизма. Экспедиции Б.А.Литвинского открыли и раскопали несколько уникальных буддийских памятников. Кроме публикаций раскопок он издал небольшую по объему, но очень емкую по материалу и высказанным идеям книжку «Outline of the History of Buddhism in Central Asia». Это была этапная работа: в ней впервые исследован весь круг проблем, связанных со среднеазиатским буддизмом, его ролью в судьбах среднеазиатской цивилизации. Ее высоко оценил такой знаток буддизма, как Ж.Фуссман, она была переиздана в Индии и Шри-Ланке. За ней последовала целая серия работ по истории буддизма в Средней Азии и Восточном Туркестане.

Б.А.Литвинский работал и по многим другим направлениям; исключительное значение имеют его исследования в области эллинистического субстрата среднеазиатской цивилизации. Некоторые итоги этой работы подведены в недавно вышедшей книге Б.А.Литвинского и безвременного ушедшего из жизни И.Р.Пичикуяна «Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь» и в труде Б.А.Литвинского «Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте».

В трудах Б.А.Литвинского археологические, нумизматические, лингвистические, этнографические материалы, данные по архитектуре и искусству органически сочетаются со сведениями письменных источников. Б.А.Литвинский использует всю совокупность источников и исследовательской литературы на русском и западных языках. Перечень цитированных сочинений в каждом из его последних трудов превышает тысячу названий! Глубина источниковедческого анализа сочетается с широтой исторического видения и синтеза, традиционные методы — с новейшими.

На протяжении полувека Б.А.Литвинский является одним из основных лидеров отечественной и мировой науки в области центральноазиатских исследований. Список его научных публикаций феноменален — его перу принадлежит свыше 460 публикаций, он отредактировал и издал свыше сотни сборников и книг своих учеников и коллег, воспитал целую плеяду молодых талантливых ученых.

Фундаментальные исследования Б.А.Литвинского по археологии, истории, религии, этнографии древнего и средневекового населения Центральной Азии и их соседей изданы не только в России и Таджикистане, но и во Франции, Германии, Италии и других странах. Ему и руководимым им экспедициям принадлежат открытия, сделавшие эпоху в современной науке. Исследования Б.А.Литвинского отличает уникальная широта охвата данных, scrupulousность анализа источников — это произведения эрудита. Он — выдающийся организатор науки, один из основоположников археологии Таджикистана. Им создана научная школа, ему многим обязаны ученики и коллеги на родине и за рубежом, свидетельство чему — публикуемый сборник.

Авторитет Б.А.Литвинского высоко оценен в научном мире. Он — академик АН Республики Таджикистан, академик Российской Академии естественных наук, иностранный член Академии Национале дей Линчеи (Италия), член-корреспондент Германского археологического Института и итальянского Института Востока и Африки, член редакционных советов ряда отечественных и зарубежных журналов.

От лица многочисленных коллег и учеников Б.А.Литвинского желаю ему — выдающемуся ученому, скромному и доброму человеку — творческих удач, новых открытий и книг.

Г.М.Бонгард-Левин,
академик РАН

БИБЛИОГРАФИЯ ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Б.А.ЛИТВИНСКОГО¹

1949

1. Изучение Така-Языра, Дуруна (Итоги работ V отряда ЮТАКЭ за 1946 г.). — ТЮТАКЭ. Т. I. Аш., с. 276–325, 2 л. ил. [Б.А.Литвинский, В.Г.Мошкова.]
2. К истории добычи полезных ископаемых на Челекене (до русского завоевания). — Материалы ЮТАКЭ. Вып. 1. Аш., с. 78–125.

1950

3. Средневековые поселения области Нисы севернее Копет-Дага в IX–XV веках. Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Таш., 473 с., 70 л. табл. Библиогр.: с. 432–471 (560 назв.).
4. К истории добычи олова в Узбекистане. — Тр. САГУ. Вып. 11. Гуманит. науки. Кн. 3. Таш., с. 51–68, ил. Резюме на узб. яз.
5. Предисловие. — *Наследов Б.Н.* Средневековая горная промышленность в Средней Азии. — Природа. № 3. М., с. 73. [О.И.Исламов, Б.А.Литвинский.]

1951

6. Средневековые поселения области Нисы (севернее Копет-Дага) в IX–XV вв. АКД. Таш., 13 с.
7. Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. — ТЮТАКЭ. Т. 2. Аш., с. 253–314, ил. на обложке — 1953 г.

---

¹ В библиографию включены опубликованные книги, статьи, заметки, рецензии. Мы нашли необходимым включить в библиографию также два рукописных труда — кандидатскую и докторскую диссертации. В работах, изданных с соавторами, под библиографическим описанием приводятся фамилии всех соавторов в той последовательности, что была избрана при издании. Так как фамилия Б.А.Литвинского транскрибируется в зарубежных изданиях по-разному, под каждой изданной за рубежом работой дается соответствующая транскрипция.

8. Археологические работы в Ленинабадской области. — ИООН. № 2, с. 136–137.
[Б.Литвинский, Е.Давидович.]
9. Горные инструменты из коллекции Ленинабадского краеведческого музея. — ИООН. № 2, с. 83–91, ил.
10. Намазга-тепе по данным раскопок 1949–1950 гг. Предварит. сообщ. — СЭ. № 4, с. 30–52, ил., 1 л. табл.
11. Археологические работы в Ленинабадской области. — Коммунист Таджикистана. 19.01.
[Б.Литвинский, Е.Давидович.]
12. В Исфаринском районе. Заметки археолога. — Сталинская молодежь. № 10, 14.12.
13. Как изучать археологические памятники. В помощь юному краеведу. — Сталинская молодежь. № 25, 27.06.
14. Корхон археологи дар вилояти Ленинобод (Археологические работы в Ленинабадской области). — Хақиқати Ленинобод. 05.07.
15. Уникальная находка. Глиняный гроб античного времени в Пахтаабадском р-не и комплекс Ходжа Нахшран. — Коммунист Таджикистана. 05.06.

16. Архитектурный комплекс Ходжа Нахшран. — Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ. Т. 17. Сталинабад, с. 121–138, ил.
17. Историко-археологическое изучение мавзолея Юнус-хана в Ташкенте. — Тр. САГУ. Вып. 61. Гуманит. науки. Кн. 6. Таш., с. 171–199, ил.
[З.А.Альхамова, Е.А.Давидович, Б.А.Литвинский, М.Е.Массон.]
18. Мечеть-намозго в кишлаке Навгулем (Исфаринский район). — Докл. АН ТаджССР. № 9, с. 43–48, ил.
19. О некоторых моментах развития средневекового города Средней Азии. — ИООН. № 4, с. 55–67.
20. О некоторых орудиях и приемах средневековых рудокопов Средней Азии. — ИООН. № 3, с. 21–44, ил.
[Б.А.Литвинский, О.И.Исламов.]
21. О принципах составления археологической карты Таджикистана. — Докл. АН ТаджССР. № 7, с. 9–15.
22. Полевые археологические работы Таджикско-Согдийской археологической экспедиции в 1952 г. Отчет о заседании Ученого совета ИИАЭ. — ИООН. № 3, с. 157–161.
23. Хазинаи пулҳои қадим (Клад древних монет). — Пионер, № 6. Сталинабад, с. 18.
24. Археологические раскопки в Кулябской области. Беседа с начальником Кулябского археологического отряда Б.А.Литвинским. — Кулябская правда. 11.10.
Открытие Хульбука.
25. Ёдгориҳои археологӣи Тоҷикистон ва муҳофизати онҳо (Археологические памятники Таджикистана и их охрана). — Тоҷикистон сурх. 06.06.

26. Ёфт шудани хазинаи пулҳои қадим (Находка клада старинных монет). — Тоҷикистон сурх. 29.05.
27. А.А.Семенов (К восьмидесятилетию со дня рождения). — Коммунист Таджикистана. 30.09.
[Ниязмухамедов, А.Богоутдинов, М.Фазылов, Б.Литвинский, А.Колпаков.]
То же, на тадж. яз.: Олим А.А.Семенов. — Тоҷикистон сурх. 30.09.
То же, на тадж. яз.: Олими барҷастаи мо А.А.Семенов. — Газетаи муаллимон. 30.09.

1954

28. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой. Краткий очерк. Ред. А.А.Семенов. Сталинабад, 83 с. — Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ. Т. 26. Резюме на тадж. яз.
Рец.: Заднепровский Ю.А., Массон В.М. — ВИ. 1955, № 12, с. 184–185.
29. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. Вып. 19. Сталинабад, 46 с., ил. (Науч.-попул. б-ка АН ТаджССР. ИИАЭ).
30. Ёдгориҳои қадим (Старинные памятники). — Пионер, № 1. Сталинобод, с. 9–11.
31. Из археологических материалов по истории средневековой горной техники Средней Азии (преимущественно IX–XII вв.). — Тр. АН ТаджССР. Т. 27. Сталинабад, с. 119–171, ил.
32. Литература по археологии Таджикистана, опубликованная в 1954 г. — Докл. АН ТаджССР. № 11, с. 81–84.
[М.М.Дьяконов, Б.А.Литвинский.]
33. Новые материалы по археологии Таджикистана. — КСИИМК. Вып. 5, с. 139–146, ил.
34. Основные этапы изучения археологии Таджикистана советской наукой. — ИООН. № 6, с. 51–62.
35. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Вахшской долины в 1953 г. — Докл. АН ТаджССР. № 11, с. 53–60, ил.
[Б.А.Литвинский, Е.А.Давидович.]
36. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Кулябской области в 1953 г. — Докл. АН ТаджССР. № 11, с. 39–52, ил.
[Б.А.Литвинский, Е.А.Давидович.]
37. Талабагон дар омӯзиши таърихи республикаашон чӣ тавр ба олимони ёрӣ расонда метавонанд (Чем могут помочь учащиеся ученым в изучении истории своей республики). — Мактаби совети. № 6, с. 19–28.
38. Аз гузаштаи райони Исфара (Из прошлого Исфаринского района). — Хақиқати Ленинобод. 15.08; Коммунисти Исфара. 22.08.
39. Аз натиҷаҳои омӯзиши археологии Тоҷикистон дар соли 1953 (Итоги археологического изучения Таджикистана в 1953 г.). — Газетаи муаллимон. 14.03; Бадахшони сурх. 16.04.
40. Дар назди харитаи археологии Тоҷикистон (У археологической карты Таджикистана). — Ҷавонони Тоҷикистон. 15.09.
41. Из далекого прошлого Молотовабадского района. — Борьба за хлопок. 28.11.
[Б.А.Литвинский, Е.А.Давидович.]

42. Новые археологические открытия в Таджикистане. — Коммунист Таджикистана. 26.10.
[А.Беленицкий, Б.Литвинский.]
То же, на узб. яз.: Тожикистонда янги археологик нашфиётлар. — Кизил Тожикистон. 04.11.
То же, на тадж. яз.: Таджикоти археологи дар Тоҷикистон. — Тоҷикистони сурх. 07.12.
43. О происхождении человека. — Коммунист Таджикистана. 27.02; Красный Бадахшан. 18.04.
44. Прошлое Исфаринского района. — Ленинабадская правда. 04.07.

1955

45. Археологический очерк Исфаринского района. Отв. ред. А.А.Семенов. Сталинабад, 231 с., ил. — Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ. Т. 35. Резюме на тадж. яз.
[Е.А.Давидович, Б.А.Литвинский.]
46. Дар бораи пайдоиши одам (О происхождении человека). Сталинобад, 25 с.
47. (К вопросу о периодизации истории народов Средней Азии и Казахстана в досоветскую эпоху: Выступление). — Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Таш., с. 483–489.
48. Ценные находки в древних рудниках. — Коммунист Таджикистана. 01.02.
49. Воситан пуркимат барои муаллимон (Ценное пособие для учителей). — Газетан муаллимон. 08.09.
Рец.: *Нестух М.Ф.* Человеческие расы. Под ред. Н.Н.Чебоксарова. М., 1954. 100 с.

1956

50. Археологические и нумизматические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР (Крат. обзор). Отв. ред. А.А.Семенов. Сталинабад, 59 с., ил.
[Э.Гулямова, Е.А.Давидович, Б.А.Литвинский, В.А.Ранов.]
51. Новые находки в старинных рудниках Кара-Мазара. — Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ. Т. 63. АРТ (1955 г.). Сталинабад, с. 108–109, ил.
52. О работах Таджикской археологической экспедиции в 1955 г. — Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ. Т. 63. АРТ (1955 г.). Сталинабад, с. 3–4.
53. Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Ворухе). — КСИИМК. Вып. 64, с. 68–76, ил.
54. Об изучении в 1955 г. погребальных памятников кочевников в Кара-Мазарских горах. — Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ. Т. 63. АРТ (1955 г.). Сталинабад, с. 37–46, ил.
55. От редактора. — *Дьяконов М.М.* У истоков древней культуры Таджикистана. Сталинабад, с. 3–14.
56. Поездка в райцентр Микоянабад. — Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ. Т. 63. АРТ (1955 г.). Душ., с. 94–95.

57. Предварительный отчет о работах в Кара-Мазарских горах отряда по сбору материалов для составления археологической карты в 1954 г. — Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ. Т. 37. АРТ (1954 г.). Сталинабад, с. 51–60, ил.
58. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда в 1954 г. — Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ. Т. 37. АРТ (1954 г.). Сталинабад, с. 77–88, 2 л. табл.
59. Предварительный отчет о раскопках курганов в Ворухе (Исфаринский район) в 1954 г. — Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ. Т. 37. АРТ (1954 г.). Сталинабад, с. 61–68, ил.
[Б.А.Литвинский, Е.А.Давидович.]
60. Работы отряда по изучению памятников бронзового века в Кайрак-Кумах в 1955 г. — Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ. Т. 63. АРТ (1955 г.). Сталинабад, с. 27–34, ил. 1 л. карт.
61. Северная надпись в Варухском ущелье (Опыт ист. исслед. по данным нумизматики). — КСИИМК. Вып. 61, с. 114–119.
62. Советская литература по археологии Таджикистана, опубликованная в 1954 г. — Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ. Т. 37. АРТ (1954 г.). Сталинабад, с. 105–110.
[Б.А.Литвинский, Э.Гулямова.]
63. На дне будущего «Таджикского моря». Археологические открытия в Кайрак-Кумах. — Коммунист Таджикистана. 17.07.

1957

64. Путешествие в глубь тысячелетий. Памятка юного археолога. Сталинабад, 54 с., ил.
Рец.: *Снегов В.* В глубь тысячелетий. — Комсомолец Таджикистана. 18.10.
То же, на тадж. яз.: см. № 70.
65. К истории Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока (Страница истории археол. изучения Средней Азии). — ИООН. № 14, с. 157–167. Резюме на тадж. яз.
66. Аз таърихи гузаштаи райони Ашт (Из истории прошлого Аштского района). — Коммунист Ашт. 05.10.

1958

67. О древности одного среднеазиатского обычая. — КСИЭ. Вып. 30, с. 31–33.
68. О материальной культуре IX–X веков (Краткий обзор). — Рудаки и его эпоха. Сталинабад, с. 185–197.
[А.Джалилов, Б.А.Литвинский.]
69. Предметы из погребения на Сталинабадских холмах. — Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея ТаджССР. Вып. 3. Сталинабад, с. 35–45, 4 л., ил.

70. Дар оғӯши замонҳои қадим (Путешествие в глубь тысячелетий). Ба ёрии археологи ҷавон. Сталинобод, 58 с., ил.
То же, на рус. яз.: см. № 64.
71. История таджикского народа. Учебник для 8–10 классов (Прилож. к учебнику История СССР для 8–10 классов). Под общ. ред. Б.А.Антоненко. Сталинабад, 201 с.
[Б.А.Литвинский, А.Мухтаров, В.А.Козачковский, М.Обидов.]
То же, на тадж. яз.: Таърихи халқи тоҷик. Сталинобод. 206 с.
То же, на узб. яз.: Тоҷик халқининг тарихи. Сталинобод. 212 б.
То же: История Таджикской ССР. 2-е перераб. изд. Сталинабад. 206 с.
То же, на тадж. яз.: Таърихи РСС Тоҷикистон. Сталинобод, 1960. 210 с.
То же, на узб. яз.: Тоҷикистон ССР тарихи. Сталинобод, 1960. 217 с.
То же: 3-е изд. Сталинабад, 1961. 215 с.
То же, на тадж. яз.: Сталинабад, 1961. 215 с.
То же, на узб. яз.: Сталинобод, 1961. 223 б.
То же, 4-е изд.: Душ., 1962. 214 с.
То же, на тадж. яз.: Душ., 1962. 219 с.
То же, на узб. яз.: Душ., 1962. 224 б.
То же.: Учеб. пособие для 9–11 классов. 5-е изд. Душ., 1963. 212 с.
То же, на тадж. яз.: Душ., 1963. 219 с.
То же, на узб. яз.: Душ., 1963. 222 б.
То же, 6-е изд.: Душ., 1964. 211 с.
То же, на тадж. яз.: Душ., 1964. 215 с.
То же, на узб. яз.: Душ., 1964. 220 б.
То же.: Учеб. пособие для сред. школы. 7-е изд. Душ., 1965. 192 с.
То же, на тадж. яз.: Душ., 1965. 199 с.
То же, на узб. яз.: Душ., 1965. 203 с.
Рец.: *Исламов Ю.* Хороший подарок школьникам. — Коммунист Таджикистана. 12.11; *Султанов Ш.* — Хақиқати Ленинобод. 20.01.1960; *Хайдаров Г.* Достоинства и недостатки важной книги. — Ленинабадская правда. 12.04.1961; *Хайдаров Г.* — Ученые записки. Ленинаб. пед. ин-т им. С.М.Кирова. 1962. Вып. 15, с. 89–93; *Гадоев Х.* Тоҷикистон ССР тарихидан қўлланма (Учебное пособие по истории Таджикской ССР). — Совет Тоҷикистони. 19.07.1964.
72. Древние кайрак-кумцы — скотоводы, земледельцы и металлурги. — Археологи расказывають. Сталинабад, с. 25–37, ил.
Рец.: *Рахимов М.* — Маориф ва маданият. 14.05.1960.
73. Выступление на научной сессии, посвященной этногенезу киргизского народа. — Тр. КАЭЭ. Т. 3. М., с. 201–203.
74. Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г. — Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ. Т. 103. АРТ (1957 г.). Вып. 5. Сталинабад, с. 109–129, ил.
75. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Кайрак-Кумах в 1956 г. — Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ. Т. 91. АРТ (1956 г.). Вып. 4. Сталинабад, с. 39–51, ил.

76. Курумы. — Археологи рассказывают. Сталинабад, с. 225–237, ил.
Рец.: Рахимов М. — Маориф ва маданият. 14.05.1960.
77. О методике картографирования археологического материала для атласа. — Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.–Л., с. 242–243.
78. О работах Таджикской археологической экспедиции в 1956 г. — Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ. Т. 91. АРТ (1956 г.). Вып. 4. Сталинабад, с. 3–5.
79. О работах Таджикской археологической экспедиции в 1957 г. — Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ. Т. 103. АРТ (1957 г.). Вып. 5. Сталинабад, с. 3–4.
80. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Кайрак-Кумах. — Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.–Л., с. 191–196.
81. Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты (1956 г.) — Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ. Т. 91. АРТ (1956 г.). Вып. 4. Сталинабад, с. 129–152, ил., 1 л. табл.
[Б.А.Литвинский, Э.Гулямова, Т.И.Зеймаль.]
82. Раскопки могильников в Исфаринском районе в 1956 г. — Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ. Т. 91. АРТ (1956 г.). Вып. 4. Сталинабад, с. 73–85, ил.
83. Среднеазиатский горный промысел в средние века (IX–XII вв.). Техника. — Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.–Л., с. 47–52.
84. Средневековый рудник. — Археологи рассказывают. Сталинабад, с. 192–202, ил.
Рец.: Рахимов М. — Маориф ва маданият. 14.05.1960.
85. О преподавании истории таджикского народа в школах республики. — Коммунист Таджикистана. 01.10.
[Б.Антоненко, В.Козачковский, Б.Литвинский, А.Мухтаров, И.Обидов.]

1960

86. Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. М., 14 с., ил. (XXV Междунар. конгресс востоковедов. Докл. делегации СССР).
См. также № 87, 108.
87. Archaeological discoveries on the Eastern Pamir and the problem of contacts between Central Asia, China and India in antiquity. М., 13 p. (XXV International Congress of Orientalists. Papers presented by the USSR Delegation).
То же, на рус. яз.: см. № 86, 108.
88. Даханинский могильник эпохи бронзы в Западной Фергане. — КСИИМК. Вып. 80, с. 47–52, ил.
89. Каменные базы колонн из Вахшской долины. — ИООН. № 1, с. 73–74, ил. Резюме на тадж. яз.
[Б.А.Литвинский, Т.И.Зеймаль.]
90. Саки, которые за Согдом. — Памяти М.С.Андреева. Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ. Т. 120. Сталинабад, с. 91–96.
91. В заоблачных высотах и за письменным столом (Рассказ о результатах археол. экспедиции на Восточный Памир). — Комсомолец Таджикистана. 09.03.

92. Рец.: *Лунин Б.В.* Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане: Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917). Отв. ред. Р.Н.Набиев. Таш., 1958. 320 с. — СА. № 3, с. 345–348. См. также № 71.

1961

93. Исследование могильников Исфаринского района в 1958 г. — Тр. АН ТаджССР. Ин-т истории им. Ахмада Дониша. Т. 27. АРТ (1958 г.). Вып. 6. Сталинабад, с. 59–80, ил., 1 л. табл.
94. О работах Таджикской археологической экспедиции в 1958 г. — Тр. АН ТаджССР. Ин-т истории им. Ахмада Дониша. Т. 37. АРТ (1958 г.). Вып. 6. Сталинабад, с. 3–4.
95. О работах Таджикской археологической экспедиции в 1959 г. — Тр. АН ТаджССР. Ин-т истории им. Ахмада Дониша. Т. 31. АРТ (1959 г.). Вып. 7. Душ., с. 3.
96. О топорах эпохи бронзы из Таджикистана. — ИООН. № 1, с. 59–66, ил. Резюме на тадж. яз.
97. Раскопки могильников на Восточном Памире в 1958 г. — Тр. АН ТаджССР. Ин-т истории им. Ахмада Дониша. Т. 27. АРТ (1958 г.). Вып. 6. Сталинабад, с. 37–48.
98. Раскопки могильников на Восточном Памире в 1959 г. — Тр. АН ТаджССР. Ин-т истории им. Ахмада Дониша. Т. 31. АРТ (1959 г.). Вып. 7. Душ., с. 50–62.
99. Раскопки навеса Ак-Танги в 1959 г. — Тр. АН ТаджССР. Ин-т истории им. Ахмада Дониша. Т. 31. АРТ (1959 г.). Вып. 7. Душ., с. 30–49, ил., 3 л. табл.
[Б.А.Литвинский, В.А.Ранов.]
100. Следы древней культуры (Раскопки на Аджина-Тепе). — Коммунист Таджикистана. 20.07.
См. также № 71.

1962

101. Древности Кайрак-Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана). — Отв. ред. Д.Е.Хайтун (Тр. АН ТаджССР. Ин-т истории им. Ахмада Дониша. Т. 33.). Душ., 405 с., ил., 2 л. табл.
[Б.А.Литвинский, А.П.Окладников, В.А.Ранов.]
Рец.: *Glaesser G.* — EW, 1965. Vol. 15, № 3/4, p. 323–329.
Пьянков И.В. Рец.: *Б.А.Литвинский, А.П.Окладников, В.А.Ранов.* Древности Кайрак-Кумов в римском журнале «Восток и Запад». — ИООН. 1967, № 3, с. 85–86; *Пьянков И.В.* Высокая оценка. — Коммунист Таджикистана. 14.02.1967.
102. Из истории ткачества в Западной Фергане до арабского завоевания. — ИООН. № 1, с. 46–50, 2 л. табл. Резюме на тадж. яз.
[Б.А.Литвинский, Э.Гулямова, А.Е.Павлова.]
103. О работах Таджикской археологической экспедиции в 1960 г. — Тр. АН ТаджССР. Ин-т истории им. Ахмада Дониша. Т. 34. АРТ (1960 г.). Вып. 8. Душ., с. 3–5.

104. Раскопки курганов на Восточном Памире в 1960 г. — Тр. АН ТаджССР. Ин-т истории им. Ахмада Дониша. Т. 34. АРТ (1960 г.). Вып. 8. Душ., с. 27–34, ил.
[Б.А.Литвинский, М.А.Бубнова.]
105. У древних берегов Сыр-Дарьи. — Природа. М., № 10, с. 115–116, карт.
[Б.А.Литвинский, С.А.Несмеянов.]
См. также № 71.

1963

106. История таджикского народа. Т.1. С древнейших времен до V в. н.э. Под ред. Б.Г.Гафурова и Б.А.Литвинского. АН ТаджССР. Ин-т истории им. Ахмада Дониша. М., 596 с., ил., карт.
Введение (Обзор источников и литературы). З.Д.Кастельская и др., с. 12–34.
Гл. 2. Бронзовый век, с. 94–133.
Гл. 5. Борьба народов Средней Азии против греко-македонских захватчиков, с. 236–274.
Гл. 6. Средняя Азия в составе Селевкидского государства, с. 275–289.
Гл. 11. Социально-экономический строй древней Средней Азии, с. 464–477.
107. История Таджикской ССР: Учеб. пособие для 7–8 классов. Душ., 135 с.
[Б.А.Литвинский, А.Мухтаров, В.А.Козачковский, И.Обидов.]
То же, 2-е изд. Душ., 1964. 139 с.
То же, на тадж. яз.: Таърихи РСС Тоҷикистон. Душ., 1964. 143 с.
То же, на узб. яз.: Тожикистон ССР тарихи. Душ., 1965. 150 с.
То же, 3-е изд. Душ., 1965. 138 с.
То же, на тадж. яз.: Душ., 1965. 142 с.
То же, на узб. яз.: Душ., 1965. 148 б.
Рец.: Шарифов У., Сангинов Н. — Маориф ва маданият. 03.09.1964.
108. Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. — Тр. XXV Междунар. конгресса востоковедов. Т. 3. М., с. 31–40, ил.
См. также № 86, 87.
109. India and Central Asia. Ancient historical and cultural contacts. — Soviet Land. Vol. 16, № 4, p. 22.
См. также № 71.

1964

110. Зеркало в верованиях древних ферганцев. — СЭ. № 3, с. 97–104. Резюме на англ. яз.
111. Раскопки и разведки в Южном Таджикистане в 1961 г. — Тр. АН ТаджССР. Ин-т истории им. Ахмада Дониша. Т. 42. АРТ (1961 г.). Вып. 9. Душ., ил., 1 л. табл.
[Б.А.Литвинский, Т.И.Зеймаль.]
112. Раскопки навеса Ак-Танги в 1961 г. — Тр. АН ТаджССР. Ин-т истории им. Ахмада Дониша. Т. 42. АРТ (1964 г.). Вып. 9. Душ., с. 3–24, ил.
[Б.А.Литвинский, В.А.Ранов.]

113. Таджикистан и Индия: (Примеры древних связей и контактов). — Индия в древности. М., с. 143–165, ил., 2 л. табл.
Рец.: *Glaesser G.* — EW. Rome, 1966. Vol. 16, № 1/2, p. 159–160; *Пьянков И.* Густав Глессер о советских ученых. — Коммунист Таджикистана. 20.09.1967.
114. Новое открытие Согдианы. — Коммунист Таджикистана. 04.02.
То же, на тадж. яз.: Кашфиёти нав дар бораи Сугдиён. — Тоҷикистони Советӣ. 12.02.
Рец.: *Лившиц В.А.* Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии. Отв. ред. К.В.Тревер. М., 1962. 222 с. — Согдийские документы с горы Муг. Чтение. Перевод. Комментарий. Вып. 2.
См. также № 71, 107.

1965

115. История Таджикской ССР: Учеб. пособие для вузов. Душ., 1965, с. 20–60; 2-е изд., перераб. Душ., 1983, с. 18–43.
Гл. 1. § 2. Племена Средней Азии в период разложения первобытнообщинного строя, с. 20–24.
Гл. 2. Рабовладельческий строй на территории Средней Азии, с. 25–48.
Гл. 3. § 1. Средняя Азия под властью хионитов, эфталитов, тюрков. Усиление Согда, с. 49–61.
116. Кайрак-Кумская культура. — Советская историческая энциклопедия, 1965. Т. 6, стб. 832.
117. Кей-Кобад шах. — Советская историческая энциклопедия. 1965. Т. 7, стб. 152, ил. Библиогр. 3 назв.
118. Среднеазиатские железные наконечники стрел. — СА. 1965, № 2, с. 75–91, ил.
119. Будни одной экспедиции. Открытие шедевров древнетаджикской культуры на Аджина-Тепе. — Коммунист Таджикистана. 14.01.
120. Раскопки древнего буддийского монастыря — (Аджина-тепа). — Ленинабадская правда. 16.03.
121. Раскопки древнего буддийского монастыря. — Ёхтулехт 15.07. На эст. яз.
122. Рец.: *Заднепровский Ю.А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. М.–Л., 1962. — СА. № 4, с. 260–268.

1966

123. Военное дело у народов Средней Азии в VI–IV вв. до н.э. — ВДИ. № 3, с. 36–52.
[Б.А.Литвинский, И.В.Пьянков.]
124. Сложносоставной лук в древней Средней Азии (К проблеме эволюции лука на Востоке). — СА. № 4, с. 51–69, ил.

1967

125. Recent archaeological discoveries in South Tajikistan and problems of cultural contacts between the peoples of Central Asia and Hindustan in antiquity. М.,

1967. 12 p. (XXVII International Congress of Orientalists. Papers presented by the USSR delegation).

126. Археологические открытия в Таджикистане за годы советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии. — ВДИ. № 4, с. 118–137.
127. Археологические работы Института истории АН Таджикской ССР. — АО (1966 г.). М., с. 313–320, ил.
128. Археология Таджикистана за годы советской власти. — СА. № 3, с. 106–123, 1 л. ил.
См. также № 147.
129. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы. — СА. № 2, с. 29–37, ил.
130. Махадева и Дуттхагамани (О начале буддизма в Парфии). — ВДИ. № 3, с. 88–91.
То же, на англ. яз.: см. № 182.
131. Тайна «Чертова холма». — Наука и жизнь. № 4, с. 36–37, ил.
132. Хафрийёти Ачина-тепа (Раскопки Аджина-Тепе). — Садои Шарқ. № 6, с. 139–144.
133. Телескопи таъриқ (Телескоп истории: археология). — Тоҷикистони Советӣ. 25.10.
[Б.И.Искандаров, Б.А.Литвинский.]

1968

134. Кангюйско-сарматский Фарн (К историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии). Отв. ред. В.А.Лившиц. Душ., 119 с., 6 л. ил. Резюме на англ. яз.
Рец.: *Glaesser G.* — EW. 1969. Vol. 19, № 3/4, p. 515–51; *Заднепровский Ю.А.* — СА. 1970, № 4, с. 253–254.
То же, на нем. яз.: см. № 181, 217.
135. Outline History of Buddhism in Central Asia. Ed. G.M.Bongard-Levin. — International Conference on the history, archaeology and culture of Central Asia in the Kushan period (Dushanbe, 1968). М., 110 p.
Рец.: *Frumkin G.* International Conference on the history, archaeology and culture of Central Asia in the Kushan Period. — *Bibliotheca Orientalis*. Leiden, 1969, Jg. 26, № 1/2, S. 45–46; *Бхатия Н.* — НАА. 1971, № 6, с. 204.
См. также № 162.
136. Буддийский сюжет в живописи Средней Азии (К интерпретации сцены дароносцев из Аджина-Тепе). — СЭ. № 3, с. 106–112, ил.
[Б.А.Литвинский, Т.И.Зеймаль.]
137. Итоги и перспективы археологического изучения Таджикистана. — Проблемы археологии Средней Азии: Тез. докл. и сообщ. к совещанию по археологии Средней Азии (1–7 апр. 1968). Л., с. 5–7.
138. Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время (Боевые топоры. Кинжалы. Наконечники стрел). — МКТ. Душ. Вып. 1, с. 69–115, ил.
Рец.: *Заднепровский Ю.А.* — СА. 1970, № 4, с. 251–253.

139. Памятники Южного Таджикистана. — Культура и искусство Средней Азии в кушанскую эпоху. Каталог выставки (Междунар. конф. по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху). Л., с. 33–38.
140. I Среднеазиатская конференция историков естествознания и техники (Душанбе, 24–26 апр. 1967 г.). — Информационный бюллетень. Советское национальное объединение историков естествознания и техники. М., № 4, с. 76–80.
[М.С.Асимов, Г.А.Ашуров, Б.А.Литвинский.]
141. Первая Среднеазиатская конференция историков естествознания и техники. — Вопросы истории естествознания и техники. М. Вып. 24, с. 108–110.
[М.С.Асимов, Г.А.Ашуров, Б.А.Литвинский.]
142. Погребальный обряд древних ферганцев в свете этнографии. — ИООН. № 3, с. 42–51. Резюме на тадж. яз.
143. Предисловие. — Материальная культура Таджикистана. Душ. Вып. 1, с. 3–4.
144. Распространение буддизма в Средней Азии. — Тез. докл. и сообщ. советских ученых. Междунар. конф. по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. М., 1968, с. 32–34.
См. также № 149.
145. Роль буддизма в истории среднеазиатской культуры. — Проблемы археологии Средней Азии: Тез. докл. и сообщ. к совещанию по археологии Средней Азии (1–7 апр. 1968 г.). Л., с. 41–42.
146. Среднеазиатские народы и распространение буддизма (II в. до н.э. — III в. н.э., письменные источники и лингвистические данные). — История, археология и этнография Средней Азии. М., с. 128–135.
Рец.: *Беленицкий А.М.* — СА. 1970, № 4, с. 245–247.
147. Archaeology in Tadzhikistan under Soviet Rule. — EW. Vol. 18, № 1/2, p. 125–146, ill.
То же, на рус. яз.: см. № 128.
148. Buddha z Vedmin vrchu (Будда с Вельминоного холма). — Svět Sovětu. Praha. 1968, № 6, S. 21, ill.
149. The spread of Buddhism in Central Asia. — Abstracts of papers by Soviet scholars. International conference on the history, archaeology and culture of Central Asia in the Kushan period (Dushanbe, 1968). М., p. 34–36.
150. Древняя культура Таджикистана и кушанская проблема. — Коммунист Таджикистана. 19.09.
151. Олими маъруф ва ходими чамбиятӣ (Известный ученый и общественный деятель Б.Гафуров). — Маориф ва маданият. 24.12.
152. Страницы кушанской истории (К открытию Междунар. симпоз. по истории кушан. Беседу записал Г.Абрамян). — Комсомолец Таджикистана. 28.08.
153. Тайны древней цитадели (Кафыр-Кала. Беседу записал Д.Черныш). — Правда. 09.07.

1969

154. История и культура восточной части Средней Азии от поздней бронзы до раннего средневековья (в свете раскопок памиро-ферганских могильни-

- ков). Дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. Душ., 2206 с., 699 л. ил. Библиогр. с. 1894–2206.
155. История и культура восточной части Средней Азии от поздней бронзы до раннего средневековья (в свете раскопок памиро-ферганских могильников). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. М., 73 с. Библиогр. 59 назв.
  156. Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан) — СА. № 2, с. 160–178, ил. Резюме на франц. яз.
[Б.А.Литвинский, Х.Мухитдинов.]
  157. Среднеазиатский город в древности по археологическим данным. — Города и торговля Древнего Востока III–I тысячелетия до н.э. Тез. докл. Всесоюз. симпоз. Ереван, с. 22–23.
  158. Sakā Naumavargā в свете советских археологических исследований. — Beiträge zur Alten Geschichte und deren Nachleben. Festschrift für Franz Altheim / Hrsgb. von R.Stiehl und H.E.Stier. Bd. 1. B., S. 115–126.
  159. Памятники истории — под охрану народа. К съезду добровольного Общества охраны памятников истории и культуры Таджикистана. — Коммунист Таджикистана. 11.03.
[Б.Искандаров, Б.А.Литвинский.]

1970

160. Historiography of Tajikistan (1917–1969) (For XIII International Congress of Historical Sciences). Ed. by B.G.Gafurov. M., 1970. 80 p.
[B.A.Litvinsky, K.R.Marsakov, A.Mukhtarov.]
Рец.: Glaesser G. — EW. 1972. Vol. 22, № 1/2, p. 151–155.
161. India and Soviet Central Asia. — India's contribution to world thought and culture. Madras, p. 263–274.
162. Outline History of Buddhism in Central Asia. — Kushan Studies in USSR. Calcutta, p. 53–132 (Soviet Indology series, № 3).
Переизд. № 135.
163. Возьёфти нодир (Редкостная находка). — Тоҷикистони Советӣ. 02.07.1970.
[Б.Литвинский, Н.Турсунов.]
164. Кубок Александра Македонского? — Коммунист Таджикистана. 26.05.1970.
[Б.А.Литвинский, Н.Турсунов.]

1971

165. Аджина-тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура. Под ред. Б.Г.Гафурова. Предисл. М.С.Асимова. — М., 259 с., ил. Памятники древнего искусства. Резюме на англ. яз., с. 219–244.
[Б.А.Литвинский, Т.И.Зеймаль.]
Рец.: Якубов Ю. Встреча с историей, встреча с искусством. — Коммунист Таджикистана. 07.10.1972; Brentjes B. — Bibliotheca Orientalis. Leiden, 1973. Jg. 30, № 1/2, S.116; Fussman G. — Arts Asiatiques. P., 1973. Vol. 28, p. 227–231; Glaesser G. — EW. 1975. Vol. 25, № 1/2, p. 206–210.
См. также № 200.

166. Александр Александрович Семенов (Научно-биографический очерк). Отв. ред. Б.Г.Гафуров. М., 180 с., 1 л. портр. (Рус. востоковеды и путешественники). Библиогр. работ А.А.Семенова, с. 152–177.
[Б.А.Литвинский, Н.М.Акрамов.]
Рец.: *Синицына Л.* Книга о Семенове. — Комсомолец Таджикистана. 01.09; *Павлова А.* Книга о большом ученом. — Коммунист Таджикистана. 16.12; *Юсупов Ш.* «Открытие» Средней Азии. — Комсомолец Таджикистана. 23.01.1972; *Лунин Б.В.* — НАА. 1973. № 6, с. 196–198.
167. Бозъёфт аз Чорсу (Находка на Чорсу). — Садои Шарк. № 6, с. 99–106.
[Н.Турсунов, Б.А.Литвинский.]
168. Ленинабадский кратер и луврская ваза Сосибия (Неоаттическое искусство и Средняя Азия). — ВДИ. № 3, с. 92–106, 2 л. ил. Резюме на англ. яз.
[Б.А.Литвинский, Н.О.Турсунов.]
169. Хронология и классификация среднеазиатских зеркал. — МКТ. Душ. Вып. 2, с. 34–67, ил.
170. Adzhina Tepa — Buddhist monastery VII–VIII c. A.D. in South Tajikistan. — Kushan culture and history. Kabul, p. 83–100, 31 ill.
[B.A.Litvinsky, T.I.Zeimal.]
171. Auf den Spuren der tadschikischen Geschichte. — Ideen des exakten Wissenschaft und Technik in der Sowjetunion. Stuttgart. № 7, S. 457–462.
172. Века открывают тайны (Беседу с руководителем раскопок Аджина-Тепе записала Н.Лебедева). — Комсомолец Таджикистана. 26.11.
173. Патриарх таджикских городов (Раскопки в Яванской долине. Беседа с руководителем раскопок Б.А.Литвинским). — Комсомолец Таджикистана. 10.01.
174. Раскрывая тайны Аджина-Тепе. Беседу записал О.Соболев. — Комсомолец Таджикистана. 06.08; Вечерний Душанбе. 07.08.
[Б.А.Литвинский, Т.И.Зеймаль.]
То же, на узб. яз.: Ажинатепа сирининг очилиши. — Совет Тожикистони. 08.08.

1972

175. Древние кочевники «Крыши мира». М., 269 с., ил. Библиогр. с. 230–254 (1111 назв.).
Рец.: *Brentjes B.* — Bibliotheca Orientalis. Leiden, 1973, Jg. 30, № 3/4, S. 302–303; *Ghirshman R.* — Artibus Asiae, Ascona — N. Y., 1973. Vol. 35, № 4, p. 374–375; *Fussman G.* — Journal Asiatique. P., 1974. T. 262, № 3/4, p. 486–490; *Заднепровский Ю.А.* Литература по ранним кочевникам Средней Азии и Казахстана, опубликованная в 1972–1973 гг. — УСА. Вып. 3. Л., 1975, с. 80–82; *Glaesser G.* — EW. Rome, 1976. Vol. 26, № 1/2, p. 266–270; *Дандамаев М.А.* Проблемы истории древневосточных обществ в трудах советских востоковедов (1967–1977 гг.). — ВДИ. 1977, № 4, с. 17–34.
176. Курганы и курумы Западной Ферганы: Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии (Могильники Западной Ферганы, I). М., 1973. 258 с., 61 л. ил. Библиогр. с. 216–250.
Рец.: *Заднепровский Ю.А.* Литература по ранним кочевникам Средней

- Азии и Казахстана, опубликованная в 1972–1973 гг. — УСА. Вып. 3. Л., 1975, с. 80–82.
177. Буддизм и среднеазиатская цивилизация. — Индийская культура и буддизм. М., с. 148–169. Библиогр. 96 назв.
  178. О семантике двух изобразительных мотивов памирского «звериного» стиля. — Тез. докл. III Всесоюз. конф. по вопросам скифо-сарматской археологии (скифо-сибирский «звериный» стиль). М., с. 54–55.
  179. Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане. — УСА. Вып. 1, с. 41–47.
  180. Букке то т адзиа буммэй (Буддизм и центральноазиатская цивилизация). — Юрадзиа (Евразия). Токио. № 5, 6, с. 67–78. На яп. яз.
  181. Das K'ang-chü-Sarmatische Farnah (Zu den historisch-kulturellen Beziehungen der Stämme Südrusslands und Mittelasiens). Übers. von H. Pollems. Überarb. von K. Jettmar. — CAJ. Vol. 16, № 4. Wiesbaden. S. 241–289.
То же, на рус. яз.: см. № 134.
  182. Mahadeva and Dutthagamani. — The Buddhist. Vol. 43, № 6/8.
То же, на рус. яз.: см. № 130.

1973

183. История Таджикской ССР: Учебник для 7–10 классов. Под ред. З.Ш.Раджабова. Душ., 256 с.
[Б.А.Литвинский, А.Мухтаров, З.Ш.Раджабов, М.М.Яхьяев, Г.Е.Беляков.]
То же, на тадж. яз.: Таърихи РСС Тоҷикистон. Душ. 270 с.
То же, на узб. яз.: Тожикистон ССР тарихи. Душ. 276 б.
То же. 2-е изд. Душ., 1975, 263 с.
То же, на тадж. яз.: Душ., 1975, 266 с.
То же, на узб. яз.: Душ., 1975, 275 б.
То же. 3-е изд. Душ., 1977, 256 с.
То же, на тадж. яз.: Душ., 1977, 253 с.
То же, на узб. яз.: Душ., 1977, 269 б.
То же. 4-е изд., перераб. Душ., 1981, 254 с.
То же, на тадж. яз.: Душ., 1981, 254 с.
То же, на узб. яз.: Душ., 1981, 272 б.
184. Керамика из могильников Западной Ферганы (первое тысячелетие н.э.). (Могильники Западной Ферганы, 2). М. 202 с., 27 л. ил. Библиогр. с. 174–195.
Рец.: *Заднепровский Ю.А.* Литература по ранним кочевникам Средней Азии и Казахстана, опубликованная в 1972–1973 гг. — УСА. Вып. 3. 1975, с. 80–82.
185. Украшения из могильников Западной Ферганы (Могильники Западной Ферганы, 3). М., 211 с., 10 л. ил. Библиогр. с. 173–208.
Рец.: *Заднепровский Ю.А.* Литература по ранним кочевникам Средней Азии и Казахстана, опубликованная в 1972–1973 гг. — УСА. Л. Вып. 3, 1975, с. 80–82; *Glaesser G.* — EW. 1975. Vol. 25. № 1/2, p. 210–213.
186. Археологические работы в Таджикистане в 1962–1970 гг. (Некоторые итоги и проблемы). — АРТ (1970). М. Вып. 10, с. 5–41.
Рец.: *Glaesser G.* — EW. 1976. Vol. 26, № 3/4, p. 558–562.

187. Буддийская часовня на Кафыр-Кале. — АРТ (1970). М. Вып. 10. с. 165–171.
[Б.А.Литвинский, Е.П.Денисов.]
188. Город под холмом. — Вокруг света. № 6, с. 39.
189. Древний среднеазиатский город (Местные традиции и иноземные модели). — Древний Восток: Города и торговля (III–I тыс. до н.э.). Ереван, с. 99–125. Резюме на англ. яз.
190. Михаил Степанович Андреев и его наследие. — Акрамова Х., Акрамов Н. Востоковед Михаил Степанович Андреев. Душ., с. 3–8.
191. Раскопки на Аджина-Тепе и Кафыр-Кале в 1970 г. — АРТ (1970). Вып. 10. М., с. 145–164.
[Б.А.Литвинский, Т.И.Зеймаль.]
192. Таджикская Советская Социалистическая Республика. — Сов. ист. энциклопедия. Т. 14, стб. 27–54, ил. Библиогр. стб. 52–53.
[Б.А.Литвинский, А.М.Мухтаров, В.А.Козачковский.]
193. (Письмо в газету «Элефтери Патрида»). — Элефтери Патрида. Лондон. 24.02. — На рус. и греч. яз.

1974

194. Академик Семенов. — Душ. 46 с. — На тадж. яз.
[Б.А.Литвинский, Н.Акрамов.]
195. Исследование В.В.Бартольд о исторической географии Средней Азии в свете современной науки. — Бартольдские чтения. 18–20 марта 1974 г. Тез. докл. и сообщ. М., с. 36–37.
Крат. излож.: Фалина А.И. Бартольдские чтения. — НАА. № 6, с. 222.
196. Исследование кочевых народов Центральной Азии в дореволюционной русской и советской науке. — Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, с. 175–180.
197. Итальянский институт Среднего и Дальнего Востока. — НАА. № 2, с. 241–246. Библиогр. с. 245–246.
198. Памяти Бенджамина Роуленда (1904–1972). — НАА. № 3, с. 246–247.
199. Преодолевая Памир, Гиндукуш, Гималаи. — Курьер ЮНЕСКО. Апрель–май, с. 38–41, 44–45, ил.
200. L'Histoire du Bouddhisme en Asie Moyenne. Traduit de Russe en Français par Bachir Wahabzada du livre de Zeymal et Litvinsky «Adjina Tepe». М., 1971. — Afghanistan. Kabul. Vol. 27, № 2, p. 86–101; 1974. Vol. 27, № 3, p. 65–82; 1975. Vol. 27, № 4, p. 70–94; 1975. Vol. 28, № 1, p. 29–40.
То же, на рус. яз.: см. № 165.
201. The Leninabad Krater and the Louvre Sosibios vase (Neo-Attic art and Central Asia). — EW. Vol. 24, № 1/2, p. 89–110, ill.
202. Тропы «крылатого» льва. Поиски, находки (Итоги раскопок 1974 г. Южно-таджикской экспедиции). Беседу записал О.Латифи. — Правда. 17.12.

1975

203. Памирская космология (опыт реконструкции). — Страны и народы Востока. Вып. 16. М., с. 251–261. Библиогр. 74 назв.

204. Предисловие. — Сборник археологических работ. Тадж. гос. ун-т им. В.И.Ленина. Вып. 1. Душ., с. 3–4.
205. Раскопочные работы на Аджинатепе. — АРТ (1971 г.). Вып. 11. Душ., с. 101–118, ил.
[Б.А.Литвинский, Т.И.Зеймаль.]
206. Распространение буддизма в Средней Азии. — Центральная Азия в кушанскую эпоху. М. Т. 2, с. 191–198.
Тез. докл., см. № 144.
207. Рей. — БСЭ. 3-е изд. Т. 21, с. 597.
208. Находки в древнем городе (Раскопки Калаи-Кафирнигон). — Коммунист Таджикистана. 27.11.

1976

209. Узловые проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана (Теоретический аспект). — Тез. М. 9 с.
[Б.Г.Гафуров, Б.А.Литвинский.]
210. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы. — История и культура народов Средней Азии. Под ред. Б.Г.Гафурова и Б.А.Литвинского. М., с. 49–65. Резюме на англ. яз. Библиогр. 199 назв.
211. Работы Южно-Таджикистанского отряда в 1972 г. (Памятники Шаартузского района). — АРТ (1972 г.). Душ. Вып. 12, с. 61–84.
212. Раскопки могильника Тандыр-йул. — АО. 1975 г. М., с. 567–568, ил.
[Б.А.Литвинский, Е.В.Антонова, Н.М.Виноградова.]
213. Сарсухан (Предисловие). — Дар: Акрамов Н.М. Академик В.В.Бартольд. Душ., с. 3–4.
214. Токкуз-кала. — АО. 1975 г. М., с. 566–567, ил.
215. Уникальные находки на юге Таджикистана. — Азия и Африка сегодня. № 9, с. 57–58, ил.
[Б.А.Литвинский, А.В.Седов.]
216. Фрески Калаи-Кафирнигана. — Вокруг света. № 5, с. 44–46, ил.
217. Das K'ang-chü-Sarmatische Farnah (Zu den historisch-kulturellen Beziehungen der Stämme Südrusslands und Mittelasien). 2. Teil. — CAJ. Wiesbaden. Vol. 20, № 1/2, S. 47–74, 2 Bl., ill.
То же, на рус. яз.: № 134.

1977

218. Буддийский храм Калаи-Кафирниган. — АО. 1976 г. М., с. 566–567, ил.
219. Михаил Степанович Андреев ва мероси (Михаил Степанович Андреев и его наследие). — Дар: Акрамов Н.М., Акрамова Х.Ф. М.С.Андреев — Таджикотчи таърихи тоҷикони кӯхистон. Душ., с. 3–4.
220. Из области идеологии кушанской Бактрии (Зороастрийские наусы на берегах Окса-Аму-Дарьи). — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest. T. 25, fasc. 1/4, p.197–209, ил., 1 л. табл.
Аннотация: *Gfrenet/ F.* — Studia Iranica. Supplement IV. Abstracta Iranica, IV. Leiden, 1981. Bibliographie critique 1977–1986. Téhéran-Paris, 1988 (Abstracta Iranica, vol. hors série 3), p. 48.

221. Отчет о работах Южно-Таджикистанской археологической экспедиции в 1973 г. — АРТ (1973 г.). Вып. 13. Душ., 1977, с. 65–103, ил.
[Б.А.Литвинский, Т.И.Зеймаль, И.Н.Медведская.]
222. Предисловие. — Средняя Азия в древности и средневековье. М., с. 3–4.
[Б.Г.Гафуров, Б.А.Литвинский.]
223. Проблемы истории и истории культуры древней Средней Азии в свете новейших работ советских ученых (1967–1977 гг.). — ВДИ. № 4, с. 73–92. Резюме на англ. яз.
Рец.: *G[renet] F.* — *Studia Iranica. Supplement 1* — 1978. *Abstracta Iranica. Leiden, 1978, p. 24. (Grenet) F. et coll. L'Asie Centrale préislamique. Téhéran-Paris, 1988, p. 25.*
224. Проблемы культуры Средней Азии в свете исследований памятников Северного Тохаристана. — Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана (Тез. Всесоюз. науч. конф. в г. Пенджикенте ТаджССР, 26–31 авг. 1977 г.). Душ., с. 19–21.
225. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н.э. — Междунар. симп. по этническим проблемам древней истории Центральной Азии: Тез. докл. сов. ученых. М., с. 22–25.
То же, на англ. яз.: см. № 228.
226. Раннесредневековый среднеазиатский купол как архитектурный и идеологический феномен. — Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана (Тез. Всесоюз. науч. конф. в г. Пенджикенте ТаджССР, 26–31 авг. 1977 г.). Душ., с. 146–148.
[Б.А.Литвинский, Т.А.Шеркова.]
227. Этногенетические процессы в раннесредневековой Фергане (палеоантропологический и лингвистический аспекты). — Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., с. 170–176.
228. Problems of the ethnic history of Central Asia in the 2nd millennium B.C. — International symposium on ethnic problems of the ancient history of Central Asia. Dushanbe, Oct. 17–22, 1977. Abstracts of Soviet scholars. М., p. 32–35.
То же, на рус. яз.: см. № 225.
229. Проблемы истории Центральной Азии: К международному форуму ученых в Душанбе. — Коммунист Таджикистана. 16.10.
То же, на тадж. яз.: Проблемаҳои таърихи Осиёи Марказӣ. — Тоҷикистони Советӣ. 16.10.
То же, на узб. яз.: Марказий Осиё тарихи проблемалари. — Совет Тоҷикистони. 16.10.
230. Раскрывая тайны веков (Об итогах работы Южно-Таджикской археологической экспедиции). Беседу записал С.Степенков. — Вечерний Душанбе. 24.11.
231. Рец.: Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. — СЭ. № 1, с. 164–167.

1978

232. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы (Археологические и этнографические материалы по истории культуры и религии Средней Азии). (Могильники Западной Ферганы, 4). М., 216 с., 36 с. ил.
Рец.: *Brentjes B.* — *Persica, s'Gravenhage. 1979. № 8, p. 241–242.*

233. Древний и раннесредневековый Калаи-Кафирниган. — АО. 1977 г. М., с. 558–559.
234. (Изложение доклада «Проблемы этнической истории Средней Азии во II тыс. до н.э.» и выступлений в обсуждении докладов). — Этнические проблемы древней истории Центральной Азии. Междунар. симп. Душ., 17–22 окт. 1977 г. М., с. 39, 46; англ. яз., с. 97, 104–105.
См. также № 258.
235. К истории стремян в Средней Азии. — МКТ. Вып. 3. Душ., с. 111–119, ил. Библиогр. 36 назв.
236. Саки. — Искусство стран и народов мира. Краткая художественная энциклопедия. Т. 4. М., 1978, с. 70–73, ил. Библиогр. 12 назв.
237. Тохаристан. — Искусство стран и народов мира. Краткая художественная энциклопедия. Т. 4. М., с. 375–378, ил. Библиогр. 4 назв.
238. Наследие академика Гафурова. Памяти ученого. — Коммунист Таджикистана. 12.07.
[Г.Ким, Б.А.Литвинский.]

1979

239. Водопровод Так-Языра (Из истории городского водоснабжения в средневековой Средней Азии). — Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. Под ред. Б.А.Литвинского. М., с. 79–84. Библиогр. 37 назв.
240. Калаи Кафирниган (Раскопки 1974 г.). — АРТ (1974 г.). Вып. 14. Душ., с. 156–157, ил.
Аннотация: *G[renet] F.* — *Studia Iranica. Supplement III. Abstracta Iranica. Leiden, 1980 (Grenet et coll. L'Asie Centrale préislamique. P., 1988, p. 40).*
241. Кушанские Эроты (Один из аспектов античного влияния на центрально-азиатскую культуру). — ВДИ. № 2, с. 89–109, ил. Резюме на англ. яз.
[Б.А.Литвинский, И.Р.Пичикян.]
Рец.: *Bernard P.* — *Studia Iranica. Supplement 2.1979. Abstracta Iranica. Leiden, 1979, p. 41–41 (Grenet F. et coll. L'Asie Centrale préislamique. P., 1988, p. 31).*
242. Кушанский город в Средней Азии и Индии (Параллели). — НАА. № 3, с. 33–44. Резюме на англ. яз., с. 253.
243. Первые глиняные модели *stūpa* из Средней Азии (Аджина-Тепа). — Санскрит и древнеиндийская культура (Сб. статей и сообщ. сов. ученых к IV Всемир. конф. по санскриту. Веймар, ГДР, 23–30 мая 1979 г.). Т. I. М., с. 186–199, ил.
[Т.И.Зеймаль, Б.А.Литвинский.]
244. Среднеазиатский центрический мавзолей: Проблема генезиса. — Этнография и археология Средней Азии. М., с. 65–70.
Аннотация: *G[renet] F.* — *Studia Iranica. Supplement V. Abstracta Iranica. Leiden, 1982 (Grenet F. et coll. L'Asie Centrale préislamique. Téhéran-Paris, p. 55).*
245. Significance of the archaeological sources for the study of the history and culture of Central Asia. — *Prolegomena to the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia. Budapest, p. 335–339.*

246. Кашфи асрори Тахти Сангин (Открытие тайны Тахти-Сангина). Беседу записал М.Хусейнов. — Тоҷикистони Советӣ. 18.11.
247. Рец.: Nimruz: Geländebegehungen in Sistan 1955–1973 und die Aufnahme von Dewali Khodaydad, 1970 (Hrsg. von K.Fischer in Zusammenarbeit mit D.Morgenstern und V.Thewalt. Bonn, 1976). Bd. 1. Text. 438, S. 104 Abb., 24 Taf.; Bd. 2. Tafeln. Karten. Plane. 25 Kart., 357 Taf., 7 Kart. — HAA. № I, с. 231–234.
248. Central Asia. — Encyclopaedia of Buddhism. Vol. 4. Colombo, 1979, p. 21–52.

1980

249. Археологические открытия на юге Таджикистана. — Вестн. АН СССР. № 7, с. 124–133, 1 л. ил.
[В.А.Литвинский, И.Р.Пичикян.]
250. Второе открытие Бактрии. — Азия и Африка сегодня. № 9, с. 60–62, ил.
[Б.Литвинский, И.Пичикян.]
251. Домусульманские истоки среднеазиатской цивилизации X–XI вв. — Абуали ибн Сино и его эпоха. Душ., с. 17–30.
252. Калаи Кафирниган (Раскопки 1975 г.). — АРТ (1975 г.). Вып. 15. Душ., с. 120–126, ил.
253. Сакская проблема. — HAA. № 6, с. 82–85.
254. Корни мудрости (Абу Али Ибн Сина). — Комсомольская правда. 21.08.
255. Рец.: *Le Coq A. von. Auf Hellas Spuren in Ostturkistan. Berichte und Abenteuer der II. und III. Deutschen Turfan-Expedition. Graz (Austria), 1974. 166 S., 164 Abb., Karten.* — ИООН. № 4, с. 104–105.
256. Monuments of Art from the Sanctuary of the Oxus (Northern Bactria). — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XXVIII, fasc. 1–4. Budapest, p. 25–83, ill.
[В.А.Litvinskiy, I.R.Pichikyan.]
Аннотация: *Grenet/ F.* — Studia Iranica. Supplement VII. Abstracta Iranica. Leiden, 1984 (*Grenet F. et coll. L'Asie Centrale préislamique. Téhéran–Paris, 1988, p. 80*).

1981

257. Бактрия: новые находки археологов (Беседу с Б.А.Литвинским и И.Р.Пичикяном записал В.Резников). — Азия и Африка сегодня. № 12, с. 57–58, ил.
258. Загадки и ответы Каменного городища: Случайна ли самая случайная случайность? Что мы поняли и что еще предстоит понять. — Знание–сила. № 10, с. 42–43, 43–45, ил.
259. (Изложение выступлений в обсуждении докладов). — Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). — Тр. Междунар. симп. по этническим проблемам истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). (Душанбе, 17–22 окт. 1977 г.). М., с. 151, 276, англ. яз., с. 153, 277.
См. также № 266, 271.

260. Кушанский город. Индийско-среднеазиатские параллели. — Древний Восток и мировая культура. М., с. 121–124. Библиогр. 32 назв.
261. Настенная живопись Калаи-Кафирнигана. — Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (История и культура). Под ред. Б.А.Литвинского. М., с. 116–138, ил. Резюме на англ. яз. Библиогр. 88 назв. Аннотация: *G[renet] F.* — *Studia Iranica. Supplement VII. Abstracta Iranica. Leiden, 1982 (Grenet F. et coll. L'Asie Centrale préislamique. Téhéran-Paris, 1988, p. 59).*
262. Ножны акинака из Бактрии. — ВДИ. № 3, с. 87–110, ил. Резюме на англ. яз.
[Б.А.Литвинский, И.Р.Пичикян.]
То же, на англ. яз.: № 284.
Рецензия: *Le[riche] P.* — *Studia Iranica. Supplement V. Abstracta Iranica. Leiden, 1982 (Grenet F. et coll. L'Asie Centrale préislamique. Téhéran-Paris, 1988, p. 56).*
263. От редактора. — Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (История и культура). Под ред. Б.А.Литвинского. М., с. 3–4.
264. Предисловие. — Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. Под ред. Б.А.Литвинского. М., с. 3–4.
265. Проблематика истории и истории культуры Средней Азии в советской науке (1960–1981 гг.). — Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 1. М., с. 14–32.
То же, на англ. яз.: см. № 283.
266. Проблематика истории и культуры буддизма в Средней Азии. — Конференция «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье». Тез. докл. М., с. 90–91.
267. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н.э. (Среднеазиатский аспект арийской проблемы). — Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (III тысячелетие до н.э.). — Тр. Междунар. симп. по этническим проблемам истории Центральной Азии в древности (III тысячелетие до н.э. Душанбе, 17–22 окт. 1977 г.). М., с. 154–166. Библиогр. 99 назв. Резюме на англ. яз.
То же, на англ. яз.: № 272.
268. Семантика древних верований и обрядов памирцев. (1). — Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. Под ред. Б.А.Литвинского. М., с. 90–121. Библиогр. 280 назв. Резюме на англ. яз.
Реф.: *Меловичев А.Е.* — Обществ. науки в СССР. РЖ. Сер. 5. История. 1982, № 4, с. 185–187; Рец.: *G[renet] F.* — *Studia Iranica. Supplement V. Abstracta Iranica. Leiden, 1982 (Grenet F. et coll. L'Asie Centrale préislamique. Téhéran-Paris, 1988, p. 55).*
269. Тахти-Сангин — Каменное городище (раскопки 1976–1978 гг.). — Культура и искусство древнего Хорезма. М., с. 195–212, ил.
[Б.А.Литвинский, И.Р.Пичикян.]
270. Труды Альберта фон-Лекока по древней культуре Восточного Туркестана. — НАА. № 4, с. 187–193.
271. Découvertes dans un sanctuaire du dieu Oxus de la Bactriane Septentrionale (Открытия в храме божества Окса). — *Revue archéologique. P., № 2, p. 195–216.*
[B.A.Litvinskij, I.R.Pichikjan.]

- Рец.: *Le[riche] P.* — *Studia Iranica. Supplement V. Abstracta Iranica.* Leiden, 1982 (*Grenet F.* et coll. *L'Asie Centrale préislamique.* Téhéran-Paris, 1988, p. 56).
272. The problems of the ethnic history of Central Asia in the 2nd Millennium B.C. — *Journal of Central Asia (Journal of International Association for the study of the cultures of Central Asia).* Islamabad. Vol. 4, № 1, p. 131–141.
То же, на рус. яз.: № 267.
273. The Temple of the Oxus. — *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland.* L., № 2, p. 133–167, pl. I–XII.
[B.A.Litvinskiy, I.R.Pichikiyan.]
274. Рец.: История Казахской ССР: С древнейших времен до наших дней. Т. 2. Развитие феодальных отношений. Образование казахской народности и Казахского ханства. А.-А., 1979. 423 с., ил. — НАА. № 6, с. 188–194.
[Е.И.Кычанов, Б.А.Литвинский.]
275. Рец.: *Franz H.Q.* Pagoda. Turmtempel. Stupa. Studien zum Kultbau des Buddhismus in Indien und Ostasien. Graz, 1978. 80 S., 42 Abb., 114 Taf.; *Id.* Von Gandhara bis Pagan: Kultbauten des Buddhismus und Hinduismus in Süd- und Zentralasien. Graz, 1979. 122 S., 161 Abb., 67 Taf. — НАА. № 1, с. 227–231.
276. Kalai-Kafirigan. Problems in the Religion and Art of Early Mediaeval Tokharistan. — *EW.* Vol. 31. 1981, № 1–4, p. 35–66, 34 ill.

1982

277. «Золотые люди» в древних погребениях Центральной Азии (Опыт истолкования в свете истории религии). — *СЭ.* № 4, с. 34–43.
278. Изучение древней истории и культуры Восточного Туркестана в отечественной и зарубежной науке. — *НАА.* № 1, с. 69–78.
279. Некоторые аспекты иерархии и семантики stupa в Средней Азии и Индии. — *Древняя Индия: Ист.-культ. связи.* М., с. 164–186, ил.
[Б.А.Литвинский, Т.И.Зеймаль.]
280. Нуристанская мифология. — *Мифы народов мира. Энциклопедия.* Т. 2. М., 1982, с. 228–230. Библиогр. 17 назв.; *Мифы народов мира. Энциклопедия,* изд. II. М., 1988, с. 228–230. Библиогр. 17 назв. Также последующие русские и зарубежные издания.
281. Пари. — *Мифы народов мира; Энциклопедия.* Т. 2. М., с. 286–287. 2-е изд. М., 1988, с. 286–287. Библиогр. 7 назв. (есть венгерское изд.). Также последующие русские и зарубежные издания.
282. Проблематика истории и истории культуры Средней Азии в советской науке (1960–1981 гг.). (Окончание). — *Информационный бюллетень МАИКЦА.* Вып. 2. М., с. 8–21.
283. Problems of the history of Central Asia and its culture in Soviet science (1960–1980). — *Information bulletin. IB IASCCA.* Issue 1. M., p. 16–34.
Аннотация: *G[renet] F.* — *Studia Iranica. Supplement IX. Abstracta Iranica.* Leiden, 1986 (*Grenet F.* et coll. *L'Asie Centrale préislamique.* Téhéran-Paris, 1988, p. 109).
То же, на рус. яз.: см. № 265.

284. An *akinak* scabbard from Bactria. — Soviet Anthropology and Archaeology. A Journal of Translations. Vol. XXI, № 1-2. N. Y., p. 139-182.
То же, на англ. яз.: см. № 261.
[B.A.Litvinskii, I.R.Pichikian.]

1983

285. Древняя и средневековая культура Киргизстана — интегральная часть культуры Востока. — Культура и искусство Киргизии. 3-6 июня 1983 г. Вып. 1. Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. АН Кирг.ССР. Л., с. 9-11.
286. Буддийский храм Калаи-Кафирниган (Южный Таджикистан) и проблемы истории и культуры Центральной Азии. — История и культура Центральной Азии. М., с. 282-305, рис. 25-29.
287. Тепаи-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М., 204 с. с ил., 32 табл. Библиогр. с. 181-198.
[Б.А.Литвинский, А.В.Седов.]
Рец.: Соловьев В. Такая загадочная кушанская эпоха. — Коммунист Таджикистана. 28.10.1984, № 251; Ртвеладзе Э.В. — ВДИ. № 4, с. 184-190; Brentjes B. — Orientalistische Literaturzeitung, 82. Jahrgang, 1987, № 3, S. 309-310; Grenet F. — Studia Iranica. Supplement VII. Abstracta Iranica. Leiden, 1984 (Grenet F. et coll. L'Asie Centrale préislamique. Téhéran-Paris, 1988, p. 80-81).
288. Центральная Азия в древности: проблемы истории и культуры. — Будущее науки. Международный ежегодник. Вып. XVI. М., с. 254-269.
[М.С.Асимов, Б.А.Литвинский.]
289. Problems of history of Central Asia and its culture in Soviet science (1960-1981) (Seminar A-2 of the 31st International congress of human sciences in Asia and Africa. August 31st-September 7th, 1983, Tokyo and Kyoto). Moscow, 55 p.
290. За много лет до новой эры. — Комсомольская правда. 02.09, с. 4.
(Интервью с Б.А.Литвинским о раскопках Тахти-Сангина, записанное С.Кушнаревым).
291. От редактора. — Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. Под ред. Б.А.Литвинского. М., с. 3.
292. Погребальные сооружения и погребальная практика в Парфии (к вопросу о парфяно-бактрийских соответствиях). — Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. Под ред. Б.А.Литвинского. М., с. 81-123, ил. Библиогр. 143 назв.
Рец.: Grenet F. — Studia Iranica. Supplement VII. Abstracta Iranica. Leiden, 1982 (Grenet F. et coll. L'Asie Centrale préislamique. Téhéran-Paris, 1988, p. 86).
293. Кардинальные проблемы истории Бактрии-Тохаристана в свете десятилетних работ Южно-Таджикистанской археологической экспедиции (1973-1983 гг.). — Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тез. докл. конф., посвящ. десятилетию Южно-Таджикистанской археологической экспедиции. М., с. 50-53.
294. Раздел: Средняя Азия в период разложения первобытнообщинного строя. — История Таджикской ССР. Изд. 2, расш. и перераб. Учеб. пособие для вузов республики. Душ., с. 14-17.

295. Глава: Средняя Азия в эпоху рабовладельческих отношений. — Там же, с. 18–35.
  296. Раздел: Средняя Азия в составе государств Сасанидов, Эфталитов и Тюркского каганата. — Там же, с. 36–44.
  297. Neuere Forschungen zur Archäologie und alten Geschichte Mittelasiens. — Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie, Bd. 4. Bonn, 1982, S. 27–64, mit 3 Abbildungen und 1 Karte.
  298. Южный Таджикистан и Памир — контуры истории и культуры в свете археологических работ. — Шедевры древнего искусства и культуры Таджикистана. Материалы Южно-Таджикистанской археологической экспедиции. Каталог выставки. М., с. 3–14.
  299. Восточный Туркестан и Средняя Азия в древности и раннем средневековье. — Искусство и культура Монголии и Центральной Азии. Докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. Ч. II. М., с. 38–47.
  300. Древняя этнокультурная общность Восточного Туркестана и Средней Азии. — НАА. № 6, с. 61–69.
То же, на англ. яз.: см. № 359.
  301. Когда говорят руины. — Коммунист Таджикистана. 27.12. № 296 (16139).
[Б.И.Искандаров, Б.А.Литвинский.]
  302. Наследие, свидетельствующее о слиянии культур. — Нихон кэйдзай симбун (Экономическая газета). 19.11. На яп. яз.
(Интервью с Б.А.Литвинским о раскопках Тахти-Сангина. Цветная илл. — ножны.)
  303. Блестящая культура Средней Азии. — Нихон кэйдзай симбун (Экономическая газета). На яп. языке. 11.02.1984.
Интервью с Б.А.Литвинским о настенных росписях Афрасиаба. Цветная илл. — фрагмент росписи.
  304. Schaf und Ziege in der Glaubenswelt der Pamir-Tadschiken. — Ethnologie und Geschichte. Festschrift für Karl Jettmar. Hrsgb. von P.Snoy. Wiesbaden; Steiner, 1983 (Beiträge zur Südasienforschung. Bd. 86), S. 389–398.
  305. Олим будан одил будан аст. Сахифае аз рӯзгори академик Бобоҷон Гафуров. — Газетани муаллимон. 05.10.
(Интервью взял Ш.Хамдамов.)
  306. Monuments of Art from the Sanctuary of Oxus (Northern Bactria). — Acta Antiqua Academiae Hungaricae. T. XXVIII, fasc. 1–4. Budapest, 1983, p. 26–83, ill.
[B.A.Litvinskiy, I.R.Pichikyan.]
- 1984
307. О чем поведал храм Окса. — Труд. 17.01. № 14 (19161).
  308. Предисловие. — Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. Под ред. Б.А.Литвинского. М., с. 37.
  309. Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (проблемы этнокультурной общности). — Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. Под ред. Б.А.Литвинского. М., с. 4–28. Библиогр. 125 назв.
Аннотация: *Brentjes B.* — CAJ. Bd. 31, № 1–2. Wiesbaden, 1987, S. 144.

310. Узбекистан (Альбом). М., 1984.
Автор и консультант раздела «История».
311. Рец.: Yanata A. Schmuck in Afghanistan. Graz, 1981. — СЭ. № 2, с. 157–159.
[Б.А.Литвинский, Л.А.Чвырь.]
312. Она восхитила Москву. К итогам археологической выставки. — Коммунист Таджикистана. № 47 (16290). 24.06.
313. Предисловие. — *Сарианиди В.И.* Бактрия сквозь мглы веков. М., с. 9–14.
314. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М., 212 с., 37 рис., 26 табл. Библиогр. с. 192–207.
Совместно с А.В.Седовым. — Основной текст монографии написан Б.А.Литвинским. Приложение: *Зеймаль Е.В.* Подражания обоям Эвкратиды (с. 177–191).
Рец.: *Соловьев В.* Такая загадочная кушанская эпоха. — Коммунист Таджикистана. № 251 (16394), 28.10; *G[renet] F.* — *Studia Iranica. Supplement VIII. Abstracta Iranica.* Leiden, 1985 (*Grenet F. et coll. L'Asie Centrale préislamique. Téhéran-Paris, 1988, p. 92*).
315. Ajina Tepe. — *Encyclopaedia Iranica.* Ed. by E.Yarshater. Vol. I, fasc. 7. London, Boston, Melbourne and Henley, 1984, p. 703–705 (=Encyclopaedia Iranica. Vol. 1. London, Boston–Henley, 1985, p. 703–705).
[В.А.Литвинский.]
316. Бронзовые наконечники стрел из Тахти-Сангина. — Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., с. 153–157.
317. Живопись и скульптура Таджикистана. Древность и средние века. Каталог выставки. Л., 55 с., ил.
(Авторы текста: Т.И.Зеймаль, Б.А.Литвинский, Б.И.Маршак, Н.Н.Негматов.)
318. Eisenzeitliche Kurgane zwischen Pamir and Aral-See. München. Verlag C.H.Beck. 1984 (Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie, Bd. 22). 152 S. mit 41 Abb. Bibliogr. № 1–365.
[Boris Anatol'evič Litvinskij.]
Рец.: *Brentjes B.* — *Ural-Altaische Jahrbücher, N.F., Bd. V.* Wiesbaden, 1985, S. 287.
319. Jungbronze- und alterzeitliche Nekropolen im Fergana-Becken. — Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Bd. 5 (1983). München, 1984, S. 57–87 mit 14 Abb.

1985

320. Памятники звериного стиля из Восточного Туркестана. — Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии. Тез. докл. Таш., с. 67–69.
[Б.А.Литвинский, М.Н.Погребова, Д.С.Раевский.]
321. Таджикистан в Эрмитаже. — Коммунист Таджикистана. 07.07. № 157 (16600).
[Б.И.Искандаров, Б.А.Литвинский.]
(О выставке искусства и культуры Таджикистана в Гос. Эрмитаже).
322. Новый журнал по истории и культуре Центральной Азии. — НАА. № 3, с. 165–169.

[Б.А.Литвинский, А.В.Нагорная.]
(Относительно журнала «Информационный бюллетень МАИКЦА».
Вып. 1–5).

323. Средневековая культура Тохаристана в свете раскопок в Вахшской долине. М., 263 с. с ил. Библиогр. с. 214–236.
[Б.А.Литвинский, В.С.Соловьев.]
Рец.: *G[renet] F.* — *Studia Iranica. Supplement VII. Abstracta Iranica.* Leiden, 1986 (*Grenet F. et coll. L'Asie Centrale préislamique. Téhéran-Paris, 1988, p. 110–111*); *Brentjes B.* — *CAJ. Vol. 32, № 3–4. Wiesbaden, 1988, S. 300–301.*
324. Ареал древнепамирской культуры. — *Памироведение. Душ.*, с. 102–122, 6 ил.
325. К ранней истории саков Восточного Туркестана. — *НАА. № 5, с. 65–74.*
[Б.А.Литвинский, М.Н.Погребова, Д.С.Раевский.]
См. выше, № 320.
326. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии. — *ВДИ. 1985, № 4, с. 84–110, ил. Резюме на англ. яз.*
[Б.А.Литвинский, Ю.Г.Виноградов, И.П.Пичикян.]
(Обзор и дискуссия: *Bernard P. Les Marsyas d'Apamée, l'Oxus et la colonisation Séleucide en Bactriane.* — *Studia Iranica. T. 16, fasc. 1, 1987, p. 103–115.* Рец.: *G[renet] F.* — *Studia Iranica. Supplement IX. Abstracta Iranica. Leiden, 1986 (Grenet F. et coll. L'Asie Centrale préislamique. Téhéran-Paris, 1988, p. 109–110).*
327. Бактрийский город Тахти-Сангин. Древние взаимосвязи и культурный синтез. — *Курьер ЮНЕСКО, авг., с. 28–31, ил.*
[Б.А.Литвинский, И.Р.Пичикян.]
Статья издана также: на нем. языке — *Die Schätze von Tachti Sangin.* — *UNESCO Kurier. 1985, № 7 (Bern), S. 28–31 mit ill. (B.A.Litvinsky und I.R.Pitschikian);* итал. — *Il Corriere UNESCO. 1985, № 9 (Roma), p. 28–31, ill. (B.A.Litvinski e I.R.Pitchikian);* шведском — *Taiti Sanghins skatter. Ett grekiskt-baktriskt konstfynd.* — *UNESCO. Kuriren. 1985, September (Stockholm), p. 28–31, ill. (B.A.Litvinskiy och I.R.Pichikiyan);* финском — *Kivisen valtakauden aarteet.* — *UNESCO Kuriiri. 1985, № 9 (Helsinki), p. 28–31, ill. (B.A.Litvinski ja I.R.Pitšikjan);* голландском — *De schatten van Tachti Sanghin.* — *Unesco Kourier. 1985, September (Antwerpen-Amsterdam), p. 28–31, ill. (B.A.Litvinski en I.R.Pitjckian);* баскском — *Takhti Sanghin — go altxotregia.* — *UNESCO. Albistaria, 1985, iralia (Donostia), p. 28–31, ill. (B.A.Litvinski/I.R.Pichikian);* болгарском — *Съкровищата на Тахти Сангин.* — *ЮНЕСКО Куриер. 1985, август, с. 28–31, ил. (Б.А.Литвинский и И.Р.Пичикян).*
- Кроме того, статья издана на англ., франц., исп., араб., яп., хинди, тамили, иврите, перс., португальском, тур., урду, каталонском, малайзийском, кор., суахили, македонском, хорвато-сербском, словенском, сербохорватском, кит., греч., сингальском — всего на 31 яз.
328. Открытие шедевров бактрийского искусства. — *Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1983. Л., с. 508–520, ил.*
[Б.А.Литвинский, И.Р.Пичикян.]

329. Problèmes d'histoire et d'histoire culturelle de la Bactriane à la lumière des fouilles menées dans le Tadjikistan méridional. — Actes du colloque franco-soviétique sur l'archéologie de la Bactriane ancienne. P., p. 47–54.
[B.A.Litvinskij.]
330. Discussion. — Actes..., p. 338–339.
331. Тарих тилга кирганда. — Совет Ўзбекистони. 01.11, № 251 (19327).
[Б.Литвинский, Г.Бонгард-Левин, Е.Давидович.]
(О работах археологов Узбекистана по изучению древней и средневековой урбанизации Средней Азии — в связи с присуждением группе исследователей премии Абу Райхана Беруни).
332. L'Art du Tocharistan à l'époque du Haut Moyen Âge (monuments non-bouddhiques). — Arts Asiatiques. T. XL. P., p. 5–17, ill. Резюме на англ. яз.
[Boris A.Litvinskij, Victor S.Solov'ev.]
Аннотация: *G[renet] F.* — Studia Iranica. Supplement X. Abstracta Iranica. Leiden, 1987 (*Grenet F.* et coll. L'Asie Centrale préislamique. Téhéran–Paris, 1987, p. 128–129).
333. Kafyrkala. Frühmittelalterliche Stadt im Vachš-Tal, Süd-Tadžikistan. Verlag C.H.Beck. München, 1985 (Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie, Bd. 28). 107 S., 29 Abb. Bibliogr. S. 97–106.
[B.A.Litvinskij und V.S.Solov'ev.]
334. Страницы из истории этнографического изучения Средней Азии. — Этнография Таджикистана. Душ., с. 132–142.
335. Южнотаджикистанская археологическая экспедиция. — Наука сегодня. Вып. 13. М., с. 233–238.
336. Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душ., 342 с., ил.
(Б.А.Литвинский — один из авторов-составителей, а также персональный автор, с. 66–68, 292–297.)
Нем. пер. части каталога: Oxus. 2000 Jahre Kunst am Oxus Fluss im Mittelasien. Neue Funde aus der Sowjetrepublik Tadschikistan. Museum Rietberg. Zürich, 1989, 175 S. ill.; итал. пер. этой же части каталога: Oxus. Tesori dell'Asia Centrale. Roma. Edizione de Luca. 1993, 147 p., ill.

1986

337. Рец.: Очерки по истории Советского Бадахшана, изд. 2. Душ, 1985. — НАА. №1, с. 177–182.
338. Будущие публикации: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории и культуры. — Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 10. М., с. 96–99.
339. Древние связи Индии и Средней Азии (до VII–VIII вв. н.э.). — Россия и Индия. М., с. 10–25.
340. Тахти Сангин — Stone городище (1979). — АРТ. Вып. XIX (1979). Souls., с. 104–135, silt.
[Б.А.Литвинский, И.Р.Пичикян.]
341. Раскопки на Калаи Шодмон в 1979 г. — АРТ. Вып. XIX (1979 г.). Душ., с. 216–234, ил.
[Б.А.Литвинский, В.С.Соловьев.]

Аннотация: *G[renet] F.* — *Studia Iranica. Supplement X. Abstracta Iranica.* Leiden, 1987 (*Grenet F. et coll. L'Asie Centrale préislamique. Téhéran-Paris, 1987, p. 129.*)

342. Проблемы этнокультурного развития. — Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда (IV в. до н.э. — VIII в. н.э.). Тез. докл. советско-французского коллоквиума. Самарканд, 25–30 августа 1986 г. Таш., с. 53–56.
343. Antike und frühmittelalterliche Grabhügel im westlichen Ferghana-Becken, Tadžikistan. Verlag C.H.Beck. München, 1986 (Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie, Bd. 16). 172 S., 60 Abb. B.A.Litvinskij. Bibliogr. S. 162–172.
[B.A.Litvinskij.]
344. Предисловие. — Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. Под ред. Б.А.Литвинского. М., с. 3–5.
[Без подписи автора.]
345. Пещерная культовая архитектура Восточного Туркестана. — Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. Под ред. Б.А.Литвинского. М., с. 81–125, ил. Библиогр. 59 назв.
[Б.А.Литвинский, И.Р.Пичикян.]

1987

346. Древнее и раннесредневековое архитектурно-строительное дело в Восточном Туркестане (в свете археологических открытий в Средней Азии). — Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. Сб. статей. М., с. 182–222, ил.
347. История Таджикской ССР. Учебное пособие для 7–8 классов. Изд. 5, доп. Душ., 101 с.
(Совместно с А.М.Мухтаровым, часть Б.А.Литвинского — с. 1–82; имеются неучтенные в библиографии последующие изд. на рус. и тадж. яз.).
348. Mirrors. — The Encyclopaedia of Religion. Ed. by M.Eliade. Vol. 9. N. Y., L., p. 556–559.
[B.A.Litvinskii.]
349. (Religion of) the Steppes and Inner Asia. — The Encyclopaedia of Religion. Ed. by M.Eliade. Vol. 11, p. 517–522.
[B.A.Litvinskii.]
350. Sheep and Goats. — The Encyclopaedia of Religion. Vol. 13, p. 233–236.
[B.A.Litvinskii.]
351. Афганистан марказе тамыдоне кушани — Хакикат инкалабе Сур 22.11.1987 (Афганистан — центр кушанской цивилизации. — Правда Апрельской революции. № 67. 22.11).
[Интервью с Б.А.Литвинским.]
352. Проблема истории культуры Бактрии-Тохаристана в свете археологических работ в Южном Таджикистане в 1971–1980 гг. — АРТ (1980). Вып. XX. Душ., с. 15–50.

353. Археология и изучение восточного города (на примере Средней Азии). — Советское востоковедение. Проблемы и перспективы. М., с. 28–35.
354. Чокан Валиханов — исследователь Центральной Азии. — Чокан Валиханов и современность. Сб. матер. Всесоюз. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Ч.Ч.Валиханова. А.-А., с. 38–45.
355. Введение. — Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. Под ред. С.Л.Тихвинского и Б.А.Литвинского. М., с. 3–16.
356. История изучения. — Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. Под ред. С.Л.Тихвинского и Б.А.Литвинского. М., ст. 17–82.
[Б.А.Литвинский, А.П.Терентьев-Катанский.]
357. Словарь — итог тридцатилетнего труда. — Коммунист Таджикистана. 05.11.
Рец.: Карамшоев Д. Шугнанско-русский словарь. Т. 1.
358. Рец.: Kunst und Kultur entlang der Seidenstrasse. Hrsgb. von H.G.Franz. Akademische Druck- u. Verlagsanstalt. Graz, 1986. — Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 13. М. (на обложке 1987), с. 117–121.
То же, на англ. яз.: IB IASCCA. № 13. Moscow, 1987, p. 103–107.
[B.A.Litvinsky.]
359. The Common Ethnic and Cultural Background of East Turkestan and what is now Soviet Central Asia. — Oriental Studies in the USSR. Annual, 1987. Moscow, p. 183–199..
[B.A.Litvinsky.]
То же, на англ. яз.: см. № 300.
360. Гилгитский эпиграфическо-петроглифический комплекс и его значение. — Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 15. М., с. 21–29.
То же, на англ. яз.: Gilgit Epigraphic-Petroglyphic Complex and its Significance. — IB IASCCA. Issue 15. Moscow, 1989, p. 26–37.
[B.Litvinsky.]

361. Протоиранский храм в Маргиане? — ВДИ. № 1, с. 177–179.
362. Монастырская жизнь восточнотуркестанской сангхи. Буддийские церемонии. — Буддизм. История и культура. М., с. 169–189.
363. The Ecology of the Ancient Nomads of Soviet Central Asia and Kazakhstan. — Ecology and Empire. Nomads in the Cultural Evolution of the Old World. Ed. by G.Seaman. Vol. 1. Los Angeles, 1989. (Proceedings of the Soviet-American Academic Symposia. Nomads: Masters of the Eurasian steppe), p. 61–74.
[B.A.Litvinskii.]
364. Бободжан Гафурович Гафуров и его труд. — Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Изд. 2. Кн. 2. Душ., с. 331–383.

365. (Советское востоковедение и мировая наука). Колонка члена редколлегии. — НАА. № 5, с. 4–5.

1990

366. Шелковый путь, «Нара 88». — Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 16. М., с. 121–122.
То же, на англ. яз.: IB IASCCA. Moscow, 1989, p. 148–149.
367. Этногенез и этническая история народов Средней Азии и Казахстана в древности и средневековье (теоретический аспект). — Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Т. 1. Общие проблемы. М., с. 21–41.
368. Barthold, Vassily Vladimirovich. — Great Historians of the Modern Age. An International Dictionary. Ed. L.Boia. N. Y.–L., 1991, p. 531–532.
[B.A.Litvinsky.]

1991

369. Гаогуйское ханство. — Краткая история уйгуров. А.-А., с. 85–129.
370. Выступление на совместном заседании редколлегий журналов «Азия и Африка сегодня» и «Восток». — Преодоление догматизма: задачи востоковедных журналов. Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — НАА. № 4, с. 7.
371. Предисловие. — Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. Под ред. Б.А.Литвинского. М., с. 3–4.
372. Семиреченские жертвенники (индо-иранские истоки сакского культа огня). — Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. Под ред. Б.А.Литвинского. М., с. 66–87. Библиогр. 82 назв.
373. Рец.: From Alexander the Great to Kül Tegin. Ed. by J.Harmatta. Budapest, 1990 (Collection of the Sources for the History of pre-Islamic Central Asia, Ser. I. Vol. 4), 213 p., ill. — НАА. № 3, с. 211–213.

1992

374. Буддизм. — Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос. Языки. Религии. Под ред. Б.А.Литвинского. М., с. 427–507.
- 375– Манихейство. — Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос. Языки. Религии. Под ред. Б.А.Литвинского. М., с. 508–532.
376. [Б.А.Литвинский, Е.Б.Смагина.]
377. The Architecture and Art of Kafyr Kala. — Bulletin of the Asia Institute, N.S. Vol. 4 (In Honor of Richard Nelson Frye. Aspects of Iranian Culture). Michigan. Ames, p. 61–76, ill.
[B.Litvinsky, V.Solov'ev.]
378. Pantherae Antecedentes. A Corinthian Motif in Bactria. — EW. Vol. 42, № 1. Roma, p. 69–84, ill.
[B.A.Litvinskij, I.R.Pičikjan.]

379. Pastoral Tribes of the Bronze Age in the Oxus Valley (Bactria). — History of Civilization of Central Asia. Vol. 1. Ed. A.H.Dani, V.M.Masson. P., p. 379–394, ill.
[B.A.Litvinsky, L.T.P'yankova.]
380. Золотые пластины из храма Окса (Северная Бактрия). — ВДИ. № 3, с. 94–111, ил.
[Б.А.Литвинский, И.Р.Пичикян.]

1993

381. Ахеменидская рукоять с протомой грифона из храма Окса. — ВДИ. № 4, с. 67–89, ил.
[Б.А.Литвинский, И. Р.Пичикян.]
382. (Preface). — Oxus. Tesori dell'Asia Centrale. Edizione de Luca. Roma, 1993, p. VII–VIII.
[Boris A.Litvinskij.]
383. (Разделы). — Oxus Tesori dell'Asia Centrale. Edizione de Luca. Roma, 1993, passim.
384. Pamir und Gilgit — kulturgeschichtliche Verbindungen. — Antiquities of Northern Pakistan Reports and Studies. Vol. 2. Ed. by K.Jettmar in collaboration with D.König and M.Bemmann. Mainz, S. 141–150, Abb. 1–11.

1994

385. Ancient Tajikistan. Studies in History, Archaeology and Culture (1980–1991). — Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. Vol. I, № 3. E.J.Brill, p. 289–304, ill.
[B.A.Litvinsky.]
386. A Rhyton from Takhti Sangin. — Ancient Civilization from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. Vol. I, № 3. E.J.Brill, p. 353–364, ill.
[B.A.Litvinsky and I.R.Pichikyan.]
387. Cities and Urban Life in the Kushan Kingdom. — History of Civilizations of Central Asia. Vol. II. Editor: J.Harmatta, co-editors B.N.Puri and G.F.Etemadi. P., p. 291–312.
388. The Rise of Sasanian Iran. — History of Civilizations of Central Asia. Vol. II. P., p. 473–484.
[B.A.Litvinsky with contributions of M.Hussain Shah and R.Shabani Samghabadi.]

1995

389. 80-летие Галины Анатольевны Пугаченковой. — ВДИ. № 3, с. 212–213.
390. An Achaemenian Griffin Handle from the Temple of the Oxus. The Makhaira in Northern Bactria. — In the Land of the Gryphons. Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity. Ed. by A.Invernizzi. Firenze, Case editrice «Le lettere», p. 107–128, ill.
[B.A.Litvinskij, I.R.Pičikian.]

391. River Deities of Greece Salute the God of the River Oxus-Vakhsh. Achelous and Hippocampus. — In the Land of the Gryphons. Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity. Ed. by A. Invernizzi. Firenze. Case editrice «Le lettere», p. 129–149, ill.
[B.A. Litvinskij, I.R. Pichikjan.]
392. Введение. — Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Хозяйство. Материальная культура. Под ред. Б.А. Литвинского. М., с. 3–6.
393. Горное дело. Ремесло. — Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Хозяйство. Материальная культура. Под ред. Б.А. Литвинского. М., с. 7–90, ил.
[Совместно с Е.И. Лубо-Лесниченко.]
394. Бытовой инвентарь. — Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Хозяйство. Материальная культура. Под ред. Б.А. Литвинского. М., с. 255–358, ил.
395. Погребальные памятники. — Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Хозяйство. Материальная культура. Под ред. Б.А. Литвинского. М., с. 255–358, ил.
[Б.А. Литвинский, Е.И. Лубо-Лесниченко.]
396. Archaeology and Artefacts in Iron Age Central Asia. — Civilizations of the Ancient Near East. Ed. J.M. Sasson. Vol. II. N. Y., 1995, p. 1067–1084, ill.
[B.A. Litvinsky.]
397. Gold Plaques from the Oxus Temple (Northern Bactria). — Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. Vol. 2, № 2. Leiden, p. 196–219, ill.
[B.A. Litvinsky and I.R. Pichikjan.]

1996

398. Новые горизонты буддийской археологии. Рец.: *Facenna D.*, *Nabi Khan A.*, *Nadiem Insan N.* Pāñr I (Swat, Pakistan). Rome. — ВДИ. № 1. 1996, с. 180–182.
399. Introduction. — The Archaeology and Art of Central Asia. Studies from the Former Soviet Union. Ed. by B. Litvinskii and Carol Altman Bromberg. Michigan (Bulletin of the Asia Institute, N.S. Vol. 8, 1994), p. XI–XIV.
[B.A. Litvinskii.]
400. The Hellenistic Architecture and Art of the Temple of the Oxus. — The Archaeology and Art of Central Asia. Studies from the Former Soviet Union. Ed. by B. Litvinsky and Carol Altman Bromberg. Michigan, 1996 (Bulletin of the Asia Institute. N.S. Vol. 8, 1994), p. 47–66.
[B.A. Litvinskii and I.R. Pichikjan.]
401. Система источников по истории и культуре Центральной Азии (древность). — Древность: историческое знание и специфика источника. Тез. докл. конф., посвящ. памяти Эдвина Арвидовича Грантовского. М., с. 82–85.
402. Еще о буддийских памятниках Семиречья (Киргизия). — ВДИ. № 2, с. 190–195. Резюме на англ. яз., с. 193.
403. Индийский фактор в цивилизации Центральной Азии. — Азия — диалог цивилизаций. СПб., с. 155–195. Резюме на англ. яз., с. 486.
Рец.: *Петров А.М.* — Восток. № 1. 1999, с. 188.

404. Historical Introduction. — History of Civilization of Central Asia. Vol. III. The Crossroads of Civilization: A.D. 250 to 750. Ed.: B.A.Litvinsky. Co-editors: Zhang Guang-da and R.Sabani Samghabadi. P., p. 19–33.
[B.A.Litvinsky and Zhang Guan-da.]
405. The Kushano-Sasanian Kingdom. — History of Civilizations of Central Asia. Vol. III. The Crossroads of Civilizations: A.D. 250 to 750. Ed.: B.A.Litvinsky. Co-editors: Zhang Guang-da and Shabani Samghabadi. P., p. 105–118.
[A.H.Dani and B.A.Litvinsky.]
406. The Hephthalite Empire. — History of Civilizations of Central Asia. Vol. III. History of Civilizations of Central Asia. Vol. III. The Crossroads of Civilizations: A.D. 250 to 750. Ed.: B.A.Litvinsky. Co-editors: Zhang Guang-da and Shabani Samghabadi. P., p. 135–162.
407. The Later Hephtalites in Central Asia. — History of Civilizations of Central Asia. Vol. III. The Crossroads of Civilizations: A.D. 250 to 750. Ed.: B.A.Litvinsky. Co-editors: Zhang Guang-da and Shabani Samghabadi. P., p. 176–183.
[B.A.Litvinsky and N.H.Zamir Safi.]
408. Tokharistan and Gandhara under Western Turk Rule (650–750). Part Two. Languages, Literature, Architecture and Art. — History of Civilizations of Central Asia. Vol. III. The Crossroads of Civilizations. A.D. 250 to 750. Ed.: B.A.Litvinsky. Co-editors: Zhang Guan-da and R.Shabani Samghabadi. P., p. 383–401.
409. Religions and Religious Movements-I. Part Two. Manichaeism. — History of Civilizations of Central Asia. Vol. III. The Crossroads of Civilizations: A.D. 250 to 750. Ed.: B.A.Litvinsky. Co-editors: Zhang Guan-da and R.Shabani Samghabadi. P., p. 413–430.
410. Religions and Religious Movements-II. Part One. Christianity, Indian and Local Religions. — History of Civilizations of Central Asia. Vol. III. The Crossroads of Civilizations: A.D. 250 to 750. Ed.: B.A.Litvinsky. Co-editors: Zhang Guan-da and R.Shabani Samghabadi. P., p. 421–431.
411. The Arab Conquest of Iran. — History of Civilization of Central Asia. Vol. III. The Crossroads of Civilizations: A.D. 250 to 750. Ed.: B.A.Litvinsky. Co-editors: Zhang Guan-da and R.Shabani; Samghabadi. P., p. 449–457.
412. Central Asia, the Crossroads of Civilizations. — History of Civilization of Central Asia. Vol. III. The Crossroads of Civilizations: A.D. 250 to 750. Ed.: B.A.Litvinsky. Co-editors: Zhang Guang-da and R.Shabani Samghabadi. P., p. 473–490.
413. К генезису архитектурно-планировочных схем восточного эллинизма. — ВДИ. № 4, с. 3–16. Резюме на англ. яз., с. 15–16.
414. Problems of History and Culture of Eastern Turkestan (Xinjiang) in Antiquity. — Newsletter of the Circle of Inner Asian Art. SOAS. Ed. 4. L., December, 1996, p. 13–14.
[B.A.Litvinsky.]
415. The Oasis States of Central Asia. — History of Humanity. Scientific and Cultural Development. Vol. III. From the Seventh Century B.C. to the Seventh Century A.D. Ed. by J.Harmatta and E.Zürcher. P., L., N. Y., p. 461–465.
[R.N.Frye, B.A.Litvinsky.]
416. The Northern Nomads, Sogdiana and Chorasmia. — History of Humanity. Scientific and Cultural Development. Vol. III. From the Seventh Century B.C.

to the Seventh Century A.D. Ed. by J.Harmatta, E.Zürcher. P., L., N. Y., p. 466–468.
[R.N.Frye, B.A.Litvinsky.]

1997

417. Александр Македонский сражает персов (далекое эхо Сидонского саркофага в храме Окса — Северной Бактрии). — *Rendiconti. Ser. IX. Vol. VIII, fasc. I* (Atti della Accademia Nazionale dei Lincei, anno CCCXCIV, 1977. Classe di scienze morali, storiche e filologiche). Roma, 1997, p. 5–18, 6 ill. Резюме на итал. яз., p. 5.
[B.A.Litvinskij, I.R. Pichikjan.]
418. Буддизм и буддийская культура Центральной Азии (древность). — Московское востоковедение. Очерки, исследования, разработки. М., с. 55–78.
419. Превосходная библиография (рец.: *Bregel Yu.E. Bibliography of Islamic Central Asia*, pt. I–III. Bloomington, Indiana, 1995). — *Восток*. № 4, с. 176–180.
420. An Attic Shield with a Triskelion from the Temple of the Oxus (a Discovery of an Archaic Emblem from Athens in Northern Bactria). — *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology*. Vol. 4/2. Leiden, 1997, p. 109–119.
[B.A.Litvinsky, I.R.Pichikyan.]
421. Эллинистическое божество в храме Окса (Южный Таджикистан). — Верования и культы домусульманской Средней Азии. Тез. конф. Гос. Музей Востока. М., с. 34–39.

1998

422. К вопросу об истоках древней культуры Переднего Востока (Раскопки Невали-Чори). — *ВДИ*. № 1, с. 36–48.
[Совместно с Е.В.Антоновой.]
423. Читая «Древний Хорезм» (воспоминания юности). — Приаралье в древности и средневековье. К 60-летию ХАЭЭ. М., с. 22–27.
424. La civilisation de l'Asie Centrale antique. Traduit du russe par L.Vaysse. Rahden/Westf., 1998 (Archäologie in Iran und Turan, Bd. 3. Deutsches Archäologisches Institut. Eurasien Abteilung/ Mission Archéologique Française en Asie Centrale). 215 p., ill. Bibliogr., p. 186–215.
[B.A.Litvinskij.]
425. Борьба народов Средней Азии против греко-македонского завоевания. — История таджикского народа. Т. I. Древнейшая и древняя история. Под ред. Б.А.Литвинского и В.А.Ранова. Душ., с. 283, 321, 646–660.
426. Средняя Азия в селевкидское время. — История таджикского народа. Т. I. Древнейшая и древняя история. Под ред. Б.А.Литвинского и В.А.Ранова. Душ., с. 322–334, 660–664.
427. Социально-экономические отношения и структуры. — История таджикского народа. Т. I. Древнейшая и древняя история. Под ред. Б.А.Литвинского и В.А.Ранова. Душ., с. 544–562, 715–720.
428. Excavations III. In Central Asia. — *Elr. Vol. IX, fasc. 1*. N. Y., p. 96–106, map.

[B.A.Litvinskij.]

429. Excavations IV. In Chinese Turkestan. — Elr. Vol. IX, fasc. 1. N. Y., p. 106–112, map.
[B.A.Litvinskij.]
430. Бхита. — Энциклопедия Пакистана. Отв. ред. Ю.В.Ганковский. М., с. 154–155.
431. Удергам. — Энциклопедия Пакистана. Отв. ред. Ю.В.Ганковский. М., с. 154–155.
432. Канишка. — Энциклопедия Пакистана. Отв. ред. Ю.В.Ганковский. М., с. 178–179.
433. Кушанская империя. — Энциклопедия Пакистана. Отв. ред. Ю.В.Ганковский. М., с. 179–181.
434. The Ionic Capital from the Temple of the Oxus (Northern Bactria). — *Iranica Antiqua*. Vol. XXXIII. Gent, 1998, p. 233–258, ill.
[B.A.Litvinsky and I.R.Pichikian.]
435. Archaeology and Pre-Islamic Art. — *Iranian Studies*. Vol. 31, № 3–4 (Encyclopaedia Iranica: A Review Issue). Dexter, Mich., p. 333–348.
Рец. на: «Encyclopaedia Iranica», vol. I–VII.
[B.A.Litvinsky.]

1999

436. Читая «Скифский роман». Рец.: Скифский роман. Под общ. ред. Г.М.Бонгард-Левина. М., 1997. — ВДИ. № 1, с. 213–215.
437. Die Geschichte des Buddhismus in Ostturkestan. Wiesbaden. 1999 (Studies in Oriental Religions. Ed. by W.Heissig and H.-J.Klimkeit. Vol. 44). 130 S. Bibliogr. S. 103–130.
[Boris A.Litvinsky.]
438. Ж.-А.Кастанье — исследователь-ученый или любитель-краевед? — *Восток*. № 1, с. 147–155.
439. Эллинские мелодии на берегах Окса. — VI чтения памяти профессора В.Д.Блаватского. К 100-летию со дня рождения. Тез. докл. 21–22 мая 1999 г. М., с. 68–70.
440. Бободжан Гафурович Гафуров — основоположник таджикской исторической науки. — В масштабе века. Сб. воспоминаний о Б.Г.Гафурове — ученом, политике, гражданине. М.
441. Истоки саманидской цивилизации. — 1100-летию образования государства Саманидов. Матер. междунар. конф. 28–29 апреля 1999 года. СПб. Под ред. Э.Ш.Рахмонова, с. 19–24.
442. Le temple de l'Oxus et ses trésors. — *Dossiers d'archéologie*, № 247 (Le Bactriane de Cyroa à Timure (Tamerlan). P., p. 70–74.
[Boris A.Litvinskij.]
443. Предисловие. — Древний Египет: язык — культура — сознание. По матер. египтологической конф. 12–13 марта 1998 г. М., с. 7–8.
[Б.А.Литвинский, О.И.Павлова.]
444. Восточный Туркестан: исторические судьбы населения. *Eastern Turkestan: Peoples' Historical Fate*. — *Энергия Казахстана*. А.-А., № 4, с. 49–54.
(Параллельный текст на рус. и англ. яз.)

445. Handles and Ceremonial Scabbards of Greek Swords from the Temple of the Oxus in Northern Bactria. — EW. Vol. 49, № 1–4. Roma, p. 47–104, ill. [Boris A.Litvinskij, I.Pičikjan.]
446. Греческие флейты (авлосы) в Глубинной Азии. — Acta Iranica. Vol. 34. Textes and Memoires. Vol. XIX. In Aedibus Peeters. Lovanii, с. 519–542, ил. Резюме на англ. яз.

2000

447. Защитный доспех на Ближнем Востоке во II тыс. до н.э. (письменные источники и археологические данные). — У времени в плену. Памяти Сергея Сергеевича Цельникара. Сб. статей. М., с. 106–120.
448. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М. 503 с. Резюме на англ. яз., ил. [Б.А.Литвинский, И.Р.Пичикян.]
449. Архитектура и строительное дело. — Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура. Искусство. Костюм. Музыкальная культура. Под ред. Б.А.Литвинского. М., с. 13–217, ил.
450. Введение. — Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура. Искусство. Костюм. Музыкальная культура. Под ред. Б.А.Литвинского. М., с. 4–12.
451. Гелиос в храме Окса. — ВДИ. № 1, с. 57–64, ил.
452. Бактрийский храм Окса и восточноиранский эллинизм. Проблемы и гипотезы. — ВДИ. № 2, с. 213–221.
453. Штрихи воспоминаний [о М.С.Асимове]. — Эхёи Ачам. — Хучанд, 2000, № 2–3 (7), с. 31–33.
454. Gafurov Bobodzhan Gafurovitch — Elr. Vol. X, fasc. 3. N. Y., p. 252–253.
455. Бактрийцы на охоте. — Древность: историческое знание и специфика источника. Матер. конф., посвящ. памяти Э.А.Грантовского. М., с. 87–88.
456. Медные котелки из Индостана и Памира (древние связи двух регионов). — Археология, палеоэкология и палеогеография Евразии. Сб. статей. М., с. 277–284, ил.
457. Helmets in Ancient Bactria and Adjacent Regions (Typology and History). — IB IASCCA. Issue 22. Moscow, p. 64–95.
458. Щит типа тюркос в Бактрии. — Средняя Азия. Археология. История. Культура. Матер. междунар. конф., посвящ. 50-летию науч. деятельности Г.В.Шишкиной. Государственный музей Востока. М., 14–16 декабря 2000 г., с. 221–224.
459. A Golden Ring With Horseman Incised on its Turquoise. — Parthica. Incontri di culture nel mondo antico. № 2. Chief Ed. A.Invernizzi. Pisa and Rome, p. 125–130.
460. A Finial from the Temple of the Oxus. — Parthica. Incontri di culture nel mondo antico. № 2. Chief Ed. A.Invernizzi. Pisa and Rome, p. 131–144.

461. Елена Ефимовна Кузьмина — выдающийся исследователь археологии, истории и культуры Евразии. — Елена Ефимовна Кузьмина. LXX. Библиография печатных работ. М., с. 7–13.
462. К проблеме происхождения акинака. — Миф. 7. На акад. Дмитри Сергеевич Раевски. Ἀποτέλις. София, с. 48–60.
463. The Bactrian Ivory Plate with a Hunting Scene from the Temple of the Oxus. — Silk Road Art and Archaeology. Т. 7. Kamakura, с. 137–166, ill.
464. Библиографические идеи Евгения Карловича Бетгера и современность. — Евгений Карлович Бетгер (по материалам конференции к 110-летию со дня рождения). Таш., с. 20–27.
465. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М. Резюме на англ. яз., ил.

РАБОТЫ, РЕДАКТИРОВАННЫЕ Б.А.ЛИТВИНСКИМ

1. Доклады Академии наук Таджикской ССР. — Сталинабад, 1954. № 11. АРТ (1953 г.) 85 с., ил.
2. АРТ в 1954 году. Сталинабад, 1956. 123 с., ил., 3 л. табл. Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ. Т. 37.
3. АРТ в 1955 году. Сталинабад, 1956. 127 с., ил., 2 л. ил. Тр. АН ТаджССР ИИАЭ. Т. 63.
4. Дьяконов М.М. У истоков древней культуры Таджикистана. Сталинабад, 1956. 138 с., ил. Библиогр. с. 135–137.
5. Негматов Н. Усрушаи в древности и раннем средневековье. Сталинабад, 1957. 160 с., 1 л. карт. Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ. Т. 55.
6. Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР. Сталинабад, 1958. Вып. 3. 74 с., 21 л. ил.
7. АРТ в 1956 году. Вып. 4. Сталинабад, 1959. 193 с., ил., 1 л. табл. Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ. Т. 91.
8. АРТ в 1957 году. Вып. 5. Сталинабад, 1959. 193 с., ил., 2 л. табл. Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ. Т. 103.
9. АРТ (1958 г.). Вып. 6. Сталинабад, 1961. 180 с., ил., 6 л. табл. Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ. Т. 27.
10. АРТ (1959 г.). Вып. 7. Душ., 1961. 184 с., ил., 8 л. табл. Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ. Т. 31.
11. АРТ (1960 г.). Вып. 8. Душ., 1962. 16 с., ил. Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ. Т. 34.
12. Акрамов Н.М. Выдающийся русский востоковед В.В.Бартольд: Науч.-биограф. очерк. Душ., 1963. 112 с., 7 л. портр.
13. История таджикского народа. Т. I. С древнейших времен до V в. н.э. М., 1963. 596 с., ил., карт.
[Под ред. Б.Г.Гафурова, Б.А.Литвинского.]
14. Лейви Д.С., Назарова Н.С. Наука в Советском Таджикистане: Библиогр. указ. 1951–1960 гг. Душ., 1963. 122 с.
15. Сайко Э.В. Глазури керамики Средней Азии VIII–XII вв. (По материалам керамических комплексов Хутталя, Согда, Ферганы). Душ., 1963. 138 с. Тр. АН ТаджССР. Т. 36.

16. АРТ. Вып. 9 (1961 год). Душ., 1964. 140 с. Тр. АН ТаджССР. Т. 42.
17. История таджикского народа. Т. 2. Кн. 1. Возникновение и развитие феодального строя (VI–XVI вв.). М., 1964. 492 с., ил., карт.
[Б.А.Литвинский в составе редколлегии.]
18. История таджикского народа. Т. 2. Кн. 2. Поздний феодализм (XVII в. — 1917 г.) М., 1964. 356 с., ил., карт.
[Б.А.Литвинский в составе редколлегии.]
19. История таджикского народа. Т. 3. Кн. 1. Переход к социализму (1917–1937 гг.) М., 1964. 376 с., ил., карт.
20. История таджикского народа. Т. 3. Кн. 2. Период социализма и переход к коммунизму. М., 1965. 283 с., ил., карт.
[Б.А.Литвинский в составе редколлегии.]
21. История Таджикской ССР. Учеб. пособие для вузов. Душ., 1965. 451 с.
[Б.А.Литвинский в составе редколлегии.]
22. *Ранов В.А.* Каменный век Таджикистана. Вып. 1. Палеолит. Душ., 1965. 121 с., 22 с. ил. Резюме на франц. яз.
23. *Шевченко З.М., Лейви Д.С.* Библиография библиографий Таджикистана. Душ., 1966. 167 с.
24. Материальная культура Таджикистана. Душ., 1968. Вып. 1. 243 с., ил., 1 л. табл.
25. Материальная культура Таджикистана. Душ., 1971. Вып. 2. 200 с., ил.
26. *Гафуров Б.Г.* Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. 664 с., 9 л. ил., 4 л. карт. Библиогр. с. 586–628.
27. *Пьянков И.В.* Древний Самарканд (Мараканды) в известиях античных авторов (Собрание отрывков и комментарии). Душ., 1972. 60 с.
28. *Акрамова Х., Акрамов Н.* Востоковед Михаил Степанович Андреев (Науч.-биограф. очерк). Душ., 1973. 223 с., портр.
29. АРТ (1970 г.). Вып. 10. М., 1973. 364 с., ил.
30. *Бабаев А.Д.* Крепости древнего Вахана. Душ., 1973. 164 с., ил.
31. *Ранов В.А., Несмеянов С.А.* Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душ., 1973. 161 с., 6 л. табл. Библиогр. с. 155–160.
32. *Акрамов Н.М.* Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья в трудах Б.Л.Громбчевского. Душ., 1974. 171 с.
33. *Писарчик А.К.* Народная архитектура Самарканда XIX–XX вв. (по материалам 1938–1941 гг.). Душ., 1974. 139 с., 114 с., ил.
34. АРТ (1971 г.). Вып. 11. Душ., 1975. 264 с., ил.
35. *Бубнова М.А.* Добыча полезных ископаемых в Средней Азии в XVI–XIX вв. М., 1975. 112 с. Библиогр. 452 наз.
36. *Пьянков И.В.* Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. (Текст, пер., примеч.). Душ., 1975. 191 с.
37. АРТ (1972 г.). Вып. 12. Душ., 1976. 213 с., ил.
38. История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976. 206 с., ил.
[Под ред. Б.Г.Гафурова, Б.А.Литвинского.]
39. АРТ (1973 г.). Вып. 13. Душ., 1977. 277 с., ил.
40. Средняя Азия в древности и средневековье (История и культура). М., 1977. 224 с., ил.
[Под ред. Б.Г.Гафурова, Б.А.Литвинского.]

41. Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (III тысячелетие до н.э.). Тр. Междунар. симпоз. по этн. пробл. истории Центральной Азии в древности (III тыс. до н.э.). Душ., 17–22 окт. 1977. М., 1981. 374 с.
[В составе редколлегии.]
42. Древность и средневековые народы Средней Азии (История и культура). М., 1978. 172 с., ил.
43. Материальная культура Таджикистана. Душ., 1978. Вып. 3. 306 с., ил.
44. АРТ (1974 г.). Вып. 14. Душ., 1979, 393 с., ил.
45. Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979. 191 с., ил.
[Под ред. Б.Г.Гафурова, Б.А.Литвинского.]
46. АРТ (1975 г.). Вып. 15. Душ., 1980. 367 с., ил.
47. Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (История и культура). М., 1981. 182 с., ил.
48. Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (История и культура). М., 1981. 183 с., ил. 1, карт.
[Под ред. Б.А.Литвинского.]
49. АРТ (1976 г.). Вып. XVI. Душ., 1982. 355 с., ил.
50. Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983. 140 с., ил.
[Под ред. Б.А.Литвинского.]
51. Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тез. докл. конф., посвящ. 10-летию ЮТАКЭ. М., 1983. 91 с.
52. АРТ (1977 г.). Вып. XVII. Душ., 1983. 316 с., ил.
53. Шедевры древнего искусства и культуры Таджикистана. Матер. ЮТАЭ. Каталог выставки. М., 1983. 80 с., ил.
54. Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М., 1984. 206 с., ил.
Рец.: *Brentjes B.* — CAJ. Vol. 29. № 3–4. Wiesbaden, 1985, s. 304–305.
55. Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984. 262 с., ил.
56. Пичикян И.Р. Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984. 294 с., ил.
57. Памироведение (сб. ст.). Вып. 1. Душ., 1984. 205 с. с ил.
[В составе редколлегии.]
58. АРТ (1978). Вып. XVIII. Душ., 1984. 375 с. с ил.
59. Альбом «Киргизия». М., 1985.
[Консультант, совместно с В.М.Плоским.]
60. Памироведение. Вып. II. Душ., 1985. 327 с., ил.
[В составе редколлегии.]
61. Этнография Таджикистана. Сб. ст. Душ., 1985. 148 с., ил.
62. Д.С.Лейви, М.А.Бубнова. История Таджикистана (Указатель советской литературы 1917–1983). Т. I. История исторической науки. Вспомогательные исторические дисциплины. Антропология. Этнография. Душ., 1986. 348 с.
[Под ред. Б.И.Искандарова и Б.А.Литвинского.]
Рец.: *Brentjes B.* — CAJ. Vol. 32. № 3–4, 1988, S. 300.

63. *Лейви Д.С., Бубнова М.А.* История Таджикистана (Указатель советской литературы 1917–1983). Т. 2. Археология. Вспомогательные указатели. Душ., 1986. 376 с.
[Под ред. Б.И.Искандарова и Б.А.Литвинского.]
64. АРТ (1979 г.). Вып. XIX. Душ., 1986. 479 с.
[Отв. редакторы Б.А.Литвинский, Н.Н.Негматов, В.А.Ранов.]
65. Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986. 253 с., ил.
[Под ред. Б.А.Литвинского.]
66. Советское востоковедение. Проблемы и перспективы. М., 1988. 500 с.
[В составе редколлегии.]
67. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М., 1988. 452 с.
[Под ред. С.Л.Тихвинского и Б.А.Литвинского.]
68. Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Тез. докл. Всесоюзн. конф. 20–23 ноября 1988 г. М., 1988. 140 с.
[Б.А.Литвинский — отв. редактор в составе редколлегии.]
69. АРТ (1980). Вып. XX. Душ., 1988. 452 с., ил.
[Совместно с Н.Н.Негматовым и В.А.Рановым.]
70. АРТ (1981). Вып. XXI. Душ., 1989. 415 с., ил.
[Совместно с Н.Н.Негматовым и В.А.Рановым.]
71. *Гафуров Б.Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Кн. 1. Изд. II. Душ., 1989. 382 с., ил.; кн. 2. Душ., 1989. 480 с., ил.
72. *Чвырь Л.А.* Уйгуры Восточного Туркестана и соседние народы в конце XIX — начале XX в. Очерки историко-культурных связей. М., 1990. 301 с., ил.
73. АРТ (1982 г.). Вып. XXII. Душ., 1990. 375 с., ил.
[Совместно с В.А.Рановым и Н.Н.Негматовым.]
74. Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. I. Общие проблемы. М., 1990. 118 с.
[Совместно с Т.А.Жданко.]
75. *Антонова Е.А.* Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М., 1990. 286 с., ил.
76. Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. II. История и археология. М., 1990. 138 с.
[Совместно с Т.А.Жданко.]
77. *Шеркова Т.А.* Египет и Кушанское царство (торговые и культурные контакты). М., 1991. 193 с., ил.
78. Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. III. Этнография. М., 1991. 129 с.
[Совместно с Т.А.Жданко.]
79. Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М., 1991. 236 с., ил.
[Под ред. Б.А.Литвинского.]
80. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос. Языки. Религии. М., 1992. 686 с. Резюме на англ. яз., с. 687.
[Под ред. Б.А.Литвинского.]

81. *Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Ранние скифы и Древний Восток. К истории становления скифской культуры. М., 1992. 261 с., ил.
82. АРТ (1985 г.). Вып. XXV. Душ., 1994. 294 с., ил.
[Под ред. Б.А.Литвинского, Н.Н.Негматова, В.А.Ранова.]
83. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Хозяйство, материальная культура. М., 1995. 552 с., ил.
84. The Archaeology and Art of Central Asia. Studies from the Former Soviet Union. Michigan, 1996 (Bulletin of the Asia Institute. N.S. Vol. 8, 1994). 341 p., ill.
[Ed. by B.A.Litvinski and Carol Altman Bromberg.]
85. History of Civilizations of Central Asia. Vol. III. The Crossroads of Civilizations: A.D. 250 to 750. Ed.: B.A.Litvinsky. Co-editors: Zhang Guang-da and Shabani Samghabadi. Multiple History Series. UNESCO. P., 1996. 568 p., ill., maps.
86. Азия — диалог цивилизаций. СПб., 1996. 495 с. Резюме на англ. яз., с. 481–491.
[Совместно с Е.В.Антоновой.]
87. *Соловьев В.С.* Раннесредневековая керамика Северного Тохаристана. Елец, 1996. 83 с. Резюме на англ. яз., с. 81–82, 48 рис., 4 табл.
88. *Соловьев В.С.* Северный Тохаристан в раннем средневековье. Елец, 1997. 210 с., 93 рис.
89. История таджикского народа. Т. I. Древнейшая и древняя история. Душ., 1998. 751 с., ил.
[Под ред. Б.А.Литвинского и В.А.Ранова.]
90. *Мейтарчиян М.Б.* Погребальный обряд зороастрийцев. М., 1999. 242 с., ил.
91. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура. Искусство. Костюм. М., 2000. 584 с., ил.
[Под ред. Б.А.Литвинского.]

Составители библиографии
Д.С.Лейви и М.Б.Мейтарчиян

Р.М.Масов, В.А.Ранов

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ АРХЕОЛОГИИ

Известный исследователь древностей Индии Х.Д.Санкалия в свое время написал автобиографическую книгу «Рожденный для археологии» [Sankalia 1978]. Можно не сомневаться ни минуты, что наш юбиляр был бы выдающимся химиком, физиком или биологом и обязательно достиг бы больших высот во всех сферах науки. Б.А.Литвинский самой природой как бы запрограммирован на большой успех в жизни, а судьба выбрала для него прекрасное, романтическое поле деятельности — археологию. Так что, по всей вероятности, он, как и Х.Д.Санкалия, был рожден именно для археологии.

Прожить три четверти века, пережив войну, в самом пекле которой он побывал, командуя взводом автоматчиков и закончив ее ранением на Оudere (о его ратном подвиге свидетельствует самая «окопная» награда — орден Красной Звезды и медали), трудный в материальном отношении восстановительный период, перестройку, и при этом сохранить свежесть мысли, энтузиазм, неиссякаемый интерес к своей науке, способность, несмотря на преклонный возраст, работать по 12–16 часов в сутки — это уже само по себе выдающееся достижение, можно сказать, жизненный подвиг. И недаром он удостоен самых высоких степеней и научных званий. К своему юбилею Б.А.Литвинский — академик Академии наук Республики Таджикистан, действительный член Российской Академии естественных наук, иностранный член Академии Национале дей Линчеи в Италии, которая была образована еще в начале XVII в., член многих редколлегий самых престижных мировых журналов и энциклопедий. А научный стаж профессора Б.А.Литвинского насчитывает более 50 лет.

И все эти годы отданы им беззаветному служению среднеазиатской, а позднее уже центральноазиатской (в широком смысле) археологии, широкому спектру исторических и культурных связей Центральной Азии с окружающими странами. Археология Индии, Ирана, Афганистана, Синьцзяна, Ближнего Востока и эллинистического мира так же хорошо знакома ему, как материалы собственных раскопок. Да и не только археология. Фундаментальностью отличаются его знания в области лингвистики, этногенеза, антропологии и этнографии. И если в начале научной карьеры Б.А.Литвинского его кругозор в известной степени ограничивался среднеазиатскими аналогиями, то в дальнейшем, в процессе его созревания как ученого, пришла способность видеть ту или иную историческую

проблему в целом, в ее временной динамике с полным пониманием значения того или иного исторического события в длинной череде лет. Особое место в деятельности этого выдающегося ученого всегда занимал Таджикистан, которому отдано 20 лет его неутомимой научной деятельности (1951–1971). Но это только, так сказать, формальное время жизни ученого в Душанбе, а фактически Таджикистан постоянно продолжает находиться в сфере его научных интересов, и это человек, который всегда держит руку на пульсе археологии нашей республики.

В 1951 г. была создана Академия наук Таджикистана, и с самого начала ее деятельности по предложению двух выдающихся востоковедов того времени — Б.Г.Гафурова и А.А.Семенова — сектор археологии возглавил совсем молодой, еще не перешагнувший рубеж тридцатилетия, кандидат исторических наук Борис Анатольевич Литвинский. С полным правом мы можем назвать его создателем археологии Таджикистана, поскольку все предыдущие исследования на территории нашей республики проводились ленинградскими учеными, начавшими свою плодотворную деятельность сразу после окончания второй мировой войны, в 1946 г. Но это были работы, сосредоточенные лишь в двух пунктах — в Пенджикенте и Кобадияне и в небольшой степени на Памире, так что перед молодым ученым лежала целая страна, ждущая своего исследователя. О некоторых памятниках, таких, как знаменитый в дальнейшем Хульбук, было известно, но большинство районов республики еще не было тронуту лопатой археолога. Перед молодым ученым лежала почти не изученная с этой точки зрения страна, и ему страстно хотелось работать, чтобы поскорее сбросить покровы таинственности с самых древних, покрытых вековой пылью археологических памятников.

И это было действительно начало. В сентябре 1951 г., когда ныне знаменитый археолог выехал в свою первую на территории Таджикистана экспедицию, его сопровождали всего два участника работ: жена, уже известный среднеазиатский археолог и нумизмат, кандидат исторических наук Е.А.Давидович (сейчас заслуженный деятель науки Таджикистана) и студент второго курса исторического факультета Таджикского университета В.А.Ранов, ныне главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша. А перед началом перестройки, приведшей таджикскую археологию почти к полному уничтожению, отдел археологии состоял из 23 сотрудников, из которых два имели степень доктора исторических наук и четверо — кандидата исторических наук. Каждый полевой сезон за ворота института выезжало 12–13 археологических отрядов, охватывавших своими исследованиями всю территорию Таджикистана — от поднятых на заоблачную высоту межгорных долин Восточного Памира до опаленных нестерпимым летним солнцем приамударьинских песков. Археологи института буквально вгрызались в невероятную толщу веков, год за годом раскрывая прошлое таджикского народа, начиная от каменного века вплоть до позднего средневековья. Южно-Таджикская археологическая экспедиция, организованная по инициативе Б.А.Литвинского, стала его любимым детищем, которому он отдал много душевных и физических сил. Сейчас на территории совсем недавно охваченного военными конфликтами многострадального Таджикистана ЮТАЭ продолжает археологические исследования. Через всю эту череду лет длиной в целую человеческую жизнь таджикская археология прошла под руководством Б.А.Литвинского, который более двух десятилетий не только лично возглавлял полевые работы, но и помогал другим археологам — начальникам отрядов правильно оценить добытый материал и подготовить его к публикации.

Полевые работы сотрудников сектора археологии, руководимого Б.А.Литвинским, а затем его учеником В.А.Рановым, проводились с большим энтузиазмом и на высоком уровне ответственности.

В неопубликованной, к большому сожалению, рукописи, посвященной своему творческому пути, Б.А.Литвинский вспоминает о начальных годах своей археологической деятельности в Таджикистане следующим образом: «Денег для исследований выделялось очень мало, старые разбитые машины рейсовых автобаз, которые водили лихие, часто презирающие всякие правила дорожного движения шоферы, ломались буквально на каждом десятке километров, автомобильные дороги во многие районы только прокладывались, и в лучшем случае ездить приходилось по щебенке (дорога от Душанбе до Куляба занимала два дня!), а в худшем — машина с трудом разворачивалась на рискованном витке узких перевалов. Ведомые своими начальниками, близкие к ним по возрасту, сотрудники археологических отрядов не думали ни об отдыхе, ни о минимальном комфорте».

Действительно, с полным правом это время можно назвать «героическим периодом» таджикской археологии. Работали всегда полный световой день, нарушая все советские трудовые законодательства, о выходных днях (даже об одном!) никто и мечтать не мог. Старались использовать буквально каждую минуту для работы, а «банный день» всегда вызывал головную боль у начальника отряда, неизменно видевшего в нем неоправданную трату времени. С восторгом познавали участники экспедиций замечательную страну — Таджикистан, тогда еще во многом сохранявшую условия старого быта. Так, в 1952 г. археологи работали в удивительно красивой и в то время почти нетронутой современной цивилизацией долине р. Ниоб в Даштиджумском районе, и там практически не было фаянсовой покупной посуды, ее делали из глины старые женщины, расписывая по поверхности красивыми узорами.

Приходили и первые открытия, заполнявшие еще пустые страницы древней истории таджиков: Хульбук, Кухна-Кала, сакские курганы на Памире, с каждым годом накапливались все новые и новые материалы. Выезда на полевые работы ждали как большого праздника.

В таком ритме трудились вместе с Б.А.Литвинским и его первые ученики — Э.Г.Гулямова, Т.И.Зеймаль, В.А.Ранов, а затем появилась и вторая генерация таджикских археологов, прошедших замечательную школу прекрасного педагога и внимательного старшего товарища, — А.А.Абдуллаев, А.Д.Бабаев, Х.Мухитдинов, Л.Т.Пьянкова, В.С.Соловьев и другие. Трое из них — А.Д.Бабаев, В.А.Ранов и В.С.Соловьев — ныне доктора наук, а много работавший с Б.А.Литвинским в экспедициях Ю.Я.Якубов — чл.-кор. АН Республики Таджикистан. Каждый из них нашел свою научную нишу благодаря советам и помощи Б.А.Литвинского.

Остановимся лишь на некоторых раскопках, которыми руководил Б.А.Литвинский. Первыми работами, проведенными в Таджикистане, были раскопки замка Калаи Боло (Замурад Шах) в Исфаринском районе, которые ученый провел вместе с Е.А.Давидович. К сожалению, величественные остатки этого замка, который вполне бы мог стать туристической достопримечательностью Таджикистана, были скрыты каким-то рьяным администратором, решившимся за счет этого замечательного памятника увеличить сельскохозяйственные угодья. Замок пережил много исторических периодов, возможно начиная с кушанского времени, его архитектурные конструкции указывают, что современный вид он

приобрел в I–VIII вв., а наибольшее количество материала осталось от X–XII вв. Среди находок с Калаи-Боло особо знаменита люстровая чаша иранского происхождения, на дне которой изображено фантастическое существо с человеческим лицом. Во время раскопок произошел небольшой казус, которыми так богата археологическая практика. Начальник отряда назначил премию за каждую найденную рабочим монету — 25 руб., в то время сумму для простого человека значительную (платил начальник из своего кармана). И все шло хорошо, рабочие старательно просматривали вынутую при раскопках землю, и редкие находки монет сопровождались веселыми возгласами. Причем радовались все: археологи, удачливый находчик и за компанию все остальные. И вдруг один из рабочих наткнулся на... монетный клад, в котором было много десятков монет! О выплате такой суммы не могло быть и речи, она превышала всю смету экспедиции! Возник серьезный конфликт, уладить который удалось с большими трудностями дипломатическим путем. Больше Б.А.Литвинский подобных премий никогда не назначал!

В 1954–1956 гг. Б.А.Литвинский руководил масштабными работами по изучению памятников эпохи бронзы и раннего железа в пустыне Кайрак-Кум — удивительном кусочке настоящей среднеазиатской пустыни, протянувшемся по правому берегу Сыр-Дарьи от современного Худжанда до Канибадама и ныне почти полностью скрытом водами Кайраккумского водохранилища. Трудности, с которыми столкнулись археологи, здесь были значительными. Иссущающая жара, сильные ветры, подымавшие с окружающих барханов тучи пыли, огромные пауки-фаланги, бегавшие по палатке и непостижимым образом забиравшиеся в завязанные рюкзаки, невероятное количество комаров по вечерам и многое другое, что требовало большого физического напряжения, а иногда и незаурядного мужества. Разведочный отряд в составе Э.Г.Гулямовой и В.А.Ранова в поисках новых поселений преодолел пешим ходом более 700 км по пустыне. Результаты работ были впечатляющими: в западной части Ферганы был открыт ранее неизвестный очаг обитания степных племен эпохи бронзы, одно из первых свидетельств миграций легендарных «ариев» из северных степей в Среднюю Азию. Работа в Кайрак-Кумах создала прекрасную возможность для изучения истории индоиранских племен эпохи бронзы и непосредственно в Таджикистане. Подобная тематика волновала ученого всегда, и этот интерес нашел отражение в его исследованиях вахшской культуры эпохи бронзового века в низовьях рек Вахш и Кызылсу в 1961–1967 гг., которые он проводил вместе со своими учениками Л.Т.Пьянковой и Х.Ю.Мухитдиновым. Нужно сказать, что именно исследования Б.А.Литвинского легли в основу концепции раздела, посвященного арийской проблеме в книге Б.Г.Гафурова.

Конец 50-х годов застает Б.А.Литвинского на Восточном Памире. Казалось, что после работы в Кайрак-Кумах больших физических нагрузок Б.А.Литвинскому и его сотрудникам переживать не придется, но дело в том, что Памир тоже «не подарок», особенно когда приходится раскапывать курганы на высоте 4000 и более метров над уровнем моря. И если на берегах Сыр-Дарьи археологи изнывали от жары, то на Восточном Памире немало пришлось пострадать от леденящих ветров и холода, когда даже в палатке вода в чайнике превращалась в лед. Но итоги раскопок полностью окупили все трудности. Б.А.Литвинский написал одну из самых значительных своих книг, посвященную истории памирских саков, кочевых племен индоиранского происхождения, населявших север

Средней Азии во второй половине I тысячелетия до н.э. Он убедительно показал, что памятники памирских саков — это следы переселений сакских племен из Средней Азии в Индию, где они и образовали знаменитое «ведическое» общество и идеологию, во многом лежащую в основе современной индуистской религии.

Заметное место в мировой буддологии заняли знаменитые теперь раскопки буддийского монастыря Аджина-Тепе, замечательного памятника раннего средневековья, расположенного недалеко от города Курган-Тюбе. Они продолжались практически без перерыва 15 лет (1960–1975), и монастырь был раскопан полностью — до последней комнаты! Нужно сказать, что это уникальный случай в археологии азиатских стран, обычно раскопкам подвергается лишь храмовая половина, да и то, как правило, не полностью, тогда как кельи монахов и другие постройки монастырской половины остаются нераскопанными. Теперь, после раскопок Б.А.Литвинского и его аспирантки Т.И.Зеймаль (ныне заместитель заведующего Отделом Востока Государственного Эрмитажа), можно полностью реконструировать архитектуру этого монастыря, в котором, повторяя классические каноны религиозной структуры буддизма, в строительных приемах хорошо прослеживается местная традиция. Особенное место в раскопках Аджина-Тепе занимала реставрация найденных в процессе работы религиозных реликвий, фрагментов настенной живописи и многих остатков скульптуры. Она производилась как бригадой реставраторов Эрмитажа, так и группой местных реставраторов, для которых работа на Аджина-Тепе была прекрасной школой. И именно их самоотверженная работа помогла сохранить удивительные шедевры искусства раннего средневековья. Лучшие находки из Аджина-Тепе демонстрировались на международных выставках в Санкт-Петербурге, Германии, Швейцарии, Японии. Можно добавить, что именно в Таджикистане была найдена самая большая в мире глиняная скульптура «Будда в нирване», которая с постаментом имеет 14 м в длину. Вот как описывают авторы монографии об Аджина-Тепе часть церемонии посещения храма верующими: «Слышались звуки музыки и пения — ими сопровождалась церемония *pradaksina*. И на совершающих обход взирали со сводчатого потолка слабо видные, но тем не менее внушавшие благоговейное уважение изображения сидящих рядами, один над другим, сотен будд. Они сопровождали процессию все время, царили над ней, исчезая во мраке бесконечности в верхней части свода. Наконец процессия достигала помещения, где лежал „Будда в нирване“. Между стеной и постаментом оставалось узкое пространство. Здесь проходили по одному. Свет светильника ярко освещал небольшие части гигантской скульптуры. Нетрудно представить, что она производила глубокое впечатление на верующих» [Литвинский, Зеймаль 1971, с. 135]. Можно смело сказать, что, как и знаменитый буддийский монастырь Кара-Тепе около Термеза, памятник, раскопанный Б.А.Литвинским, лег в основу наших представлений о распространении и характере буддизма в Средней Азии. Чуть позднее Б.А.Литвинским был изучен небольшой, но очень интересный буддийский храм на городище Калаи-Кафирниган недалеко от Душанбе. Этот храм прославился фрагментом настенной живописи, на которой, как и на фресках Аджина-Тепе, изображена процессия донаторов, несущих цветы. Имеются здесь и скульптурные произведения. Под общим руководством Б.А.Литвинского его ученица Т.И.Зеймаль раскопала остатки буддийского монастыря Уштур-Мулло в низовьях Кафирнигана.

Нами упомянуты только главные, самые важные раскопки Б.А.Литвинского. А было еще много других открытий, много разведочных маршрутов. Даже простое их перечисление составит внушительный список. Это и изучение древних рудников в Зирабулакских и Зиядинских горах Узбекистана, которому, кстати, посвящена первая печатная публикация из многих сотен последующих. И работы на Старой Нисе в Туркмении, всемирно известном памятнике, где будущий академик познавал азы археологических полевых исследований. Разведки и раскопки средневековых поселений в области Нисы стали темой его кандидатской диссертации. Он один из первых исследователей замечательных первобытных памятников Туркмении, автор раскопок, проведенных в 1949–1950 гг. на памятнике эпохи энеолита и бронзы Намазга-депе, который впоследствии лег в основу стратиграфии этих эпох на юге Средней Азии. Много времени отобразило широко задуманное обследование многих районов Кулябской, Курган-Тюбинской и Ленинабадской областей. Приходится только сожалеть, что задуманная тогда археологическая карта Таджикистана так и не была выполнена. В 1952–1953 гг. был проведен учет 30-километровой зоны между городищем Хульбук (кишлак Курбаншаид) и городом Куляб, на этом сравнительно небольшом участке находилось 150 археологических объектов, в 80-х же годах археологи вновь вернулись к составлению археологической карты, зафиксировав только шесть. Индустриализация сельского хозяйства, коренным образом изменившая вид республики, превратила ее в процветающий край с высокоинтенсивным хлопководством, вместе с тем нанесла непоправимый урон историческим памятникам. В погоне за новыми гектарами для хлопковых полей стальные ножи мощных машин безжалостно снесли с лица земли сотни тепе, и трудно себе представить, сколько замечательных памятников истории таджикского народа исчезли без всякого их изучения. Проблема, связанная с археологической картой, правильно поставленная Б.А.Литвинским, до сих пор еще не разрешена. Пока опубликован только один том и 7 выпусков подготовлено к печати, однако из-за тяжелого финансового положения опубликовать их нет возможности.

Не менее важной была работа с могильниками кочевников в Ворухе, и очень большое и интересное предприятие — раскопки знаменитых «муг-хона», или курумов, своеобразных курганов кочевников, имеющих вид кучи камней, среди которых иногда попадаются и целые, необрушившиеся курганы, которые имели вид каменных округлых домиков с оригинально построенным куполом. Надо сказать, что работа в курумах была не из приятных и требовала определенного мужества — в отдельных курумах камни угрожающе нависали над головами раскопщиков, а времени на то, чтобы их убирать, не хватало. Расположены эти курумы в жарких каменистых предгорьях Кураминского хребта, и легко себе представить, что работать в каменном ящике было сродни работе вблизи доменной печи. Возраст этих сооружений определяется началом I тысячелетия н.э. — V–VII вв., причем основное количество памятников этого типа относится к более позднему времени. Наверное, можно сказать здесь о своеобразном археологическом рекорде: докторская диссертация Б.А.Литвинского, посвященная памятникам кочевников Ферганы и Памира, насчитывала... 2500 страниц! И вряд ли самый придирчивый оппонент смог все их прочитать! А в итоге получилось четыре тома «Могильников Западной Ферганы», содержащих огромное количество сведений, затрагивающих разные стороны жизни ферганских кочевников: распространение курганов и курумов, особенности

погребального ритуала, подробное описание вещей, найденных в них, религиозные обычаи, связанные с данными погребениями, и многое, многое другое. Фундаментальный труд, которым будет пользоваться не одно поколение археологов!

К раскопкам могильников Б.А.Литвинский обратится еще несколько раз, организовав большие работы на античном могильнике оседлого населения — Тупхона в Гиссаре и могильниках разного временного диапазона в Бешкентской долине.

Следует остановиться и на раскопках памятника Тепаи-Шах в низовьях Кафирнигана, которые принесли интересные материалы кушанского времени и позволили реконструировать некоторые погребальные обряды, близкие к зороастрийским, что еще раз подтвердило, что зороастризм, хотя и в измененной форме, существовал в Бактрии наряду с распространенным более широко буддизмом.

Б.А.Литвинский перестал ездить на полевые работы в конце 80-х годов в связи с возрастом и ухудшением здоровья. Но он успел начать раскопки на великолепном памятнике античности — храме Тахти-Сангин, расположенном при слиянии Вахша и Пянджа, и эти раскопки под его руководством проводились сотрудником Бориса Анатольевича И.Р.Пичикином, к сожалению оказавшимся недостаточно подготовленным для работы такого масштаба и допустившим немало ошибок при раскопках этого сложного памятника. Тем не менее вклад И.Р.Пичикина в раскопки Тахти-Сангина значителен. И именно этим двум исследователям принадлежит честь изучения памятника, стоящего в одном ряду с такими выдающимися открытиями, как Ай-Ханум и Сурх-Кутал в Афганистане, ранний Афрасиаб и Ниса в Средней Азии, а для более позднего времени городище Древнего Пенджикента и Аджина-Тепа. Пока на Тахти-Сангине раскопан только храм, так как известные события в Таджикистане надолго прервали там работы. И городище, которое обещает дать немало интересных открытий, еще ждет своего исследователя. Храм Окса (название совершенно точное, поскольку здесь имеется одноименная посвятельная надпись) был храмом огня, причем прекрасно сохранившимся, но в обводных коридорах в специальных ямах — ботросах хранились разнообразные вещи, которые верующие того далекого времени посвящали храму. Именно здесь и было найдено все основное богатство, прославившее этот памятник во всем мире. Это и многообразная скульптура, и резьба по слоновой кости, и вооружение, которое представлено в такой разнообразии, что с Тахти-Сангином не может сравниться ни один другой памятник греко-бактрийского времени. Раскопки Тахти-Сангина представляют собой крупнейшее событие в эллинистической археологии Востока. Теперь уже никто не сомневается, что знаменитый амударьинский клад золотых и серебряных вещей, найденный в Кобадии в конце XIX в., происходит из Тахти-Сангина. Приведем, кстати, еще один археологический казус. В 50-е годы ленинградский археолог А.М.Мандельштам, проводивший разведки в Кобадийском районе, заложил шурф на поверхности большого холма, под которым лежали развалины ныне знаменитого храма. Пройдя несколько метров и не найдя ничего интересного, он остановил шурф... всего в полутора метрах от одной из стен главного здания храма Окса и таким образом лишил себя славы первооткрывателя одного из самых выдающихся археологических памятников всей Центральной Азии. Такими бывают удачи и неудачи археологов!

Основные этапы научной деятельности юбиляра и его неумемной творческой активности рассмотрены в нескольких специальных работах, ему посвященных [Ранов 1983; Искандаров, Ранов 1987; Ранов 1985; Масов 1996; Ранов 1996; Масов 1998], поэтому в данной статье нет нужды к ним возвращаться еще раз, но стоит сказать несколько слов о чисто человеческих качествах Б.А.Литвинского, снискавших ему глубокое уважение во всем научном мире, искреннюю признательность и любовь его учеников. Это прежде всего всеобъемлющая фанатичная в хорошем смысле этого слова преданность науке, помноженная на невероятную работоспособность. Для Б.А.Литвинского никогда не существовало ничего, кроме науки, и затруднительно даже назвать его другие увлечения, отвлекающие от основной деятельности, так сказать хобби. Хотя, конечно, хобби у него есть — это собирание научных книг, которые приходят к нему из многих стран, а его библиотеке может позавидовать не один научный институт, и не только в СНГ. Всепоглощающая страсть к познанию нового в избранной специальности, которая уже давно не специальность, а сама жизнь, умение быстро отдать в виде книги или статей весь накопленный материал — вот что всегда было главным делом всей его жизни. В среднеазиатской археологии нет другого специалиста, знающего так много об археологии, этнографии, филологии Средней Азии, который мог бы по своим знаниям сравниться с Б.А.Литвинским. Недаром не только у нас, но и за рубежом его называют «ходячей энциклопедией» — он знает буквально все. И невозможно представить весь объем помощи, которую в виде советов, ссылок на редкие издания и указаний в области различных знаний он оказал своим коллегам за долгую жизнь в науке. Их никто, и, конечно, он сам в том числе, не считал, как и огромное количество блестяще прочитанных докладов, выступлений и критических замечаний. Но мы, его современники, долгие годы работавшие плечом к плечу с ним, хорошо знаем его щедрость и открытость в оказании помощи своим коллегам, какую бы строчку в научной иерархии они ни занимали, и в этом еще одна замечательная особенность Б.А.Литвинского — он настоящий Учитель с большой буквы, строгий и щедрый, умеющий увлечь молодых людей, недавно пришедших в науку, не только романтикой археологии, но и научными проблемами, непрерывно ставя перед своими учениками посильные, но бесконечно интересные и увлекательные задачи. Все побывавшие в экспедициях с Б.А.Литвинским помнят его непринужденные, но такие интересные рассказы о выдающихся археологах прошлого и настоящего, беседы о различных научных проблемах, связанных с раскапываемым памятником или затрагивающих другие археологические направления. Это постоянное общение за обеденным столом, вечерами в «кухонной палатке» или в общей комнате временного жилья превращались для его экспедиционных спутников в настоящие циклы лекций, и остается только сожалеть, что они никогда не были записаны на магнитофон, в основном это было еще до вхождения аудиотехники в нашу жизнь. Второе, очень ценное качество юбиляра, на котором нам хотелось бы остановиться, это высокая требовательность к сотрудникам, никогда, кстати, не переступающая этические нормы. Никто из работавших с Б.А.Литвинским многие годы не помнит, чтобы он раздражался, кричал на сотрудников, говорил грубые слова. Какие бы ни создавались ситуации (а в жизни и особенно в экспедиционной практике они могли быть разными и иногда достаточно сложными), Б.А.Литвинский никогда не повышал голоса, всегда был спокойным, ровным и очень доброжелательным. Сотрудникам всегда

было легко выполнять его указания, потому что они видели, что их шеф сам себя никогда не жалеет — его всегда можно было видеть пыльного и грязного, как и они сами: на раскопе, вооруженного тешой или ножом, всегда готового прийти на помощь каждому в поиске проклятой, куда-то исчезнувшей стенки, в расчистке трудного, так сказать, «дышавшего на ладан» фрагмента росписи или обратившегося в прах железного ножа. Он всегда мог все объяснить, ибо в археологии для него нет секретов и он умеет не только все делать сам, но способен терпеливо, спокойно и просто объяснить самые трудные моменты этой нелегкой, подчас требующей адского терпения профессии. А как Б.А.Литвинский прекрасно производил глазомерную съемку, работу, которую может совершить далеко не каждый начальник отряда даже с большим экспедиционным стажем!

Одна из первых самостоятельных экспедиций Б.А.Литвинского была посвящена изучению оловорудных месторождений Узбекистана. Сейчас эти работы возобновила Германо-Узбекская экспедиция. Один из ее руководителей проф. Г.Паршингер (директор Евроазиатского отделения Германского археологического института) рассказывает, что участники экспедиции были поражены, с какой точностью Б.А.Литвинский произвел топографические съемки более полувека назад. Другой немецкий ученый, доктор Томас Гётцельт, пишет в своей монографии, что единственным археологическим разрезом слоев Намазга-тепе является тот, что сделан в конце 40-х годов Б.А.Литвинским, хотя археологические работы на этом памятнике продолжались после этого десятилетия. В своем выступлении на конференции, посвященной Б.А.Литвинскому, один из теперешних выдающихся мэтров среднеазиатской археологии Б.И.Маршак рассказал об интересном эпизоде. В 50-е годы он вместе с Э.Гулямовой раскопал одно из помещений дворца на городище Хульбук. Оно оказалось странным — четыре сплошные стены и ни одного проема. Раскопщики ломали голову: как жители попадали в это помещение. Приехал Б.А.Литвинский. Взял тешу и нож — и через полчаса проход был найден. О подобном эпизоде на раскопках буддийского памятника Хишт-тепе сообщает В.И.Соловьев, посетивший эти раскопки вместе с Б.А.Литвинским в 1987 г.

Далеко не каждому ученому дано, пусть он, как говорится, будет даже «семи пядей во лбу», создать свою собственную школу. Но в данном случае, без всяких скидок, Б.А.Литвинского можно назвать организатором археологии в Таджикистане. А его многочисленные ученики образуют школу Б.А.Литвинского, поскольку и методика раскопок, и правила фиксации, и описания полученного на раскопках материала, и подход к научным публикациям позаимствованы ими у своего учителя. К огромному сожалению, через два поколения, в силу обстоятельств окружающей нас жизни, приведших если не к полному развалу, то поставивших науку буквально на край пропасти, преемственность поколений прервалась. Молодежь не идет в археологию, да и не только в археологию, но и в науку вообще. И это обстоятельство не может не тревожить, ибо для создания новой школы таджикских археологов потребуются многие десятки лет.

Многое сделал для таджикской археологии Б.А.Литвинский — ее создатель и руководитель без малого 50 лет. Но и республика не оставила выдающегося ученого без внимания. Именно здесь, в Институте истории, археологии и этнографии им. А.Дониша, рос и мужал его талант. Здесь, в Душанбе, он написал свои лучшие книги, здесь из-под его пера вышло множество статей. В Душанбе он стал доктором исторических наук, профессором, заслуженным деятелем нау-

ки, членом-корреспондентом, а затем и действительным членом Таджикской академии наук. Отсюда он уезжал на свои первые международные конгрессы, отсюда осуществил первые научные командировки за рубеж. С его отъездом в Москву связь с Таджикистаном не прервалась. До того времени, пока возраст и здоровье не пресекли его всегдашнее стремление участвовать в экспедициях, он приезжал в Таджикистан на полевые работы, а после, находясь в Москве, продолжал руководить созданной им Южно-Таджикской археологической экспедицией, курировал многие направления археологии Таджикистана, неизменно помогая своим ученикам в трудные для них минуты. Его бывшие ученики — всегда желанные гости в его московской квартире, где их с неизменной теплотой встречает сам Б.А.Литвинский и его жена, друг и соратник, в прошлом великодушный археолог, а ныне всемирно известный специалист по средневековой нумизматике и истории Е.А.Давидович. Сейчас, когда пишутся эти строки, в Душанбе уже поступил сигнальный экземпляр первого тома нового издания «Истории таджикского народа». Редактором этого сложного, многопланового издания, состоящего из 750 страниц рукописи, вместе со своим учеником, членом-корреспондентом АН Таджикистана В.А.Рановым, является Б.А.Литвинский. Думается, что эту коллективную монографию с полным правом можно назвать подлинной энциклопедией древнейших страниц истории таджиков. И многие страницы этой истории написаны выдающимся археологом, историком и знатоком Средней Азии, каким является возглавивший работу по изданию этого тома Б.А.Литвинский.

Академик Б.А.Литвинский — автор более чем 400 научных и научно-популярных работ, полная библиография которых опубликована в этом сборнике. Наверное, стоит остановиться только на некоторых публикациях ученого, которые сделали эпоху в своей науке.

Это прежде всего вышедшее более тридцати лет тому назад первое издание «Истории таджикского народа» (М., 1963), организованное и подготовленное в Душанбе. Именно Б.А.Литвинскому удалось собрать для этой монографии блестящую плеяду ученых, составлявших в то время цвет отечественной науки. Б.А.Литвинский был не только одним из редакторов тома, но и главным его вдохновителем и исполнителем. Им были написаны во многом создавшие совершенно новое видение предмета такие главы, как «Бронзовый век», «Борьба народов Средней Азии против греко-македонских захватчиков», «Средняя Азия в составе селевкидского государства», «Социально-экономический строй древней Средней Азии». Б.А.Литвинский был редактором широко известной монографии академика Б.Г.Гафурова «Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история». И не только редактором, но и помощником, и советчиком, которому Б.Г.Гафуров выразил в предисловии свою глубокую благодарность. Роль Б.А.Литвинского в выходе в свет этого издания трудно переоценить.

В мире науки хорошо известны крутные монографии Б.А.Литвинского, отражающие важнейшие этапы исследования археологии Таджикистана, такие, как «Археологическое изучение Таджикистана советской наукой» (Сталинабад, 1954), «Древности Кайрак-Кумов» (Сталинабад, 1962), — последняя в соавторстве с А.П.Окладниковым и В.А.Рановым, но большая часть текста книги, посвященная эпохе бронзы, слабо тогда еще изученной в Средней Азии, написана Б.А.Литвинским.

Монография «Аджина-тепа», написанная совместно с Т.И.Зеймаль, издана в Москве в 1971 г. В ней опубликованы подробные результаты пятнадцатилетних раскопок замечательного буддийского храма, расположенного вблизи

г. Курган-Тюбе. Эти раскопки привели к открытию самой большой в мире глиняной скульптуры «Будда в нирване» и стали источником интересных наблюдений над особенностями буддийской архитектуры в Средней Азии. Б.А.Литвинским впервые в археологической литературе широко освещена история проникновения и развития буддизма в Средней Азии. Эту главу монографии можно рассматривать как действительное начало среднеазиатской буддологии.

Фундаментальным трудом, охватывающим многие вопросы, касающиеся распространения культуры, религии, особенностей материальной культуры памирских саков и связанной с ними «арийской проблемы», явилась книга «Древние кочевники „Крыши Мира“», изданная в Москве в 1972 г. Она получила исключительно хорошую оценку прежде всего в зарубежной прессе и до сих пор является лучшей в мировой науке книгой, посвященной памирским сакам и проблемам, с ними связанным. Можно также вспомнить и серию более поздних работ Б.А.Литвинского, посвященных религии памирских таджиков, которые являются крупным вкладом в изучение идеологии и сохранившихся до наших дней древних верований памирцев.

Вместе со своим учеником и сотрудником А.В.Седовым в 1982 и 1984 гг. Б.А.Литвинский опубликовал в Москве две важные монографии, в которых даны результаты раскопок крупнейших археологических памятников, проведенных в Южном Таджикистане под его руководством: Тепай-шах и могильника Тупхона. В первой книге Б.А.Литвинским сделаны очень интересные экскурсии в область древних религий Средней Азии, которые являются важным вкладом в изучение этой всегда привлекающей внимание и крайне сложной проблемы. Книга, написанная Б.А.Литвинским совместно с другим его учеником, В.С.Соловьевым, посвящена средневековой культуре Тохаристана. В центре интересов авторов — городище Кафир-кала, которое являлось столицей раннесредневековой области. Публикация затрагивает широкий спектр вопросов планировки города этого времени, архитектуры, материальной культуры. Это выводит авторов на фундаментальные заключения о месте и значении Тохаристана в раннесредневековой Средней Азии. Вторая часть книги посвящена городищу Лягман и так называемому узунскому кладу (X — начало XIII в.). Публикация предметов клада представляет большой интерес, раскрывая приемы декоративного искусства и эпиграфики. Как всегда, в публикациях Б.А.Литвинского к исследованию привлечена обширная литература.

Нельзя не отметить выдающееся достижение Б.А.Литвинского как редактора, так и автора многих глав изданных в Москве четырех коллективных монографий об археологии нашего ближайшего восточного соседа — западной китайской провинции Синьцзян. Другой подробной работы, посвященной исключительно интересной в археологическом отношении области, в которой как в особом этническом узле переплелись истоки многих этногенетических процессов разных народов, населяющих ныне территорию Средней Азии, нет в мировой науке. Огромный труд вложен ученым в подготовку, редактирование и написание этого издания, которое называется «Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье». К моменту написания данной статьи в свет уже вышло четыре тома, насчитывающих в совокупности более 2000 страниц. Первый том представляет собой исторический очерк, охватывающий время от каменного века до функционирования Великого Шелкового пути, второй рассматривает этнос, языки и религии, существовавшие на этой территории, третий посвящен хозяйству и материальной культуре населения Восточного Туркестана. Четвертый том

посвящен архитектуре. И в каждом томе основным автором, написавшим наибольшее количество глав, является Б.А.Литвинский.

Большой резонанс вызвали раскопки античного памятника Тахти-Сангин, располагающегося на слиянии рек Пяндж и Вахш, как раз в том месте, где начинается великая река древности — Оксус, современная Амударья. Здесь были найдены замечательные предметы культа, вооружения и памятники античного искусства, относящиеся к эпохе существования на территории Таджикистана Греко-Бактрийского государства, в котором, как и в его названии, тесно переплелись традиции греческой культуры с местными. Серия статей, частично написанная совместно с И.Р.Пичикияном, опубликована в самых престижных европейских и американских журналах. Трудно переоценить значение вышедшего уже после написания этой статьи первого тома многотомного издания «Эллинистический храм Окса (Южный Таджикистан). Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь» (М., 2000), написанного вместе с И.Р.Пичикияном. Помимо высокопрофессионального описания этого замечательного греко-бактрийского религиозного памятника в монографии дан исчерпывающий обзор эволюции иранских храмов огня на огромной территории Центральной Азии и Ближнего Востока.

За свою долгую жизнь в науке Б.А.Литвинский посетил много мировых научных центров, выступая с высоких кафедр самых элитных университетов мира. Он работал в Метрополитен-музее в Нью-Йорке, Бостонском музее изящных искусств, Британском музее в Лондоне и Ашмолеанском в Оксфорде, Национальном музее в Токио, в Лувре и музее Гиме в Париже, Античном музее в Берлине, Национальном музее в Кабуле (в настоящее время, к великому сожалению, почти полностью уничтоженном) и в добром десятке других музеев. Он занимался во многих библиотеках США, Германии, Франции и Италии. Фундаментальную библиотеку Германского археологического института в Берлине он знает чуть ли не как свою собственную. Его неизменно увлекательные лекции слушали преподаватели и студенты Гарвардского, Страсбургского, Римского, Берлинского и других знаменитых университетов мира. Только самые крупные ученые удостоиваются чести прочитать лекцию в Коллеж де Франс в Париже. Большой научный и общественный резонанс имела организованная по его инициативе выставка по археологии Таджикистана, показанная в Цюрихе, Мюнхене, Риме, затем по частям во многих других музеях мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Искандаров, Ранов 1987 — *Искандаров Б.И., Ранов Б.А.* Вклад Б.А.Литвинского в изучение древнего прошлого Средней Азии. Прошлое Средней Азии. Душ.
Литвинский, Зеймаль 1971 — *Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И.* Аджина-Тева. М.
Масов 1996 — *Масов Р.М.* Предисловие. — Материалы к биобиблиографии ученых Таджикистана. Вып. 54. Душ.
Масов 1998 — *Масов Р.М.* Выдающийся исследователь археологии Средней Азии. — Чунбиш. Душ., № 5 (15), март 1998.
Ранов 1983 — *Ранов В.А.* Б.А.Литвинский — исследователь археологии и древней культуры Средней Азии. — Материалы к биобиблиографии ученых Таджикистана. Вып. 22. Душ.
Ранов 1995 — *Ранов В.А.* Б.А.Литвинскому — 70. Наследие предков. Вып. 2. Душ.
Ранов 1996 — *Ранов В.А.* Б.А.Литвинский — археолог, историк, знаток древностей Средней Азии. — Материалы к биобиблиографии ученых Таджикистана. Вып. 54. Душ.
Sankalia 1978 — *Sankalia H.D.* Born for Archaeology. New Delhi.

В.Н.Пилипко

НАШИ УЧИТЕЛЯ

17 апреля 1998 г. отметил свое 75-летие доктор исторических наук, профессор, академик Борис Анатольевич Литвинский, а несколько раньше, 24 декабря 1997 г., друзья и коллеги поздравили с юбилеем его супругу, доктора исторических наук, профессора Елену Абрамовну Давидович. Два этих имени появились в среднеазиатской археологической литературе в конце сороковых годов XX столетия. Обычно молодые исследователи начинают с небольших заметок, своеобразных этюдов, посвященных каким-либо частным вопросам. Первые же публикации Е.А.Давидович и Б.А.Литвинского были лишены налета ученичества, они производили впечатление произведений зрелых авторов, свободно ориентирующихся во всех аспектах изучаемых проблем. Читателям, знакомым с авторами лично, трудно было представить, что статьи написаны молодыми людьми, только окончившими университет, а Б.А.Литвинский к тому же совсем недавно вместо пера держал автомат — участвовал в боях на фронтах Великой Отечественной войны.

Своей склонностью к исследовательской работе эта пара молодых людей, со временем ставших мужем и женой, выделялась с первых студенческих лет, и опытный педагог М.Е.Массон, разглядев в них незаурядные способности, не пожалел труда переманить их в свою «епархию». На кафедре археологии Среднеазиатского (ныне Ташкентского) университета они получили прекрасное образование. Михаил Евгеньевич обучил их всем тонкостям археологической работы, а общеисторической огранкой их таланта занимались такие выдающиеся востоковеды, как В.В.Струве, А.А.Семенов, К.В.Тревер.

Первую археологическую практику они проходили в составе ЮТАКЭ, и М.Е.Массон продолжал приглядываться к своим ученикам, испытывал их в самых разных направлениях археологической науки. Елена Абрамовна занималась исторической топографией Нисы, вопросами древнего стеклоделия, нумизматикой, раскопками парфянской монументальной архитектуры. Борис Анатольевич сочетал раскопки Нисы с изучением истории добычи полезных ископаемых, археологическими разведками, раскопками средневекового Шехр-Ислама и ставшего впоследствии знаменитым древнеземледельческого поселения Намазга-депе. Такие разнообразные занятия полюбились ему, и в последующей своей деятельности он находит особое удовольствие в обращении к совершенно новым темам, проявляя при этом еще одну особенность своего науч-

ного почерка — стремление докопаться до основ всякого явления. Обстоятельность и скрупулезность — характерные черты всех научных трудов Б.А.Литвинского. Достаточно упомянуть, что его кандидатская диссертация о средневековых памятниках в окрестностях Нисы, созданная в начале творческого пути (1950 г.), содержит библиографический аппарат из 560 названий!

В научной работе Борису Анатольевичу помогает его феноменальная память, предмет «белой» и «черной» зависти многих его коллег. Ни к одной книге он, похоже, не обращается дважды и до сих пор свободно оперирует содержанием трудов, прочитанных в далекие молодые годы. В сочетании с обширными научными интересами это делает Бориса Анатольевича желанным участником любой научной встречи. Можно не сомневаться, что конференция, в которой принимает участие Литвинский, обязательно будет сопровождаться оживленной дискуссией. Какой бы специфической теме ни был посвящен доклад, он непременно сопроводит его профессиональным комментарием, приведет массу дополнительных фактов и соображений, интересных докладчику и всей аудитории. Причем излагается все это в мягкой, доброжелательной форме, так как его многочисленные выступления обусловлены не желанием продемонстрировать свою эрудицию, а произвольной потребностью исследователя живо реагировать на каждую интересную мысль, свежую идею.

Обо всем этом хорошо знают и иностранные ученые. Выдающийся немецкий исследователь К.Йеттмар написал такие слова: «Среди советских коллег Б.А.Литвинский является энциклопедистом» («ein Polyhistor unter sowjetischen Kollegen Boris Litwinskij»).

Успеху Б.А.Литвинского как ученого способствовала не только природная одаренность (история знает немало талантов, зарытых в землю), но и такие присущие ему качества, как творческая увлеченность и огромная трудоспособность. Обычно при этом добавляют о наличии у человека большой силы воли, считая достоинством, когда исследователь, повинаясь императиву «ни дня без строчки», вымучивает из себя эти строчки при любых обстоятельствах. Но Борис Анатольевич просто-напросто не устает от творческой работы, и его, пожалуй, иногда необходимо даже отвлекать от научных занятий. Недавно он был в Италии, где имел возможность поработать в римских библиотеках. Пытаясь объять необъятное, удивляя всех сотрудников библиотеки, в свои семьдесят пять он приходил в читальный зал раньше всех и работал там целый день без перерыва, заменяя обед яблоком и стаканом сока. Лишь вечером он позволял себе несколько часов отдыха, причем нередко итальянским коллегам стоило труда убедить его отвлечься. И так целый месяц. Но вернувшись в Москву, Борис Анатольевич искренне сожалел, что не все время командировки ему удалось использовать «для дела».

Возвращаясь к научной биографии юбиляров, вспомним, что именно им принадлежит честь открытия, сохранения и извлечения знаменитой коллекции ритонов из Старой Нисы в октябре 1948 г., когда археологическим отрядом ЮТАКЭ руководила аспирантка Е.Давидович, а двадцатипятилетний лаборант Б.Литвинский активно участвовал в расчистке и фиксации сенсационных находок. В 1951 г. они были приглашены в Таджикистан, где археология в то время находилась в зачаточном состоянии. Б.А.Литвинский возглавил сектор археологии. За 20 лет жизни в Таджикистане они коренным образом изменили эту отрасль науки. В республике были организованы систематические археологические исследования, недавние выпускники университета сами стали наставника-

ми и воспитали целую плеяду новых исследователей. Б.А.Литвинский прилагает немалые усилия для того, чтобы не только проводить всеобъемлющую рекогносцировку и масштабные раскопки, но и донести результаты этих изысканий до заинтересованного читателя. По его инициативе с 1953 г. начинается издание ежегодных сборников «Археологические работы в Таджикистане», в которых публикуются отчеты почти обо всех археологических исследованиях. Значение этой серии, не имеющей аналогов в других регионах Средней Азии, трудно переоценить — она дает документальные сведения об объеме и содержании археологических исследований в Таджикистане.

Благодаря усилиям Б.А.Литвинского и Е.А.Давидович, а также их соратников и учеников город Душанбе превратился в динамичный центр археологических исследований. Признанием этого факта стал выбор именно таджикской столицы в качестве места проведения целой серии крупных международных встреч (Кушанская конференция 1968 г., конференция «Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н.э.» в 1977 г., «Археология древнейшей Бактрии» в 1982 г. и др.). Признанием заслуг Б.А.Литвинского перед наукой стало избрание его членом-корреспондентом (1978 г.), а затем действительным членом Академии наук Таджикской ССР (1985 г.) и Российской Академии естественных наук.

Переехав в 1971 г. в Москву, Борис Анатольевич возглавил отдел истории и культуры древнего Востока в Институте востоковедения АН СССР. И здесь он занимается активной организационной работой, воспитывает новых учеников, выступает с инициативой изданий целой серии интересных сборников по истории и культуре Средней Азии. Эта деятельность сочетается с индивидуальным творчеством и продолжением раскопок в Таджикистане. Его личный вклад в изучение древней и средневековой истории Средней Азии огромен, сегодня он бесспорный лидер отечественного востоковедения в данной области.

В небольшой заметке нет возможности даже перечислить все темы и направления, которыми занимался раньше и занят теперь Литвинский. Число его опубликованных научных работ перевалило за 450 (многие из них изданы за рубежом) — это без учета многочисленных редактируемых им изданий. Борис Анатольевич Литвинский хорошо известен и уважаем в мировом научном сообществе. Он избран членом-корреспондентом Германского археологического института (1981 г.) и Итальянского института Среднего и Ближнего Востока (1989 г.), иностранным членом Академии Национале дей Линчеи (Италия, 1992 г.). Он входит в состав международных советов журналов «Бюллетень Института Азии» (Детройт, США) и «От Скифии до Сибири» (Москва–Лейден), состоит в Научном комитете Итальянской энциклопедии по мировой археологии (Рим) и, кроме того, является редактором-консультантом «Энциклопедии Ирана» и членом редакционных советов таких авторитетных московских журналов, как «Вестник древней истории» и «Восток».

Обычно жены крупных ученых выполняют роль помощниц своих мужей. Елена Абрамовна в этом плане скорее соратница. Она также отдала много сил и энергии организации археологической науки в Таджикистане, сама долго работала как полевой археолог. Своеобразным памятником этих совместных трудов стала монография «Археологический очерк Исфаринского района». Однако в своей творческой манере и научных пристрастиях она оказалась полной противоположностью Борису Анатольевичу. Е.А.Давидович принадлежит к числу од-

нолюбов. Со студенческой скамьи ее предпочтение отдано нумизматике, которой посвящена и первая научная работа. Несмотря на навязываемую обстоятельствами необходимость заниматься самыми разными проблемами, она стойко сохраняла любовь к нумизматике, и эта отрасль науки стала основной сферой приложения ее творческих сил. Об этом свидетельствуют и кандидатская диссертация на тему «К денежному обращению в государстве Шейбанидов (XVI в.)», защищенная в 1950 г., и докторская «Нумизматические данные по социально-экономической и политической истории Средней Азии» (1965 г.), опубликованная в 3 томах. Целая серия монографий, не говоря уже о многочисленных статьях, выдвинула ее в число мировых лидеров в этой области. И вот что примечательно: безоговорочно признавая авторитет жены, Борис Анатольевич, несмотря на универсальность своих интересов, никогда даже не пытался заниматься вопросами нумизматики. Но кроме того, Елена Абрамовна — выдающийся историк. На основании нумизматических и письменных источников она создала большую серию мастерских трудов по истории средневековой Средней Азии.

Сейчас в их жизни наступил новый этап. Они освободились от многих рутинных обязанностей штатных руководителей, но по-прежнему полны творческой энергии и замыслов. Борис Анатольевич активно занимается публикацией материалов раскопок Тахти-Сангина, с большим удовольствием открывая для себя и своих читателей тонкости развития восточного эллинизма. Елена Абрамовна ощутила вкус организаторской работы. Она создала и редактирует новое издание по нумизматике и эпиграфике — «Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины», деятельно участвует в организации нумизматических конференций. И все это — без отрыва от прежних занятий за письменным столом.

Б.В.Лунин

Б.А.ЛИТВИНСКИЙ
КАК ИСТОРИОГРАФ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В публикациях, освещающих жизнь и деятельность Бориса Анатольевича Литвинского, констатируется, что в его лице востоковедение Средней Азии обрело видного археолога, историка, этнографа.

Но столь же справедливо отметить, с полным на то основанием, заслуги Бориса Анатольевича как историографа, много и плодотворно трудившегося и на этом поприще. Его историографические (как и библиографические) штудии являют собой органическое ответвление всей его научно-исследовательской и популяризаторской деятельности.

Следует поэтому согласиться с мнением одного из биографов Б.А.Литвинского, который, говоря о его заслугах перед наукой, счел правильным выделить особо также его вклад в «историографию истории и археологии Средней и Центральной Азии». Тем более, что «будущие историографы... безусловно используют многие его и в том числе специальные работы историографического плана... В них подведены итоги археологических исследований Таджикистана и хорошо вскрыта динамика развития и расширения археологических работ»¹.

Отметим также, что время появления подобного рода публикаций Б.А.Литвинского приходилось на годы, когда историография как таковая и как специальная и существенная отрасль знаний еще не находилась в центре внимания исследователей, даже некоторое время и после осуждения и устранения губительного для нее господства культа личности. В сфере же археологии публикации историографического плана были вообще весьма редки, особенно применительно к Средней Азии, не выходя при этом, как правило, за рамки информационных обзоров литературы.

В этом аспекте историографические публикации Б.А.Литвинского являли собою, в их совокупности, приметный и неоспоримый шаг вперед.

В числе историографических публикаций Б.А.Литвинского такие его статьи, очерки, сводки, как «Археологическое изучение Таджикистана советской

---

¹ Борис Анатольевич Литвинский. Душ., 1983, с. 21–22.

наукой. Краткий очерк» (Душ., 1954), «Основные этапы изучения археологии Таджикистана советской наукой» (Душ., 1954), «К истории Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока. Страница истории археол. изучения Средней Азии» (Душ., 1957), «Обзор источников и литературы (по истории таджикского народа)» (М., 1963), «Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии» (М., 1967), «Археология Таджикистана за годы Советской власти» (М., 1967), «Историография Таджикистана. 1917–1969» (М., 1970, в соавторстве), «Исследование кочевых народов Центральной Азии в дореволюционной русской и советской науке» (Улан-Батор, 1974), «Труды Альберта фон-Лекока по древней культуре Восточного Туркестана» (М., 1981), «Проблематика истории и истории культуры Средней Азии в советской науке» (М., 1981 и 1982), «Проблемы истории и истории культуры древней Средней Азии в свете новейших работ советских ученых (1967–1977)» (М., 1977), также «Проблематика истории и истории культуры Средней Азии в советской науке (1960–1981)»: [Окончание] // Информационный бюллетень МАИКЦА. М., 1982. Вып. 2, с. 8–21².

В значительной мере историографический характер носят и такие публикации Б.А.Литвинского, как «К истории добычи полезных ископаемых на Челекене» (Душ., 1949) и «К истории добычи олова в Узбекистане» (Таш., 1950) и др.

В своей совокупности все эти публикации образуют живую и яркую, не только фактическую, но и аналитически обобщающую системную летопись исследований.

Однако отнюдь не только этим характеризуется диапазон историографических интересов и исканий Б.А.Литвинского. По сути дела, для всех его работ в сфере археологии, истории, этнографии и других показательно наличие в них предваряющих или сопутствующих основному тексту историографических экскурсов как таковых. Это помогает читателю глубже и шире уяснить процесс накопления знаний по соответствующим научным проблемам, степень их изученности и задачи дальнейшего исследования.

Примечательно и то, что печатавшиеся Б.А.Литвинским обстоятельные рецензии на различные научные издания также не лишены компонентов историографического характера, что усиливает их научную значимость.

Активная роль принадлежала ему и в осуществлении широко задуманного и подготовленного к печати коллективного четырехтомного труда «Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории и культуры». Ему же принадлежала в связи с этим историографическая справка о процессе накопления соответствующих знаний по данной проблеме³.

Увидела свет капитальная и пока остающаяся единственной по полноте и богатству содержания работа Б.А.Литвинского (в соавторстве с более молодым по возрасту местным автором Н.М.Акрамовым), посвященная подробному и всестороннему рассмотрению жизни и деятельности выдающегося русского

² Для краткости мы ограничимся в данном случае указаниями на места и годы изданий упоминаемых трудов Б.А.Литвинского. Подробные выходные данные библиографического характера заинтересованный читатель найдет в списке его публикаций в кн.: Борис Анатольевич Литвинский. Душ., 1983, с. 25–65, а также в соответствующем разделе настоящего издания.

³ Б.А.Литвинский. Будущие публикации. — Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 10. М., 1986, с. 96–99.

востоковеда А.А.Семенова, опубликованная в серии «Русские востоковеды и путешественники»⁴.

Следует подчеркнуть при этом, что основные вехи жизненного пути А.А.Семенова рассматриваются авторами на широком историческом фоне. Это во многом придает книге еще и характер историографического обозрения общих судеб туркестановедения первой половины XX в. В сокращенном виде, рассчитанном на массового читателя, эта работа Б.А.Литвинского и Н.М.Акрамова была издана также и на таджикском языке (Душ., 1974).

В дополнение к сказанному следует констатировать, что общепризнанная научная и общая эрудиция Б.А.Литвинского по проблеме истории Средней Азии в сочетании с его широчайшей осведомленностью по отечественной и зарубежной литературе исторического и историографического характера с течением времени закономерно обусловили также и выход в свет под его редакцией ряда крупных исследований соратников и учеников по работе и общему кругу интересов.

Здесь особо надо отметить умение самого Б.А.Литвинского зорко примечать в среде ученых-востоковедов (в том числе в среде молодого поколения) тех, кто проявлял живейшее и непреходящее тяготение именно к историографической тематике. С учетом степени их теоретической и практической подготовленности Б.А.Литвинский с неизменной готовностью оказывал им действительную помощь своими консультациями и советами. Более того, в ряде случаев он способствовал своим авторитетом включению осуществлявшихся ими работ в издательские планы.

Столь же естественно, что во многих случаях руководство востоковедных учреждений со своей стороны рекомендовало именно Б.А.Литвинского в качестве ответственного редактора подготавливавшихся к печати работ как зрелых, так и начинающих свой жизненный путь ученых.

Здесь можно указать на вышедшие в свет книги историографического профиля с грифом «Ответственный редактор Б.А.Литвинский». То были, к примеру, книги: М.М.Дьяконова «У истоков древней культуры Таджикистана» (Сталинабад, 1956), Н.Негматова «Усрушана в древности и раннем средневековье» (Сталинабад, 1957), Э.В.Сайко «Глазури керамики Средней Азии VIII–XII вв.» (Душ., 1963), В.А.Ранова и С.А.Несмеянова «Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии» (Душ., 1973), И.В.Пьянкова «Древний Самарканд (Мараканды) в известиях античных авторов. Собрание отрывков и комментарии» (Душ., 1972), И.В.Пьянкова «Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия» (Душ., 1975), А.К.Писарчик «Народная архитектура Самарканда XIX–XX вв.» (Душ., 1974), М.А.Бубновой «Добыча полезных ископаемых в Средней Азии в XVI–XIX вв.» (М., 1975) и другие, включая и ряд сборников и статей известных авторов.

Увидела свет вышедшая под редакцией Б.А.Литвинского книга молодого исследователя Н.М.Акрамова о научном наследии академика В.В.Бартольда⁵.

После публикации первого по времени обстоятельного и любовно написанного очерка о Бартольде, принадлежавшего перу его ученика проф. И.И.Ум-

---

⁴ Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Александр Александрович Семенов (Научно-биографический очерк). М., 1971. 180 с. (Здесь же библиография работ А.А.Семенова и список его неопубликованных трудов, с. 152–177.)

⁵ Акрамов Н.М. Выдающийся русский востоковед В.В.Бартольд. Науч.-биогр. очерк. Под ред. Б.А.Литвинского. Душ., 1963. 112 с.

някава⁶, и до издания новейшего по времени труда пишущего эти строки⁷ труд Н.М.Акрамова являлся наиболее крупным и обобщающим исследованием жизни и деятельности акад. В.В.Бартольда. Да и сейчас он отнюдь не утратил своего научного значения, содержа немало полезных сведений и деталей, дополняющих труды других авторов по этой теме.

Под редакцией Б.А.Литвинского и с его предисловием вышла в свет и книга Х. и Н.Акрамовых, остающаяся и поныне самым подробным историографическим очерком о жизни и деятельности крупнейшего историка-этнографа Средней Азии М.С.Андреева⁸.

Функции ответственного редактора выполнил Б.А.Литвинский и по другой книге Н.М.Акрамова — о научных заслугах Б.Л.Громбчевского⁹.

Под редакцией Б.А.Литвинского была издана высокополезная и пока единственная в своем роде книга Н.Н.Назировой¹⁰. В ней впервые с такой полнотой освещается история создания и деятельность Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии (1903–1923), державшего в поле своего зрения исследования исторического, лингвистического и этнографического плана.

Обращает при этом на себя внимание использование Н.Н.Назировой и другими молодыми исследователями не только широчайшего круга литературы вопроса, но прежде всего архивных и других источников, в чем также несомненно сказывается требовательное отношение и к этой стороне дела Б.А.Литвинского — редактора, советчика и наставника.

Большая работа была осуществлена Б.А.Литвинским и в качестве ответственного редактора обширной монографии Б.Г.Гафурова «Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история», выдержавшей несколько изданий (М., 1972, 1989).

Сам автор в числе других «помогавших ему советами, замечаниями, дополнениями» приносил благодарность «и, конечно, редактору этой книги Б.А.Литвинскому»¹¹.

Как историограф и биограф Б.А.Литвинский воздал должное заслугам известного среднеазиатского этнографа Антонины Константиновны Писарчик, опубликовав очерк о ней и список ее печатных работ¹².

Вместе с акад. АН Таджикистана Б.И.Искандаровым Б.А.Литвинский был редактором капитального двухтомника «Библиографический указатель литературы по истории Таджикистана»¹³. Сюда примыкают и редактировавшиеся Б.А.Литвинским фундаментальные библиографические указатели, такие, как «Материальная культура Таджикистана» (Душ. Вып. 1, 1968; вып. 2, 1971).

---

⁶ Умняков И.И. В.В.Бартольд (По поводу 30-летия профессорской деятельности). — Бюллетень САГУ. Вып. 14. Таш., 1926, с. 175–202, портр.

⁷ Лукин Б.В. Жизнь и деятельность академика В.В.Бартольда. Средняя Азия в отечественном востоковедении. Таш., 1981. 224 с.

⁸ Акрамова Х., Акрамов Н. Востоковед Михаил Степанович Андреев. Науч.-биограф. очерк. Отв. ред. Б.А.Литвинский. Душ., 1973. 223 с.

⁹ Акрамов Н.М. Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирия в трудах Б.Л.Громбчевского. Душ., 1974. 131 с.

¹⁰ Назирова Н.Н. Центральная Азия в дореволюционном отечественном востоковедении. М., 1992. 194 с.

¹¹ Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1989, с. 8.

¹² Литвинский Б.А. Страницы этнографического изучения Средней Азии. — Этнография Таджикистана. Душ., 1985.

¹³ История Таджикистана. Указатель советской литературы. 1917–1983. Душ., 1986, т. I, 348 с.; т. II, 1986, 376 с.

Становление и развитие историографических исследований (в том числе и в Средней Азии) уже имеют свою историю. Она восходит к первым, единичным попыткам отдельных авторов XIX — начала XX в. критически, но объективно и ретроспективно рассматривать и оценивать работы историографического (обзорного и сводного) характера. При этом само время отчетливо показало, что историографические исследования прежде всего властно требуют свободы аналитической мысли, отсутствия запретных тем и имен, глубокой эрудиции, сопоставления различных взглядов, мнений, концепций ученых, определения задач и путей к наиболее полному и правильному освещению проблем науки.

В этом аспекте не приходится доказывать, насколько мертвящим и негативным для историографии было господство административно-командной системы времен культа личности, предельной заидеологизированности и политизации исторических знаний. Все же и в это время уже начинало обозначаться неодолимое возрастание историографических интересов в среде ученых, хотя и в пределах существовавших реальных возможностей.

В наши дни историографические исследования все более входят в плоть и кровь исторической науки, становятся ее неотъемлемой частью. Это находит свое отражение в возрастании публикаций историографического характера по различным отраслям гуманитарных (да и естественноисторических) знаний.

В свете этого остается несомненным, что раньше или позже, но безусловно должно наступить время крупных (коллективных и индивидуальных) историографических исследований сводного, обобщающего характера. Это большая и назревшая задача.

М.Б.Мейтарчиян

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЕВРАЗИИ.
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА¹

Международная научная конференция,
посвященная 75-летию Б.А.Литвинского (Москва, 1998 г.)

14–16 октября 1998 г. по инициативе Института востоковедения РАН, Государственного музея искусства народов Востока (ГМВ), Российского центра стратегических и международных исследований в Москве прошла международная научная конференция, посвященная 75-летию всемирно признанного ученого, академика АН Таджикистана, академика РАЕН, иностранного члена Академии Национале дей Линчеи (Италия), члена-корреспондента Германского археологического Института, члена-корреспондента Итальянского Института Азии и Африки, члена редколлегии и редакционных советов журналов «ВДИ», «Восток» (Москва), Бюллетеня Института Азии (США), археологической энциклопедии (Италия), доктора исторических наук, профессора Б.А.Литвинского.

Открытие конференции и первое пленарное заседание состоялось в ГМВ, в котором открылась выставка «Из сокровищницы парфянских царей» к 80-летию ГМВ и 50-летию находки ритонов на городище Старая Ниса, заслуга обнаружения которых принадлежит крупнейшему востоковеду и нумизмату, супруге и верному соратнику Б.А.Литвинского д.и.н., проф. Е.А.Давидович. Б.А.Литвинский также принимал самое активное участие в раскопках на городище Старая Ниса.

К открытию конференции вышли из печати тезисы (Древние цивилизации Евразии. История и культура. Тез. докл. междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию действительного члена Академии Наук Таджикистана, д-ра ист. наук, проф. Б.А.Литвинского. Москва, 14–16 октября 1998 г. М., 1998. Отв. ред. А.В.Седов. Тираж 100 экз.).

Открыл конференцию директор Института востоковедения РАН *Р.Б.Рыбаков*. В своей эмоциональной и глубокой речи он обрисовал Б.А.Литвинского как выдающегося ученого, организатора науки и как человека. По его словам, Б.А.Литвинский занимает особое место в отечественной науке. Востоковед и археолог, историк религии и исследователь истории архитектуры и искусства, он внес фундаментальный вклад во многие отрасли гуманитарных знаний. Ис-

---

¹ Впервые опубликовано в журнале «Российская археология» (№ 1. М., 2000).

следовательский талант сочетается в нем с поразительной эрудицией, энциклопедичностью.

«В свои 75 лет, — сказал о юбиляре Р.Б.Рыбаков, — он работает с такой отдачей, которая кажется невероятной. Ему обязано появление в Институте востоковедения РАН нового направления по изучению восточных стран ближнего зарубежья, он же стоял у истоков и много лет возглавлял Отдел истории и культуры Древнего Востока в его современном виде. Авторитет Б.А.Литвинского покоится не только на его научных заслугах, но и на его личности, в которой столь полно и ярко отразилось высокое нравственное начало, сплав беззаветной преданности науке и ее идеалам со стремлением помогать всем, кто с ним соприкасается, — ученикам, коллегам, знакомым и незнакомым людям».

К.С.Айни (Академия наук Республики Таджикистан) поздравил юбиляра от имени Академии наук Республики Таджикистан и всего таджикского народа. Он сказал, что Б.А.Литвинский вместе со своей женой, крупнейшим востоковедом Е.А.Давидович, приехали в Душанбе по приглашению Б.Г.Гафурова в 1951 г., когда была образована республиканская Академия наук. Б.А.Литвинский создал в Институте истории им. А.Дониша сектор археологии и нумизматики — первое в Таджикистане археологическое учреждение. Одним словом, он основоположник археологической науки в Таджикистане. Он объездил с экспедициями весь Таджикистан, обогатил таджикскую культуру, углубил и расширил историческую науку. В 1958 г. вместе с коллегами он выпустил первый школьный учебник истории Таджикистана. Несколько поколений таджиков знают свою историю из этого учебника и других трудов Б.А.Литвинского. Среди таджиков имя Б.А.Литвинского пользуется огромным авторитетом. Академия наук Республики избрала его своим действительным членом, а руководство республики присвоило звание Заслуженного деятеля науки Таджикистана.

Среди выступавших на открытии выставки был заместитель директора Института востоковедения РАН В.М.Аллатов. Он также очень высоко оценил научную деятельность Б.А.Литвинского, назвав его «классиком науки», охарактеризовал замечательный вклад в востоковедение и археологию Е.А.Давидович.

На пленарном заседании А.В.Седов (ИВ РАН) зачитал доклад директора Института истории, археологии и этнографии Республики Таджикистан Р.М.Масова (Душанбе). Р.М.Масов в докладе «Выдающийся исследователь археологии Средней Азии» подчеркнул, что Б.А.Литвинский к своему юбилею пришел с научным стажем в 60 лет. Из них 20 лет (1951–1971) его неутомимого труда были отданы Таджикистану. По инициативе Б.А.Литвинского была организована Южно-Таджикистанская археологическая экспедиция, которую он возглавлял много лет, отдавая свои душевные и физические силы. Он отметил, что в среднеазиатской археологии «нет другого специалиста, знающего так много об археологии, этнографии, филологии Средней Азии, который мог бы своими знаниями сравниться с Б.А.Литвинским. Недаром его называют „ходячей энциклопедией“ — он знает буквально все».

Р.М.Масов высоко оценил личные качества и талант Б.А.Литвинского как ученого, назвав его «патриархом таджикской археологии».

Б.Я.Ставиский (РГГУ, Москва) в докладе «Новые горизонты в изучении истории, культуры и искусства народов Средней Азии» призвал «восстановить в правах „старое“ — традиционное для классического российского востоковедения вплоть до 30-х годов XX в. деление истории культуры и искусства сред-

неазиатских народов на древнюю (домусульманскую) и средневековую (исламскую) эпохи».

Б.И.Маршак (Гос. Эрмитаж, С.-Петербург) в докладе «К вопросу о истоках согдийской культуры» подчеркнул, что характер культуры Согда во многом определяли природные факторы. Между ландшафтными зонами существовало разделение труда. Рядом с крупными оазисами находились степи и предгорья, а за ними горы, и «третий, горный элемент обычно не учитывается в исторических реконструкциях». На основе археологических источников он попытался показать, что произошло с этими элементами в конце бронзового века.

В.С.Соловьев (Елецкий университет) в докладе «История и культура Бактрии-Тохаристана в свете исследований Южно-Таджикистанской археологической экспедиции» осветил работу Южно-Таджикистанской археологической экспедиции (ЮТАЭ), основанной в 1973 г. и возглавляемой Б.А.Литвинским. Одним из важнейших открытий экспедиции является обнаружение храма Окса на городище Тахти-Сангин (конец IV — начало III в. до н.э.), исследование которого проводили Б.А.Литвинский и И.Р.Пичикян.

И.М.Стеблин-Каменский (Вост. фак. СПбГУ) в докладе «Памирские языки и этнография в трудах Б.А.Литвинского» положительно оценил использование материалов памирских языков и этнографии в работах Б.А.Литвинского.

Г.А.Брыкина (ИА РАН, Москва) в докладе «Погребальные памятники Ферганы в I тысячелетии н.э.» выделила и охарактеризовала четыре типа погребальных сооружений, бытовавших в Фергане в I тысячелетии н.э.

А.Инверниши (Туринский университет, Италия) в докладе «Цитадель парфянской Нисы» предложил новую трактовку историко-архитектурного комплекса Старой Нисы с учетом результатов новейших раскопок.

Т.К.Мкртычев (ГМВ, Москва) в докладе «К одному вопросу из истории нисийских ритонов» присоединился к мнению П.Бернара о том, что ритоны применялись «на пирах в качестве дорогой пиршественной посуды и служили утилитарным целям». Это противоречит мнению М.Е.Массона и Г.А.Пугаченковой о том, что ритоны были помещены в царскую сокровищницу, и впоследствии грабители ободрали с них золотые и серебряные детали.

С.Я.Берзина (ГМВ, Москва) в докладе «Сасанидские анэпиграфные геммы в Средней Азии» подчеркнула, что появление сасанидских анэпиграфных гемм в Средней Азии «способствовало утверждению канонической зороастрийской иконографии» и укреплению ортодоксального зороастризма.

Ю.А.Рапопорт (ИЭА РАН, Москва) в докладе «Античный стеклянный медальон, найденный в Хорезме» охарактеризовал медальон, найденный на городище Топрак-кала. Он отнес его к «категории римских фалер — наградных знаков, вручавшихся солдатам от имени императора». Наиболее часто изображался в образе бородатого героя, победителя льва, римский император Луций Элий Марк Антоний Коммод, правивший в 180–192 гг.

В.Н.Пилипко (ИА РАН, Москва) в докладе «Парфянский костюм» подчеркнул, что проблема парфянского костюма далека от окончательного решения, так как наиболее древний источник — ахеменидские рельефы — не находит согласия среди исследователей о том, какую делегацию следует считать парфянской. Он считает, что костюм, обычно именуемый парфянским, — не этнографический и «сформировался при минимальном участии парфян и парнов». В его основе лежит разновидность мидийского костюма, и в формировании этого стиля прослеживается участие семитов и греков.

В.Г.Шкода (Гос. Эрмитаж, С.-Петербург) в докладе «Генезис согдийской культовой архитектуры» проанализировал культовую архитектуру Согда, известную по храмам Пенджикента V — первой четверти VIII в., храму Еркургана III–VI вв. и храму Джартепе V–VIII вв. Он отметил, что в храмах Пенджикента «наряду с общей эллинистической схемой» обнаружены особенности, характерные для многих иранских построек. По его мнению, наиболее важным памятником, помогающим решить множество вопросов истории культовой архитектуры региона, служит храм Окса, раскопанный И.Р.Пичикияном под руководством Б.А.Литвинского.

Б.И.Вайнберг (ИЭА РАН, Москва) в докладе «Хорезмийская эра» отметила, что С.П.Толстов выдвинул идею о тождестве хорезмийской эры с эрой Канишки. Б.И.Вайнберг подвергла сомнению этот вывод, предположив, «что в Хорезме не позже I в. н.э. произошла религиозная реформа, распространились зороастрийские каноны и правила». Она считает, что «именно потому, что хорезмийская эра была религиозной, она осталась неизвестной ал-Бируни и по ней не велось летосчисление правления хорезмийских царей».

Л.Т.Яблонский (ИА РАН, Москва) в докладе «Оссуарные могильники хорезмийских скотоводов» осветил археологические исследования, проведенные на территории Присарыкамышской дельты Амударьи, где со второй половины I тысячелетия до н.э. распространился погребальный обряд, характеризующийся захоронением предварительно очищенных человеческих костей.

Н.Л.Членова (ИА РАН, Москва) в докладе «Олени, кони и копыта. О связях Монголии, Восточного Казахстана и Средней Азии в скифскую эпоху» сделала предположение, что высокопородные кони, олени с клювообразными мордами, изображенные на камнях, которые были врыты на жертвеннике, являлись священными животными воинов, прибывших в Монголию из Средней Азии в VI–IV вв. до н.э.

М.Г.Мошкова (ИА РАН, Москва) в докладе «Об уздечных наборах поздних сарматов» отметила, что уздечные наборы, оружие и другие предметы экипировки конного воина весьма важны для определения хронологии и социальной структуры и несут в себе информацию этнографического характера.

В.Б.Ковалевская (ИА РАН, Москва) в докладе «Раннесредневековые бусы Кавказа и торговые пути V–IX вв. (применение компьютерного картографирования)» представила карты генеральных компонент, показывающих основные пути поступления бус на территорию Кавказа.

Л.Р.Кызласов (МГУ) в докладе «Неведомые храмы манихеев» охарактеризовал выявленную по раскопкам в Хакасии архитектуру манихейских храмов.

И.Л.Кызласов (ИА РАН, Москва) в докладе «Священная земля тюрок по руническим надписям» отметил, что в орхонских эпиграфических надписях VIII — первой половины IX в. отражены представления тюрок и уйгуров о земле до принятия ими мировых религий. Приведенный И.Л.Кызласовым материал говорит о том, что «в местном обществе греховность, по пришедшей (манихейской) доктрине, отличающая земной мир, уживалась со священным трепетом перед темной землей, свойственным исконной вере».

Т.А.Габуев (ГМБ, Москва) в докладе «К вопросу о локализации пяти „малых владений“ Кангюя» подверг сомнению предложенное В.В.Бартольдом и С.П.Толстовым отождествление Юегань (Хосюнь) с Хорезмом.

Д.С.Раевский (ИБ РАН, Москва) в докладе «О возможности новых подходов к изучению звериного стиля скифской эпохи» предложил новый методоло-

гический подход к изучению поэтики звериного стиля «методами, сходными с исследованиями поэтики вербальных художественных текстов». Их изучение необходимо проводить в неразрывной связи смысла и формы образов поэтики звериного стиля.

Б.Д.Кочнев (ИА АН Узбекистана, Самарканд) в докладе «Ибрахим б. Наср — создатель западного Караханидского каганата» подчеркнул важную роль монетных данных для воссоздания политической биографии Ибрахи-ма б. Насра.

Е.В.Антонова

РЕКОНСТРУКЦИЯ СМЫСЛА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ВЕЩИ. ПОИСКИ ПУТИ

За многие годы работы с Б.А.Литвинским среди отзывов на свои работы автору неоднократно приходилось слышать: «Да, это интересно, ваши интерпретации остроумны, но ведь могут быть и другие, столь же убедительные». Эти слова вызвали разную реакцию, но доминирующей была одна — сделать процедуру поиска максимально прозрачной, а выводы — основанными на различных, твердо обоснованных аргументах. Автор хочет надеяться, что эта небольшая работа станет выражением глубокой благодарности столь требовательному к чистоте научного поиска Борису Анатольевичу.

Среди находимых археологами вещей любой эпохи всегда есть такие, определение даже самых первичных характеристик которых, связанных с функцией, непосредственным использованием, представляет большие трудности. Многократно они возрастают, когда исследователь задается целью представить не только то, для чего предназначалась та или иная вещь, но и какое место в образе мира своих создателей она — уже в качестве знака, символа — занимала.

Очевидно, данные о *смысле* вещи, т.е. ее значении для носителей породившей ее культуры, могут в наиболее полном виде быть получены, когда исследуется живая культура, хотя и в этом случае добыть их бывает нелегко, в частности потому, что должны привлекаться не только синхронные, но и диахронные свидетельства. Хотя исследования этнологов/этнографов дают весьма разносторонние сведения об использовании и осмыслении места вещей, их «материальные» признаки, как правило, предстают как вторичные по отношению к вербальным текстам, для человека современной культуры европейского типа значительно более информативным. Нельзя в то же время не признать, что именно этнологические исследования намечают путь изучения археологических памятников, так как позволяют понять, что все признаки вещей носителей традиционной культуры не были случайными.

Естественно внимание к изучению невербальных языков культуры со стороны археологов, как правило сталкивающихся с проблемой изучения остатков дописанных или бесписьменных культур, называемых иногда «немыми свидетелями прошлого». Но прав Я.Ходдер: нет немых вещей, обычно они включены в определенный контекст, в пространство и время, и наши ошибки в их «прочтении» не означают их собственной немoty [Hodder 1987, с. 2].

Определенную и немалую роль при изучении вещей древних цивилизаций играют изобразительные памятники, естественно, если традиция их создания в изучаемых сообществах была достаточно богатой. Тем не менее и в этих случаях неизбежны трудности: облик вещей на изображениях, в частности обрядовых действий, нередко отличается от того, в котором они дошли до исследователя, необходима процедура отождествления известных по раскопкам и по изображениям (так, части ритуальных вещей могли не сохраниться, потому что изготавливались не только из таких «вечных» материалов, как камень или металл). С трудностями связана и попытка судить о функциях и смысле вещей одной культуры на основании аналогий из других культур, поскольку отнюдь не всегда есть уверенность в тождестве их восприятия носителями.

Какими же могут быть самые первые шаги на пути проникновения в функцию и символическое наполнение археологически полученных вещей бесписьменных культур? По-видимому, сами вещи, смысл которых реконструируется, должны быть подвергнуты всестороннему анализу. Форма, размеры, материалы, из которых они изготовлены, дополнительные элементы — по возможности все должно быть учтено. Ни один из признаков не может рассматриваться как случайный — восприятие мира древними (а вещи — элементы этого мира) не допускало случайностей, произвольной игры отношений означающего и означаемого, свойственной культуре постмодерна нашего времени [Hodder 1989, с. 65–68]. Это положение настолько прочно утвердилось в науке, что аргументировать его, тем более в небольшой статье, не представляется целесообразным.

Вещи любой культуры обладают разнообразными связями, основанными на различных основаниях — сходстве форм, изготовлении из одинаковых или близких по различным характеристикам материалов, общности дополнительных элементов. На основе таких связей образуются своего рода поля, которые определяют место вещи в той или иной ситуации использования, в конечном же счете — в образе мира. Такие поля могут рассматриваться как аналогичные тем, что выявлены лингвистами, где их теория разносторонне изучается (семантическое поле и его более или менее близкие разновидности). Смыслы вещей близкой формы, материала и т.д. не безразличны друг другу, они взаимопроницаемы и взаимообъяснимы. Современный человек живо ощущает такие отношения в различных ситуациях, как правило не отдавая себе в том отчета, воспринимая такую близость на уровне признания «эта вещь к этой подходит, а к этой — нет». Исключительно важную роль в понимании смысла отдельных вещей играет контекст их использования, в котором устанавливаются их связи с другими вещами и с ситуацией, в которой их применяли.

Если носители культур современного типа относятся к признакам вещей как лишь более или менее отдаленно связанным с их образом мира, в древних и современных архаичных культурах ситуация была иной. Картина мира определялась образными отношениями, была мифологической. Признаки вещей здесь представляют собой, очевидно, такие же свойства, которые присущи мифологическим персонажам, являющимся олицетворениями явлений природы или жизни людей. Вещи, независимо от своего облика или материала, действуют подобно живым существам, разумеется также мифологизированным.

Из этого следует, что первый этап исследования смысла археологически добытых вещей — их всесторонний анализ. В качестве примера здесь предлагается опыт изучения так называемых «миниатюрных колонок» из камня, найден-

ных на поселениях и в погребениях бронзового века на обширных пространствах от Северо-Западного Ирана через территорию Южного Туркменистана, Афганистан, Восточный Иран до Белуджистана. Отдельные образцы встречаются и в других областях Центральной Азии, а также (в виде фрагментов) в Юго-Западном Иране. Датируются они в основном концом III — первой половиной II тыс. до н.э., хотя известны и более ранние и, не исключено, более поздние образцы.

Сразу следует оговорить, что отнюдь не все признаки этих вещей рассматриваются в предлагаемой работе, скорее можно сказать, что объектами анализа стали лишь те, которые оказались доступны благодаря публикациям и представились существенными автору. Могут быть выделены и другие признаки и прослежены цепочки их связей, выступающие как отношения между означаемыми и означающими, такие отношения в культурах бесконечны (так, «красный цвет» может означать «кровь», «кровь» — «опасность» и т.д.) [Hodder 1989, с. 69].

Для историка, рассматривающего вещь, уже с самого начала ясно, что к созданиям разных эпох и культур, пусть внешне схожих, следует относиться по-разному (если речь не идет о сугубо формальном анализе). Поэтому необходимо в самых общих чертах охарактеризовать историческую ситуацию, в которой бытовали интересующие нас колонки.

Они появились в пору бронзового века, по всей вероятности, в достаточно сложноструктурированных обществах, хотя не достигших уровня государственности. Основой их существования служило земледелие и скотоводство, причем последнее могло стать специализированной сферой деятельности. Живя в субтропическом климате, носители этих культур пользовались для орошения полей естественными осадками и хотя применяли ирригацию, но в масштабах, несравнимых с месопотамскими или египетскими, — здешние реки невелики. Особенности сооружений, погребальных комплексов, материальной культуры — все свидетельствует о том, что существовала элита, озабоченная созданием присущего ей комплекса отличительных признаков.

Вещи, к числу которых относятся колонки, бытовавшие, как предполагают, достаточно долго и на обширной территории, не могли не отличаться как по облику, так и по контексту. Тем более удивительно свойственное всем хорошо документированным комплексам единообразие. Впервые они были обнаружены при раскопках Тепе Гиссара, одного из важнейших поселений Северо-Восточного Ирана. Колонки, обнаруженные здесь, как и на поселениях Восточного Туркменистана, в значительных количествах и в определенных контекстах относительно детально опубликованные, могут с известной долей условности считаться исходными для общей характеристики вещей такого рода вообще.

Необходимо отметить, что эти изделия не имеют очевидных предшественников на своей территории и не обнаруживают аналогий в вещах более поздних культур, что крайне затрудняет понимание их смысла.

Колонки Гиссара принадлежат верхнему слою IIIС. Они изготовлены из так называемого алебаstra [Schmidt 1937, с. 157]. Это цилиндры с вогнутой поверхностью и плоскими или слегка выпуклыми основаниями. Основания обычно имеют два проложенных по диаметру узких желобка, в некоторых случаях соединяющихся вертикальными на поверхности (отмечается, что направление желобков на основаниях могло не совпадать с концами желобков на поверхности) [Schmidt 1937, с. 218]. Размеры — высота 23–31 см (известен миниатюрный

экземпляр высотой ок. 12 см), диаметры оснований — от 10 до 15 см. Диаметры оснований неравны, а самая узкая часть находится, как правило, ближе к меньшему основанию, что наряду с другими особенностями позволяет думать о вертикальном расположении колонок (Э.Шмидт считал, что их могли применять как горизонтальные детали каких-то приспособлений вроде весов [Schmidt 1937, с. 216], но это предположение не нашло поддержки у других авторов). Еще Э.Шмидт заметил, что желобки на основаниях у краев иногда имеют углубления, переходящие на желобки стенки. Он, как и другие исследователи, обратил внимание на то, что на основаниях бывают следы какого-то использования, зазубрины.

На Тепе Гиссаре найдено не менее 13 колонок; значительно большее их число обнаружено на поселениях древней дельты Мургаба — здесь они встречаются многими десятками. Особенно информативны обнаруженные на Тоголоке-21, где их число превышает 30. Они отмечены всеми признаками, характеризующими колонки Гиссара, но есть и отличия. Мургабские колонки сделаны из минералов, отсутствующих в долине, — брекчии, яшмовидной породы, мрамора, известняка и оникса, их высота от 20 до 40 см [Сарианиди 1990, с. 143–144]. Как правило, они тщательно обработаны, стенка (но не основания) заглажена или заполирована. Верхние и нижние основания плоские или слегка выпуклые, их диаметры от 10 до 15 см. На них по диаметрам выточены желобки шириной 1–2 см. Желобки на верхней и нижней поверхности иногда имеют расширения у одного из краев. По краям желобков бывают узкие углубления (шириной до 2 мм), спускающиеся в желобок на стенке. В.И.Сарианиди отметил, что они могли указывать на назначение колонок. Он обратил внимание на то же, что Э.Шмидт: «Внешние края торцовых плоскостей почти у всех образцов сохранили следы залощенности и нередко зазубрины» [Сарианиди 1990, с. 144].

Находки на Тоголоке-21 дали безусловные свидетельства того, что колонки могли использовать в сочетании с дисками большего или меньшего диаметра. Относительно большие по сравнению с диаметрами оснований диски были обнаружены на Тепе Гиссаре, они иногда имели желобок по диаметру, но их связь с колонками оставалась неясной. В афганском поселении Дашлы-3 диаметр диска равен или превышает высоту колонок [Sarianidi 1986, с. 134]. В Тоголоке-21 найдены диски небольшого диаметра, форма которых позволяет полагать, что они накладывались на верхнее основание. Такая «крышка», нижний диаметр которой соответствует диаметру верхнего основания колонки, найдена в пом. 28. На нижней ее поверхности есть желобок (как и на основании самой колонки). Примечательно, что такие «крышки» могли иметь желобки и на двух поверхностях [Сарианиди 1992, с. 87], что позволяет думать — их на колонке могло быть более одной.

Описание колонок из разграбленных могильников Бактрии (территория Афганистана) принадлежит М.-Э.Потье. В основном их характеристики близки маргианским, хотя высота несколько меньше — 14–28 см. Диаметр основания относится к высоте как 1:2, при этом диаметр верхнего нередко превосходит диаметр нижнего. Особенности желобков те же, отмечается их глубина — от 1 до 2 см [Pottier 1984, с. 41].

Несколько образцов колонок из бактрийских могильников и Маргианы имели следы металлических капсул, укрепленных на верхнем или обоих основаниях, — медных, свинцовых, серебряной, закрепленной гвоздиками [Pottier 1984, с. 42; Сарианиди 1990, с. 144].

Помимо капсул неотъемлемой частью нескольких колонок были инкрустации; таких образцов немного, и они в основном были небольшого размера. На Тепе Гиссаре в одном комплексе с обычными обнаружена каменная колонка высотой около 26 см, диаметры 14,5 и 12,4 см; она инкрустирована костяными пластинками (треугольной, ромбоидальной и треугольной формы) и вставками на верхней поверхности [Schmidt 1937, с. LXI]. Предположительная реконструкция рисунка — несимметрично относительно вертикальных желобков (также инкрустированных прямоугольными пластинами) расположенные пояса из этих элементов. На верхнем основании по сторонам желобка располагались два двойных круга разного диаметра с точечным заполнением между ограничивающими кругами. Число точек в большем круге невозможно определить из-за утрат, в меньшем — их 22. В вертикальных желобках отмечены следы охры [Schmidt 1937, с. 218]. Таким образом, колонка предстает как составленная из двух частей, разделенных по вертикали; деление подчеркивается и расположением неравных кружков на верхнем основании.

Еще одна колонка высотой ок. 12 см, диаметр верхнего основания — ок. 10 см, происходит из Афганистана. На коричневатой поверхности камня в нижней части сохранилась укрепленная на битуме инкрустация из тесно расположенных известняковых полукружков. Верхнее основание также имеет дополнительные белые элементы — полоска по диаметру и кольцо по краю [Amiet 1986, с. 311, № 157].

В погребении на Тоголоке-1 в Маргиане найдены фрагменты также небольшой колонки из черного стеатита, инкрустированной вставками из белого камня. Вверху они имели вид ступенчатых треугольников, чередующихся с кружками с точкой в центре. Ниже находились ряды вставок из вертикально вытянутых прямоугольников [Сарианиди 1990а].

Итак, характеристики колонок следующие: подцилиндрическая форма, размеры в основном достаточно крупные, хотя известны и совсем небольшие, материал — различные минералы, наличие желобков и зазубрин в них или по их краям, металлические капсулы на основаниях и иногда инкрустации в основном небольших экземпляров. Характер оформления позволяет думать, что они мыслились как состоящие по вертикали из двух частей. Судя по их встречаемости с крупными дисками, они могли составлять часть конструкций типа столиков или были увенчаны дисковидными элементами — дисками относительно большого диаметра и небольшого — «крышками».

Обратимся к рассмотрению комплексов, в которых обнаруживают колонки. Много их происходит из погребений, в том числе не из научных раскопок, но есть и найденные при планомерных исследованиях. В Тепе Гиссаре они обнаружены в погребениях как с останками людей, так и без них, что позволило Э.Шмидту отнести такие скопления вещей ккладам. Ряд исследователей полагают, что и эти скопления — остатки погребений с несохранившимися костями похороненных. Лишь в одном случае колонки (три вместе с двумя дисками) составляли часть «бедного» комплекса [Schmidt 1937, с. 177, 218], соседствуя с сосудами. В большинстве случаев они принадлежали богатым комплексам. Среди них так называемый «клад 1» с Холма сокровищ [Schmidt 1937, с. 173]. Целых и фрагментированных колонок здесь обнаружено 9 (среди них описанная выше инкрустированная). Каменных дисков, предположительно функционально связанных с колонками, пять. Найдены и фрагменты каменного

стержня (два) общей длиной 1,07 м (такие вещи нередко встречаются вместе с колонками).

В этом «кладе» находились многочисленные предметы вооружения — 10 медных наконечников копий разных форм, медный топор и два медных топора-тесла. Два древка копий были украшены полосками из меди и серебра. Здесь же были два серебряных и золотой конусовидные предметы, по всей вероятности сигнальные горны. Два сосуда изготовлены из меди, один из них имел носик. Украшения представлены бусами из золота, халцедона, сердолика, фритты, раковин; ушные подвески — золотые. Найдена золотая диадема и две плоские фигурки баранов также из золота, вероятно первоначально на что-то нашитые. Кроме того, здесь же были две фигурки баранов из глины.

Колонка высотой 34 см, разбитая на две части, найдена в погребении мужчины зрелого возраста (костяк, скорченный на боку), CG 20, X-2 [Schmidt 1937, с. 255]. Инвентарь — глиняный бутылевидный сосуд, два алебастровых блюдобразных сосуда на ножке, каменная чаша.

В погребении «первого воина» (DF 19X-2) алебастровая колонка находилась среди множества вещей — каменной «гири» (нередко встречающегося предмета, подобно колонкам, неизвестного назначения), серебряного сосуда с носиком, сероглиняных сосудов, алебастрового кувшина, кинжала, двузубца, топора-тесла, долота, возможно, бронзового шлема, булавки с головками животных и птиц, серег, обложенных золотом, бус [Schmidt 1937, с. 219].

Алебастровая колонка в «кладе II» соседствовала с гиреобразным предметом, каменной женской статуэткой, алебастровыми флаконами с кружковым орнаментом, сероглиняными сосудами, бронзовой булавкой с волчьеобразным навершием в свинцовом флаконе [Schmidt 1937, с. 175].

Э.Шмидт отметил, что каменные колонки и диски обычно находят в наиболее богатых погребениях [Schmidt 1937, с. 177]. Комплекс слоя III вообще отличается особым богатством. Каменные сосуды встречаются исключительно в слое IIIc; среди них — плоские блюда на высокой ножке (высотой до 20 см), сосуды с длинным носиком, сосудики с квадратным основанием и узким горлышком, украшенные двойными кружками с точкой посередине (орнамент, характерный для позднего «межкультурного стиля» вещей из Ирана и соседних областей, по П.Амье [Amiet 1986, с. 147]). В этом слое возрастает количество металлических вещей, в том числе из серебра; свинцовые изделия до этого времени не встречаются вообще. Показательны находки предметов вооружения, сигнальных горнов из драгоценных металлов.

Среди керамических и металлических сосудов выделяется группа явно предназначавшихся для напитков, в том числе сосудов с носиками. В связи с этими предметами следует упомянуть небольшие фигурки стоящих обнаженных мужчин (за исключением одной женской) из меди и реже серебра. Их руки вытянуты вперед перед грудью или на уровне живота. Контекст их примечателен — так, на Главном холме под полом сооружения периода IIIc их найдено 13 вместе с фигуркой утки, несколькими медными сосудами, коническими чашами, маленькими кувшинами и чем-то вроде жаровен из глины. Позиция рассматривалась автором раскопок как молитвенная или имеющая отношение к жертвенному ритуалу [Schmidt 1937, с. 191, 193].

Находки колонок на наиболее изученном поселении подгорной полосы юга Туркменистана, Алтын-депе, немногочисленны и в информативных контекстах

принадлежат погребениям. Так, колонка высотой ок. 30 см с желобками на основаниях и двумя на стенке находилась перед верхней частью скорченного костяка мужчины 40–45 лет [Массон 1981, с. 54; Алекшин 1979]. Инвентарь представлен четырьмя глиняными сосудами, три из которых, как отмечает В.А.Алекшин, явно предназначались для жидкостей и/или сыпучих продуктов. У шеи лежала агатовая бусина, две крупные бирюзовые — у головы и еще одна — у левой руки. На костяке лежал уже знакомый по находкам в Тепе Гиссаре каменный стержень длиной ок. 1 м со скошенным концом.

Колонка обнаружена в одном из пяти помещений погребального комплекса в юго-восточной части Алтын-депе [Массон 1981, с. 64 и сл.]. Это второе от входа помещение отличалось многими примечательными особенностями. В центре его находился глинобитный «очаг-подиум» с невысокими бортиками и овальным углублением посередине. На «подиуме» располагался небольшой биконический сосуд, два других — на полу. Около прохода в следующее помещение лежали рога очень старого муфлона.

Главное место в помещении занимало прямоугольное сооружение у северной стены, именуемое В.М.Массоном алтарем. Он был выложен из кирпича и перекрыт деревянным настилом. На нем находилась плечевая кость и ребра взрослого человека; пространство под настилом в древности не было заполнено кирпичом и использовалось для размещения человеческих останков, от которых сохранились разрозненные кости, в том числе, что примечательно, людей разного возраста (череп ребенка примерно 6 лет и останки мужчины 60–70 лет). Здесь найдены бусины из сердолика, агата, золота. Под «алтарем» ровными рядами по 6 лежали 18 каменных шариков, в том числе лазуритовых.

По всему помещению найдены плоские бусины из лазурита и слоновой кости (по мнению В.М.Массона, ими была расшита ткань, покрывавшая так называемый алтарь; всего в помещении найдено 864 бусины, из них — 9 золотых, 101 лазуритовая, 639 бирюзовых и др.).

К западу от «алтаря» на полу лежали каменные предметы — дискообразная «тиря» с ручкой, колонка из серого камня (высота 30 см, сверху расширена; она характеризуется В.М.Массоном как «своего рода пестик с поперечными бороздками на обоих концах») и биконический предмет с плоскими основаниями. Здесь же находились золотые и агатовые бусины, нити бирюзового бисера, печати — крестообразная из лазурита и из белого камня со свастикой, полые, литые из золота головки волка и быка (высотой соответственно 1,5 и 7,5 см) и несколько металлических предметов.

К востоку от «алтаря» в углу лежали отдельные кости нескольких скелетов и сильно скорченный костяк, череп которого был намеренно отделен. И здесь найдены каменные, в том числе лазуритовые, бусины.

Множество колонок найдено на поселениях Маргианы, но здесь лишь немногие происходят из более или менее хорошо сохранившихся погребений. В восточной части «сельского храма» Тоголока-1 обнаружено погребение молодого человека 20–25 лет, женщины или мужчины (жрицы или жреца, по интерпретации В.И.Сарианиди [Сарианиди 1990а, с. 164]). Именно здесь найдена, вероятно, разбитая в древности грабителями (лаз — прямо над погребением) черная стеатитовая колонка с инкрустацией, о которой говорилось выше. Погребение явно принадлежало социально выдвинутому лицу. Впечатляют уже размеры самой ямы — 5,5×4,5×1,5 м. Останки умершего лежали в северной

части, возможно в кирпичной обкладке. Здесь же находились два ритуальных сосуда с наклепными фигурками животных и людей и фрагменты колонки. В противоположном углу пирамидой были сложены сосуды в основном трех форм — колоколовидные кубки, вазообразные на ножках и без них. Уже после совершения погребения, по мнению автора раскопок, в другой угол ямы спустился погонщик с двумя быками; все они были убиты, при этом погонщик — раньше быков. На уровне 0,5 м над быками в землю положили сосуд среднего размера, бедренную кость крупного животного и медный «дуршлаг», после чего могила была засыпана до верха.

В период существования так называемого Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) наряду с обычными погребениями людей существовали захоронения животных, с известной долей условности именуемых баранами, в которых также находят колонки. В могильнике на Тоголоке-24 обнаружено такое погребение, при этом костяк барана лежал в положении человека — на правом боку, головой на север, в прямоугольной кирпичной гробнице. Инвентарь — 6 сосудов, 2 бронзовых наконечника стрел, браслет [Сарианиди 1990, с. 52].

Еще более примечательное погребение барана обнаружено при раскопках Гонура-1 [Сарианиди 1995]. Автор раскопок пишет, что оно относится к тому времени, когда поселение было уже заброшено, ко второй половине II тыс. до н.э. Погребальная яма размером 3,5×2,0×1,7 м была разделена стенками на три отсека. Пол центральной камеры был выше, чем у других, на 0,4 м, стенки ее обожжены. Ягненок лежал на правом боку, при этом был лишен головы, лопаток и частей передних ног до коленного сустава. Среди позвонков найден бронзовый нож длиной 10 см. За спиной ягненка находился сланцевый стержень длиной более 1 м с круглым медным пустотелым навершием с прорезями и цепочкой; внутри него — камешки (этот стержень, вероятно, может прояснить назначение подобных предметов, сохранившихся гораздо хуже). Перед ягненком лежала колонка из черного стеатита, над ней — глиняный вазообразный сосуд красного цвета. На полу «в определенном порядке» положено 18 кремневых наконечников стрел, части инкрустации предмета или предметов из обычной и слоновой кости и фаянса.

Во второй камере находилось около 20 раздавленных сосудов и часть позвоночника барана или козла (определение пола условно). В третьей камере найдено два плохо сохранившихся скелета верблюда и два скелета коз или баранов еще худшей сохранности. На краю камеры обнаружено нечто вроде тайника с четырьмя серебряными булавками.

Итак, наиболее информативные погребальные комплексы с колонками из Тепе Гиссара, Алтын-депе и долины Мургаба позволяют сделать некоторые выводы. Они обнаружены в выделяющихся богатством или другими особенностями погребениях безусловно мужчин, иногда женщин и в «погребениях» мелкого рогатого скота, совершавшихся в связи с особыми ритуалами. Колонки были разного размера, как целые, так и фрагментированные, и, по всей вероятности, не представляли интереса для грабителей могил. В то же время нельзя исключать возможности, что при захоронении могли класть не только целые экземпляры, но и их фрагменты. Примечательно, что с колонками находят другие крупные изделия из камня — стержни и диски с ручками, условно именуемые «гирями».

Контекст колонок информативен и в другом случае — когда они обнаруживаются в каких-либо помещениях. Отчасти такая ситуация уже была описана для Алтын-депе, но там помещения с достаточной долей вероятности можно связывать с погребальными обрядами или с обрядами, в которых фигурировали умершие. Раскопки в Маргиане позволили выявить местонахождения колонок в помещениях, где они могли использоваться. Наибольшие сведения такого рода получены при раскопках Тоголока-21, сложного в архитектурном отношении комплекса, характер использования остается не совсем ясным, хотя ритуальное назначение большинства помещений весьма вероятно.

Весь комплекс представляет собой остатки сооружений в обводе двух стен, ориентированных по сторонам света. В центре находилось прямоугольное в плане сооружение, северная часть которого «состоит из серии взаимосвязанных помещений, имевших парадное назначение, в то время как южная часть имела преимущественно подсобное назначение» [Сарианиди 1990, с. 102]. Очевидно, для понимания смысла всех использовавшихся здесь вещей, элементов конструкций и т.д. следовало бы понять, чем служил этот комплекс в целом, но это потребовало бы скрупулезного исследования огромного масштаба. Наша задача значительно скромнее: проследить, где и в каких сочетаниях с различными элементами встречаются колонки. Это особенно важно потому, что, по наблюдениям В.И.Сарианиди, центральный комплекс был заброшен сразу, свидетельством чего явились многочисленные совершенно целые сосуды, миниатюрные колонки и другие, в том числе явно ритуальные вещи [Сарианиди 1990, с. 144, 152].

В Тоголоке-21 обнаружено около 30 колонок, но в интересующем нас контексте, судя по публикации, 11. Они найдены в помещениях разного размера — от большого «зала» (или двора?) 23 до маленького проходного помещения 28. Отмечается их тяготение к западной части комплекса. Их находят в основном на полу у стены, порога или прохода, в стенных «очагах» без следов воздействия огня (хранилищах вещей?), в обмазанной гипсом корзине. Почти во всех случаях они находились в помещениях с белой гипсовой обмазкой пола и стен, в двух случаях — с желобами для стока каких-то жидкостей. В подавляющем большинстве случаев в помещениях с колонками находились крупные сосуды, а по крайней мере в двух — и небольшие, в том числе предназначавшиеся для питья. В 8 случаях в таких помещениях были очаги или очажки со следами огня или сильно прокаленные (3 помещения), с угольками (1), черной золой (1) и без следов огня (1).

В так называемом «центральной зале» (дворе?) (пом. 23) на полу найдены фрагменты колонки. В полу была сделана вымостка с желобом из черепков. В пол вмазан чан; в нем обнаружены остатки эфедры, галлюциногенного растения. Помимо того, в помещении находились фрагменты крупных и мелких сосудов.

Среди вещей, совместное месторасположение с колонками которых может оказаться важным для интерпретации их смысла, — сосуды с налепленными на венчик фигурками, условно говоря, людей и различных животных. В пом. 28 обнаружена целая колонка и «крышка» от другой; тут же находился крупный фрагмент сосуда, на венчике которого — часть фигурки человека, а внутри — налепленная змея [Сарианиди 1990, с. 138, 117].

Этот единственный хорошо изученный случай использования колонок в определенно непогребальном контексте показывает, что они скорее всего применялись в обрядовых действиях, реконструкция которых в картине культуры эпо-

хи бронзы этого региона потребовала бы отдельного и весьма пространного исследования. Здесь достаточно сказать, что они функционировали в сложно-структурированном обществе, где заметную роль играли воины (признаки этого — церемониальное оружие, топоры). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что появление в подгорной полосе и затем распространение колонок в Маргиане совпадает с резким сокращением, если не практически полным прекращением изготовления антропоморфных статуэток, число мужских среди которых в эпоху Намазга V и VI, насколько можно судить, возрастает по сравнению с периодом ранней бронзы в подгорной полосе Копет-Дага.

Кратко проанализировав эти моменты, обратимся к ассоциациям характеристик колонок с другими известными вещами. Начнем с формы, хотя для древних, по всей вероятности, все элементы вещи играли одинаково важную роль. Форма вещи — вытянутой по вертикали — не может рассматриваться как случайная, как и все другие признаки. Комплекс Гиссара демонстрирует рост числа «вертикально ориентированных» форм, в том числе сосудов на подставках или ножках. То же присуще соседним комплексам рассматриваемых в связи с колонками территорий эпохи бронзы. Из камня изготавливали небольшие предметы с крышечками, по форме напоминающие колонки, вероятно светильники. Каменными были и реконструируемые как состоящие из двух частей грибообразные предметы с коническим расширяющимся книзу основанием. Их предполагаемая верхняя часть имеет в основании форму не только круга, но и треугольника и иногда несет изображения, о которых речь ниже [Сарианиди 1990, с. 139]. К вещам высокой формы, вертикально ориентированным, может быть отнесен широкий их круг. Среди них — археологически фиксируемые в исходном виде и реконструируемые. Так, к ним могут быть отнесены всякого рода несохранившиеся опоры, предметы вооружения (копья) и т.д.

Характерно, что тенденция к «вертикализации» отразилась и на керамических сосудах юга Туркменистана эпохи развитой бронзы, когда здесь зафиксированы первые образцы колонок (период Намазга V). Такие же пропорции приобрели статуэтки этого времени, из сидящих они стали стоящими. Тенденция к «вертикализации» прослеживается и на материале печатей разнообразных форм, характерного признака Бактрийско-Маргианского археологического комплекса [Франкфор 1997, с. 67].

Второй признак интересующих нас изделий — материал. Колонки, насколько можно судить, всегда делались из камня, более или менее легко подвергавшегося обработке, но во всех случаях оказывавшего большее сопротивление мастеру, чем глина. В интересующем нас регионе из камня не делали почти никаких вещей повседневного использования, кроме зернотерок и дверных подпятников (быть может, среди «тирь» и других камней со следами использования были и имевшие практическое назначение). Глина была основным материалом для всего, чем пользовались. В.И.Сарианиди заметил, что в дельте Мургаба не могли найти материал для изготовления колонок, в том числе столь примечательного комплекса, как найденного в Тоголоке-21, камень должны были доставлять издалека.

Из камня делали вещи особого предназначения — печати, служившие не столько знаками собственности, сколько амулетами, а также разнообразные более или менее часто встречающиеся предметы, скорее всего, ритуально-престижного назначения. Среди них — «косметические флаконы» с простым

(с нашей точки зрения) кружковым орнаментом или с различными изображениями, некоторые из которых могут связываться с колонками.

Вероятно, определенное значение имел и цвет камня, как и другие его характеристики, представлявшие важными носителям культур, где бытовали колонки. В связи с «пестротой» камня любопытно, что известны глиняные предметы (по форме напоминающие колонки) с беспорядочно исчерченной поверхностью, что, быть может, имитировало пестроту камня [Сарианиди 1990, LXXVII, 19].

Дополнительные элементы колонок — капсулы — не имеют как будто точек соприкосновения с другими вещами, если, конечно, не говорить об их материале — меди, свинце и даже серебре, металлах, которые имели определенное внеутилитарное значение. Исследование металлических вещей предположительно внеутилитарного назначения в интересующем нас регионе в пору поздней бронзы — весьма интересная тема.

Есть и другие элементы убранства колонок, которые можно обнаружить, пусть в несколько иной форме, на весьма примечательных вещах. При описании внешнего облика колонок говорилось, что поверхность некоторых из них была инкрустирована. В настоящей работе нас привлекают чешуеобразные инкрустации — обращенные вверх полукружки, которыми была «декорирована» одна из небольших колонок. Форма инкрустаций напоминает «чешуйки», заполняющие контуры горы, на которой возвышается дерево, — это изображения на каменных флаконах [Pottier 1984, fig. 20, 145]. Таким же образом разделана гора на трех поверхностях конусообразного предмета из помещения на Тоголоке-21 — здесь «гора» образуется полукружиями. Она венчается копьеобразным изображением, скорее всего деревом, по сторонам которого стоят вздыбленные змеи [Сарианиди 1990, LXXXI, 4].

Заполнения такого же облика встречаются на ручках металлических зеркал из погребений на территории Афганистана [Amiet 1986, № 163], зеркал, которые П.Амье связывал с образом египетской богини Хатор; культ ее, как известно, был связан и с почитанием деревьев.

Сказанное позволяет подвести некоторые итоги. Колонки могли использовать как основания дисков, в результате чего такие вещи приобретали вид столиков; другая разновидность несла на верхней поверхности «крышкообразные» завершения; есть основания думать, что на разных территориях (или в разное время?) предпочтение отдавалось одной или другой разновидности. Представляется важным признаком выражаемая разными способами разделенность колонок по вертикали на две части. На характер обращения с колонками безусловно указывают желобки и особенности их оформления. Ритуальное назначение колонок явствует из контекстов — их находят в погребениях, причем отличающихся особым инвентарем, а также в помещениях, где совершали обряды, в которых использовали жидкости; были в таких помещениях и очаги. Примечательно, что в сочетании с колонками практически никогда (исключение — один случай на Тепе Гиссаре) не встречаются антропоморфные фигурки.

Нельзя исключать возможности, что колонки имели не только завершения, но и располагались на каких-то конструкциях. Для укрепления на них мог служить желобок на нижнем основании.

Удастся проследить на основании формы, материала, дополнительных элементов, что смысл колонок связывается с широким кругом вещей высоких форм, образами горы, дерева, змеи, весьма вероятно, мелких копытных (достаточно вспомнить череп муфлона в погребальном комплексе Алтын-депе, а также по-

гребения животных с колонками). По всей вероятности, такого рода семантические связи могли быть более или менее опосредованными.

Все перечисленные признаки, рассмотренные в контексте представлений носителей культур эпохи бронзы данного региона бытования колонок, должны помочь проникнуть в их символическое значение. Рамки настоящей статьи не позволяют детально остановиться на этом увлекательном предмете. Позволю самое общее соображение — семантическая близость колонок образу дерева, растения, чья огромная роль в мифологических образах мира давно обоснована. В связи с этим наблюдением симптоматично, что растения — все более частый элемент на предметах в подгорной полосе Копет-Дага по мере развития культуры бронзового века, они же — частый элемент в изображениях на печатях и в ритуалах носителей Бактрийско-Маргианского археологического комплекса.

Контекст колонок, в первую очередь обнаруженных в Тоголоке-21, позволяет думать, что они фигурировали в ритуалах, связанных с применением жидкостей, хотя нельзя исключать возможности использования в ходе этих ритуалов огня. Желобки на основаниях и поверхности колонок, по крайней мере в некоторых комплексах, могли служить каналами для выжатых из стеблей растений жидкостей или, например, специально изготовленных, пропитанных такими жидкостями тканей, а также плетенок из растений. Их могли помещать между верхними поверхностями колонок и «крышками» (аналогии вещам такого назначения более подробно рассматриваются в моей статье). Таким образом, предположение В.И.Сарианиди об использовании колонок в ритуале возлияния [Сарианиди 1992, с. 87] находит новые подтверждения.

Сейчас чрезвычайно сложно определить этническую принадлежность носителей Бактрийско-Маргианского археологического комплекса, региона максимального распространения колонок. Вряд ли может вызывать сомнения участие в его сложении носителей анауской культуры подгорной полосы. В то же время весь облик комплекса указывает на сильное влияние, если не проникновение на его территорию, обитателей из более или менее отдаленных регионов Передней Азии. Могли ли они быть ариями, как на этом настаивает В.И.Сарианиди? В сумятице событий первой половины II тыс. до н.э. среди пришельцев могли оказаться и они. (В то же время обращает на себя внимание тот факт, что в качестве упряжного животного здесь, как показывают находки в погребениях, а также изобразительные памятники, использовали не столь характерную для ариев лошадь, а быка.) Скорее всего, население было неоднородным по происхождению.

В связи с этим кажется неправомерным игнорирование роли хурритов, распространившихся к середине II тыс. до н.э. чрезвычайно широко и игравших важную роль посредников, передатчиков элементов разных культур от Египта до Ирана. Следует заметить, что, по широко распространенному мнению, они появились в Передней Азии ранее ариев и в ходе своей истории оказались чрезвычайно восприимчивы к культурам с более древней традицией, начиная от шумеро-аккадской до восточноевропейской. Отнюдь не настаивая на том, что в Маргиане или Бактрии эпохи поздней бронзы были хурритские государства типа тех, что существовали в Палестине, Сирии, Восточной Анатолии и Северной Месопотамии, все же можно предположить, что отдельные группы хурритов или их элита сыграли немалую роль в формировании БМАК, в первую очередь в сложении комплекса элитарной культуры, и стимулировали переформирование в новой социальной и культурной ситуации старых религиозно-мифологических представлений. Именно среда, находившаяся под их воздей-

ствием, могла способствовать возникновению под египетским, сиро-палестинским и восточноанатолийским воздействием ритуальных колонок в регионах, где возникла потребность в новых обрядах и обрядовых вещах.

Небезынтересно, что в анатолийском мире широко использовались каменные (а именно камень — материал колонок) ритуальные стелы, символы божеств Грозы, Солнца, перед которыми совершали возлияния и приносили жертвы. Возлияния сопровождалось ритуальным питьем различных напитков [Ардзинба 1982, с. 9, 13–14, 63–64]. Предположение о воздействии со стороны горских народов позволило бы пролить свет и на характер использовавшегося для изготовления колонок материала. Естественно думать, что он мог играть существенную роль в культуре и представлениях горцев (каковыми по происхождению и были хурриты). Мотив камня, почитание гор весьма присущ горцам-хурритам. Из этого в то же время не следует, что такового не могло быть и у других народов [Топоров 1985, с. 117], как нельзя исключать и возможность восприятия элементов сложившейся в конце III — первой половине II тыс. до н.э. культуры БМАК более поздними пришельцами — ариями.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексин 1979 — Алексин В.А. Могила знатного горожанина на Алтын-депе. — УСА. Вып. 4. Л.
- Ардзинба 1982 — Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М.
- Массон 1981 — Массон В.М. Алтын-депе. — ТЮТАКЭ. Т. XVIII. Л.
- Сарианиди 1990 — Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Аш.
- Сарианиди 1990а — Сарианиди В.И. Сельский храм Тоголок-1 в Маргиане. — ВДИ. № 2. 1990.
- Сарианиди 1992 — Сарианиди В.И. Два уникальных флакона из Бактрии. — ВДИ. № 3. 1992.
- Сарианиди 1995 — Сарианиди В.И. Библейский миф об агнце и погребальные обряды Маргианы и Бактрии. — Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Матер. 3-й Междунар. конф. Россия и Восток. Проблемы взаимодействия. Ч. V, кн. 1. Челябинск.
- Топоров 1985 — Топоров В.Н. Хеттско-лувийская Камнишера: мифологический образ. — Древняя Анатолия. М.
- Франкфор 1997 — Франкфор А.-П. Печати Окса: разнообразие форм и изменчивость функций. — ВДИ. № 4. 1992.
- Amiet 1986 — Amiet P. L'Âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J. C. P.
- Hodder 1987 — Hodder J. The contextual analysis of symbolic meaning. — Hodder J., ed. The Archaeology of Contextual Meaning. Cambridge etc.
- Hodder 1989 — Hodder J. Post-modernism, post-structuralism and post-processual archaeology. — Hodder J., ed. The Meaning of Things. Material Culture and Symbolic Expression. London, Boston, Sydney, Wellington.
- Pottier 1984 — Pottier M.-H. Matériel funéraire de la Bactriane Méridionale de l'Âge du bronze. P.
- Sarianidi 1986 — Sarianidi V. Die Kunst des Alten Afghanistan. Lpz.
- Schmidt 1937 — Schmidt E.F. Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia.

Н.С.Байматова

КЛАССИФИКАЦИЯ СЫРЦОВЫХ КУПОЛОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

(IV–III тыс. до н.э. — VIII в. н.э.)

По рассказам очевидцев, обычно Б.А.Литвинский при раскопках того или иного сооружения стоял под «арочкой», т.е. изучение конструкций свода было его любимым делом. Особый интерес юбиляра к аркам, сводам и куполам Средней Азии, к технике кладки и генезису их форм отражают многочисленные статьи и монографии, где можно найти важные, часто на широком сравнительном материале обобщенные сведения о древнем строительном деле Средней Азии и Ближнего Востока. Одно из сообщений юбиляра в соавторстве с Т.А.Шерковой¹, по сути, является первой попыткой определения типов куполов в до- и раннемусульманской архитектуре Средней Азии.

Разработка типологии, охватывающей как конструктивные, так и морфологические признаки куполов, дело будущего; в данной статье представлена предварительная классификация сырцовых куполов.

Оседлое население Средней Азии с древнейших времен покрывало свои дома и здания куполами. Своды и купола были не только широко распространенным видом перекрытия в малолесных долинах Средней Азии, но и идеальной формой в местном сухом континентальном климате; наряду с этим свод и купол занимали определенное место в религиозных представлениях.

Классификацией среднеазиатских сводов и куполов занимались многие историки архитектуры (М.Ф.Мауер, К.С.Крюков, В.Л.Воронина, П.Ш.Захидов и др.). Особенности сырцовых сводчатых покрытий чаще всего определены исходя из формы, т.е. основаны на геометрическом построении профиля кривой. Это, очевидно, перенято от сводчатых структур монументальных сооружений из жженого кирпича (исламское время). При этом не учитывалось то обстоятельство, что сырцовые своды и купола в основном не имеют строгой геометрической формы, их профиль всегда только приближен к параболе или эллипсу, сфере. Следовательно, классификацию сводов следует базировать скорее на технике кладки, а не на геометрическом построении кривой.

Изучение морфологии сырцовых куполов, их техники кладки и хронологии позволяет установить отдельные группы и подгруппы, образующие целые

---

¹ Литвинский, Шеркова 1977, с. 146–148.

классы. По характеру сочленения купола и опорных стен можно выделить три класса:

- 1) купол над круглым основанием;
- 2) купол над прямоугольным основанием;
- 3) купол над квадратным основанием.

По имеющимся данным начиная с I в. н.э. купола этих классов возводили хронологически параллельно. Среди них наиболее древние купола толосов (Геоксюрский оазис, Маргиана)² относятся к первому классу. Самые первые из надземных куполов второго и третьего классов относятся к I–IV вв. н.э. (Чар-дара, Хорезм)³.

В основу определения групп внутри вышеназванных классов легли такие признаки, как опорная «площадь» в основании купола и соотношение диаметра купола с пролетом перекрываемого помещения.

Подгруппы внутри групп выделены по непосредственному или с помощью промежуточного «пояса» сочленению купола с опорами, а также по месту расположения тропов и технике кладки «пояса».

1. Купол над круглым основанием

Если дифференцировать класс куполов над круглым основанием по опорной «площади», то следует выделить три группы (рис. 1):

- 1) свободностоящие стены+купол;
- 2) круг внутренних стен вписан в квадрат внешних+купол;
- 3) основание, производное от круга+купол.

1.1. Свободностоящие стены+купол

Древнейшие купола первой группы датируются IV–III тыс. до н.э. (конец IV — первая треть III тыс. до н.э., Геоксюрский оазис) (рис. 1, 1), и их строительство не прекращается в последующие периоды. Сохранившиеся примеры — это купола надземных и подземных помещений. Причем рассматриваемые подземные купола образуют стены топок обжигательных печей, которые, возможно, были также перекрыты куполами обжигательных камер. О существовании круглых в плане обжигательных камер, которые «имеют полусферическую форму из кирпича», во многих поселениях Маргианы, а также близ поселений Гонур (1500–1250 гг. до н.э.) и Тоголок (конец II тыс. до н.э.) свидетельствует В.Сарианиди⁴.

При кладке надземного купола в его основании неизменно выкладывается опора-стена, если даже она невысока и состоит всего из нескольких рядов кирпичной кладки. В противоположность этому, кладку подземного купола начинали сразу с уровня пола; таковы, например, топки печей 2 и 4 на Джинн-Тепе

² Сарианиди 1972, с. 23.

³ Максимова и др. 1968, с. 26–27; Неразик 1989, с. 52–59.

⁴ Sarianidi 1998, с. 35.

(I в. до н.э. — I в. н.э.)⁵. Стены-опоры куполов центрального помещения сооружения Баланди-2 (IV–II вв. до н.э.)⁶ (рис. 1, 2) и угловой башни Ак-Тепе (Юнусабадское) (I–VII вв. н.э.)⁷ (рис. 1, 3) в нижней части выложены из битой глины, в верхней — из глиняного кирпича; лишь стены купольного помещения на Шахри-Захак (IV–V вв. н.э.)⁸ сложены полностью из кирпича.

Оболочка куполов этой группы выкладывается кольцевыми рядами с консольным напуском:

- кладка кирпичных колец, в основании надземного купола или всей оболочки подземного купола, строго горизонтальна;
- кольца кирпича у надземного купола выше критической зоны, расклинивают по наружному краю и тем самым образуют переход от горизонтальной к клинчатой кладке вершины купола.

О форме надземных куполов этой группы можно судить приблизительно, так как их вершина почти не сохранилась, а в ходе раскопок техника кладки перекрытия не была выяснена. Последнее дает широкое поле гипотетическим реконструкциям.

По сохранившимся остаткам можно предполагать, что высота кривой куполов (взятая от уровня основания оболочки) — от низкого до высокого подъемов — зависела от величины перекрываемого пролета. В общем, высота кривой надземных куполов приближена к $1/2$ перекрываемого пролета; в подземных куполах высота кривой всегда больше перекрываемого пролета.

1.2. Круг внутренних стен вписан в квадрат внешних+купол

Вероятно, самый древний представитель куполов второй группы — несохранившееся перекрытие круглого зала парфянской Нисы (I в. до н.э. — II в. н.э.) (рис. 1, 4). Зал диаметром в 17,0 м вписан в квадратный снаружи кожух стен (около 26,8×25,6 м), вдоль которых были расположены обходные коридоры и помещения. Хотя перекрытие зала реконструировано Г.А.Пугаченковой в виде деревянного шатра с черепичным покрытием⁹, С.П.Толстов в сравнении с центральным перекрытием Баланди-2 предположил над ним купол¹⁰. Позже сходное мнение было высказано А.Инверницци, который на основе инструментального обмера памятника определил наклон поверхности стены внутрь зала¹¹. Последнее предполагает наличие параболического купола с высокой стрелой подъема.

⁵ Мережин 1962, с. 12–40, рис. 7, 13.

⁶ Толстов 1962, с. 174–178, рис. 101; Толстов, Жданко, Итина 1963, с. 68–69.

⁷ Воронина 1953, с. 21; 1955, с. 136.

⁸ Fischer 1974, с. 101, 106, Abb. 85–87, 93, 124, 188.

⁹ Пугаченкова 1958, с. 101–105.

¹⁰ Толстов 1962, с. 178.

¹¹ Сообщение А.Инверницци о раскопках на парфянской Нисе за 1993 г. в Германском археологическом институте (февраль 1994 г.). Однако графический материал, обосновывающий мнение раскопщика о наклоне стены зала, не был показан. К сожалению, в статье о раскопках на Старой Нисе А.Инверницци, сообщая, что по данным измерений легкий наклон стен внутрь зала начинается с уровня пола, не привел ни этих измерений, ни разреза [Invernizzi 1996, с. 244].

Ступа А в Хочо¹² (рис. 1, 5) перекрыта двойным куполом и относится к группе «полых ступ». Его датировка серединой I тыс. н.э. опровергает общепринятое мнение о появлении двойных куполов в Средней Азии в 20-е годы XI в. н.э.¹³ Купола ступы возведены над круглым помещением (диаметром 3,50 м) в квадрате внешних стен (11,0×11,0 м), основание которых расширено книзу и, очевидно, сложено из битой глины. Между квадратом стен и куполами, однако, возведен восьмигранник, внутренний контур которого соответствует круглому в плане помещению. Внутренний и внешний купола имеют отверстия в вершине. Характер кладки оболочек неизвестен, но, скорее, оба купола возведены клинчатой кольцевой кладкой.

Круглое помещение V (или помещение 20) на Кафыркала (VI–VII вв. н.э.)¹⁴ (рис. 1, 6) также вписано в прямоугольник стен, сложенный из битой глины. Купол сооружения — единственное перекрытие данной группы, по которому можно определить характер кладки оболочки. Купол сложен в 1,5 кирпича клинчатой кольцевой кладкой, которая в основании консольно выпущена. Остатки купольного перекрытия помещения (диаметром 7,95–8,0 м) указывают на его невысокий подъем и, вероятно, на существование отверстия в зените.

Как видим, окружение круглого помещения квадратом стен, с одной стороны, диктовалось устройством обходных галлерей и более удобным размещением круглого помещения в системе других прямоугольных помещений (Старая Ниса, Кафыркала); с другой — вероятно, особыми требованиями к внешнему виду свободностоящего сооружения (Хочо). Такое увеличение опорной «площади» под основание купола, вероятно, не имеет особого конструктивного значения. Характер кладки стены или пространства между внутренним круглым и внешним квадратным контурами, к сожалению, неизвестен.

Два последних купола этой группы относятся к раннему средневековью и связаны с буддизмом. Однако если в одном случае купол соединен с основанием непосредственно, то в другом — между ним и основанием введен восьмигранник. Восьмигранник был необходим для ступенчатой передачи груза куполов основанию ступы. Купол на Кафыркала и внутренний купол в Хочо схожи по форме, т.е. почти сферичны. Однако внешний купол последнего (диаметром 4,60 м и высотой 4,80 м) имеет сферично-вытянутые пропорции.

1.3. Основание, производное от круга+купол

Примеры куполов этой группы известны для раннего средневековья. В их ряду можно назвать оболочки, перекрывающие помещения в виде усеченного круга и четверти круга. Техника их кладки отличается особенностями, исходящими от посадки основания купола на «несовершенную форму основания».

- Купол над усеченным круглым помещением

Основание купола над углами стыка круглой башни, пролетом 4,55–4,60 м, и округлой стены коридора крепости Беркут-Кала (VIII в. н.э., Хорезм)¹⁵ (рис. 1, 7)

¹² Fischer 1974, с. 101, 106, Abb. 85–87, 93, 124, 188.

¹³ Воронина 1979, с. 79.

¹⁴ Литвинский, Соловьев 1985, с. 19, 72, рис. 8.

¹⁵ Воронина 1952, с. 98–99; 1953, с. 22.

должно было нависать. Купол в нижней части выложен консольной кладкой, выше, видимо, клинчатой. Подъем кривой купола равен $\frac{1}{2}$ пролета.

- Купол над помещением в форме четверти круга

Остатки нижних трех колец купола обнаружены над помещением 9 замка Чилхуджра (VI–VII вв. н.э., Уструшана)¹⁶ (рис. 1, 8). Три угла перекрыты tromпами, кладка округлой части стены наращена до основания купола. Tromпы выложены в достаточно высоком «поясе», разделяющем оболочку купола от основания. Кривая купола башни реконструирована гипотетически, т.е. ее высота достигает более $\frac{1}{2}$ перекрываемого пролета.

2. Купол над прямоугольным основанием

Купола этого класса в пределах Средней Азии представлены пока только одним примером — перекрытием помещения 7 дворцового здания на городище Актобе 2 (I–IV вв. н.э., Чардара)¹⁷ (рис. 2, А). Характер кладки оболочки купола, а также ее сочленение с tromпами при раскопках не выявлены, а по рисункам трудноопределимы.

Конические tromпы и небольшая часть купола сохранились над северной частью помещения (2,2×3,5 м). Помещение в основании прямоугольно, однако на уровне пят tromпов — квадратно. На высоте 3,3 м от уровня пола сделаны уступы в глубь продольных стен, глубиной по верху стены в 0,55 и 0,75 м. В результате помещение на этой высоте получило размеры 3,5×3,5 м. Tromпы (высотой и шириной 1,7 м) сложены над уступами горизонтально уложенными кирпичами, видимо с консольным напуском. Перекрытие выложено из квадратного кирпича на глиняном растворе; раскладка швов произведена раствором.

3. Купол над квадратным основанием

Этот класс образуют купола с округлым и круглым основанием, перекрывающие квадратные помещения (или четверик) (рис. 2). Приспособление кольцевой кладки купола к четверику стен содействовало получению «мятой» или «подпрямоугольной» формы его основания. Поэтому под «диаметром» купола следует принимать его пролет по сторонам помещения. Купола этого класса отличаются друг от друга типом кладки, наличием или отсутствием вспомогательных частей между четвериком и основанием перекрытия. Внутри этой семьи различаются три группы, которые, в свою очередь, делятся на подгруппы.

3.1. Группа куполов $D=A$ (диаметр равен пролету помещения)

Первую группу составляют купола, форма которых — парабола, высокого, среднего и низкого подъемов. Параболический купол бухарские мастера опре-

¹⁶ Пулатов 1975, с. 23.

¹⁷ Максимова и др. 1968, с. 26–28, 79, рис. 11.

деляют как «яйцевидный» на восьмигранной основе-барабане и называют *gumbad-i tuḥmī*¹⁸. Слово *tuḥm* есть персидское *ḥāya*- «семя», «яйцо», имеющее формы *ḥāg/k*, *ḥāk-ši* или *ḥāk-šif*¹⁹. Оно характеризует форму купола, но не указывает способ геометрического построения его кривой.

3.1.1. Тромпы размещены в пределах купола

Купол центрального помещения в замке 2 на Якке-Парсан (III в. н.э., Хорезм) (рис. 2, 1), пролетом 7,0 м, имеет яйцевидную форму²⁰. Его оболочка в пределах «пояса» тромпов выложена в 1,5 кирпича горизонтальными рядами кирпичей вперевязь. Выше купол выложен в один кирпич трапециевидной формы, ряды кладки которого слегка консольно выпущены и расклинены. Кладка оболочки утончается кверху.

Примерно так же, сочетанием консольной и клинчатой кладок, выложены полукуполом ниш в доме 50 (конец VII — начало VIII в. н.э., Хорезм), пролетом 2,35–2,40 м²¹. Оболочка выложена прямоугольным кирпичом, уложенным тычком внутрь. Форма полукуполов яйцеобразная, среднего подъема. Кладка тромпов произведена, как и в предыдущем примере, в толще стен основания оболочки. Выше полукупол выложен в один кирпич.

Тромпы купола помещения 17 замка Чилхуджра (VII — начало VIII в. н.э., Уструшана) (рис. 2, 2) расположены в пределах купольной оболочки, выложенной на этом уровне из консольно выпущенных рядов кирпичей²². Последние уложены тычком внутрь помещения. Верхняя часть купола не сохранилась.

3.1.2. Тромпы размещены в пределах четверика

Пролет купола в келье буддийского святилища на Дилберджине (раскоп б) равен ширине помещения²³, однако он может быть отнесен к третьей подгруппе куполов $D > A$. Тромпы размещены в верхней части четверика, а граница между четвериком и куполом обозначена легкой консолью. Судя по рисунку, оболочка выложена кольцевой клинчатой кладкой, однако ее форма близка к низкому эллипсу. Высота кривой равна $\frac{1}{3}$ пролета.

3.1.3. Купола, выделенные в эту подгруппу предположительно

Ряд сырцовых куполов можно отнести к данной подгруппе, основываясь только на схематичном изображении или реконструкции того, что не сохранилось. Таков купол помещения 30 буддийской «сангхарамы» Гаюр-Кала²⁴ (IV–VI вв. н.э., Маргиана)²⁵. Техника кладки купола, судя по фотографии, клинчато-кольцевая, в один кирпич²⁶. К полукуполу помещения 9 жилого комплекса объ-

¹⁸ Ремпель 1982, с. 192.

¹⁹ ФЗТ 1 (1969) 380; Monchi-Zadeh 1990, с. 191.

²⁰ Неразик 1989, с. 52–59.

²¹ Неразик 1966, с. 85–88.

²² Пулатов 1975, с. 31.

²³ Пугаченкова 1976, с. 132.

²⁴ Ставиский 1998, с. 174.

²⁵ Пугаченкова, Усманова 1994, с. 155, 157, рис. 8.

²⁶ Pugačenkova, Usmanova 1995, с. 55, fig. 6.

екта VII (первая четверть VIII в. н.э., Пенджикент)²⁷ не даны обмерные чертежи, а купол помещения X буддийской часовни на цитадели Кафыркала (середина VI — середина VII в. н.э.)²⁸ полностью реконструирован. Купол дома 115 имеет низкий подъем, и его вершина не сохранилась (VII — начало VIII в. н.э., Хорезм)²⁹. Тромпы выложены перекастом кирпичей в дугах, перекрывают оригинальные ниши, вырезанные в толще пахсовых стен четверика. До вершины тромпов «кирпичный пояс» сложен горизонтальными рядами, легким напуском квадратного кирпича. Выше оболочка купола сложена клинчатой кладкой прямоугольным кирпичом. Чертеж разреза дан по диагонали, что не дает возможности установить характер кладки основания купола по сторонам помещения.

3.2. Группа куполов $D > A$ (диаметр больше пролета помещения)

Естественная разница между округлым основанием купола и четвериком стен — отличительная черта этой группы куполов. Так как «диаметр» основания купола больше ширины помещения, по сторонам, над опорными стенами остаются сегментовидные полочки. Как правило, форма этих куполов — эллипс низкого подъема. Наиболее точно такую форму свода или купола определяет термин *gawri linga* (записано со слов бухарских мастеров).

3.2.1. Четверик с открытыми углами+купол

Купол данной подгруппы кладется кольцевыми рядами с напуском. Кладка куполов помещений 44 и 45 (середина VII в. н.э., Аджина-Тепе)³⁰ произведена кирпичами, уложенными тычком внутрь. Остающиеся открытыми углы купольных помещений оазиса Курла-Карашахр (датировка неизвестна, Восточный Туркестан) перекрывали деревянными брусьями³¹ и, возможно, кирпичами на Мунчак-Тепе 2 (VI–VII вв. н.э., Кобадиян)³² (рис. 2, 3). «Кирпичного пояса» и полочки между куполом и четвериком как таковых нет.

3.2.2. Четверик, углы которого перекрыты тромпами+купол

Кольцевые ряды кирпичной кладки куполов данной подгруппы сочетали иногда с пахсовыми кольцами, например в помещениях 7, 8 и 10 монастыря Аджина-Тепе (середина VII в. н.э.). Кладку производили небольшим напуском рядов кирпичей внутрь. Кирпич уложен тычком, в цепной перевязи в помещении 9 (объект V) и в двух нумерованных помещениях пролетом 4,50–4,60 и 3,80–3,90 м на Калаи Кафирниган (V–VIII вв. н.э., Тохаристан)³³.

²⁷ Распопова 1990, с. 53–54, 72–74, рис. 14.

²⁸ Литвинский, Денисов 1973; Литвинский, Соловьев 1985.

²⁹ Неразик 1966, с. 89, 90–91, рис. 45, 46.

³⁰ Зеймаль 1969 (Архив); Литвинский, Зеймаль 1973, с. 153.

³¹ Le Coq 1926, с. 131, 132. Такая же конструкция известна в Шикшине (Литвинский 1987, с. 205).

³² Мандельштам, Певзнер 1958, с. 310, 312, 315, рис. 25.

³³ Литвинский 1980, с. 15, 120–146, Соловьев 1997, с. 90.

Тромпы выложены перекастом кирпичей, которые уложены плашмя над угловым «сердечником». В дугах кирпичи лежат попеременно то тычком, то ложком внутрь помещения.

Полочку-опору тромпов и «кирпичного пояса» в помещении 9 (объект V) на Калаи Кафирниган (V–VIII вв. н.э.) (рис. 2, 4) выложили горизонтально-консольными рядами кирпичей. Кирпичи уложены ложком в цепной перевязи.

Купол, пролетом 4,86–4,88 м, над помещением А в Афрасиабе (VII–VIII вв. н.э.) — типичный представитель этой группы³⁴. Он сложен из прямоугольного кирпича, к сожалению, характер кладки неизвестен. Наибольшая ширина сегментных полочек по сторонам четверика достигает 28–29 см. В.Л.Воронина отметила, что здесь тромпы сложены поперечными «отрезками»³⁵, так как кирпичные перекасты в дугах не образуют консоль.

3.2.3. Четверик с тромпами и арочными нишами+купол

Купола этой подгруппы отличаются тем, что их основание покоится на подобии восьмигранника. В верхней части четверика, между угловыми тромпами, возведены арки, перекрывающие ниши или проемы. Тромпы и арки выложены в пределах четверика.

Купол выкладывают кольцевой кладкой, расclinка которой в помещении 3 буддийского храма на Калаи Кафирниган (VI–VIII вв. н.э.) (рис. 2, 5) произведена с третьего ряда. Толщина оболочки — один кирпич, который уложен тычком внутрь помещения. Интересно, что арки над нишами выложены в два перекаста кирпичей, уложенных плашмя, что было возможно сделать с помощью легких кружал. Кладка купола произведена стеновым кирпичом³⁶.

В случае, когда толщина основания купола равна длине двух кирпичей, т.е. составляет около 1,0 м, кирпичи в каждом кольце кладки чередуют тычком и ложком, как, например, в помещении 3, пролетом 4,70–4,80 м, буддийского храма на Ак-Бешим (VII–VIII вв. н.э.)³⁷. Оболочка купола прорезана аркой входного отверстия только на одной из сторон. Кривая купола реконструирована³⁸; судя по обмерному чертежу, на уровне верха тромпов она еще не имела закругления.

3.3. Группа куполов $D < A$ (диаметр меньше пролета помещения)

Третья группа характерна введением между куполом и четвериком промежуточного, горизонтально выделенного «пояса». Снизу и сверху он четко отделен консольной полочкой. Тромпы выкладывали в пределах этого «пояса». «Диаметр» оболочки купола, на уровне верхней границы «пояса», меньше ширины помещения. По характеру кладки «пояса» различаются две подгруппы.

³⁴ Шишкин 1940, с. 64–66, рис. 2.

³⁵ Воронина 1953, с. 22.

³⁶ Литвинский 1979; Litvinskij 1981, fig. 17.

³⁷ Кызласов, Хмельницкий 1959, с. 169–170, 258–259.

³⁸ Chmel'nickij 1989, с. 47.

3.3.1. Четверик+«вертикальный пояс»+купол

«Кирпичный пояс» этой подгруппы куполов имеет почти отвесную, вертикальную поверхность. Характерным примером можно назвать полукупол помещения 29, объект VI (40–50-е годы VIII в. н.э., Пенджикент)³⁹ (рис. 2, б). «Кирпичный пояс» с тропками опирается на полочку, вынесенную над поверхностью стен. Основание купола слегка выпущено над «поясом». Горизонтальная кирпичная кладка полочки нависает в углу, под тропками, но впущена в глубь стен по сторонам четверика. На оси помещения, в пределах «пояса», образован плоский участок, углубленный в кладку стены. Тропки выложены перекастом кирпичей с выносом дуг внутрь помещения.

Другим примером, учитывая признак «вертикальный пояс», можно было бы назвать купол второго яруса замка Ак-Тепе (Юнусабадское) (VI–VII вв. н.э., Шаш)⁴⁰. Однако, исходя из большей величины «диаметра» купола по сравнению с пролетом помещения, его необходимо отнести к группе куполов $D > A$. Конические тропки выложены горизонтальной кладкой кирпичей с напуском. Промежуточный «пояс» в плане близок к восьмиграннику, с почти равными сторонами. Для кладки купола использован маломерный кирпич, возможно уложенный тычком внутрь.

3.3.2. Четверик+«наклонный пояс»+купол

Своеобразную подгруппу образуют купола, в которых «кирпичный пояс» с тропками имеет наклонную поверхность и отделен от стен четверика только нижней полкой. «Кирпичный пояс» между тропками выкладывается в технике консольного напуска. «Диаметр» этих куполов на уровне вершин тропков меньше ширины помещения, а подъем кривой небольшой.

Купол пристройки замка 36 (VIII в. н.э., Хорезм) (рис. 2, 7), пролетом 4,50 м, многократно описан⁴¹. Судя по опубликованным фотографиям⁴², кирпичи полочки уложены с консольным напуском. Тропки сложены перекатами кирпичей и консольным выносом дуг внутрь. Кладка основания купола напользает на верхнюю дугу тропков ступенчато. «Кирпичный пояс» выложен консольным напуском горизонтальных рядов кирпичей вперевязь.

Консольно нависающими рядами кирпичной кладки выложен «пояс» с тропками в купольной башне Миран (датировка неизвестна, восточный Туркестан)⁴³. Кладка «пояса» по сторонам четверика консольно выпущена на уровне 1,90 м от уровня пола, что на несколько рядов выше основания тропков. Купол, «пояс» и тропки выложены из жженого кирпича.

За основание купола северо-восточной башни на цитадели Кафыркала (VI–VII вв. н.э., Тохаристан)⁴⁴ взят верхний край «кирпичного пояса» с тропками. Основание оболочки купола отделено от «пояса» кольцами, выложенными легким напуском вовнутрь: кирпичные кольца чередуются с кольцами блоков из битой глины. Кладка оболочки купола — клинчатая. Тропки выложены перекастом

³⁹ Воронина 1964, с. 72; Распопова 1990, с. 53.

⁴⁰ Воронина 1955, с. 150.

⁴¹ Воронина 1953, с. 22, рис. 24; Chmel'nizkij 1989, с. 189, Abb. 127.

⁴² Толстов 1948, табл. 49, 2–3.

⁴³ Stein 1921, с. 534–535, fig. 126.

⁴⁴ Литвинский, Соловьев 1985, с. 74.

кирпичей с возрастающим выносом дуг внутрь помещения. «Пояс» между тропками сложен 6–7 рядами кирпичей тычком внутрь помещения. Округлая кладка «пояса», на уровне вершины тропков, доведена добавочной кладкой двух рядов до идеального круга — основания купола.

Таким образом (как это ни банально звучит), зависимость между планом перекрываемого помещения и основанием перекрытия существует только в пределах первого класса куполов Средней Азии. К прямоугольным стенам помещения основание купола, в самых «примитивных» примерах, не приспособливали; чаще изменяли округлую форму основания оболочки, а углы помещения перекрывали тропками. Чтобы измененную форму основания превратить в правильный круг, в ваях купола выкладывали кирпичный «пояс», который был выделен:

- утолщенной кладкой с консольным напуском;
- разделительными полочками (вверху, внизу);
- размещением тропков в его пределах.

С одной стороны, изменению подвергали форму основания купола, однако, с другой — трансформировали верхнюю часть стен четверика. Простейшее изменение — расширение прямоугольного помещения в верхней части стен до квадратного. Более сложные изменения, т.е. устройство тропков и осевых арок в верхней части стен четверика, производили для образования подобия «восьмигранника», близкого к круглому основанию купола. «Ярус тропков», первые примеры которого датируются ранним средневековьем и ставший традиционным для купольных построек Средней Азии в последующий период, результат трансформации верха четверика, а не изменения формы основания купольной оболочки.

Таким образом, анализ куполов Средней Азии показывает, что их форма производна от характера кладки оболочки или от сочетания различных видов кладок. По имеющимся данным, форма кривой купола почти неопределима, более конкретно можно говорить о высоте подъема кривой. Оболочка купола почти во всех случаях выложена клинчато-кольцевой кладкой в один или 1,5–2 кирпича, уложенных тычком внутрь помещения. В отдельных случаях наблюдается чередование кирпичных и паховых колец, а также утончение оболочки кверху. На примере куполов третьего класса в настоящее время прослеживается разница в кладке основания и самой оболочки купола:

- если основание купола толщиной в 1,5–2 кирпича, то «пояс» выложен цепной кладкой;
- если основание купола толщиной в 1 кирпич, то «пояс» выложен кладкой кирпичей тычком по фасау.

Тропки выложены в пределах стен четверика, вкомпонованы в оболочку купола или выложены в пределах подкупольного кирпичного «пояса». При этом использованы различные виды кладок тропков: перекал кирпичей поперек «сердечника», горизонтальный напуск рядов кирпичей, кладка наклонными «отрезками». Соответственно, форма тропков может быть овально-округлой, конической и стрельчатой.

Как отмечено выше, наиболее древние покрытия хронологически относятся к первому классу куполов. Купола на прямоугольном и квадратном основаниях (второй и третий классы) в Средней Азии стали строить начиная с I тыс. н.э. При этом купола подгруппы $D=A$ строили в позднеантичное и раннесредневековое время (I–IV и V–VIII вв.), купола группы $D>A$ встречаем только в пределах ран-

него средневековья (V–VIII вв. н.э.), а купола Д<А относятся к концу раннего средневековья (VII–VIII вв. н.э.).

На данном этапе предложенная классификация не охватывает весь «спектр» признаков, по которым можно было бы точнее характеризовать типы куполов. Но все же она показывает большое разнообразие сочетания кладок и форм в сырцовых купольных сооружениях Средней Азии, не встречаемое в соседних регионах. Анализ техники кладки, форм и хронологии куполов дает возможность приблизиться к разрешению важных исторических проблем: определению места строительного искусства оседлых народов Средней Азии на фоне южных цивилизаций; выявлению путей развития способов и техники возведения куполов; исследованию зависимости между строительными материалами и техникой кладки. Классификация помогает осветить роль традиций и культурных влияний в строительстве сводчатых перекрытий Средней Азии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Воронина 1952 — *Воронина В.Л.* Строительная техника древнего Хорезма. — ТХАЭЭ. Вып. 1. М.
- Воронина 1953 — *Воронина В.Л.* Древняя строительная техника Средней Азии. — Архитектурное наследство. Вып. 3. М.
- Воронина 1955 — *Воронина В.Л.* Элементы архитектуры замка Ак-Тепа близ Ташкента по данным археологических работ 1941 г. — Тр. ИИАЭ. Материалы по археологии Узбекистана. Вып. 7. Таш.
- Воронина 1964 — *Воронина В.Л.* Архитектура древнего Пенджикента (Результаты раскопок 1954–1959 гг.). — МИА. № 124. М.–Л.
- Воронина 1979 — *Воронина В.Л.* Особенности сводчатых конструкций в архитектуре Средней Азии. — Национальное своеобразие зодчества народов СССР (Сб. науч. тр.). М.
- Зеймаль 1969 — *Зеймаль Т.И.* Отчет о полевых работах Аджинатепинской группы Южно-Таджикского отряда осенью 1969 г. (Рук. архива ИИАЭ АН Таджикистана, отдел археологии).
- Кызласов 1959 — *Кызласов Л.Р.* Археологические исследования на городище Ак-Башим в 1953–1954 гг. — Тр. КАЭЭ. Вып. 2. М.
- Литвинский 1979 — *Литвинский Б.А.* Среднеазиатский центрический мавзолей. Проблема генезиса. — Археология и этнография Средней Азии. М.
- Литвинский 1987 — *Литвинский Б.А.* Древнее и раннесредневековое архитектурно-строительное дело в Восточном Туркестане (в свете археологических открытий в Средней Азии). — Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М.
- Литвинский 1980 — *Литвинский Б.А.* Калаи Кафирниган (раскопки 1975 г.). — АРТ. Вып. 15. Душ.
- Литвинский, Денисов 1973 — *Литвинский Б.А., Денисов Е.П.* Буддийская часовня на Кафыр-кале. — АРТ. Вып. 10. Душ.
- Литвинский, Зеймаль 1973 — *Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И.* Раскопки на Аджина-тепа и Кафыр-кале в 1970 г. — АРТ. Вып. 10. Душ.
- Литвинский, Соловьев 1985 — *Литвинский Б.А., Соловьев В.С.* Средневековая культура Тохаристана (в свете раскопок в Вахшской долине). М.
- Литвинский, Шеркова 1977 — *Литвинский Б.А., Шеркова Т.А.* Раннесредневековый среднеазиатский купол как архитектурный и идеологический феномен. Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Душ.

- Максимова и др. 1968 — *Максимова А.Г., Мершиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Древности Чардары. А.-А.
- Мандельштам, Певзнер 1958 — *Мандельштам А.М., Певзнер С.Б.* Работы Кафирниганского отряда в 1952–1953 гг. — МИА. № 66. М.–Л.
- Мережин 1962 — *Мережин Л.Н.* К характеристике керамических печей периода рабовладения и раннего средневековья в Мервском оазисе. — ТЮТАКЭ. Т. 11. Аш.
- Неразик 1966 — *Неразик Е.Е.* Сельские поселения афригидского Хорезма. М.
- Неразик 1989 — *Неразик Е.Е.* Купольная постройка в Якке-Парсанском оазисе ранне-средневекового Хорезма. — Градостроительство и архитектура. Таш.
- Пугаченкова 1958 — *Пугаченкова Г.А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. — ТЮТАКЭ. Т. 6. М.
- Пугаченкова 1976 — *Пугаченкова Г.А.* К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана. — Древняя Бактрия: Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1973 гг. М.
- Пугаченкова, Усманова 1994 — *Пугаченкова Г.А., Усманова З.И.* Буддийский комплекс в Гяур-Кале старого Мерва. — ВДИ. № 1.
- Пулатов 1975 — *Пулатов У.П.* Чильхуждра. Душ.
- Распопова 1990 — *Распопова В.И.* Жилища Пенджикента. Л.
- Ремпель 1982 — *Ремпель Л.И.* Далекое и близкое. Бухарские записки. Таш.
- Сарианиди 1972 — *Сарианиди В.И.* Коллективные погребения и изучение общественного строя раннеземледельческих племен (по материалам Геоксюрского некрополя). — УСА. Вып. 1. Л.
- Ставиский 1998 — *Ставиский Б.Я.* Судьбы буддизма в Средней Азии (по данным археологии). М.
- Соловьев 1997 — *Соловьев В.С.* Северный Тохаристан в раннем средневековье. Елец.
- Толстов 1948 — *Толстов С.П.* Древний Хорезм. М.
- Толстов 1962 — *Толстов С.П.* По древней дельте Окса и Яксарта. М.
- Толстов, Жданко, Итина 1963 — *Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958–1961 гг. — Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. М.
- Хмельницкий 1959 — *Хмельницкий С.Г.* Опыт реконструкции буддийского храма городища Ак-Бешим. — Тр. КАЭЭ. Вып. 2. М.
- ФЗТ — Фарханги забони тоҷики. Т. 1. М., 1969.
- Шишкин 1940 — *Шишкин В.А.* Из археологических работ на Афрасиабе. — Известия Узбекстанского филиала АН СССР. Вып. 12.
- Chmelnizkij 1989 — *Chmelnizkij S.G.* Zwischen Kuschanen und Arabern. Die Architektur Mittelasiens im V. — VIII. Jh. B.
- Invernizzi 1996 — *Invernizzi A.* Archaeological research in Old Nisa, 1990–1994. — La Persia e l'Asia Centrale da Alessandro al X secolo. 127. Roma.
- Fischer 1974 — *Fischer K.* Dächer, Decken und Gewölbe indischer Kultstätten und Nutzbauten. Wiesbaden.
- Le Coq 1926 — *Le Coq A.* Auf Hellas Spuren in Ost-Turkestan. B.
- Litvinskij 1981 — *Litvinskij B.A.* Kalai-Kafirnigan. Problems in the Religion and Art of Early Mediaeval Tokharistan. — EW. Vol. 31.
- Monchi-Zadeh 1990 — *Monchi-Zadeh D.* Wörter aus Xurasan und Ihre Herkunft. — Acta Iranica. Vol. 15. Leiden.
- Pugačenkova, Usmanova 1995 — *Pugačenkova G.A., Usmanova Z.I.* Buddhist monuments in Merv. — In the Land of the Gryphons (Papers on Central Asian archaeology in antiquity). Firenze.
- Sarianidi 1998 — *Sarianidi V.* Margiana and Protozoroastrism. Athens.
- Stein 1921 — *Stein A.* Serindia. Detailed Report of explorations in Central and westernmost China. Vol. I. Oxf.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

КУПОЛ НАД КРУГЛЫМ ОСНОВАНИЕМ

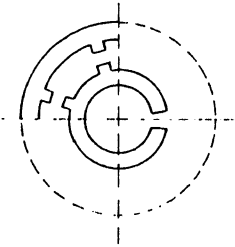
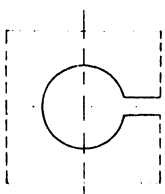
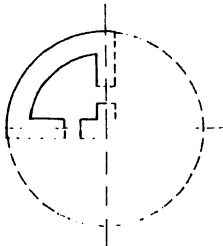
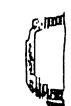
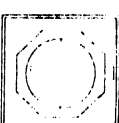
СВОБОДНОСТояЩИЕ СТЕНЫ + КУПОЛ	КУРГ ВНУТРЕННИХ СТЕН В КВАДРАТЕ ВНЕШНИХ + КУПОЛ	ОСНОВАНИЕ, ПРОИЗВОДНОЕ ОТ КРУГА + КУПОЛ
1 2 3	4 5 6	7 8

Рис. 1

Класс-1. Купол над круглым основанием. 1 — толос, Геоксюрский оазис; 2 — погребальное сооружение Баланди-2, Хорезм; 3 — угловая башня Ак-Тепе (Юнусабадское), Шаш; 4 — круглый храм в Старой Нисе, Парфия; 5 — ступа А в Хочо, Восточный Туркестан; 6 — круглое помещение на цитадели Кафыркала, Тохаристан; 7 — угловая башня Беркуп-Кала, Хорезм; 8 — угловая башня замка Чилхуджра, Уструшана.

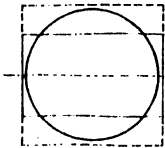
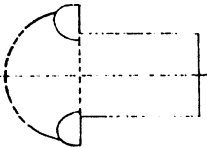
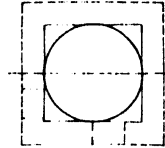
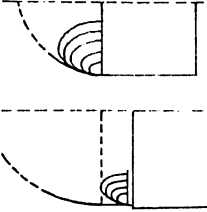
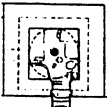
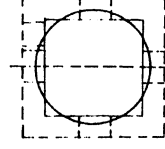
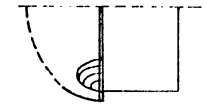
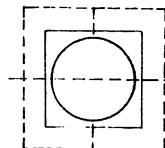
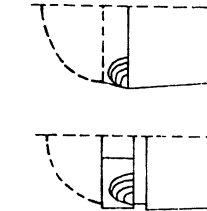
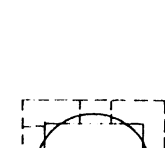
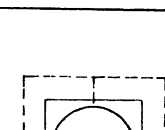
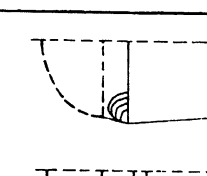
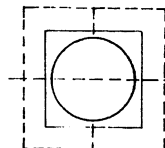
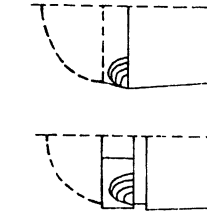
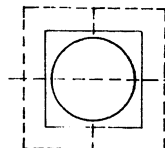
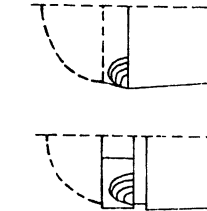
КУПОЛ НАД ПРЯМОУГОЛЬНЫМ ОСНОВАНИЕМ	КУПОЛ НАД КВАДРАТНЫМ ОСНОВАНИЕМ						
	D = A	D > A	D < A				
    A	 1	 3	 2	 4	 5	 6	 7

Рис. 2

Класс-2. Купол над прямоугольным основанием. А — помещение на городище Актобе 2, Чардара.

Класс-3. Купол над квадратным основанием. 1 — центральное помещение замка Яке-Парсан, Хорезм; 2 — купольное помещение замка Чилхуджа, Уструшана; 3 — купольное помещение на Мунчак-Тепе 2, Кобаджан; 4 — купольное помещение, объект V, Калаи Кафирниган; 5 — купольное помещение буддийского храма, Калаи Кафирниган; 6 — полукупол входного помещения 29, Пенджикент; 7 — купольная пристройка замка 36, Хорезм

Г.А.Брыкина
ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ
И ОБРЯДЫ ФЕРГАНЫ
I тысячелетия н.э.

Мировоззрение и духовная культура древнего населения Средней Азии неоднократно становились предметом исследования ученых. Особую важность для решения этих проблем приобретает изучение погребальных памятников и происходящих из них материалов. Погребальный обряд отражает веру в загробное существование, веру в бессмертие души, дает представление о культе мертвых и культе предков.

Погребальный обряд древнего населения области включал в себя цикл действий, совершавшихся последовательно с момента смерти человека (устройство погребального сооружения, помещение в него умершего и погребального инвентаря, последующие поминальные церемонии). Многие обычаи, практиковавшиеся при захоронении умерших в древности, сохранились до нашего времени и отмечены в этнографической литературе. Именно это обстоятельство помогает объяснить некоторые моменты древней погребальной обрядности.

Раскопки последних десятилетий существенно расширили представление о погребальном обряде и погребальных сооружениях. Они в основном представлены курганными могильниками, которые принято связывать с кочевым населением. Но это не так однозначно. Нужно помнить, что Фергана на протяжении всей ее многовековой истории была густонаселенной областью. Все удобные земли заняты городами и поселениями, пашнями, садами. Для пастбищ свободных земель не оставалось. Естественно, что предгорные районы, богатые пастбищами и плодородными землями, привлекали внимание жителей перенаселенной с древнейших времен Ферганы. Заселение предгорий этой области началось в конце I тыс. до н.э. и особенно усилилось в первые века нашей эры. Именно этим временем нужно датировать многочисленные могильники в предгорных и горных долинах. Видимо, прав был С.С.Сорокин, считавший, что первые этапы заселения ферганских предгорий связаны с развитием в Фергане яйлажного (отгонного) скотоводства.

Несмотря на то что исследования погребальных памятников ведутся не одно десятилетие, в науке нет пока единого мнения относительно происхождения оставившего их населения. Одни исследователи связывают могильники с пришлым населением (А.Н.Бернштам, Ю.А.Заднепровский), другие — с местным (Б.А.Литвинский, С.С.Сорокин). Б.А.Литвинский полагает, что это население не было кочевым, а вело полукочевой, а в ряде случаев оседлый образ жизни.

Особенностью топографии области является чрезвычайно близкое расположение погребальных памятников и часто синхронных им поселений земледельцев. Сходство материалов из поселений и могильников свидетельствует о тесных контактах населения, оставившего могильники, с жителями поселений. Исследователи неоднократно отмечали это сходство. В свое время о сходстве материалов из Ширинсайского могильника и расположенного поблизости поселения Мунчактепе писал В.Ф.Гайдукевич. Он отметил синхронность этих памятников и высказал предположение о том, что они являются единым историко-культурным комплексом [Гайдукевич 1952]. Позже об этом сходстве писали С.С.Сорокин и Б.А.Литвинский. Первый объяснял сходство керамики из могильников и поселений импортом посуды из городских центров в кочевую среду. Б.А.Литвинский же считает, что между населением, оставившим поселения и могильники, существовала органическая связь [Литвинский 1972].

Многообразие памятников и широкий хронологический диапазон добытых материалов позволяют проследить динамику развития погребального обряда.

В Фергане открыто четыре типа погребальных сооружений, бытовавших в этой области в I тысячелетии н.э.: подкурганные захоронения на древнем горизонте, в грунтовых ямах, в катакомбах и подбоях; бескурганные захоронения в грунтовых ямах, перекрытых деревом или же засыпанных землей; земляные склепы; наземные сооружения — мугхона и наусы.

Наиболее многочисленны курганные могильники. Они, как правило, располагаются на высоких террасах рек или плато, в стороне от возделываемых земель. Могильники представляют собой огромные курганные поля, насчитывающие 200 и более курганов. Так, в Карабулаке около 900 курганов, а в Тураташе — 1500. Могильники в долине р.Ходжа-Бакырган также представлены большим количеством курганов: в Кайрагаче около 300 курганов, в Бешкентском могильнике — 150 [Брыкина 1995]. Также многочисленны могильники долины Исфары [Литвинский 1972; Давидович, Литвинский 1955].

Такие могильники возникли не в одночасье, а формировались на протяжении длительного времени — нескольких десятилетий, а может быть, столетий. Это свидетельствует об устойчивой традиции совершать захоронения в одном месте, что, в свою очередь, связано с малой подвижностью населения и с длительным пребыванием его на одной и той же территории.

В могильниках выделяются большие курганы, вокруг которых группируются курганы меньших размеров. Предполагается наличие на могильнике культового места. Это могли быть открытые площадки или специальные сооружения, где совершались поминальные церемонии. Такие сооружения известны в могильниках Западной Сибири и в сарматских могильниках Южного Приуралья [Мошкова 1984].

Ю.А.Заднепровский, много занимавшийся погребальными сооружениями, первым предложил схему географического районирования ферганских погребений [Заднепровский 1960, с. 113–128]. Впоследствии к этой теме Ю.А.Заднепровский обращался неоднократно. В одной из последних работ этот исследователь отмечал некоторую закономерность в расположении могил разного типа на территории Ферганы [Заднепровский 1975; 1995]. Он считал, что в одних и тех же районах и могильниках присутствуют могилы разного типа. Но количественное соотношение могил разного типа в различных районах неодинаково.

Ю.А.Заднепровский выделял восемь географических районов в Фергане, в которых, как он полагал, прослеживается определенная закономерность в процентном соотношении разных типов захоронений. Для юго-западной Ферганы (район I, по Заднепровскому) наиболее характерны захоронения в катакомбах. Подбой и грунтовые могилы здесь единичны, в то время как в междуречье Ляйляка—Соха (район II) и на северных склонах Алайского хребта (район IV) преобладают захоронения в подбоях и грунтовых могилах, часто перекрытых деревом. Катакомбы здесь присутствуют, но в значительно меньшем количестве.

В восточных же районах (район VI) преобладают захоронения в грунтовых могилах. На севере Ферганы присутствуют катакомбы и склепы (район VII). В северо-западных районах захоронения совершались в наземных каменных сооружениях — мугхона, или курумах (район VIII). Эта схема Ю.А.Заднепровского отражает современный уровень изученности погребальных сооружений Ферганы.

В настоящее время наиболее полно исследованы могильники в юго-западных и южных предгорьях области, где вскрыты сотни курганов с могилами разного типа. Но даже в этом сравнительно хорошо изученном районе нет ни одного полностью раскопанного могильника, кроме двух частично разрушенных в Ташравате (юго-западные предгорья Ферганы). В одном из них открыты 65 курганов, в другом — четыре. В первом — два подбоя, остальные — катакомбы двух типов; во втором — один подбой и три катакомбы. Степень изученности погребальных сооружений восточной Ферганы такова, что судить о наличии или преобладании каких-либо могильных сооружений в этом районе невозможно. Кроме того, при проведении такой работы следует учитывать время бытования различных типов могильных сооружений. Ведь вполне вероятно, что они существовали в разное время.

Захоронения в грунтовых ямах — наиболее ранний и традиционный способ погребения в Фергане. Могилы разной глубины (от 1 м и глубже). В плане могильные ямы овальные или прямоугольные. Иногда стенки обложены камнем. В могильниках Оут-сай, Карабулак и в исфаринских курганах могилу закрывают деревянные плахи [Литвинский 1972; Заднепровский 1995; Горбунова 1981]. На полу ямы часты камышовые циновки.

Захоронения в подбоях бытуют долго и распространены широко. Они имеют узкую входную яму, вытянутую с севера на юг или с востока на запад. Подбой располагается вдоль длинной стены входной ямы. В этой же стене находится входная ниша. Ориентировка погребенных различна.

Значительное место в могильниках принадлежит захоронениям в катакомбах. В некоторых могильниках, таких, как Кайрагач в юго-западной Фергане и Гурмирон — в северной ее части, захоронения совершены исключительно в катакомбах. Они имеют разные конструкции, что позволило выделить два их типа.

Тип I — кенкольский — включает глубокие катакомбы Т-образной формы с длинным дромосом трапециевидной формы и обширной камерой. Дромос вытянут в направлении север—юг с небольшим отклонением к востоку или западу. В северной части он расширен. Вход в катакомбу находится в северной стене дромоса. Вдоль длинных стен дромоса тянутся заплечики треугольной формы (рис. 1, 4, 5, 6). На стене, противоположной входу в катакомбу, в некоторых случаях вырублены ступеньки (рис. 1, 5). Пол наклонно понижается к входу в катакомбу. В одних случаях он плавно переходит в камеру, в других — при

переходе из дромоса в камеру имеется ступенька. Вход в катакомбу заложен крупными, хорошо окатанными камнями. Катакомбы этого типа ранние. Они относятся к первым векам нашей эры. В них помимо керамической посуды присутствуют предметы вооружения — железные трехлопастные наконечники стрел, костяные обкладки лука, кинжалы, мечи. Очень мало украшений. Видимо, значительная часть этих курганов принадлежала воинам (рис. 1, 1–6).

Тип II — хангизский — представлен сооружениями с коротким и неглубоким дромосом, вытянутым с севера на юг, вход находится в южной стене дромоса. Камеры обширные, с высоким сводом. Вход в камеру заложен крупной речной галькой, иногда сырцовым кирпичом (рис. 2, 1–13). В катакомбах этого типа часты множественные разновременные захоронения (от двух до трех-четырех). При погребении каждого последующего умершего предыдущего сдвигают к задней стенке. Погребенных часто клали на камышовую циновку и такой же циновкой укрывали сверху. Наличие множественных захоронений свидетельствует о малой подвижности населения, оставившего эти сооружения. В катакомбах этого типа богатый инвентарь. Помимо глиняных сосудов в них много украшений (бусы, серьги, перстни, браслеты) и алебастровые фигурки, сопровождавшие женщин (рис. 3, 1–11).

Каждый из этих типов могильных сооружений не составляет обособленного кладбища. Как показали раскопки, могилы разных типов расположены вперемежку, что дало возможность Б.А.Литвинскому высказать предположение о синхронности погребений разного типа в одном могильнике [Литвинский 1972].

Считается, что погребальный обряд является устойчивым этнографическим признаком. Наличие разных типов захоронений в одном могильнике указывает на смену одного обряда другим или на присутствие нескольких этнических групп, принимавших участие в формировании могильника. Оба эти фактора могли играть заметную роль в сложении и изменении погребальной обрядности. Но в данном случае на первое место выступает временной фактор. Анализ новых материалов помог выделить ранние и поздние типы сооружений. Удалось установить, что катакомбы первого типа более ранние, чем катакомбы второго. Подбои, открытые в могильниках Ташравата, синхронны катакомбам первого типа. Среди многочисленных подбоев могильников Исфары и Баткены, видимо, можно выделить более ранние и более поздние группы.

Интересной особенностью ферганского погребального обряда является использование деревянных гробов. Они отмечены только в части курганных могильников юго-западных предгорий Ферганы. Причем в каждом из могильников захоронения в гробах составляли незначительный процент от общего количества погребенных. Они имели различную конструкцию. Это дощатые гробы, изготовленные из хорошо обработанных широких досок и имеющие форму ящика, расширенного в головной части. По углам вертикальные стойки с пазами крепили продольные и поперечные стенки. Некоторые экземпляры имели ножки. Крышками гробов служили доски.

Другой тип представлен гробами-колодами, выдолбленными из ствола чаще всего арчи. Большая часть гробов этого типа имела выдолбленную торцевую часть, у иных же торцевую стенку составляли доски, вставленные в пазы [Баруздин 1961, с. 57–59; Литвинский 1972, с. 76; Заднепровский 1960, с. 94]. Интересны гробы-футляры, плетенные из веток облепили, отмеченные А.Н.Бернштамом в Алае [Бернштам 1952, с. 193]. В северной Фергане в Мунчактепе

обнаружены гробы из камышовых жгутов (рис. 9, 3) [Анарбаев, Матбабаев 1990, 1998].

Пока еще нет возможности связывать какой-либо из типов гробов с определенным типом погребальных сооружений. Они обнаружены и в подбоях, и в катакомбах, и в ямах. Исключением являются гробы из камышовых жгутов. Все они происходят из склепов, открытых на городище Мунчактепе, и являются пока уникальной находкой. Гробы тщательно закрывались крышками. Иногда крышки-доски клались непосредственно на погребенных. Помимо гробов в ферганских захоронениях использовались дощатые настилы, на которые клали умершего. В погребениях Оут-сая в южных предгорьях Ферганы гробы заменялись прямоугольными рамами из досок, поставленных на ребро. Внутри рамы помещали умершего (рис. 8, 2а, б, 4а, б).

Очень часто в погребениях использовался камыш и циновки из камыша. Последние часто закрывали покойника. Это отмечалось неоднократно в курганах Ташравата и Кайрагача.

Некоторые исследователи связывали появление захоронений в гробах с продвижением гуннов, другие объясняют распространение этого обычая в Средней Азии сармато-среднеазиатскими связями. У сарматов этот обычай существовал уже с IV–III вв. до н.э. В Средней Азии он возникает позже и бытует длительное время [Литвинский 1972, с. 80].

В могильниках присутствуют кенотафы, являвшиеся символическими погребениями умерших или погибших вдали от родных мест и возводившиеся на родовых кладбищах. Кенотафы свидетельствуют об относительной подвижности оставившего их населения. В Фергане, в отличие от других районов Средней Азии, кенотафы единичны.

Кенотафы устроены так же, как и погребальные сооружения. В них часто присутствует богатый инвентарь, остатки тризны — кости барана или другого жертвенного животного, но нет погребенного.

Ю.Д.Баруздин выделял три типа кенотафов: могильная яма (с подбоем), в которой есть инвентарь; могильная яма без инвентаря; могильная яма с инвентарем, но вместо умершего в нее иногда положена антропоморфная статуэтка, как это отмечено в могильнике Тураташ близ Баткена [Баруздин, Брыкина 1962, с. 47].

В Фергане самые ранние кенотафы открыты в Тюлейкенском могильнике, которые А.Н.Бернштам относил к скифскому времени [Бернштам 1952, с. 190]. Кенотафы отмечены в Карабулакском могильнике и в могильниках Исфары. Здесь помимо кенотафов-могил открыты поминальные площадки под насыпями [Литвинский 1972]. В Кайрагаче под насыпью кургана открыта неглубокая яма подпрямоугольных очертаний. В ней находились сосуды и другие бытовые предметы (рис. 10).

До недавнего времени городские кладбища Ферганы были малоизвестны. В 1988 г. при раскопках города Пап в северной Фергане открыт городской некрополь, занимавший четыре холма. На холме Мунчак 1 находились погребения в грунтовых ямах и подбоях. Одно из них выделялось огромным количеством погребального инвентаря. Погребение принадлежало женщине, положенной в камышовый гроб. При ней было много бус из стекла и камня — кварц, доломит, бирюза, змеевик, сердолик [Анарбаев, Матбабаев 1990; Матбабаев 1996].

На Мунчактепе-2 открыты семь склепов различного размера, имевших сложную конструкцию. У всех склепов были парадная порталная часть, площадка с пандусом, сводчатый коридор, который вел в погребальную камеру. В торцевой стене коридора находились дверь и лестница в два марша, сложенная из крупных пахсовых блоков.

Большие склепы являлись семейными усыпальницами. В них производились захоронения на протяжении 100–150 лет. Захоронения совершались в камышовых гробах, которые ставились один на другой. Гробы делались из собранных в пучок и перевитых жгутов из камыша. В больших склепах находилось до 47 гробов. В малых склепах погребены два-четыре усопших. В гробах и около них лежал многочисленный инвентарь: глиняная и деревянная посуда, плетеные корзиночки.

Умерших клали в гробы в богатых одеждах из тонкого шелка. В погребениях женщин много украшений: бусы из стекла и камня, из косточек плодовых растений и позвонков рыб, серьги, браслеты, перстни из бронзы, зеркала. В мужские захоронения клали оружие: фрагменты сложносоставных луков, наконечники стрел, кинжалы.

Весь комплекс предметов из склепов позволил автору раскопок Б.Х.Матбабаеву датировать эти сооружения VII–VIII вв. [Матбабаев 1994; 1996].

Открытые в Папе склепы являются пока уникальными для Ферганы как по характеру сооружений, так и по способу захоронений в гробах, плетенных из камышовых жгутов. Обилие в склепах изделий из дерева, а также присутствие всевозможных коробочек и корзин, плетенных из камыша, сопоставимо, пожалуй, только с захоронениями в Карабулаке, где также имеются такие предметы. Но это, однако, не позволяет устанавливать генетическую связь между памятниками, а также предполагать этническую близость людей, оставивших эти погребальные сооружения.

Несомненно оседлому населению принадлежал некрополь, расположенный на левом берегу р. Ходжа-Бакырган, в 300 м к югу от усадьбы Кайрагач, и включавший два науса и захоронения в подбоях.

Первый наус представляет собой наземную, почти квадратную в плане постройку площадью 6,6×6,4 м. Стены толщиной 1,6–1,7 м сохранились в высоту до 2 м. Судя по завалу из кирпичей, упавших на торец, здание имело купольное перекрытие. В наус вели два низких арочных проема, сооруженных в разное время. Более ранний вход находился в нижней части южной стены. Во второй период в наусе была сооружена высокая суфа, тянувшаяся по всему периметру помещения. Она закрыла первоначальный проем. В этот период был прорублен проем в северной стене. Он выходит на уровень суфы (рис. 4, 1–5).

В наус совершенно очевидно помещали очищенные от мягких тканей кости. Поэтому скелеты разрознены и помещение заполнено беспорядочно лежащими костями. На полу в ямке около восточной стены лежали пять черепов, отношение к которым было бережное и уважительное.

В помещении среди костей находились фрагменты керамики, железные наконечники стрел, украшения (бусы, бронзовые серьги и кольца). Они, очевидно, являлись личными вещами погребенных и попали в наус вместе с костями. Так, один бронзовый перстень был на фаланге пальца руки.

Снаружи к стенам науса примыкали ровные, хорошо утрамбованные площадки. Местами на них отмечены следы интенсивного горения. К восточной

стене пристроена прямоугольная оградка из сырцовых кирпичей. Внутри оградки находились разрозненные кости двух скелетов (рис. 4, 3).

К северной стене пристроены две небольшие прямоугольные оградки из кирпичей, поставленных на торец. На северной площадке найдено большое количество керамики, среди которой значительное место занимают котлы. У самого края площадки обнаружен красноангобированный ритон с протоной рогого животного над сливом.

На полу перед северной нишей лежала вылепленная из глины и хорошо смоделированная голова идола, аналогичная найденной в святилище Кайрагач [Брыкина 1982, с. 92, рис. 61, 11]. Ее поверхность покрыта алебастром и раскрашена красной краской (рис. 11, 4). Возможно, северная площадка была местом, где совершались поминальные церемонии.

Второй наус располагался в нескольких метрах к юго-востоку от первого и занимал самый край террасы. Он представлял собой неглубокое прямоугольное сооружение, вырубленное в материке. В сооружении находились неполные скелеты двух людей и отдельные человеческие кости. По положению скелетов ясно, что умершие были положены на спину в вытянутом положении головой на юго-запад. При погребенных находились четыре сосуда и украшения: браслет, серьга, бусы (рис. 4, 6).

У южной стены науса стоял большой сосуд с носиком-сливом, выполнявший роль оссуария (рис. 6, 6). В нем находились отдельные кости от двух скелетов.

К северу от первого науса в непосредственной близости от него находился еще один погребальный комплекс, отличавшийся от только что описанных конструкций погребальных сооружений и обрядом захоронения. Комплекс занимал площадку на краю высокой террасы. Площадка дополнительно выровнена вымосткой из обломков сырцовых кирпичей (рис. 5, 1).

На площадке находились погребения в подбоях. Длинные и узкие входные ямы вытянуты по линии северо-запад — юго-восток либо запад-восток. Вход в виде узкой щели находится в южной стене входной ямы. Входы в подбой заложены сырцовыми кирпичами, поставленными на торец. Погребенные лежат на спине головой на восток. Исключением является одно погребение, где ямы не было, а умерший был положен на уровне древнего горизонта в позе всадника с перекрещенными в шиколотках ногами. У него отсутствовала голова и шейные позвонки (рис. 5, 5). Интересно погребение 4. Его отличает от остальных положение головы: она была сильно приподнята и стояла на кучке золы и углей (рис. 5, 7).

Этот погребальный комплекс также принадлежал жителям поселения в Кайрагаче и, судя по немногочисленному инвентарю, синхронен усадьбе. Особенно интересен узкогорлый кувшин с согдийской надписью, включающей шесть знаков — четыре буквы и две цифры. Надпись, по мнению В.А.Лившица, определяет дату сосуда VI–VII вв.

В северной Фергане открыты наземные постройки из камня — курумы, или мухона. В них находились множественные захоронения, совершенные последовательно. Основная масса курумов расположена на правом берегу Сырдарьи, но отмечено одно сооружение такого типа на левом ее берегу, в районе кишлака Ниязбек.

Наземные погребальные камеры из камня не встречались вместе с погребальными сооружениями других типов. Они всегда составляли изолированные

кладбища. Б.А.Литвинский называет мугхона «домами мертвых» и считает, что их нельзя рассматривать вне зороастрийских традиций. С.Баратов отмечает, что в нескольких курумах северной Ферганы захоронения совершались по зороастрийскому обряду. В одном случае в курум был поставлен оссуарий [Баратов 1991].

Свидетельства о распространении зороастризма в Фергане весьма незначительны. Это отдельные черты зороастрийской погребальной обрядности, отмеченные при раскопках мугхона в северной Фергане, и находки оссуариев, которые являются ее характерной чертой. Они найдены в нескольких пунктах области: Баландтепе и Мунчактепе в Папском районе (рис. 6, 1, 3), Лумбаттепе (рис. 6, 2), в куруме могильника Шах в северной Фергане (рис. 6, 4), в долине Аксу в западных предгорьях Ферганы (рис. 6, 5), сюда же относятся захоронения в хумах в южных предгорьях Ферганы и упомянутый выше сосуд с человеческими костями из науса II в Кайрагаче (рис. 6, 6). Н.Г.Горбунова высказала предположение о том, что оссуарии принадлежали согдийцам, бежавшим от арабов. Кайрагачские наусы являются еще одним свидетельством существования в Фергане зороастризма.

Н.Г.Горбунова полагает, что в могильнике Хангиз I было погребено оседлое население, в хозяйстве которого скотоводство играло большую роль [Горбунова 1990, с. 197]. Аналогичное мнение было высказано автором этой статьи относительно населения, оставившего могильник Кайрагач [Брыкина 1982а].

В могильнике Хангиз II открыты склепы из сырцового кирпича. Они представляют собой прямоугольные постройки. Одна из них, расположенная в центре комплекса, удлиненная, две другие почти квадратные. К южному и северному углам центральной постройки примыкают углами квадратные постройки. На полу в них лежат разрозненные человеческие кости, иногда кучками, иногда бессистемно. Там же находились различные предметы: керамика, наконечники стрел, пряжки, перстни, зеркала. Расположение костей и инвентаря дает возможность предположить, что в камеры помещали очищенные от мягких покровов кости. За пределами камер также лежали разрозненные кости. Около восточной стены в овальной яме находился скелет человека, положенного на спину. Череп отсутствует. Левая нога чуть согнута в колене [Gorbunova 1986, с. 332, pl. LXXII].

Анализ материалов из курганов убеждает в том, что значительную их часть следует связывать с оседлым населением. Об этом свидетельствуют, во-первых, топография долины — могильники расположены в непосредственной близости от поселений; во-вторых, размеры могильников, насчитывающих сотни курганов — до 1500. Формирование таких могильников предполагает малую подвижность населения; в-третьих, в закладке входов в подбой и катакомбы использовался сырцовый кирпич; в-четвертых, состав погребального инвентаря: большая часть посуды совершенно непригодна в кочевом быту. Это тонкостенные чаши, больших размеров кувшины [Брыкина 1995, с. 88].

Отдельные элементы верований и культов древних ферганцев нашли отражение в погребальной обрядности, как, например, культ солнца. В курганах разных эпох на обширной территории под курганными насыпями открыты каменные выкладки. Они выложены вокруг могил, а иногда большим кольцом окружали всю площадь кургана (7, 1, 3, 4). В юго-западной Фергане, в местности Ташрават и Оут-сай, под курганными насыпями на уровне древнего горизонта

открыты кольцевые выкладки (рис. 7, 2, 5). Особенно интересен большой курган в Оут-сае. Его земляная насыпь была облицована крупными камнями, положенными в один слой. Под насыпью на уровне древнего горизонта находились каменные выкладки. Три полукольца из крупных камней располагаются вдоль южного и восточного края, примыкая к кольцу, окружающему подкурганную площадку. На восточной половине площадки почти в самом ее центре находится еще одна кольцевая выкладка. В неглубокой овальной ямке в скорченной позе лежал расчлененный скелет (череп был отделен от тела и положен слева от погребенного). Других погребений в кургане не обнаружено. Видимо, площадка была культовым местом. Выкладки полукольца были связаны с солярным культом, а на площадке совершались какие-то действия в честь солнца (рис. 7, 1).

С культом солнца был связан культ огня, почитание которого в Средней Азии имело длительную традицию. С древнейших времен существовало представление об огне как очистительной силе. В погребальном обряде он играл большую роль. Трупосожжение, сожжение надмогильных сооружений связаны с верой в очистительную силу огня. Его в погребениях символизировала красная охра.

Связь возжигания огня с погребальным культом подтверждается изображениями на оссуариях.

Большое место в погребальном обряде принадлежало антропоморфным изображениям. В захоронения помещали фигурки из алебаstra. Они присутствовали в могильниках Тураташ (рис. 12, 3), Ташрават (рис. 11, 1-3), Ворух (рис. 12, 1, 2) [Давидович, Литвинский 1955; Баруздин, Брыкина 1962; Литвинский 1972; Брыкина, Трунаева 1995], в наусе I в Кайрагаче (рис. 11, 4).

Материалы, полученные при раскопках погребальных сооружений, позволяют судить о высокой культуре населения, оставившего эти памятники. В то же время в них просматривается влияние культуры соседних и более удаленных областей.

Интересной деталью погребального обряда, указывающей на восточные связи ферганцев, являются лицевые накладки и платки из шелка. Они известны в захоронениях Папа (Мунчактепе) и Карабулака; есть они также в курганах Кетменьпюбе. В последних найдены наглазники из золота и золотые лицевые маски. Из других предметов восточного происхождения важны китайские зеркала и монеты типа у-шу. Они помогают определить время сооружения могил. Правда, датировка по монетам весьма относительна, поскольку эти монеты были долго в обращении и дают возможность судить о том, что погребения совершены не ранее времени их выпуска (конец II в. до н.э.).

Отмечено сходство с сарматскими материалами — конструкции катакомб, присутствие дерева в погребальных сооружениях, сходство или заимствование отдельных категорий украшений, наличие костей барана в погребении. В то же время есть и существенные отличия: нет четкой ориентации погребений даже в пределах одного могильника, нет конской узды, мало оружия.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анарбаев, Матбабаев 1990 — Анарбаев А.А., Матбабаев Б.Х. Мунчактепе — городской некрополь в Северной Фергане. — ОНУ. № 10.
- Анарбаев, Матбабаев 1998 — Анарбаев А.А., Матбабаев Б.Х. Раннесредневековый городской некрополь ферганцев. — ИМКУ. Вып. 29.
- Баратов 1991 — Баратов С.Р. Культура скотоводов Северной Ферганы в древности и средневековье. АКД. Самарканд.
- Баруздин 1961 — Баруздин Ю.Д. Карабулакский могильник. — Известия АН Киргизской ССР. Сер. общественных наук. Т. III. Вып. 3. История. Фрунзе.
- Баруздин, Брыкина 1962 — Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе.
- Бернштам 1952 — Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА. № 26. М.
- Брыкина 1982а — Брыкина Г.А. Могильник Кайрагач в Южной Киргизии. — КСИА. Вып. 170.
- Брыкина 1982б — Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М.
- Брыкина 1995 — Брыкина Г.А. Некоторые вопросы истории и культуры Юго-Западной Ферганы в свете раскопок в Кайрагаче. — Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек.
- Брыкина, Трунаева 1995 — Брыкина Г.А., Трунаева Т.Н. Идолы в захоронениях Ферганы. — Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М.
- Гайдукевич 1952 — Гайдукевич В.Ф. Могильник близ Ширинсая в Узбекистане. — СА. № XVI.
- Горбунова 1981 — Горбунова Н.Г. О типах ферганских погребальных памятников первой половины I тысячелетия н.э. — АСГЭ. Вып. 22. Л.
- Горбунова 1990 — Горбунова Н.Г. Ферганский могильник Хангиз I. — СА. № 1.
- Давидович, Литвинский 1955 — Давидович Е.А., Литвинский Б.А. Археологический очерк Исфаринского района. — Тр. ИИАЭ. Вып. 35. Сталинабад.
- Заднепровский 1960 — Заднепровский Ю.А. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе.
- Заднепровский 1975 — Заднепровский Ю.А. Опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников Средней Азии древнего периода (II в. до н.э. — VI в. н.э.). — Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе.
- Заднепровский 1995 — Заднепровский Ю.А. Номады древней Ферганы: типология памятников, районирование, историческое истолкование. — Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек.
- Литвинский 1972 — Литвинский Б.А. Курганы и курумы Ферганы. М.
- Матбабаев 1994 — Матбабаев Б.Х. Подземные склепы могильника Мунчактепе (к вопросу о погребальном обряде). — Фергана в древности и средневековье. Самарканд.
- Матбабаев 1996 — Матбабаев Б.Х. Одиночные погребения могильника Мунчактепе (к вопросу изучения погребальных сооружений северной Ферганы первой половины — середины I тысячелетия н.э.). — ИМКУ. Вып. 27.
- Мошкова 1984 — Мошкова М.Г. Культовые сооружения Лебедевского могильника. — Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Сорокин 1956 — Сорокин С.С. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры. — СА. № 26.
- Gorbunova 1986 — Gorbunova N.G. The Culture of Ancient Fergana VI century B.C. — VI century AD. Oxf.

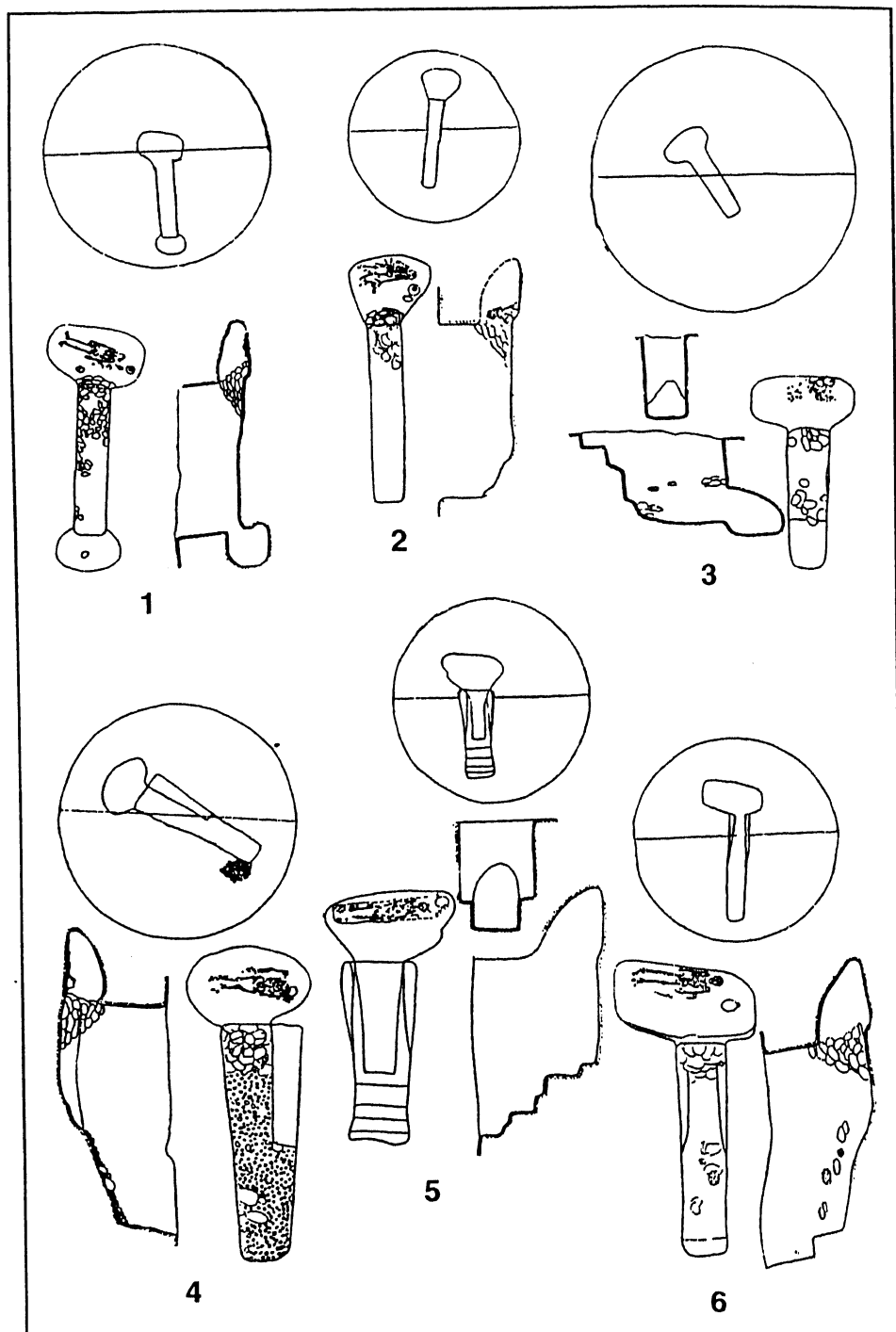

Рис. 1
1-6 — катакомбы I типа

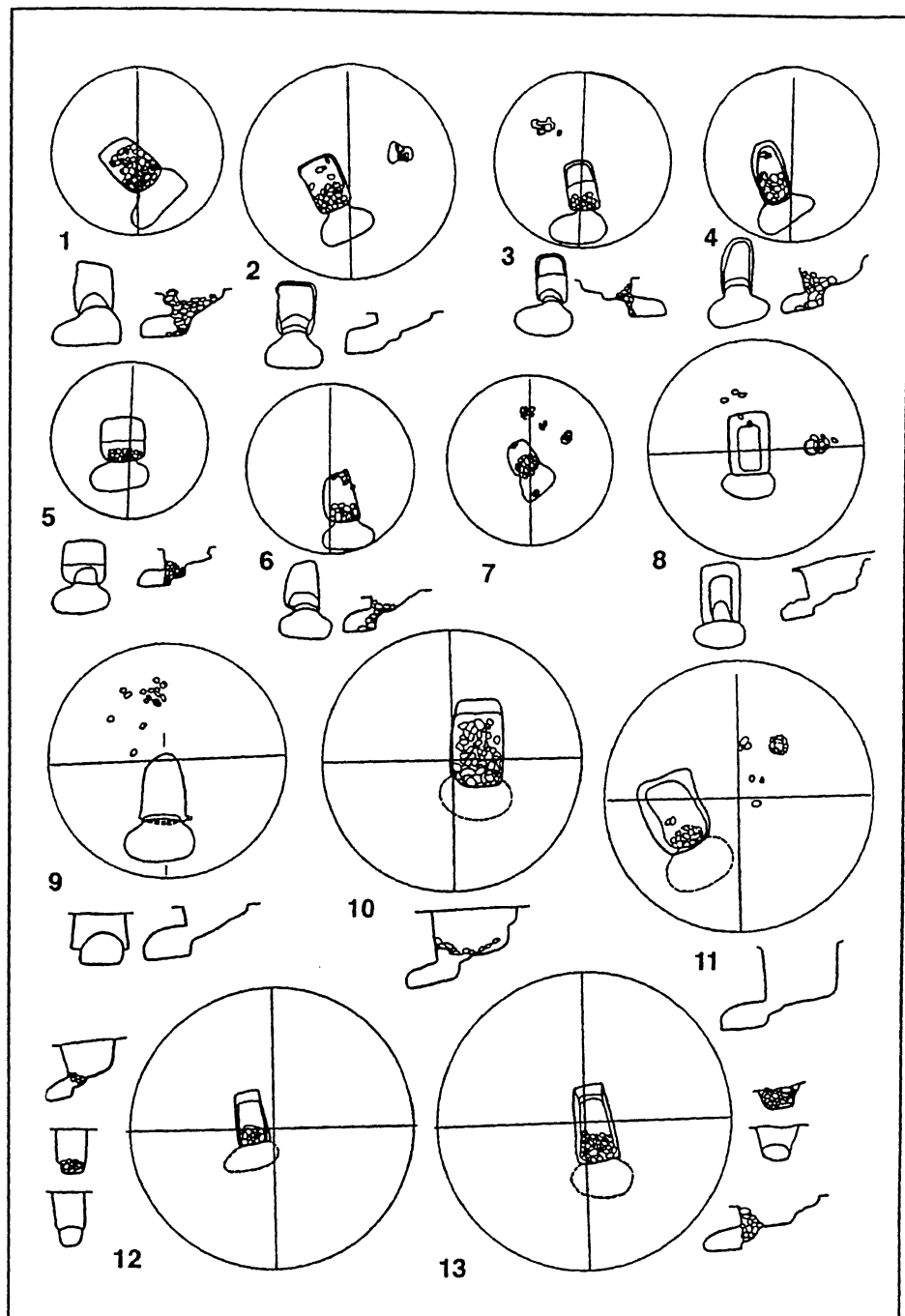

Рис. 2
1-13 — катакомбы II типа

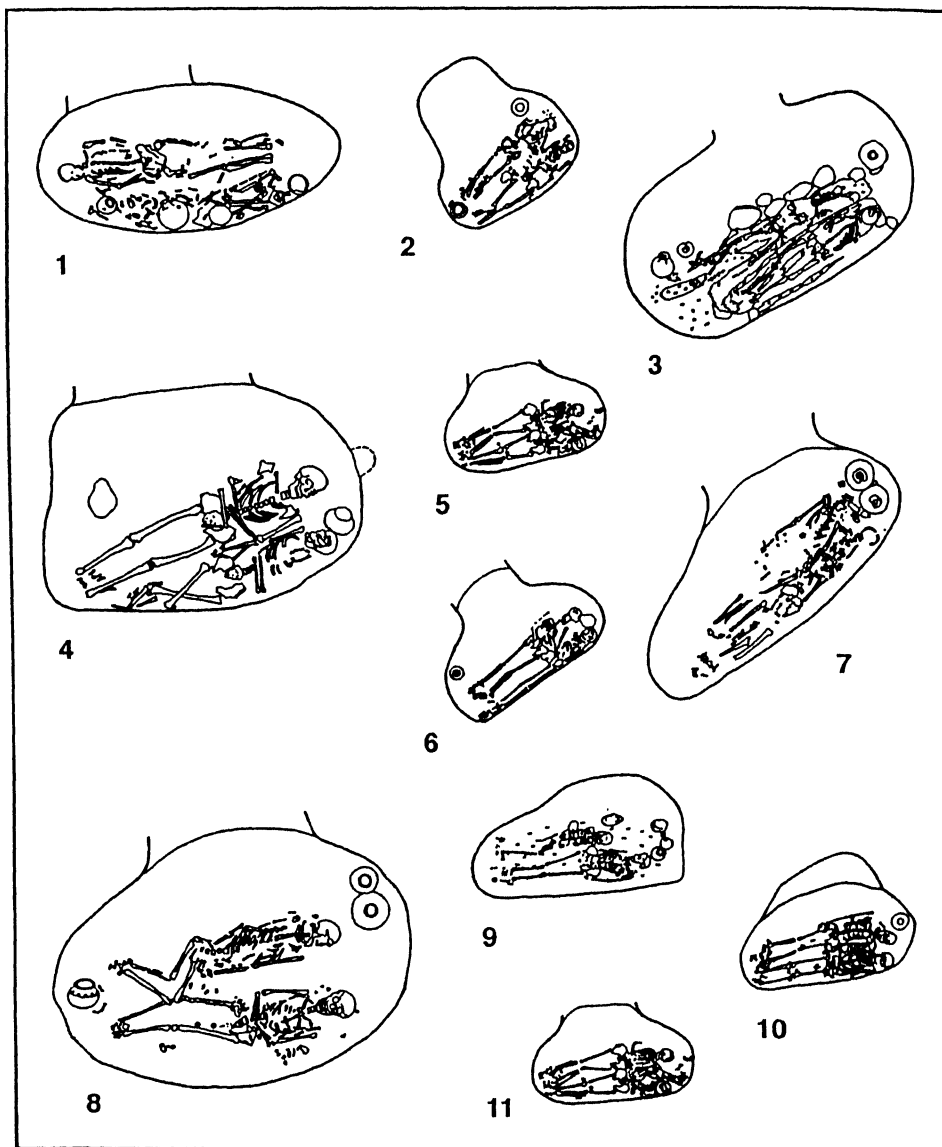

Рис. 3
Могильник Ташрават.
1-11 — множественные захоронения в катакомбах II типа,
совершенные последовательно

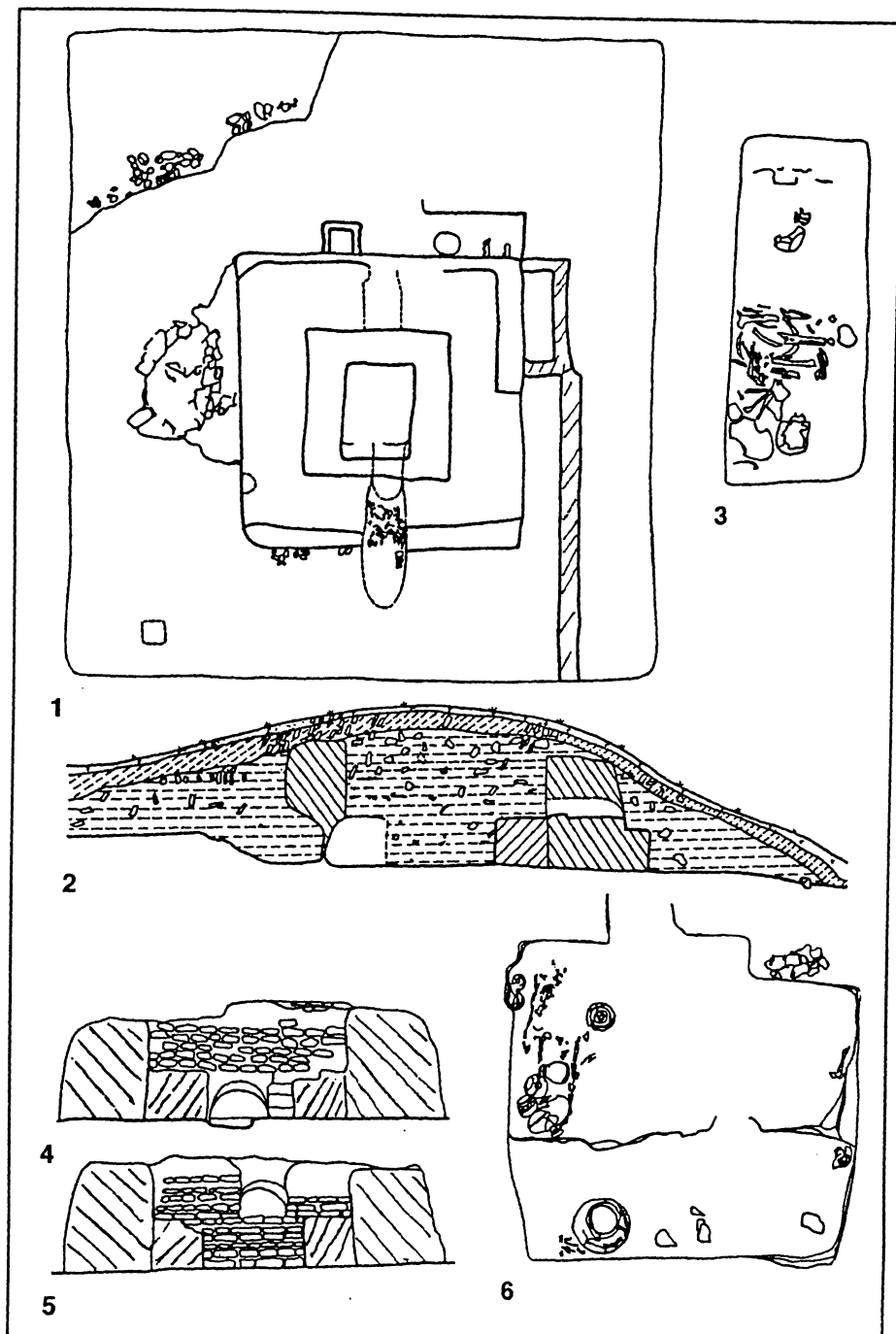

Рис. 4
Некрополь поселения Кайрагач.

1 — наус I, план; 2 — наус I, разрез по линии С-Ю; 3 — наус I, захоронения в пристройке к восточной стене науса; 4 — наус I. Фасад южной стены науса изнутри; 5 — наус I. Фасад северной стены изнутри; 6 — наус II, план

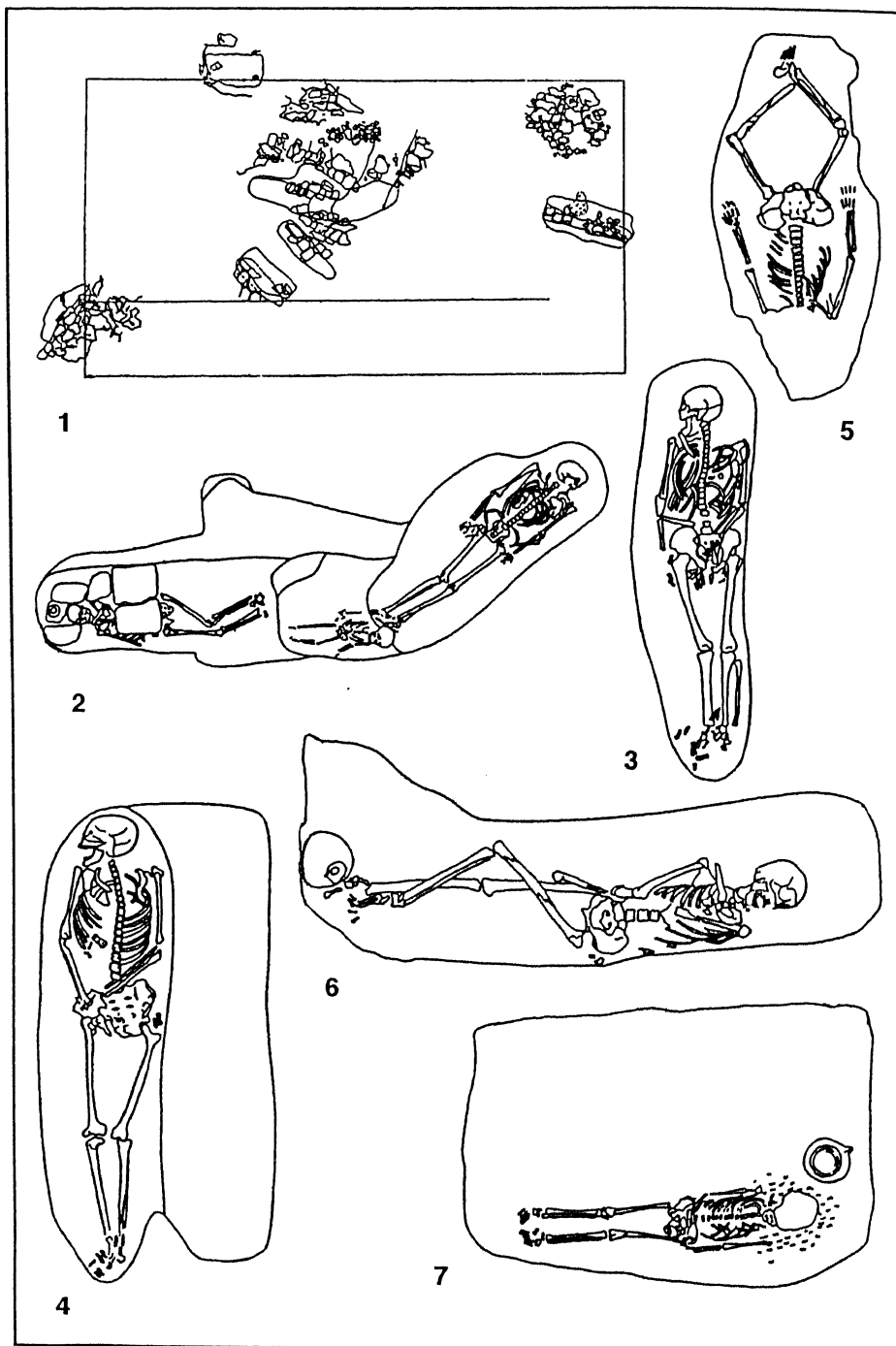

Рис. 5
Кайрагач. Некрополь поселения.
1 — план; 2-4, 6, 7 — захоронения в подбоях; 5 — захоронение на древнем горизонте

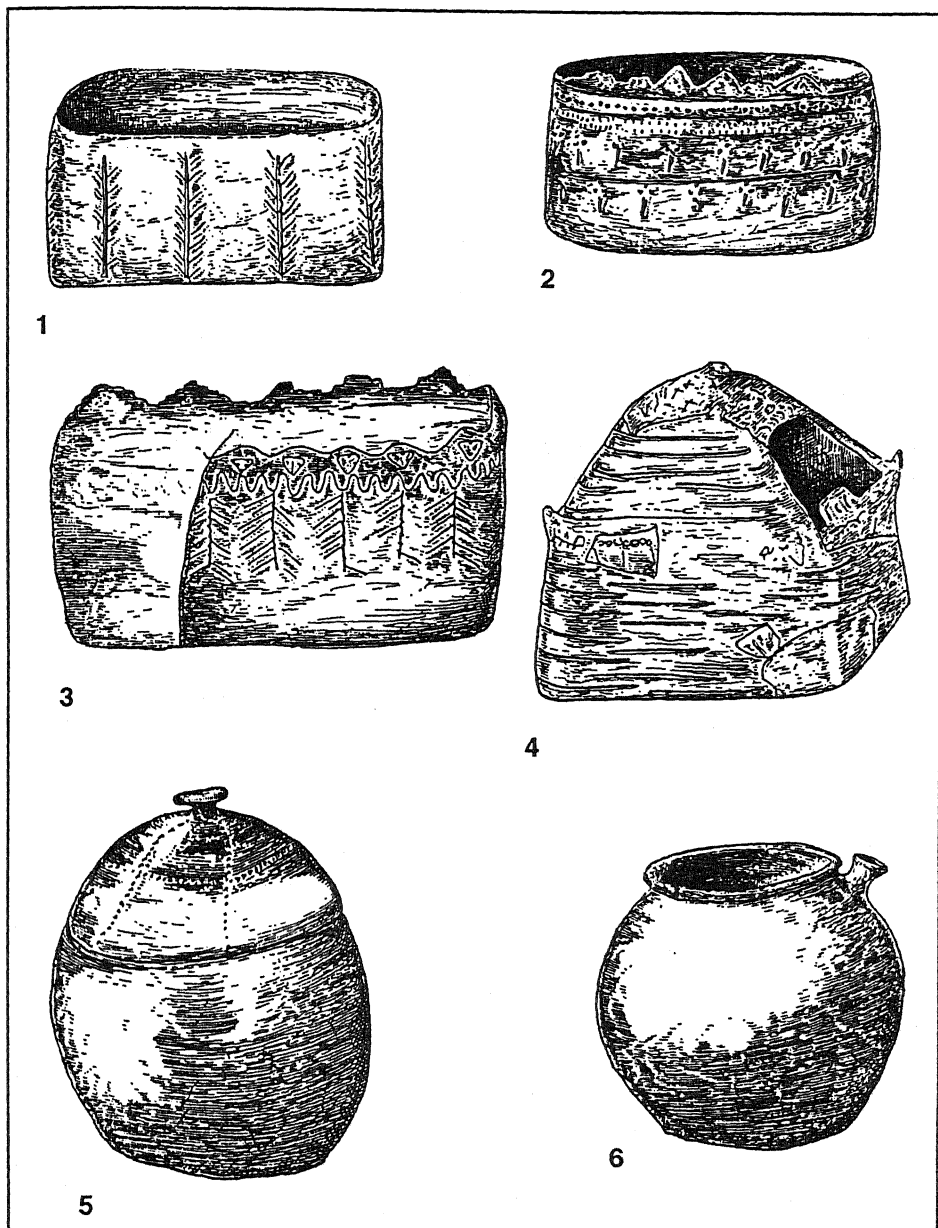

Рис. 6
Оссуарии из Ферганы.

1 — Баландтепе в Папском районе; 2 — Мунчактепе 2; 3 — Лумбаттепе; 4 — могильник Шах в северной Фергане; 5 — долина р. Аксу, юго-западные предгорья Ферганы; 6 — Кайрагач, наус II

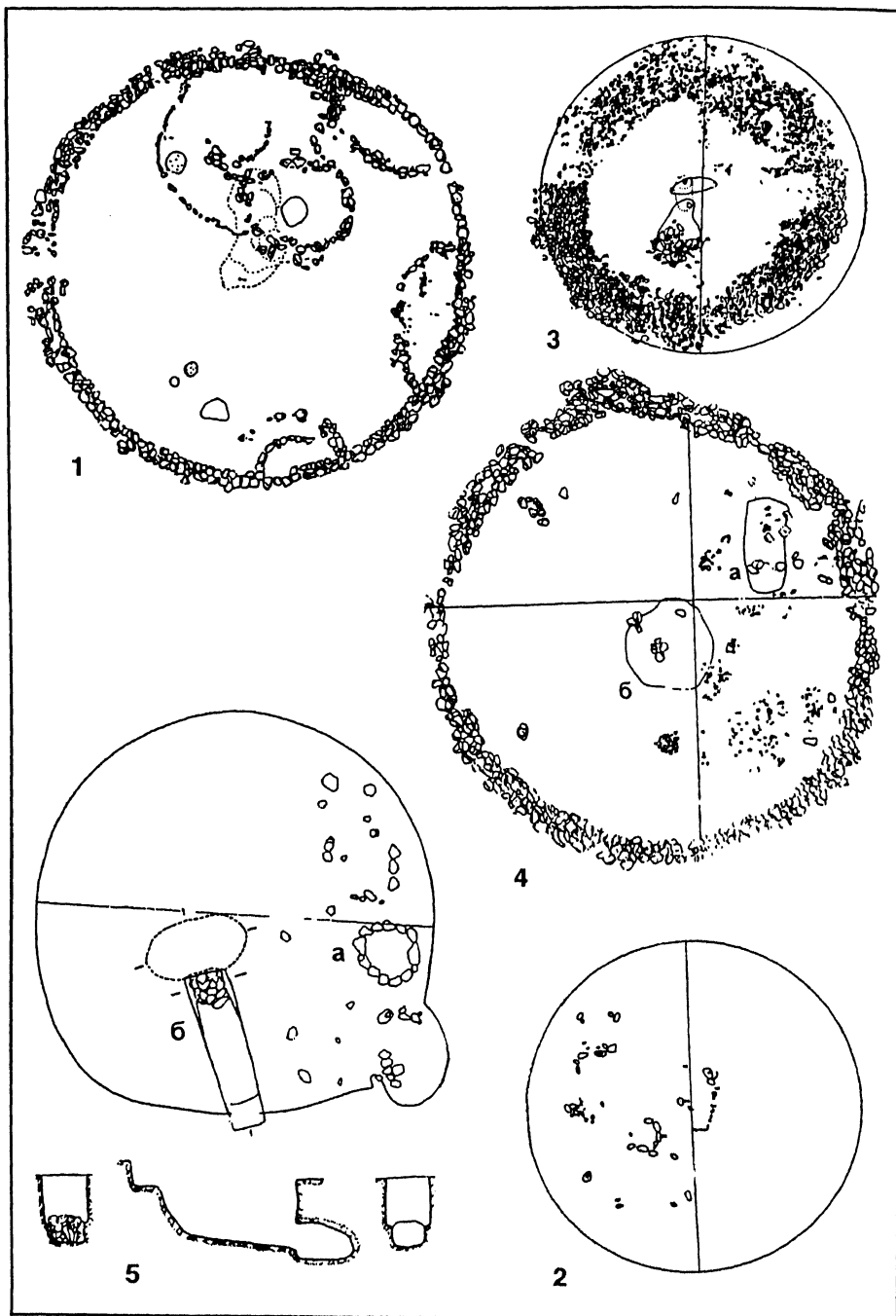

Рис. 7

Каменные выкладки в курганах юго-западной Ферганы.

1 — Оут-сай. Курган 2. Выкладки на уровне древнего горизонта; 2 — Ташрават VIII. Курган 31. Выкладки на уровне древнего горизонта; 3 — Ташрават VIII. Курган 48. Выкладка на уровне древнего горизонта; 4 — Оут-сай. Курган 1. Выкладки на уровне древнего горизонта: а — могильная яма в северо-восточном секторе; б — яма в центре площадки; 5 — Ташрават VIII. Курган 47: а — план на уровне древнего горизонта. Выкладки в восточной половине; б — катакомба в юго-западном секторе

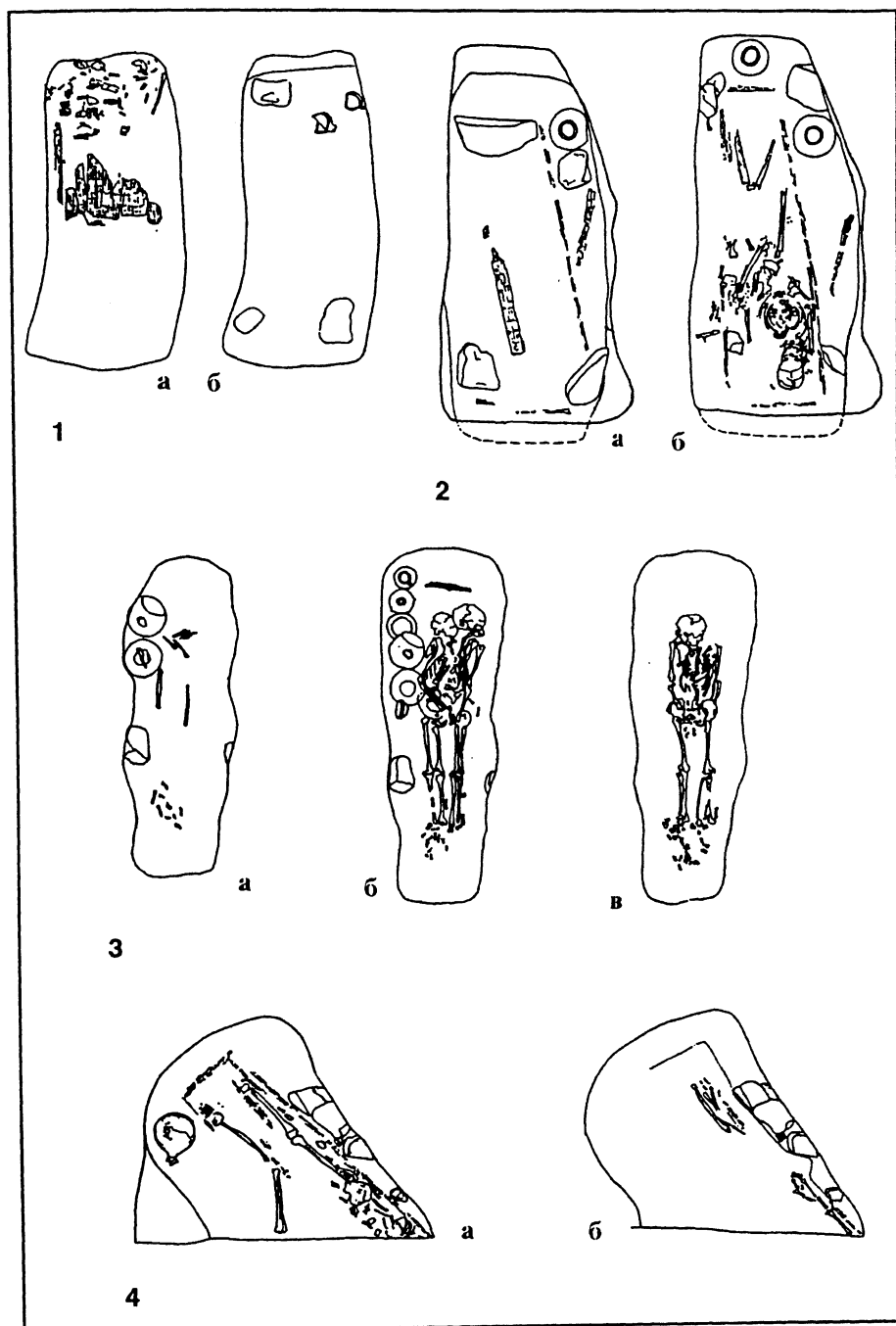

Рис. 8
1-4 — могильники Оут-сай, захоронения в могилах, перекрытых деревом

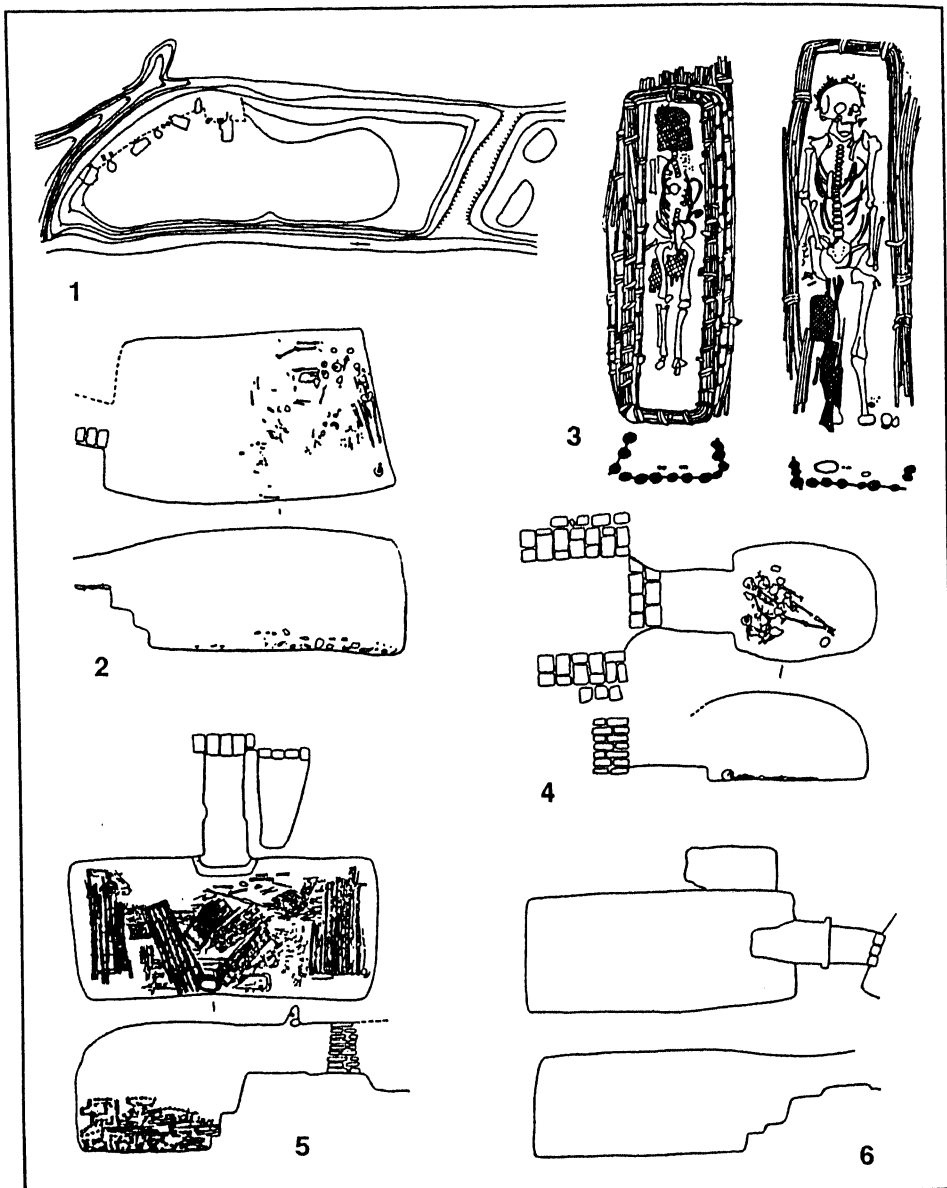

Рис. 9
Некрополь Мунчактепе в северной Фергане

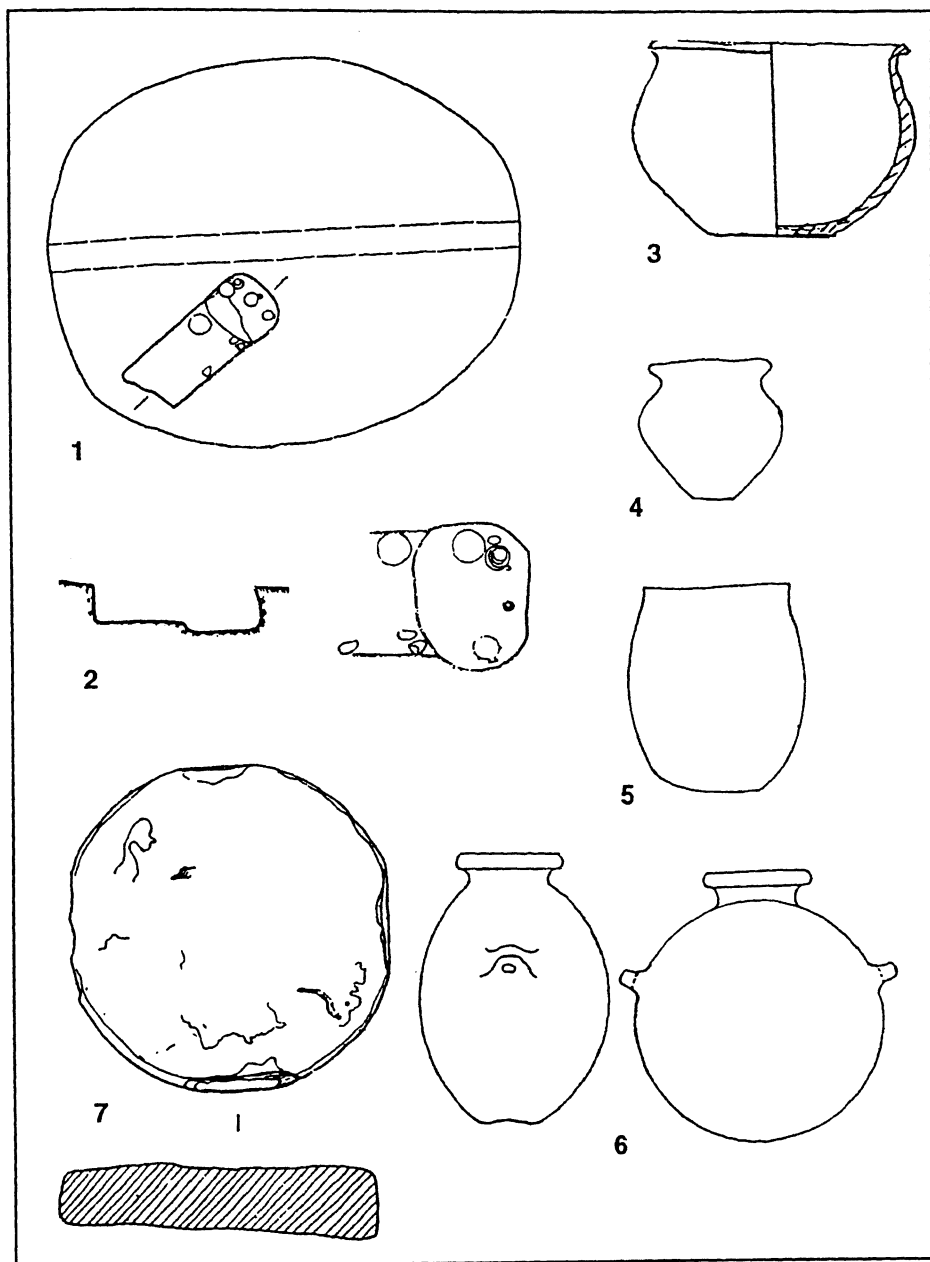
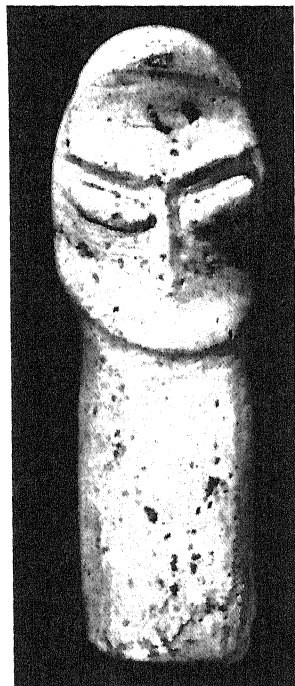

Рис. 10
Кайрагач. Кенотаф

1

2

3

4

Рис. 11
Идолы из захоронений Ферганы.
1, 2, 3 — могильник Ташрават VIII; 4 — Кайрагач, наус I

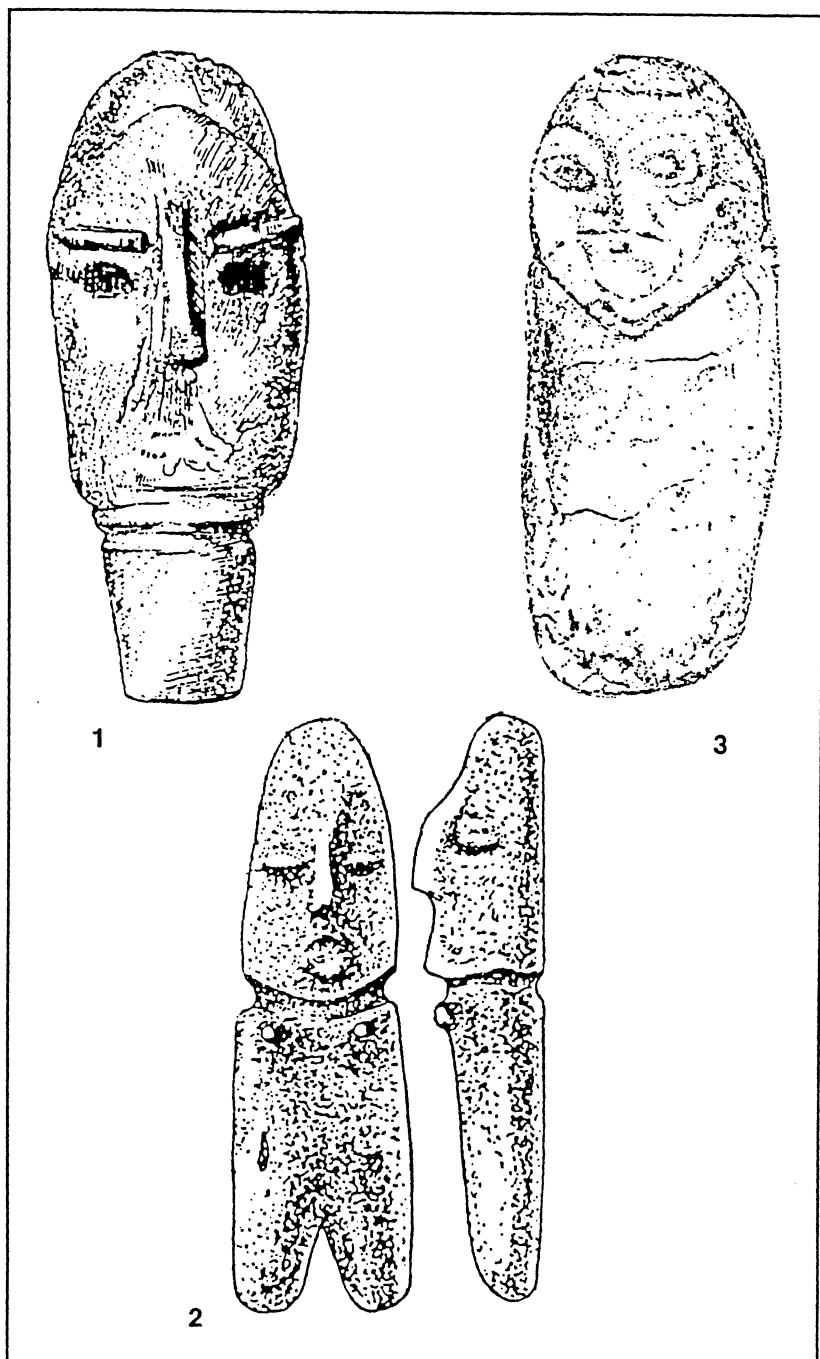

Рис. 12
Идолы из захоронений Ферганы.
1, 2 — могильник Ворух; 3 — могильник Тураташ (кенотаф)

М.А.Бубнова, И.А.Половникова

ЯНТАРЬ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Янтарь — минерал класса органических соединений, ископаемая смола хвойных деревьев, в основном палеогенного периода. Янтарем (от литовского слова *gintāras*) часто называют все без исключения ископаемые аморфные смолы или же те, которые применяются в ювелирном камнерезном производстве. Разнообразие видов ископаемых смол объясняется их различной ботанической природой, а также в значительной мере зависит от условий фоссилизации (окаменения). На одном и том же месторождении иногда наблюдают несколько видов ископаемых смол. Более правильно термин «янтарь» использовать только для одного вида ископаемых смол, широко распространенного в Прибалтике, известного под названием «сукцинит» (от лат. названия сосны *succinum*). Минералогия ископаемых смол разработана слабо. Среди них выделяются: 1) янтарь (сукцинит) и янтароподобные ископаемые смолы (руминит, бирмит, делатенит и др.); 2) ретиниты (ретинит, геданит, чемавит и др.), хрупкие, из буроугольных пластов, применение в ювелирном деле ограничено; 3) копалиты (копалит, амбрит) — молодые (четвертичные) ископаемые смолы, мягкие и легкоплавкие. Наиболее твердые из них, например мозамбикские и занзибарские копалы, имитируют янтарь, но ценятся гораздо ниже [Савкевич 1970; Трофимов 1974; Киевленко, Сенкевич 1976].

Выделяются две главные янтароносные провинции мира: Евроазиатская, включающая Балтийско-Днепровскую, Карпатскую, Северо-Сибирскую, Дальневосточную, Сицилийскую и Бирманскую субпровинции, и Американская с Северо-Американской и Мексиканской субпровинциями [Трофимов 1974; Киевленко, Сенкевич 1976, с. 111]. Учитывая сведения античных авторов о том, что янтарь добывали в Индии и Африке, и тот факт, что там известны копалы, внешне похожие на янтарь, С.С.Савкевич считает, что эти районы могут быть включены в янтароносные провинции [Савкевич 1970, с. 13].

Находки изделий из янтаря при раскопках древних памятников в разных странах давно привели археологов к мысли найти такие методы определения изделий, на основании которых можно будет установить источник сырья, а затем торговые связи и пути, по которым они следовали.

Одним из первых, кто подошел к решению проблемы, был немецкий ученый О.Гельм, который на основании определения содержания янтарной кислоты в продуктах сухой перегонки установил родину янтарных изделий, обнаруженных при археологических раскопках в Италии [Helm 1885]. Но этот метод ока-

зался ненадежным из-за разности содержания янтарной кислоты в янтароподобных смолах. Американские исследователи нашли надежный метод определения с помощью ИК-спектрометрии [Beck, Wilbur, Meret, Kossove, Kermani 1965, с. 96–105]. Одновременно этот метод был разработан С.С.Савкевичем и И.А.Шакс (Половникова) [Савкевич, Шакс 1970, с. 265–267].

На территории Средней Азии при раскопках древних городищ, поселений и могильников встречаются изделия, которые в публикациях названы «янтарными». Сведения о них очень скупы и ограничены констатацией факта находки, редко описанием, еще реже рисунком или фотографией. Часть материалов не опубликована и хранится в фондах музеев или археологических коллекциях.

Заинтересовавшись вопросом, что представляют собой янтарные изделия, найденные на территории Средней Азии, авторы прежде всего предприняли попытку собрать все сведения о них как по публикациям, так и по хранилищам. Результатом стал Каталог, составляющий приложение к данной статье.

Вторая задача заключалась в определении янтарных изделий методом ИК-спектрометрии. Эта работа была выполнена И.А.Половниковой (Шакс) в Российском научно-исследовательском геологоразведочном институте (Санкт-Петербург). Образцы анализировались на инфракрасном двулучевом спектрометре марки ИК-20 производства «Карл Цейс», в интервалах 3800–2400 и 200–675 см⁻¹ с призмами «LiF» и «NaCl», при концентрации вещества в таблетках с бромистым калием 0,35–0,75% [Шакс, Файзулина 1974; Савкевич, Шакс 1970; Беллами 1963; Болдырев 1976; Атлас ИК-спектров... 1983]. Исследовано 68 образцов (7 образцов из-за плохой сохранности не дали результатов).

По химическому составу изделия в основном принадлежат сукциниту. Выявлены образцы балтийского сукцинита типа полубастард, типичный геданит; образцы гедано-сукцинитового переходного типа; типа моравского волховита, а также смол из нижнемеловых отложений на территории Трынского района в Болгарии (вблизи с. Врабга) [Шакс, Файзулина 1974; Изучение ископаемых смол... 1969]. Есть образцы типа сукцинита небалтийского происхождения, а также из ископаемых смол неизвестного происхождения. Результаты анализов даны в Каталоге для каждого изделия, прошедшего исследование.

Картографирование находок с учетом хронологических данных позволило проследить пути, по которым янтарные изделия распространились на территории Средней Азии (см. Каталог) [Бубнова, Половникова 1986; 1991; 1997].

Как видно, с эпохи бронзы определились два направления торговых путей: Сырдарьинское и Амударьинское.

Активизируется торговля янтарем в Среднюю Азию с середины I тыс. до н.э., особенно в первые века н.э., вплоть до V в. н.э. Самое большое число находок янтарных изделий обнаружено в памятниках джетыясарской культуры [Левина 1996, с. 224]. Следуя вдоль Сыр-Дарьи, янтарь проникает в Ферганскую долину, активно охватывая ее западные и юго-западные районы, и далее на восток, к границам Китая. Вероятно, ферганское направление помогло выйти в Кетменьтюбинскую долину.

В раннем средневековье торговля янтарем не затухает. Основные торговые магистрали не менялись (Сырдарьинское и Амударьинское), но более разветвленными становятся внутренние пути. На северо-восток — это Чуйская долина. На юго-восток — Зеравшанская долина; крайней восточной точкой оказывается Западный Памир (верховья р. Пяндж).

Для развитого средневековья находок мало (вероятно, за счет того, что материал в основном поступает с поселений и городищ, а не с могильников). Направления остаются прежними. Отмечается большая удаленность на восток, но не с Амударьинского направления, а с Сырдарьинского, через Ферганскую долину. Об этом свидетельствуют материалы города горняков Базар-Дара, расположенного на Восточном Памире [Бубнова, Половникова 1984]. Самые поздние янтарные изделия относятся к XIII–XIV вв.

Проследив путь движения янтарных изделий внутри среднеазиатского региона, необходимо задать вопрос, откуда и по каким путям он шел вне пределов Средней Азии, чтобы выйти на Сыр-Дарью и Аму-Дарью. Было высказано несколько соображений общего характера на этот счет: 1) проникал с запада [Беленицкий, Бентович, Большаков 1973, с. 110]; 2) попадал из сарматских степей [Трудновская 1952, с. 227]; 3) с VIII в., с установлением торговых связей с восточными купцами, янтарь с побережья Балтики стал поступать по Волжско-Каспийскому пути в Хорезм, а оттуда расходился дальше, вплоть до Аравии (точка зрения высказана Г.Г.Леммлейном в примечании к переводу «Минералогии» Бируни, см. [Бируни 1963, с. 470, 472]). О Хорезме как «транзитном» пункте высказался Б.Я.Ставиский [Ставиский 1960, с. 117]. Несомненно, ответ может быть дан при условии, что будут проведены соответствующие анализы находок, которые, если и не дадут точной привязки к соответствующему месторождению, во всяком случае определяют регион, откуда экспортировался янтарь или соответствующие ископаемые смолы.

Янтарь был известен верхнепалеолитическому человеку. Куски янтаря обнаружены внутри жилища этого времени в Межиричи, на Украине. Всего было найдено 70 кусков янтаря, который, по мнению И.Г.Пидопличко, могли собирать из олигоценовых отложений (харьковские пески), содержащих янтарь [Пидопличко 1969, с. 127, 139]. Прибалтийский янтарь очень активно разрабатывался в эпоху неолита [Лозе 1979]. Картирование находок прибалтийского янтаря (использован метод ИК-спектров) показало, что самый отдаленный восточный пункт его присутствия обнаружен на левом берегу р. Волги, чуть выше места впадения в нее р. Ветлуги [Лозе 1980, с. 80]. Что касается эпохи бронзы, то авторы имели возможность сделать анализы из Лоре-берд (Армения) — два образца (2469/40, 2469/40а) — и из Знаменского клада (Енисей, Красноярский край) — два образца (2715/79, 2715/78). Результаты следующие: для Лоре-берд — сукциниты, или небалтийского генезиса, или сукциниты, сильно окисленные; для Знаменского клада — сукцинит и несукцинит; последний по характеру поглощения в ИК-спектре близок к ископаемым смолам из пород мелового возраста¹.

Для сарматского времени сделаны анализы трех бус (П-1, П-2, П-3) из ожерелья, найденного около Лебедевки (Казахстан, недалеко от Уральска)². Все образцы — сукциниты, сильно окисленные. Известно, что янтарные изделия часто встречаются в памятниках сарматского времени [Машкова, Кушаев 1973, с. 267; Смирнов 1975]. Таким образом, даже при единичных анализах мы сталкиваемся с неоднородным сырьем. Если уже в неолите прибалтийский янтарь доходил до Волги, то есть основание предположить, что Волжско-Каспийское направление могло осваиваться значительно раньше VIII в. для продвижения на восток. И не только для прибалтийского сукцинита, но и для приднепровско-

¹ С.Д.Деведжян, фонд Института археологии АН Республики Армения; М.Завитухина, ГЭ.

² Фонд ИИАЭ АН Республики Казахстан.

карпатских ископаемых смол (первые — светлые, известны под названием «скифские», менее популярны, чем карпатские, более темных и сочных расцветок).

Нельзя исключить и такие международные трассы, как «Великий лазуритовый путь», а позже «Великий Шелковый путь», по которым товары транзитом шли не только на запад, но и обратно на восток из европейских стран. На этих путях базировались многие «склады» (торговые фактории) западных купцов [Needham 1962, с. 237–238]. По китайским источникам, в Китае янтарь известен с III в., где он считался происходящим из Рима, а ввозили его из Ирана [Шефер 1981, с. 327]. Но оказывается, что Иран знал янтарь еще раньше. При раскопках крепостной стены Персеполя были найдены так называемые эламские таблички-документы хозяйственной отчетности V в. до н.э. Среди упоминаемых в них имен немало имен-прозвищ. Одно из них — имя Kasruba (Ka-is-ruba), в вариантном эламском написании Katuruba (Ka-tur-ib-ba). И.Гершевич предложил этимологизировать это имя как древнеиранское Kas-rura или Kav-rura — букв. «притягивающий (или похищающий) солому» — и сопоставил с новоперс. kahruba (тадж.: кахрубо, кохрубо, кахрабо) «янтарь». С этой точкой зрения на этимологию слова «янтарь» согласился В.Хинц [Hinz 1975, с. 151]. Этимологию, предложенную И.Гершевичем, оценивает как сомнительную, не объясняя почему, М.Майрхофер [Mayrhofer 1973, с. 179–180].

По мнению В.А.Лившица, древнеперс. Kas-rura может означать также «имеющий цвет (или „вид“) соломы», от древнеперс. -rura, авест. urura- «вид, форма, цвет». Таким образом, иранское название янтаря семантически основывалось на сходстве цвета — соломы и янтаря. Если принять этимологию И.Гершевича, то эламская передача имени собственного Kas/v-rura подтвердила бы одновременно и древнейшее свидетельство бытования слова «янтарь» (как нарицательного) в иранских языках³.

Помимо «западного» янтаря на Востоке был известен и пользовался популярностью бирмит (см. выше). Его добывали в Верхней Бирме [Cockerell 1922, с. 713–714; Шефер 1981, с. 327]. Все попытки авторов найти образец бирмита для анализа в музеях и геологических коллекциях бывшего СССР не увенчались успехом.

Остается сказать несколько слов о «каспийском» и «аральском» янтарях, учитывая их непосредственную близость к устьям Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. По поводу «каспийского» янтаря высказал сомнение уже Бируни: «Но море Табаристанское [Каспийское] лишено его и к нему непричастно» [Бируни 1963, с. 178–179]. На побережье Каспийского моря встречается затвердевшая смола, которую выделяет растение из рода *Ferula*, туркмены собирают ее, называя «янтарем», и употребляют как защитное средство от ран (комментарии Г.Г.Леммлейна к переводу «Минералогии Бируни»; см. [Бируни 1963, с. 471]).

Что касается янтаря с Аральского моря, мы располагаем разъяснением В.С.Трофимова. По его данным, янтарь с Аральского моря обнаружил Н.М.Вешкели в конце 60-х годов и каких-либо признаков древних работ по его добыче на Арале не обнаружено. Не удается выделить «аральский» янтарь и по результатам анализов: все-таки в среднеазиатских изделиях преобладают сукциниты, есть образцы, которые интерпретируются как ископаемые смолы небалтийского происхождения, но, так как нет сравнительного материала, чтобы уточ-

---

³ Авторы признательны В.А.Лившицу за возможность ознакомиться с материалами И.Гершевича и В.Хинца, а также изложить в данной работе его собственную точку зрения на этимологию слова «янтарь».

нить район месторождения, вопрос с «аральским» янтарем остается открытым. Во всяком случае, ни материал из Тагискена, ни изделия джетыасарской культуры не свидетельствуют о его использовании (см. Каталог). Возможно, в дальнейшем этот вопрос получит ответ, но для этого нужны дополнительные исследования.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Каталог янтарных изделий с территории Средней Азии

В каталоге сведения даны в соответствии с информацией, которой мы располагаем. Место нахождения изделий ограничено указанием республики, на территории которой они обнаружены. Принятые сокращения: Республика Кыргызстан — РКырг, Республика Таджикистан — РТадж, Республика Туркменистан — РТуркм, Республика Узбекистан — РУзб. Порядковый номер памятника соответствует номеру на карте. Если материал не опубликован, указана фамилия исследователя. Авторы выражают им благодарность за возможность опубликовать материал и результаты анализов. Также указано место хранения и литература, если материал опубликован.

СЫРДАРЬИНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Эпоха бронзы

(низовья Сыр-Дарьи, старое русло Инкор-Дарьи)

1. Могильник Тагискен, РУзб. Северный Тагискен, погребение 4 «в»; 2 дисковидные бусины, светлого золотисто-оранжевого цвета, диам. 3 мм; X–VIII вв. до н.э. М.А.Итина, фонд ХАЭЭ. Очень близок к сукциниту.

Середина I тыс. до н.э. — IV в. н.э.

(низовья Сыр-Дарьи, старое русло Куван-Дарьи)

2. Памятники джетыасарской культуры объединяют городища и могильники. Янтарь часто встречается при раскопках, есть нитки, насчитывающие несколько десятков бус разнообразной формы. Основные находки в памятниках X–VIII вв. до н.э. встречаются в слоях XI в. [Левина 1996, с. 224]⁴.

3. Городище Джеты-Асар 2 (Бидaik Асар I), РУзб. Склеп I; 35 бус дисковидной формы, золотисто-оранжевого цвета, диам. до 23 мм; I в. Л.М.Левина, фонд ХАЭЭ [Древний Хорезм 1979, с. 43]. Сукцинит.

4. Могильник Джеты-Асар 12 (Томпак), РУзб. Сооружение 4, погребение 1; 2 бусины дисковидной и цилиндрической формы, золотисто-оранжевого цвета, диам. 19 мм, длина 16,5 мм. Л.М.Левина, фонд ХАЭЭ. Сукцинит.

⁴ Последние публикации, специально посвященные памятникам джетыасарской культуры, авторам оказались недоступны.

Ферганская долина

5. Склепы Курката, РТадж. Значительное количество бус дисковидной, яйцевидной и других форм, золотисто-оранжевого цвета; I–IV вв., V–VIII вв. Фонд СТАЭ [Мирбабаев 1994, с. 20, 27]. Сукциниты; один из образцов относится к неизвестному типу ископаемых смол.

6. Могильник Ширинсай, РУзб. Курган 1, одна бусина; II–III вв. [Гайдукевич 1947, с. 94].

7. Могильник Бобои-Дархон, РТадж. Курган 1, две бусины. Одна (фрагмент) опубликована как изготовленная из прозрачного камня, великолепной огранки и полировки, уплощенная, восьмигранно-призматической формы, длина 16 мм [Литвинский 1973, с. 103]; вторая по характеру спектра прозрачная, желтая, неокисленная; IV–V вв. Фонд ИИАЭ. Образец 1 — сукцинит, претерпевший заметное окисление, образец 2 — типичный геданит.

8. Могильник Ашт, РТадж. Курган 31, две бусины очень крупные, непрозрачные, плохой сохранности, коричневатого цвета (сильное окисление), первые века нашей эры. Фонд СТАЭ [Салтыковская 1975, с. 69]. Минералогический тип не определен, среди известных И.А.Половниковой типов ископаемых смол в настоящее время аналогов нет.

9. Могильник Ворух, РТадж. Одна бусина шаровидной, односторонне-сегментированной формы, в публикации отнесена к группе «Каменных бус» (шифр KB-19/57, диам. 15,5 мм, длина 6,5 мм); IV–V вв. Фонд ИИАЭ [Литвинский 1973, с. 101]. Сукцинит.

10. Могильник Карабулак, РКырг. Курганы 58, 65, 69; бусины округло-уплощенной и цилиндрической формы, золотисто-оранжевого цвета, диам. до 21 мм, длина до 20 мм, есть фрагменты; I–V вв. ГЭ. Один образец представляет собой разновидность ископаемых смол типа эпигенезированного вторичного янтаря; остальные окисленные, корковая часть балтийского сукцинита типа полубастард.

11. Могильник Ак-тепе, РУзб. Одна круглая бусина; первые века нашей эры [Козенкова 1966, с. 224].

12. Могильник Джангаил, РУзб. Курган 7, четыре бусины: овально-удлиненной формы, кувшинообразной и овально-уплощенной; II–IV вв. Н.Г.Горбунова, ГЭ. Сукцинит.

13. Могильник Хангиз 1, РУзб. Центральная группа II, курган 7; бусина — разделитель дисковидной формы, аналогичная в кургане 2; III–IV вв. Фонд Ферганского музея [Горбунова 1990, с. 193, рис. 9, 36; 10, 20]. Разновидность эпигенезированного вторичного янтаря, со значительной примесью органических кислот.

14. Могильник Урюкзор, РУзб. Группа I, курган 16, одна бусина четырехгранная, с округлыми краями, красновато-оранжевого цвета; III–IV вв. Н.Г.Горбунова, ГЭ. Разновидность эпигенезированного вторичного янтаря, претерпевшего сильное окисление.

Кетменьтюбинская долина

15. Могильник Джал-Арык, РКырг. Бусы из катакомбных погребений; I–V вв. Фонд ИИАЭ АН РКырг [Кожембердиев 1977, с. 224]. Сукцинит.

16. Могильник Кок-бель, РКырг. Одна бусина из катакомбного погребения; III–V вв. И.Кожембердиев, фонд ИИАЭ АН РКырг. Сукцинит.

Раннее средневековье, VI–VIII вв.

Чуйская долина

17. Беловодское городище, РКырг. Кусочек янтаря, слои VI–VII вв. В.П.Мокрынин, фонд ИИАЭ РКырг. Сукцинит.

Развитое средневековье, IX–XII вв.

Ферганская долина

18. Замок Кала-и-Боло, РТадж. Одна бусина шаровидной формы; X–XI вв. [Давидович, Литвинский 1951, с. 124, рис. 58, 11].

19. Могильник Уч-Ат, РКырг. Бусы в курганах 12, 13, 29 и еще в двух без номеров, всего 9 и обломки; неправильной формы, изготовленные из кусков янтаря с незначительной подправкой; одна дисковидной формы, золотисто-оранжевого цвета; начало IX в. Ю.А.Заднепровский, фонд ИИМК РАН. Спектры аналогичны спектру окисленной части балтийского сукчинита типа полубастард.

Примечание. Могильник Туюк, РКырг. Бусины. Раскопки Ю.Баруздина, фонд ИИАЭ АН РКырг. Сведения о могильнике не обнаружены. Сукцинит.

Чуйская долина

20. Красная речка (городище и тепа) РКырг. На одном из тепа, раскоп III, в детском погребении янтарная бусина каплевидной формы; XI–XII вв. Место хранения не установлено [Тр. Семиреченской археологической экспедиции..., 1950, с. 16].

АМУДАРЬИНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Эпоха бронзы

(Бухарский оазис)

21. Могильник Гуджайли, РУзб. Бусина бочковидной формы; поздняя бронза. Не сохранилась. Сведения Н.Аванесовой.

Период I в. до н.э. — IV в. н.э.

Гиссарская долина

22. Могильник Туп-хона, РТадж. Погребение Д (№ 4) и «бусина из натурального янтаря»; I в. до н.э. — I в. н.э. Место хранения не установлено [Дьяконов 1950, с. 170].

Бешкентская долина

23. Аруктауский могильник, РТадж. Курганы II, 3; IV, 3; VIII, 4 — шесть бус эллипсоидно-призматической формы, золотисто-оранжевого цвета, различны по размерам и очертаниям; последняя треть II в. до н.э. — II–III вв. н.э. Фонд ИИМК РАН [Мандельштам 1975, с. 52, табл. 6]. Два образца типичного сукцинита; один по химико-структурному облику сходен с ископаемой смолой типа моравского волховита, а также смолами из нижнемеловых отложений на территории Трынского района Республики Болгарии (вблизи с. Врабца), для химической структуры свойственна менее значительная, чем для сукцинита, роль не-предельных связей; еще один образец — глухой, спектр небалтийского происхождения, или материал для изделия взят из корковой части балтийского янтаря.

24. Тулхарский могильник, РТадж. Курганы 1–9, 42, 44; II–1, 32; V–7; VII–14; XIII–1; XVI–8, 27; XVII–1; 11 бусен эллипсоидно-призматической (9), плоско-ромбической (1) и плоско-квадратной (1) формы; размеры варьируются; последняя треть II — I в. до н.э. Фонд ИИМК РАН [Мандельштам 1966, с. 129; табл. 7, LXI–LXIV].

Бухарский оазис

25. Городище Ер-Курган, РУзб. В кладке северной стены святилища (раскоп I, восточный холм) найдена бусина уплощенно-цилиндрической формы со слабо выраженными гранями; III–IV вв. М. Сулейманов, фонд ИА АН РУзб. По типу поглощения можно предположить, что образец принадлежит ископаемой смоле переходного, гедано-сукцинитового типа. В 1991 г. была найдена пуговица с янтарной вставкой; II в. до н.э. — I в. н.э.

Хорезм

26. Городище Топрак-кала, РУзб. На территории дворца найдена сильно разрушенная бусина чечевицеобразной формы; III в. н.э. Фонд ХАЭЭ [Труновская 1952, с. 124, табл. II, 4; Топрак-кала 1984, с. 227].

27. Некрополь Ток-кала, РУзб. Бусина шестигранная, уплощенная (длина 2,8 см), желто-бурого цвета; III в. [Бижанов, Мамбетулаев 1968, с. 96, рис. 76].

Примечание. По данным В.Н. Ягодина, в могильнике Казы-Баба I найдены янтарные бусы катушковидной формы; вторая половина III — IV в.

Раннесредневековый период, VI–VIII вв.

Зеравшанская долина

28. Городище Пенджикент, РТадж. Значительное количество бус разнообразной формы: дисковидные, цилиндрические, шаровидные и др.; VI–VII вв. Фонды: ИИАЭ АН РТадж, Пенджикентская археологическая база, ИИМК РАН [Беленицкий, Бентович, Большаков 1973, с. 108, 110]. Образцы: ископаемая смола переходного, гедано-сукцинитового типа; сукцинит, возможно окислен-

ный; сукцинит окисленный. Два последних образца могут быть небалтийского происхождения.

29. Городище Наврузшах, РТадж. Пять бусин коричневого цвета, сильно окисленные; V–VII вв. Ю.Якубов, фонд ИИАЭ АН РТадж.

30. Вашанский клад (найден в пещере горы Кухи-Сурх), РТадж. Две крупные бусины округлой формы, коричневатого цвета, непрозрачны, диам. 5–6 см; VII–VIII вв. Ю.Якубов, фонд ИИАЭ АН РТадж. Анализ выполнить не удалось из-за плохой сохранности образцов (сильное окисление). Визуально похожи на янтарь.

Хорезм

31. Городище Куюк-кала, РУзб. Пять бус округлой формы из погребения, красно-бурого цвета; вторая половина VI — первая четверть VIII в. В.Н.Ягодин, фонд сектора археологии ИИЯЛ Карак. ФАН РУзб.

Западный Памир

32. Могильник Канкор, РТадж. Погребение 4, семь бус шаровидной формы, одна шестигранная, сферическая; V–VII вв. А.Д.Бабаев, место хранения не установлено [Бабаев 1989]. Сукцинит со следами окисления.

Развитое средневековье, IX–XIV вв.

Сурхандарьинская область

33. Караван-сарай Баби-тепе, РУзб. В одной из комнат найдена бусина оранжево-коричневого цвета; XIV в. Н.Немцева, фонд ИИ АН РУзб.

Хорезм

34. Некрополь Миздахкан, городище Куюк-кала, РУзб. Бусина цилиндрической формы, сильно трещеноватая; XI–XIII вв.; в раскопе III, погребение 95, в стеклянном сосуде лежало 8–9 кусочков янтаря; XII–XIV вв. Фонд сектора археологии ИИЯЛ Карак. ФАН РУзб. [Ягодин, Ходжайов 1970, с. 107, цветная вклейка].

Восточный Памир

35. Город горняков Базар-Дара, РТадж. Изделия представлены 9–10 экземплярами. Бусы четырех- и пятигранные, прозрачные, светло-оранжевого и коричневого цвета, с красноватым оттенком, хорошо отполированы, длина 12–20,5 см. Фрагмент подвески трапециевидной формы с прочерченными линиями, в центре прозрачная, густо-оранжевого цвета, хорошо отполирована. Палочка цилиндрической формы (заготовка), прозрачная, очень светлого, желтого тона, длина 3,10 см, сечение 1,3 см; XI в. Фонд ИИАЭ АН РТадж. [Буб-

нова, Половникова 1984, с. 130–134⁵. Сукциниты балтийского происхождения, однако типичные для сукцинитов полосы поглощения неопределенных связей значительно ослаблены по сравнению с эталонной интенсивностью.

Мервский оазис

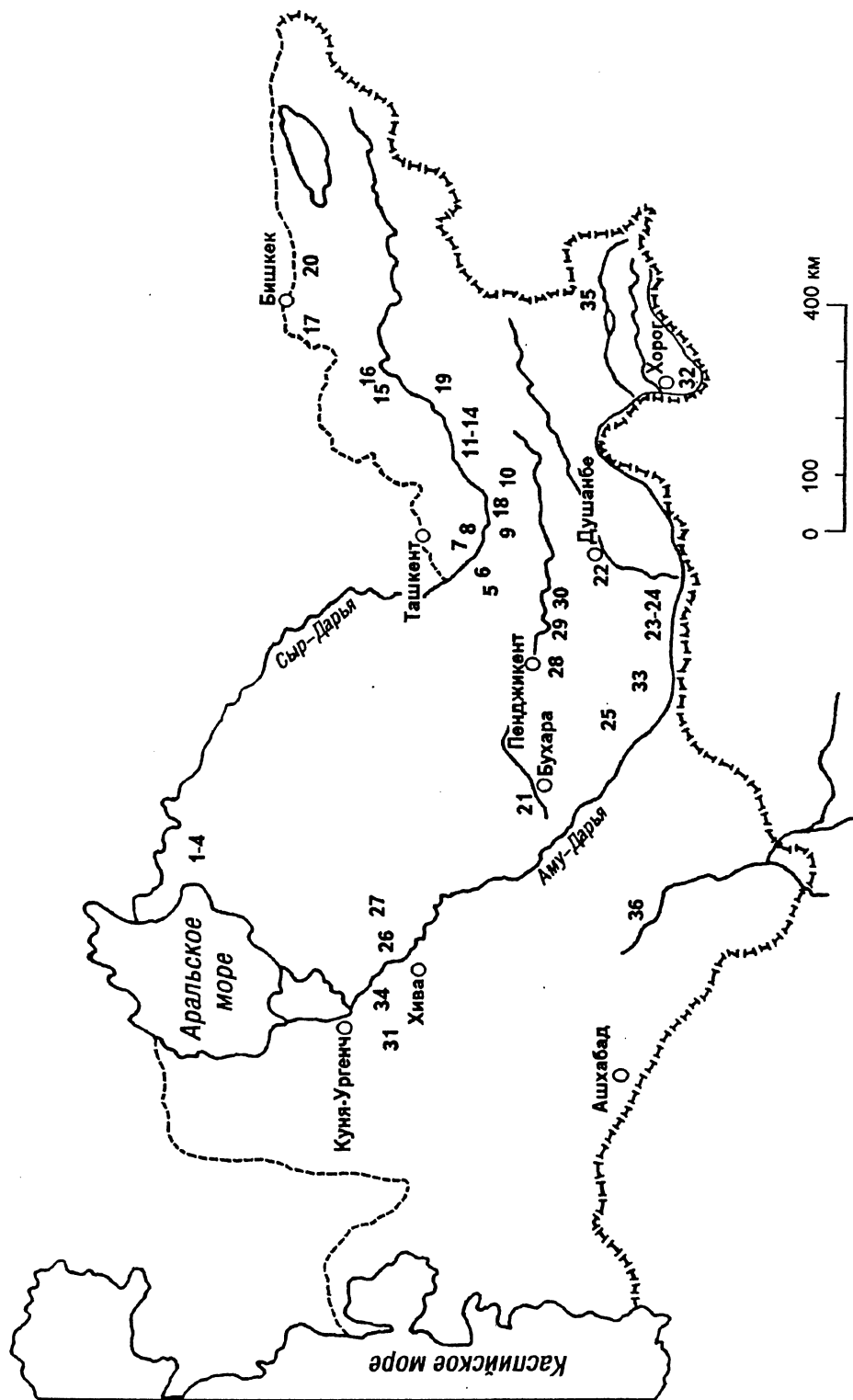
36. Городище Мерв, РТуркм. Есть сведения о находке ожерелья из янтаря (некрополь).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Атлас ИК-спектров неорганических соединений 1983. — ИК-спектроскопия в неорганической технологии. Л.
- Бабаев А.Д. 1989. Историко-археологический очерк Западного Памира. — Дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. Рук.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. 1973. Средневековый город Средней Азии. Л.
- Беллами Л. 1963. Инфракрасные спектры сложных молекул. М.
- Бижанов Е., Мамбетуллаев М. 1973. Раскопки некрополя Топ-Калы в 1968 г. — Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Таш.
- Бируни 1963. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия). Пер. А.М.Беленицкого. Л.
- Болдырев А.И. 1976. Инфракрасные спектры минералов. М.
- Бубнова М.А., Половникова И.А. 1984. Янтарные изделия XI в. с Восточного Памира. — Памироведение. Вып. 1. Душ.
- Бубнова М., Половникова И. 1986. Торговый путь янтаря в Северную Бактрию и Согд (I в. до н.э. — VII в. н.э.). — Городская среда и культура Бактрии–Тохаристана и Согда (IV в. до н.э. — VIII в. н.э.). Тез. докл. Советско-французского коллоквиума. Самарканд, 25–30 августа 1986 г. Таш.
- Бубнова М.А., Половникова И.А. 1991. Торговые пути прибалтийского янтаря в Средней Азии (древность, средневековье). — Города и караван-сарай на трассах Великого шелкового пути. Тез. докл. Междунар. семинара ЮНЕСКО. Ургенч, 2–3 мая 1991 г. Ургенч.
- Бубнова М., Половникова И. 1997. К вопросу о происхождении изделий из янтаря, найденных в Пенджикенте. — 50-летие раскопок древнего Пенджикента. Тез. докл. науч. конф. 15–20 авг. 1997 г. Пенджикент.
- Гайдукевич В.Ф. 1947. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943–1944 гг. — КСИИМК. Вып. 15.
- Горбунова Н.Г. 1975. Раскопки курганов в Ферганской области. — УСА. Вып. 3.
- Горбунова Н.Г. 1990. Ферганский могильник Хангиз I. — СА. № 1.
- Давидович Е.А., Литвинский Б.А. 1951. Археологический очерк Исфаринского района. — Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ. Т. 35. Сталинабад.
- Древний Хорезм 1979. Каталог выставки. М.
- Дьяконов М.М. 1950. Работы Кафирниганского отряда. — Тр. Согдийско-Таджикской археологической экспедиции, 1946–1947. МИА. № 15. Т. I. М.–Л.
- Изучение ископаемых смол Трынского района (Болгария) методом молекулярной спектроскопии 1969. — Review of the Bulgarian Geological Society. Vol. XXX, pt. 1.

⁵ В публикации ошибка. Образец под шифром 1056/222а в действительности является образцом от бусины из Аштского могильника (см. № 8 Каталога).

- Киевленко Е.Я., Сенкевич Н.Н. 1976. Геология месторождений поделочных камней. М. Кожембердиев И. 1977. Материалы для археологической характеристики Кетмень-Тюбинской котловины. — Кетмень-Тюбе: археология и история. Фрунзе.
- Козенкова В.И. 1966. Погребальные памятники Ферганы первых веков нашей эры. — СА. № 1.
- Левина Л.М. 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья: I тысячелетие до н.э. — I тысячелетие н.э. М.
- Литвинский Б.А. 1973. Украшения из могильника Западной Ферганы. М.
- Лозе И.А. 1979. Поздний неолит и ранняя бронза Лубянской равнины. Рига.
- Лозе И.А. 1980. Вопросы картографирования янтаря эпохи неолита на Европейской части СССР. — Известия АН ЛатвССР. № 9. Рига.
- Мандельштам А.М. 1966. Кочевники на пути в Индию. — Тр. Таджикской археологической экспедиции. Т. 5. МИА, № 136. М.—Л.
- Мандельштам А.М. 1975. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. — Тр. Таджикской археологической экспедиции. Т. 7. Л.
- Мошкова М.Г., Кушаев Г.В. 1973. Сарматские памятники Западного Казахстана. — Проблемы археологии Урала и Сибири. А.-А.
- Мирбабаев А. 1994. Дахмаки Курката и проблемы зороастрийской идеологии в Северной Средней Азии. Автореф. докт. дис. Душ.
- Савкевич С.С. 1970. Янтарь. Л.
- Савкевич С.С., Шакс И.А. 1970. К вопросу о возможности использования ИК-спектров янтаря для определения его происхождения в археологических объектах. — СА. № 1.
- Салтовская Е.Д. 1975. О раскопках Аштского могильника в 1971 г. — АРТ (1971 г.). Вып. 11.
- Смирнов К.Ф. 1975. Сарматы на Илеке: М.
- Ставиский Б.Я. О международных связях Средней Азии в V — середине VIII в. (в свете данных советской археологии). — ПВ. № 5.
- Топрак-Кала. Дворец — 1984. ТХАЭЭ. Т. 14. М.
- Трофимов В.С. 1974. Янтарь. М.
- Трудновская С.А. 1952. Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак-Кала. — ТХАЭЭ. Т. 1. М.
- Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. 1950. — МИА. № 27. М.—Л.
- Шакс И.А., Файзулина Е.М. 1974. Инфракрасные спектры ископаемого органического вещества. Л.
- Шефер Э. 1981. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М.
- Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К. 1970. Некрополь древнего Миздихкана. Таш.
- Beck C., Wilbur E., Meret S., Kossove D., Kermani K. 1965. The Infra-red Spectra of Amber and the Identification on Baltic Amber. — Archaeometry. № 8.
- Cockerell T.D.A. 1922. Fossils in Burmese Amber. — Nature. July, № 3.
- Gershevitch I. 1969. Amber at Persepolis. — Studia classica et orientalia Antonino Pagliaro oblata. Vol. 2. Roma.
- Helm O. 1885. Über Herkunft des in den alten Königsgräbern gefundenen Bernsteins und über den Bernstein säuregehalt verschiedener fossiler Harze. — Schriften der naturforschenden Gesellschaft in Danzig. 6, 2.
- Hinz W. 1975. Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. Wiesbaden.
- Mayrhofer M. 1973. Onomastica Persopolitana. Das altiranische Namengut der Persepolis-Täfelchen. Wien.
- Needham J. 1962. Science and Civilization in China. — Physics and Physical technology. Vol. 4, pt. 1. Cambridge.

Карта Средней Азии
 Распространение янтарных изделий с эпохи бронзы до XIV в.
 (номера соответствуют номерам памятников в «Каталоге»)

Б.И.Вайнберг

ХОРЕЗМИЙСКАЯ ЭРА

На основании датированных хорезмийских документов из дворца Топрак-калы С.П.Толстов выдвинул идею о хорезмийской эре и ее тождестве с эрой Канишки* [Толстов 1961, с. 69; Толстов, Лившиц 1964, с. 68]. Находки датированных надписей из некрополя Ток-калы, по его мнению, подтверждали это заключение [Толстов, Лившиц 1964]. Вывод о тождестве хорезмийской эры и эры Канишки был подвергнут сомнению [Вайнберг 1974]. Позднее было предложено обоснование начальной даты хорезмийской эры по материалам из Ток-калы [Гудкова, Лившиц 1967; Лившиц 1970; Вайнберг 1974; 1977, с. 77 и сл.]. Расхождение в предлагавшихся датах в пределах 30 лет I в. н.э. вызвано тем, что первые авторы исходили из предпосылки, что памятник погиб в ходе подавления арабами восстания 728 г., а мною учитывались все нумизматические находки из Ток-калы, указывавшие, что жизнь на памятнике продолжалась и позже [Вайнберг 1977, с. 78–80]. Вопрос о причинах введения хорезмийской эры автором ставился предположительно в связь с переменами в правящей династии Хорезма. Новые материалы позволяют вновь вернуться к этой проблеме.

Раскопки погребальных памятников показали, что с начала IV в. до н.э. в левобережном Хорезме происходит широкое распространение погребального обряда «оссуарного типа» сначала в крупных сосудах, а затем в специальных оссуариях. От классического обряда они отличаются существенно — здесь помещены все кости скелета, что исключает предварительное «выставление» трупов, как принято по зороастрийским канонам [Вайнберг 1979, с. 28–43; 1991, с. 85 и сл.; Яблонский, Коляков 1992, с. 62–117]. Возможно, что именно подобный обряд теплового очищения костей отмечался в Авесте для области Чахра [Вайнберг 1991, с. 86]. В Хорезме он продолжал существовать вплоть до IV–V вв. н.э. Бесспорных данных о распространении в Хорезме обряда кремации не появилось. В низовьях Сырдарьи (чирикратская культура) кремация изживает себя в III в. до н.э., на смену ей приходит обряд «выставления» в тех же сооружениях. Оссуарии там отсутствуют [Вайнберг, Левина 1992; 1993, с. 37 и сл.].

В Хорезме обряд «выставления» и связанные с ним оссуарии относятся только к первым векам нашей эры [Рапопорт 1971; Рапопорт, Лапиров-Скобло 1963, с. 141 и сл.]. Статуарные оссуарии появляются, скорее всего, в это же время.

---

* Подробное освещение проблемы хорезмийской эры и предлагавшихся ее начальных дат см. в работе [Вайнберг 1977, с. 77 и сл.].

Известные сейчас многочисленные памятники из соседних с Хорезмом районов показывают, что с V в. до н.э. по IV в. н.э. в Восточном Прикаспии были распространены крытые наземные каменные склепы, где «выставлялись» покойники; со II в. до н.э. после очищения кости собирались в бытовые сосуды или оссуарии. На Устюрте этот процесс, возможно, начался еще ранее (общий обзор погребальных обрядов и сооружений см. в работе [Вайнберг 1999, ч. III]). Местные истоки канонического зороастрийского обряда «выставления» в районах Приаралья не выявлены. Вероятно, именно он отмечен историками и географами древности в районах Южного и Юго-Восточного Прикаспия и Бактрах [Геродот 1, 140; Страбон XI, гл. XI, 3]. Можно предположить, что саки низовьев Сырдарьи (дахи, чирикратская культура) восприняли его в III в. до н.э., когда они начали расселяться на северных границах Парфии — от Юго-Восточного Прикаспия до Бактрии.

В левобережном Хорезме нами выявлено два идентичных небольших круглых культовых сооружения IV–II вв. до н.э. (на поселении скотоводов Гяур 3 и в культовом центре Калалы-гыр 2) [Вайнберг 1991, с. 30 и сл., 34 и сл.]. Принцип планировки и многие детали этих памятников позволяют сопоставить их с Кой-крылган-калой [Кой-крылган-кала 1967] и считать все эти одновременные сооружения храмами плодородия, характерными для культуры и религии Хорезма второй половины I тыс. до н.э. В археологическом комплексе этих памятников встречены парадные фляги с рельефами с мифологическими сценами. Ряд из них передают сюжеты, известные по раннесредневековым пехлевийским сочинениям, посвященным зороастризму, другие же абсолютно оригинальны и обнаруживают глубокие индоевропейские и индоарийские связи [Вайнберг 1991; 1992a; Vainberg 1994, с. 67–80]. Высказанные Ю.А.Рапопортом заключения о распространении в Хорезме этого времени культа Митры и, очевидно, зерванизма представляются нам обоснованными [Рапопорт 1977].

К концу I тыс. до н.э. происходят серьезные изменения — гибнут все круглые храмы и более не восстанавливаются. В то же время перестают изготавливаться фляги с мифологическими сценами, практически исчезают и культовые керамические сосуды (ритоны, миниатюрные сосудики).

В культуре местного населения сохраняются представления о связи круглых храмовых сооружений с культом плодородия и идеей «жизнь–смерть–возрождение». Известны оссуарии в виде подобной круглой постройки [Рапопорт 1971, с. 58 и сл.], круглый храм на Калалы-гыре 2 через несколько веков после запустения превращается в «дахму».

Во второй половине I тыс. до н.э. в Хорезме, несмотря на отмеченную специфику ритуалов и мифов, отличных от зороастрийских, были распространены и некоторые представления «зороастрийского круга». Прежде всего это относится к «зороастрийскому» календарю [Лившиц 1975, с. 329 и сл.], подтверждение практического употребления которого есть в рельефе с календарным мифом из культового центра Калалы-гыр 2. Здесь время между основными событиями мифа и соответствующего ритуала определено в 13 дней Ахурамазды (головки которого помещены над всем изображением в основной, средней части рельефа). Тринадцать дней Ахурамазды согласно «зороастрийскому» календарю и в его хорезмийском варианте (известен по более поздним памятникам) приходится на время между зимним солнцестоянием, когда появляется Митра, который приносит в жертву оленя — местное божество умирающей и воскресающей природы, и первым днем Нового года (день весеннего равноденствия).

Известны в Хорезме, судя по другим рельефам с Калалы-гыра 2, и некоторые легенды о Заратуштре, зафиксированные в средневековых иранских сочинениях [Вайнберг 1992а; Vainberg 1994].

Культура Хорезма в первые века нашей эры, продолжая некоторые традиции предшествующего периода, несет в себе много нового. Комплексы памятников Топрак-калы ярко демонстрируют расцвет культуры несколько иного облика во II–III вв. н.э. [Городище Топрак-кала 1981; Топрак-кала. Дворец, 1984].

Особенности монетного чекана этой эпохи мною всесторонне рассматривались ранее [Вайнберг 1977]. Следует особо обратить внимание на то, что именно в это время на монетах Хорезма присутствуют теофорные зороастрийские имена царей (Артава, Артамух). Отмеченное обстоятельство дает основание констатировать по крайней мере укрепление позиций зороастризма в Хорезме.

Не случайно именно на монетах с теофорными именами присутствует «дуга» перед лицом царя. И несмотря на то что на них за головой правителя помещено схематическое изображение венчающей его богини с венком, у нас нет веских оснований считать эту «дугу» нимбом. Подобные изображения отмечены Р.Геблем на монетах Шапура II и поздних кушанских [Göbl 1967, Bd. I–IV]. Этот исследователь, вопреки истинной хронологии хорезмийских монет, на основании только этого признака считал их производными от сасанидских монет, чем сильно омолаживал хронологию данных выпусков, вообще не рассматривая их в контексте всей хорезмийской нумизматики.

Сопоставление теофорных имен царей Хорезма с «дугой» на их монетах, как представляется, дает основание считать эту деталь в чекане изображением царского фарна (авест. Хварэна). Первоначально, как предполагают исследователи зороастризма, это была персонификация счастья и благополучия. В «Младшей Авесте» Хварна — абстрактная божественная сущность, сакральная сила, связанная с огнем [Рак 1998, с. 515–516].

К эпохе Сасанидов Фарр стал символом незыблемости власти и могущества шахиншахов. Можно предположить, основываясь на символике монет, что в Хорезме независимо от Сасанидов существовали сходные представления, базировавшиеся на общих зороастрийских понятиях.

Следует отметить также сходство группы теофорных имен у Аршакидов, Сасанидов и хорезмийцев — Артабан, Арташир, Артава, Артамух.

Арта (авест. Аши) — первоначально общее понятие в значении «награда», «удача» и т.д. В «Младшей Авесте» — женское божество с антропоморфными чертами, дочь Ахурамазды, персонифицирует успех, изобилие, процветание, является покровительницей иранских царей [Рак 1998, с. 456].

Возможно, что на ранних монетах хорезмийских царей с именами Артава, Артамух изображена не Ника, а венчающая царя именно эта иранская богиня. В парфянской иконографии также отмечается отождествление Ники и Аши (Арты) [Бойс 1987, с. 101].

Связь дворцов Топрак-калы и искусства этого памятника с зороастризмом показана в работах Ю.А.Рапопорта [Городище Топрак-кала 1981; Рапопорт 1978; 1991; 1993]. В эту эпоху происходит переоформление некоторых старых мифологических сюжетов (например, переработка календарного мифа в зале с оленями).

В поздних зороастрийских сочинениях есть данные о зажжении первым царем-мироустроителем Иймой в Хорезме священного зороастрийского огня жре-

цов — Адур-Фарнбаг. Это сообщение явно противоречиво, в нем смешены временные представления. Ийма традиционно связывается с «золотым веком», эсхатологической эпохой, предшествующей заселению Хорезма, согласно той же иранской традиции, временами Сиявуша и Кейхосрова. Ийма, по Авесте, не был проповедником зороастризма, характерно вообще противопоставление его и пророка [Мифы народов мира. Т. 1, 1980, с. 599] (см. также [Бойс 1987, с. 117; Бундахишн 107 (54v), с. 289]). Согласно каноническому зороастризму, священные огни созданы Ахурамаздой. Первые описания служения огням относятся к парфянской эпохе [Бойс 1987, с. 149–151]. В раннее сасанидское время Адур-Фарнбаг — огонь Хварны — уже помещается в Парсе [Бойс 1987, с. 149–150].

Даже одни археологические материалы, при отсутствии письменных источников, свидетельствуют об особом месте первых веков нашей эры — эпохи младших Аршакидов — в религиозной и культурной жизни Хорезма. М.Бойс обратила внимание на текст Псевдо-Лукиана (позднепарфянское время), где перечисляются «страны», в которых проповедуют зороастрийские маги. В нем помимо областей, входящих в состав Парфии (преимущественно восточные области так называемой «Великой Гиркании»), упоминается Хорезм.

Согласно М.Бойс, в тексте Псевдо-Лукиана маги описываются как «группа пророков, посвятивших себя служению богам среди персов, парфян, бактрийцев, хорезмийцев, арийцев, саков и мидян» [Бойс 1987, с. 120].

В этом перечне народов, входивших в зороастрийскую общину, нет армян, каппадокийцев, согдийцев, в областях которых в той или иной мере засвидетельствованы верования зороастрийского круга. Неясно также, какая группа саков включена в этот список: скорее всего, это не северные саки, которые были хорошо известны Аршакидам под своими именами. Севернее всех перечисленных народов находились хорезмийцы, что, возможно, связано с особыми взаимоотношениями Парфии и Хорезма [Вайнберг 1992б, с. 36–39].

Суммируя все изложенное, можно высказать предположение, что в Хорезме не позже I в. н.э. произошла своего рода религиозная реформа, сопровождавшаяся распространением зороастрийских канонов и «правил». Совпадение ее по времени с введением хорезмийской эры вряд ли можно считать случайным. Летосчисление по хорезмийской эре зафиксировано пока только в культовых комплексах (дворец Топрак-калы и некрополь скорее всего хорезмийских «магов» на Ток-кала) [Топрак-кала. Дворец, гл. 6; Гудкова 1964, с. 85 и сл.; Толстов, Лившиц 1964]. Возможно, что именно потому, что хорезмийская эра была религиозной, она осталась неизвестной ал-Бируни и по ней не велось летосчисление правления хорезмийских царей [Бируни 1957, с. 47–48].

Весьма вероятна связь перемен в I в. н.э. в Хорезме с политическими событиями на востоке Парфянской державы [Фрай 1972, с. 257 и сл.; Луконин 1987, с. 112] (см. также о взаимоотношениях Парфии и Хорезма по нумизматическим данным [Вайнберг 1977, с. 85–87]). К этому же времени относят и усиление здесь позиций зороастрийской религии [Дьяконов, Лившиц 1966].

Священный огонь Адур-Фарнбаг существовал в Хорезме, очевидно, только до времени первых Сасанидов, когда он был перенесен в Парс. Есть все основания относить это событие ко времени Арташира I или Шапура I, с правлением которых связываются и походы Сасанидов на Хорезм (обзор литературы см. [Вайнберг 1977, с. 89–91; Луконин 1987, с. 210 и сл., 221]). Возможно, что

к эпохе Сасанидов, когда сложилась традиция обожествления Йимы, к которому возводили свой род сасанидские шахиншахи [Тревер, Луконин 1987, с. 39], относится и появление легенды о зажжении авестийским Йимой священного огня Адур-Фарнбаг, который теперь находится в вотчине Сасанидов — Парсе.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бируни 1957. — *Бируни Абурейхан*. Избранные произведения, I. Таш., 1957.
- Бойс 1987. — *Бойс М.* Зороастрийцы. Верования и обычаи. М.
- Бундахишн — Зороастрийские тексты. Суждения духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. Издание подготовлено О.М. Чунаковой (Памятники письменности Востока, CXIV). М., 1997.
- Вайнберг 1974. — *Вайнберг Б.И.* Археологические материалы из Хорезма в связи с проблемой кушанской хронологии. — Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. I. Тр. междунар. конф. по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. М.
- Вайнберг 1977. — *Вайнберг Б.И.* Монеты древнего Хорезма. М.
- Вайнберг 1979. — *Вайнберг Б.И.* Памятники куюсайской культуры. — Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. Т. XI. М.
- Вайнберг 1991. — *Вайнберг Б.И.* Изучение памятников Присарыкамышской дельты Амударьи в 70–80-х гг. — Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (древность и средневековье). Вып. 1. М.
- Вайнберг 1992а. — *Вайнберг Б.И.* Древнехорезмийские керамические рельефы из культового центра Калалы-гыр 2 (IV–II вв. до н.э.) и их интерпретация. — Культура Востока: проблемы и памятники. Тез. докл. конф. ГЭ (январь 1992 г.). СПб.
- Вайнберг 1992б. — *Вайнберг Б.И.* Парфия и Хорезм (аспекты политических взаимоотношений с точки зрения археологии). — Мерв в древней и средневековой истории Востока III. Мерв и парфянская эпоха. Тез. докл. науч. конф. Аш.
- Вайнберг 1999. — *Вайнберг Б.И.* Этногеография Турана в древности. VII в. до н.э. — VIII в. н.э. М.
- Вайнберг, Левина 1992. — *Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Чирикратская культура в низовьях Сырдарьи. — Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время (сер. Археология СССР). М.
- Вайнберг, Левина 1993. — *Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Чирикратская культура. — Низовья Сырдарьи в древности. Вып. I. М.
- Геролог. История в девяти книгах. Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. Л. 1972.
- Городище Топрак-кала 1981. — Городище Топрак-кала. — ТХАЭЭ. Т. XII. М.
- Гудкова 1964. — *Гудкова А.В.* Ток-кала. Таш.
- Гудкова, Лившиц 1967. — *Гудкова А.В., Лившиц В.А.* Новые хорезмийские надписи из некрополя Ток-калы и проблема «Хорезмийской эры». — Вестник Каракалпакского фил. АН УзССР. № 1. Нукус.
- Дьяконов, Лившиц 1966. — *Дьяконов И.М., Лившиц В.А.* Новые находки документов в Старой Нисе. — Переднеазиатский сборник. Вып. 2. Дешифровка и интерпретация письменности Древнего Востока. М.
- Кой-крылган-кала 1967. — Кой-крылган-кала — памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н.э. — IV в. н.э. — ТХАЭЭ. Т. V. М.
- Лившиц 1970. — *Лившиц В.А.* Хорезмийский календарь и эры древнего Хорезма. — Палестинский сборник. Вып. 21 (84). Л. — История, культура, языки народов Востока. М.

- Лившиц 1975. — Лившиц В.А. «Зороастрийский» календарь. — Бикерман Э. Хронология древнего мира. Прил. 4. М.
- Луконин 1987. — Луконин В.Г. Древний и раннесредневековый Иран. — Очерки истории и культуры. М.
- Мифы народов мира 1980. — Мифы народов мира. Т. I. М.
- Рак 1998. — Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. СПб.
- Рапопорт 1971. — Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма. — ТХАЭЭ. Т. VI. М.
- Рапопорт 1977. — Рапопорт Ю.А. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах. — Средняя Азия в древности и средневековье. М.
- Рапопорт 1978. — Рапопорт Ю.А. К вопросу о дионисийском культе в священном дворце Топрак-калы. — Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М.
- Рапопорт 1991. — Рапопорт Ю.А. Траурная сцена в настенной росписи из Хорезма. — ВДИ. № 2.
- Рапопорт 1993. — Рапопорт Ю.А. Загородные дворцы и храмы Топрак-калы. — ВДИ. № 4.
- Рапопорт, Лапиров-Скобло 1963. — Рапопорт Ю.А., Лапиров-Скобло М.С. Раскопки дворцового здания на городище Калалы-Гыр 1 в 1958 г. — МХЭ. Вып. 6. Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. М.
- Страбон. География в 17 книгах. Пер. и коммент. Г.А.Стратановского. Л., 1964.
- Толстов 1961. — Толстов С.П. Датированные документы из дворца Топрак-кала и проблема «Эры Шака» и «Эры Канишки». — ПВ. № 1; англ. пер.: Tolstov S.P. Date Documents from the Toprak-Kala Palace and Problem of the "Shaka Era" and "Kanishka Era". — Bibliotheca Orientalis. Jg. XX, № 5–6, Sept.–Nov. Leiden, 1963.
- Толстов, Лившиц 1964. — Толстов С.П., Лившиц В.А. Датированные надписи на хорезмийских оссуариях с городища Ток-кала. — СЭ. № 2; пер.: Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Т. II, fasc. 1–2. Budapest.
- Топрак-кала. Дворец 1984. — Топрак-кала. Дворец. — ТХАЭЭ. Т. XIV. М.
- Тревер, Луконин 1987. — Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. — Художественная культура Ирана III–VIII вв. Собрание Государственного Эрмитажа. М.
- Фрай 1972. — Фрай Ричард. Наследие Ирана. М. (сер. Культура народов Востока).
- Яблонский, Коляков 1992. — Яблонский Л.Т., Коляков С.М. Могильный Тарым-кая 2. — Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (древность и средневековье). Вып. 2. М.
- Göbl 1967. — Göbl R. Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Bd. I–IV. Wiesbaden.
- Vainberg 1994. — Vainberg B.I. The Kalali-Gir 2 Ritual Center in Ancient Khwarazm. — Bulletin of the Asia Institute. New series. Vol. 8. The Archaeology and Art of Central Asia. Studies from the Former Soviet Union. Michigan.

Н.М.Виноградова

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ — ТАШГУЗОР В ЮЖНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ*

Южный Таджикистан во 2-й половине II тыс. до н.э. представляет собой контактную зону различных археологических культур. Горные долины и предгорья были заселены земледельческими племенами сапаллинской культуры¹ на поздних этапах ее развития (молалинский и бустанский), широкие речные долины и степи были заняты степным населением бешкентской и вахшской культур². Местами фиксируются памятники степных племен андроновской культуры, проникающих сюда из северных и центральных районов Таджикистана. Эти группы населения не жили изолированно друг от друга, а периодически вступали в непосредственные хозяйственные взаимоотношения, происходил обмен продуктами, различными изделиями ремесла и металлом [Vinogradova 1993, с. 289; Виноградова 2000, с. 89; P'jankova 1994].

Поселение Ташгузор исследовалось в течение трех сезонов отрядом по изучению памятников эпохи бронзы Южно-Таджикской археологической экспедиции под руководством Б.А.Литвинского. Оно находится на Дангаринском плато, на второй террасе р. Таирсу (местное название Обитаир) на окраине кишлака Ташгузор Дангаринского района (рис. 1). Памятник был открыт в 1990 г. по находке каменной гири во дворе колхозника Махмудова (рис. 10, 12). К сожалению, большая часть древнего памятника занята постройками, скотным двором и огородами. Раскопки на поселении Ташгузор имеют большое значение для археологии Южного Таджикистана конца II — начала I тыс. до н.э. Находки нижнего культурного горизонта Ташгузора относятся к бешкентско-вахшской

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 00-01-00398а).

¹ Сапаллинская культура представляет собой северобактрийский вариант культуры Намазга VI [Vinogradova 2001, с. 199–219].

² Традиционно выделяется две культуры — бешкентская [Мандельштам 1968], вахшская [Пьянкова 1989]. Многие исследователи считают более правильным говорить о единой культуре — сходство погребального обряда, инвентаря, расположение могильников в одинаковых экологических условиях [Кузьмина 1972, с. 138–139; Аскаров 1977, с. 115; Виноградова 1996, с. 32; Vinogradova 1997, с. 40; Итина (мнение, высказанное в частной беседе)]. А.-П. Франкфор [Frankfort 1981, с. 202] допускает существование двух различных культур — бешкентской и вахшской, но первая хронологически более ранняя, чем вторая. По мнению Л.Т.Пьянковой [Пьянкова 1982; P'jankova 1985, с. 147–152; Пьянкова 1989, с. 98–100], возникновение этих двух скотоводческих комплексов Бактрии по времени было синхронным, но в формировании бешкентской и вахшской культур участвовало население разных бактрийских регионов.

культуре, и можно поставить вопрос о первом поселении этой культуры, так как ранее были известны только могильники [Виноградова 1996; Vinogradova 1999].

Всего на поселении заложено 6 раскопов (рис. 1). Обратимся к рассмотрению наиболее представительных из них³.

Раскоп 2 разбит на крутом обрыве р. Таирсу (рис. 2) общей площадью 82 м². Стратиграфически различаются три культурных горизонта: верхний, толщиной 0,2–0,3 м, гумус темного цвета с известняковыми вкраплениями (рис. 2), далее следует слой мощностью 0,3 м — лёсс темно-серого цвета. Нижний слой состоит из светло-серого лёсса (0,5–0,6 м), в нем, заглубляясь в материк, выкопаны три хозяйственные ямы⁴. Для ям и нижнего слоя характерна бешкентско-вахшская керамика, относящаяся к эпохе бронзы, средний слой относится по керамическому материалу к предахеменидскому времени (Яз III)⁵, и самый верхний слой — смешанный, где из-за различных перепланировок можно встретить как древний, так и современный материал⁶. Перейдем к описанию строительных остатков нижнего культурного горизонта. Особый интерес представляют хронологически «закрытые» комплексы — три хозяйственные или «мусорные» ямы № 2–4. Яма 2 расчищена на глубине 0,9 м от современной поверхности (рис. 2), она округло-овальных очертаний 1,7×1,3 м, глубиной 0,8 м. В северо-восточной части на глубине 0,2 м от древней поверхности ямы расчищена ступенька, и яма сужается до размеров 1,6×1,3 м. В северо-западной стенке ямы имеется небольшой подбой, шириной 0,2–0,3 м. В основании западной и северной стенок ямы расчищены круглые гальки средних размеров, возможно для укрепления стен. На дне ямы открыта зернотерка (рис. 3, 12), кроме того, здесь было найдено много керамики и костей животных. Яма 3 (рис. 2) расчищена рядом с ямой 2 на той же древней поверхности. Размеры 1,4×0,9 м, глубина 1,4 м. На глубине 0,8 м расчищен мощный слой пепла (0,2 м), такой же слой пепла (0,3–0,4 м) открыт на дне ямы. В центре ее на дне лежала нижняя челюсть коровы или быка. Кроме многочисленных фрагментов керамики в яме найдена бронзовая булавка (рис. 4, 16). К нижнему культурному горизонту относится еще одна яма 4 (рис. 2), размеры 2,2×1,6 м, глубина 0,55 м. Яма состоит из золотистых прослоек — в верхней части зольник светло-серого цвета (толщиной 0,16 м), он сменяется темным зольным слоем от 5 до 10 см. Затем идет смешанный слой — пепел с лёссом. Яма забита керамикой, костями животных.

Рядом с ямой 4 в кв. 6, в/з на уровне древнего дневного горизонта ямы расчищен очаг (1,4×0,8 м) из камней различных размеров: 0,38×0,15×0,8 м; 0,24×0,14×0,7 м или совсем небольших — галька. Встречаются обломки зернотерки, между камнями много фрагментов печины и пепла. По имеющемуся материалу трудно установить, к какому времени относится очаг. На основании залегания ямы 4 и очага в одном культурном горизонте можно предположить их хронологическую синхронность. В этом же культурном слое имеются перекопы

³ Для лучшего понимания стратиграфии памятника материал приводится отдельно для каждого раскопа и в особенности для закрытых археологических комплексов (хозяйственные ямы, полуземлянки).

⁴ На материковом слое встречаются кучки камней вместе с галечными орудиями гиссарского времени.

⁵ В этом слое в результате перекопов имеется более ранняя керамика бронзового века.

⁶ Этот верхний, гумусный слой в дальнейшем нами не принимается во внимание, и к верхнему культурному горизонту мы относим слой предахеменидского времени Яз II.

более позднего времени, например яма 6. Интересно отметить находку большого сосуда с орнаментом в кв. Б/З, он был частично вкопан в материковый слой (рис. 5, 16). Часть от этого сосуда была найдена в яме 2. Остатков наземных жилищ или землянок не было открыто. Скорее всего, нами была раскопана часть двора рядом с жилищем.

Далее рассмотрим археологические находки нижнего культурного горизонта. Среди керамического материала основную часть составляет лепная посуда, подразделяющаяся на две группы: 1) кухонная керамика черного или серого цвета. Обжиг неровный, тесто рыхлое, с примесью шамота, песка (рис. 3, 3, 4; 4, 2, 3, 5, 6); 2) лепная столовая посуда коричневого цвета, в тесте примесь песка, шамота. Иногда имеется белый ангоб или волнистый орнамент по плечикам сосуда (рис. 3, 6, 7; 4, 1; 5, 6–11, 12, 13; 15, 16).

Встречаются формы банок (рис. 3, 1), кубки тюльпановидной формы (рис. 4, 9–11), сосуды горшковидной формы (рис. 4, 1) и на невысоком поддоне (рис. 4, 19); очень редко (всего несколько фрагментов) имеет место керамика со штампованным орнаментом андроновского типа (рис. 5, 14). Круговая посуда представлена немногочисленными фрагментами (рис. 3, 5). Из бронзовых предметов найдена булавка в яме 3. По форме напоминает прутик, круглый в сечении. Существенный процент в бронзе составляет примесь мышьяка (3,5%)⁷. Это единственный бронзовый предмет, найденный на поселении. Из каменных предметов представлена зернотерка из ямы № 2 (рис. 3, 12). Из других находок нижнего горизонта следует упомянуть многочисленные кости животных⁸ и печины. На некоторых фрагментах печины имеются отпечатки зерен ячменя⁹.

Теперь обратимся к рассмотрению верхнего культурного горизонта раскопа 2. К этому слою относятся две ямы — № 1, 5 (рис. 2). Яма 1 прослеживается с глубины 0,6 м от современной дневной поверхности. Она округлых очертаний 1,1×1,2 м, глубиной 0,9 м. Стенки ямы почти вертикальные. В заполнении найдено несколько фрагментов керамики. Яма 5 открыта в кв. Б, В/7. Размеры 1,4×0,9, глубина около 1 м. На глубине 0,5 м яма сильно сужается и затем вновь расширяется (рис. 2). В верхней части, на глубине около 0,2 м, яма заполнена зольным серым слоем, далее заполнение лёссовое, светло-коричневого цвета. В яме 5 расчищена в большом количестве керамика, при этом встречается тонкостенная круговая посуда очень высокого качества и фрагменты лепных сосудов «сковородок» (рис. 6, 15, 16). Кроме того, в яме найдено много кусков печины и фрагментов глиняных очажков из необожженной глины. На краю ямы в юго-западной части сохранился глиняный очаг полуовальной формы 0,3×0,2 м. Толщина сохранившихся стенок очага 5–10 см. Керамический материал ям и культурного слоя дает картину, несколько отличную от нижнего культурного горизонта. Процент гончарной керамики значительно возрастает (около 60%), лепной — примерно 40%. Круговая посуда изготовлена из отмученной глины хорошего качества, обжиг ровный, цвет черепка от красного до зеленовато-желтого, иногда сохраняется ангоб белого

⁷ Спектральный анализ проведен научным сотрудником Центральных реставрационных мастерских И.Г.Равич. См. приложение 1. Мышьяковистые бронзы характерны для группы бешкентских памятников [Мандельштам 1968, с. 164].

⁸ См. приложение 3.

⁹ См. приложение 2.

цвета. Наиболее часто встречаются большие сосуды хозяйственного назначения — хумы и хумчи цилиндро-конической формы с сильным подкосом в нижней части (рис. 6, 1, 3–6, 12–14). При этом венчики сосудов различны, встречаются экземпляры с клювовидным, подтреугольным или утолщенным, слегка коническим венчиком. Представлены формы цилиндрических мисок и чаш на каноническом поддоне (рис. 6, 2). Среди лепной посуды выделяется керамика с ручками, носиками и большие «сковороды» (рис. 6, 18–26). Имеется несколько фрагментов с росписью красной краской с внешней и внутренней стороны (рис. 6, 17). Из других находок встречаются в небольшом количестве каменные зернотерки.

Раскоп 4 (12×8 м) находится в юго-западной части поселения на краю оврага (рис. 1). Здесь повторяется та же стратиграфия культурных слоев, что и на раскопе № 2. Отличие лишь в мощности накоплений культурных остатков: верхний — толщиной 0,2–0,3 м, средний — мощностью 0,5–0,6 м и нижний культурный горизонт составляет 0,3–0,4 м. В последнем, как и на раскопе 2, жилищ не обнаружено. Расчищена одна хозяйственная яма № 1, выкопанная частично в материковом слое. Размеры ямы 0,78×0,83 м, глубина — 0,5 м. В заполнении ее найдены фрагменты керамики эпохи бронзы. Кроме того, в нижнем культурном горизонте в предматериковом слое расчищен развал большого лепного сосуда и каменная гиря с ручкой в виде выступа (рис. 8, 1; 10, 10). Рядом открыт хумовидный сосуд, частично врытый в материк (рис. 8, 7). В сосуде найдена горелая косточка, каменный скребок (рис. 10, 13) и речная галька (рис. 10, 5). Под сосудом расчищен еще один скребок (рис. 10, 3) и несколько фрагментов керамики. В верхних слоях раскопа № 4 из-за различных перекопов также встречается керамика бронзового века. Строительных остатков не обнаружено. В большом количестве присутствует посуда времени Яз II, речная галька; имеют место отдельные находки зернотерок, терочников и каменных орудий гиссарского неолита¹⁰. Кости животных, в отличие от раскопа 2, практически не встречаются.

Наиболее интересные находки дал *раскол 5* (8×6,5 м) (рис. 1)¹¹. В первых трех верхних штыках¹² (-55 от нулевой точки) встречается керамика Яз II, куски печины, зернотерка ладьевидной формы. На уровне 4 шт. (-80) расчищена хозяйственная яма № 1 округло-овальной формы, глубиной 0,45 м, размеры 1,4×1,1 м. В южной стенке ямы видны три каменные гальки, вероятно для укрепления стенок ямы. Найдена керамика, характерная для Яз II. К этому же времени относится яма № 3. Частично она уходит в стенку раскопа. Размеры 1,9×0,75 м, глубина — 0,5 м. В заполнении ямы расчищены угольки, керамика, мелкие кости животных, расколотая речная галька.

К культурному горизонту бронзового века раскопа 5 относится яма № 2 и полуземлянка (№ 1), заглубленная в материк. Границы ямы № 2 обозначились на уровне 50-го штыка. Яма вкопана в материковый слой и частично уходит в стенку раскопа. Размеры раскопанной части ямы 1×1,5 м, глубина — 0,7 м. Особый интерес представляет полуземлянка, расчищенная в кв. А-Б/3, 4

¹⁰ Остается непонятным присутствие в верхних слоях раскопа № 4 речной гальки и каменных орудий гиссарского неолита. По мнению Т.А. Филимоновой, верхние слои могут быть переотложенными.

¹¹ Раскоп заложен на месте старого шурфа № 1 1990 г.

¹² Штык лопаты составляет 15–20 см.

на уровне 5–6-го штыков. Контуры древнего жилища фиксируются на глубине 1–1,2 м от современной поверхности. Заполнение полуземлянки пятнисто-черного цвета из-за насыщенности угольками; она выкопана в материковом слое красно-коричневого цвета и хорошо выделяется на поверхности материка. Размеры 2,7×2,1 м, глубина 0,7 м. В полуземлянке найдены керамика, колотая галька, каменные орудия труда, зернотерка (рис. 7).

При характеристике материала раскопов 4 и 5 можно заметить, что нижний культурный горизонт этих раскопов по керамическому инвентарю не отличается от раскопа 2, за исключением некоторых новых форм и орнамента валиком. Основную часть составляет лепная посуда (более 90%). Лепные сосуды подразделяются на три группы. Первая — кухонная керамика черного и серовато-черного цвета с примесью песка и шамота. В некоторых случаях видны следы копоти на сосудах. Встречаются формы банок, котлов с ручками-уступами (рис. 8, 12; 9, 6, 9). Другая группа лепной посуды представлена сосудами больших размеров, предназначенными для хранения зерна или воды (рис. 7, 9; 8, 4, 5). Тесто этих сосудов светло-коричневого или оранжевого цвета, в тесте — примесь песка. На горле имеется орнамент — параллельные углубленные линии, валик простой или с насечками. Различаются следующие формы: хумча, горшковидные сосуды с шаровидным туловом и узким горлом, котлы с широким открытым устьем. Третью, самую многочисленную группу составляет столовая керамика. Глина оранжевого или светло-коричневого цвета с примесью песка, обжиг равномерный; с внешней стороны, а иногда и с внутренней встречаются следы белого ангоба. Среди форм различаются горшковидные, грушевидные сосуды с узким горлом (рис. 7, 8; 9, 1), банки с широким открытым устьем (рис. 8, 5; 9, 6), миски (рис. 8, 6). Часто встречается углубленный орнамент параллельных горизонтальных линий по горлу сосуда или волнообразный — в верхней части тулова (рис. 7, 8; 9, 1, 2). Имеется форма сосуда на невысоком поддоне. В некоторых случаях из стенок сосудов делаются заготовки для пряслиц. Гончарная посуда представлена единичными экземплярами (рис. 7, 3; 8, 11, 13; 9, 7). Выделяются формы чаш с широким устьем (рис. 8, 13; 9, 7), вазы на высокой ножке (сохранилась только нижняя часть ножки; рис. 8, 11). Из полуземлянки раскопа 5 происходит венчик с подтреугольным в разрезе профилем (рис. 7, 3). Цвет глины этой посуды — розовый, оранжевый; обжиг хороший, равномерный, в тесте имеется примесь песка. Найден единичный фрагмент сосуда степной бронзы со штампованным орнаментом (рис. 9, 8).

Обратимся теперь к рассмотрению каменного инвентаря нижнего культурного горизонта. Изделия из камня, по определению Т.А.Филимоновой, составляют единый комплекс. Но выделяются две группы: первая связана с обработкой кожи и переработкой зерна или злаков, вторая — с первичной обработкой камня. Эти выводы подтверждаются находками. Так, на раскопе 5 трассологически и типологически выделяется 7 скребел. Они изготовлены из отщепов с обработанными вертикальными сколами обушком и боковыми выемками (рис. 10, 1–4). Кроме того, выделяются 2 наковальни на округлых плоских гальках (рис. 10, 5) и лошила. В одном экземпляре представлен отбойник на округлой удлиненной гальке (рис. 10, 6). В этом же слое найдена гиря с ручкой выступом (рис. 10, 10). На раскопе 5 также встречаются терочки, лошила, наковальни. Особо интересный материал был получен из полу-

землянки (№ 1). Всего было найдено 45 каменных предметов. Среди них — обломок зернотерки из плитника (рис. 7, 14), терочки, отбойники и скребла (рис. 7, 10–13).

Керамика верхних культурных горизонтов раскопов 4 и 5 относится к культуре Яз II. Процент гончарной посуды составляет около 60%, лепной — примерно 40%. Круговая керамика изготовлена из отмученной глины хорошего качества, обжиг ровный. Иногда сохраняется ангоб белого цвета. Наиболее часто встречаются большие сосуды хозяйственного назначения — хумы, хумчи цилиндрической формы с сильным подкосом в нижней части (рис. 11, 5). При этом венчики сосудов различны, встречаются экземпляры с клювовидным, подтреугольным или утолщенным слегка коническим венчиком. Имеют место формы цилиндрических мисок и чаш на коническом поддоне (рис. 11, 2–11). Среди лепной посуды выделяется керамика с ручками и большие сковородки (рис. 11, 8).

Раскоп 6 разбит в 30 м к северо-востоку от основных раскопов (1–5), площадь его составляет всего 12 м² (рис. 12, 2)¹³. Слой эпохи бронзы не перекрывается более поздними культурными напластованиями. Мощность слоя 50–60 см (рис. 12). Здесь на глубине 0,6 м от современной поверхности было открыто древнее жилище — полуземлянка № 2, заглубленная в материковый слой коричнево-красноватого цвета (рис. 12). Размеры 2,5×1,5 м, глубина — 0,5 м. Вход в полуземлянку был с северо-западной стороны, где имеется небольшая площадка со ступенькой. В центре жилища открыто небольшое углубление от деревянного столба. Заполнение полуземлянки — лёсс, перемешанный с золой, с кусками обожженной глины. Много горелых костей животных, керамических фрагментов, встречается обломок каменной гири (рис. 13, 23). К северо-западу от землянки на ее краю открыт развал глиняной печи¹⁴ размером 1,3×0,7 м. Дно печки сильно прокалено и покрыто слоем угля, край ооконтурен глиняным валиком высотой 0,2 м и шириной 0,3 м. В развале печи расчищена керамика, камни, кости животных.

Керамический материал из полуземлянки № 2 и печи не отличается от описанной выше посуды нижнего горизонта раскопов 2, 4, 5. Вся керамика, за исключением одного фрагмента (рис. 13, 10А), лепная. Функционально выделяются следующие группы:

1. Самую многочисленную группу составляет столовая керамика. Глина оранжевого или светло-коричневого цвета с примесью песка¹⁵. С внешней стороны, а иногда и с внутренней имеется «белый ангоб»¹⁶. Среди форм различаются горшковидные сосуды, кубки, миски. Имеются сосуды на небольшом поддоне (рис. 13, 7, 8). Часто встречается углубленный прочерченный орнамент параллельных горизонтальных линий по горлу сосуда или волнообразный рисунок в верхней части тулова (рис. 13, 1, 11, 15, 16).

2. Кухонная посуда серого или черного цвета с примесью шамота и песка (рис. 13, 3, 6).

¹³ Местными жителями здесь выращиваются бахчевые культуры, и места для раскопа практически не оставалось.

¹⁴ Часть печи уходит в стенку раскопа.

¹⁵ По определению сотрудника Института археологии РАН А.А.Бобринского, использовались неомеленные глины, засоренные зернами гематита. Песок в тесте составляет около 25%.

¹⁶ Так называемый белый ангоб получается при обжиге сосудов кизяком (по определению сотрудника Института археологии А.А.Бобринского).

3. Тарные большие сосуды, предназначенные для хранения зерна и воды. Сосуды светло-коричневого или оранжевого цвета, в тесте примесь песка. На горле имеется валик (рис. 13, 14).

4. Под развалом печи найден единичный фрагмент сосуда со штампованным орнаментом андроновского типа (рис. 13, 5).

Несколько слов о хозяйстве жителей поселения в эпоху поздней бронзы (нижний горизонт Ташгузора). Традиционно племена бешкентской и вахшской культур считались скотоводческими, хотя некоторые исследователи допускали занятие их земледелием и наличие небольших полей [Пьянкова 1989, с. 105]. Эта точка зрения подтверждается материалами поселения Ташгузор. Главным занятием населения оставалось скотоводческое хозяйство — разведение мелкого и крупного рогатого скота, при этом статистически последние преобладают (прилож. 3)¹⁷. Эта выборка может быть случайной, так как большинство фрагментов костей семейства бычьих происходит из ямы № 2 раскопа 2. Обратное соотношение дает подсчет костей из полуземлянки № 2 раскопа 6 — здесь были найдены только кости мелкого рогатого скота — овцы и козы.

Заметную роль в хозяйстве населения поселения Ташгузор играло земледелие, о чем свидетельствуют находки зернотерок, терочников и каменных гирь с ручкой (рис. 10, 12) или с ручкой-выступом (рис. 10, 10). Последние характерны для земледельческих памятников Южного Таджикистана [Vinogradova 1994, fig. 9, 14, 15]. Функциональное назначение гирь не ясно, их часто находят в погребениях вместе с небольшими каменными колонками [Виноградова 1991, с. 84, рис. 8, 7, 8]. Этнографические параллели для гири с ручкой имеются в материалах таджиков долины Хуф [Андреев 1958, с. 98, рис. 15], где подобные орудия использовались для выжимки масла из различных масличных растений и гречихи орехов.

Из зерновых культур выращивался ячмень. Отпечатки на фрагментах печины из нижнего горизонта поселения Ташгузор свидетельствуют, что в составе урожая был пленчатый многорядный, а возможно, двурядный ячмень (примеч. 2)¹⁸. Не исключено, что культивировались и другие культуры — пшеница, горох, но отпечатков этих растений не было обнаружено. Земледелие было скорее всего богатым, как в горных районах Таджикистана.

Подводя итоги раскопам в Ташгузоре, можно сделать следующие выводы. На поселении стратиграфически и хронологически различаются два культурных горизонта. Нижний слой, мощностью 0,3–0,5 м, представлен двумя полуземлянками (раскопы 4, 6) и несколькими хозяйственными ямами, выкопанными в материковом слое. Основной процент здесь составляет лепная посуда, близкие аналогии которой имеются на памятниках бешкентской и вахшской культур — Ранний Тулхар в Бешкентской долине [Мандельштам 1968, табл. I, 7, 8; XV, 5, 6, 7] и Тигровая Балка в Вахшской долине [P'jankova 1986, fig. 69, 1; 70, 7; 72, 3]¹⁹. В 1996 г. открыто несколько новых могильников вахшской культуры в долине р. Кызылсу — Гулистон, Обкух, Гелот и др. С керамическим материалом этих памятников имеется наибольшее сходство в формах и орнаментации сосудов.

¹⁷ Определения остатков костей животных сделаны сотрудником Института археологии РАН Е.Е.Антипиной.

¹⁸ Палеоботанические исследования образцов произведены сотрудником Института археологии РАН Е.Ю.Лебедевой.

¹⁹ Подробнее о керамике поселения Ташгузор см. [P'jankova 1999, с. 49].

Поселение Ташгузор можно географически отнести к памятникам долины р. Кызылсу, так как р. Таирсу является ее притоком.

На лепной посуде поселения Ташгузор особо обращает на себя внимание орнаментация валиком по плечикам сосуда, иногда на валике имеются насечки (рис. 8, 7; 9, 3; 13, 14). Подобное украшение валиком в нижней части горла встречается на посуде могильника Тигровая Балка [P'jankova 1986, fig. 62,4] и датируется, по мнению М.А.Итиной, не раньше XI в. до н.э. [Итина 1977, с. 144]. Другим важным элементом для определения хронологии Ташгузора могут быть находки круговой керамики [рис. 8, 11, 13; 9, 7], характерной для посуды земледельческих племен северобактрийского варианта культуры Намазга VI или сапаллинской культуры, ее финальной фазы Молали-Бустан [Vinogradova 1994, с. 29]. Материалы этих оседлоземледельческих памятников датируются в пределах второй половины II тыс. до н.э. [Аскаров, Ширинов 1993, с. 81; Vinogradova 1996, с. 42; Avanesova 1996, с. 204]²⁰. Не менее интересны черепки андроновской посуды со штампованным орнаментом федоровского этапа. Последняя присутствует и на памятниках земледельческого круга [Vinogradova 1994, с. 37]. Находки с памятников вахшской и бешкентской (мог. Тулхар) культур относятся исследователями к последней четверти II тыс. до н.э. [P'jankova 1986, р. 56–58; 1989, с. 92–101; Мандельштам 1968, с. 92]. Все приведенные выше датировки согласуются между собой и соотносятся с хронологией евразийских степных культур [Итина 1977, с. 139; Кузьмина 1985, с. 24; Зданович 1988, с. 8]. Нижний слой поселения Ташгузор на основании всех вышеизложенных данных может быть датирован временем поздней бронзы, т.е. концом II тыс. до н.э., или переходным временем к памятникам Яз I [P'jankova 1999, с. 64]. В «закрытых» комплексах ни одного фрагмента керамики, характерной для культуры Яз I, не найдено.

В верхнем культурном горизонте жилищ, за исключением нескольких хозяйственных ям, не было зафиксировано. Перерыва между нижним и верхним горизонтом не наблюдается. В верхнем культурном слое присутствуют некоторые фрагменты, которые могут быть отнесены ко времени Яз I, т.е. к началу I тыс. до н.э., — один фрагмент с росписью красной краски, сосуды с носиками и петлевидными ручками, иногда с небольшим выступом под ней (рис. 6, 17–26). Аналогии этой керамике имеются на памятниках Карим-Берды [Vinogradova 1993, с. 299, fig. 6; P'jankova 1996, fig. 3, 4] в Южном Таджикистане, бургулюкской культуры в Ташкентском оазисе [Буряков, Кошеленко 1985, с. 360. Т. XXIII] и Яз I в Маргиане [Массон 1959. Т. XX, 16; XXIII, 2]. Основной керамический материал верхнего культурного горизонта датируется временем Яз II и имеет ближайшие параллели на таких памятниках этого времени, как Болдайтепе II [Зеймаль 1971, с. 90, рис. 2], Кобадиян I [Дьяконов 1953, с. 25] в Южном Таджикистане, Кызыл II и Кучук-тепе II [Сарианиди, Кошеленко 1985. Т. XIX] в Южном Узбекистане. Эти комплексы, относящиеся к предахеменидскому времени, получили широкое распространение на юге Средней Азии. Исследователи несколько расходятся в датировках: Кучук II — вторая половина VIII — VII в. до н.э. [Аскаров, Альбаум 1979, с. 48–67]; Кызыл II — 700–500 гг. до н.э. [Сагдуллаев 1987, с. 35–43]. В.И.Сарианиди предлагает несколько иную

²⁰ Западная археологическая школа заметно удвевняет древнеземледельческие бактрийско-маргианские комплексы [Lyonnet 1993, с. 195; Hiebert 1994, с. 77; Götzelt 1996; Francfort 1989, с. 242].

хронологию: Кучук II–III, Кызыл II — между 700–500 гг. до н.э. [Сарианиди, Кошеленко 1985, с. 187].

Раскопки на поселении Ташгузор имеют большое значение для археологии Южного Таджикистана конца II — начала I тыс. до н.э. Находки нижнего культурного горизонта Ташгузора относятся к бешкентской и вахшской культурам. Это первое поселение этой культуры, так как ранее были известны только могильники. Хотя традиционно выделяются две культуры — вахшская и бешкентская, нам кажется более правильным говорить о единой бешкентско-вахшской культуре с локальными вариантами (вахшский и бешкентский) и, вероятно, двумя хронологическими фазами. На первой фазе этой культуры еще отсутствует керамика с валиком (Ранний Тулхар, Маконимор, Гулистон, Гелот); на второй фазе появляется керамика с валиком (Тигровая Балка, Ташгузор); земледельческая круговая керамика этого времени встречается гораздо реже, чем на ранней фазе. Поселение Ташгузор территориально относится к вахшскому локальному варианту на его поздней фазе.

Тесные взаимоотношения земледельческих и бешкентско-вахшских племен подтверждаются присутствием бешкентско-вахшской керамики на земледельческих памятниках [Виноградова 1992, с. 76; Vinogradova 1994, с. 38]. Имеются свидетельства контактов андроновского населения с носителями бешкентско-вахшской культуры (находки андроновской керамики на пос. Ташгузор, на могильнике Бишкент III) [Литвинский и др. 1977, с. 92]. Неоднократно многие исследователи указывали на участие земледельческих племен поздней бронзы в формировании бешкентской и вахшской культур [Литвинский 1981; Пьянкова 1989]. Эта точка зрения подтверждается антропологическими выводами. Так, Т.П.Кияткина выделяет на Раннем Тулхарском могильнике как черепа протоевропеоидного типа населения степной полосы Евразии, так и серию черепов, относящихся к южному протосредиземноморскому расовому типу [Кияткина 1976, с. 16]. Остается под вопросом участие южноандоновских племен в сложении бешкентско-вахшской культуры. А.М.Мандельштам усматривает возможное участие андроновского компонента в культуре Раннего Тулхара — единство степных форм металлических изделий [Мандельштам 1968, с. 72].

Раскопки на поселении Ташгузор при дальнейшем накоплении археологического материала (новые памятники в долине р. Кызылсу) чрезвычайно важны для решения проблемы генезиса бешкентско-вахшской культуры и всех проблем, связанных с передвижением племен других культур конца II — начала I тыс. до н.э. по территории Южного Таджикистана и древней Бактрии в целом.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

И.Г.Равич

Спектральный анализ бронзовой булавки (Р.2, яма 3)

Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Te	Ni	Co
-	0,11	-	0,012	0,01	0,18	3,5	0,04	0,012	0,004

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Е.Ю.Лебедева

Заключение о палеоботаническом исследовании образцов
с поселения Ташгузор (нижний горизонт)

Фрагмент № 1 (ан. № 237)

3 отпечатка зерновок пленчатого ячменя

Один из них, возможно, относится к двурядным ячменям (*Hordeum distechum*) или является центральной зерновкой в «триплете» многорядных (*Hordeum vulgare, vulgare*)

Фрагмент № 2 (ан. № 238)

1 отпечаток + минерализованный остов фрагмента пленчатой зерновки (центр. часть) ячменя + 4 отпечатка пленчатых зерновок ячменя (*Hordeum vulgare, vulgare*)

1 отпечаток + минерализованный остов зерновки пленчатого ячменя

2 минерализованных остова пленчатого ячменя

1 фрагмент колоса пленчатого ячменя

1 отпечаток + минерализованный остов пленки (колосковой чешуи) пшеницы (*Triticum sp.*)

Фрагмент № 3 (ан. № 239)

10 отпечатков пленчатых зерновок ячменя *Hordeum vulgare, vulgare* (не исключено, что среди них есть и двурядные ячмени — *Hordeum distechum*)

1 фрагмент зерновки пленчатого многорядного ячменя (боковая часть) с прекрасно сохранившимися пленками

3 отпечатка зерновок злаков (возможно, ячменя?)

1 отпечаток (диаметр 3×3,5 мм) + минерализованный остов (несколько меньших размеров) семени бобового растения (возможно, одна из разновидностей вики — *Vicia spec.*)

Таким образом, практически все достоверные отпечатки на обломках печины из Ташгузора свидетельствуют, что в составе урожая у земледельцев этого памятника был пленчатый многорядный (а возможно, и двурядный) ячмень. Однако это не означает, что другие хлебные злаки не культивировались вовсе, просто в представленных фрагментах они не обнаружены. Нельзя исключить, что обмозка раскопанных печей производилась в момент сбора урожая ячменя.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Е.Е.Антипина

Костные остатки животных
из раскопок поселения эпохи поздней бронзы —
Ташгузор

Остеологическая коллекция из поселения Ташгузор представляет собой несколько выборок, полученных из конкретных объектов, которые должны быть объединены на основе стратиграфии находок костей в две группы:

1. Материалы верхнего горизонта — яма 5, яма 6 и собственно культурный слой горизонта (см. табл. 1).

2. Материалы нижнего горизонта — яма 2, яма 3, яма 4, землянка № 2 и собственно культурный слой (см. табл. 2).

Сравнение костных материалов двух горизонтов показывает, что на нижнем горизонте основная масса костей животных сосредоточена в ямах, а на верхнем — в собственно культурном слое. Однако выборка из верхнего горизонта оказывается настолько небольшой по числу остатков (34 фрагмента костей — табл. 1), что делать какие-либо выводы на ее основе просто некорректно. Единственным фактом, заслуживающим внимания в этой выборке, является обнаружение остатков крупного ослы, вероятно одной особи, в собственно культурном слое верхнего горизонта. Размеры костей этого животного выходят за максимальные значения, обычные для соответствующих костей скелета домашней формы, и оказываются близкими к размерам костей дикого ослы (*Asinus hydruntinus*), известного для района раскопок в позднем плейстоцене. Такие особенности не позволяют в настоящий момент решить вопрос о том, какому же ослу — дикому или домашнему — принадлежат остатки. Для более точной диагностики нужны дополнительные данные. Вместе с тем при любом конечном видовом определении эта находка имеет интерес и для археологов и для зоологов.

Таблица 1

Кости животных из верхнего горизонта поселения Ташгузор

Таксономические группы	Объекты верхнего горизонта			ВСЕГО
	Яма 5	Яма 6	Культурный слой	
КРС — <i>Bos taurus</i>			9	9
МРС — овца — <i>Ovis aries</i> коза — <i>Capra hircus</i>	1	1		2
Осел			7	7
Неопределимые кости млекопитающих	2	7	4	13
Черепаха <i>Testudo horsfieldi</i>			3	3
ВСЕГО	3	10	24	37

Выборка костей животных из нижнего горизонта более информативна. Однако специфика ее происхождения главным образом из ям (табл. 2) создает объективные трудности при интерпретации данных. Возможность достоверной интерпретации уменьшается также ввиду значительного сокращения объема обсуждаемой выборки костных остатков животных за счет наличия неопределимых костей млекопитающих, которые составили около 60% коллекции из нижнего горизонта.

Таблица 2

Кости животных из нижнего горизонта поселения Ташгузор

Таксономические группы	Объекты нижнего горизонта					ВСЕГО
	Яма 2	Яма 3	Яма 4	п/землянка № 2 (раскоп 6)	Культурный слой	
КРС — <i>Bos taurus</i>	22/1	28/1	26/3			76
МРС, в том числе	11/2	12/1	3/1	4/2	1	31
Овца — <i>Ovis aries</i>	(2)	(2)		(2)		
Коза — <i>Capra hircus</i>				(2)		

Таксономические группы	Объекты нижнего горизонта					ВСЕГО
	Яма 2	Яма 3	Яма 4	п/землянка № 2 (раскоп 6)	Культур- ный слой	
Волк — <i>Canis lupus</i>		1				1
Неопределимые кости млекопитающих	119	10	4	21	4	158
ВСЕГО	152	51	33	25	5	266

Примечание. КРС — крупный рогатый скот; МРС — мелкий рогатый скот; в скобках даны определенные до видового уровня остатки мелкого рогатого скота. Для ям как закрытых комплексов возможен подсчет числа особей, которым принадлежали кости, число особей стоит в знаменателе дроби.

Из домашних животных в нижнем горизонте обнаружены кости только крупного и мелкого рогатого скота. Однако по анализируемым материалам трудно оценить реальную долю мяса этих животных в пищевом рационе жителей поселения и особенности связанной с ним хозяйственной деятельности населения памятника, хотя эти данные и указывают на большее значение среди домашних животных крупного рогатого скота. В нижнем горизонте не только преобладают кости крупного рогатого скота, но и подсчитанное соотношение особей (от крупного рогатого скота — 5, а от мелкого рогатого скота — 6) соответствует преимущественному потреблению в рационе говядины, если принять обычную пропорцию выхода мясной продукции от крупных и мелких копытных, при которой одна корова приравнивается к шести-десяти овцам. Вместе с тем для реконструкции скотоводческой деятельности населения памятника необходимы данные и об остальных отраслях хозяйства, которыми, возможно, занимались жители. К сожалению, достоверная информация по этим аспектам для поселения Ташгузор еще чрезвычайно мала, поэтому в настоящий момент приходится ограничиться лишь утверждением, что жителям Ташгузора были известны такие домашние копытные животные, как крупный рогатый скот, овца, коза, лошадь, а также, вероятно, и осел. Мясо именно этих животных население памятника несомненно употребляло в пищу, и, вероятно, они были основными видами домашних животных в хозяйстве жителей поселения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев 1958 — Андреев М.С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дары). Вып. II. Сталинабад.
- Аскаров 1977 — Аскаров А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Таш.
- Аскаров, Альбаум 1979 — Аскаров А., Альбаум Л.И. Поселение Кучуктепа. Таш.
- Аскаров, Ширинов 1993 — Аскаров А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд.
- Буряков, Кошеленко 1985 — Буряков Ю.Ф., Кошеленко Г.А. Бургулюкская культура. — Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.
- Виноградова 1991 — Виноградова Н.М. Могильник Тандырйул в Южном Таджикистане. — Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 18. М.

- Виноградова 1996 — *Виноградова Н.М.* Первое поселение бишкентско-вахшской культуры на юге Таджикистана. — *Древность: историческое значение и специфика источника*. Тез. докл. М.
- Виноградова 2000 — *Виноградова Н.М.* Исследования в области контактов сельскохозяйственного и степного населения на юге Средней Азии. — *Археология, палеоэкология, палеодемография Евразии*. М.
- Дьяконов 1953 — *Дьяконов М.М.* Археологические работы в нижнем течении р. Кафирниган (Кобадиян) (1950–1951 гг.). — *МИА*. № 37. М.–Л.
- Зданович 1988 — *Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск.
- Зеймаль 1971 — *Зеймаль Т.И.* Древнеземледельческое поселение Болдай-тепе. — *МКТ*. Вып. 2. Душ.
- Итина 1976 — *Итина М.А.* История степных племен Южного Приаралья. М.
- Кияткина 1976 — *Кияткина Т.Л.* Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душ.
- Кузьмина 1972 — *Кузьмина Е.Е.* К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии. «Бактрийский мираж» и археологическая действительность. — *ВДИ*. № 1.
- Кузьмина 1985 — *Кузьмина Е.Е.* Классификация и периодизация памятников андроновской культурной области. — *Информационный бюллетень МАИКЦА*. Вып. 9. М.
- Литвинский 1981 — *Литвинский Б.А.* Проблемы этнической истории Средней Азии во II тыс. до н.э. (Среднеазиатский аспект арийской проблемы). — *Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности*. М.
- Литвинский, Зеймаль, Медведская 1977 — *Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И., Медведская И.Н.* Отчет о работах Южно-Таджикистанской археологической экспедиции в 1973 г. — *АРТ* (1973 г.). Вып. XIII. Душ.
- Мандельштам 1968 — *Мандельштам А.М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. — *МИА*. № 145. М.
- Массон 1959 — *Массон В.М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. — *МИА*. № 73. М.–Л.
- Пьянкова 1982 — *Пьянкова Л.Т.* Древние скотоводы Бактрии (о вахшской и бешкентской культурах). — *Культура первобытной эпохи Таджикистана (от мезолита до бронзы)*. Душ.
- Пьянкова 1989 — *Пьянкова Л.Т.* Древние скотоводы Южного Таджикистана (по материалам могильника эпохи бронзы «Тигровая Балка»). Душ.
- Сагдуллаев 1987 — *Сагдуллаев А.С.* Усадьбы древней Бактрии. Таш.
- Сарианиди, Кошеленко 1985 — *Сарианиди В.И., Кошеленко Г.А.* Северная Бактрия. — *Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии*. М.
- Avanesova 1996 — *Avanesova N.* Buston VI — the peculiarities of the proto-Bactrian complex of Uzbekistan. — *IB IASCCA*. № 20. Moscow.
- Francfort 1981 — *Francfort H.-P.* The Late Periods of Shortughai and the Problem of the Bishkent Culture (Middle and Late Bronze Age in Bactria). — *SAA*. 1979. B.
- Francfort 1989 — *Francfort H.-P.* Fouilles de Shortughai. — *Recherches sur l'Asie Centrale protohistorique*. P.
- Götzelt 1996 — *Götzelt T.* Ansichten der Archäologie Süd-Turkmenistans, bei der Erforschung der mittleren Bronzezeit (Periode Namazga V). *DAI*. B.
- Hiebert 1994 — *Hiebert F.T.* Origins of the Bronze Age Oasis Civilization in Central Asia. Cambridge.
- Lyonnet 1993 — *Lyonnet B.* The Problem of the Frontiers between Bactria and Sogdiana: An Old Discussion and New Data — *SAA*, 1991. Stuttgart.
- P'jankova 1985 — *P'jankova L.* Les particularités de l'évolution historique du Tadjikistan méridional à l'Age du Bronze. — *L'archéologie de la Bactriane ancienne*. P.
- P'jankova 1986 — *P'jankova L.* Jüngbronzezeitliche Gräberfelder in Vachš-Tal, Süd-Tadjikistan. *AVA-materialien*. Bd. 36. München.

- P'jankova 1994 — *P'jankova L.* Central Asia in the Bronze Age: sedentary and nomadic cultures. — *Antiquity*. Vol. 68, № 59. Cambridge.
- P'jankova 1996 — *P'jankova L.* The Settlement of Karimberdy (IX–VIII c. B.C.) in the South of Tadjikistan — *IB IASCCA*. № 20, Moscow.
- P'jankova 1999 — *P'jankova L.* Keramik aus der Siedlung Tašguzor. — *AMIT*. Bd. 31. B.
- Vinogradova 1993 — *Vinogradova N.* Interrelation between farming and steppe tribes in the Bronze Age in South Tadjikistan. — *SAA*, 1991. Stuttgart.
- Vinogradova 1994 — *Vinogradova N.* The farming settlement of Kangurtut (South Tadjikistan) in the late Bronze Age. — *AMIT*. Bd. 27. B.
- Vinogradova 1996 — *Vinogradova N.* Kangurtut: the ancient agriculture burial ground in Southern Tadjikistan. — *IB IASCCA*. № 20. Moscow.
- Vinogradova 1997 — *Vinogradova N.* The first Bishkent-Vakhsh culture settlement in South Tadjikistan (the end of the IInd mil. B.C.) — *Orient Express*. № 2.
- Vinogradova 1999 — *Vinogradova N.* Die spätbronzezeitliche Siedlung Tašguzor in Südtadžikistan. — *AMIT*. Bd. 31. B.
- Vinogradova 2001 — *Vinogradova N.* Südtadžikistan in der Spätbronze- und Früheisenzeit. — *Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vordwest- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend.* — *Akten des Internationalen Kolloquiums Berlin*. 23–26. November 1999. Kolloquien zur vor- und Frühgeschichte. Bd. 6. Bonn.

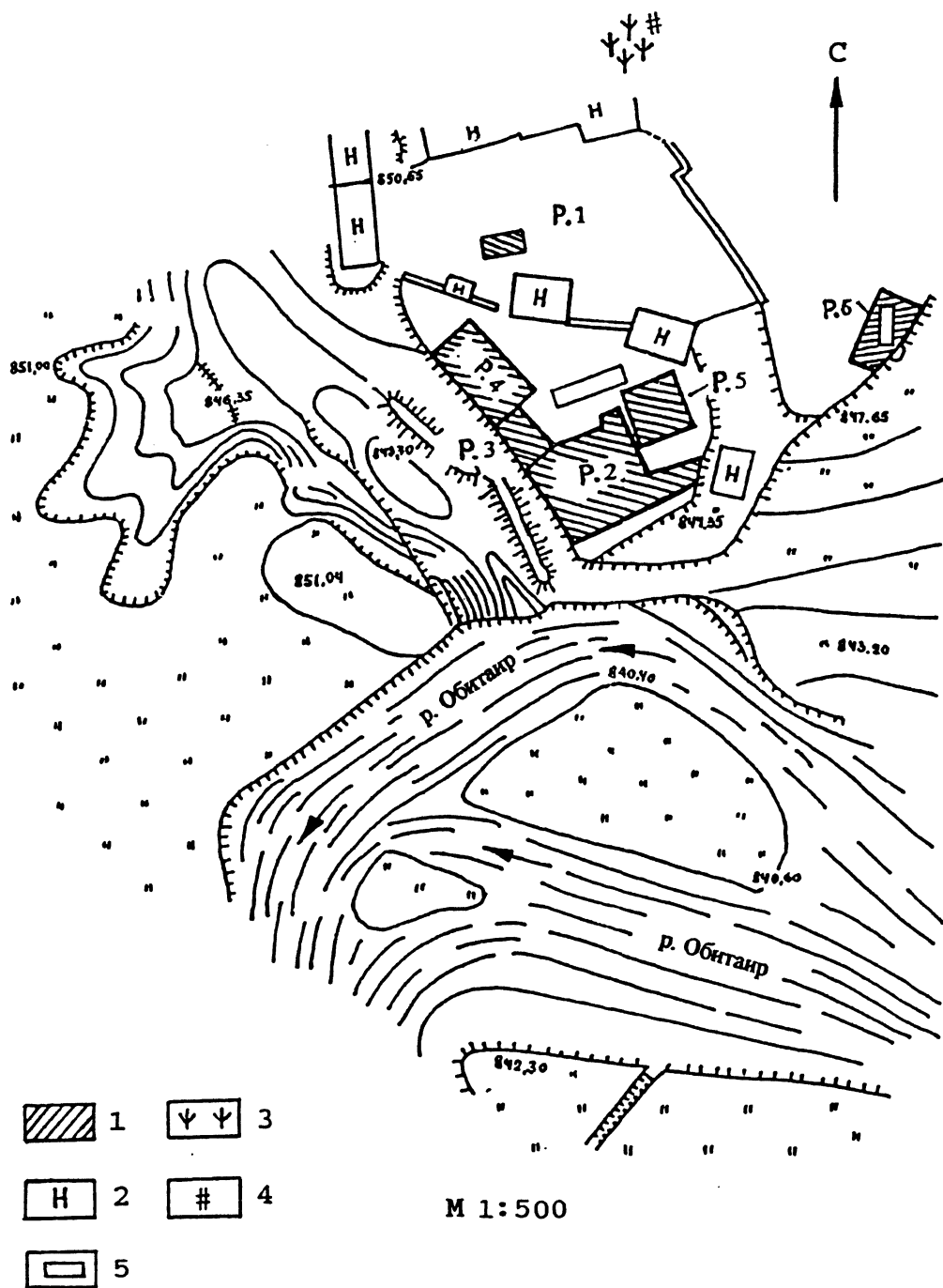

Рис. 1

План поселения Ташгузор.

Условные обозначения: 1 — раскопы; 2 — современные дома; 3 — сад; 4 — место нахождения каменной гири; 5 — шурфы

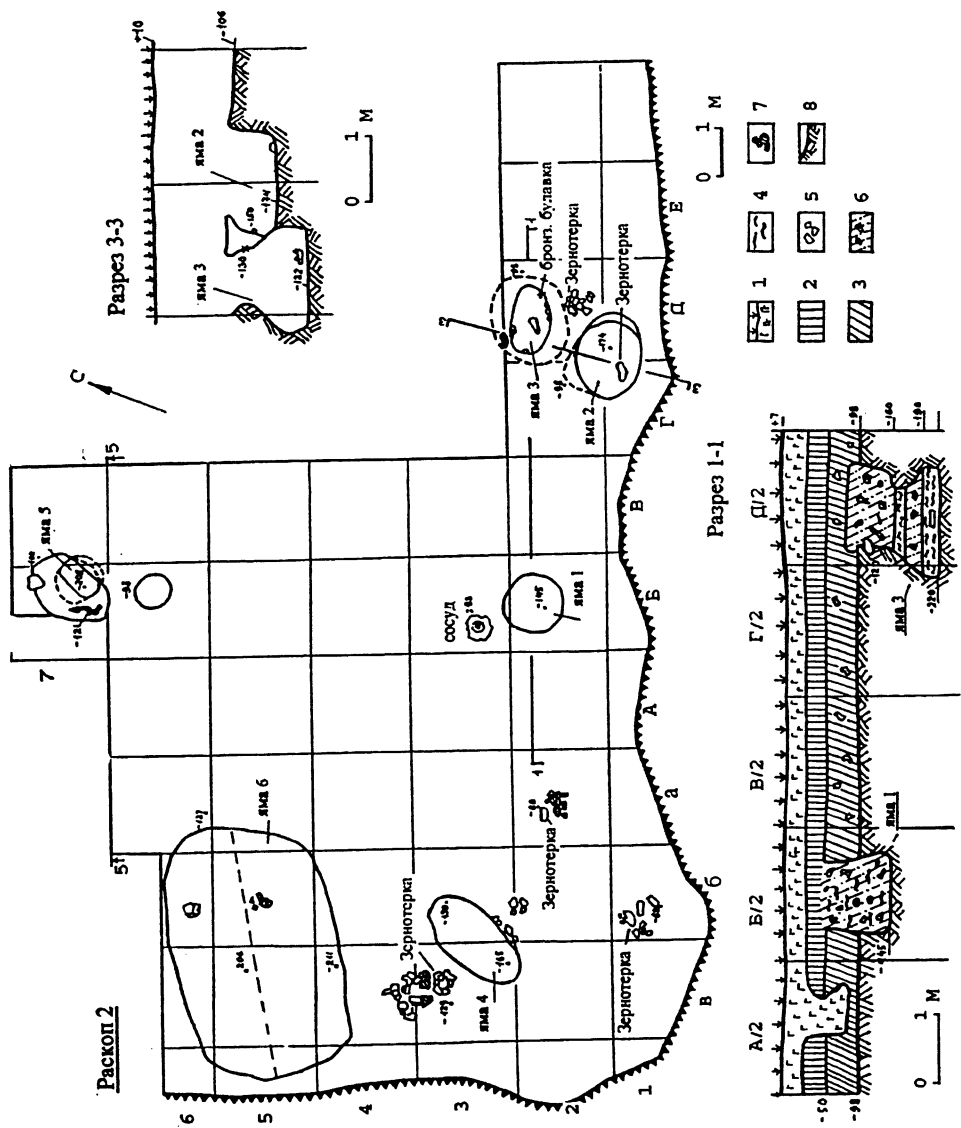

Рис. 2
Раскоп 2

Условные обозначения: 1 — гumus; 2 — рыхлый лёсс темно-серого цвета; 3 — плотный лёсс светло-серого цвета; 4 — зольник; 5 — камни; 6 — лёсс с углями, камнями, кусками глиняной обмазки; 7 — куски пещины; 8 — материк

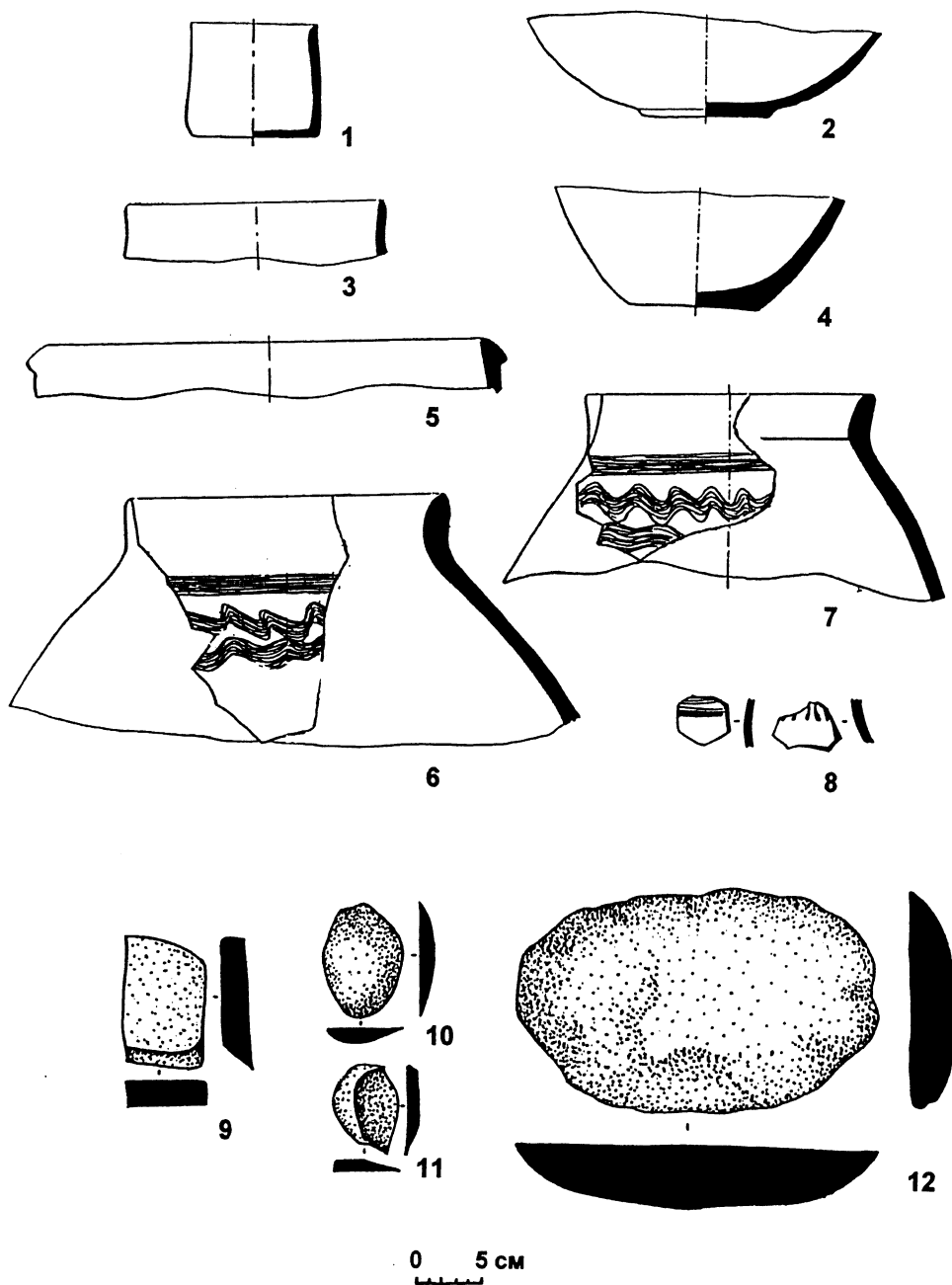

Рис. 3
Материал из ямы № 2 раскопа 2

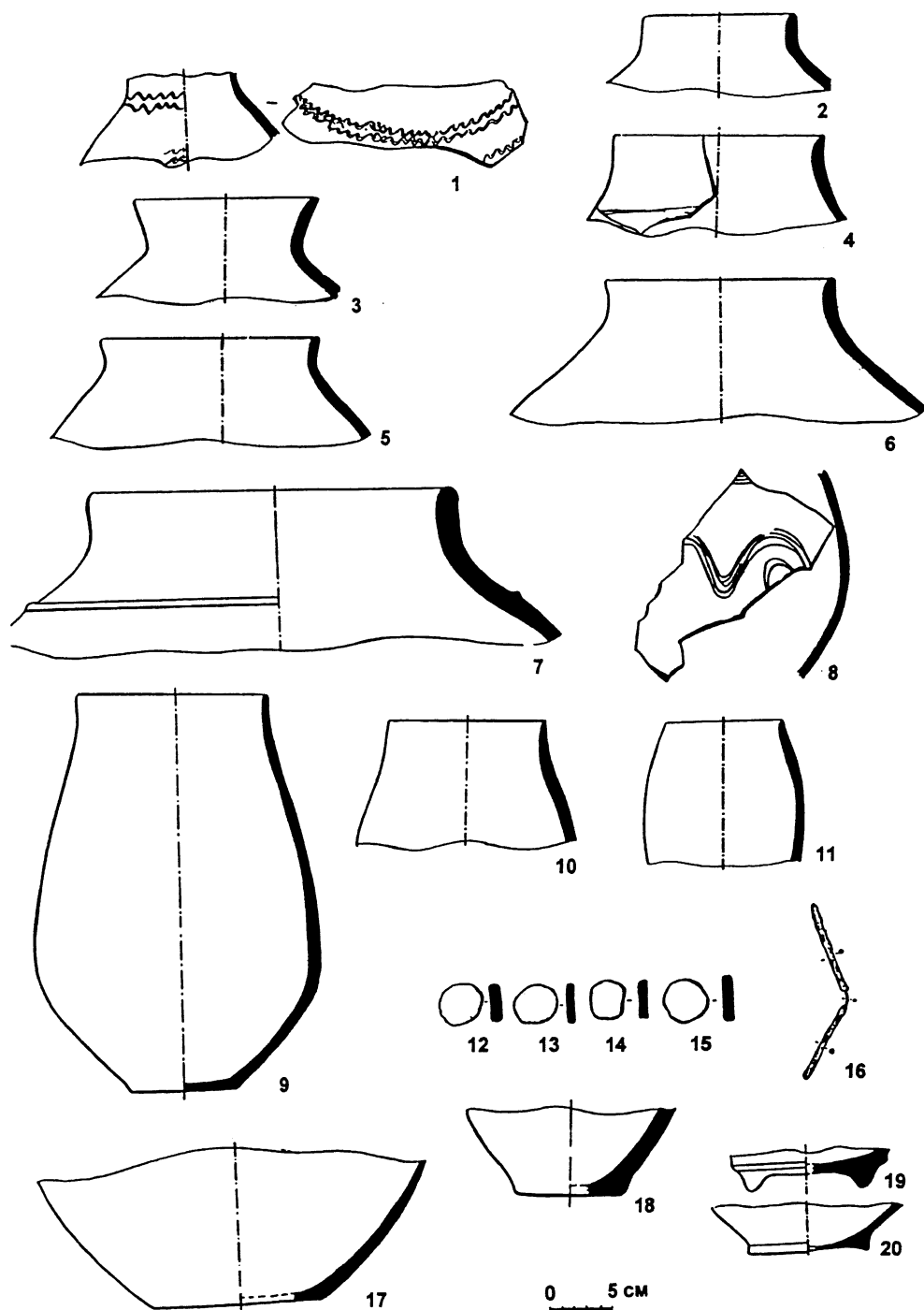

Рис. 4
Материал из ямы № 3 раскопа 3

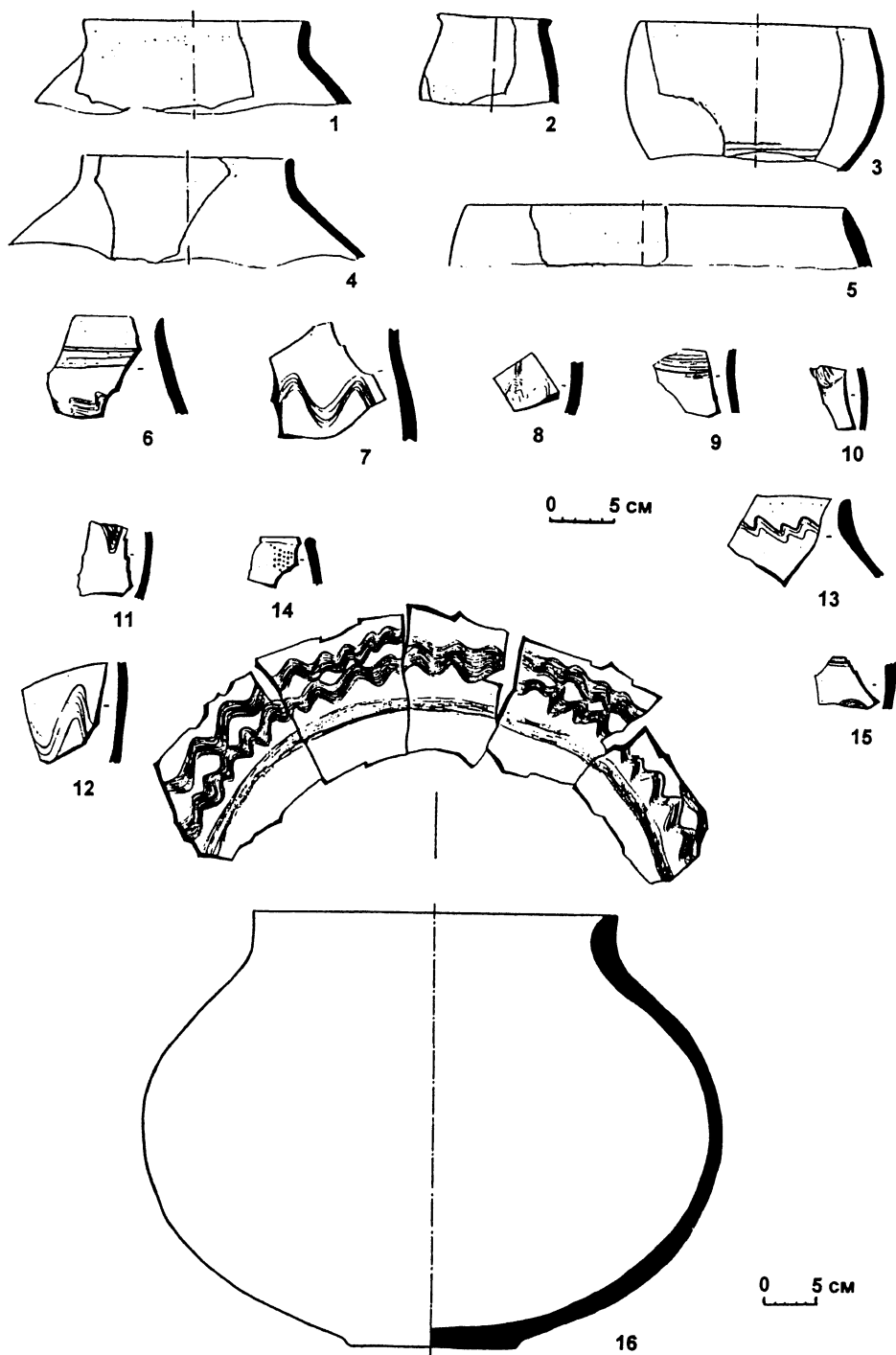

Рис. 5
Керамика нижнего горизонта раскопа 2

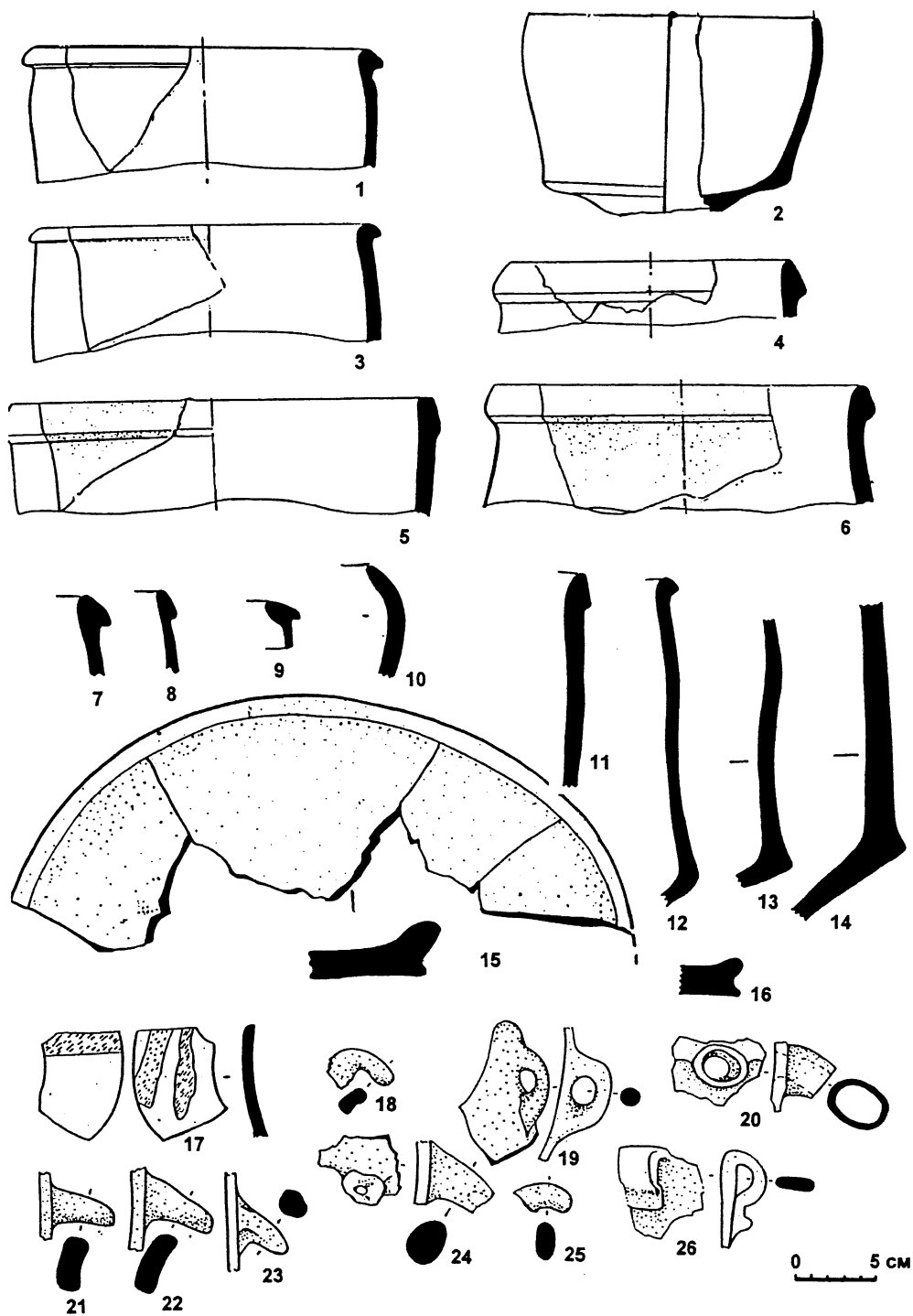

Рис. 6
Керамика верхнего горизонта раскопа 2

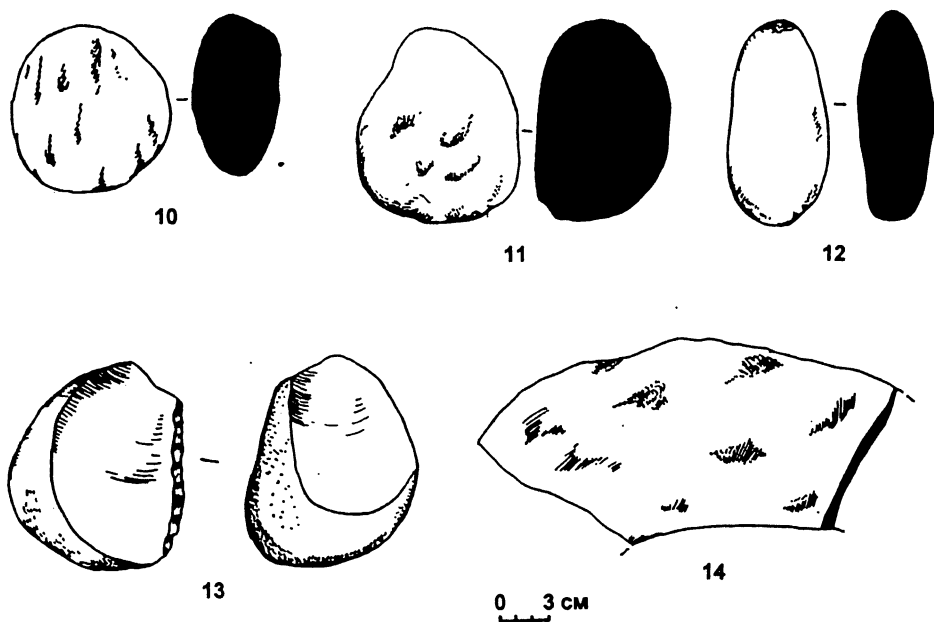
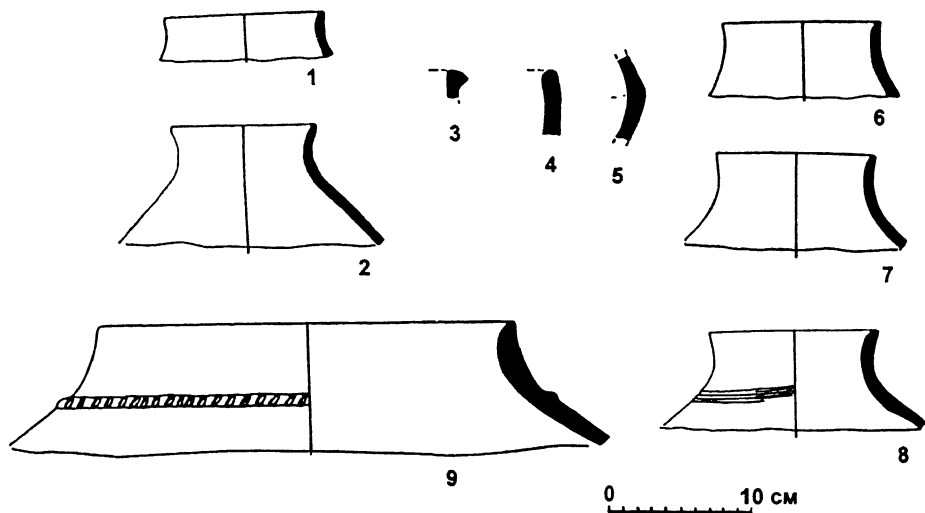

Рис. 7
Материал из полуземлянки № 1 раскопа 5

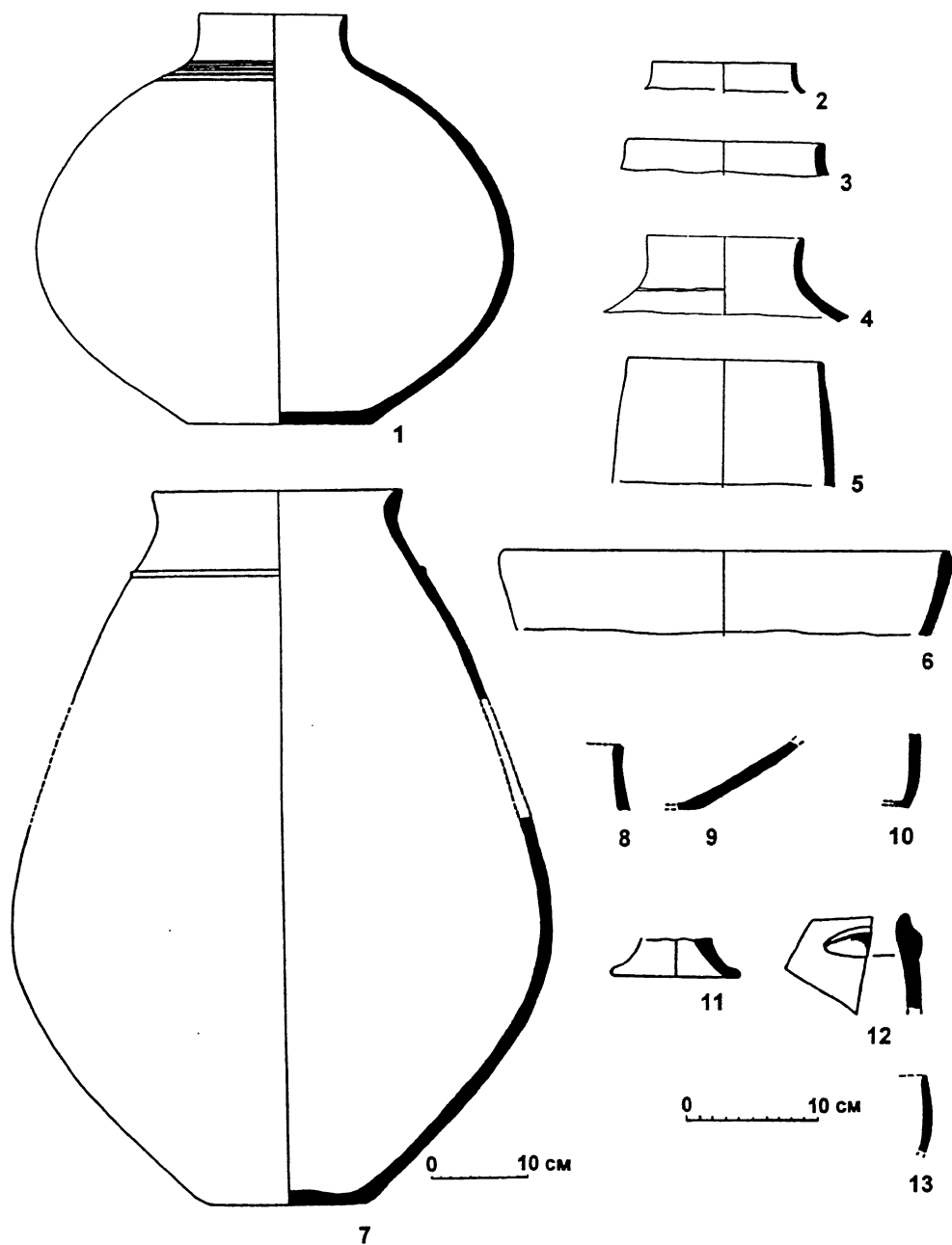

Рис. 8
 Керамика нижнего горизонта: 1-10 — раскоп 4; 11-13 — раскоп 5

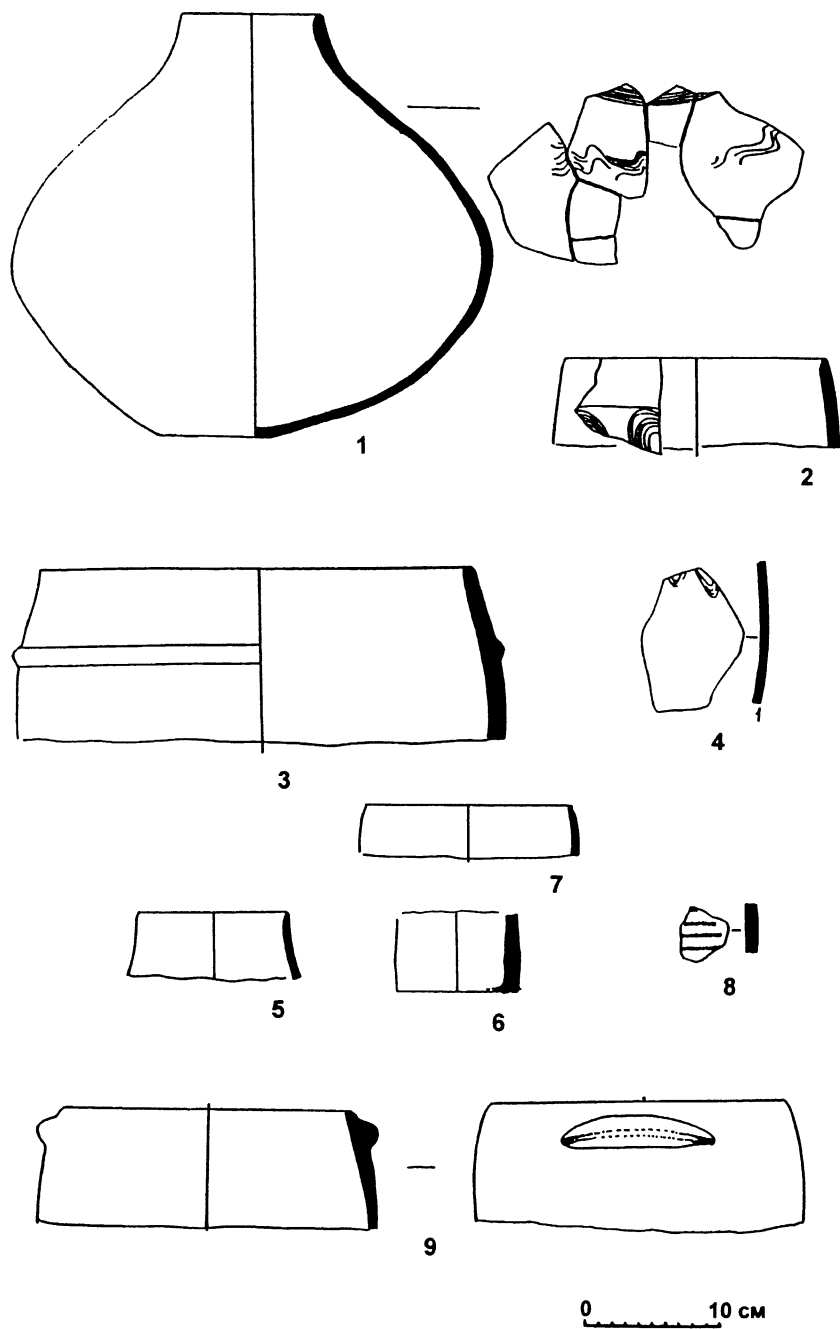

Рис. 9
Керамика из нижнего горизонта: 1-8 — раскоп 4; 9 — раскоп 5

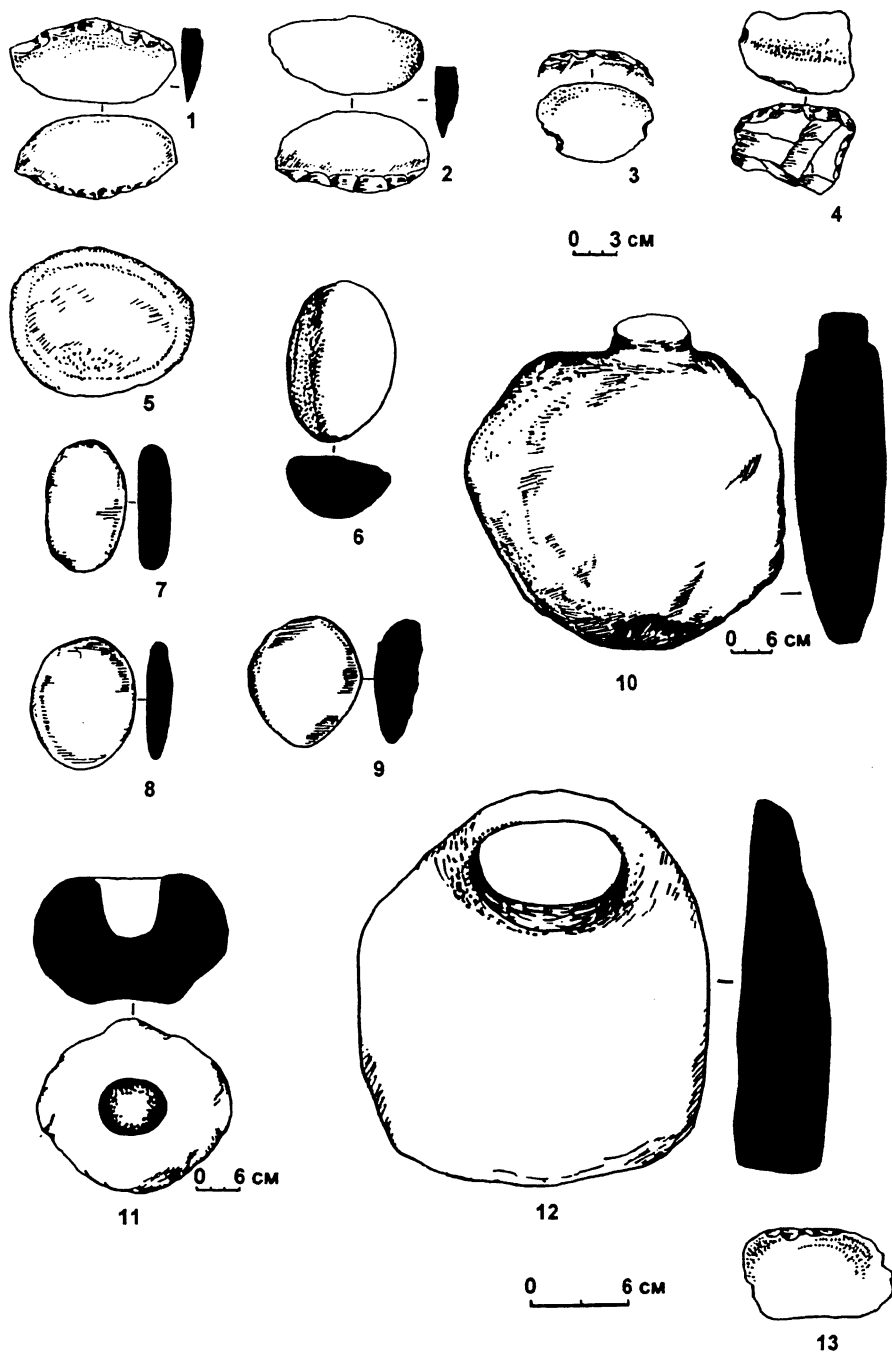

Рис. 10

Каменные орудия: 1-10, 13 — раскоп 4 — нижн. горизонт; 11 — случайная находка из раскопа 2
12 — каменная гиря (музей Бульёни Поён)

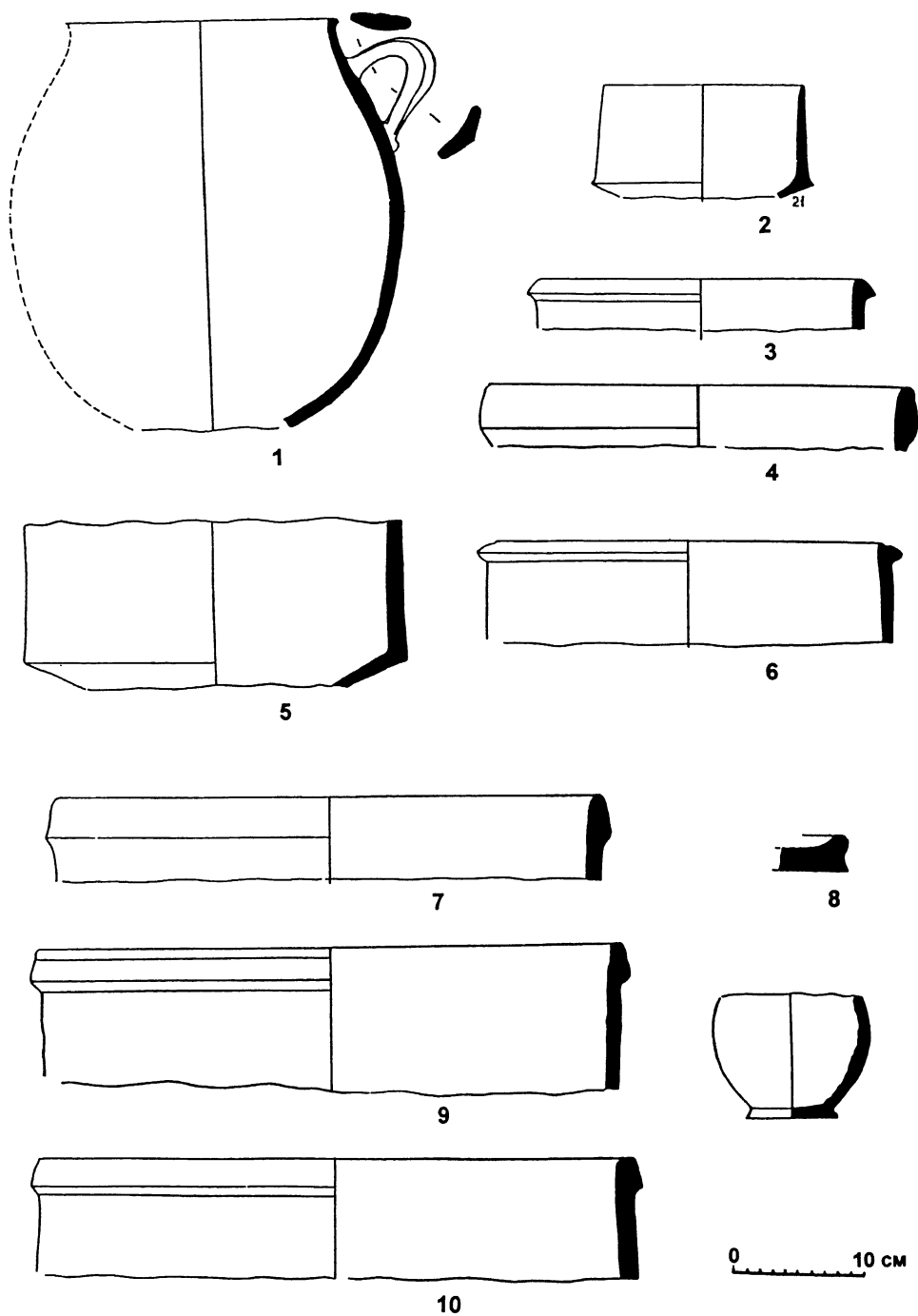

Рис. 11
Керамика Яз II из раскопов 4, 5 (верхний горизонт).

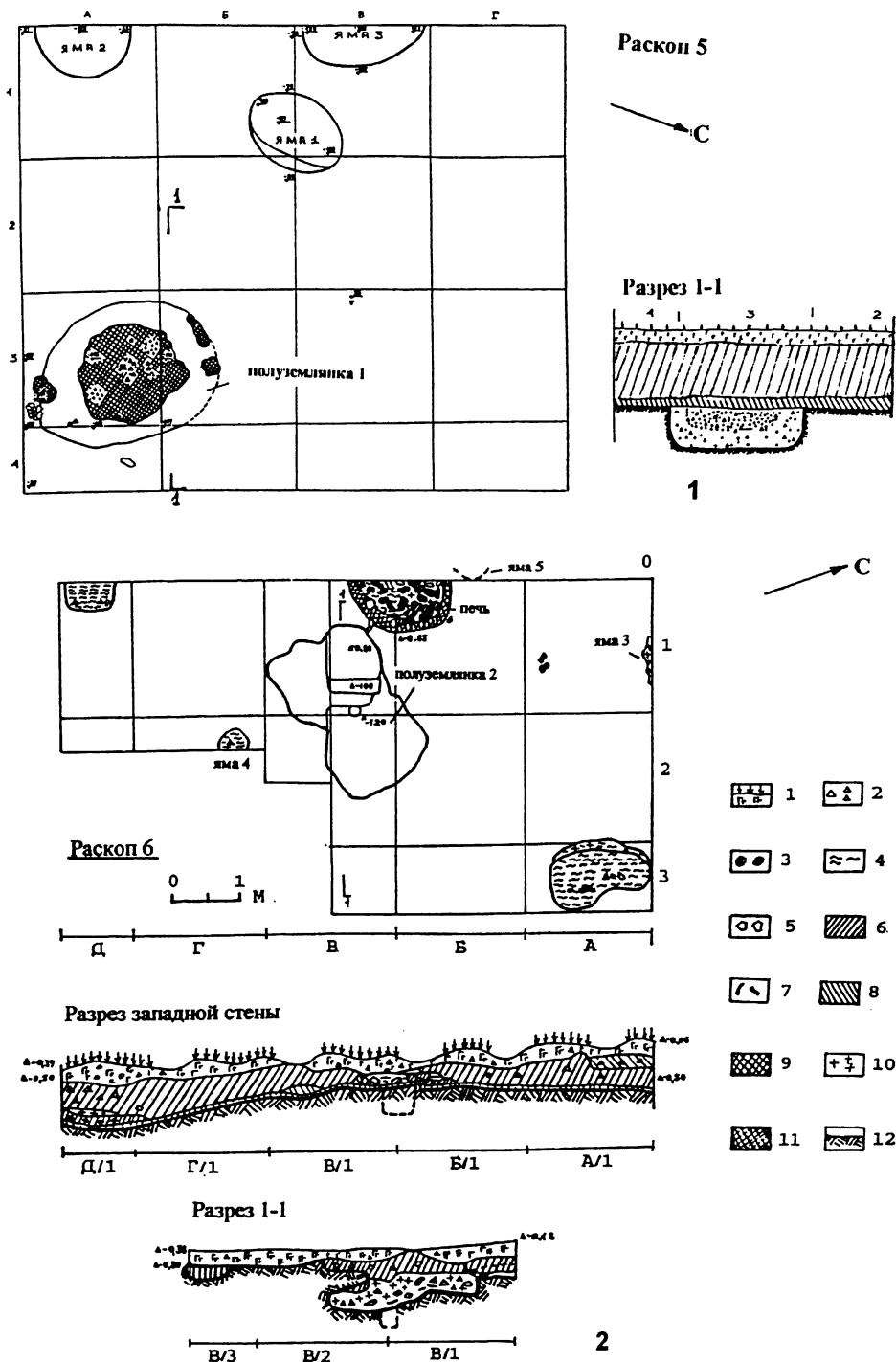

Рис. 12

1 — раскоп 5; 2 — раскоп 6.

Условные обозначения: 1 — гумус; 2 — керамика; 3 — печина; 4 — зола; 5 — камни; 6 — лёссовый суглинок коричневого цвета; 7 — кости; 8 — светло-желтый суглинок; 9 — глиняный валик печи; 10 — уголь; 11 — лёсс пятнисто-черного цвета; 12 — материк.

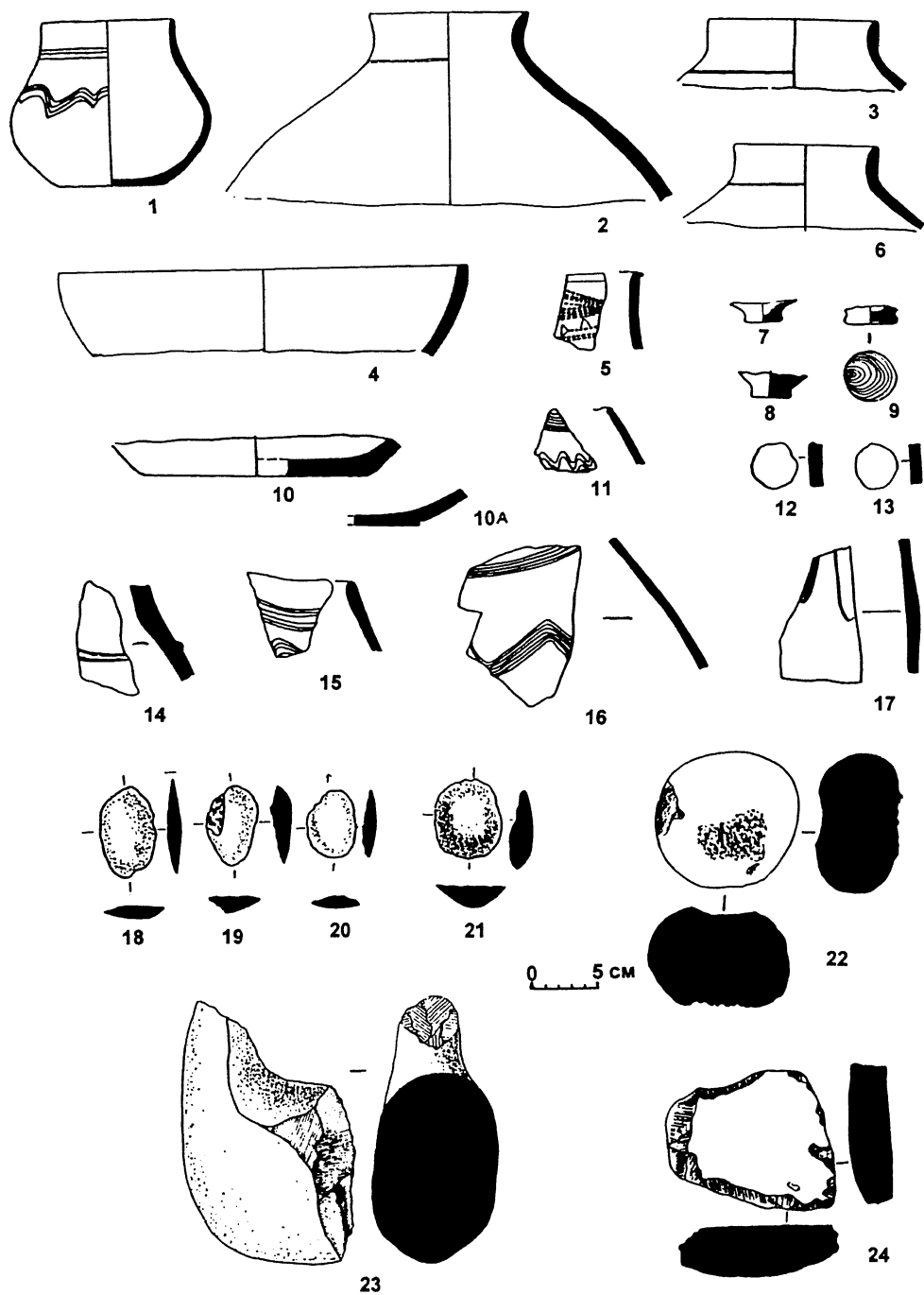

Рис. 13
Материал из раскопа 6

Jean-Claude Gardin

THE ARCHAEOLOGICAL EXPLORATION
OF EASTERN BACTRIA (AFGHANISTAN):
ITS CONTRIBUTION TO THE HISTORY
OF EARLY ECONOMIC AND POLITICAL DEVELOPMENTS
IN CENTRAL ASIA

The archaeological expeditions conducted in Central Asia have brought radical changes in the history of that part of the world, hitherto based for the most part on ancient written sources. The older periods in particular—prehistorical and protohistorical—were poorly represented in those sources, in contrast with the wealth of information provided by the innumerable surveys and excavations carried out during the past decades in the vast territory extending from the Caspian sea to the Pamir mountains. The purpose of the present paper is to add a few more facts and ideas concerning the early economic and political development of ancient Bactria, following the exploration of the south-eastern part of that region by a French mission in the last years of its cooperation with the Afghan Institute of Archaeology.

The area studied is very small, compared to the territory referred to as Central Asia in the archaeological literature (fig. 1). Moreover, our field-work there has been rather limited: a surface survey interrupted by political circumstances after five seasons (Gardin & Lyonnet 1978–79), and a few soundings only one of which led to a proper excavation, near the modern village of Shortughai (Francfort 1989). Yet, the data collected raise interesting questions regarding the history of Central Asia in ancient times, from the Chalcolithic period to Alexander's conquest.

1. Economic developments

A major discovery has been the existence of impressive irrigation systems dating back to the Bronze and Early Iron ages, long before the Persian and Greek conquests of Central Asia (fig. 2). The basis for those chronological attributions has been exposed in a preliminary report (Gardin & Lyonnet 1978–79: 129–137) and more fully discussed in the final ceramological publication (Lyonnet 1997: 57–118). The technical skills implied by the digging of those ancient canals were brought out in the same report and more amply illustrated in later publications (Gardin 1980, Gentelle 1989:

83–105). I shall concentrate here on a few lessons drawn from those observations, some in the form of open questions, others as firmer hypotheses regarding the course of economic progress in Bactria prior to its inclusion in the Achaemenid empire.

1.1 The first question concerns the circumstances that led to the apparently sudden emergence of complex irrigation systems in our area, towards the middle of the 3rd millennium. Our survey failed to reveal any trace of artificial irrigation in earlier times. On the other hand, the most ancient pottery collected on sites clearly dependent upon irrigation was of Harappan origin. This diagnosis was confirmed by the excavations at Shortughai: the Harappan settlement rests on virgin soil, crossed by the “complex” canal postulated in the course of the survey (Francfort 1989: 57–8). The straightforward interpretation of those observations consists in forming the hypothesis of a “colonization” of our region by Harappan settlers bringing with them the knowledge of sophisticated irrigation techniques developed in the Indus valley. Further, should we wish to “explain” that migration from India to Central Asia in the mid-3rd millennium, the lapis lazuli trade would immediately come to mind, given the relative proximity of the mines in Badakhshan; and indeed the excavations of Shortughai did reveal workshops of that precious stone in the Harappan level (*ibid.*, pp. 174, etc.).

However, this scenario is only part of the picture. Artificial irrigation was practised in other regions of Central Asia before the Harappan expansion—for instance in the Zarafshan valley, a few hundred kilometers to the North (Besenval 1989: 18), not to speak of more distant Turkmenia (Lisicina 1978). We should not therefore exclude the possibility of earlier developments of that technology in Bactria itself, under the pressure of ecological factors. An hypothesis of that sort seems to follow from the model proposed by several authors regarding the progress of agriculture in Central Asia. Sedentary communities depending upon dry farming and cattle raising probably settled first in the hilly areas where wood, grass and water were readily available (Nikonov & Ranov 1973, Vallino & Marinucci 1989, Sarianidi 1992: 124–5). In the course of time, the phenomenon described as “desertisation” (different from desertification) would have taken place, “the consequence of both (being) an arid climate and human activities in fragile ecosystems” (Le Houérou 1979: 336). Deforestation, overgrazing and the resulting degradation of the soil would eventually lead to a search for a more favourable environment in the lower plains watered by seasonal streams or permanent rivers. F. Vallino and C. Marinucci imagined an evolution of that sort in Eastern Bactria on the basis of data found in the archaeological literature (1989: 178, 183–6, 193–6); and a similar process has since been observed in other parts of Central Asia—Margiana (Hiebert 1994b: 175), Turkmenia (Masson 1992: 225–9). The digging of canals would then seem to be a likely outcome, suggested by the natural gullies on the foothills or the channels cut in the lower terraces of meandering rivers.

1.2 Doubts are thus permitted regarding the circumstances that led to the emergence of artificial irrigation in Eastern Bactria; but the archaeological evidence from this region establishes at least its more or less continuous growth through the Late Bronze and Early Iron ages, long before the Achaemenid empire had extended its sway over Central Asia. The chronology based on our surface sherds is a very crude one, which does not enable us to follow the details of that process (Gardin 1997: §2.3). Thus, the period just mentioned covers many centuries, from the middle of the 2nd millennium to the Persian conquest, during which the history of irrigation in our

region is likely to have gone through ups and downs that elude us. One thing is however certain: additional programs of a considerable scope had been undertaken or were under way in Eastern Bactria when Cyrus fought his campaigns in the area. I shall examine further on the consequences of that finding on our vision of the political situation in Central Asia before its inclusion in the Persian empire (*infra*, §3.2). Meanwhile, let us remain in the field of economy and ask another question: what were the possible motives for such a spectacular growth of artificial irrigation in Eastern Bactria from the Bronze age to the middle of the 1st millennium B.C.?

First, what do we mean by the word "spectacular"? The additional canals attributed to that period, after the initial works of the late 3rd millennium, had to be dug through rugged ground, or across hilly slopes subject to periodic erosion in the rainy seasons, and over relatively long distances in order to reach by gravity alone the terraces or plateaux which they were meant to water. Moreover, the surfaces conquered in this way for irrigated agriculture were rather limited, hardly matching the amount of time and effort invested in such programs. Examples are given in fig. 3; the most impressive one is the Rud-i Shahrawan project. It implied the design of a derivation of the Taluqan river towards the Amu Darya, some fifty kilometers away to the North, from which acrobatic canals were to be drawn in order to bring water to a few narrow stretches of land untouched by previous irrigation works, in the Hazar Bagh and Archi areas. Why should it be necessary to expand the acreage of irrigated agriculture at this cost? Another way to state the problem is to bring out the quantitative phenomenon known in economics as the trend toward decreasing marginal returns, observable in Eastern Bactria over the 2nd and 1st millennium; I have demonstrated it—or so I think—in my forthcoming book through various computations that need not be repeated here (1997: §7.4.1, E). The problem is to identify the forces active behind that trend.

A common solution in such cases is to call in "demographic pressure"; but we have no way to prove or disprove it here. Besides, the number and size of the sites attributed to pre-Achaemenid times in our survey suggest nothing of the kind. An alternative explanation is that more food was needed, even at increasing costs, to meet the demands of an economy based on various forms of tribute (internal or external), as well as on the free exchange of goods with other parts of Central Asia. My own view, I am afraid, is rather a retreat from those scenarios: our survey does not offer us enough data to answer the question unambiguously. An important fact has none the less been established regarding the degree of agricultural progress reached or planned in Eastern Bactria in the period which preceded the Achaemenid conquest, as well as the continuation of that progress in later times under Persian and Greek rulers. This last proposition is based on the following observation: the digging up of the Rud-i Shahrawan was probably undertaken at the turn of the 2nd and 1st millennia, judging from the pottery collected all along its course between Toregh and Hazar Bagh; but the narrow stretches of land irrigated by the foothill canals drawn from the Rud-i Shahrawan yielded only Greek sherds (not to mention the early Islamic pottery of later times). The implication seems to be that this long-range program was continued or at least kept in mind while Eastern Bactria was under satrapic authority, to be completed only later, in Greek times. The part played by foreign conquerors in this case may in fact have been relatively minor; for their interest would be to leave matters of irrigation in Bactrian hands whose age-long expertise in that domain could hardly be rivalled. This hypothesis finds some support in other inferences drawn from our survey regarding the political evolution of Eastern Bactria in the same time range—my next topic.

2. Political developments

2.1 The political implications of artificial irrigation have been abundantly discussed in the archaeological literature. The core of the argument, under many different forms, lies in establishing a logical relation between the complexity of irrigation systems and the kind of socio-political organization required for their design and use in a given community. An extreme version of that view is the well-known thesis presented in its time by Wittfogel, according to which the development of large-scale irrigation works in the semi-arid context of the Near East was necessarily linked to the emergence of the State. Ambiguities remain, however, as to the meaning of that last word. Observations drawn from archaeology and ethnology suggest that advanced forms of water management are possible under a variety of socio-political regimes, that do not all agree with the usual definitions of the State (Earle 1991). "Hydraulic communities" are known throughout the world where the digging and upkeep of complex irrigation systems take place under the authority of local rulers whose powers are otherwise limited, in substance as well as in space, well short of the scope of a centralized state. Examples can be found at different periods in Asia, from Syria (Braemer 1988) to Bali (Lansing & Kremer 1993) through Nepal (Aubriot 1995) and Central Asia itself (Mukhamedzhanov 1994: 290). Yet, the dominant view among archaeologists is that the Bronze age communities found in Turkmenia, Margiana and Bactria had reached in the 3rd or 2nd millennium a degree of socio-political organization that falls within the compass of the state or protostate concept. Has our survey anything to say on that point?

The irrigation map of Eastern Bactria in the second half of the 3rd millennium (fig. 2) is somewhat inconclusive in this respect, for the reasons just recalled. The technical sophistication of the major canals of that time certainly justifies the view that the communities responsible for their planning and management were "complex societies"—a popular notion in the archaeological literature of the last decades. Its meaning varies from one author to another; but we would at least agree that the kind of "complex" political organization involved does not necessarily include all the features currently associated with the state concept. A plausible scenario, for instance, would stage autonomous chiefdoms or peer polities (Renfrew & Cherry 1986), each exerting its authority over one of the distinct geographical areas shown on fig. 2, equipped with its own irrigation system—the lower Kokcha basin, the plain of Taluqan, the Kunduz region. Some relationships would have existed between them, surely, given their proximity and, most likely, their common culture; but such relationships need not be conceived solely on a vertical model, with one "centre" of power dominating the others, wherever we chose to locate it—within the limits of our survey (e.g. at Kunduz, see below) or elsewhere (Western Bactria, Margiana?).

The picture changes, however, as we turn to the next map showing the progress of irrigation in the following period—roughly, the Iron age, till the end of the 1st millennium B.C. (fig. 3). I mentioned above the Rud-i Shahrawan project and its amazing history; one of its obvious features is its inter-regional scope. A unique centre of planning and decision was needed to secure the cooperation of landlords from different regions hitherto regarded as possibly autonomous, under local chiefs. A step had thus been taken towards the establishment of a higher level of authority over Eastern Bactria (or at least a large part of it) long before the Persian conquest.

Can we go further and suggest a plausible location for the seat of this authority? Within the limits of our survey, the Bala Hissar of Kunduz would be the most likely answer (fig. 2). Not only is it the largest site where pre-Persian sherds were found on the surface—*contra* previous datings in the Kushan period (bibliography in Fisher 1969: 349)—but its geographical position in the largest and most central irrigable plain of Eastern Bactria makes it a suitable candidate as a focal point in that area. However, this hypothesis needs to be qualified, for there is no reason to isolate the region under study from the rest of Central Asia in those times. On the basis of ceramic finds, a certain “unity” of Central Asia in the centuries that preceded the Persian conquest has been postulated more than once in the past decades, from the Caspian sea to the Pamir mountains. Doubts remain, admittedly, as to the precise nature of that unity in political terms; and we cannot exclude the hypothesis of a state or state-like organization established over Central Asia in the early part of the 1st millennium B.C., of which Eastern Bactria would be a part. The Kunduz “capital” suggested above would then have to be regarded as “peripheral” within that higher political entity, wherever we chose to place its “centre” (Algaze 1993: 322).

2.2 The same status could be assigned to Eastern Bactria as a whole, back in the Bronze age; for its achievements in irrigated agriculture do not seem to be accompanied by the urbanization process observed elsewhere in Central Asia during that period. Most of the Bronze age sites in our survey are rural settlements of a modest size, which do not bear comparison with the contemporary proto-urban centres excavated in Western Bactria or Margiana. A major feature of the so-called Bactrian-Margiana Archaeological Complex (Sarianidi 1987, Hiebert 1994a, b)—or more briefly the Oxus civilization (Francfort 1989: 401, 409)—is precisely the emergence of large built-up areas with elaborate monuments described as “palaces” or “temples” (Francfort 1994), which have no counterparts in Eastern Bactria. Some of them, surrounded by walls, suggest defensive functions as well. Our survey has indeed revealed a dozen fortified sites dating back to pre-Hellenistic times (Gardin 1995); but none of them can be attributed with confidence to the Bronze age (*ibid.*, pp. 97, 99). It does therefore look as if Eastern Bactria kept out of the urban or proto-urban developments that took place further West in the Oxus basin at the turn of the 3rd and 2nd millennium.

Our datings in the following period are more secure: fortified sites multiply in Eastern Bactria during the Iron age, repeating a pattern that has been amply documented elsewhere in Central Asia (Askarov 1992: 451-3, Francfort 1994: 276-8). This phenomenon was formerly associated with the Achaemenid conquest of Bactria: the argument was that strongholds were built on the Eastern frontier of the Persian empire to protect it against the raids of “nomads” from the Eurasian steppes. Higher dates are now proposed, in the early part of the 1st millennium B.C. (Francfort 1994: 277, Zadneprovskij 1995: 157), that run counter to that interpretation; our own chronological attributions of prehellemistic fortified sites in Eastern Bactria—or at least some of them—point in the same direction.

Should we conclude that the urbanization process in our “peripheral” region had now caught up with its general course in Central Asia? The only relevant information provided by our survey on this matter is the size of our tentative “cities”, within their fortified walls: three of them are close to 20 ha, while the remainder varies between 1 and 10 ha. A similar separation between “large” and “small” fortified sites has been traced by other authors in the same period (Askarov 1992: 451, Francfort

1994: 227); only the large ones are said to qualify as proto-urban, but some of them cover a much wider area than our walled "cities" (up to 70 ha). This disparity could be taken to indicate that Eastern Bactria retained under the Persians the "peripheral" status which we attributed to it in the Oxus civilization of earlier times. We should however keep in mind that its position in this respect changed radically under the Greeks, when Ai Khanum became one of the major political and economic metropolises of Central Asia—a useful reminder to bar deterministic interpretations of the kind of developmental differences expounded in this paper.

REFERENCES

- Algaze, G. "Expansionary Dynamics of Some Early Pristine States". *American Anthropologist* 95, 2 (1993):304–333.
- Askarov, A. "The Beginning of the Iron Age in Transoxiana". In Dani, Masson, eds.:441–458.
- Aubriot, O. "La clepsydre: de l'astrologie à l'hydraulique. Exemples d'emprunt d'un système de distribution de l'eau d'irrigation au Népal". *Annales de la Fondation Fyssen* 10 (1995):33–42.
- Braemer, F. "Prospections archéologiques dans le Hawran. II, les réseaux de l'eau". *Syria* LXV, 1–2 (1988):99–137.
- Dani, A.H., Masson, V.M., eds. *History of Civilizations of Central Asia*, vol. 1: *The Dawn of Civilization: Earliest Times to 7000 B.C.* Paris: UNESCO Publishing House, 1992.
- Earle, T., ed. *Chiefdoms: Power, Economy and Ideology*. New York: Cambridge University Press, 1991.
- Fischer, K. "Preliminary Remarks on an Archaeological Survey in Afghanistan". *Zentralasiatische Studien* 3 (1969):327–408.
- Francfort, H.-P. *Fouilles de Shortugai. Recherches sur l'Asie centrale protohistorique*, vol. 2. Paris: Diffusion De Boccard, 1989.
- Gardin, J.C. "L'archéologie du paysage bactrien". *Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres* (1980):480–501.
- . "Fortified Sites of Eastern Bactria (Afghanistan) in Prehellenistic Times". In Invernizzi, ed. *In the Land of the Gryphons*. Firenze: Le Lettere, 1995, 83–10.
- . *Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974–1978)*, vol. 3: *Description des sites et notes de synthèse*. Paris: Editions Recherches sur les Civilisations (in print).
- Gardin, J.-C., Lyonnet, B. "La prospection archéologique de la Bactriane orientale (1974–1978): premiers résultats". *Mesopotamia* XIII–XIV (1978–79):99–154, pl. I–IX.
- Gentelle, P. *Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974–1978)*, sous la direction de J.-C. Gardin, vol. 1: *Données paléographiques et fondements de l'irrigation* (avec la collaboration de C. Marinucci, F.O. Vallino, J. Trichet). Paris: Diffusion De Boccard, 1989.
- Hiebert, F.T. "Origins of the Bronze Age Civilization in Central Asia". *American School of Prehistoric Research*, Bull. 42. Cambridge (Mass.): Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard University, 1994.
- . "Production Evidence for the Origin of the Oxus Civilization". *Antiquity* 68 (1994):372–387.
- Lansing, J.S., Kremer, J.N. "Emergent Properties of Balinese Water Temple Networks: Co-adaptation on a Rugged Fitness Landscape". *American Anthropologist* 95, 1 (1993):97–114.

- Le Houérou, H.-N. "La désertation des régions arides". *La Recherche* 99 (avril 1979):336-344.
- Lisicina, G.N. *Stanovlenie i razvitie oroshaemogo zemledelija v Turkmenii*. Moscow, 1978.
- Lyonnet, B. *Prospectiones archéologiques en Bactriane orientale (1974-1978), sous la direction de J.-C. Gardin*, vol. 2: *Céramique et peuplement du Chalcolithique à la conquête arabe*. Paris: Editions Recherche sur les Civilisations, 1997.
- Masson, V.M. "The Bronze Age in Khorasan and Transoxiana". In Dani, Masson, eds., 1992:225-245.
- Mukhamedzhanov, A.R. "Economy and Social System in Central Asia in the Kushan Age". In Harmatta, J., Puri, B.N., Etemadi, G.F., eds. *History of Civilizations in Central Asia*, vol. 2: *The Development of Sedentary and Nomadic Civilizations, 700 B.C. to A.D. 250*. Paris: UNESCO Publishing House, 1994:256-290.
- _____. *Istorija oroshenija Bukharskogo oazisa*. Moscow: FAN, 1978.
- Nikonov, A.A., Ranov, V.A. "Novye dannye ob arkheologii kamennogo veka i vozraste rechnykh terras Afgano-tadzhikskoj depressii (Severnyj Afganistan, Juzhnyj Tadzhikistan)". *Bjulleten' Komissii po izucheniju chetvertichnogo perioda* 40 (1973):35-51.
- Renfrew, C., Cherry, J.F., eds. *Peer Polity Interaction and Sociopolitical Change*. New York: Cambridge University Press, 1986.
- Salvatori, S. "Protohistoric Margiana: On a Recent Contribution" (review of *IASCCA Information Bulletin* 19, Moscow, 1993). *Rivista di Archeologia* XIX (1995):38-55.
- Sarianidi, V.I. "Food-producing and Other Neolithic Communities in Khorasan and Transoxiana: Eastern Iran, Soviet Central Asia and Afghanistan". In Dani, Masson, eds., 1992:109-126.
- _____. "South-west Asia: Migrations, the Aryans and Zoroastrians". *IASCCA Information Bulletin* 13 (1987):44-56.
- Vallino, F., Marinucci, C. "Essai de reconstitution du paysage bactrien et de son écodynamique". In Gentelle, 1989:161-206.
- Zadneprovsky, Y.A. "Early Urban Developments in Central Asia". *Iran* XXXIII (1995):155-159.

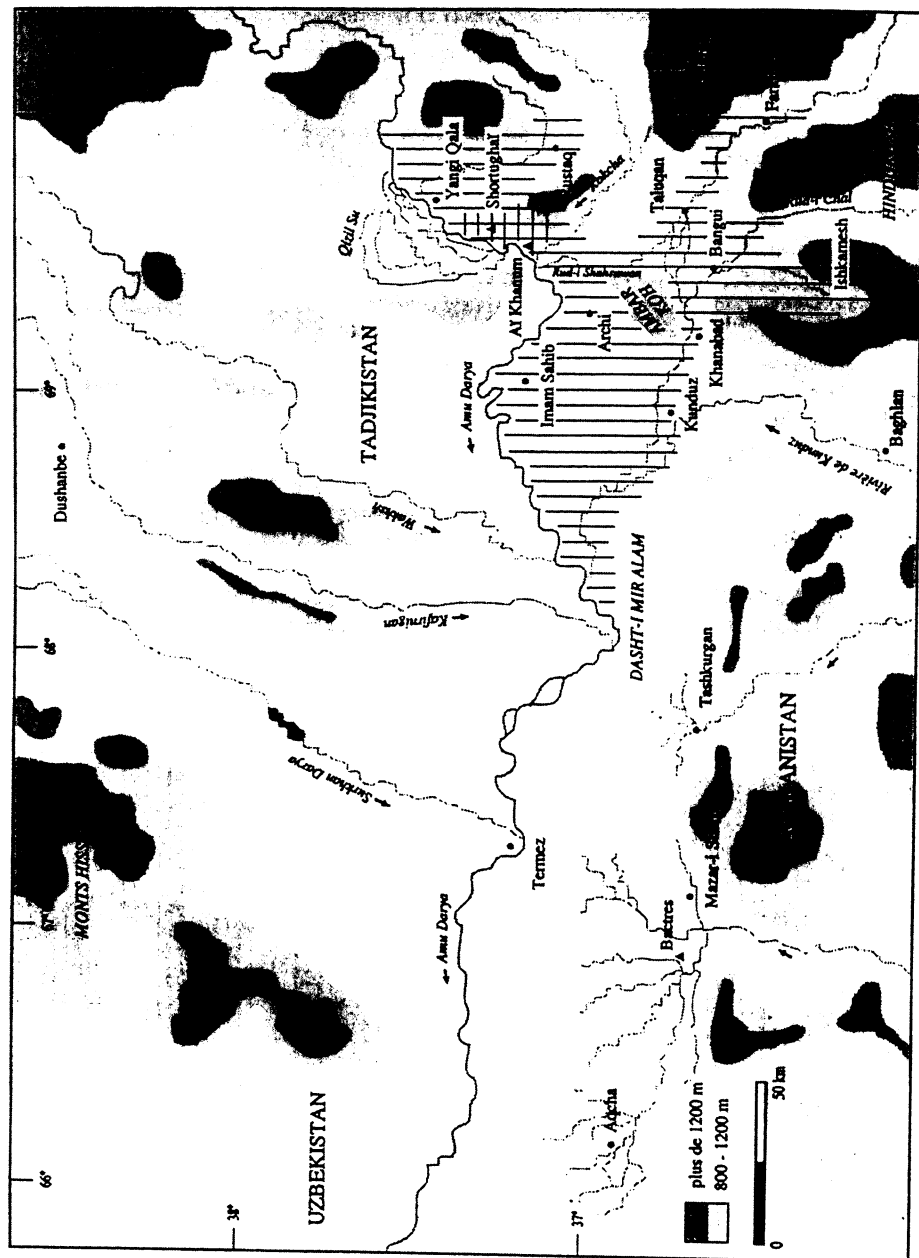

Fig. 1
The area covered by the Franco-Afghan survey in Eastern Bactria (1974-78)

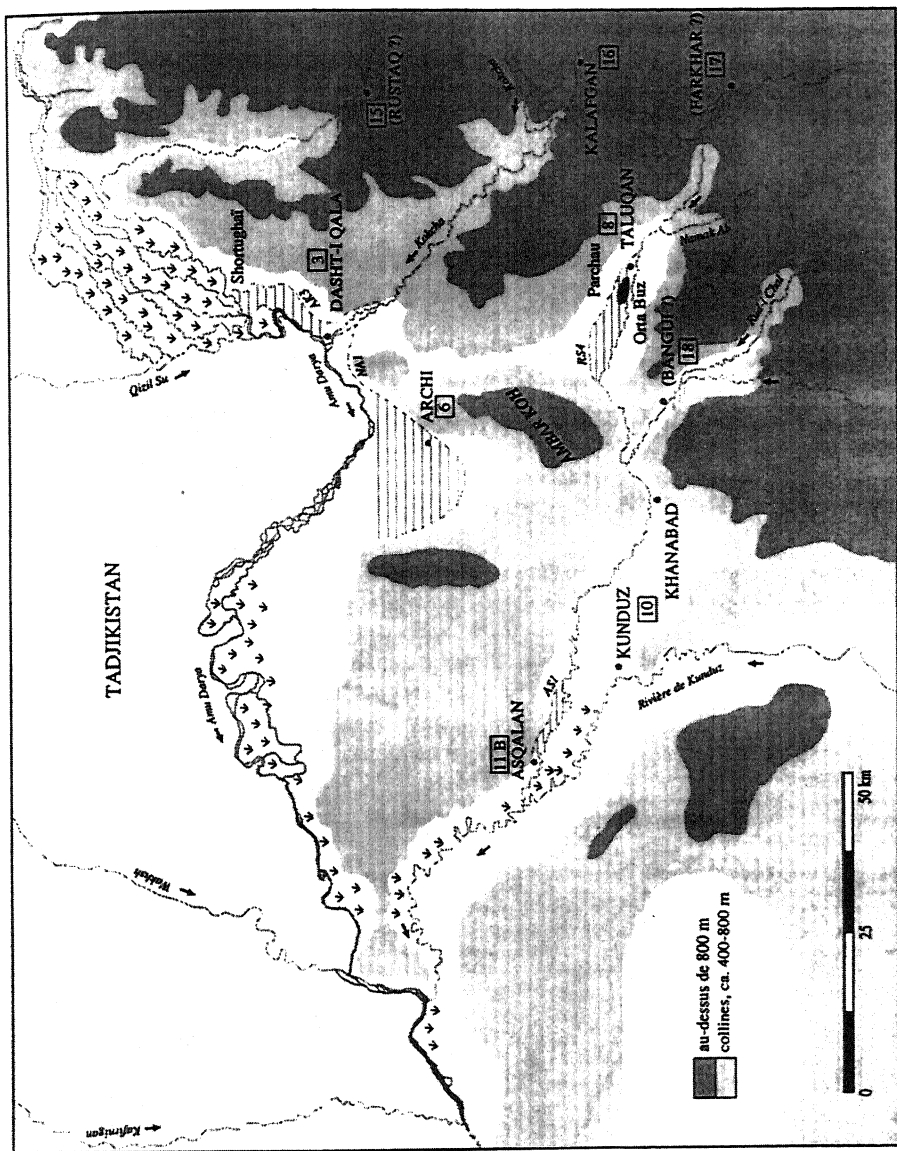

Fig. 2

Settlement areas in the Bronze age, the larger ones in the low plains (zones 3, 6, 8, 11B), others in the mountainous zones (15 to 18). Artificial irrigation developed in the former, with sizeable canals (probable courses marked in dotted lines); no Bronze age sites have been found in the Kunduz plain, but the irrigation of the narrow terrace in the Asqalan area (zone 11B) hints at a probable occupation of the lower plain as well (zone 10)

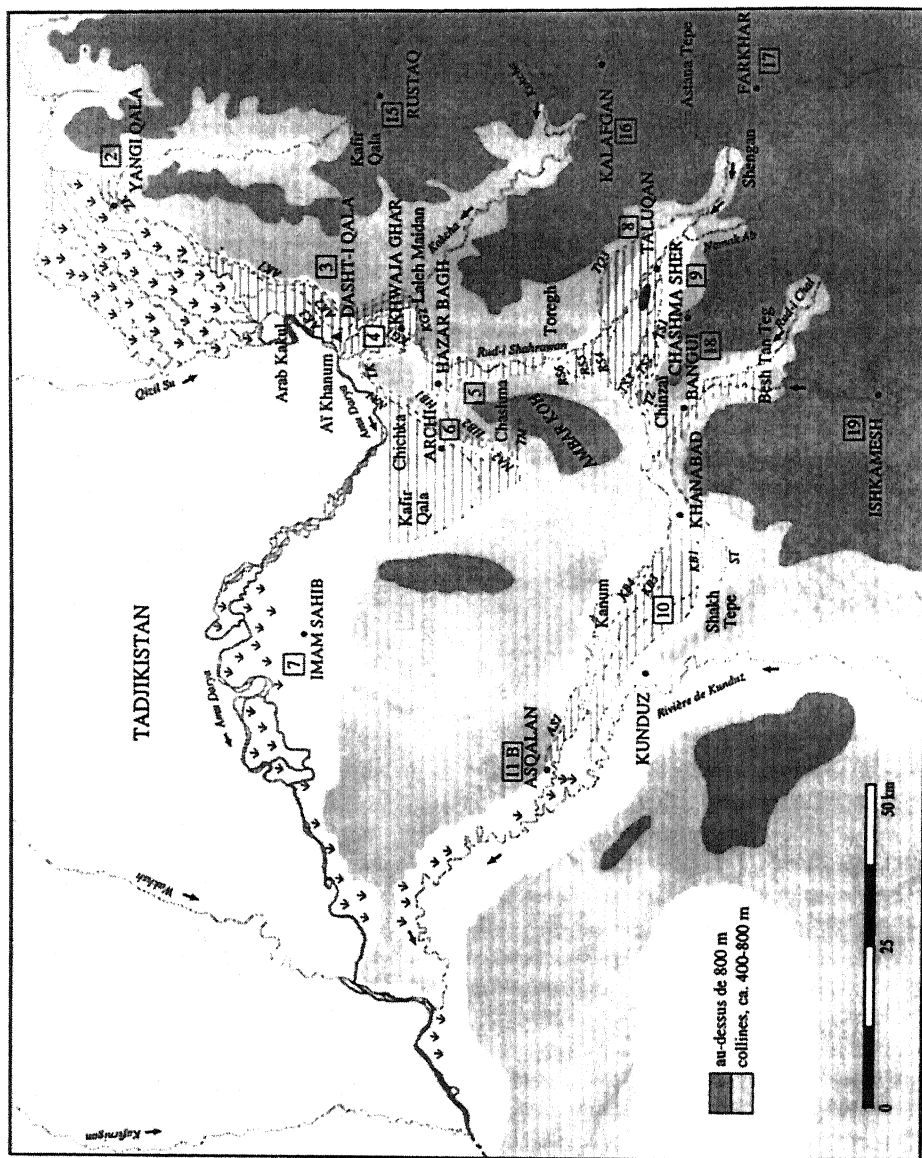

Fig. 3

Irrigation systems in the Hellenistic period (ca. 300 to 130 B.C.). Note in particular the appearance of canals drawn from the Rud-i Shahrawan (system RS) in hitherto unirrigated areas: the Hazar Bagh plateau (zone 5, canal HB1), the Khwaja Ghar plain (zone 4, canals KG1 and 2), the Archi terraces (zone 6), above Chichka (canal TK) and Chashma (canal HB2)

Н.Г.Горбунова

КОНСКАЯ УПРЯЖЬ РАННИХ САКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (Средняя Азия и Казахстан, кроме Западного)

Первые находки конской упряжи саксов на территории Средней Азии и Казахстана относятся к концу XIX в. Они поступили в Московский Исторический музей в годовщину его образования от Археологической комиссии. Коллекция состояла из 20 бронзовых предметов — деталей конской узды: удила, псалии, 6 ворворок, 8 пронизок, две пряжки и наременная бляха с изображением охоты на козлов. Найдены они были «...в озере Иссык-куль при впадении реки Кутургу» [Указатель 1893, с. 349]. В работах А.Н.Бернштама и других исследователей эта коллекция именовалась «Тюпской» [Бернштам 1949, с. 346, рис. 4]*. И река Кутургу, и Тюп находятся на восточном берегу озера Иссык-куль.

В 1948 г. Памиро-Ферганской экспедицией под руководством А.Н.Бернштама на высокогорном плато Восточного Памира был открыт первый сакский могильник Памирская I. Здесь, в кургане 10, среди многих других находок находились удила, целый псалий и часть второго, уздечные бляшки, обойма для перекрещивающихся ремней и др. [Бернштам 1952, рис. 128]. А.Н.Бернштам, анализируя эти находки, отмечал сходство удил с удилами майэмирского этапа Алтая, некоторое сходство псалиев видел в скифских комплексах Венгрии, но конкретных аналогий не находил, полагая, что подобные псалии были широко известны в скифском мире, но мало опубликованы. А.Н.Бернштам датировал могильник Памирская I V–IV вв. до н.э., отмечая несомненные связи погребенных с кругом племен Семиречья, Алтая и Енисея [Бернштам 1952, с. 321, 324–325].

Длительное время основополагающими работами по конской узде считались работы А.А.Иессена [Иессен 1953] и М.П.Грязнова [Грязнов 1947]. Постепенно, по мере накопления материалов, исследователи хотя и продолжали ссылаться на данные статьи, но все больше внимания обращали на локальные особенности конской сбруи скифского времени. К настоящему времени по многим регионам созданы свои разработки. Я попытаюсь обобщить данные по Средней

---

* М.К.Кадырбаев приводит описание удил и псалий, у А.Н.Бернштама есть изображение, в котором с трудом, но можно увидеть петли на концах псалия. Но ни на фото этих предметов в RV [1929, Bd. 13, Taf. 9A:C], ни в изображении псалия в книге Потратца [Potratz 1966, с. 132, Fig. 55a] петель на концах псалия нет, тогда как удила во всех случаях одинаковы. Кроме того, в RV и у Потратца находки происходят «Gegend von Semipalatinsk», что далеко от Иссык-куля. Полагаю, что доверять следует М.К.Кадырбаеву, который в свое время мог, вероятно, увидеть их.

Азии и Казахстану, т.е. по сакской конской сбруе с учетом всего, что было уже сделано.

В 1947 и 1956 гг. в статьях М.П.Грязнова рассматривались случайные находки из районов Северного Казахстана и Алтая [Грязнов 1947; 1956].

В 1949 г. А.Н.Бернштам публикует случайные находки из района Нарына на Тянь-Шане [Бернштам 1949, с. 355; Ташбаева 1996, с. 58].

Первой аналитической работой по сакской конской сбруе может считаться работа М.К.Кадырбаева, посвященная тасмолинской культуре Центрального Казахстана [Кадырбаев 1966, с. 383–388]. М.К.Кадырбаевым было проанализировано 23 пары удила, из них 13 происходили из случайных находок, а 10 из раскопок, и 6 псалиев. Выделено 4 типа удила: 1) со стремевидными окончаниями и дополнительным отверстием; 2) просто со стремевидным окончанием; 3) со стремевидно-прямоугольным окончанием; 4) кольчатые. Наиболее архаическим типом М.К.Кадырбаев считал стремевидные удила с дополнительным отверстием. Однако, отмечая, что в Казахстане I и II типы встречаются в одинаковых типах погребений, он считает, что их нижнюю границу можно относить к VII в. до н.э. [Кадырбаев 1966, с. 385]. Находка в одном погребении (Тасмола V, курган 2) удила I, II и IV типов позволяет М.К.Кадырбаеву сделать вывод о том, что верхняя граница удила I типа определяется серединой или второй половиной VI в. до н.э., а появление кольчатых удила может относиться ко времени не позднее второй половины VI в. до н.э. Из 6 найденных псалиев М.К.Кадырбаев выделил 5 типов: I — роговые трехдырчатые, бронзовые; II — двухдырчато-крючковидные; III — трехдырчатые с центральным отверстием, перпендикулярным к боковым; IV — трехпетельчатые; V — железные с золотой инкрустацией (III и IV типы — случайные находки). М.К.Кадырбаев считал доказанным, что псалии типов I, II и IV соответствуют стремевидным удилам и вместе с ними представляют ранний тип узды VII–VI вв. до н.э. Псалии III типа датирует так же и отмечает, что источник такого типа псалий, «напускных», следует искать в Передней Азии II — начала I тыс. до н.э. Псалии из Тюпской коллекции М.К.Кадырбаев считает разновидностью тасмолинских. Им подробно рассмотрены также остальные детали конского снаряжения — пронизи, ворворки, наверхия, бляшки. Из проделанного анализа следует полная картина конской узды с ремнями оголовья, делившаяся, как он полагает, на две части.

В 1968 г. М.К.Кадырбаев возвращается к теме сакской конской узды. Повторяя изложенную им ранее типологию и привлекая новые материалы, он уточняет дату стремевидных удила с дополнительным отверстием и относит их к началу VIII в. до н.э. Привлекая находки из Приаральского могильника Уйгарак (тогда еще частично неизданного) и случайные находки в Семиречье, М.К.Кадырбаев определяет область «...наибольшей концентрации удила с прямоугольно-валиковыми окончаниями и двуплановыми насадочными псалиями. Есть основания полагать, что область расселения сако-массагетских племен Южного Казахстана и Семиречья явилась районом окончательного формирования указанного типа узды» [Кадырбаев 1968, с. 31].

В конце 50-х — начале 70-х годов публикуются сведения о находках удила и псалий на поселениях чустской культуры в Фергане [Спришевский 1958, рис. 27, 3; Заднепровский 1962, с. 35, 67–68, рис. 16, табл. XX, 3; XXI, 18; Тереножкин 1971, с. 77–79, рис. 4]. В связи с этим возникает проблема датировки чустской культуры, которую А.И.Тереножкин считал возможным датиро-

вать VIII–VII вв. до н.э. В настоящее время чустская культура датируется в пределах XV/XIV–VIII/VII вв. до н.э. [Заднепровский 1997, с. 103], но есть предположение относить чустское поселение к IX–VII вв. до н.э., а городище Дальверзин — к XV–XIII/IX вв. до н.э. [Рузанов 1998, с. 33–35]. В число находок конской узды чустской культуры входят однокольчатые бронзовые удила, роговые псалии с отверстиями, расположенными как в одной плоскости, так и в разных, и форма для отливки трехдырчатого бронзового псалия. Необходимо напомнить, что эти принадлежности конской узды и послужили для А.И.Тереножкина поводом для омоложения чустской культуры [Тереножкин 1971, с. 78–79]. Половина однокольчатых удил была найдена в Кайрак-кумах в северо-западной Фергане [Литвинский, Окладников, Ранов 1962, с. 228–230, табл. 58, 1]. Они, тоже предположительно, датированы VIII–VII вв. до н.э. Позднее, там же, была найдена обойма для перекрестия ремней со сдвинутыми под верхнюю плоскость опорами [Салтовская 1975, рис. 12, 5]. В те же 60-е годы Б.А.Литвинский продолжил работы на Памире. В сакских могильниках оказались два псалия, удила, обоймы для перекрестия ремней, бляшки [Литвинский 1972, с. 10, 12, 25, табл. 21, 1–4, 6; 22, 6–7; 46]. Изображения удил нет. Автор не анализирует предметы конской упряжи, но курган 3 могильника Аличур II, где найдены железные удила и необычные псалии, датирован IV–III вв. до н.э., что соответствует железным наконечникам стрел [Литвинский 1972, табл. 36, 1–4], а курган 7 из могильника Тегермансу I — VI в. до н.э. Но наличие здесь бляшки с солярным знаком позволяет отнести его к VII в. до н.э. Самые обильные находки конской сбруи происходят из сакских могильников Приаралья Уйгарак и Южный Тагискен. В статье, специально посвященной этим двум могильникам, О.А.Вишневская и М.А.Итина предлагают общую хронологическую классификацию предметов конской сбруи [Вишневская, Итина 1977, с. 201–203]. По их мнению, к типологически более ранним относятся роговые трехдырчатые псалии и стремевидные бронзовые удила. При датировке они основываются и на датах курганов могильника Тасмола V курган 2 и Тасмола VI курган 1. Но между Тасмолинскими и Приаральскими имеются некоторые различия. В Тасмоле V/2 псалий слегка изогнут, отверстия одинаково равноудаленные. В Тагискене (курган 14) также слегка изогнутый роговой псалий имеет большое центральное отверстие. Что касается удил, то в Тагискене 45 и Тасмоле V/2 и V/1 они по форме одинаковые, но в Тагискене с рельефным узором — «строгие», а в Тасмоле стержни гладкие. В статье к типу стремевидных отнесены удила из кургана 66 Уйгарака, но, на мой взгляд, они скорее D-образные или овальные.

К следующему этапу развития конской узды авторы отнесли стремевидные удила со стремечком прямоугольной формы, которые продевались в широкое прямоугольное отверстие или скобу псалия, расположенные перпендикулярно к двум другим. Цельнолитые удила и псалии авторы статьи считают вариантом этой формы узды. В Приаралье однокольчатые удила найдены только в Уйгараке. Известны также находки в Хорезме формы для отливки однокольчатых удил. Это оригинальный экземпляр, так как его стержень имеет обмотку [Сабурова, Ягодин 1964]. Даты всех перечисленных удил, предложенные О.А.Вишневской и М.А.Итиной, — VII–VI вв. до н.э., за исключением однокольчатых из Уйгарака, датированных V в. до н.э.

О.А.Вишневская, публикуя материалы могильника Уйгарак, снова анализирует конское снаряжение [Вишневская 1973, с. 100–111]. Предложенная ею

типология уди и псалиев во многом повторяет типологию М.К.Кадырбаева и ее совместную работу с М.А.Итиной, но среди типов уди выделены удила с упором в верхней части «стремечка». Кроме того, О.А.Вишневской высказано предположение о постепенном усовершенствовании стремеvidных уди. С ее точки зрения, подтреугольно-стремеvidные удила повторяют форму мягких уди. Их, по аналогии раннескифским удилам из погребений в Нижнем Поднепровье, она относит ко времени не позже второй половины VII в. до н.э. Первым усовершенствованием стремеvidных уди, по ее мнению, является «...смещение назад перемычки стремечка, при котором образовавшиеся уступы должны были препятствовать смещению поводка в стороны, а для придания большей жесткости на внутренней стороне стержня стали делать насечки» [Вишневская 1973, с. 103]. Этот тип уди автор относил к VI в. до н.э. и отмечала «промежуточные» формы, когда стержень с насечками и перемычка не сдвинута. Следующим шагом О.А.Вишневская считала появление выступов у вершины стремечка, препятствующих смещению псалиев к середине. Эти удила тоже отнесены ею к промежуточным между стремеvidными и прямоугольно-стремеvidными удилами. Дальнейшим этапом в развитии узды стало соединение уди с прямоугольным основанием, на которые псалии насаживались либо центральным отверстием, расположенным перпендикулярно боковым, либо скобой, т.е. это так называемые «напускные» псалии. Далее О.А.Вишневской рассматриваются все детали уздечки и предлагаются реконструкции уздечных наборов. И, хотя впоследствии некоторые реконструкции пересматривались [Шульга 1998, с. 30–32], предложения О.А.Вишневской, так же как и М.А.Кадырбаева, были первыми для характеристики сакской узды на территории Средней Азии и Казахстана по раскопочным данным. Говоря о позднейших пересмотрах, не могу не отметить, что П.И.Шульга не прав, упрекая О.А.Вишневскую в нефункциональности конструкции из уди и псалиев из кургана 33 могильника Уйгарака. Его предположение о том, что эти удила «...из другого комплекта» [Шульга 1998, с. 32], не может быть принято, так как удила и псалии были найдены в соединенном положении *in situ* [Вишневская 1973, с. 29].

Дальнейшее исследование сакской конской узды связано с находкой двух комплектов ее в восточном Семиречье на левом берегу реки Биже. Их изучали К.А. и А.К. Акишевы [Акишев, Акишев 1978]. В комплекты входили удила и псалии, обозначенные как Биже I и Биже II, завершая с головами горных козлов, десять обоем для перекрещивающихся ремней узды с «солярным знаком», колечки, бляха с петлей на обороте, подвески. Оба комплекта авторы считали синхронными, отмечая, что Биже I некоторое время сосуществовал с Биже II, который, возможно, был несколько позднее. Сопоставляя комплекты Биже I и II с уздой, происходящей с восточноевропейской территории, авторы отмечают, что стремеvidные удила появляются уже в предскифское время, а с дополнительным отверстием — в раннескифское, с VIII–VII вв. до н.э. Рассматривая разные типы трехдырчатых псалиев, авторы считают, что псалии Биже II аналогичны псалиям из Южного Тагискена (курган 40) и Уйгарака (курган 50). Однако, на мой взгляд, это не точно. Псалий из Южного Тагискена значительно сильнее изогнут и имеет иные окончания, а псалий из Уйгарака имеет перфорацию, сгруппированную в центре, и центральное отверстие ромбическое. Оба комплекта Биже датируются VIII–VII вв. до н.э.

Дальнейший анализ конской сбруи продолжен Л.Т.Яблонским при публикации материалов сакар-чагинских могильников Южного Приаралья [Яблонский

1996], а также совместно с М.А.Итиной при издании материалов могильника Южный Тагискен [Итина, Яблонский 1996, с. 54–63]. Л.Т.Яблонский коснулся вопросов датировок этих памятников в небольшой статье о зверином стиле [Яблонский 1998].

Анализируя единственный комплекс конской узды из кургана 23 могильника Сакар-Чага 6, Л.Т.Яблонский приводит многочисленные аналогии трехдырчатым псалиям, но не всегда они кажутся удачными. Так, псалии из Дальверзина, Мингечаура II и Сиалка В имеют по три равноудаленные одинаковые перфорации, тогда как у сакар-чагинских отверстия сгруппированы и в центре — крупное ромбическое. Отмечая, что еще в предскифское время трехдырчатые псалии заменяют костяные двуплановые, Л.Т.Яблонский не упоминает костяные двуплановые и одноплановые псалии чувстской культуры. Вслед за М.П.Грязновым, Л.С.Марсадоловым, Н.А.Боковенко он датирует стремеvidные удила вместе с трехдырчатыми псалиями с грибовидным окончанием VIII–VII вв. до н.э., подчеркивая, что рельефный узор на стержнях удил свидетельствует об их архаичности.

При анализе конской узды Южного Тагискена Л.Т.Яблонский во многом повторяет то, о чем писал, рассматривая удила и псалии из Сакар-Чаги. Принимая предположение О.А.Вишневской о том, что у наиболее ранних удил нижняя планка не приподнята, Л.Т.Яблонский допускает датировку тагискенских удил с «приподнятой» планкой второй половиной VII в. до н.э., удила с прямоугольным окончанием и упором, по аналогии с уйгарацкими, тасмолинскими, тюпскими, датирует VII–V вв. до н.э. Цельнометаллические удила и псалии, в отличие от уйгарацких (VI в. до н.э.), датирует «более ранним временем» [Итина, Яблонский 1997, с. 56]. Не совсем ясны сопоставления удил и псалий внутри Тагискена. Так, псалии из кургана 44 не роговые, а бронзовые, а синхронизация курганов 36, 40, 42, 44, 45, 47, 55 и 65 по встречаемости удил и псалиев не корректна, так как и удила, и псалии в этих курганах разные. Датировку удил и псалиев Тагискена Л.Т.Яблонский принимает по аналогии с уйгарацкими — VII–VI вв. до н.э. Им предложена также классификация остальных деталей конской сбруи, на чем я остановлюсь позднее.

В своей последней статье Л.Т.Яблонский выделяет два хронологических горизонта сакских культур Приаралья. Первый из них в пределах рубежа VIII–VII вв. — первой половины VI в. до н.э. [Яблонский 1998, с. 76].

Последние из опубликованных находок — удила, псалии и некоторые другие части конской сбруи из могильника Кичи-ата в Южном Тяньшане [Табалдиев 1996, с. 172–177, рис. 5–6], датированные VIII–VII вв. до н.э.

Попробуем теперь объединить все находки конской сбруи с территории Средней Азии и Казахстана и предложить единую классификацию удил и псалиев (рис. 1–3) с учетом и остальных находок.

Удила. Мною учтено 50 экземпляров удил из 8 могильников, три случайные находки, а также 6 — из поселений эпохи бронзы. В основу классификации положена традиционная схема: материал, форма стержней и наружное их окончание. Все удила бронзовые, соединенные двумя внутренними кольцами. Почти все стремеvidные, но разных очертаний: подтреугольные, прямоугольные, квадратные, полуovalные. Могут иметь или не иметь слегка опущенную нижнюю планку, уступ у верхней планки, дополнительное отверстие у стремячка. Стержни могут быть прямоугольные в сечении с рельефным узором — «строгие» или гладкие. По типу стержней выделено две группы.

I. Стержни подпрямоугольные в сечении с рельефным орнаментом в виде прямоугольников или квадратов, окончания стремевидные. 22 экземпляра (и еще один из типа 10).

1. Подтреугольные со слегка опущенной нижней планкой и небольшими выступами по краям. 10 экземпляров. Могильники Уйгарак, курганы 25, 35, 41, 70, Южный Тагискен, курганы 42, 45, 65. Вариант — выступы совсем незначительны — Уйгарак 47, могильник Тасмола V, курган 3, могильник Кичи-ата, курган 7.

2. Прямоугольные со слегка опущенной нижней планкой и выступами. 3 экземпляра: Уйгарак 51, 69, Южный Тагискен 65.

3. Подквадратные. 1 экземпляр: могильник Сакар-Чага 6, курган 33.

4. Овальные окончания. 1 экземпляр: Уйгарак 83.

5. Подтреугольные с опущенной нижней планкой и упором в верхней. Уйгарак 14, 50.

6. Подпрямоугольные с опущенной нижней планкой и упором в верхней. 5 экземпляров + 1: Уйгарак 28, 30, 45. Тасмола V, курган 3. могильник Биже, комплект I. Вариант без опущенной планки: Южный Тагискен 36.

II. Стержни округлые в сечении, гладкие. 19 экземпляров.

7. Подтреугольные с опущенной нижней планкой. 3 экземпляра: Тасмола V, курган 2, Тасмола VI, курганы 1, 2 (в кургане 2 одна часть удил подтреугольная, другая прямоугольная без опущенной планки).

8. Прямоугольные с опущенной планкой. 3 экземпляра: Тасмола I, курганы 19 и 24, могильник Измайловка, курган 17.

9. Прямоугольные с упором на верхней планке. 2 экземпляра: Южный Тагискен 44, случайная находка около Тюпа.

10. Все удила под номером 10 — с дополнительным отверстием, но разных очертаний:

а) прямоугольные. 2 экземпляра: Уйгарак 33, Тасмола V, курган 6;

б) прямоугольные с опущенной нижней планкой: Кичи-ата 7;

в) подтреугольные: Южный Тагискен 40;

г) подквадратные. 5 экземпляров: Кичи-ата 5, Тасмола V/2, могильник Памирская 1, курган 10, случайные находки у Тологая и Нарына;

д) то же, но «строгие». Биже, комплект II.

11. Прямоугольные с опущенной нижней планкой и трубчатой нижней. Измайловка.

12. Прямоугольные разных очертаний — вытянутое и подковообразное. Могильник Джуван-тобе, курган 12.

13а. Кольчатые. 5 экземпляров: Уйгарак 16, Тасмола V/2, городища Чуст, Дальверзин, находка в Кайрак-кумах.

13б. Овальные. Уйгарак 66.

14. Форма глиняная для отливки удил кольчатых со стержнем, как бы перевитым веревками. Хорезм, Беркут-Калинский оазис, случайная находка [Сабурова, Ягодин 1964].

Подводя итоги классификации, отмечу, что, если не учитывать деталей, почти все удила стремевидные и типы по очертаниям и окончаниям повторяются в группах I и II. Так что, укрупняя классификацию, можно было бы по очертаниям головки и типу стержня выделить из 15 удил с подтреугольным очерта-

нием головки — 12 «строгих», из 13 прямоугольных — 8 «строгих», из 10 с дополнительным отверстием только одни «строгие». Необходимо также отметить сочетание разных удил в одном погребении: 1 и 2 — Южный Тагискен 65; 1 и 6 — Тасмола V/3; 1 и 10г — Кичи-ата 7; 8 и 11 — Измайловка 17; 7, 10г и 12 — Тасмола V/2.

Псалии. Учтено 42 псалия из 10 могильников, двух поселений эпохи бронзы, три случайные находки. Выделены категории по материалу: I — рог и кость, II — бронза, III — железо. Внутри выделены группы, отделы и типы.

Категория I. Рог и кость (рис. 2).

Группа 1 — конусовидные. Отдел 1 — трехдырчатые.

Тип 1а. Конусовидные с тремя равноудаленными одинаковыми отверстиями. 7 экземпляров. Уйгарак 47, Южный Тагискен 47, Тасмола V/2 (2 экземпляра), Тасмола VI/1, Чустское поселение (2 экземпляра).

Тип 1б. Конусовидные с тремя равноудаленными отверстиями, среднее — крупное, овальное. Отверстия сближены к центру. Южный Тагискен 45.

Тип 1в. Конусовидные с тремя равноудаленными отверстиями, расположенными в разных плоскостях. Городище Дальверзин [Заднепровский 1962, рис. 15].

Группа 2 — трубчатые. Отдел 1 — трехдырчатые.

Тип 2а. Трубчатые. Отверстия расположены в одной плоскости. Чустское поселение, 3 экземпляра.

Тип 2б. Трубчатые. Отверстия расположены в разных плоскостях. Чустское поселение, 1 экземпляр.

Группа 3 — стержневидные. Отдел 1 — трехдырчатые.

Тип 3а. Слегка изогнутый, отверстия сближены к центру, среднее крупнее. Уйгарак 14.

Категория II — бронзовые.

Группа 1 — трехдырчатые. Отдел 1 — отверстия в одной плоскости.

Тип «а» — пластинчатый. Отверстия сгруппированы в центре, посередине овальное, по краям округлые с утолщением. Один конец загнут, другой расширен. Уйгарак 50.

Тип «б» — стержневидный изогнутый. Отверстия сгруппированы в центре. Центральное ромбовидное. Все с утолщениями. Окончания грибовидные. Сакар-Чага 6, курган 33.

Тип «в» — пластинчато-стержневидный. Отверстия сконцентрированы в центре, разделены углублениями. Один конец узкий, загнут, другой ложечковидный. Измайловка 17.

Тип «г» — стержневидный изогнутый. Отверстия равноудаленные в одной плоскости, с утолщениями. Один конец плоский, другой утончается. Южный Тагискен 40.

Тип «д» — стержневидный, слегка изогнутый. Отверстия равноудаленные, с утолщениями. Один конец эллипсоидный, другой конический. Биже, комплект II.

Тип «е» — стержневидный, изогнутый. Отверстия равноудаленные, концы эллипсоидные. Случайная находка. Камышинка.

Тип «ж» — С-видный пластинчатый. Пластина согнута вдоль, по сгибу три равноудаленных отверстия. Кичи-ата 5.

Тип «з» — форма для отливки трехдырчатого псаля. Отверстия сгруппированы в центре, конец слегка заужен и загнут. Поселение Дальверзин.

Отдел 2 — отверстия в разных плоскостях.

Тип II/2а. Стержневидный. Центральное отверстие овальное, расположено перпендикулярно концевым округлым. Один конец уплощен, другой срезан на конус. Уйгарак 28.

Тип II/2б. Пластинчатый. В середине овальное отверстие, на концах боковые отверстия в виде полусферических петель, расположенных перпендикулярно центральному. Концы псаля косо срезаны. Уйгарак 30.

Тип II/2в. Пластинчатый. Центральное отверстие овальное, расположено перпендикулярно боковым округлым с утолщениями. Концы срезаны на конус, по краям пластин рельефные линии. Тасмола I/19.

Тип II/2г. Часть псаля стержневидного. В центре крупное отверстие, перпендикулярное концевым округлым. Концы пирамидальные. Городище Кюзели-гир, случайная находка. Хорезм.

Группа 3. Двудырчато-петлевидные (табл. 3).

Тип II/3а. Стержневидный, слегка изогнут, цилиндрические концы удлиненно-ромбические с отверстиями в них. В центре петля, расположенная перпендикулярно отверстиям. Уйгарак 45.

Тип II/3б. Стержневидный, слегка изогнут, на обоих концах — отверстия, в центре — петля, перпендикулярная отверстиям. На одном конце диск, другой заострен. Могильник Биже, комплект I.

Тип II/3в. Стержень цилиндрический. Два отверстия сдвинуты к центру и утолщены ромбовидными фигурами. Между ними петля, перпендикулярная отверстиям. Один конец кончается диском, другой округлен. Уйгарак 51.

Тип II/3г. Стержень цилиндрический, отверстия сдвинуты к центру и утолщены. Между ними петля, перпендикулярная отверстиям. Один конец утолщен. Другой плоский. Южный Тагискен 36.

Тип II/3д. Стержень цилиндрический. Отверстия сдвинуты к центру и утолщены ромбовидными фигурами. Между ними петля, перпендикулярная отверстиям. Псалий покрыт круговыми резными линиями, один конец уже другого. Южный Тагискен 44.

Тип II/3е. С-видный стержень. «Псалии тюпской узды меньше размером (сравнение с тасмолинскими. — Н.Г.), внешние стороны их украшены другим орнаментом (две параллельные полосы спиралеобразно-вихревых выпуклостей) и суголовные ремни узды соединяются с ними через петли, расположенные перпендикулярно центральному отверстию» [Кадырбаев 1966, с. 386]. Случайная находка на восточном берегу Иссык-куля (Тюп).

Группа 4. Трехпетельчатые.

Тип II/4а. Пластинчатый, трехпетельчатый. Петли сгруппированы в центре. Концы псаля плоские. Уйгарак 66.

Тип II/4б. Памирская I, курган 10. По описанию А.Н.Бернштама «...псалии 4-гранные в разрезе с рельефным зигзагообразным орнаментом по одной стороне. В середине псаля три круглые петли...» [Бернштам 1952, с. 296, рис. 128, 7]. Но и описание, и рисунок потребовали уточнения. Псалии бронзовые литые, квадратные в сечении, в центральной части возвышение с тремя петлями. Концы псаля украшены зигзагообразным орнаментом с обеих сторон. С двух сторон псаля видны следы литейного шва, что может свидетельствовать в

пользу того, что форма, куда производилась заливка, состояла из двух частей. Металл с характерными для грубого литья порами и усадочными раковинами (пустоты, появляющиеся внутри или на поверхности отливки, вследствие уменьшения объема металла при затвердевании). В углублениях зигзагообразного орнамента сохранился отпечаток формовочной массы, скорее всего, песчаной или земляной. Заключение написано м.н.с. Отдела Востока Государственного Эрмитажа И.К.Малкиелем в результате визуального осмотра псалия.

Группа 5. Двудырчатые.

II/5а. Стержень цилиндрический, два отверстия в центре. Один конец изогнутый, другой уплощен. Измайловка 17.

II/5б. Пластинчатый с закругленными концами. Отверстия равноудаленные. Аличур II, курган 1.

Группа 6. Двутрубчато-шпеньковый.

Стержневидный изогнутый. По краям два трубчатых отверстия, перпендикулярных плоскости псалия. В центре псалия Т-образный выступ. Уйгарак 33.

Группа 7. Цельнолитые.

7а. Двухпетельчатый, петли широкие, ближе к концам, перпендикулярно плоскости псалия. Удила стремевидные строгие, прямоугольные с опушенной нижней планкой. Оба конца в виде копытца. Уйгарак 26.

7б. Двудырчато-петлевидные. С отверстиями в виде цилиндров и скобой (или отверстием?), перпендикулярной им. Один конец сплюснен, другой в виде копытца. Удила строгие, стремевидные, прямоугольные. Южный Тагискен 55.

Категория III. Железные.

Отдел 1. Трехдырчатые.

III/1. Пластинчатые, шириной 2 см, толщиной 0,5 см. Края украшены волнообразными золотыми лентами шириной до 3 мм и более. Тасмола V/3 и 6. 2 экземпляра.

Отдел 2. Двудырчатые.

III/2. Псалии в виде пластины, завершающиеся тесловидными уширениями и с двумя уширениями посередине с отверстиями. Аличур II, курган 3 [Литвинский 1972, с. 12]. Изображения нет.

Из 42 учтенных псалиев вместе с удилами найдено 28, остальные найдены без удили, из них 8 — с поселений эпохи бронзы и случайные находки. Кроме того, псалии без удили были найдены в разрушенном погребении 47 Южного Тагискена, в сохранившемся погребении Аличур II курган 1. В некоторых погребениях были найдены удила без псалиев — Уйгарак 25, 35, 41, 69, 70, 83, 84; Южный Тагискен 42, 65; Тасмола VI/2, выкладка 7 Кичи-ата. Но все эти погребения, кроме Кичи-ата, были разграблены, поэтому неясно — отсутствовали ли псалии первоначально. Может быть, псалии представляли собой большую ценность, нежели удила? Тем более что псалии оригинальны, а типы удили, найденные без псалиев, были и с псалиями. Но, конечно, не исключено использование мягких псалиев, т.е. прикрепление ремней оголовья прямо к удилам.

Сочетание различных типов удили и псалиев прослеживается не очень четко (см. ниже). Роговые конусовидные псалии сочетаются с удилами подтреугольными, строгими и нет (типы 1 и 7), с дополнительным отверстием (10г) и кольчатыми. Псалии роговые трехдырчатые (I/3а) и аналогичные им бронзовые (II/1а) соче-

тались с удилами подтреугольными, с упором в верхней планке, строгими (тип 5). Конусовидные скреплялись с удилами средним отрезком нашечного ремня. Трехдырчатые имели среднее большое отверстие, и, возможно, удила продевались в него, хотя, судя по изображению, они крупнее отверстия. Тогда, возможно, через это отверстие проходило два отрезка ремня, как в Аржане в Туве [Grjaznov 1984, с. 39, рис. 46], и связка была автономной, а нашечный ремень крепился за край стремячка. Псалий такого же типа (II/16) найден с подквадратными удилами в Сакар-Чага 6.

Сочетание удил и псалиев

Удила \ Псалии	1	2	3	5	6	7	8	9	10а	10в	10г	10г*	11	13а	13б
I/1а	У47														
I/16	ЮТ 40														
II/3в		У51													
II/16			Сч6												
II/1а				У50											
I/3а				У14											
II/3а					У45										
II/2б					У30										
II/2а					У28										
II/3г					ЮТ 36										
IIIа					Тасм V/3				Тасм V/6						
I/16						Тасм V/2									
I/1а						Тасм VI/1									
II/1е						Кам									
II/2в							Тасм I/19								
II/1в							Изм								
II/3д								ЮТ 44							
II/3е								Тюп							
II/6									У33						
II/1г										ЮТ 40					
II/1ж											К-а5				
II/4б											П/10				
I/1а											Тасм V/2				
II/1д											БП				
II/3б												БП			
II/5а													Изм		
I/1а														Тасм V/2	
II/4а															У66

У — Уйгарак, ЮТ — Южный Тагискен, СЧ — Сакар-Чага, Тасм. — Тасмола, Кам. — Камышинка, Изм. — Измайловка, Тюп — Иссык-Куль, К-а — Кичи-ата, П I — Памирская I, Б — Биже.

Следующие две группы — псалии напускные. Одни из них трехдырчатые с центральным отверстием, расположенным перпендикулярно двум другим, (II/2а-г) с удилами подпрямоугольными с упором (тип 6) или с опущенной нижней планкой (тип 8). Вторые, тоже напускные псалии, с центральной петлей и двумя боковыми отверстиями (II/3а-е) встречены с удилами строгими прямоугольными с упором, строгими прямоугольными (типа 6 и 2), строгими с дополнительным отверстием (тип 10г*), гладкими подквадратными с упором (тип 9). С такими же удилами были найдены псалии II/3е.

Трехпетельчатые псалии (II/4а-б) сочетаются с удилами с дополнительным отверстием (тип 10г) и овальными (13б). Двудырчатые псалии (II/5а) из Измайловки соединяются с удилами с большим дополнительным отверстием (11), двухтрубчато-шпеньковые псалии (II/6) с удилами с дополнительным отверстием (10а).

Цельнолитые удила и псалии. В Уйгараке 26 удила типа 2 или 6, псалии типа II/2б, в Южном Тагискене 55 удила типа 2, псалии близки типу II/3г.

Железные псалии IIIа найдены с удилами 1, 6 и 10а.

Помимо удили и псалиев в погребениях находились и другие предметы конской упряжи. Они тоже опубликованы, и я привожу просто краткую сводку.

Обоймы для перекрестья ремней оголовья. Исследователи выделяли низкоцилиндрические с выпуклым или плоским щитком, иногда с солярным знаком на щитке. И высокоцилиндрические с выпуклым щитком, со щитком с козырьком, клювовидные и крестовидные. Среди обоем есть также обоймы листовидной формы и с рельефным орнаментом. Единичны обоймы, где стойки слегка заходили под щиток. Они найдены в Тасмоле V/2 [Кадырбаев 1966, с. 323, рис. 15, 2-3] и Ферганском могильнике Дашти-ашт [Салтовская 1975, рис. 12, 5]. По мнению И.Н.Медведской, эти особенности обоем характерны для переходного периода от предскифского к скифскому [Медведская 1983, с. 75-76, рис. 3].

Обоймы были найдены во всех рассмотренных могильниках, а также в Памирском могильнике I, Харгуш II, курган 3 и Аличур II, курган 3 [Литвинский 1972, с. 62, 63, рис. 21, 4; 22, 6-8] и Семиреченском могильнике Джуван-тобе, курган 12 [Максимова 1960, с. 61, рис. 11, 12].

В уздечный набор входят также кольцевидные пронизи различного типа бляшек, основные из которых — дисковидные с изнаночной петлей и грибовидные, найденные во всех рассмотренных могильниках. Железные полусферические бляшки с золотой инкрустацией найдены только в Тасмоле [Кадырбаев 1966, с. 427, рис. 71-72]. Грибовидная бляшка с солярным знаком найдена в кургане 10 Памирском 1, как и в некоторых других могильниках. Из памирских могильников происходят разные бляшки, назначение которых не всегда устанавливается [Литвинский 1968, с. 60-68]. К уздечному набору относятся также ворворки разного типа.

Особо следует отметить предметы конской узда с зооморфными мотивами. Одно из них — бронзовое навершие с головками горных козлов из Биже, которые исследователи полагают прототипами наконечников оглобель [Акишев, Акишев 1978, с. 57-58]. Подобные изображения горных козлов известны в Тасмоле V/2 и других местах Казахстана [Акишев, Акишев 1978, рис. 7]. Но горные козлы лишь часть представителей фауны, встреченных на уздечной сбруе

саков. Наиболее распространены изображения кошачьего хищника — 16 экземпляров (всюду, кроме Памира) или льва (только в Южном Тагискене — 15 блях из одного кургана), затем кабана (кроме Уйгарака и Памира), единичные изображения оленя (нет в Тасмоле и Приаралье), горного козла (Уйгарака, Тасмола, Памир, Семиречье), хищной птицы и грифона (Уйгарака, Тасмола), головы верблюда (Уйгарака), волка и лося (Тасмола), медведя (только Памир), головы фантастических птиц (Сакар-Чага).

Почти все изображения единичны, за исключением двух сцен терзания. Реализм изображений и особенности исполнения отдельных черт (глаз, ухо) позволяют относить эти изображения к числу раннесакских (подробно на эту тему см. [Вишневская 1973; Вишневская, Итина 1977; Итина 1992; Итина, Яблонский 1997; Яблонский 1996; 1998]).

К конской упряжи относятся также подпружные пряжки. Наибольшее количество их в Уйгараке. О.А.Вишневская отмечала различные формы их крепления. Но они различны и по форме. 10 из них округлые с прямоугольной рамкой, парные, на одном всегда кнопка (курганы 12, 26, 38, 60, 70) (I группа по О.А.Вишневской). Близки к ним пряжки из кургана 47, но вместо рамки-петли плоский полукруг, а сзади выступ. Спереди же выступ в виде раздвоенного копыта (II группа по О.А.Вишневской). В кургане 51 — тоже округлые, но вместо рамочной петли — тоже округлый плоский выступ, но с прорезью, а по кольцу — треугольные выступы. (Почти полная аналогия — пряжка из кургана 45 Южного Тагискена.) Близка к ней пряжка из кургана 82, где на месте рамки-петли — фигура животного (лев?), а по кольцу рельефные парные линии. Необычны пряжки из кургана 7 — петля в виде фигуры животного, кургана 16 — по форме скорее сердцевидные, чем кольцевидные, в кургане 22 — ближе к овальным, в курганах 25 и 30 — продолговатые, слегка изогнутые. Некоторые из пряжек — в виде фигур животных — кошачьего хищника, протом козла, оленя. В кургане 27, 28, 30 есть «гарнитуры» разных деталей узды и сбруи одинаковой формы.

В Южном Тагискене — 15 пряжек. Из них 11 кольцевидных, но есть и иной формы. Дисковидно-овальные с шахматным узором (курган 49, в нем и бляшки с шахматным узором). В других рассмотренных могильниках пряжки только кольцевидные с рамочной петлей.

Вопросы датировки. В настоящее время основным датирующим материалом являются бронзовые наконечники стрел, классификация которых уже предлагалась исследователями [Литвинский 1972, с. 89–91; Акишев, Кушаев 1963, с. 113–121; Кадырбаев 1966, с. 376–380; Медведская 1972; 1980]. В последние годы датировка этих наконечников уточнялась и пересматривалась в связи с вопросом о хронологии предскифских и раннескифских памятников на обширной территории евразийских степей. Изложение сути этой проблемы имеется во многих работах [Медведская 1992; 1998; Полин 1998; Яблонский 1996, с. 35–42; Итина, Яблонский 1997, с. 46–53; Грязнов 1980]. Это избавляет меня от необходимости углубляться в этот вопрос. Полагаю, что датировка бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана наиболее убедительно рассмотрена И.Н.Медведской. В работах фигурируют и некоторые из рассматриваемых мною памятников. К ее датировкам обращается и Л.Т.Яблонский, наиболее полно осветивший вопросы культуры саков Приаралья.

В рецензии на книгу О.А.Вишневской Е.Е.Кузьмина, основываясь на новых датах РСК, предложила ряд курганов Уйгарака датировать не VII–VI вв. до н.э., а только VII в. до н.э. [Кузьмина 1975]. Из этих курганов в 51, 60 и 70-м есть принадлежности конской сбруи. Я предполагала, что все три кургана можно отнести к VIII–VII вв. до н.э. [Горбунова 1998]. Но в кургане 70, наряду с двумя трехперыми черешковыми наконечниками и обоймы с солярным знаком, найден трехперый втульчатый наконечник, что скорее ограничивает дату VII, а может быть, началом VI в. до н.э. В этих трех курганах были найдены псалии П-36 и удила 2 (кургана 51), удила 1 (курган 70) и 1 и 2 (курган 60). Остальные курганы Уйгарака, в которых есть конская сбруя, датируются О.А.Вишневской VII–VI вв. до н.э. (курганы 27, 28, 30, 33, 34, 45, 50, 66, 83) или VI в. до н.э. (курганы 14, 25, 26, 35, 41, 69, 84). Но многие из них датированы на основании конской сбруи, которая сама требует уточнения датировки.

В отношении наконечников стрел есть два заключения по поводу их комплексов. По И.Н.Медведской, «...если в комплексе с черешковыми трехлопастными наконечниками отсутствуют трехлопастные втульчатые, такие наборы надо датировать не позже VII в. до н.э.» [Медведская 1972, с. 8]. По Л.Т.Яблонскому, «...если в комплексе с черешковыми трехлопастными в наборе отсутствуют двулопастные втульчатые, нельзя исключать VI в. до н.э. как вероятное время существования такого набора» [Итина, Яблонский 1997, с. 50]. Исходя из этих двух гипотез, курганы, в которых есть только черешковые трехперые наконечники стрел, скорее можно относить к VII в. до н.э., в крайнем случае, если нет других датирующих предметов, к началу VI в. до н.э. В курганах 14 и 50, где найдены удила типа 5 и псалии типов П/1а и I/3а, есть по одному трехперому черешковому наконечнику (в кургане 50 есть еще кинжал, который может датироваться VII в. до н.э. [Хабдулина 1994, с. 53, табл. 55, 5], хотя VI в. до н.э. не исключен). В кургане 83 вместе с удилами типа 4 найдены три черешковых трехперых наконечника и крестовидная обойма, но есть и один трехперый втульчатый наконечник. Датировка его VII в. до н.э. последним фактом затруднена. В курганах 25, 41, 66 найдено по 1–2 трехперых черешковых наконечника стрел вместе с удилами типа 1 и 136 и трехпетельчатыми псалиями типа П/4а. В кургане 84, датированном И.Н.Медведской VIII–VII вв. до н.э. [Медведская 1972, с. 8], с удилами типа 7 найдены наряду с комплексом двуперых, трехперых и трехгранных черешковых наконечников три втульчатых трехперых. Кроме того, здесь найден клевец с железным обушком и бронзовой втулкой, с фигуркой птицы под бойком. Такой биметаллический клевец был найден в Ирмилере в Турции и датирован не позднее первой половины VII в. до н.э., хотя такие же имеются в ананьинской культуре [Курочкин, Субботин 1992, с. 59; Медведская 1992, с. 55–56, рис. 2]. Это довольно далекие аналогии, но, видимо, VII в. до н.э. для кургана 84 может быть принят. Существует точка зрения о том, что клевцы — бронзовые в Сибири и биметаллические в ананьинской культуре, Уйгараке и Ирмилере — могут свидетельствовать о передвижении или скифосакских племен [Курочкин, Субботин 1992], или саков в Малую Азию [Дударев 1998, с. 89]. Но конкретных данных о путях связи саков и населения Малой Азии нет.

В кургане 16 с удилами типа 13а (кольчатые) — три втульчатых трехперых наконечника, по которым О.А.Вишневецкая датирует его V в. до н.э. с допуском в VI в. до н.э.

Южный Тагискен. На основании набора наконечников стрел курганы 55 и 65 датированы концом VIII — началом VII в. до н.э. В кургане 55 — цельнолитые псалии, близкие к типу II/3г, и удила, близкие к типу 2. В кургане 65 — двое удил типов 1 и 2. Курган 42 датирован концом VIII — первой половиной VI в. до н.э. Четыре трехперых черешковых наконечника позволяют, видимо, остановиться на VII в. до н.э. Удила типа 1.

Тасмола V, курган 3. В позвоночнике погребенного черешковый трехгранный наконечник (как в кургане 66 Уйгарака). У головы западного коня удила типа 1. В зубах восточного коня удила типа 6 с остатками псалия типа IIIа. Датирован VII–VI вв. до н.э. Возможно, тоже ограничивается VII в. до н.э.

Памирская I, курган 10. Датирован А.Н.Бернштамом V–IV вв. до н.э., передатирован М.К.Кадырбаевым VII–VI вв. до н.э., И.Н.Медведской — концом VIII — началом VII в. до н.э. Набор наконечников стрел многообразен, преобладают двулопастные втульчатые. Удила типа 10г, псалии II/4б — трехпелльчатые.

Таким образом, определенная группа удил может относиться к более раннему времени в пределах раннесакского периода VIII–VI вв. до н.э., т.е. к концу VIII или VII в. до н.э. Это удила 1, 2, 5, 10г. Почти все они «строгие», кроме 10г. Удила типа 4 тоже «строгие», но найденные вместе со «скифскими» стрелами могут относиться к концу VII — началу VI в. до н.э. Необходимо также помнить об указанных выше случаях находок вместе удил разных типов. Эти находки свидетельствуют о том, что предложенная мной дробная классификация удил, в том числе и с учетом опущенной нижней планки, не очень работает. В этой связи стоит напомнить мнение К.А.Акишева и А.К.Акишева о том, что критерием определения разных типов узды может быть только псалий, но не удила [Акишев, Акишев 1978, с. 46].

По мнению И.Н.Медведской, существовали две традиции развития конструкции узды: «древневосточная» — смена подвижных напускных псалиев цельнолитыми звеньями удил и псалий и «евразийская» — морфологическое изменение удил и псалиев, изменение позиции псалия по отношению к удилам — стал продеваться в кольцо грызла, замена расстроенного ремня раздвоенным» [Медведская 1983, с. 71]. Автор имела в виду однокольчатые удила, распространенные на Древнем Востоке. В числе рассмотренных мною однокольчатых удил всего пять: 2 с Чустского поселения, 1 с Дальверзина, 1 из Уйгарака, 1 из Тасмолы и половина из Кайрак-кумов. На поселениях эпохи бронзы в Фергане, как уже указывалось, найдена форма для отливки трехдырчатых псалий (насколько можно судить по изданию, она была найдена в нижнем слое городища Дальверзина) [Заднепровский 1962, с. 16–17], роговые конусовидные и трубчатые одноплановые и двухплановые псалии. Все они датируются скорее всего не позднее VIII в. до н.э., хотя если эти находки из кроющих слоев, то могут быть и более поздними. Но, вероятно, это все же наиболее ранние типы псалиев и удил в Средней Азии. Исходя из этого, роговые трехдырчатые конусовидные псалии из кургана 47 Уйгарака, кургана 2 Тасмолы V, кургана 45 Южного Тагискена, а также трехдырчатые бронзовые псалии из кургана 50

Уйгарака, Сакар-Чага 6 курган 33, Измайловка, Биже II, Южный Тагискен 40, Камышинка, т.е. псалии типов I/1a,б, II/1a-е, можно отнести тоже к числу ранних в пределах второй половины VIII — VII в. до н.э. Они найдены с удилами типов 1, 5, 3, 8, 10в, 10г — все стремеvidные, но 1, 5, 3 — «строгие» и имеют либо прямую, либо опущенную нижнюю планку (тип 8 такой же, но не строгий), либо упор, либо дополнительное отверстие, т.е. многие типы удил функционировали в это время, включая, очевидно, и кольчатые с поселений эпохи бронзы. К этой группе псалиев можно отнести, видимо, единственные псалии из согнутой пластинки из Кичи-ата (тип II/1ж), три трехпетельчатых псалия: 2 из Памирской 1 (тип II/4б) и один из Уйгарака 6б (тип II/4а) с удилами 13б и 10г.

Наибольшая группа псалиев — это напускные. Они сочетаются с удилами типа 6 — четыре раза, 9 — два раза, 8, 2 и 10г — по одному разу. Напускные псалии известны в Иране и Закавказье, где они датируются не позднее VIII в. до н.э. [Медведская 1983, с. 62; Мартиросян 1964, с. 144–146, 212–219]. Но в указанных районах тип этих псалиев иной, псалиев с центральной петлей там нет, удила не стремеvidные, а большей частью кольчатые. Принцип узды с напускными псалиями, независимо от центрального отверстия или петли, — один. Расстроенный ремень оголовья крепится в боковых отверстиях, а центральный к удилам, строго удерживающимся в петлях или отверстиях. Датировка напускных псалиев тоже, должно быть, ранняя, так как разноплановые отверстия были и у псалиев с поселений эпохи бронзы. По-видимому, вторая половина VIII — VII в. до н.э. реальны.

Цельнолитые удила и псалии из кургана 55 Южного Тагискена, как уже отмечалось, относятся к VIII–VII вв. до н.э. Цельнолитые же удила и псалии из кургана 26 могильника Уйгарак датированы VI в. до н.э., так как в нем был найден железный кинжал с бабочковидным перекрестьем, но с разрушенным навершием. Может быть, можно предположить, что данный кинжал является вариантом раннего типа такого кинжала? Датировать такой же цельнолитой комплект естественно так же, как он датирован в Южном Тагискене. Цельнолитые удила и псалии известны в Передней Азии VIII–VII вв. до н.э. [Медведская 1983, с. 63]. Считается, что их появление на Северном Кавказе и других местах связано с влиянием Передней Азии и Закавказья [Медведская 1983; Вальчак 1993, с. 27–28]. По мнению С.Б.Вальчака, появление цельнолитых комплектов на Северном Кавказе может быть отнесено к концу VIII — первой половине VII в. до н.э. Период бытования их ограничен скорее всего временем до середины VII в. до н.э. [Вальчак 1993, с. 27]. Однако существует мнение, что они бытовали и позже [Potratz 1966, с. 124]. По мнению И.Н.Медведской, цельнолитые комплекты появляются несколько позже напускных, но существуют дольше. Судя по рассмотренным материалам, они либо сосуществовали, либо были очень близки хронологически. Вероятно, они тоже заимствованы из Передней Азии, но заимствован только принцип, так как тип приаральских комплектов совсем иной и явно использованы местные типы удил и псалиев.

Двудырчатые псалии из Измайловки датированы Л.С.Марсадоловым VII в. до н.э. [Марсадолов 1998, рис. 1, 9]. Аличурское погребение не датировано

Б.А.Литвинским, но найденные в нем сосуд, железный клевец, ножи и шило позволяют определить его дату в пределах VII–VI вв. до н.э.

Двудырчато-шпеньковый псалий из Уйгарака 33 датируется по алтайским аналогиям VII–VI вв. до н.э. [Марсадолов 1998, с. 8, рис. 1, 12].

Таким образом, получается следующая хронологическая шкала: VIII — начало VII в. до н.э. — бронзовые трехдырчатые псалии, конусовидные и трубчатые роговые и костяные. По-видимому, к наиболее ранним (VIII в. до н.э.) относятся те, что найдены на поселениях эпохи бронзы в Фергане и, вероятно, сочетались с однокольчатыми удилами. Но в связи с последними встает вопрос: а как же быть с кольчатыми удилами в Уйгараке 16, найденными со скифскими стрелами? Либо это второй этап появления однокольчатых, после господства стремевидных, либо был период их сосуществования, зафиксированный в Тасмоле V/2, аналогичный сосуществованию разных типов удил в Туве [Грязнов 1980; Grjaznov 1984]. Можно предположить, что стремевидные удила появились в какой-то период с Востока (Алтай, Тува) и прервали линию однокольчатых удил, которая потом опять возобновилась. Но при этом надо отметить, что в рассмотренных мною могильниках строгих удил явно больше, чем в указанных районах. Этот вопрос пока остается открытым.

Продолжая хронологическую шкалу, отметим, что следующая группа напускных псалий и стремевидных удил — разных вариантов. Они тоже относятся к VIII–VII вв. до н.э., но, пожалуй, ближе к VII в., как и цельнолитые. Позднее, к VII–VI вв. — двудырчатые и двудырчато-шпеньковый (встречается редко и на рассматриваемой территории, и восточнее). Удила определенно стремевидные.

Почти все принадлежности конской сбруи, рассмотренные в этой статье, оригинальны по форме, хотя такие предметы, как уже отмеченные роговые псалии и бронзовые трехдырчатые и трехпетельчатые, известны во всем ареале предскифской и раннескифской культуры. Остальные бронзовые псалии практически не повторяются и внутри рассмотренной территории. Сходство же с ними находим больше на востоке, с алтайскими и тувинскими, нежели с причерноморскими и кавказскими. Только в «среднеазиатско-казахстанском» регионе есть напускные псалии, свидетельствующие о связях с Ираном, так же как и цельнолитые комплекты, указывающие на связь и с Ираном, и с Кавказом. Даже такие детали, как грибовидные бляшки и бляшки с изнаночной петлей, подпружные пряжки, сближают рассмотренные памятники с памятниками восточного ареала скифской культуры. Таким образом, весь комплекс конской сбруи «среднеазиатско-казахстанского» региона является оригинальным и определяет границы культуры каких-то племен сакского круга, близких к населению восточных районов скифского мира. Несмотря на то что конская упряжь, как и оружие, является быстро распространявшимися предметами, в отличие, скажем, от керамики, которая более локальна, мне кажется, что удастся и на деталях конской сбруи выявить ее локальные черты.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Акишев, Акишев 1978 — *Акишев А.К., Акишев К.А.* Проблемы хронологии раннего этапа сакской культуры. — Археологические памятники Казахстана. А.-А.
- Акишев, Кушаев 1963 — *Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. А.-А.
- Арсланова 1974 — *Арсланова Ф.Х.* Новые материалы VII-VI вв. до н.э. из Восточного Казахстана. — Древняя Сибирь. Бронзовый и железный век Сибири. Вып. 4. Новосибирск.
- Бернштам 1949 — *Бернштам А.Н.* Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. — СА. № XI, М.-Л.
- Бернштам 1950 — *Бернштам А.Н.* Чуйская долина. — МИА. № 14.
- Бернштам 1952 — *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. — МИА. № 26.
- Вальчак 1993 — *Вальчак С.Б.* О некоторых цельнолитых уздечных комплектах предскифского времени на юге Восточной Европы. — Граковские чтения на кафедре археологии МГУ. 1989-1990. М.
- Вишневская 1973 — *Вишневская О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. М.
- Вишневская, Итина 1977 — *Вишневская О.А., Итина М.А.* Ранние саки Приаралья. — Проблемы скифской археологии. — МИА. № 177.
- Горбунова 1998 — *Горбунова Н.Г.* Ранние саки Центральной (Средней) Азии. — Тр. Междуна. науч. конф. «Древние цивилизации Евразии. История и культура». М.
- Грязнов 1947 — *Грязнов М.П.* Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. — КСИИМК. Вып. XVIII.
- Грязнов 1956 — *Грязнов М.П.* Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. — КСИИМК. Вып. 61.
- Грязнов 1980 — *Грязнов М.П.* Аржан — царский курган раннескифского времени. М.
- Дударев 1998 — *Дударев С.Л.* К вопросу о месте «киммерийских» комплексов из Западной Азии в составе хронологических и культурных связей Причерноморья, Кавказа и восточных районов Евразии. — ВДИ. № 4.
- Заднепровский 1962 — *Заднепровский Ю.А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА. № 118. М.-Л.
- Заднепровский 1997 — *Заднепровский Ю.А.* Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек.
- Иессен 1953 — *Иессен А.А.* К вопросу о памятниках VIII-VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР. — СА. № XVIII. М.
- Итина 1992 — *Итина М.А.* 1992. Ранние саки Приаралья. — Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Сер. Археология СССР. М.
- Итина, Яблонский 1997 — *Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Саки нижней Сырдарьи. М.
- Кадырбаев 1966 — *Кадырбаев М.К.* Памятники тасмолинской культуры. — Древняя культура Центрального Казахстана. А.-А.
- Кадырбаев 1968 — *Кадырбаев М.К.* Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана. — Новое в археологии Казахстана. А.-А.
- Кузьмина 1975 — *Кузьмина Е.Е.* [Рец. на:] *Вишневская О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи VII-V вв. до н.э. — СА. № 2.
- Курочкин, Субботин 1992 — *Курочкин Г.Н., Субботин А.В.* Боевые чеканы (клевы) с головкой хищной птицы между бойком и втулкой в азиатской и европейской частях скифского мира (К проблеме происхождения и распространения). — Античная

- цивилизация и варварский мир (Материалы III археологического семинара), часть II. Новочеркасск.
- Литвинский 1968 — *Литвинский Б.А.* Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время (Бронзовые топоры. Кинжалы. Наконечники стрел). — МКТ. Вып. 1. Душ.
- Литвинский 1972 — *Литвинский Б.А.* Древние кочевники «Крыши мира». М.
- Литвинский, Окладников, Ранов 1962 — *Литвинский Б.А., Окладников А.О., Ранов В.А.* Древности Кайрак-кумов. Душ.
- Максимова 1960 — *Максимова А.Г.* Курганы сакского времени могильника Джувантобе. — КСИИМК. Вып. 80.
- Марсолов 1998 — *Марсолов Л.С.* Основные тенденции в изменении форм уди, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII–V вв. до н.э. — Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул.
- Мартirosян 1964 — *Мартirosян А.А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ер.
- Медведская 1972 — *Медведская И.Н.* Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана. — СА. № 3.
- Медведская 1980 — *Медведская И.Н.* Металлические наконечники стрел Переднего Востока и Евразийских степей II — первой половины I тысячелетия до н.э. — СА. № 4.
- Медведская 1983 — *Медведская И.Н.* Конский убор из могильника Сиалк В. — *Extrait d'Iranica Antiqua. Vol. XVIII. Leiden.*
- Медведская 1992 — *Медведская И.Н.* Периодизация скифской архаики и Древний Восток. — СА. № 3.
- Полин 1998 — *Полин С.В.* О хронологии раннескифской культуры (по И.Н.Медведской). — СА. № 4.
- Рузанов 1998 — *Рузанов В.Д.* Новые данные о датировке Дальверзина и Чуста (по материалам типологического и химического исследования металлических изделий). — Тр. Междунар. конф. «Древний Ош в среднеазиатском контексте». Ош.
- Сабурова, Ягодин 1964 — *Сабурова М.А., Ягодин В.Н.* Питейная форма из Хорезма. — СА. № 1.
- Салтовская 1975 — *Салтовская Е.Д.* Некоторые новые материалы о «ферганских кочевниках». — УСА. Вып. 3.
- Смирнов 1961 — *Смирнов К.Ф.* О древних всадниках поволжско-уральских степей. — СА. № 1.
- Спришевский 1958 — *Спришевский В.И.* Чустское поселение эпохи бронзы (Раскопки 1955 г.). — КСИИМК. Вып. 71.
- Табалдиев 1996 — *Табалдиев К.Ш.* Новые сведения из области древней и материальной культуры сакского времени Тянь-Шаня. — Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек.
- Ташбаева 1996 — *Ташбаева К.И.* Археологические комплексы ранних кочевников Тянь-Шаня. — Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек.
- Тереножкин 1958 — *Тереножкин А.И.* Бронзовый псалий с городища Кюзели-гыр в Хорезме. — КСИЭ. № XXX.
- Тереножкин 1971 — *Тереножкин А.И.* Дата мингечаурских уди. — СА. № 4.
- Указатель памятников Императорского Российского исторического музея. 1893. М.
- Хабдулина 1994 — *Хабдулина М.К.* Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы.
- Шульга 1998 — *Шульга П.И.* Раннескифская упряжь VII — нач. VI в. до н.э. по материалам погребения на реке Чарыш. — Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул.
- Эрлих 1954 — *Эрлих В.Р.* У истоков раннескифского комплекса. М.
- Яблонский 1996 — *Яблонский Л.Т.* Саки Южного Приаралья. М.

Яблонский 1998 — Яблонский Л.Т. Звериный стиль ранних скотоводов Приаралья в хронологическом аспекте. — Тр. конф. «Скифы, хазары, славяне, древняя Русь. К 100-летию со дня рождения М.И.Артамонова». СПб.

Grjaznov 1984 — Grjaznov M.P. Der Groszkurgan von Arzan in Tuva, Südsibirien. — Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Bd. 27, München.

Potratz 1966 — Potratz J.A.H. Die Pferdetränken des Alten Orient. Rome.

RV — Reallexikon der Vorgeschichte. Hrsg. Max Ebert. Bd. 13, Taf. 92A:C.

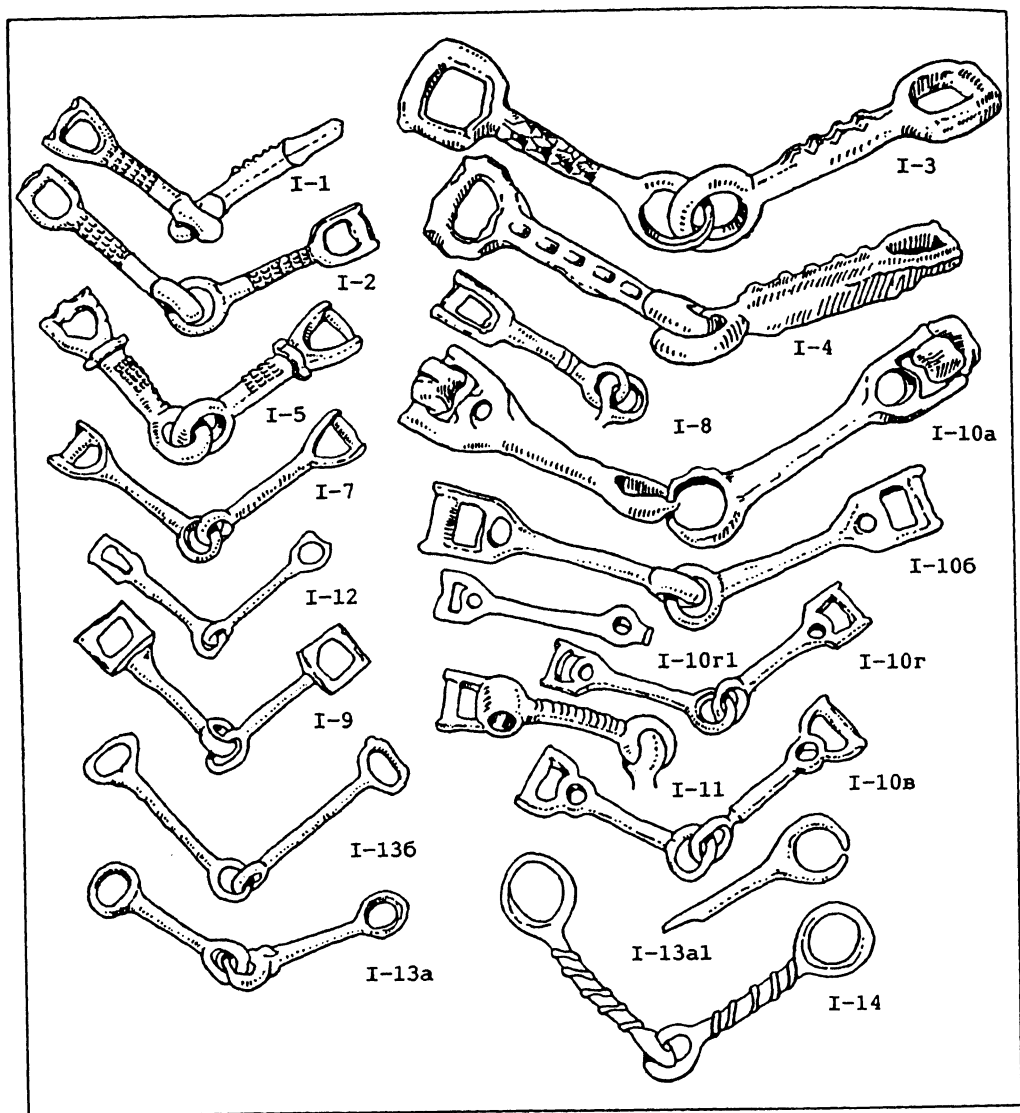

Рис. 1
Удила. Бронза

I-1 — Уйгарак 47; I-2 — Уйгарак 51; I-3 — Сакар-Чага 6 курган 33; I-4 — Уйгарак 83; I-5 — Уйгарак 14; I-6 — см. рис. 2 (вместе с псалиями); I-7 — Тасмола V-2; I-8 — Измайловка 17; I-9 — Южный Тагискен 44; I-10a — Тасмола V-6; I-10b — Кичи-ата 7; I-10r — Южный Тагискен 40; I-10r1 — Тасмола V-2; I-10r1 — Биче II; I-11 — Измайловка 17; I-12 — Джуван-тобе; I-13 — Тасмола V-2; I-13a1 — Чуст; I-13b — Уйгарак 66; I-14 — Хорезм

Уйгарак по О.А.Вишневской, Сакар-Чага по Л.Т.Яблонскому, Тасмола по М.К.Кадырбаеву, Измайловка по А.С.Ермолаевой, Южный Тагискен по М.А.Итиной и Л.Т.Яблонскому, Кичи-ата по К.Ш.Табалдиеву, Биче по А.К. и К.А. Акишевым, Джуван-тобе по А.Г.Максимовой, Хорезм по М.А.Сабуровой и В.Н.Ягодину, Чуст по А.И.Тереножкину

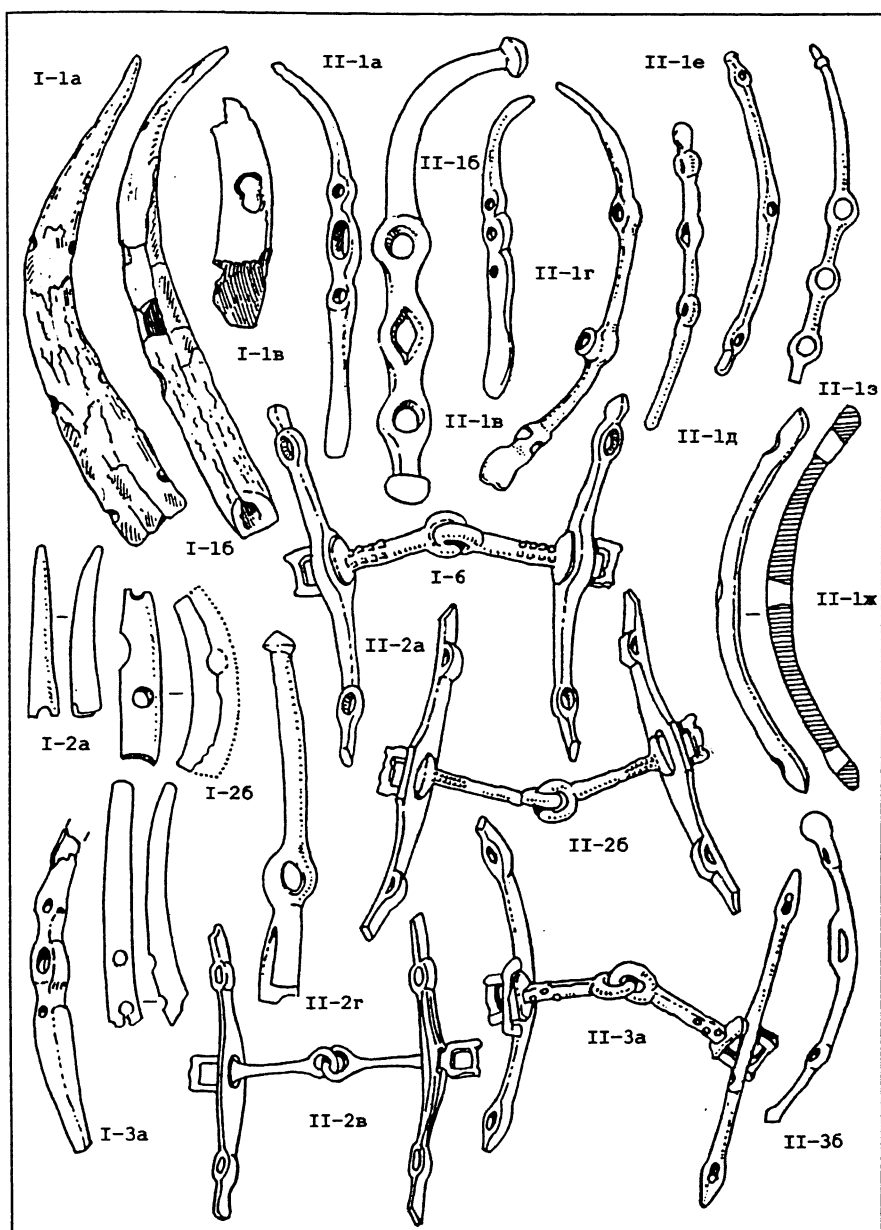

Рис. 2
Псалии и удила

I-1a — Уйгарак 47; *I-16* — Южный Тагискен 45; *I-1b* — Дальверзин; *I-2a* — Чуст; *I-26* — Чуст; *I-3a* — Уйгарак 14; *II-1a* — Уйгарак 50; *II-16* — Сакар-Чага 6 33; *II-1b* — Измайловка 17; *II-1r* — Южный Тагискен 40; *II-1d* — Биже II; *II-1e* — Камышинка; *II-1ж* — Кичи-ата 5; *II-1з* — Дальверзин; *II-2a* — Уйгарак 28 (*I-6* — удила); *II-26* — Уйгарак 30; *II-2в* — Тасмола I-19; *II-2r* — Кювели-Гыр; *II-3a* — Уйгарак 45; *II-36* — Биже I

Уйгарак по О.А.Вишневской, Южный Тагискен по М.А.Итиной и Л.Т.Яблонскому, Дальверзин по Ю.А.Заднепровскому и А.И.Тереножкину, Чуст по А.И.Тереножкину, Сакар-Чага по Л.Т.Яблонскому, Измайловка по А.С.Ермолаевой, Камышинка по Ф.Х.Арслановой, Биже по А.К. и К.А. Акишевым, Кичи-ата по К.Ш.Табалдиеву, Тасмола по М.К.Калдырбаеву.

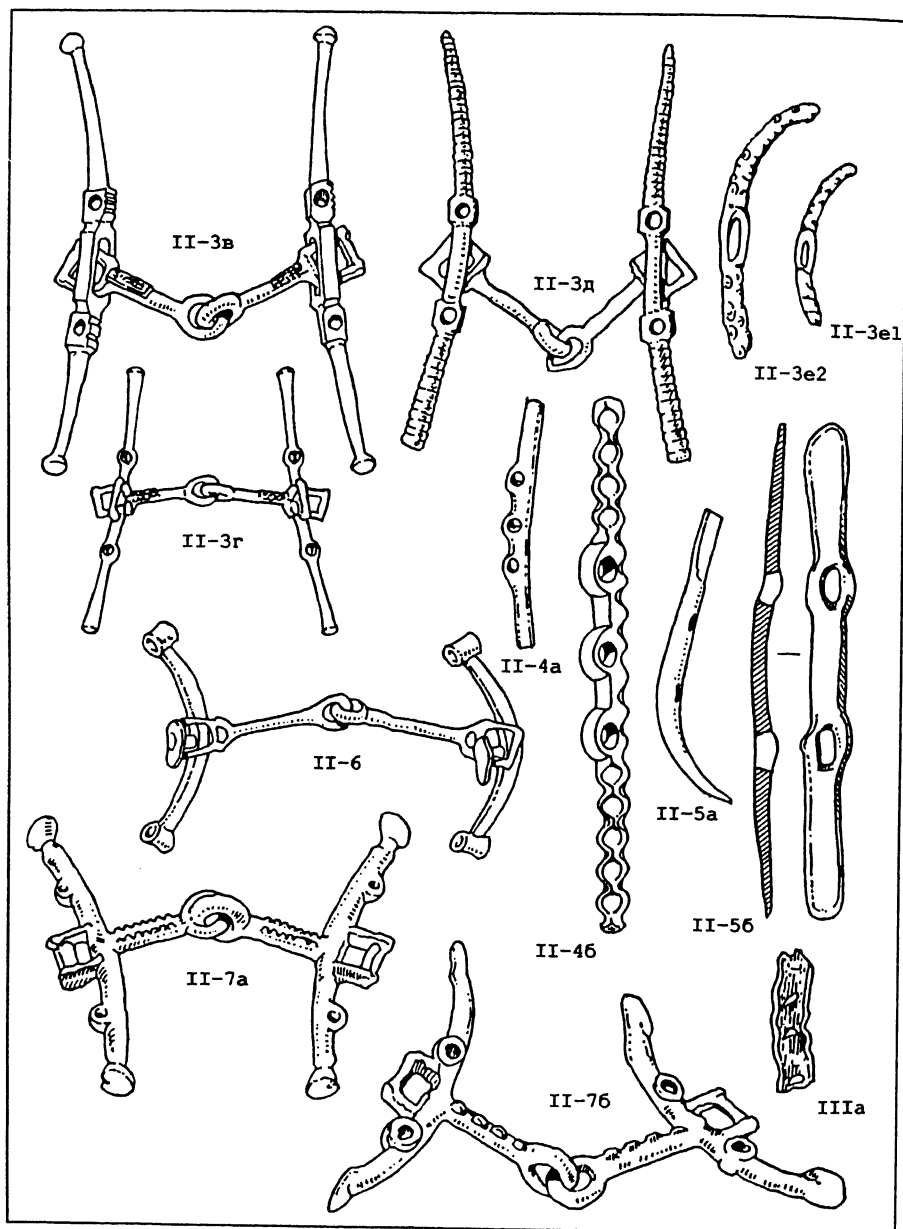

Рис. 3
Псалии и удила

II-3в — Уйгарак 51; II-3г — Южный Тагискен 36; II-3д — Южный Тагискен 44; II-3е1, II-3е2 — Тюпская находка; II-4а — Уйгарак 66; II-4б — Памирская I-10; II-5а — Измайловка 17; II-5б — Аличур II-1; II-6 — Уйгарак 33; II-7а — Уйгарак 26; II-7б — Южный Тагискен 55; IIIа — Тасмола V-3 и 6. II-3в — II-7 — бронза, IIIа — железо

Уйгарак по О.А.Вишневской, Южный Тагискен по М.А.Итиной и Л.Т.Яблонскому; Тюп — II-3е1 по А.Н.Бернштаму; II-3е2 по Потратцу; Памирская I — исправлен по оригиналу, хранящемуся в Эрмитаже; Измайловка по А.С.Ермолаевой; Аличур по Б.А.Литвинскому; Тасмола по М.К.Кадырбаеву.

Antonio Invernizzi

THE CITADEL OF PARTHIAN NISA

Research in the royal Arsacid citadel of Old Nisa is far from having reached its conclusion. However, the considerable amount of evidence known today makes it possible to reconsider in a clearer light the results of the excavations carried out by the JuTAKE under the direction of M.E.Masson.¹ These results were extraordinary as far as the architecture, art, handicrafts, and economy of the early Arsacids are concerned, but remained largely unpublished. Those of the investigations subsequently carried out under the direction of V.M.Masson, V.N.Pilipko, G.A.Košelenko and myself confirm or complete the evidence available at that time.²

As for the architecture, the buildings excavated show features belonging to a culture that has deep roots in Central Asia, and obviously not only from the technical point of view. The layouts of the individual monumental buildings give a highly original version of patterns which were possibly in common use there. The Square Hall may recall features that were widespread in Achaemenid palace architecture, but the important role played by the lantern ceiling as reconstructed by G.A.Pugačenkova shifts the formal balance in favour of the local tradition, in spite of its Hellenizing architectural decoration.³ Even more original are the solutions shown in the layout and elevation of the Temple-Tower and the Round Hall, for which we do not have any precise analogues, today.

¹ Only preliminary notes are available in the "Kratkaja Hronika" of the individual volumes of *Trudy JUTAKE*.

² V.N.Pilipko, *Staraja Nisa. Zdanie s kvadratnym zalom*, Moskva 1996. V.M.Masson's excavations are still unpublished; those by G.A.Košelenko are being printed in Italy. For the last excavations see A.Invernizzi, G.A.Košelenko, "Soviet-Italian Excavations in Old Nisa (season 1990)", *Mesopotamia*, XXV (1990), 47–50; A.Gabutti, "The Italian Excavations in Old Nisa: The Northern Corner of the Round Hall Complex", *Mesopotamia*, XXXI (1996), 161–177; P. Mollo, "The Italian Excavations at Old Nisa: The Round Hall", *Mesopotamia*, XXXI (1996), 179–188; A.Invernizzi, "Archaeological Research in Old Nisa 1990–1994", in *La Persia e l'Asia Centrale da Alessandro al X secolo*, Atti dei Convegni Lincei 127, Roma 1996, 237–249; A.Invernizzi, "New Archaeological Research in Old Nisa, 1990–1991", in *The Art and Archaeology of Ancient Persia. New Light on the Parthian and Sasanian Empires*, ed. by V.Sarkhosh Curtis, R.Hillenbrand, J.M.Rogers, London New York 1998, 8–13; A.Invernizzi, "Parthian Nisa. New lines of research", in: Josef Wiesehöfer (Hg.), *Das Partherreich und seine Zeugnisse*, Beiträge des Internationalen Colloquiums, Eutin (27.–30. Juni 1996), Historia Einzelschriften, 122, Stuttgart 1998, 45–59.

³ G.A.Pugačenkova, *Puti razvitija arhitektury Južnogo Turkmenistana pory rabovladienija i feodalizma*, Trudy JuTAKE 6, Moskva 1958.

As for the Round Hall, in particular, the inspiration drawn from a Hellenistic model proposed by G.A.Pugačenkova in her famous reconstruction⁴ can no longer be accepted today. The construction technique—ring of masonry inscribed in a square perimeter—is certainly local, and the shape of the space has a distinctly Oriental flavour, for a careful survey of the still standing masonry shows that the room was not covered by a hemispherical dome on a cylindrical drum, but by an elliptical dome rising directly from the floor. Moreover, this vault shape does not leave any space for heavy columns in the upper band of the drum. It is even very doubtful whether similar columns were ever erected in the interior of the hall, for there are no traces of bases on the floor.

On the other hand, the large columns attested to by the bricks of shafts and the acanthus leaves of capitals found in the filling of the Round Hall are unlikely to have decorated the exterior of the building at ground level: the fair state of preservation of the exterior masonry, protected by later additions, rules out the existence of a portico of free-standing columns as well as that of a row of half-columns leaning onto the facade. The fragments of columns and capitals found inside the Hall may actually have never belonged to it, and possibly fell into the room from the upper floor of one of the neighbouring buildings, perhaps from the small temple erected on the top of the Tower, after the vault of the Hall partly collapsed. The details of architectural decoration which are scattered everywhere in Old Nisa, even in places which cannot have been decorated with such architectural features, remind us that such fragments may come to lie far from their original place. However, it is quite reasonable that columns or possibly half-columns decorated the upper floor of the exterior on its free sides. This latter conclusion seems to be suggested by the reconstructive study carried out by N.Masturzo.

Among the monumental buildings of Old Nisa we must undoubtedly include the Square House (Fig. 1), which only in the course of time was turned into that extraordinary store-house of precious objects revealed by the excavations, a Treasury indeed.⁵ Its square layout may once again remind us of features of imperial Achaemenid architecture. However, today we know that the great Central Asian tradition based on monumental square layouts has deep roots in pre-Achaemenian times. Moreover, with respect to the Achaemenian models, especially of the West, the formal definition of this pattern seems rather original, in the way a series of modular rooms is placed around the central courtyard. A fairly close analogue may be found in pre-Hellenistic Central Asia in the Bactrian farmhouse at Kyzylcha-tepe (Fig. 2) dating from the 7th–4th centuries B.C.⁶

The Square House also attracts attention for being the widest construction of the whole compound. In spite of its very linear layout and extremely simple, undecorated elevation, we can hardly imagine that it was conceived for the purely utilitarian aims of service to which its subsequent architectural phases attest. On the other hand, the

⁴ Pugačenkova 1958, colour pl. facing p. 104.

⁵ Of this precious material, only the ivory rhytons were systematically published by M.E.Masson and G.A.Pugačenkova, *Parfjanskije ritony Nisy*, Trudy JuTAKE IV, Ašhabad 1959; Al'bom illjustracii, Moskva 1956 (English translation: *The Parthian Rhytons of Nisa*, Firenze 1982). A full study of the small metal sculptures is in press: A.Invernizzi, *Sculture di metallo da Nisa. Cultura greca e cultura iranica in Partia*, Acta Iranica, Leuven 1999.

⁶ A.S.Sagdullaev, "Raskopki drevnebaktrijskoj usad'by Kyzylča 6", *Sovetskaja Arheologija*, 1980:2; G.A.Košelenko, ed., *Drevnejšie gosudarstva Kavkaza i Srednej Azii*, Arheologija SSSR, Moskva 1985, 189, pl. 63:B.

remaining service buildings, and in particular the wine cellars placed close to it, do not seem to belong to the original layout of the citadel. These structures and the internal modifications which the Square House underwent only prove that at a given moment the northern corner of the citadel was selected for various storing purposes. However, it is unlikely that this was the function for which the Square House was originally built.

Quite the contrary: its great size and monumentality are likely to be the result of very different requirements. First of all, it must be observed that the Square House is the most capacious building in the citadel: not only are the individual rooms of considerable size, but the large courtyard is itself a quite notable space. It must also be said that, if the hypothesis is correct that the main entrance to the citadel was in the western side of the ramparts, roughly on the line of the difference in level between the northern sector, later turned into a service area, and the southern sector, housing complex dwelling, service and representative activities, among the monumental buildings of the compound the Square House is the most easily accessible to anybody coming in from outside.

These features, capacity and accessibility, at first sight distinguish the Square House from the official spaces of the southern sector, where on the one hand only a few people were certainly admitted to the probably religious ceremonies performed on the summit of the Temple-Tower, while on the other hand the relatively reduced size of the Square Hall and Round Hall do not make these spaces suitable for the performance of ceremonies involving a considerable number of people.

The function of these spaces is not certain.⁷ However, whatever its specific purpose was, the Square Hall seems suitable to play the role of main representative hall of the southern compound because of the magnificent sculptural and architectural setting it maintained in both phases of its existence, and because, of the three monumental buildings so far excavated in the southern sector, it is the closest to the citadel entrance. In the Square Hall the king may have given restricted audiences. Here, in what is apparently the most lavishly decorated room of the citadel, he may have appeared to his courtiers and subjects in full majesty.

By comparison, the very simple though grand and majestic space of the Round Hall has a decidedly more intimate appearance (Fig. 3). This room is also remote from the outer entrance to the citadel, and, in spite of its three entrances, access to it was not easy. Its main entrance is in the southern side, on the open area at the back of the monumental complex. Later, even the feasibility of a direct communication from the remaining buildings of this complex was removed by blocking the two northern passages and turning them into deep recesses. At that time, the western recess was provided with a basin on the floor, which seems to support the sacral interpretation given to the Hall. It is actually possible that the great round space was a kind of mausoleum in some way celebrating the glory of Arsacid kingship.

Therefore, it is clear that every building had its own special function and housed specific ceremonies. There is, however, no doubt that Nisa was not only an ideally representative centre, but an organism actually lived in by the sovereigns and, in their absence, maintained in efficient working order by an active royal administration. In the life of this organism the Square House, too, must have originally played a specific role. Which role this was, can be suggested by its internal setting itself: it must be

---

⁷ For a general presentation see G.A. Košelenko, *Rodina Parfjan*, Moskva 1977.

stressed that this is the sole monumental building in Nisa provided with a stable fixed setting, which of course was functional to its normal use: benches of clay placed around the walls of the rooms. On these benches the excavators found some of the precious articles deposited there, once they were withdrawn and the building turned into a store-house.

However, the aim for which these benches were originally constructed was undoubtedly quite different. Their purpose was probably that of permitting the celebration of court banquets, which in the Oriental and classical worlds were carried out in a lying, not in a sitting position. The public banquet was a ceremony of fundamental social importance in the Greek polis, as well as in the Hellenistic courts and religious communities of the Mediterranean and the Near East. We know very little of life at Oriental courts, but banquets must have been common practice, and in the Iranian world the religious toasts represented in Scythian art are particularly significant in this respect.

The Hellenistic age offers good evidence of rooms, even entire buildings, expressly built for banquets, in courts as well as in sanctuaries.⁸ The Macedonian palace at Vergina (Fig. 4) is a particularly clear example: its entire ground floor served mainly for celebrating banquets by groups of table-companions lying on *klinai* placed in rooms of similar layout, arranged around the large central courtyard. Even more regular is the pattern of the Leonidaion at Olympia (Fig. 5). This is exactly the same principle and the same type of layout as we find in the Square House of Nisa, where the banquet rooms are rectangular instead of square and, following local custom, contain brick benches instead of movable beds.

The banquet was a central feature in the practice of Macedonian and Hellenistic kingship; we may rightly expect that it was an equally important practice for the Arsacids, especially in Hellenistic times. No matter about its lay or sacral nature, banquets may well have been of such fundamental importance at Nisa as to require the construction of a special building, under the stimulus of Hellenistic fashion but according to Oriental architectural practice.⁹ Later, during the A.D. centuries, performing banquets at Nisa probably fell into desuetude, and the banquet house of the old citadel was turned into a storeroom for precious objects. Therefore, the spectacular rhytons carved in ivory, once discarded, came to be laid precisely on one of those benches on which they once may have served royal guests. In earlier times, however, complete sets of these special drinking vessels may well have been used at formal banquets carried out in the Square House. Pugačenkova's reconstruction of one room of this House (Fig. 6) may also give us a fairly precise idea of their use here.

---

⁸ See W.Hoepfner, "Zum Typus der Basileia und der königlichen Andrones", in: W.Hoepfner, G.Brands, eds., *Basileia. Die Paläste der hellenistischen Könige*, Internationales Symposion in Berlin vom 16.12 bis 20.12.1992, Schriften des Seminars für Klassische Archäologie der Freien Universität Berlin, Mainz 1996, 1–43.

⁹ For a full discussion see A. Invernizzi, "The Square House at Old Nisa", in: A.Invernizzi, ed., *In altera parte Orientis*, in press.

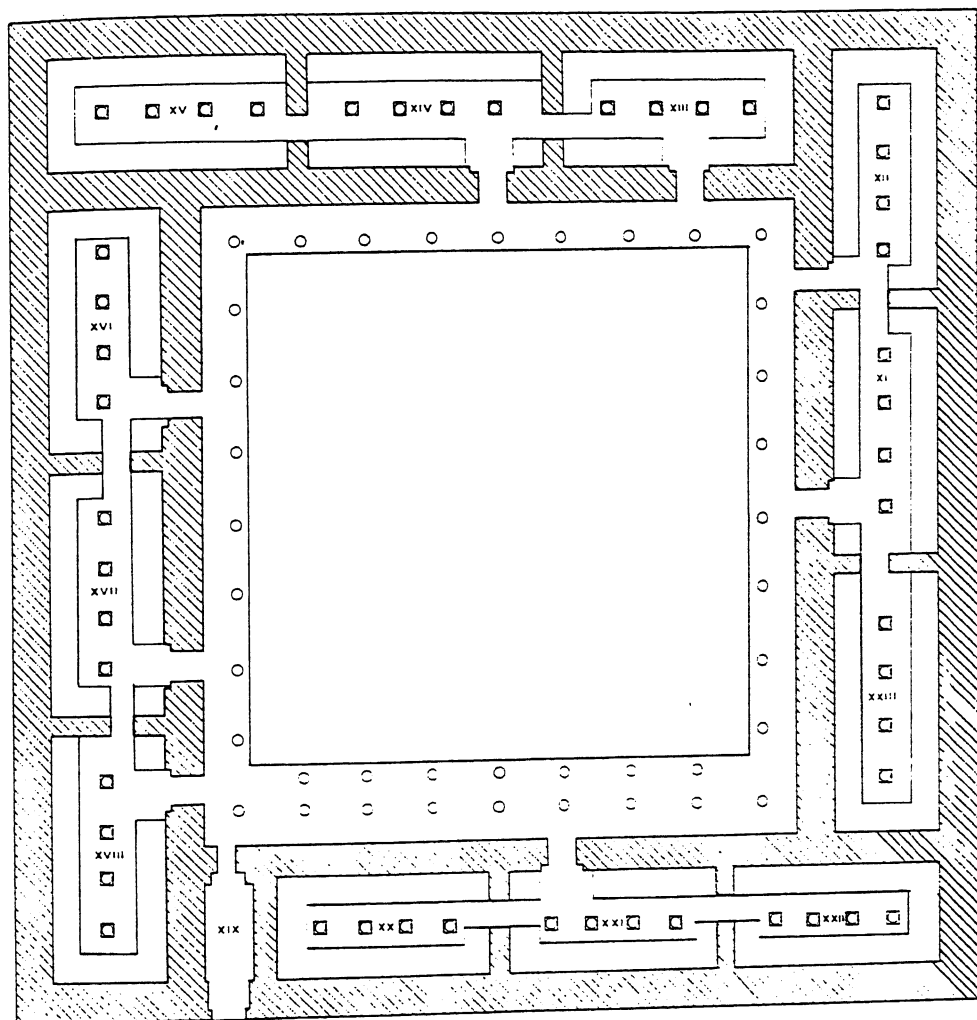

Fig. 1
Old Nisa: plan of the Square House

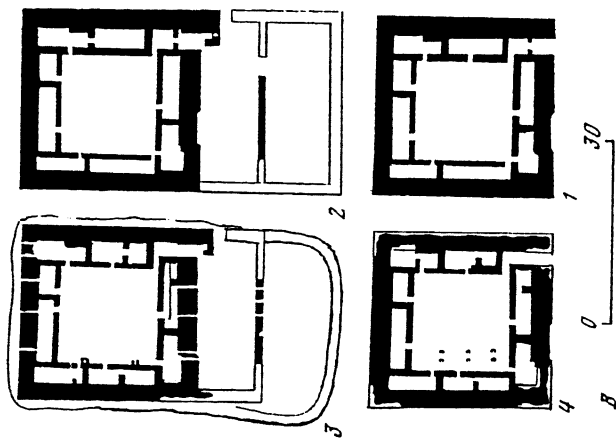

Fig. 2
Kyzylcha-tepe in Bactria: plan of the farm-house

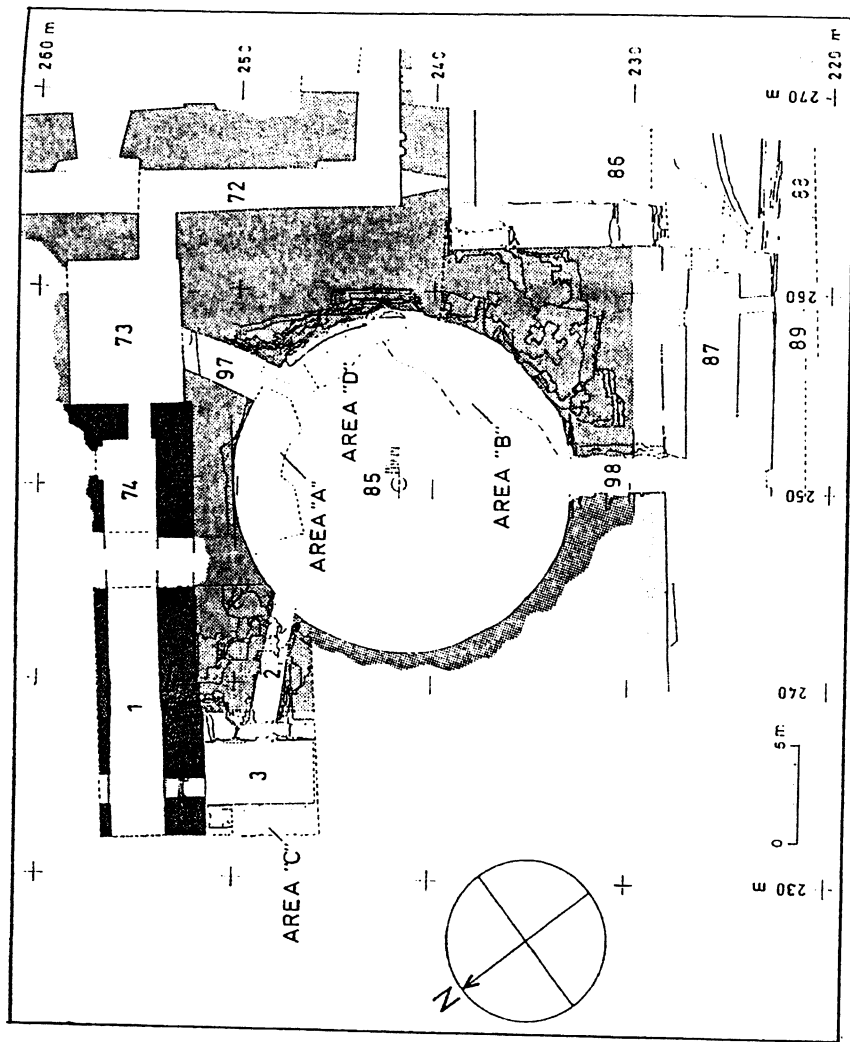

Fig. 3
Old Nisa: the Round Hall: plan of the excavations

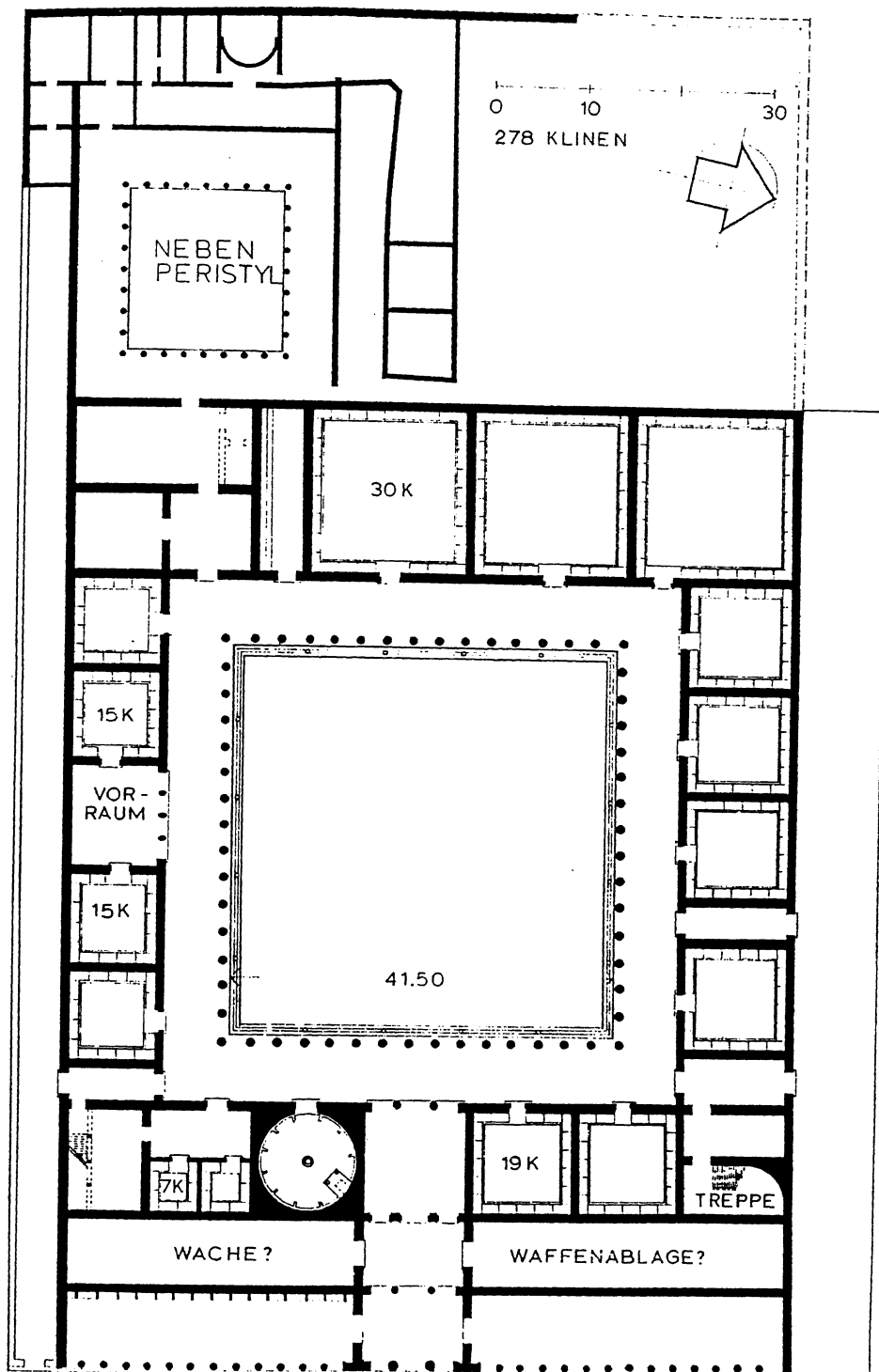

Fig. 4
Vergina in Macedonia: plan of the palace

8490

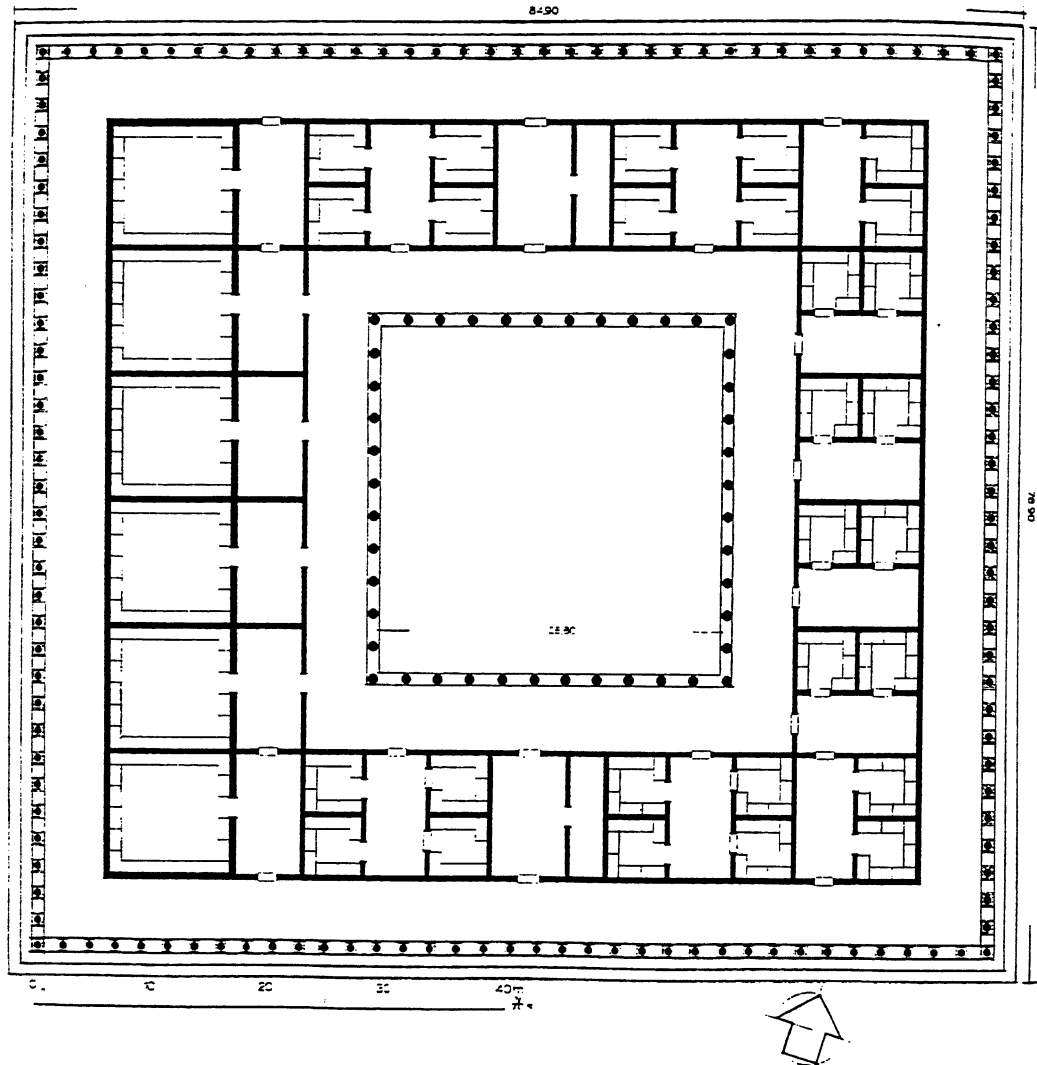

Fig. 5
Olympia: plan of the Leonidaion

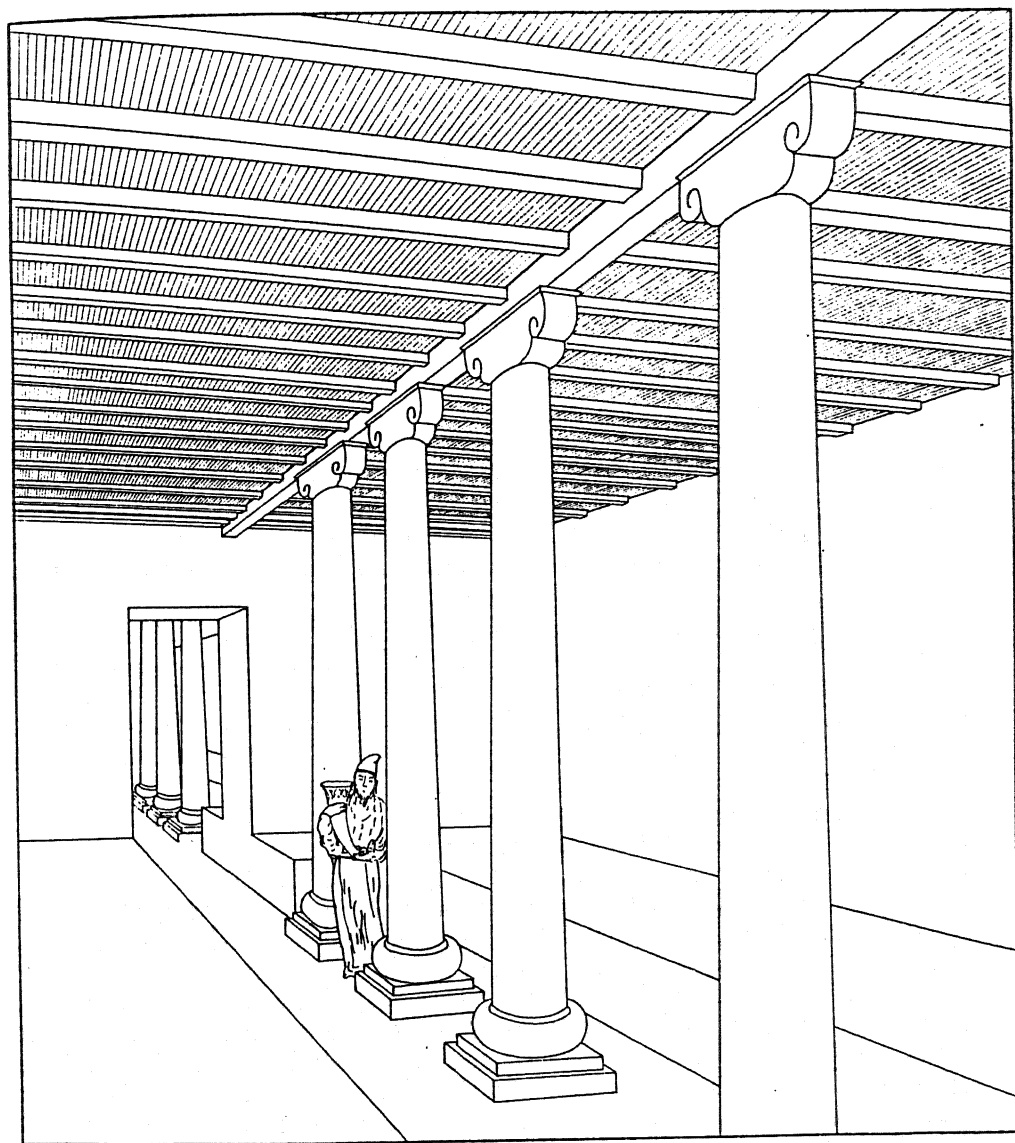

Fig. 6

Old Nisa: G.A.Pugačenkova's reconstruction of a room in the Square House

Karl Jettmar

SECLUDED SANCTUARIES OF THE OXUS CULTURE

Almost 15 years ago I ventured to explain the so-called “temple-town” of Dashly-3 — discovered and partly excavated by Victor Sarianidi in Western Bactria (today in Afghanistan, not far from Balkh) — not as a temple (and the home of the priestly families) surrounded by outer quarters where the ordinary people had their places, but as an integrated structure used only for restricted periods. The population of the oasis once came together for a short time, a festival when important ceremonies were held avoiding contact to all outsiders who had not undergone the same purification.

I called the whole complex of Dashly-3 — not only the innermost part with its nine towers — a “ceremonial centre”. I assumed that the seclusion in this centre was the “realization” of a religious concept, still preserved until the end of the 19th century in the mythology of the Kafirs of the Hindukush. The texts collected by Morgenstierne (1951: 182–183) and Motamedi/Edelberg (1968) tell of a refuge for the souls (of the deceased): a golden castle with four corners, seven gates, and a tower as centre. From this tower seven streets leading to the nine gates of mercy are diverging (Jettmar 1981).

I observed that this would correspond to the plan of the “temple town” as reflected in the reconstruction based on Sarianidi’s observations, but also to the configuration conceived on the basis of the relevant text of the Videvdāt for the “vara”, the subterranean but fortified elysium where the blessed survive the long winter, finally to recover and re-occupy the world (Widengren 1965: 52–54).

This proposal was not only accepted by Sarianidi. He contributed significant confirmations and elaborations on the basis of additional studies which were not at my disposal. Therefore his text (Sarianidi 1988: 112) is quoted here:

“K. Jettmar was the first one to compare the round temple with the ceremonial structure of kafiress from Hindukush and also with the Avestian ‘vara’. It is true though, that up until recently, it was thought to be a ‘square vara’ but the latest translations of the corresponding extract from Avesta, done by I. M. Steblin-Kamenski, prove that it was a round building which consisted of three rings of walls with gates. According to the new version of the translation, within the central ring there was placed ‘semen of cattle, people, dogs, birds and also some red burning fires’, the second ring contained the dwellings of people and the third was occupied by cattle. In other words, the importance of the space increases towards the centre of the building, where the deities meet human beings (16, pp. 31–32). The seeming

contradiction between the 'square vara' and the round sacred structure is easily explained by the reference to the general lay-out of Dashly-3 where both of these planning principles were combined. It may be considered proved, that the central part of Dashly-3 had secular meaning where fire played a leading role".

As soon as this idea comes to the fore, there is only a short step to explain the so-called "palace" of Dashly-3 as a sacral and not secular building. The "palace" is a quadrangular courtyard originally with only a few buildings in the interior but with a complicated enclosure provided with protuberances in the form of hooks and T-shaped "bastions".

When I showed slides during a lecture, the similarity of the resulting plan to a mandala became obvious. An interesting remark was made by M. v. Dewall: she compared it with Chinese mirrors of the type LTV. The decoration on the backside of this kind of Chinese mirrors is known to form a cosmogram. Since it is evident that there were connections between the Oxus culture and early China (Jettmar 1985: 154), we may assume the diffusion of ideas, finding expression in the "palace" — even in the Far East.

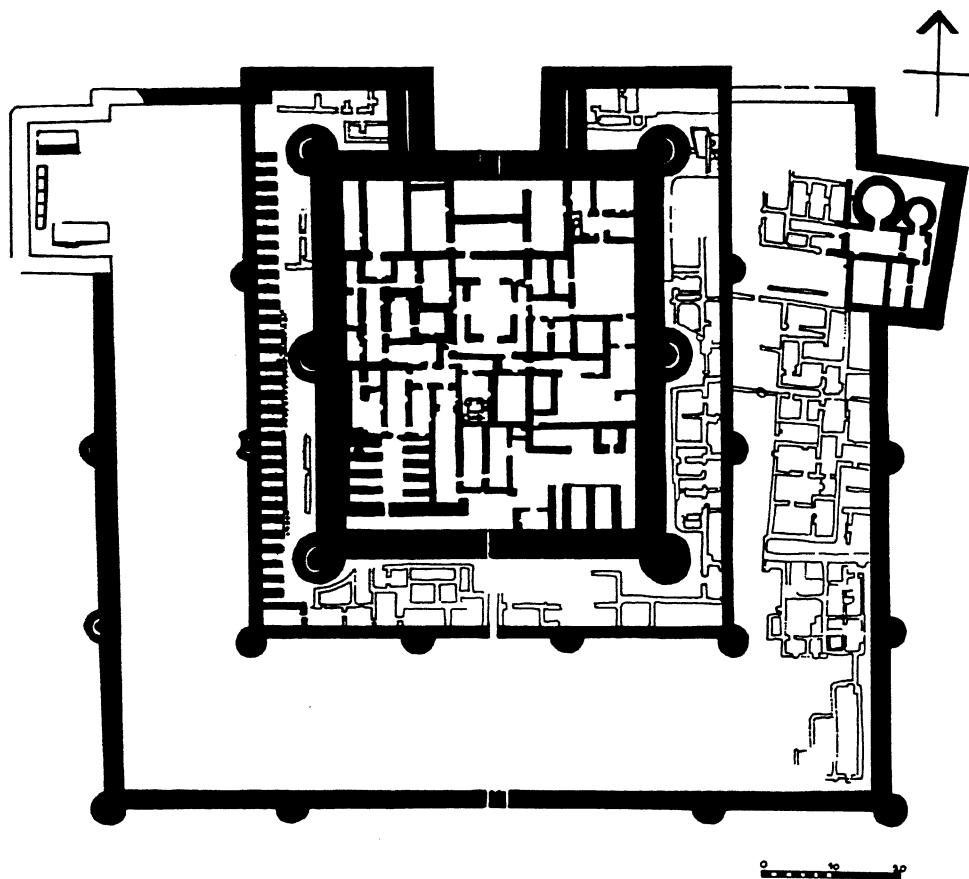
In the following years, Sarianidi started to excavate fortified places of the Achaemenid period with enigmatic ground-plans, constructed under the influence of related religious concepts (at Chapar and Kutlug Tepe). He could not proceed with his investigation due to the beginning of civil war in Afghanistan. After the Soviet invasion the situation became even worse.

As for Koj-Krylgan-Kala in Khorezm, similar to the "round buildings" of Dashly-3 and Kutlug Tepe (Jettmar 1981:227), I had seen the structural affinity to the "vara" and, already in 1975 (published in 1981 with additions written in 1978), I formulated the following hypothesis:

The stream of Near Eastern influence which had incited the erection of such buildings, caused as well the peculiarities of the most sophisticated "royal tombs". The greatest kurgans in the steppes were not mere graves. They were the places where the yearly gathering of the royal tribe took place. In Arzhan a "Chakravartin" ruler was buried in a "model town". In the outer quarters the tribes living in his realm deposited a symbolic escort for the journey to the other world — the body of a high-ranking chief and a fixed number of horses.

So the grave, and especially the royal graves, had a function comparable to that of the stupa. This is not only a structural affinity: constructive traits may be identical as already seen by Rapoport (1971: 51).

Here I want to follow another track. Writing a review of Sarianidi's book on the Bronze Age of the land "Margush" (= Margiana), I found a good description of the temple complex Togolok-21 in this most stimulating work (Sarianidi 1990b: 102–174). Togolok-21 is certainly related to the ceremonial centres of Bactria, belonging not only to the same time but to the same culture as well. (The term "Oxus culture" proposed by Francfort is more handy than Sarianidi's "Bactriano-Margianic complex".) However, I happened to stumble on something seen by Sarianidi, but not used as starting point for his interpretation: the temple complex was a rectangular, fortress-like building with integrated towers, surrounded by two further lines of fortifications. It has an impressive entrance, leading directly into the central building. Looking at the reconstruction, we can see the approaching visitors. If that ever has been like this, then not for a long time, as even at the first, basic stage of the evolution of the temple (p. 151, Fig. 35) this portal had been blocked by bricks. It had been walled

Togolok 21
with additional housings for the permanent
staff of the temple fortress (late period).
After Sarianidi 1990

up. The same happened to the small gates on the backside of the main building and on the backside of the outer wall. Only in the inner wall one gate was left open, in order to connect the “living quarters” on the right flank of the periphery to those in the area surrounding the central building. Maybe it was essential for those accommodated outside the “central fortress” (the term used by Sarianidi) to preserve a permanent access to two additional sanctuaries situated on the fringe of the compound and included in the outermost wall. Certainly, as they are located in rectangular bulges protruding from the straight line of the walls, these sanctuaries were regarded as something separate from the main constructive concept. In the eastern bulge two round constructions are visible (Sarianidi 1990b: 129–132). They were — convincingly — explained as altars. The meaning of the other extension (the western complex, pp. 133–135) was not very successfully discussed by the colleagues, who gave their comments in two issues of “*Vestnik drevnej istorii*” (VDI, 1 (1989), 2 (1989)).

Controversial was the discussion on a row of more than 30 very small "chambers" (Sarianidi 1990b: 121–122). What was recognizable were actual walls, maybe two-and-half meters in length, perpendicularly leading off from the western middle wall (with towers). Sarianidi assumed that the very strange cabins resulting from this construction were too uncomfortable for the normal cult servants. So he came to the conclusion that the inhabitants of such cabins were perhaps "ascetics". Maybe we should rather assume, that such cells were used for meditation. But, as in some of them there were remains of carpeting made of sheep or camels, they also might have been a regular, but hardly permanent, habitation. A larger cabin was explained as that of the overseer.

Nine similar, somewhat larger cells were observed on both sides of a corridor in the western part of the "central fortress". Even they were considered cells of "ascetics" by Sarianidi, but reserved for the more competent the ceremonies held in these innermost premises. This explanation was called into question by the reviewers of Sarianidi's representative report (Sarianidi 1989: 157, Gaibov/Košelenko 1989: 171), but they were not able to offer a better explanation. Sarianidi was perhaps too cautious to mention it clearly, but it is evident, that in his mind Togolok-21 was rather a sort of monastery — with two categories of adepts: the fully initiated ones occupying the inner precinct and the junior members normally confined to the outer area. In case that we accept this as a working hypothesis, the next question would be, how to imagine the relations between the two categories? Had the juniors a temporary access to the inner sanctum with the seniors as tutors?

An answer is suggested by the astonishing number of cult objects typical for the Oxus culture, discovered at Togolok-21. Due to their material (stone, here with metal mountings), these "miniature columns" had the best chance to be preserved without essential damage. They occur exclusively in the "central fortress", but are not restricted to the official rooms (Sarianidi 1990b: 104–120). Two pieces were found in room 16, two in room 20 (and an incomplete one in room 9), two in room 28, two in room 25, three in room 14, whereas only a single one was discovered in the rooms 2, 15, 7, 39, 40 and 36. Together with other objects (Masson 1981: 66–69, Fig. 21, 22) the columns formed a set, the regular equipment of a sanctuary as seen in Altyn-Depe. Their actual use is still disputed, as far as I know. Maybe each consecrated priest needed such a specimen. Finally it was deposited in his grave.

For the ordinary service in a temple, an accumulation as in Togolok-21 only makes sense, if it were a sort of "training centre", or — to use the terminology suitable to a religious context — a "seminary", where novices were ordained to the ministry. Then the fact that both ephedra and poppy seeds were found in vessels discovered in the rooms 23 and 34 (Mejer-Melikjan 1990: 203) is not enigmatic any longer. It is not necessary to assert, that both were used for one and the same sacred intoxicant — the legendary "soma". The chances are great that the priests of this early period were familiar with different kinds of drugs, and that the acolytes, during their "initiation", were introduced to the secrets of production and the many rituals which they needed for officiating in the future by their spiritual fathers. The relevant teachings in complete separation from the outer world were hardly available to everybody, but only to a chosen few. We might assume that the initiated were the boys of a priestly tribe — like the Magi (Herodotus I, 132, 148, etc.), but we are in the second millennium B.C., maybe in an even earlier period (the dating is still under

dispute), and there were perhaps different priestly communities, all stimulated by Near Eastern influence, later on converging into one tradition.

When I became aware of this complex, the affinities with the great mystery religion of Iranian origin, Mithraism, almost tempted me to the statement that Sarianidi's insistent attempts to explain Togolok-21 as a proto-Zoroastrian sanctuary lead the attention into a wrong direction: instead, we should rather call Togolok-21 a "proto-Mithraeum". To overlook the disparities would lead us astray as well.

If the cabins in and outside the "central fortress" really were the temporary accommodation for the teachers and their pupils, we still have no argument to assume a hierarchic differentiation of the believers — an essential element of the late, well-known elaboration of the Mithraic cult. Was Mitra/Mithra really the main deity venerated at Togolok-21? Yama/Yima could be an alternative. But still, one of the (several) roots of the later Mithraic complex could go back to the Oxus culture. F. Grenet already recognized that (in his contribution to the discussion in VDI 1/1989: 170):

"By the study of the iconography of the seals and ritual vessels of the Margiano-Bactrian Archaeological Complex we are faced with a problem, since we find a veritable anthology of the 'xrafstra', the crawling animals which are considered demonic in Zoroastrianism (snake, scorpion, etc.). The analogies, which immediately call into mind this repertoire, are to be found in the western Mithraism. We have in view such themes as the snakes grasping and sucking the sexual organ of the bull, or crawling on the rim of the sacrificial vessel. Did Mithraism preserve some motifs inherited from the proto-Zoroastrian religion? The new discoveries in Margiana surprisingly speak in favour of such a point of view, which was previously upheld by R.C. Zaehner (1955) and I. Gershevitch (1959). However, it should be remembered that such affinities remain very dangerous as long as no new documents fill the chronological and geographic distance". (Translated from the Russian text by K. Jettmar.)

However, Grenet did not stress the essential problem. Was there a positive valuation of the "crawling animals" in the demonology (or pantheon?) of the Margiano-Bactrian Archaeological Complex? Did such a concept survive in spite of the negative connotations of the same animals in later texts (Widengren 1965: 112)? The importance of the crawling animals was already observed by Sarianidi. His idea that proto-Zoroastrian elements must be involved was explained by the scenes visible on the seal-amulets — namely, "sacred animals" in the centre surrounded by others, among them snakes and insects as confrontation between the light and the dark forces. However, no actual fighting is to be seen. In case that a snake or a centipede sucks the semen of the bull or ram, we might as well assume, that the life-force shall be saved or brought to the "vara", the "celestial" refuge. Many seal-amulets show crawling animals and nothing else. It is a poor explanation to assume that the owner used the image of such an embarrassing being as personal symbol for pacifying one of the dangerous demons represented by them.

In one of the plundered graves in Bactria, a necklace with a golden pendant in the shape of a scorpion was found (Salvatore 1988: Pl. 64). Certainly that was not meant as an appeasement. This crawling animal apparently had a respected place in the world of the spirits of the Oxus culture, different from that of the great quadrupeds — they became exclusively symbols of evil in a later phase.

If a "priestly tribe" really existed, we cannot be sure that it was ethnically identical to the rest of the population. The book of Amiet (1986: 209–214), the best introduction to the problems of the Oxus culture, concludes with the vision that in the

lands of Outer Iran the basic population had a rather modest, but well adapted cultural inventory.

Very sophisticated products, however, were provided by trained craftsmen and artists using imported raw materials like chlorite, serpentine and alabaster. Amiet (1988: 137) assumed "an aristocracy composed of nomad-artisans with strong Elamite affinities". However, one substantial correction is necessary: the most influential élite with Elamite affinities were not the artisans, but the priests. Their presence is revealed by what is called "the Bactrian fortresses which seem more like prestige castles which could have been used as caravanserais or warehouses" (Amiet 1988: 137). For such purposes a building complex without visible entrance and a very complicated ground-plan would be most inappropriate. By no means it would fit into the rather eccentric concept of a prestige fortress. Here reality had surpassed the fantasy of very imaginative scholars.

Togolok-21 is not the only "castle without doors". The otherwise quite different complexes in the — already mentioned — locality of Dashly-3 in Bactria, have the same odd peculiarity. In the temple-fortress Tillja Tepe (Sarianidi 1989b: 7–21) there was a gate on the northern front, but the entrance to the hall was on the opposite side. So the worshippers had to reach the sanctuary by a round-about walk. In such buildings no statues were found, the cult might have been uniconic.

The hypothesis that the religious tradition culminating in western Mithraism was rooted in the same region as Zoroastrianism, namely in the eastern periphery of the Iranian tribes among sedentaries and semi-nomads, could be the result of our investigation. The esoteric character of the teaching could explain the difficulty of tracing the actual routes of diffusion from the extreme East to the extreme West. However, several important stages are well-known and were comprehensively described, e.g., by Merkelbach (1984: 9–72). Particularly this author considered the transformation into a secret cult ("Geheimkult") as a late "invention". According to him, religions of this type occur during the imperial period of Rome, not earlier. Maybe the inventor ("Erfinder") lived in Rome, having a good knowledge of the Persian religion (Merkelbach 1984: 77).

According to my opinion, esoteric cults already existed in palaeolithic times. Since then they inspired numberless sophisticated and well-organized religions and churches. Such a creative process is indicated by the "secluded temple fortresses" of the Oxus culture. The credibility of this hypothesis would be considerably improved if we could trace other offshoots of the same roots going back to a similar level.

We can. The most conservative "tribes of the Hindukush", the speakers of Nuristani languages, who had defended their pagan religions up to the end of the nineteenth century A.D. (and therefore were called "Kafirs", i.e., "unbelievers", by their Muslim neighbours), have several more cultural peculiarities, which might be explained by origins going back to the complex revealed by the temple-fortresses of the Oxus culture. In a chapter added to the first part of the English edition of "Die Religionen des Hindukusch" (Jettmar 1986: 143–147), I tried to prove that the ancestors of the Kafirs once formed a part of the people who had created the Oxus culture, preserving many archaic beliefs and customs. That may explain the linguistic situation: Kafiri branched off before the Iranian languages were separated from the Indo-Aryan stock. The same idea was drawn up by Parpola (1988: 236–248), who mentioned Togolok-21 in this context. The distance — as the crow flies — between the presumable borders of the Oxus culture and the homeland of the Kafirs, is less than

one hundred kilometres, but the Kafirs reached the hidden and secluded valleys not directly, as we may assume. Understandably, I had not all arguments at my disposal, when I wrote my supplement. Besides, we should take the religious heritage of the neighbouring Dardic (Indian) population into account, as they were deeply influenced by the "Kafir" tribes (cf. Parkes 1988).

Wolfgang Lentz (1974) saw similarities between the legend of Mithras, as reflected by materials collected in Western Asia, North Africa and Europe, and the mythical tales about the deeds of the main Kafir deity "Imra". More substantial are the deliberations starting from what we know about the central temple of the Kafirs, situated at Kushteki in the Prasun valley. The veneration — common to all Kafir "tribes" — was shared by a Dardic population, the Kalash, pagans up to the present day. Relevant information has been brought to our notice by Parkes (1991: 85). I quote his study, omitting the parallel Kalash terms: "Most intriguing, however, are references to the 'underworld pillar' inside the temple. This is said to be constructed out of iron and decorated with 'sacred designs' from which all Kalasha ritual iconography is derived. Most prevalent are the typical 'temple carvings' of interlaced knots, or of entangled horns and shield motifs (see Wutt, 19876). But the 'underworld pillar' was also said to be emblazoned with figures of intertwined snakes, frogs, centipedes, and scorpions: sacred animals that also recur in other Kalasha traditions about the hidden world". (Parkes 1991: 85).

Other passages in Parkes' text are equally interesting, e.g.: "The 'underworld pillar' of Wetdesh has, however, a greater cosmological significance in Kalasha tradition than is evident from Robertson's account of Imra's rod or iron bar. It appears to be none other than the world's axis, situated at the very centre of the world and descending to the underworld of the deceased. There it is said to rest upon the navel of an outstretched giant, the lord of the underworld Mir Mara of Min(j) Mara". (Parkes 1991: 86–87).

Equally relevant are beliefs in the adjacent area which is settled by Dardic Khovar-speakers (reported by Jettmar 1975: 434). Here the cattle has a protective spirit appearing as a centipede. Such an insect is never killed lest a cow or bull should die. The protecting spirit of the house may appear as a snake — a bowl of milk is offered then. When the milk is swallowed by the snake, it means an excellent omen. In Northern Chitral, the same term, however, which is used for the protecting spirit in the shape of a crawling animal, means the ancestor, male or female, who is in charge of protecting the whole lineage.

It is easier to understand such beliefs if we consider them in the frame of the basic cosmological model (Jettmar 1975: 432–434 1986: 36–38). The world is divided into three spheres. The upper sphere is encompassing the various superimposed storeys for the deities. Below that is the middle sphere, the earth giving room to human activities, and again below there is the underworld, housing the demons and the dead; Heaven and Hell are situated there. The whole hierarchical construction is pegged together by the world pillar. As for the crawling animals they may appear on earth and feed from the offerings presented to them. The well-being of the other inhabitants of the hidden world as well depends on such offerings. If they are neglected, their wrath will lead to terrible earthquakes.

Referring to this concept, we may speculate about the meaning of the motifs occurring in the glyptic art of the Oxus culture, one of them reflected by the famous Mithraic reliefs, centuries later. The crouching animals, resurgent from the under-

world, are waiting for their share. They are not aggressive themselves, but they must bring the life-essence to the demons and to the souls of the dead. They are present, when the bull — the representative of the middle sphere — is killed by the divine hero.

But such enquiries are far beyond the aims of this study, as I wanted to offer a contribution to the explanation of the so far unexplained peculiarity of the ground-plan of Togolok-21, and not more. It may be condensed as follows:

It was a complex of buildings and squares without "visible" gates. If Sarianidi's interpretation of the "cabins" is correct, there were sleeping quarters for nine persons in the "inner quarters", and more than thirty in the "outer quarters" — with a single small but open access to the peripheral precincts. In the inner quarters there were rooms for the preparation of drugs and many chambers in a complicated order, maybe built with the intention to offer suitable places for different ceremonies. The accommodations for the novices and their tutors were hardly designed as permanent, rather they were intended for restricted periods. So the endurance of considerable hardship could be expected.

Such a complicated compound would be an ideal arena for the implementation of a ritual kind of training, under perfect secrecy. Perhaps it meant the transition into the next age-grade, a ceremony understood under the term "initiation" by anthropologists. However, it is not reasonable to assume that all young males of the land Margush (Sarianidi 1990a, fig. 1) had the right to participate. Paraphernalia of the priests including the "stone columns" were not found in most of the graves. So it is better to postulate the existence of a priestly tribe.

Later development can be explained by a change in the principle of selection: everybody could compete proving himself worthwhile. That opened the way to a mystery religion.

Under ethnographic conditions development took another direction. If, in the process of promotion, more and more economic and martial performances were demanded, the proven success being confirmed by a feast given to the whole community, then we are rather on the turning point into a graded society with trophy-hunting and "feasts of merit". Not the spiritual progress is any longer the main matter of concern, but the acquisition of an elevated social position expressed by symbols of rank. Such was the situation in Kafiristan.

REFERENCES

- Amiet, P. "L'âge des échanges interiraniens 3500–1700 avant J.-C.". *Notes et Documents des Musées de France* 11, 1986.
- Berezkin, Ju. E. " 'Gorod masterov' na drevnevonostočnoj periferii. Planirovka poselenija i social'naja struktura Altyn-depe v III tys. do n.è." *VDI* 3, 1994:14–37. (Here and elsewhere *VDI* stands for the *Vestnik Drevnej Istorii*: "Journal of Ancient History", Moscow.)
- Gaibov, V.A., Koshelenko, G.V. "Togolok 21 i problemy religioznoj istorii drevnej Margiany". *VDI* 1, 1989:171–173.
- Gershevich, I. *The Avestan Hymn to Mithra*. Cambridge, 1959.
- Grenet, F. "Nekotorye zamechanija o kornjakh zoroastrizma v Srednej Azii". *VDI* 1, 1989:170–171.
- Jarrige, J.F., Usman Hassan, M. "Funerary Complexes in Baluchistan at the End of the Third Millennium in the Light of Recent Discoveries at Mehrgarh and Quetta". *South Asian Archaeology*. Copenhagen, 1985:150–166.

- Jettmar, K. "Die Religionen des Hindukusch". *Die Religionen der Menschheit* 4.1. Stuttgart, 1975.
- . "Fortified 'Ceremonial Centres' of the Indo-Iranians". In *Ėtnicheskie problemy istorii Central'noj Azii v drevnosti*, Proceedings of the International Symposium on the Ethnic Problems of the Ancient History of Central Asia: the 2nd Millennium B.C. Moscow, 1981a:220–229.
- . "Die Bedeutung politischer Zentren für die Entstehung der Reiternomaden Zentralasiens". In *Die Nomaden in Geschichte und Gegenwart. Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig* 33. Berlin, 1981b:49–70.
- . "Cultures and Ethnic Groups West of China in the Second and First Millennia B.C. Asian Perspectives". *SSIV* 1, (1981), 1985:145–162.
- . *The Religions of Hindukush*, vol. 1: *The Religion of the Kafirs* (with contributions of Schuyler Jones and Max Klimburg, and a Glossary by Peter S. Parkes). Warminster, 1986.
- Lentz, W. "Western Parallels to the Deeds of Imra". In "Cultures of the Hindukush". *Beiträge zur Südasienforschung* 1. Wiesbaden, 1974:31–36.
- Masson, V.M. "Altyn-depe". *Trudy Juzhno-Turkmenistanskoj arkheologičeskoj kompleksnoj ėkspedicii* 18. Leningrad, 1981.
- Mejer-Melikjan, H.P. "Opredelenie rastitel'nykh ostatkov iz Togolok 21". In Sarianidi 1990, 1990:203–205.
- Merkelbach, R. *Mithras*. Berlin: Königstein's, 1984.
- Morgenstierne, G. "Some Kati Myths and Hymns". *Acta Orientalia* 21. Copenhagen, 1951:161–189.
- Motamedi, A., Edelberg, L. "A Kafir Goddess". *Arts Asiatiques* 18, 1968:3–21.
- Parkes, P. "Livestock Symbolism and Pastoral Ideology among the Kafirs of the Hindukush". *Man* (N.S.) 22,4, 1988:636–660.
- . "Temple of Imra, Temple of Mahadeu: A Kafir Sanctuary in Kalash Cosmology". *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 54,1, 1991:75–103.
- Parpola, A. "The Coming of the Aryans to Iran and India and the Cultural and Ethnic Identity of the Dāsas". *Studia Orientalia* (The Finnish Oriental Society) 64, 1988:195–302.
- Rapoport, Ju. A. "Iz istorii religii drevnego Khorezma (ossuarii)". *Trudy Khorezmskoj Arkheologo-ėtnografičeskoj ėkspedicii* 6. Moscow, 1971.
- Salvatori, S. "Early Bactrian Objects in Private Collections". In Lingabue, G., Salvatori, S., eds. *Bactria*. Venezia, 1988:181–187.
- Sarianidi, V. "Drevnie zemledel'cy Afganistana". *Materialy Sovetsko-Afganskoj ėkspedicii 1969–1973 gg.* Moscow, 1974.
- . *Drevnosti strany Margush*. Ashkhabad, 1990b.
- . "Issledovanie pamjatnikov dašlinskogo oazisa. Drevnjaja Baktrija I". *Materialy Sovetsko-Afganskoj ėkspedicii 1969–1973 gg.* Moscow, 1976:21–86.
- . *Khram i nekropol' Tilljatepe*. Moscow, 1989c.
- . "Protozoroastrijskij khram v Margiane i problema vozniknovenija zoroastrizma". *VDI* 1, 1989a:152–169.
- . "Soviet Excavations in Bactria: The Bronze Age". In Lingabue, G., Salvatori, S., eds. *Bactria*. Venezia, 1988:107–123.
- . "Togolok 21—an Indo-Iranian Temple in Karakorum". *Bulletin of the Asia Institute in Honour of Richard Nelson Frye* (N.S.) 4, 1990a:159–165.
- . "Zoroastrijskaja problema v svete novejšikh arkheologičeskikh otkrytij". *VDI* 2, 1989b:178–181.
- Wiedgren, G. "Die Religionen Irans". *Die Religionen der Menschheit* 14. Stuttgart, 1965.
- Wutt, K. "Über Zeichen und Ornamente der Kalash in Chitral". *Archiv für Völkerkunde* 30. Wien, 1976:137–173.
- Zaehner, R.C. *Zurvan: A Zoroastrian Dilemma*. Oxford, 1955.

Hans-Joachim Klimkeit

THE QUESTION OF IMAGE WORSHIP
IN MANICHAISM

Recently W.Sundermann published an excellent photo edition of Iranian Manichaean texts from Central Asia.¹ On the basis of this edition, P.O.Skjærvø provided an edition and translation of the polemical hymns in M 28 I, which have hitherto been only published partially.² There are in the Middle Persian text, as it now becomes clear, three polemical hymns, of which two are concerned with image worship. The main verses that pertain to our subject are supplemented by two texts. The first of these is M 219 V (Boyce 1975, text dl), which Skjærvø renders thus:

“Seize the path of the gods..., the head of (?) all these which are painted here. This is a place of worship of idols which they call the house of gods. And by the (mere) name ‘house of gods’ they are lost. They run in droves. When one asks ‘Whereto?’, they say: ‘To the house of gods for worship and devotion and offerings before them.’ And the masters of the idol temples call out: ‘Come to the house of the gods!’ And inside the house of the gods there are no gods. And those that are deceived cannot explain, for they have been intoxicated by the winds”.³

As Skjærvø stresses, “especially noteworthy is the use of the verb *wīft-* (*wiyift-*), ‘deceive, lead astray,’ which is applied both to the deceived worshippers and to the idols themselves”.⁴

It is quite clear that these idols are false gods in a Manichaean sense. As the text says, they are “painted here” in a place referred to as “the house of the gods”. But this is a false designation for they are not true gods. Rather, they are gods that “deceive” and that thus ultimately represent the “lie” (*drug*). They are “false” and “lying” (*drugmyg*).

This meaning is made clear in the second document that Skjærvø cites, i.e. M 174 II R. Here it speaks of “the idol worshippers who worship the images, the god of ‘Lyinghood’”, and it parallels this with “the deceived teachings”.⁵ The false teachings and the false gods are hence most intimately related to one another.

---

¹ Sundermann 1996.

² Skjærvø 1995 [publ. 1997]: 239–255. The portions hitherto published are to be found in Boyce 1975: 174f., text dg. Cf. Klimkeit 1993: 126f.

³ Skjærvø 1995: 241.

⁴ Ibid.

⁵ Skjærvø 1995: 242.

The fact that the idols themselves are deceived is clearly expressed in the first hymn of M 28 I. Here it says in Skjærvø's translation:

"The worlds are amazed
at the deceived idols,
the images over
the walls: wooden and stony.

They fear (stand in awe of ?) the deception.

They bend down and do
homage to it. They have abandoned the father
who (is) in paradise, and
they worship the deception".⁶

In the second hymn of our text, there is criticism of the fact that the opponents, whoever they were, "painted the child of god... and (thus) made it born".⁷ We leave open whether this is a criticism of Byzantine Christians, who painted Mary and the child in holy images. At any rate, it is clear that these mislead believers are dealt with as critically as the fire worshippers, of whom it says:

"Lo! Again, these too
who worship the burning
fire, they themselves know
that from here their end is
to the fire".⁸

Summing it all up, the second last verse says:

"In the end they will be brought to shame
all those who worship
the idols, on that last
day, and they will go to
destruction".⁹

It is here quite clearly expressed that it is the veneration of the image of false gods, of idols, be they painted or fabricated of wood or stone, that will lead to divine punishment. This is closely associated with the adherence to false religious views, i.e. to non-Manichaean forms of belief. Such can be referred to as the "dogmas", and we learn in the missionary history M 2 that Mar Addā brought to naught such "dogmas", or other creeds. Thus it says in the text mentioned: "He rose up against the (foreign) religions and thrived in every respect. He subjugated the religions [dogmas], and he came up to Alexandria".¹⁰

The question is whether the polemics against the worship of idols also pertains to the veneration of Manichaean images.

That there were Manichaean images is clear. Thus, at the Bema festival, a picture

---

⁶ Ibid.

⁷ Skjærvø 1995: 245.

⁸ Ibid.

⁹ Skjærvø 1995: 247.

¹⁰ Klimkeit 1993: 202.

of Mani was placed on a five-stepped altar or "seat" in front of the sanctuary¹¹, and the Bema hymns we have make clear that Mani was not only invoked, but also venerated.

This is quite in accordance with *Homilies* 6, 15, where the soul, addressing Mani, prays: "May your image appear before me". The image of Mani is, then, actually praised, both in western and eastern Bema hymns.¹²

Beside the picture of Mani used at the Bema ceremony, there must have been, at least in eastern Manichaeism, images of Mani to be found at prominent positions in the sanctuaries. One such image of Mani, referred to in the accompanying inscription as the "Buddha of Light", is actually preserved in a Manichaean sanctuary near Quanzhou in Fujien, South China.¹³ It is certainly late, dating from 1445. But it is quite probable that such images of Mani were also common in Central Asia, especially in the Turfan area, and perhaps at times also in Iran and Mesopotamia. Their veneration would be quite in accordance with the hymns to Mani that have been preserved in Iranian languages as well as in Uighur (Old Turkish).¹⁴ The Turkish "Great Hymn to Mani" repeatedly mentions the preparedness of the hymn-singer to worship him. Thus it says in verse 2:

"We have prepared ourselves
To worship you with a humble heart.
Accept now, (our) hope and refuge
[All] the worship of every one (of us)".¹⁵

Of course these hymns do not explicitly say that such worship was to take place before the image of Mani. But, given the fact that there were such images, veneration of the founder of the religion before his image is well conceivable, especially when it says, in the same "Great hymn to Mani" (v. 117a & b):

"We bow our heads in worship
Before you, our highest God".¹⁶

We can well imagine the veneration before the Mani image to have been similar to the Buddhist veneration of the Buddha figure, which was also addressed with hymns of praise.

Beside Mani, other deities were also represented in painting, and maybe even in sculpture. We have no unequivocal evidence that such images were worshipped, but the hymns in praise of a number of such deities would not exclude this. First and foremost, the Father of Light is to be mentioned. Invocations of him are to be found repeatedly, in Coptic and Central Asian texts. A case in point are the Iranian Turfan hymns to the Father of Light.¹⁷ There it says in one hymn:

"You are worthy of praise, beneficent Father, primeval Ancestor!
Blessed are you, beneficent God!

...

---

¹¹ Cf. Allberry 1938: 2–10, especially 5.

¹² For the Coptic Bema psalms cf. *Psalm-Book* 1–47 ("Psalms to the Bema"). For the Iranian Bema hymns see Reck 1991. Cf. also Klimkeit 1993: 134.

¹³ Cf. Bryder 1988: 201–208.

¹⁴ Cf. Klimkeit: 83–87 and 279–287.

¹⁵ Klimkeit 1993: 280.

¹⁶ Klimkeit 1993: 284.

¹⁷ Klimkeit 1993: 29–33.

All gods and aeons, the deities of Light,
And the righteous bring praise (to you), saying 'holy' repeatedly".¹⁸

In the hymns, the Father of Light is sometimes referred to as encompassing and surpassing all fair forms that issue forth from him. Thus it says in a hymn to him:

"You are the Father of all these fair forms (*karišn*), jewels [i.e. gods], strong ones of Light and mighty ones that have been called forth [from you]..."¹⁹

On the one hand, there are indications in Manichaean literature that the Father of Light could not be depicted. In the *Kephalaia* (151, 20ff.) it says that as the God of truth he is "hidden in his kingdom, not displayed before this outer desolation". Other Coptic texts speak of the "veil" by which the Kingdom of Light is hidden from the world.²⁰ *Homilies* 14, 14 promises that in the end the Father of Light "will unveil for them his image". Thus this is an eschatological event. According to the *Psalm-Book* (= *PsB*), however, a spiritual person can now see God and the gods with the "eyes of Light" (*PsB* 19, 22ff.). Of the divine beings it says (*PsB* 101, 24):

"The joyous eye of my soul looks at them".

The eye of light, or of the soul, is undoubtedly meant, when it says in Mani's hymn "Praise of the Lesser Ones" (*Qšūdagān Āfrīwan*):

"Father, we would call upon you, we would lift up (our) eyes to you".²¹

The *Chinese Hymn-Scroll* (= *H*) speaks of the "light eyes" of the "*dharma* nature", i.e. of the soul, and it refers at the same time to the "light ears" and other senses of the "*dharma* nature". Thus it says in *H* 56:

"Open my light eyes of the Law [i.e. *dharma*] nature,
So that they see, without obstacle, the four-placed body
[i.e. the Father of Light]".²²

This corresponds to hearing the Law with the "light ears". So it says in *H* 57:

"Open my light ears of the Law Nature,
So that they hear without obstacle the voice of the wonderful Law".²³

It is again in reference to the "eyes of light", when it says in *H* 62:

"May I always see the compassionate Father,
Never again suffer in the tortures of birth and death in transmigrations".²⁴

All this would indicate that seeing the Father was merely a visionary experience, since seeing the image and hearing the word stand in such close connection to each other that forgetting the message corresponds to blindness.²⁵ In a psalm on the fate of the soul, the psalmist can lament the fact that he has been blind to divine realities:

---

¹⁸ Klimkeit 1993: 32.

¹⁹ Klimkeit 1993: 30.

²⁰ E.g. *Psalm-Book* 84, 30 "the veil of thy secrets".

²¹ Klimkeit 1993: 30.

²² Tsui Chi 1943: 174-219.

²³ Tsui Chi 1943: 181.

²⁴ Ibid.

²⁵ Cf. Arnold-Döben 1978: 123ff.

"O bright God, dear soul! Who has blinded your eye of light?"²⁶

Although there is no direct indication that the Father of Light, whose surpassing beauty is praised repeatedly, was outwardly depicted, we do have a depiction of a deity in an illustrated manuscript which could be interpreted as the Father of Light²⁷, since it represents a solemn figure whose head is surrounded by a number of smaller figures, their original number perhaps being twelve. This is reminiscent of hymns to the Father, where he is described as being surrounded by twelve "aeons" or "great ones".²⁸ Of course this picture is not an image meant to be venerated. Yet the great urge and desire to see the noble form of the Father, expressed repeatedly in Iranian hymns, could suggest that there might have been images of him, as there were images of the Buddha, though a visionary experience of him was actually sought for. Thus in a Parthian hymn to the Father of Greatness we read:

"Be merciful to us in (your) mercy:
Show us your form (*čihrag*), the noble epiphany (*pādgirb*),
for which we yearn".²⁹

Considering the great significance of the cult, it would indeed be surprising if the symbols — or even images — of the Father in that cult lacked.

It should finally be pointed out here that according to an Iranian text, the "Hymn of the Joyful", Mani's divinity is emphasized by the fact that he is "similar in appearance to the God Zurvan", i.e. the Father of Greatness³⁰.

Beside Mani and the Light Father, Jesus, i.e. the Manichaean "Jesus the Splendour", also played a major role in the cultic texts of the Manichaeans. Not only is an encompassing portion of the Coptic Bema Psalms entitled "Psalms to Jesus"; Jesus also played an important role in eastern Manichaeism³¹. Thus it says in the "Psalms to Jesus" (*PsB* 61, 14ff.):

"The beautiful image, my Father, — reveal it to me...
And thy sullied brightness, the confirmation of my soul".

The Manichaean Jesus the Splendour basically represents a "Call" from the other world, his word and image being related to each other. Manichaean literature contains a number of promises to the soul of the religious person that he will be able to envision the joyous image of Christ as one who has gained salvation. In worshipping the image of the Redeemer, the psalmist declares that he loved it before he saw it, when it approached him in the form of the word (*PsB* 84, 24f.).

Whether there were images of Jesus that were venerated is also not known. He was, however, depicted in painting. We have a sketch of a painting on silk, made by A.Grünwedel, which shows a deity, sitting in the fashion of a Buddha, on a lotus throne, but holding a staff crowned with a cross.³² In front of this seated figure is a little boy, apparently engaged in conversation with the main figure. We can connect this picture with the Parthian text M 42, where a boy, symbol of the soul yearning for salvation,

²⁶ Henning 1937: 44; cf. Klimkeit 1993: 30.

²⁷ Le Coq 1973: plate 8a, c.

²⁸ Cf. Klimkeit 1993: 29.

²⁹ Klimkeit 1993: 32.

³⁰ Klimkeit 1993: 138.

³¹ Cf. Waldschmidt/Lentz 1926; Rose 1979.

³² Le Coq 1973: 26.

asks Jesus about the time of his appearance, and hence his own redemption.³³ Jesus consoles him and admonishes him to patience.

A special form of appearance of Jesus the Splendour is the Moon. Thus in a Turkish text on Jesus, as the God of the Moon, it says:

“[From] the sight of your appearance (*körk*)
We have become very joyful.
You are the wise, royal, mighty, radiant God”.³⁴

From al-Bīrūnī we learn that the images of the Sun and the Moon, representing probably the Third Messenger and Jesus, were venerated by the Manichaeans. Al-Bīrūnī tells us that Mani said:

“The adherents of (other) religions reproach us for worshipping the Sun and the Moon and for setting them up like idols. For they do not know their (i.e. the Sun’s and Moon’s) nature, i.e. that they are (our vehicles) to cross over and are the doors of our exit to the world of our (true) nature, as Jesus proclaimed”.³⁵

Even if the images, or symbols, of Sun and Moon were set up “like idols”, to be venerated, the Manichaean texts again refer repeatedly to the envisioning of these deities by the spiritual eye. In this case especially the image of Jesus envisioned is a concretization of the “Call” from the beyond. With reference to this image, or figure, it says in a Persian hymn praising Jesus the Vivifier:

“And we would lift up our eyes to your (beautiful) figure,
And we would open our mouths to call upon you”.³⁶

Hence seeing and calling are closely related to each other here, and with respect to seeing, the beauty of the form seen is repeatedly stressed. Thus it says in Mani’s “Praise of the Great Ones” (*Wuzurgān Āfrīwan*):

“Praised, living, vigilant and immortal are you, oh (beautiful) form,
Lord Jesus the Splendour, best loved of all beings of Light, Ruler, Messiah!

...

Praised, living, vigilant and immortal are you, oh (blessed) sign, Spirit
and (beautiful) form, Lord Jesus the Splendour”.³⁷

Though endowed with a beautiful form, the special thing about the saviour Jesus is that he can transform that figure in order to deceive the demons. But of course such transformation would hardly be depicted in art.

Of the remaining Manichaean deities, it is especially the Virgin of Light who is depicted in various instances in the art of Turfan. The most striking of these figures is that of a goddess sitting cross-legged in Indian fashion on a lotus throne. We have a sketch of the wall painting by A. Grünwedel.³⁸ Being a young goddess, it is virtually the Maiden of Light alone that comes into question for the interpretation of that picture. We can well imagine that there might have been images of this type, made of wood or stone, and used for devotional purposes in a cultic setting.

---

³³ Cf. Klimkeit 1993: 124f.

³⁴ Cf. Klimkeit 1993: 291.

³⁵ From al-Bīrūnī’s book on India, quoted in Adam 1969: 26.

³⁶ Klimkeit 1993: 65.

³⁷ Klimkeit 1993: 64.

³⁸ Grünwedel 1920: I, 55 (fig. 81).

The Manichaean Virgin of Light,
a wall painting

In summing up we can presume that various divine figures of Manichaeism were represented visually, not only in book illustrations, but also as objects of worship. The proofs we have are, of course, slim. Yet it is to be assumed that the Manichaeans, living in close proximity to the Buddhists, and adapting to the linguistic usage of the Buddhists, would have adopted the Buddhist practice of revering images. It is quite clear that this is at least so in the case of Mani, a sacred image of whom is preserved to this very day. Apparently inspired by the image of Mani, a section in the Chinese *Compendium* explains the image theologically. In the second article, "On the style of his bodily signs", we read:

"The nimbus of Mani, the Buddha of Light, being twelve-fold is the excellent sign of the Kingdom of Light. (His) body fully displaying the Great Light has the esoteric meaning of the Limitless. (His) wonderful appearance is outstanding, without equal among men and gods. (His) being clad in a white robe symbolizes the four pure *dharmakāyas* [i.e. God, his Light, his Power and his Wisdom]. His occupying the white throne depicts the five *vajra* lands. The union and separation of the two realms and the purport and trend of the before and the after are apparent in true bearing and can be perceived if (one) looks at him".³⁹

³⁹ Haloun/Henning 1952: 194.

The outer image was probably only an inspiration for a spiritual vision of the Saviour Mani. This would also have been true of other deities that were depicted in pictures, and maybe even in images.

REFERENCES

- Adam, A., ed. *Texte zum Manichäismus* (Kleine Texte für Vorlesungen und Übungen 175). 2nd ed. Berlin, 1969.
- Allberry, C.R.C., ed. *A Manichaean Psalm-Book*. Part II (Manichaean Manuscripts in the Chester Beatty Collection II). Stuttgart, 1938.
- _____. "Das maniäische Bema-Fest". *Zeitschrift für die Neutestamentliche Wissenschaft* 37, 1938:2–10.
- Arnold-Döben, V. *Die Bildersprache des Manichäismus* (Arbeitsmaterialien zur Religionsgeschichte 3). Cologne, 1978.
- Boyce, M. *A Reader in Manichaean Middle Persian and Parthian* (Acta Iranica 9). Leiden, 1975.
- Bryder, P. "...Where the Faint Traces of Manichaeism Disappear". *Altorientalische Forschungen* 15, 1988:201–208.
- Grünwedel, A. *Alt-Kutscha*. Berlin, 1920.
- Haloun, G., Henning, W.B. "The Compendium of the Doctrines and Styles of the Teaching of Mani, the Buddha of Light". *Asia Major* (N.S.) 3. London, 1952:184–212.
- Henning, W.B. *Ein manichäisches Bet- und Beichtbuch* (Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse 10, 1936). Berlin, 1937.
- Klimkeit, H.-J. *Gnosis on the Silk Road. Gnostic Texts from Central Asia*. San Francisco, 1993.
- Le Coq, von, A. *Die buddhistische Spätantike in Mittelasien. II: Die manichäischen Miniaturen*. Graz, 1923 (repr. 1973).
- Polotsky, H.J. *Manichäische Homilien*, vol. 1 (Manichäische Handschriften der Sammlung A. Chester Beatty). Stuttgart, 1934.
- Polotsky, H.J., Bohling, A. *Kephalaia* (Manichäische Handschriften der Staatlichen Museen Berlin 1). Stuttgart, 1944–1966.
- Reck, C. *Mitteliranische Montags- und Bēmahymnen*. Dr. phil. thesis. Berlin, 1991.
- Rose, E. *Die manichäische Christologie* (Studies in Oriental Religions 5). Wiesbaden, 1979.
- Skjærvø, P.O. "The Manichaean Polemical Hymns in M 28 I". *Bulletin of the Asia Institute* (N.S.) 9 (1995), 1997:239–255.
- Sundermann, W., ed. *Iranian Manichaean Turfan Texts in Early Publications (1904–1934)* (Corpus Inscriptionum Iranicarum, suppl. series, 3; photo edition by the School of Oriental and African Studies of London). London, 1996.
- Tsui Chi. "Mo Ni Chao Hsia Pu Tsan. 'The Lower (Second?) Section of the Manichaean Hymns'." *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 11, 1934: 174–219.
- Waldschmidt, E., Lentz, W. *Die Stellung Jesu im Manichäismus* (Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse 4, 1926). Berlin, 1926.

В.Б.Ковалевская

ТОРГОВЫЕ ПУТИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

(по данным обработки компьютерных карт
распределения сердоликовых бус V–IX вв.)

А в завершение всех метафор — карта
Тех смутных сфер, что именуем «Время»,
Им измеряя череду теней
И обветшанье мраморных надгробий,
И смену поколений и родов — Всё.

Борхес

Стало общим местом начинать статью об истории Кавказа какого-либо конкретного периода констатацией того безусловного факта, что на его территории пересекались многочисленные и разнонаправленные траектории переселения народов, передвижения вещей, «диалогов» культур, сталкивались интересы крупнейших держав древности и средневековья. К сожалению, избежать этих общих положений нельзя, а специальная литература на эти темы столь обширна и занимает такое весомое место в археологической библиографии кавказоведения, что один ее обзор мог бы составить солидное исследование.

Поэтому я попытаюсь рассмотреть одну группу массового материала, выбрав из всего набора стеклянных и каменных бус V–IX вв. Юго-Восточной Европы сердоликовые бусы и подвески, и показать, с помощью каких методов и при какой форме анализа археологических данных можно добиться наибольшего успеха в интерпретации бус в качестве источника по торговым связям Кавказа.

Различные категории источников освещают разные аспекты связей: предметы потестарно-престижной культуры, оружие и воинское снаряжение дружинника — историко-культурные и военные, предметы культа — конфессиональные, украшения — торговые. Это могут быть сасанидские геммы или серебряные блюда, стеклянные сирийские сосуды или египетские амулеты, византийские, китайские и среднеазиатские шелка, столь блестяще изученные А.А.Иерусалимской в качестве показателя характера и интенсивности торговли на Великом Шелковом пути.

Бусы из памятников Крыма, Кавказа и Восточной Европы представляют собой базу данных¹ из 48 881 экз., разбитых на 300 минимальных единиц рас-

¹ Подготовлена при поддержке РФФИ, проект 98.07-90302. За участие в создании и обработке указанной археолого-географической БД я пользуюсь возможностью поблагодарить моих коллег, участников гранта РФФИ, З.А.Львову, О.Ю.Жиронкину, Д.С.Коробова, С.А.Перимова.

смотрения (МЕР). Сердолик был одним из самых любимых драгоценных камней раннего средневековья, использовавшихся для изготовления бус и подвесок, гемм и иных поделок. Он стоит на первом месте по количеству бус, частоте встречаемости и разнообразию форм, составляя в целом более половины бус из природных материалов. В большей мере, чем какой-либо другой полудрагоценный камень, он является «летописью человеческой культуры», как об этом писал А.Е.Ферсман. Сердолик представляет собой одноцветную разновидность халцедона, включающую полупрозрачные камни всех оттенков; от желто-золотистого до розового, оранжевого и красного. Как пишет Бируни, «его окраска — переходящая: начиная от почти белого цвета, она переходит в желтый, красный и почти черный... ценятся те сорта, которые свободны от пороков, не имеют жилок, мути, черноты, белизны, пестроты...» [Бируни 1963, с. 160, 162].

Несмотря на то что сердолик достаточно широко представлен в природе, места его добычи, на базе которых возникли камнерезные промыслы, чья продукция разошлась по всему миру, издревле были ограничены наносами рек Западной и Центральной Индии, россыпями Аравийской пустыни на побережье Красного моря и в Йемене, и в малой степени, о чем будет сказано далее, использовались местные ресурсы на Кавказе и в Крыму.

Мода на восточные самоцветы, особенно ярко проявившаяся в античности — как в сарматских памятниках, так и в средиземноморских городах, — сохраняется и в раннем средневековье. Если в III–IV вв. при изготовлении каменных бус сердолик составляет около 4%, то в V–VI вв. уже в среднем поднимается до 13%, в VII в. — до 57% и в VIII–IX вв. — даже до 71%. Правда, позднее, согласно сведениям Ал-Хазини, приведенным Бируни, «простым людям, не говоря уже о знати, наскучил сердолик» [Бируни 1963, с. 261].

Достаточная определенность мест добычи сердолика и центров производства бус, а также высокая степень изученности торговых путей в Индию в различные моменты древности и средневековья явились причиной для рассмотрения на ее основе разрешающих возможностей компьютерной географической обработки массового материала. Последний количественно хорошо представлен (5610 экз. кавказско-крымских бус V–IX вв.), первоклассно изучен крупнейшими минералогами — А.Е.Ферсманом и Г.Г.Леммлейном, детально и надежно классифицирован как для предшествующих [Алексеева 1982, с. 14–15], так и для последующих [Полубояринова 1991, с. 20] периодов, очень большое внимание ему было уделено в сводных и специальных исследованиях Б.А.Литвинского [Литвинский 1972; 1973].

Данная статья опирается на недавно изданную монографию «Хронология восточноевропейских древностей V–IX вв. Вып. I. Каменные бусы Кавказа и Крыма» (1998б) и подготовленный к печати «Атлас электронных карт», в котором все номера типов и статистика соответствуют номенклатуре этого тома. Бусы происходят из 90 могильников, что составляет массив примерно в восемьсот погребений. Часть карт издана в цвете в статье «Применение компьютерного картографирования для решения хронологических вопросов (по раннесредневековым материалам Европы)» [Ковалевская 1998а, с. 4–27]. В опубликованных работах подробно рассматривается построение и чтение компьютерных карт, среди которых я выделяю аналитические — карты одного типа, или МЕР артефактов, комплексные — карты сгруппированных МЕР по морфологическому, технологическому, хронологическому и другим признакам и синтетические — карты главных компонент.

Для того чтобы построить аналитическую компьютерную карту каждого из выделенных типологических разрядов бус, необходимо иметь географические координаты всех могильников и показатели частот всех бус, встречающихся в них. В результате при построении цифровой модели картируемого признака программа рассчитывает численную характеристику по отношению к среднему, зависящую от всех точек, т.е. в построении карты участвуют все эмпирические наблюдения.

Этот тип карт является компьютерным аналогом применяющихся в археологии значковых карт, поскольку и на компьютерных картах всегда отмечены номерами те памятники, в которых присутствует картируемый признак. Получается не просто сумма точек, ограниченная изолинией ареала, а модель распространения изучаемого признака: области максимальной концентрации и пути передвижения, по которым можно определить географическое положение источника явления, направление его влияния на периферию, характер распространения (векторизованный или диффузный) и затронутые этим распространением территории.

По карте Ю.Каллмера [Callmer 1992, карто-схема], посвященной восточно-европейской торговле по материалам бус VIII–IX вв., где в центре каждого из выделенных 27 регионов помещена клеточная диаграмма с 9 различными типами бус, включающими шарообразные, сердоликовые, я построила обычную значковую (правда, помещенную на компьютерную, где картировано 1876 сердоликовых бус VIII–IX вв., аналогичную рис. 29 из Атласа). Карта (рис. 1) достаточно убедительно, хотя и схематично рисует волжский путь распространения восточных импортных сердоликовых бус на примере наиболее распространенных шарообразных из Ближнего Востока (куда они могли морским или сухопутным путем попасть из Индии). Количественные характеристики в статье Ю.Каллмера отсутствуют, поэтому можно уточнить картину распространения импортных шарообразных сердоликовых бус V–IX вв. на Кавказе и в Крыму по опубликованным мною данным (Атлас, рис. 5, картировано 1784 экз. шарообразных сердоликовых бус V–IX вв.).

Более ранние бусы из погребений VI в. (Пашковский могильник) и VII в. (Чир-Юрт) характеризуют размеры 1,1–1,3 см, правильная форма, хорошего качества полупрозрачный или непрозрачный розовый и желтоватый сердолик в VI в. и оранжевый однотонный высококачественный — в VII в. Обработка тщательная. Отверстие небольшого диаметра, аккуратное цилиндрическое или слабokonическое. В VIII–IX вв. сердолик несколько более прозрачный, оранжевый «йеменский» или (реже) красноватый и розовый, различный в различных могильниках. В количественном отношении их процент от общего количества сердоликовых бус меняется от 11,92% в V–VI вв. до 19,74% в VII в., поднимаясь до 47,77% в VIII–IX вв.

Компьютерные карты убедительно показывают путь через Закавказье, по которым эти бусы поступают на север через перевалы Центрального Предкавказья. Концентрация приходится на горные и предгорные районы современных Осетии и Ичкерии. Отсюда они веером расходятся на северо-восток в Ингушетию и Дагестан и на северо-запад (левыми притоками Терека вплоть до Кумы и Кубани). Картируя дополнительные материалы, происходящие с Кубани и Подкумка, видно, что шарообразные сердоликовые бусы в V–IX вв. достаточно убедительно рисуют использование кавказского отрезка Великого Шелкового

пути. Этот путь появления шарообразных сердоликовых бус подтверждается их наличием в циркумпонтийской зоне Северо-Западного Кавказа (Дюрсо, Борисовский и Пашковский могильники) и Крыма (могильник Скалистое, Сахарная Головка). Они свидетельствуют в пользу византийской торговли индийскими драгоценными камнями, о чем писал А.Е.Ферсман: «Если формы использования драгоценного камня в ювелирном деле были заимствованы с Востока, то любовь к ним являлась наследием Римской империи. Каир, Багдад и Константинополь превратились в величайшие биржи самоцветов» [Ферсман 1960, с. 48].

Кроме указанных Ю.Каллмером аналогий шарообразным бусам Восточной Европы, они найдены в памятниках салтово-маяцкой культуры в Прикамье [Голдина, Королева 1983, тип 165, 2 экз.], Старой Ладогге и Бирке. В Волжской Болгарии в домонгольское время, по данным М.Д.Полубояриновой, они представлены 22 экземплярами. Следует отметить, что шарообразные сердоликовые бусы в исследуемое время имели аналогии на широкой территории Средней Азии: в Мерве в V–VI вв. [Дресвянская 1966, с. 57], в Хорезме VII–VIII вв. [Гудкова 1973, с. 126], на Афрасиабе [Полубояринова 1991, с. 22]. В Среднюю Азию и Хорезм эти бусы попадали караванными путями непосредственно из Индии.

Не имея возможности приложить серию карт к данной статье, позволю себе привести несколько описаний аналитических карт для того, чтобы понятнее оказались бы дальнейшие логические операции с набором карт, позволяющие рассматривать торговые пути в их системе и динамике.

Эллипсоидные желобчатые бусы (№ 9) [Ковалевская 1998б] из абрикосово-оранжевого («мишмиши») высококачественного сердолика, типичные для памятников VII в., попадали на Северный Кавказ только восточными горными и приморскими путями. В VII в. используется прикаспийский путь через Кавказскую Албанию, судя по находкам в Мингечауре и на основании концентрации этих бус в Северном Дагестане. Только 1 экз. этого времени найден в окрестностях Кисловодска, и нет находок на всей территории, разделяющей Хазарский Дагестан и аланские районы Кавминвод. В VIII в., начиная с арабского похода в Аланию и Хазарию Мервана в 30-е годы через Дариал, сердоликовые желобчатые эллипсоидные бусы проникают в горные районы Осетии, продолжая существовать в высокогорных районах Дагестана (Бежта, Гапшима). В виде единичных экземпляров они доходят до Дона (2 экз. в Верхнесалтовском могильнике) и Камы (1 экз.).

Так называемые «14-гранные» из темно-красного с прожилками «индийского» сердолика (№ 10) широко представлены в Крыму и Северном Причерноморье в позднеримское время [Алексеева 1982, с. 17–18; Никитина 1995, рис. 42, 43; Нечаева 1951, с. 46, 53]. Характерны они и для VI–IX вв.

Здесь важно подчеркнуть факт длительного сохранения традиций в восточном, в данном случае скорее всего индийском, камнерезном ремесле. На протяжении многих столетий из сердолика одного и того же цвета и качества, пользуясь теми же приемами обработки, изготавливали не меняющиеся во времени (во всяком случае, при визуальном анализе) достаточно специфические по форме, пропорциям и размерам бусы.

Основным путем поступления этих бус остается Закавказье — Дар-и-аланский проход. Наибольшая концентрация наблюдается в горных районах Осетии и на левых притоках Терека. Великий Шелковый путь прослеживается

по находкам на Кубани, р. Кривая [Кузнецов 1959, рис. 21], 2 экз. на городище Адиух IX–X вв. и 2 экз. на Архызе (скальные погребения 1, 3). О морском пути по Черному морю говорят находки бус в Дюрсо и в Крыму, правда, количественно они не сопоставимы с тем, что имеется в распоряжении исследователей для позднеримского времени. В более позднее время в Дагестане этот тип увеличивается количественно: в погребениях Агач-Калы IX–X вв. он составляет половину всех сердоликовых бус. В Восточной Европе бусы № 10 найдены в слоях IX в. Старой Ладogi (2 экз.); в древнерусских курганах этот тип составляет $12,7 \pm 4,6\%$, встречен он на Дону в Белой Веже и на Волге [Полубояринова 1991, с. 29].

В отличие от «14-гранных», имеющих широкую область распространения в Европе, четырехгранные бипирамидальные (№ 11) из оранжевого сердолика — прекрасный хронологический индикатор VII в., а «монетообразные» высверлки из перстней (№ 14) оранжевого или красно-бурого сердолика, характерные для VII–IX вв., являются специфическими кавказскими типами сердоликовых бус, редкими для более северных территорий. Карта распространения бус (№ 11) указывает на территорию Ирана как на источник поступления этого типа ближневосточных бус (через Восточное Закавказье). Далее этот путь в Албании разделяется на две ветви: прибрежную прикаспийскую и горную. Отдельные пункты на Северном Кавказе (Чми, Камунта, Мокрая Балка, Теберда, ст. Преградненская) документируют путь их проникновения параллельно Большому Кавказу: от гор Большого Кавказа через предгорья к равнине Кубани и черноморскому побережью. Источником поступления бус № 14 остается Восточное Закавказье, прослеживаются два пути продвижения этих бус на запад: долинный — от низовьев Терека на Подкумок и горный — от Южной и Северной Осетии к верхнему течению Кубани в обход Приэльбрусья. Аналитические карты позволяют оценить использование в разные периоды времени различных путей поступления сердоликовых бус на территорию Кавказа и Крыма и их дальнейшего распространения местными сухопутными дорогами.

Сравнение аналитических карт позволяет выявить определенные закономерности распределения бус в географическом пространстве. В рамках пакета программ GGMag, разработанных в лаборатории Генетики человека ИОГен РАН проф. Ю.Г. Рычкова, можно произвести кластерный анализ, когда оказывается возможным сгруппировать между собой все выделенные типы сердоликовых бус по их пространственной близости [Ковалевская 1998а, с. 12, рис. 3]. Выделенные 5 кластеров очень четко отделили бусы местного производства (кластеры 4, 12) от импортных (кластеры 10, 13, 16). На основании этой кластеризации были построены комплексные карты импортных бус [Ковалевская 1998а, рис. 5], являющиеся обобщением карт отдельных типов, рассмотренных выше, и сердоликовых бус местного производства.

Кластер 4 объединяет бусы № 3, 4, 7, 17. Построенная компьютерная карта рисует две замкнутые области концентрации местных сердоликовых бус — черноморское побережье Северо-Западного Кавказа и Крыма и Дагестан. Находки этих типов в четырех памятниках Центрального Предкавказья благодаря невысокой частотности оказываются подавленными большим числом окружающих памятников.

Кластер 12 объединяет бусы № 2, 5, 16 и 18 (Атлас, рис. 18). Он группирует неправильно округлые, эллипсоидные, битрапещиевидные и прямоугольные

в продольном сечении, при неправильно круглых и уплощенных в поперечном сечении. Построенная компьютерная карта очень близка карте 4 кластера. Видна близость Северо-Западного Кавказа и Крыма, объединенных морскими черноморскими путями между собой, что находит подтверждение на ряде карт каменных и стеклянных бус. Выделяется замкнутый ареал Дагестана, с которым связаны памятники горных районов Центрального Приэльбрусья.

Карты кластеров бус местного производства заметно отличаются от кластера № 16, объединяющего импортные сердоликовые бусы № 6, 8, 14, 19, 20 и 21 [Ковалевская 1998а, рис. 5]. На рассматриваемой карте не только четко проявляется проникновение этих бус через Восточное Закавказье в эпоху сасанидского Ирана и Арабского халифата, но и два пути их дальнейшего движения на запад: горными дорогами вдоль Большого Кавказа, через перевал Харамя в Ичкерию, через Гумик, Сарир, землю дурдзуков к верховьям Терека и его левым притокам с одной стороны — т.е. в Ихран, и степными путями из Хазарского Дагестана на северо-запад через Кюльбак в Малую Хазарию вплоть до района Кавказских Минеральных Вод, Черноморского побережья Кавказа и Юго-Восточного Крыма. Закавказский путь поступления сердоликовых бус свидетельствует в пользу как индийского, так и йеменского их происхождения. А.Е.Ферсман писал об этом: «Из окрестностей Йемена и с побережья Красного моря вывозили в Египет и в страны Средиземного моря прекрасные сердолики и агаты, с которыми могли соперничать лишь камни из Западной Индии» [Ферсман 1960, с. 37].

На материалах всего массива сердоликовых бус могут быть построены комплексные суммарные карты по трем хронологическим периодам, обобщающим все данные о местном производстве и торговле ими в V–IX вв.

Карта плотности 4523 сердоликовых бус № 1–21 V–IX вв. в пределах Крыма и Кавказа [Ковалевская 1998б, рис. 26] указывает на основную зону их концентрации в Восточном Закавказье — Иберии и Албании (позднее Шакки и Ширване) и проникновении на север как Дарияльским, так и более восточными — возможно, Кодорским, Цудурским, Малкамудским и Шахдагским перевалами [Гаджиев 1997, с. 111]. Наряду с этим выделяется замкнутый, вытянутый широтно по 43° с.ш. ареал сердоликовых бус местного производства. Говоря о нем, надо помнить не только о том, что в Дагестане известны месторождения сердолика, правда невысокого качества, но и о том, что халиф Муавия (661–680), по сведениям Табари, выделил жителям Куфы и Басры земли в Дербенте [Гаджиев, Давудов, Шихсаидов 1996, с. 216]. А именно жители Басры славились как мастера-камнерезы, поскольку именно туда привозили морским путем драгоценные камни из Индии (сердолик, агат, хрусталь и др.), которые, по свидетельству Бируни, обрабатывались на месте. С переселением жителей Басры можно связывать как местное производство на привозном сырье, так и, возможно, использование местных материалов. В такой же мере массовая миграция населения Сирии и Палестины на территорию Дагестана сасанидским Ираном, а позднее Арабским халифатом на протяжении VII–VIII вв. способствовала развитию старых и созданию новых торговых путей и усилению торговли.

Как я уже отметила, сердоликовые бусы из Хазарского Дагестана попадают на запад как горными перевалами Харамя и Речол через Андийский хребет в Ичкерию [Ковалевская 1998а, рис. 26], так и степными путями — левобережьем Терека к верховьям Кумы и среднему течению Кубани. Очаговое рас-

пределение сердоликовых бус на Северо-Западном Кавказе и в Юго-Западном Крыму говорит о меньшем удельном весе здесь сердоликовых бус, чем в Восточном Предкавказье; часть сердоликовых бус свидетельствует о местном производстве, часть — о византийском черноморском импорте индийских бус, попавших туда морскими южными путями.

Эта обобщенная карта сердоликовых бус V–IX вв. может быть рассмотрена через три диахронных среза, которые объединяют 4523 экз. сердоликовых бус из датированных комплексов, т.е. около 80% всех подобных находок. Для памятников V–VI вв. распределен 151 экз. сердоликовых бус [Ковалевская 1998б, рис. 27]. Несмотря на то что рассматриваемые нами могильники V–VI вв. представлены только в Крыму и Западном Предкавказье вплоть до района Кавказских Минеральных Вод, модель распределения четко указывает на проникновение сердоликовых бус с востока, из Восточного Предкавказья равнинными терско-кубанскими путями. На территорию Дагестана они проникают из сасанидского Ирана через Кавказскую Албанию.

Карта плотности распределения 2496 сердоликовых бус в VII в. (составлявших в этот период более половины каменных бус [Ковалевская 1998б, рис. 28]) указывает на их проникновение из Восточного Закавказья. Ареал наибольшей плотности их распределения рисует территорию, связанную с зоной действия сасанидского Ирана и арабов. Бусы проникали в восточные области Предкавказья по побережью Каспийского моря и горными восточными транскавказскими проходами вплоть до Дар-и-Алана. Находки сердоликовых бус западных территорий (в районе Кавказских Минеральных Вод и на Верхней Кубани) количественно уступают находкам восточных территорий. Они могли поступать черноморскими путями, возможно Великим Шелковым путем, из Византии. Зона невысокой концентрации на Черноморском побережье Кавказа вызвана наличием в погребениях VII в. Дюрсо большого количества бус местного производства (№ 2, 3, 18).

Комплексная карта распространения всех сердоликовых бус VIII–IX вв. в Восточной Европе использована мною как основа для нанесения данных Ю.Каллмера и указывает на наиболее сильные связи Крыма и Северо-Восточного Кавказа с Подоньем. На рис. 29 (Атлас) видно, как импортные и местные сердоликовые бусы членят территорию Предкавказья по 44° в.д. на две основные зоны — Восточное и Центральное Предкавказье с одной стороны, и Северо-Западный Кавказ вплоть до района Кавказских Минеральных Вод — с другой.

Примером комплексной карты, представляющей интерес в контексте данной статьи, является карта сердоликовых бус с росписью. Эта группа бус заслуживает специального исследования, поскольку по форме, характеру и цвету сердолика, технике обработки и применяемым типам орнамента может быть разделена на ряд единиц рассмотрения. Примерно в равной пропорции они происходят из комплексов VII и VIII вв. (в более поздних комплексах их количество резко уменьшается). Преобладают бусы оранжевого и розового сердолика аккуратной обработки. Половину составляют шарообразные бусы диаметром 0,7–1,3 см, около 20% представлены «монетообразными» бусами, столько же составляют их грубые подражания. Эллипсоидные, цилиндрические и желобчатые бусы единичны (рис. 2). Техника росписи разобрана рядом европейских и индийских исследователей на основании анализа многочисленных материалов

из древней и средневековой Индии и Ближнего Востока [Beck 1933, с. 86; Dikshit 1949, с. 10; 1952, с. 34]. А у Бируни мы читаем: «На камнях для перстней (восточных) из сердолика пишут, что пожелают, посредством раствора поташа и нашатыря; затем камень приближают к огню, и написанное становится белым» [Бируни 1963, с. 160]. Автором картировано 47 экз. бус из Кавказа и Крыма (Атлас, рис. 24). Абсолютное преобладание находок в Центральном Предкавказье и Северо-Восточном Кавказе свидетельствует в пользу поступления расписных сердоликовых бус восточными путями (Дербентским и Дариальским проходами), находившимися в VII–VIII вв. под контролем сасанидского Ирана и Арабского халифата.

В очень интересном экскурсе Б.А.Литвинского о расписных сердоликовых бусах I тыс. до н.э. из могильников Памира [Литвинский 1972, с. 78–82] приведены все типы орнамента, встреченные на памирских бусах, и сопоставлены со сходными орнаментами древних индийских бус. Наши раннесредневековые материалы отличается другой орнаментальный набор, что справедливо было отмечено Борисом Анатольевичем, когда он рассматривал инкрустированные бусы из Южного Таджикистана V в. н.э. Наиболее типичным, представленным на трети бус, для средневековых расписных бус Кавказа является мотив пятиконечной решетки, характерный для индийских памятников античного времени [Beck 1933, pl. III, 2, V, 14, VI, VIII, 10, IX, 3, XI, 15, XII, 1; Beck 1941, с. 3, pl. II, 17]. Г.Бек в своей специальной работе, обобщающей материалы Ирана, Индии, Средней Азии и Кавказа, выделяет расписные бусы с орнаментом из пятиконечных решеток с вписанными в них скобками, «звездочками» и т.д. и определяет дату их бытования в рамках VII–IX вв. [Beck 1933, с. 388–389, fig. XIX, 2, 3, pl. III]. Растительный орнамент в виде побегов, волнистых и прямых линий, который характерен для ранних индийских бус, сохранялся там вплоть до развитого средневековья [Dikshit 1949, pl. II, V, IX, XIV], на Северном Кавказе единичен и не представлен определенным канонам. Бусы с волнистой линией и шестиконечными звездами (иногда трехконечными), распространенные на Кавказе, имеют аналогии на территории Ирана [Beck 1933, с. 389–391, 397, fig. XVII, 3, XVIII, 1], что лишний раз подтверждает их иранское происхождение.

Через Кавказ расписные сердоликовые бусы попадали на территорию салтово-маяцкой культуры (3 экз. в Верхнесалтовском могильнике и 1 экз. в Дмитриевском могильнике), в Белую Вежу — 1 экз. [Артамонова 1963, рис. 49, 1] и доходили до Прикамья [МАР 1902, табл. I, XIV; Голдина, Королева 1983, с. 56, 65, табл. 173–175]. Попадали подобные бусы из Индии в Среднюю Азию — на поселении VII–VIII вв. в Кердере найдено 7 экз., изучены они и в Хорезме [Трудновская 1952, с. 122–123]. В древнерусских курганах X–XIII вв. находки инкрустированных бус единичны. Причем по своей орнаментике (волнистые полосы, зональные линии, кружки и точки [Фехнер 1959, с. 155, рис. 1, 9–12]) они сближаются с одновременными им индийскими, а не с выше рассмотренными северокавказскими и ближневосточными. В Болгарах найдено 11 экз. бус с росписью. Они близки некоторым бусам северокавказских могильников и древнерусских курганов, также имея наиболее близкие аналогии в Индии [Полубояринова 1991, с. 20–33].

При обсуждении доклада, который лег в основу данной статьи [Ковалевская, 1998в] и где достаточно подробно были рассмотрены принципы

построения компьютерных карт на примере серии аналитических, комплексных и синтетических карт, Б.И.Маршаком был задан вопрос о том, какой дальнейшей обработке подвергаются эти карты для получения обобщенной характеристики торговых путей и связей. Отвечу на нескольких примерах. Работа с матрицей попарных коэффициентов корреляции всех типов сердоликовых бус, полученная при построении карт главных компонент, позволяет предложить их связный граф (рис. 3) на основании пространственного размещения на Кавказе и в Крыму.

Для выяснения интенсивности использования в V–IX вв. трансконтинентальных и местных путей в Крыму и на Кавказе, связывавших этот регион с Византией, Закавказьем, Ираном, Арабским халифатом вплоть до Индии, были рассмотрены все имеющиеся в нашем распоряжении карты, а именно 53 аналитические, комплексные и синтетические карты сердоликовых бус V–IX вв., построенные в различных географических программах (GGMag, Datstat и Mapstat) и с помощью различных процедур (аналитическом сплайн и средневзвешенной интерполяцией).

Большой Кавказский хребет проходим не на всем своем протяжении, а лишь по перевальным путям, как правило, используемым только в летнее время (как, между прочим, и черноморские пути, по которым судоходство могло осуществляться несколько дольше, но также ограниченный срок, с апреля по ноябрь, и лишь sporadически в другое время), — на карте выделяются потоки передвигающихся вещей. Можно подсчитать, выделив визуально для каждой из карт использовавшиеся пути (как правило, на одной карте отмечаются от одного до трех путей поступления сердоликовых бус на территорию Крыма и Северного Кавказа и в среднем один путь их дальнейшего продвижения в Предкавказье).

Диахронные карты позволяют оценить изменения в использовании этих путей во времени, что требует специального рассмотрения и сделано мною [Ковалевская 2000, с. 206–224]. Я же предлагаю оценить использование различных сухопутных и морских путей поступления сердолика, что, в свою очередь, позволит уточнить местоположение использованных камнерезных центров. Перевальные кавказские пути, являя собой эффект «бутылочного горлышка», втягивают в себя известные нам по письменным источникам закавказские и ближневосточные трассы как местного значения, так и трансконтинентальные, типа южного Шелкового пути, Иранско-Азиатско-Китайского с его индийским ответвлением или морского из Индии в Персидский залив, или, наконец, обходного южного византийско-индийского по Красному морю, кончающегося в Константинополе.

Трансконтинентальные пути из Ирана в Индию и Китай, так же как история Великого Шелкового пути, имеют столь обширную литературу, что можно позволить себе, не углубляясь в историографию вопроса, воспользоваться результатами этих исследований в картографической форме. Моей задачей является на основании анализа распределения бус, в данном случае ограничив себя сердоликовыми, рассмотреть те транскавказские пути, которые использовались во второй половине I тыс. н.э.

В подписи под картой (рис. 4) для характеристики степени использования каждого из путей приводится число карт, на которых они были выявлены. На первом месте были морские пути, представленные на трети карт, недаром любовь к восточным камням была так сильна в Византии, господствовавшей как на

Черном, так и в Средиземном морях. Использовался как западнопонтийский путь из Константинополя в Херсон (9 карт), так и восточный, через Трапезунд, преимущество которого определялось направлением прибрежных течений (22 случая). Этот каботажный путь шел вдоль побережья, находившегося в руках Византии вплоть до Колхиды, и далее до Северо-Западного (как прибрежного, так и Кубани) Кавказа и Восточного Крыма.

Несколько меньше для импорта сердоликовых бус использовался черноморский путь, выводящий к побережью современной Абхазии [Воронов 1998а; 1998б] и переходящий в северный отрезок Великого Шелкового пути (освоенный во второй половине VI в.) и продолжающийся по Верхней Кубани (11 случаев) или выходящий через Донгуз-Орун к левым притокам Терека в Приэльбрусье (4 случая). Археологически это разветвление, известное по письменным источникам, ранее не документировалось. Это же относится и к выделению пути по Рионской долине (трудно сказать, следует ли начинать этот путь с морского побережья или южные сухопутные дороги выходили к среднему течению Риони). Безусловно лишь, что этот путь выводил к верховьям левых притоков Терека, восточнее пути, упоминавшегося ранее. Этот путь нашел выражение в 20 случаях и оказался использованным в такой же мере как Дар-и-аланский путь, который привычно считался исследователями самым употребительным из кавказских перевальных путей. В распространении сердоликовых бус большую роль играли высокогорные пути, пересекавшие Большой Кавказ из Картли и Кахетии в Ингушетию и Ичкерия (7 случаев) и Дагестан (25 случаев). И опять-таки Железные Врата (Баб-ал-Абваб), которые издревле были одним из основных путей, связывавших Северный Кавказ с Закавказьем, представлены в 25 случаях, т.е. в таком же количестве, как горнодагестанский, что говорило восточным авторам о большей безопасности последнего.

На этом одном примере я хотела показать, что дальнейший анализ всего массива компьютерных карт, построенных на столь массовом материале, как бусы из сердолика, заставляет конкретизировать общие представления и приводит к очень интересным и подчас неожиданным выводам, требующим подкрепления в исторических свидетельствах и проверки на других археологических материалах. При таком комплексном исследовании выводы должны быть значительно более эффективны.

Еще в большей мере это касается местных путей на Северном Кавказе. Из транскавказских дорог фактически охвачены только самые основные — например, Марухский, Санчарский, Софиевское Седло, Наурский перевалы, — но не все из них достаточно документированы источниками. Все эти пути меридионально — а правильное перпендикулярно к направлению Большого Кавказского хребта — уходили на север, выходя в степи и включаясь в сложившуюся на протяжении веков систему основных путей, которые связывали юг с севером и запад с востоком. Вместе с тем параллельно Большому Кавказу с древности до недавнего времени существовали десятки (Е.Г.Пчелина по этнографическим данным насчитала 13 для горно-предгорно-равнинных районов Предкавказья) параллельных путей, пересекавших долины, выходивших на куэсты, проходивших по перевалам, существовавшим в цепях хребтов, перпендикулярных Большому Кавказу.

Они неоднократно пересекали дальние транскавказские трассы, по ним расходился попадавший в Предкавказье импорт, правда в большей мере по ним

продвигались предметы местного производства, имеющие небольшой радиус распространения. Если говорить о бусах, это в значительно большей степени относится к стеклянным бусам местного производства VII–IX вв. (одноцветным, глазчатым и мозаичным), нежели к каменным, в частности сердоликовым, или же таким материалам, как керамика, амулеты, зеркала, поясные наборы и т.д.

Эти местные пути обобщены в четыре группы, согласно ландшафтному делению Предкавказья, понимая, что конкретные разработки могут заметно увеличить их количество. Наиболее часто представлены (более чем на трети карт) степные, азовско-каспийские. Равнинные, терско-кумско-кубанские, выявлены на 18% карт, предгорные — на 20%, тогда как высокогорные достигали 26%. Основная коммуникационная сеть находилась здесь, соединяя между собой горное население от Дагестана до Карачая, как на северных, так и на южных склонах Кавказских гор.

Анализ компьютерных карт распространения сердоликовых бус показал, что Кавказ является не только территорией по снабжению Европы (до Скандинавии включительно) продукцией восточных камнерезных мастерских, но и центром производства ряда местных форм, которые и распространялись внутри Кавказа, и выходили за его пределы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеева 1982 — Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М.
Артамонова 1963 — Артамонова О.А. Могильник Саркела–Белой Вежи. — МИА, № 109.
Бируни 1963 — Абу-р Райхан Мухаммед Ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). М.–П.
Воронов 1998а — Воронов Ю.Н. Колхида на рубеже средневековья. Сухум.
Воронов 1998б — Воронов Ю.Н. Древняя Аписилия. Сухум.
Гаджиев, Давудов, Шихсаидов 1996 — Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала.
Гаджиев 1997 — Гаджиев М.С. Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала.
Голдина, Королева 1983 — Голдина Р.Д., Королева О.П. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья. — Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск.
Гудкова 1973 — Гудкова А.В. К изучению раннекердерских бус (VII–VIII вв.). — Вопросы антропологии и культуры Кердера. Таш.
Дресвянская 1966 — Дресвянская Г.Я. Каменные бусы с городищ Старого Мерва. — Тр. Ташкентского Государственного Университета. Вып. 295. Археология Средней Азии. VII. Таш.
Ковалевская 1998а — Ковалевская В.Б. Применение компьютерного картографирования для решения хронологических вопросов. (по раннесредневековым материалам Европы). — Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Матер. II Междунар. археологической конф. 17–20 ноября 1997 г. Самара.
Ковалевская 1998б — Ковалевская В.Б. Хронология восточноевропейских древностей V–IX вв. Вып. I. Каменные бусы Кавказа и Крыма. М.
Ковалевская 1998в — Ковалевская В.Б. Раннесредневековые бусы Кавказа и торговые пути V–IX вв. (применение компьютерного картографирования). — Древние цивили-

- лизации Евразии. История и культура. Тез. докл. междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию действительного члена Академии наук Таджикистана, д-ра ист. наук, проф. Б.А.Литвинского. Москва, 14–16 октября 1998 года. М.
- Ковалевская 2000 — *Ковалевская В.Б.* Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. — Хронология восточноевропейских древностей V–IX вв. Вып. 2. Стекланные бусы и поясные наборы. М.
- Кузнецов 1959 — *Кузнецов В.А.* Наземные гробницы р. Кривой в Ставропольском крае. — КСИИМК. Вып. 76.
- Литвинский 1972 — *Литвинский Б.А.* Древние кочевники «Крыши мира». М.
- Литвинский 1973 — *Литвинский Б.А.* Украшения из могильников Западной Ферганы. М.
- МАР 1902 — Материалы по археологии России. Вып. 26. СПб.
- Нечаева 1951 — *Нечаева Л.Г.* Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе (канд. дис.). Хранится в архиве ИА РАН.
- Никитина 1995 — *Никитина Г.Ф.* Анализ археологических источников могильника черняховской культуры у села Оселивка. М.
- Полубояринова 1991 — *Полубояринова М.Д.* Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.
- Трудновская 1952 — *Трудновская С.А.* Украшения позднеантичного Хорезма. — ТХАЭЭ. Т. I. М.
- Ферсман 1960 — *Ферсман А.Е.* Путешествия за камнем. М.
- Фехнер 1959 — *Фехнер М.В.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. — Очерки по истории русской деревни XI–XIII вв. Тр. ГИМ. Вып. 133. М.
- Beck 1941 — *Beck H.C.* The beads from Taxila. — *Memoirs of the Archaeological Survey of India.* № 65. Delhi.
- Beck 1959 — *Beck H.C.* Etched Carnelian Beads. — *The Antiquaries Journal.* Vol. XIII. № 3, July. L.
- Callmer 1992 — *Callmer J.* The inundation of Oriental beads in Europe during the 8th century A.D. — *Lund-Hansen U.* Proceeding of the Nordic Glass bead seminar, Lejre 16th–18th October 1992. København.
- Dikshit 1949 — *Dikshit M.G.* Etched beads in India. — *Deccan College Monograph Series.* № 4. Poona.
- Dikshit 1952 — *Dikshit M.G.* Beads from Ahichchatra. — *Ancient India.* Calcutta, № 8.

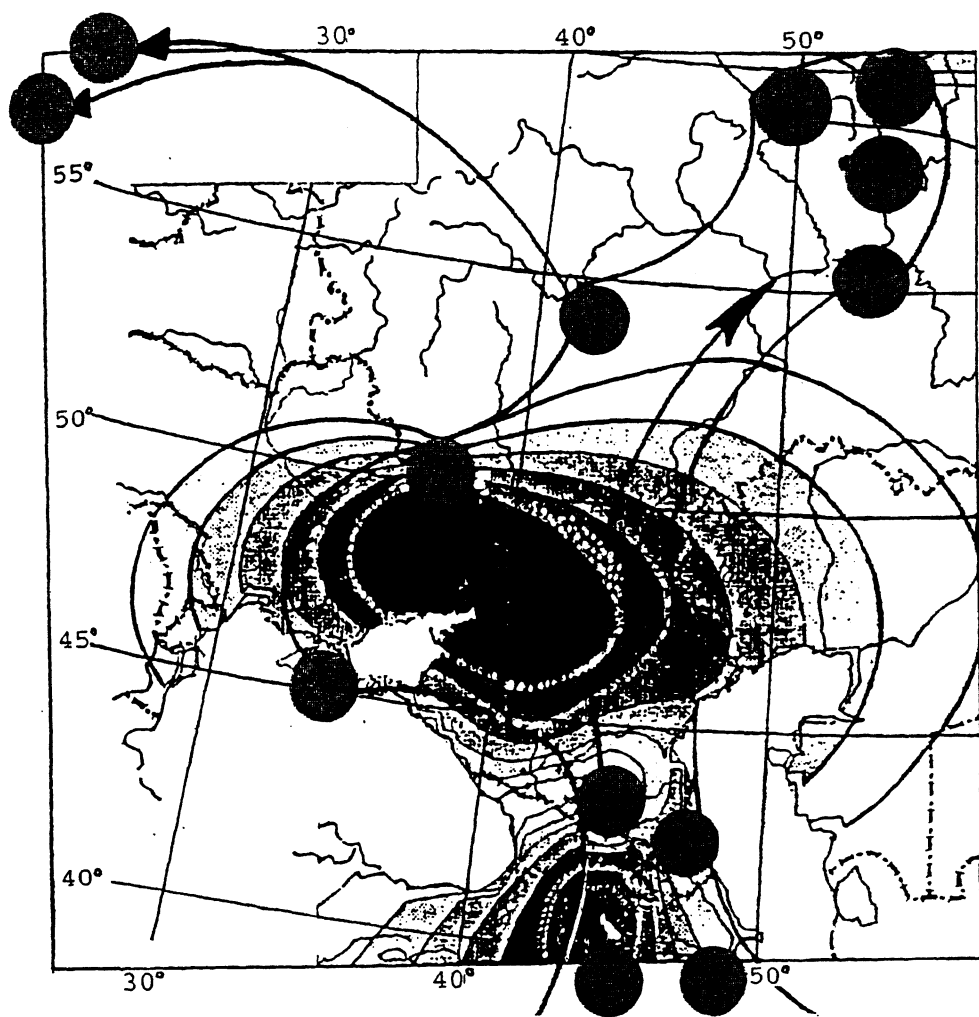

Рис. 1

Компьютерная карта распространения сердоликовых бус VIII-IX вв. (1876 экз.) в Восточной Европе с нанесением по карте Ю.Каллмера (1992) шарообразных сердоликовых бус

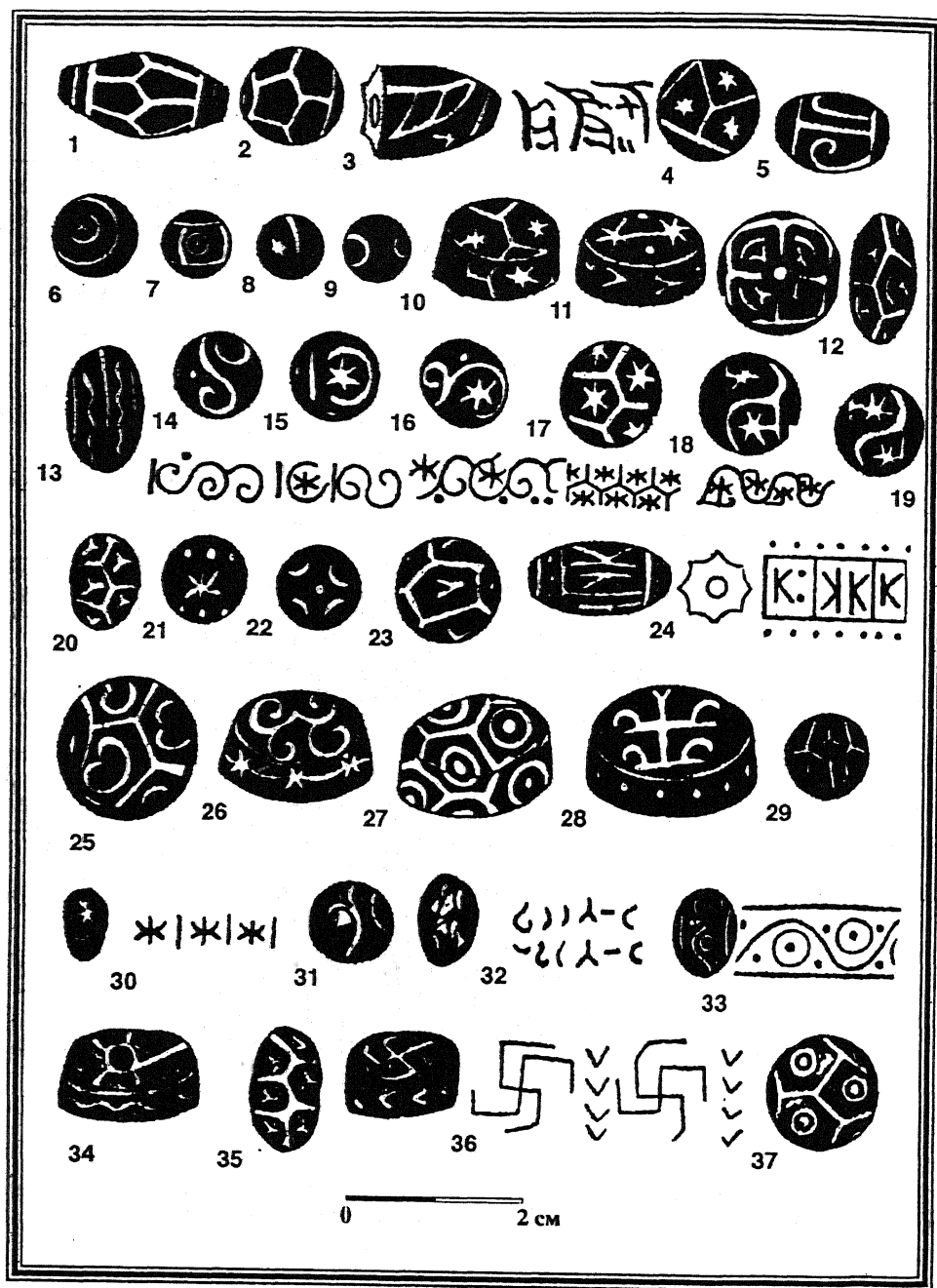

Рис. 2

Инкрустированные халцедоновые бусы из могильников Юго-Восточной Европы VI-IX вв.: сердо-
 ликовые — 4 — Балта (кат. 2); 5-8 — Чми (кат. 25); 9 — Чми (кат. 2); 10 — Чми (кат. 12); 11 —
 Чми; 12 — Терская область; 13-20 — Галиат; 21, 24, 25 — Комунта; 22 — Салтово; 23 — Боль-
 шой Буйнакский курган; 26-28 — Кабарда; 29-30 — Архон; 31-32 — Чир-Юрт; 33 — Дергавс;
 34 — Бежта; 35 — Кабарда; 36-37 — Мингечаур

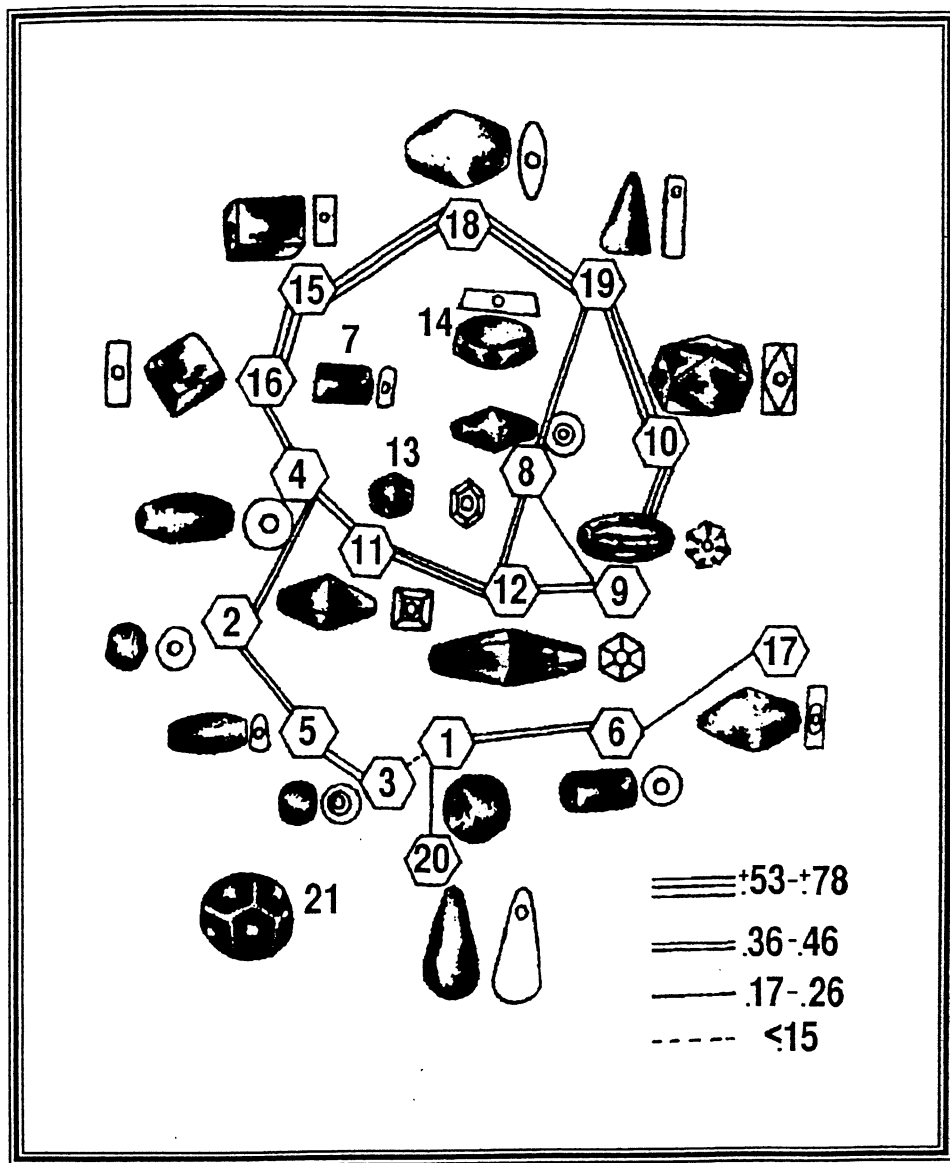

Рис. 3

Связный граф сердоликовых бус V-IX вв. (по коэффициенту корреляции пространственного распределения 29665 экз.)

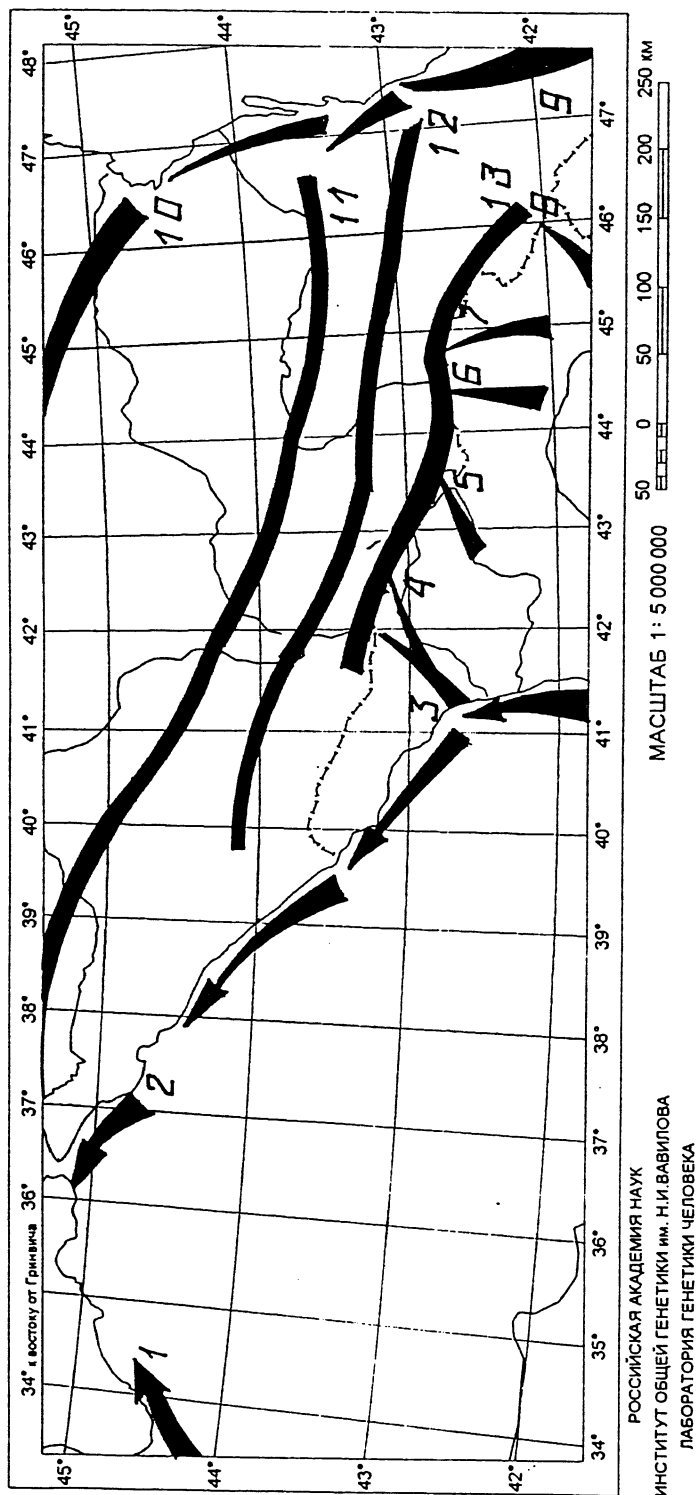

Рис. 4

Основные пути Кавказа V–IX вв. (построены по 53 картам распространения сердоликовых бус — в скобках указано количество карт): 1 — западный понтский (из Константинополя, 9); 2 — восточный понтский (через Трапезунд, 22); 3 — Великий Шелковый путь (через Клухор, 11); 4 — Великий Шелковый путь (через Донгуз-Орун, 4); 5 — Центрально-Кавказский (через Мамисон, 20); 6 — Центрально-Кавказский (через Дар-и-Алан, 20); 7 — Центрально-Кавказский (в Ичкерии, 7); 8 — Восточно-Кавказский, горный (в Дагестан, 25); 9 — Прикаспийский (через Дербент, 25); 10 — степные широтные (19); 11 — равнинные (Терско-Кумско-Кубанские, 9); 12 — средне-горные (вдоль Большого Кавказа)

И.Л.Кызласов

СМЕНА МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ЮЖНОЙ СИБИРИ
В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
(Идеи единобожия в енисейских надписях)

Енисейские эпитафии, высеченные на каменных стелах, отражают наиболее архаичные и устойчивые представления южносибирского раннесредневекового общества. Нет в них ни обращений к божествам, ни ожидания загробного воздаяния, представлений о возможности вечного и блаженного бытия за пределами земного. Напротив, человеческая жизнь мыслится авторами этих памятных рунических текстов как единственное и абсолютно счастливое время, а смерть как горестная и безвозвратная утрата. Вчитаемся в камнеписные строки: *buṇusuz ulʸat(i)ṁ buṇ bu (e)rm(i)š t(ä)ṇrid(ä)ki künkä j(e)rd(ä)ki el(i)mkä bökm(ä)d(i)ṁ* «Я вырос без печали, горе (только) было вот: на небе находящимся солнцем, на земле находящимся моим владением я не наслаждался!» (Е 7, 2–3), *buṇusuz (e)rdä b(e)n (e)rd(i)ṁ qujd(a)qī qunč(u)j(i)ṁṁṁ (a)d(i)r(i)ld(i)ṁ...* «Прежде я был без печали, (теперь же) я удалился от находящейся в тереме моей супруги...» (Е 6, 3–4)¹, *töṭt (a)d(a)q(liy)(?) jilq(i)ṁ s(e)k(i)z (a)d(a)ql(i)ṁ b(a)r(i)ṁṁṁ buṇ(i)ṁ joq (e)rd(i)ṁ buṇ baṇa...* *b(a)t (e)rm(i)s öld(i)ṁ jita (e)s(i)z(i)ṁ-ä...* «У меня были четвероногие (?) кони, у меня был восьминогий скот, — я жил без печали. Печаль... быстро ко мне явилась: я умер, увы, о горе!..» (Е 10, 10–11)², *toq(u)z j(a)šda tʸyl(i)ṁ q(a)nqa t(a)pd(i)ṁ (e)rdim bilṁ(ä)d(i)ṁ buṇ(i)ṁ bu (e)rm(i)š* «В девять лет я (уже) служил имеющему знамя хану и следовал (за ним). Я не знал печали, она (же) шла по пятам!» (Е 60, 2–3)³. Подобные примеры можно умножить.

Потусторонний мир не сулил этим людям отрады, она существовала для них лишь в бренной земной юдоли: недаром традиционное и постоянное завершение эпитафийной строки — ➤X➤V➤ *bökm(ä)d(i)ṁ* «я не наслаждался». На шестой стеле с р. Уйбата (Е 98) встречаем следующие слова, обращенные к умершему: *(e)r biṇ (o)j(u)n q(a)zy(a)nd(i)ṇ(i)z bökm(ä)d(i)ṇ(i)z* «Витязь, тысячу увесе-

¹ Чтение С.Е.Малова (Енисейская письменность тюрков. М.–Л., 1952, с. 21). Понятие «енисейские надписи» несет в статье лишь палеографический смысл; памятники, рассматриваемые по всему ареалу енисейского письма, обозначаются индексами, принятыми в сводных изданиях, или названиями местонахождений; пара подчеркнутых букв передает один знак оригинала.

² Чтение С.Е.Малова (Енисейская письменность тюрков, с. 25–28). Попытку уточнения, составляющую темные места, см.: *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997, с. 234, 236, 241, 242.

³ *Кызласов И.Л.* Эпитафия из Саргал-Аксы (Тува). — РА. 1993, № 3.

лений Вы приобрели, (но) Вы не насладились (ими)». В соответствии с этим мировоззрением тексты енисейских эпитафий (которых сегодня известно более 80) предназначены для вполне канонического описания жизненных успехов умершего: приобретения им статуса свободного и полноправного мужчины-эра, обладания соответствующей этому рыцарской доблестью, более всего выражавшейся в ратных и охотничьих, но также и посольских, иных государственных делах, в разряд которых входило и создание семьи, и благоустройство владений.

И вот среди этих горестных, но вполне самодовольных, превозносящих умершего строк, в одной из наиболее консервативных областей применения енисейского письма встречаем вдруг совершенно иные мотивы. После традиционного перечня доблестей почившего героя, провозглашенного от первого лица, в 16-й строке поминальной стелы из Эль-Бажи (Е 68/1, Тува) высечено:

→ ХҮ:Е Н:ҮҮ Н:◀ ЈОД:ХХ... ...d²ä : j(a)ŋlīq : tör : t(e)g : (e)rd(i)m

«...я следовал ошибкам, точно ценностям»⁴. На западном ребре стелы из урочища Тугутуп (Е 120, Хакасия) во вполне обычной фразе поминального плача разбираем⁵: ...→ Х → Ү Н:Ү → Ј → Ү:Ү → Ү 9: ... : j(e)r(i)m-ä: (a)šun(i)m-a: bōkm(ä)d(i)m: ...«О, моей (священной) землю, о, моим (греховным) земным бытием я не наслаждался». Наиболее ясно наступившие в южносибирском обществе мировоззренческие перемены проступают в тексте краткой эпитафии Бар-Бургазы I (Алтай), начертанной по особым нормам псевдорунической орфографии: → НҮҮЗЗ:Ү Ч А Т:Ү:Х Е Н:Ү:Ү НҮЗЗЗ Н Т:Ү:Ү → 5 I:Ү Ч Н оҥа (e)s(i)z(i)m-ä (i)kit (a)z (a)d(i)rti (a)q qujda kiš(i)ŋä (a)d(i)r(i)lt(i)m «С (моим) князем, о горе, (меня) гибельная алчность разлучила; с (моей) женою (находящейся) в белом тереме я разлучился»⁶.

Перед нами просьбы о прощении прегрешений и заблуждений, признание греховности мира и его обитателей — черты, столь свойственные мировым религиям: представления о земных радостях сменились осознанием окружающих пороков, суд человеческий сменился судом божьим. Как ни ограничены эти материалы, они позволяют по-новому понять и содержание седьмой строки кыргызской эпитафии из Суджи (Е 47, Монголия)⁷ — → Н[Ү]А:Х > Ч > А:Ү Ч Н 9:Ү → Ч: m(a)r(i)ma: jüz (e)r: turuy: b(e)[r]t(i)m «Моему вероучителю я даровал прибежище на сто человек». По-видимому, речь здесь идет о закладке монастыря для сотни подвижников⁸.

Понятно, что перед нами не только новая, но и привнесенная на Саяно-Алтайское нагорье мировоззренческая доктрина. Обратим внимание на то, что в трех из четырех приведенных текстов встречена заимствованная религиозная лексика западноазиатского происхождения: согдийское слово ašun, среднеиран-

⁴ Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности. — РА. 1998, № 2, с. 71–73, рис. 4, 6.

⁵ Кызласов И.Л. Тугутупская стела с древнехакасской эпитафией. — СТ. 1979, № 5, с. 90–96.

⁶ Кызласов И.Л. Стелы с руническими надписями на Алтае. К выделению местных групп енисейских эпитафий. — Вопросы тюркской филологии. Вып. III. М., 1997, с. 45–54.

⁷ Ramstedt G.J. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. — Journal de la Société Finno-Ougrienne. XXX, 3. Helsingfors, 1913, S. 4, 5, 7, 9; Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков, с. 84, 85.

⁸ Ср. одно из предположений Г.Й.Рамштедта: «...дал своему „учителю“ или „религиозному настоятелю“... сто мужчин и место проживания... чтобы устроить общую или церковную школу...» (S. 7).

ское az, сирийское maḡ. Первый термин до сих пор встречался в тюркоязычных мусульманских и буддийских сочинениях, второй — в буддийских и манихейских рукописях, третий свойствен манихейству и несторианству. Поскольку несторианское богослужение всегда и всюду велось по-сирийски, переводы религиозных сочинений на национальные языки верующих (иранский, парфянский, согдийский, тюркский, китайский и др.) делались с этого языка⁹ и отражают сирийские заимствования. Манихейская принадлежность рунической суджинской эпиграфии, речь в которой к тому же идет о судье-наместнике в захваченной древними хакасами Уйгурии, стала ясна еще В.Томсену и Г.И.Рамstedту¹⁰. Согдийская и иранская терминология прочих надписей не может противоречить этому определению, поскольку хорошо известно не только широкое распространение среди этих народов манихейства (зародившегося в сасанидском Иране, но с VIII в. резиденцию своего главы имевшего в Тохаристане и с X в. — в Самарканде), но и особая роль согдийских миссионеров в распространении в VII–VIII вв. манихейства в Восточном Туркестане, Китае и Уйгурском каганате¹¹.

Проявившуюся при обзоре эпиграфических памятников картину духовных перемен, наступивших в Южной Сибири, раскрывает и содержание многочисленных в этих краях, но мало изученных наскальных рунических надписей. Обычай ритуального писания на скальных плоскостях, возможно, отражает здесь еще и местное язычество, а обусловлен сильным развитием древнего культа гор. Об этом говорят надписи, указывающие на вечность скал и священность олицетворенной ими Бурой Земли (𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 j(a)ḡ(i)z j(e)r), строки, возвеличивающие конкретные утесы или даже совсем невысокие сопки, прямо называющие их божествами, наделенными небесной благодатью, равно как и обычай отмечаться на скалах личными тамгами или начертанием имен (чаще это делалось в опасных местах на дорогах и речных переправах)¹². Обычно эти имена сопровождаются титулами и принадлежат знати.

Среди енисейских наскальных надписей отчетливо выделяется группа кратких текстов, содержащих самоуничижительные оценки писавших. Характерная лексика, применяемая для этого, не оставляет никакого сомнения в том, что в этих случаях мы имеем дело с приверженцами единобожия. Ясное и полное отражение этого встречаем в строке на скале Гурвалжин-ула в Монголии: 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 : 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 t(ā)ḡri qulī bit(i)d(i)m «Я, раб божий, написал (это)»¹³. Этот памятник помогает восполнить недосказанное в некоторых других надписях: 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 isiz qul bitmiš (e)s(ā)n «Недостойный раб (божий) написал (это) и (стал) здоров» (Тува, Хая-Бажи X, E 24/10)¹⁴, 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 öz (a)d (a)pa (a)ḡ(a)ḡ m(e)n

⁹ См.: Никитин А.Б. Христианство. — Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992, с. 538, 543–549.

¹⁰ Ramstedt G.J. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei, S. 9.

¹¹ Литвинский Б.А., Смагина Е.Б. Манихейство. — Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии, с. 522–524.

¹² Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994, с. 183, 186–195, 199; он же. Священная Земля тюрков по руническим надписям. — Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 1998, с. 53–55.

¹³ Кляшторный С.Г. Наскальные рунические надписи Монголии. — Тюркологический сборник. 1975. М., 1978, с. 155, фото 2.

¹⁴ Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII — начало XV в.). — РА. 1994, № 1, с. 40–44, рис. 6, 7.

значения единого бога. Он содержится в посвяtitельном тексте младшего орхонского письма, вырезанном на костяном предмете, найденном у д. Купчегень на Горном Алтае: 9 Л 3 > Г 1 > 3 К 4 Ч 8 > 33 (J ? ~) Л (?) (a)q (a)d(a)m (~qadam? ~aldam?) t(a)r(a)tyusi ur(a)n q(a)j²⁸ «(Это —) дар презренного человека (~Кадама? ~Алдама?). Всемогуший (боже), услышь (меня)! (букв.: оборотись (ко мне), отзовись)»²⁸.

Среди авторов наскальных текстов, вероятно, бытовало представлением о том, что людям не дано произносить имя божье: Г Л > 2 Л 8 (1) Р Е У 7 Л У ^ 8 > Х Н 8 Л 8 (2) (1) b(e)n (a)t(a)m(a)či (2) b(e)n b(i)t(i)d(i)m b(e)s(i)lā k(i)rgū «(1) Поскольку я не должен называть имя (божие), (2) я написал (это) пятью (пальцами), предназначенными (для письма)» (Ялбак-Таш II)²⁹. К надписям, в которых бог не назван, следует добавить особо краткие мольбы: Л У Л Ч 3 b(a)r č(e)r «(Я —) Бар. Избавь (~освободи) (меня) (от греха)!» (Ялбак-Таш IX, рис. 5, 2), Л У Л 1 7 k(i)s č(e)r «(Я —) Киш. Избавь (~освободи) (меня) (от греха)!» (Ялбак-Таш XXV, рис. 5, 1), Л У Л > Л (i)n(i)m č(e)r «(Я —) Иним. Избавь (~освободи) (меня) (от греха)!» (Ялбак-Таш XXVII, рис. 6, 2), Л У Л Е 8 Е Г 2 Л У (e)r (a)tī j(e)u(i)g č(e)r «Его геройское имя Йевиг. Избавь (~освободи) (его) (от греха)!» (Алтай, Адыр-Кая I, рис. 7)³⁰. Из этих надписей следует, что в молитвенной практике существовали вполне устойчивые формулы, направленные на очищение души верующего. По представлениям писавших, человеческая душа имела, вероятно, божественное происхождение. Думать так позволяет надпись Е 137 на скале Крес-хая в Хакасии, содержащая мольбу о личном духовном совершенстве: 3 Ч 1 Л > Ч 3 b(a)rm(i)č ur(u)η «Вложите совершенную душу (букв.: нутро)!»³¹.

Мирянин должен был и сам заботиться о своей душе, и, следовательно, имел средства для искупления грехов. Недаром на алтайской скале читаем призывы: Г У (e)ri «Очистись (~искупи грехи)!» (Ялбак-Таш XI, рис. 4, 2), Г У : И Р 8 büt (e)ri «Уверуй и очистишься (~искупи грехи)!» (Ялбак-Таш XVI, рис. 6, 1). Обличение пороков и наставление на путь истинный играли в этом значительную роль. Вероятно, такими проповедниками оставлены не только две приведенные надписи, но и следующая резная строка: Г Н У > Х Н Л 1 У (e)rp(ā)n t(i)d(i)m (e)r(i)t(t)i «Я осудил (~отверг) (его), сказал (наставление), и он искупил (грехи ~очистился)» (Ялбак-Таш VII, рис. 4, 3)³². Благодаря этому краткому тексту можно догадаться, о какой брани идет речь в надписи II на горе Ли-

²⁸ Кызласов И.Л. Посвяtitельная орхонская надпись из окрестностей д. Купчегень. — Известия лаборатории археологии. № 1. Горно-Алтайск, 1995; он же. Памятники рунической письменности в собрании Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея. — Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 5. Горно-Алтайск, 2000, с. 97–101, рис. 8, 9.

²⁹ Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. IV, раздел 3. Здесь же см. историю изучения этого наскального текста.

³⁰ Первые публикации содержали точную автографию и неудачное прочтение надписи: Наделяев В.М. Древнетюркские надписи Горного Алтая, с. 68–69 (перепечатка того же: Алтайский язык на современном этапе его развития. Горно-Алтайск, 1984, с. 86–88). Памятник не следует называть Ининским, он стоит у р. Чуи и отделен от р. Ини хребтом, а до одноименного поселка от него более 25 км. Скала, содержащая надпись, именуется еще и Адыр-Кан.

³¹ Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей, с. 188, рис. 20; он же. Фыркальская руническая надпись и ее тамга. — Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. Вып. IV. Абакан, 2000.

³² Первоначальная публикация надписи (Наделяев В.М. Древнетюркские надписи Горного Алтая, с. 78, 79) частично и неточно передает строку.

строками Хая-Бажи в Туве, горы Лисичьей в Хакасии и Ялбак-Таш на Алтае; памятников Туба II и Тепсей VI (Хакасия) и Ялбак-Таш V (Алтай); резцов в пещере Тепсея (Хакасия) и Дэл-ула I, Хутук-ула (Монголия); надписей Ялбак-Таш VII (Алтай) и Лисичья I (Хакасия); Тепсейской пещеры (Хакасия) и Бичикту-Бом II (Алтай) и т.д.

Надписи не оставляют сомнения в том, что писавшие верили в верховное божество, в ряде случаев именуемое древним словом *tāŋgi* (Гурвалжин-ула). Однако в отличие от прежних, памятных по орхонским эпитафиям представлений о *tāŋgi* — покровителе всего богоизбранного народа (тюрк) и его правителей, теперь божество характеризуется иначе. Само слово *tāŋgi* уже не означает в надписях Небо, а понимается как Бог. Важнейшим признаком новой религии служит личная связь верующего с божеством. Формула *tāŋgim* «боже мой» (Туба II, Тепсей VI; ср. Дэл-ула I и Ялбак-Таш VIII) свидетельствует, что южносибирское общество уже созрело до формирования или принятия монотеизма с его вполне осознанной ролью отдельной личности, отраженной в доктрине личной воли и личного спасения верующего. Подобное обращение к богу содержится не только в христианских, но и в манихейских текстах (например, в молитве «Хуастуанифт», известной в записях манихейским и уйгурским письмом³⁹ — см.: Хуаст. 17, 32, 36, 49 и т.д.). В буддийских сочинениях, насколько известно, *tāŋgim* нередко употребляется в отношении второстепенных богов-гениев⁴⁰.

Показательно, что верховный бог именуется также и божественным (*tāŋgikān*) господином (*iĵä*, Тепсейская пещера, II) или владыкой (*qaŋ*, Дэл-ула I). Вероятно, в этом следует видеть отражение архаичных религиозных воззрений Ближнего Востока (в нашем случае, христианства или манихейства), переносивших в идеологию социальное устройство рабовладельческого общества. Дело в том, что, если с применением слова *iĵä* («хозяин, господин») возможно связать представление о божестве как о хозяине мироздания, присущее, скажем, буддийским тюркоязычным сочинениям, то контекст надписи со словом *qaŋ* (*tāŋgi qaŋim* «мой божественный повелитель») исключает подобное допущение⁴¹. Для понимания новой южносибирской религии весьма существенно также, что верховное божество именуется в надписях Отцом (Ялбак-Таш VIII). Подобное употребление слова в целом не присуще буддизму, но, как известно, вполне обычно для христианства и манихейства⁴². Писавшие на скалах могли именовать бога и одним словом *tāŋgikān* (Хутук-ула I). Этот термин, не вполне ясный для составителей «Древнетюркского словаря», между тем вполне обычен для мани-

³⁹ Дмитриева Л.В. Хуастуанифт (Введение, текст, перевод). — Тюркологические исследования. М.-П., 1963. Этот целиком реконструируемый памятник далее прежде всего используется мною для сопоставления с содержанием и словесной формой изучаемых наскальных надписей (отсылки на него даются в сокращенной форме Хуаст. с указанием номера строки по изданию Л.В.Дмитриевой).

⁴⁰ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-П., 1951, с. 429.

⁴¹ Ср. использование сочетания *tāŋgi xanī*: *Le Coq A. von. Türkische Manichaica aus Chotscho. I. — Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. 1911. Anhang, B., 1912, S. 51.* В буддийских текстах уйгурского письма сочетание *tŋgi xan* «небесный правитель» служит титулованием земных владык (см., например: Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана. М., 1991, с. 372), что по контексту надписи не подходит для нашего случая.

⁴² При сравнении особенностей енисейских надписей с манихейской доктриной мною используются работы Е.Б.Смагиной, прежде всего: Кефалайа («Главы»). Коптский манихейский трактат. Пер. с коптского, исслед., коммент., глоссарий и указ. Е.Б.Смагиной. М., 1998.

хейских рукописей, в том числе и Хуаст. 22, где связан с именем верховного божества Зервана и переводится Л.В.Дмитриевой как «бог»⁴³. Остается отметить, что создатели енисейских надписей применяли для обозначения бога местоимения Он или Ты (подчас проявляющиеся только в форме притяжательных показателей — Тепсейская пещера, III; Бичикту-Бом II/2), совсем опускали обращение (Бичикту-Бом II/1, Ялбак-Таш IX, XXV, XXVII, Адыр-Кая I, Крес-хая) или были вообще лишены возможности называть божественное имя (Ялбак-Таш II) (ср.: Хуаст. 90–91).

Последняя особенность отличает манихейскую доктрину (Кефалайа, 44, 32–35): «[[Первое слово — Отец, Бог истины, которого еще]] // называют таким именем: Отец, [[первое Стояние,]] // сей Безымянный, (о) котором никто [[не знает, как (?)]] <...> его имя». Е.Б.Смагина полагает, что Безымянным предстает здесь верховное божество, иначе именуемое Отцом или Отцом величия, и возводит интересующее нас определение «сей Безымянный» к наследию гностицизма в манихействе. Подтверждение безымянности божества у манихеев находим в изложении Мухаммадом аш-Шахристани (1086–1153) основных черт маздакизма, связь которого с манихейством прямо отмечалась младшими современниками самого движения. По представлениям Маздака, «Имя Наивысшего» неизвестно, его составляют некие буквы, известные лишь «царю высшего мира». И тому, кто сможет себе представить хотя бы что-то об этих буквах, будет тем самым открыта великая тайна. Возможна и обратная последовательность постижения: имя божества может быть известно только человеку, обретшему «высшую тайну». Всяк, кому этого не дано, остается в ослеплении невежества, забвения, тупости и горя⁴⁴. Согласно манихейской доктрине, для постижения божественной тайны мало быть даже праведником из праведников — в каждый исторический период она открывается лишь одному человеку (точнее, земному воплощению божественного разума) ради особого его предназначения — воссоздания истинной веры. Обладая совершенным знанием, изведав даже неизреченные истины, носитель откровения (в западном манихействе именуемый Учителем или Апостолом, таким пророком — последним в вековой цепи — и считал себя Мани) не может открыть их даже своим ученикам и последователям. Выходит, ни один манихей вообще не мог знать Наивысшего Имени и для любого верующего истинное божество оставалось безымянным. Вероятно, поэтому в рунических надписях продолжает употребляться старое, восходящее к общетюркскому язычеству наименование божества — *täŋri*, *täŋrikän* — или применяются указанные описательные его обозначения.

В надписи на скале Кёк-хая, к сожалению, не до конца ясной, упоминается демон. Употребленное там слово *jek* является среднеперсидским заимствованием и, кроме не относящихся к делу мусульманских, совершенно обычно для тюркских манихейских⁴⁵ (например, Хуаст. 3, 5, 10–12 и т.д.) и буддийских текстов⁴⁶.

Земной мир, согласно енисейским наскальным надписям, принадлежит к сущностям *лжи* и *скверны* (Кёк-хая). Это представление вполне отвечает мани-

⁴³ Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 544; Дмитриева Л.В. Хуастуанифт, с. 217, 228; ср.: *Le Coq A. von. Türkische Manichaica aus Chotscho*, S. 51.

⁴⁴ Пигулевская Н.В. Города Ирана в раннем средневековье. М.–Л., 1956, с. 285, 286.

⁴⁵ Древнетюркский словарь, с. 253; *Le Coq A. von. Türkische Manichaica aus Chotscho*, S. 56.

⁴⁶ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности, с. 387, *Suv.* 5, 22; Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана, с. 387.

хейским воззрениям о земле как порочном материальном мире, сотворенном из тел предводителей демонических сил, а о жизни земной — как о поле борьбы смешавшихся начал Света и Мрака. Однако, судя по содержанию надписи на скале Городовая стена, на Саяно-Алтайском нагорье допускалась мысль и о некоем гармоничном соединении небесного и земного (в образе реки Енисея), после уничтожения греховного. Поскольку Енисей (kem) величается мать-рекою, а небо издавна соотносилось тюркскими народами с мужским началом, то речь в этом тексте, следовательно, идет о своеобразном вселенском браке. Все это на первый взгляд не соотносимо с манихейством, для которого после победы Света мужское и женское начала (как порождения порока) разьедятся навеки. С другой стороны, известно, что по учению Мани после конца материального мира произойдет воссоединение всего разъятого, вместе с чем исчезнет и само разделение на мужское и женское. Быть может, именно это состояние имеется в виду в наскальной надписи и именуется «благоустроенностью» (abad)?

Совершенно новой чертой мировоззрения становится отраженное в надписях понятие о рабском (qul) положении верующего перед богом (Гурвалжин-ула, Хая-Бажи X). В этом вновь весьма явно отражается социальная традиция Ближнего Востока, оказавшаяся накрепко связанной со всеми вышедшими оттуда мировыми религиями. И поскольку, по известным историческим обстоятельствам, здесь следует вывести за пределы рассматриваемого иудаизм и мусульманство, для нашего выбора остаются лишь две идеологические системы раннего средневековья: христианство и манихейство.

Религиозное применение слов с явным социально приниженным значением дополняется, вероятно, и одним из компонентов личных мужских имен, понимаемым мною как el «греховный» (Ялбак-Таш III и XIII). Это слово буквально означает «подлый, низкий» и восходит к названию места у дверей жилища⁴⁷, согласно тюркскому этикету унижительному для усаженного там человека.

Крайнее самоуничижение последователей новой веры проявляется в надписях не только в социальной терминологии, но и в моральных определениях. Часть из них, отражая презрение, быть может, не случайно восходит к понятию «злой»: aq «презренный» (от кит. «дурной, злой»; Хая-Бажи VIII)⁴⁸, isiz (esiz) «скверный, злой; зло» (Хая-Бажи X, Тепсей IX). Важно, что в надписи на скале Кёк-хая так характеризуется не отдельный человек, но весь земной мир, бренное существование. О некоем тысячном отряде, пребывающем во зле (ajıyda), повествует и надпись Ялбак-Таш XII. Греховное обычно именуется злом и в христианстве, и в манихействе. В последнем, как известно, злое начало повсеместно противостоит добру, а способность осуществить осознанный выбор меж ними, ради поддержания светлого, — долг манихея.

Другим словом, определяющим греховное, является in (en), буквально означающее «низ, низкое». Оно применяется для обозначения и конкретного грешника (Хая-Бажи XI, Бичикту-Бом II/1), и одной из сущностей мира (Городовая стена). Именно в манихействе понятие низа определенно увязывается с несовершенным или злым миром, владением Мрака, противостоящим горнему Свету. Вероятно, греховность писавшего отражена в надписи Лисичья I понятием aızıq «сбившийся с пути, заблудший». Представление о заблуждениях весьма свойственно манихейской идеологии и означает порочное, противостоящее религи-

⁴⁷ Древнетюркский словарь, с. 169.

⁴⁸ Ср. также приведенную выше трактовку надписи из окрестностей д. Купчегень.

озной истине незнание. Термин *aziqı* в значении «ошибающийся, склонный к заблуждениям» встречается и в буддийских сочинениях⁴⁹.

Адресованные богу наскальные надписи нередко не содержат имен писавших (Дэл-ула I, Ялбак-Таш II, V, VII, Крес-хая⁵⁰, Тепсейская пещера, I–III). В ряде случаев их заменяют самоуничижительные определения (Гурвалжин-ула, Хая-Бажи X, Бичикту-Бом II/1). Иногда автор текста выступает от лица всего верующего человечества (Туба II, Тепсей VI, Бичикту-Бом II/2, ср.: Городовая стена). Опускание имени писавшего обычно и при обращении к единоверцам (Ялбак-Таш VIII, XI, XVI, Бичикту-Бом III, Мендур-Соккон V). Все это весьма характерно именно для монотеистических религий: небесный владыка сам знает своих рабов, а верующие равны между собою, поскольку едины перед богом.

Взаимоотношения божества и его почитателей, согласно наскальным енисейским надписям, не исчерпываются поведением всемогущего господина Мира⁵¹ и его земного раба. Богу здесь присуща и отеческая забота о малых и сирых (Ялбак-Таш V). Верующие прямо называют себя детьми (сыновьями) божьими (Бичикту-Бом II/2). Бог для людей — защита от вполне житейских бед, прежде всего от болезней (Хая-Бажи X, Дэл-ула I). Но на него же, судя по всему, уповают они и в главном — в освобождении каждого от грехов, недаром на скалах рядом с именами писавших не раз вырезано краткое моление: *ṣer* «Избавь!» (Ялбак-Таш IX, XXV, XXVII; Адыр-Кая I), а то и *barım ič uıuı* «Вложите совершенную душу!» (Крес-хая). Под избавлением и освобождением — одним из основных понятий в манихействе — мыслилось отделение светлого начала от темного, духовного от материального, избавление человеческой души от тела (как условие вечной жизни). Упование на это, согласно текстам западного манихейства, связывалось с фигурой Иисуса-Сияния — одного из проявлений самого Отца Света, открывшего Адаму происхождение души и путь к спасению. Полностью соответствует манихейской доктрине и вселенское назначение бога, указанное в енисейской надписи на горе Хутук-ула, — он преграждает дорогу Тьме.

По новой для Южной Сибири религии божество может спускаться на землю. На это направлены мольбы верующих (Туба II, Тепсей VI и неизданная строка, Ялбак-Таш V), вполне соотносимые с манихейством, по которому боги нисходят с небесных высот для битвы с силами Мрака, ради разделения смешавшихся на земле Света и Тьмы (Хуаст. 1–5). Нет сомнения, что по представлениям верующих, оставивших наскальные надписи, божество могло явиться каждому из своих почитателей, невзирая на степень их греховности или благости (Бичикту-Бом II/1 и 2, Тепсейская пещера, III).

Писавшие на скалах люди, несомненно, обладали свободой религиозной воли. Их обращение в новую веру происходило благодаря осознанному обретению иных духовных ценностей (Ялбак-Таш V), отказу от прежних заблуждений (эпитафия из Эль-Бажи). Призывы очиститься, уверовать и очиститься, возвыситься (Ялбак-Таш XI и XVI, Хая-Бажи VIII) обращены на скалах к самим верующим — в их власти было избрать путь к спасению своих душ. О том же свидетельствует и сам факт письменных воззваний к верховному божеству — его приверженцы сами стремились обратить на себя внимание высшей силы. Рас-

⁴⁹ Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана, с. 135, 252, 305, 314.

⁵⁰ Правда, здесь при надписи вырезана личная тамга.

⁵¹ Напомню о слове *ıuıı* «всемогущий», встреченном в орхонской надписи из д. Купчегень.

смотренные уничижительные самоопределения молившихся являются следствием религиозного покаяния писавших. Все эти особенности присущи любой из мировых монотеистических религий, но, как известно, особенно активная роль осознанной воли человека во вселенской борьбе Света и Мрака отличает манихейскую доктрину. Согласно ей от выбора и поступков верующего зависит не только спасение его собственной души, но и других душ, всех частиц божественного Света, плененных материальным миром. Быть может, эта идеология формировала представление о долге, в котором пребывали манихеи перед окружающими и всем миром (Лисичья I, ср. Хуаст. 93–100⁵², 205).

Религиозные общины, члены которых оставили наскальные надписи, не были однородными. Резные тексты не содержат наименований чинов и духовных званий, но вполне очевидно, что существовали пастыри, в обязанности которых входили оценка поступков других лиц и наставления их, побуждавшие к раскаянию (Ялбак-Таш VII, Лисичья II). Здесь уместно вспомнить манихейских избранников — подвижников, ведущих аскетическую жизнь и составлявших основу церковной иерархии. Именно они были духовниками паствы (так называемых «слушателей») и проповедниками истинной веры. Исповеди манихеев перед ними были еженедельными (Хуаст. 183–185). Согласно «Покаянной молитве», прегрешения бывали перед «истинным богом, чистым законом (писанием) и чистыми священнослужителями» — «служителями бога и проповедниками закона» (Хуаст. 119–121, 125–128, 138–140, 212–214, 217–219). Принимая во внимание, что в текстах западного манихейства такие люди нередко зовутся совершенными или святыми, а также характерную для них аскезу и отшельничество, можно полагать, что одно из наименований избранника встречаем в надписи Ялбак-Таш VIII (arzi). Вероятно, именно о манихейской церковной иерархии идет речь в надписи на Городовой стене, автор которой ставит достижение неких чинов или званий в зависимость от «приносимой нами благой пользы» по мере изживания греховного (in alyr ... jeg asiy qilur biz at jir biz) (ср. Хуаст. 211–212: niyosäg atin tutar «мы носим звание (имя) слушателей»). Быть может, не случайно даже форма этого наскального текста, повествующего от лица «нас (всех)», совпадает с построением «Покаянной молитвы манихейцев» (Хуаст.). Сопласуется со сказанным и последнее утверждение надписи, некогда вырезанной Алып Солом: «Я стал богат». Речь здесь идет не о материальном, а о духовном богатстве — понятии, определявшем высшую степень манихейской святости, о том уделе, что достигается избранниками только строгой праведностью и проповедью истинной веры⁵³.

Тепсейская пещерная надпись I отметила духовные искания одного из таких проповедников, стремившегося «на пользу людям» к постижению некоего Слова. Возможно, речь здесь идет об уяснении части учения («триа великими словами» названы в «Кефалайа» три темы манихейской доктрины: слово о богах и демонах, слово о сотворении мира и человека и слово об апостолах веры, самом Мани и религиозной этике). Так или иначе, но тепсейская надпись и место ее нанесения открывают нам способ уяснения божественной истины, избранный этим человеком, — длительное бдение при светильнике в темной пещере, расположенной далеко от вершины и основания отвесной скалы, добраться до кото-

⁵² Слово *ötägi* «должник» переведено в этом месте Л.В.Дмитриевой как «грешник» (Хуастуанифт, с. 230). Ср.: Древнетюркский словарь, с. 392.

⁵³ Смагина Е.Б. Глоссарий. — Кефалайа, с. 378.

рой было не только непросто, но и опасно. Отсюда следует, что новая вера Южной Сибири была религией откровения и, скорее всего, обладала священным писанием, требовавшим истолкования. Обращает на себя внимание устойчивость словоупотреблений в ряде наскальных надписей, сходного молитвенного содержания. Кроме приводившихся самоуничижительных терминов следует назвать повелительные формы глаголов *žök* «опустись, снизойди», *šeg* «освободи, избавь» и *eṇ* «очистись, искупи (грехи)». Вероятно, это указывает на бытование постоянных литургических формул, богослужебных текстов. Во многом благодаря систематически повторяющейся лексике и удается прочесть столь краткие наскальные надписи.

Новая религия, отразившаяся в енисейских надписях, принесла с собою странничество (Бичикту-Бом III, Мендур-Соккон V). Миссионерские путешествия известны всем мировым религиям, в том числе и манихейству. Они являлись одной из важнейших обязанностей подвижников любого ранга. Поскольку в енисейских надписях странничество связывается с «сотворением добра и человечности», эти наскальные тексты также можно считать манихейскими.

Раскрывающаяся в надписях религиозная доктрина, как мы видим, требовала от своих приверженцев, обитавших в земном мире (*azun*), в средоточии обмана (*al*) и зла (*esiz*) (Кёк-хая), изживания греховного (*in*) и приношения благой (*jeg*) пользы (Городовая стена), следования хорошему (*jeg*), сотворения добра (*jeg*) и распространения человечности (*kišilig*) (Бичикту-Бом III), пребывания в бодрости (Бичикту-Бом III, Мендур-Соккон V), духовного возвышения (Хая-Бажи VIII) и очищения (Ялбак-Таш VII, XI, XVI, Лисичья II), даже внутреннего совершенства (Крес-хая), смирения (Бичикту-Бом III) и стойкости в преодолении трудностей (Мендур-Соккон V), прежде всего (или в частности) встречаемых в миссионерских странствиях, веры (Ялбак-Таш XVI), преодоления сомнений и постижения истины на пользу людям (Тепсейская пещера, I). Эта религия несла с собою убежденность в существовании могущественного Бога, преграждающего путь Мраку, готового откликнуться на мольбы верующего и в случае нужды снизойти до него. Перед нами идеология добра и человеколюбия, позволяющая вспомнить афоризм пророка Мани: «Там, где нет любви, все деяния несовершенно»⁵⁴.

Дополняя картину данными эпитафийных стел, укажу на осуждение алчности, губительной для души верующего (*ikit az*, Бар-Бургазы I, ср. осуждение жадности в Хуаст. 179, 202, 206 и других манихейских сочинениях⁵⁵), необходимость раскаяния в ошибочных воззрениях (Эль-Бажи; ср.: Хуаст. 112, 122, 123) и благость дарования вероучителю убежища на сто человек (вероятно, монахов-избранников — Суджа; ср. строительство здания для общины — одну из заповедей для манихеев-мирян).

В обычаи этой религии входило не только изустное, но и письменное обращение к божеству и единоверцам. И хотя, полагаю, сама традиция оставлять надписи на почитаемых скалах предшествует на Среднем Енисее появлению новой веры, она не только вошла в нее, но и служит ее отличительной особенностью. Как мы видели, приверженцы этой религии писали всюду — в Хакасии

⁵⁴ Брагинский И.С. Древнеиранская литература. — Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973, с. 502.

⁵⁵ Габен А. фон. Древнетюркская литература. — Зарубежная тюркология. Вып. 1. М., 1986, с. 325 (*az nızvanı*), 327 (*az*).

и Туве, на Алтае и в Монголии, — даже в тех землях, где, по-видимому, до тех пор наскальное письмо не имело распространения. Вероятно, по мнению верующих письменное слово сильнее, чем произнесенное, воздействовало на божество или было доступнее ему. Не случайно ряд надписей содержит прямое указание bitidim «(это) я написал» (Гурвалжин-ула, Бичикту-Бом II/1, Тепсейская пещера, I; ср.: Хая-Бажи XI) или считает достижение желаемого результатом создания надписи (Хая-Бажи X, Лисичья II). Показательны в этом отношении строки Ялбак-Таш II: «Поскольку я не должен называть имя (божье), я написал (это)...» Адресованы врезанные в камень слова и самим ревнителям новой веры (Хая-Бажи VIII, Ялбак-Таш XI, XVI и, вероятно, VIII, Бичикту-Бом III, Мендур-Соккон V). Во всем этом к изучаемому массиву енисейских наскальных текстов примыкает и надпись на предмете из д. Купчегень, выполненная орхонским письмом: ...ууап қай «...Всемогущий (боже), оборотись (ко мне ~ услышь меня)!» Надписи, связанные с новой верой, открывают существование профессиональных грамотеев, видевших во владении письмом свое жизненное предназначение (Ялбак-Таш II)⁵⁶.

Вырисовывающаяся картина более всего соответствует манихейству — одной из наиболее энциклопедических религий, как известно, не только ставившей текст и письмо в разряд высочайших добродетелей, но и считавшей широкую грамотность и ученость насущной необходимостью, позволяющей отличать добро и зло в этом сложно смешавшемся мире. Ради этого, согласно источникам, при каждом манихейском монастыре на Востоке существовал класс для обучения и своя библиотека. Особенно важно, что манихеями, стремившимися к созданию всеобщей мировой религии, преподавание и письмо велось всюду на местном языке и с использованием местной письменности⁵⁷. Быть может, создание надписи (названное «благим делом» в не привлекаемой мною здесь строке V скалы Хая-Бажи (E 24/5)⁵⁸) служило выражением известной манихейской триады о единстве помысла, слова и поступка (ср.: Хуаст. 102, 198–200, 206): благой помысел (постижение религиозного закона) порождал благое слово (молитву) и завершался благим делом (нанесением надписи). Наскальные граффити отмечают не только само такое деяние, но и предшествующее ему произнесение благого слова — именно так, полагаю, следует понимать вертикальные строки Ялбак-Таш X⁵⁹ (рис. 10, 1) $\text{ᠰᠢᠯᠠᠨ ᠶᠡᠭᠡᠩ ᠰᠠᠳᠠᠨ ᠨᠠᠭᠢᠰᠠᠯᠠ}$ *sül(ā)n j(e)g(ā)n b(e)n t(e)d(i)m* «Я, Сюлен Йеген, сказал (благое слово) (о чем и написал)» и Текпенек⁶⁰ (рис. 10, 2) ᠰᠠᠳᠠᠨ ᠨᠠᠭᠢᠰᠠᠯᠠ *b(e)n t(e)d(i)m* «Я произнес (молитву) (о чем и написал)».

Стремясь определить религиозную принадлежность рассматриваемых надписей, обратим внимание на присущую им иноязычную лексику. Едва ли не вся

⁵⁶ Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма, раздел 3.

⁵⁷ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. — Сочинения. Т. II, ч. 1. М., 1963, с. 218, 222; Литвинский Б.А., Смагина Е.Б. Манихейство, с. 511, 515–518, 520, 530.

⁵⁸ Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей, с. 194 (прочтение); он же. Материалы к ранней истории тюрков. IV, с. 100, рис. 1 (прорисовка).

⁵⁹ Надпись впервые опубликована В.М.Наделяевым (Древнетюркские надписи Горного Алтая, с. 79, 80), к сожалению, не разобравшим три первые буквы и последний знак текста.

⁶⁰ Надпись открыта в 1995 г. Е.Э.Ямаевой на склоне одноименной горы на левом берегу р. Кара-Кол (правый приток р. Урсул — левого притока Катуня) ниже д. Кулала Онгудайского района Республики Алтай, обследована и скопирована в 1997 г. В.А.Кочеевым, предоставившим мне сведения и прорисовку надписи, за что приношу исследователю искреннюю благодарность.

она вполне может быть порождена буддизмом. Таковы китаизм аq «презренный» (Хая-Бажи XI), санскритизмы arzi «святой, отшельник» (Ялбак-Таш VIII), barm «совершенный» (Крес-хая) и jevig «снаряжение» (качества бодхисаттвы, необходимые для просветления) (Адыр-Кая I)⁶¹. Не составляют исключения и иранизмы, поскольку ранний буддизм распространялся на Востоке ираноязычными проповедниками: jek «демон» (Кёк-хая), заимствование из согдийского azun «земная жизнь» (Кёк-хая)⁶² (в буддийской литературе «существование, (пере)рождение», что не подходит к нашей надписи). Пожалуй, лишь для слова abad «процветание, благоустроенность, многолюдность» (Городовая стена) не встретилось примеров использования в буддийских текстах. И все же сказанное никак не противоречит манихейскому определению изучаемых надписей. Хорошо известно, что Мани считал Будду одним из своих духовных предшественников и восточное манихейство было «облачено в буддийские одеяния». Буддийская терминология в нем занимала место, подобное гностическо-христианской терминологии в западном манихействе⁶³. Удерживая во внимании заимствованную лексику ранее приведенной группы эпитафийных енисейских текстов, получаем еще один довод против связи наших надписей с буддизмом.

В целом рассмотрение 38 наскальных надписей енисейского рунического письма приводит к заключению, что отраженное в них новое для раннесредневековой Южной Сибири монотеистическое мировоззрение имело ближневосточное происхождение и должно быть определено или как христианство, или как манихейство. Конкретные сопоставления отдельных прослеживаемых доктринальных положений и терминологическое своеобразие убеждают в том, что авторы этих надписей были манихеями. Сказанное ранее о несоответствии восточному христианству (несторианству) 4 эпитафий в равной мере относится и к наскальным надписям. Весьма весомым доказательством манихейской принадлежности этих 42 енисейских памятников служит и примененная при их создании письменность. Из всех восточных религий только манихейство использовало, наравне с иными, и руническое письмо⁶⁴.

Вполне понятно, что предстоит подробное сопоставление изучаемых рунических надписей с известными манихейскими сочинениями, записанными по-тюркски. Сегодня предлагаются лишь первые наблюдения такого рода. Автор этих строк главную свою задачу видит в сводной публикации известных ему енисейских надписей, свидетельствующих о бытовавшей в раннем средневековье развитой мировой религии. Именно косный взгляд на средневековых жителей Южной Сибири как на исконных и вечных язычников-шаманистов не позволил в свое время исследователям, издававшим многие из этих надписей, правильно прочесть и понять их содержание.

Существует и еще один довод в пользу выдвигаемого религиозного определения рассмотренных надписей. Как известно, тексты манихейского содержа-

⁶¹ Древнетюркский словарь, с. 48, 55, 58, 84, 260, 596.

⁶² Древнетюркский словарь, с. 1, 73. Некоторые тюркологи возводят jek к санскритскому jaksa (Gabain A. *vol. Türkische Turfantexte X. — Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst.* 1958, № 1. B., 1959, S. 54).

⁶³ Габен А. фон. Древнетюркская литература, с. 322–330; Литвинский Б.А., Смагина Е.Б. Манихейство, с. 526–528, 532.

⁶⁴ Габен А. фон. Культура письма и печатания у древних тюрков. — Зарубежная тюркология. Вып. 1. М., 1986, с. 171. Краткие рунические приписки, известные на рукописях двух буддийских сутр, скорее всего свидетельствуют лишь о знакомстве манихеев с буддийской литературой, причины чего указаны выше.

ния, выполненные уйгурским письмом (в частности «Хуастуанифт»), по фонетике и грамматике «ближе к орхоно-енисейским руническим памятникам, чем к буддийско-уйгурским (и впоследствии к уйгурско-мусульманским)»⁶⁵. Новые енисейские надписи Южной Сибири позволяют заметить и обратное сходство, проявляющееся в столь показательной сфере, как правописание. Они проявляют два рода систематических отклонений от классической рунической орфографии, характеризующихся то полным обозначением на письме гласных, то несоблюдением важнейшей нормы соответствия букв для согласных твердости или мягкости гласных звуков слова. Весьма важно, что именно полногласное написание отличает известные манихейские рунические манускрипты, происходящие из Восточного Туркестана. Второй орфографический тип, названный псевдоруническим правописанием, отмечается впервые. Совершенно очевидно, что обе эти орфографические разновидности свидетельствуют об одном: руническим письмом здесь пользовались люди, уже до того освоившие другую систему письменности, отличавшуюся применением букв для полной вокализации и не знавшую графического противопоставления знаков в зависимости от качества гласных в слове. Таковым письмом не могло быть несторианское, производившее огласовку системой сгруппированных точек, но, вне всякого сомнения, могло быть и было манихейское письмо, отличавшееся от прочих современных ему письмен Востока применением букв для полного обозначения гласных. Совсем не случайно до нашего времени дошел учебный алфавит, сопоставляющий знаки рунического и манихейского письма, как и упражнения для запоминания рунической азбуки⁶⁶. Показательно также, что оба орфографических типа, привнесенных в руническое письмо со стороны, встречены именно в рассматриваемых енисейских эпитафийных и наскальных текстах⁶⁷.

Таким образом, для определения 42 представленных енисейских надписей как манихейских имеется три основания: во-первых, их содержание, указывающее на единобожие, в котором верховное божество противостоит Мраку, а церковная организация по составу, религиозным доктринам и этическим нормам вполне сопоставима с манихейской; во-вторых, использование рунической (енисейской) письменности, из мировых религий применявшейся только манихейством, и, в-третьих, систематическое отражение специфически манихейской письменной культуры в особенностях правописания ряда камнеписных текстов.

Время создания изучаемых письменных памятников и, следовательно, существования в Южной Сибири и Северо-Западной Монголии манихейства, связанного с енисейской письменностью, можно определить лишь по косвенным данным. Эпитафия Эль-Бажи (Е 68/1) создана в местных чикских традициях и принадлежит к уйгурскому периоду в истории Тувы (т.е. ко второй половине VIII — началу IX в.). Фраза о былом следовании ошибочным ценностям, привлекая наше внимание, пожалуй, выдает в умершем новообращенного, до ма-

⁶⁵ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности, с. 108.

⁶⁶ Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей, с. 106–109.

⁶⁷ См. здесь тексты Хая-Бажи X, Бар-Бургазы I и Бичикту-Бом II/2. Подробнее об этом: Кызласов И.Л. Три типа древнетюркской рунической орфографии; он же. Разновидности древнетюркской рунической орфографии (Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма). — АОН. Т. L, fasc. 1–3. Budapest, 1997; он же. Орфографические признаки манихейских рунических надписей. — Вопросы тюркской филологии. Вып. IV. М. Тенденция полногласной орфографии видна также в надписях Дэл-ула I, Городовая стена, Туба II, Тепсейская пещера (I и II), а признаки псевдорунического письма — в Ялбак-Таш XII, Бичикту-Бом III.

нихейства исповедовавшего иные религиозные взгляды (ср. использование однокоренного слова в контексте Хуаст. 116–130). В конце IX в. камень с этой надписью был вторично использован для создания памятника древнехакасскому феодалу⁶⁸. К этой же эпохе (вторая треть VIII в.) принадлежит, согласно палеографическим определениям, и неоднократно привлекаемый текст на предмете из д. Купчегень⁶⁹, выполненный младшим орхонским письмом, применявшимся в Уйгурском каганате. Эти факты не только позволяют связать смену идеологии в изучаемых землях с определенной эпохой, но и, пожалуй, соотнести их с принятием манихейства Уйгурским каганатом в 763 г. Суджинская стела (Е 47) была установлена вскоре после победы древних хакасов, предводительствуемых кыргызами, над уйгурами, т.е. в 840–860 гг.⁷⁰. Наиболее поздним из изучаемых является граффити Хая-Бажи Х. Судя по орфографии и лексике, она принадлежит уже к монгольскому времени, определяемому в широких пределах конца XIII — начала XV в.⁷¹

Наравне с обнаруженными в Хакасии храмовыми городами приведенные здесь рунические надписи, выполненные официальной енисейской письменностью древнехакасского государства, свидетельствуют об утверждении и распространении в его обширных пределах манихейской религии. Нельзя признать случайным, что датировка изучаемых камнеписных текстов совпадает со временем возникновения и существования на Енисее раскопанных священных манихейских центров, непрерывно действовавших свыше пяти столетий⁷².

---

⁶⁸ Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. III, с. 68–72.

⁶⁹ Кызласов И.Л. Посвятительная орхонская надпись из окрестностей д. Купчегень, с. 141–143, рис. 3; он же. Памятники рунической письменности в собрании Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея, с. 99, 100, рис. 9, 10.

⁷⁰ Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности. — СА. 1960, с. 117, 120.

⁷¹ Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Новый этап в развитии енисейской письменности, с. 43.

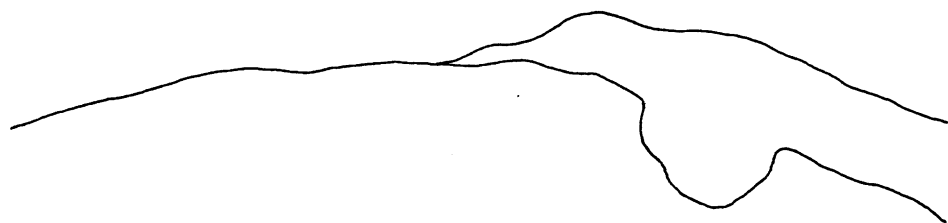
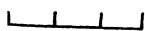
⁷² См.: Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии. — Вестник Московского университета. История. 1998, № 3; он же. Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия). — РА. 1999, № 2.

1

2

3

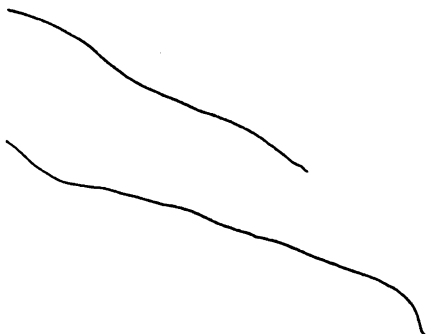

Рис. 1
Ялбак-Таш (Алтай). Надписи III (1), VIII (2), XII (3). Здесь и далее прорисовки автора

Рис. 2
Ялбак-Таш (Алтай). Надпись XIII, нанесенная поверх наскальных рисунков

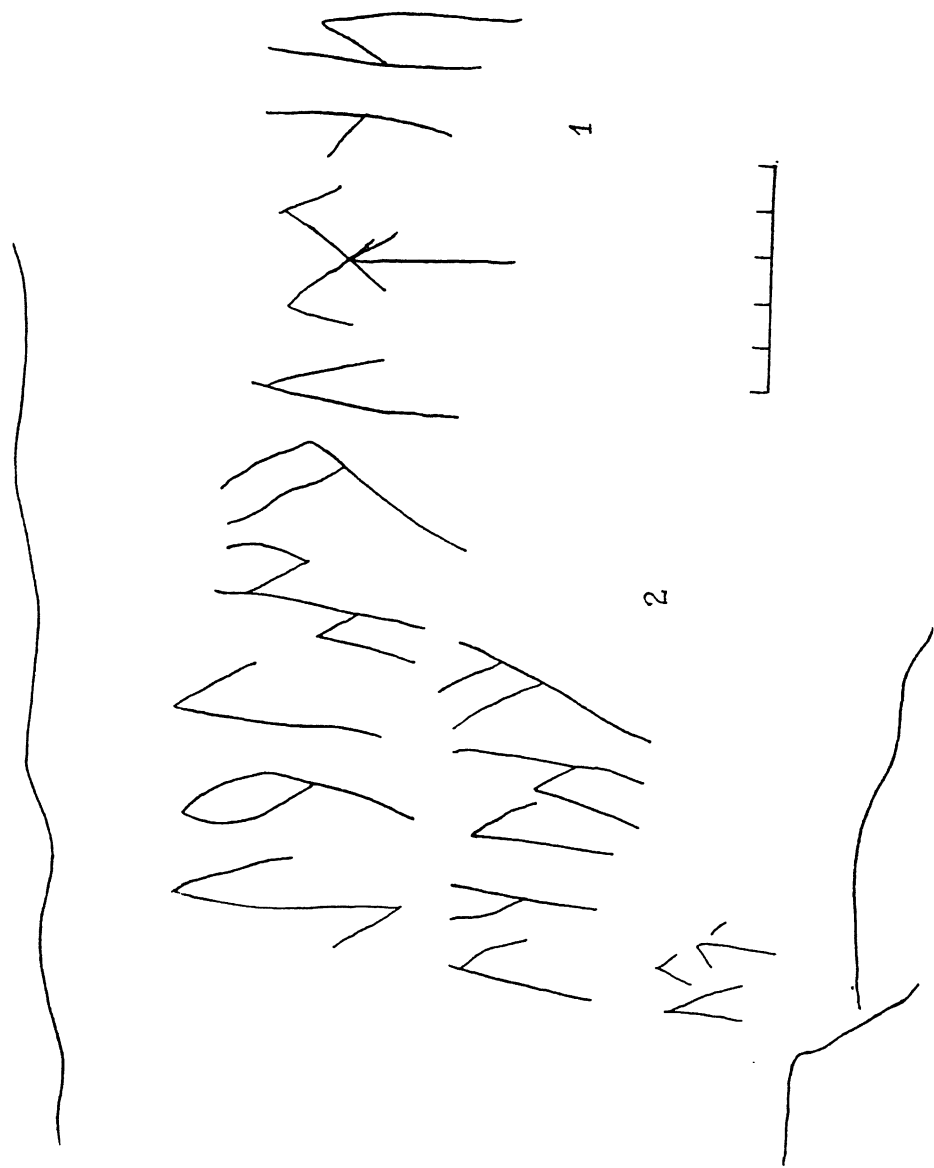

Рис. 3
Тепсейская пещера (Хакасия). Надписи II (1) III (2)

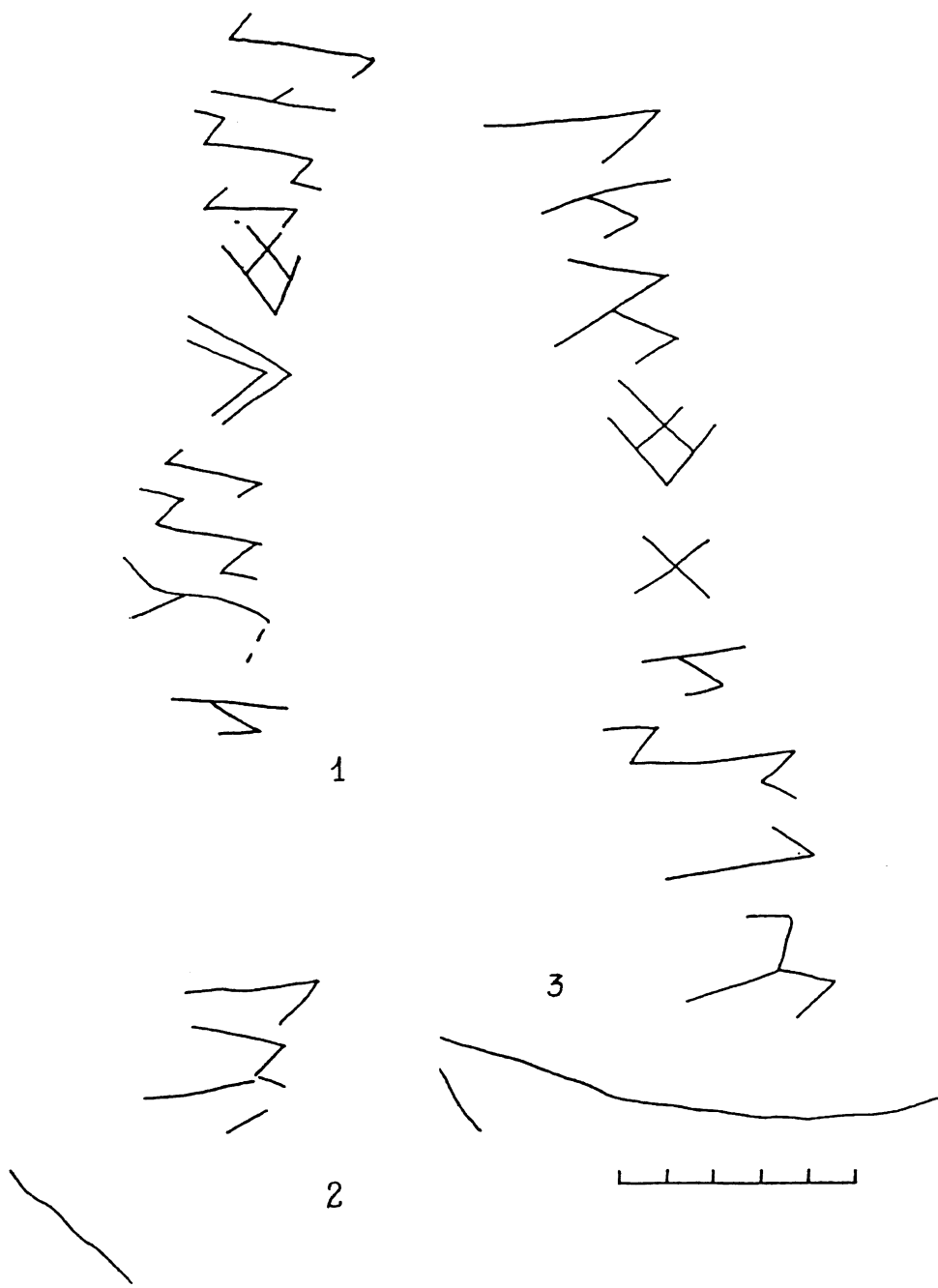
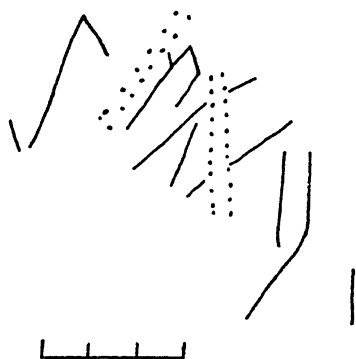
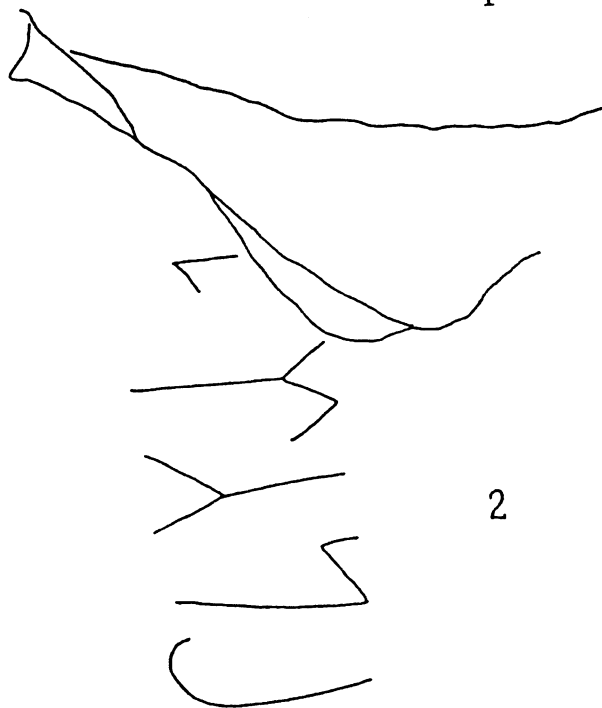

Рис. 4
Ялбак-Таш (Алтай). Надписи V (1) и XI (2), расположенные одна выше другой, а также VII (3)

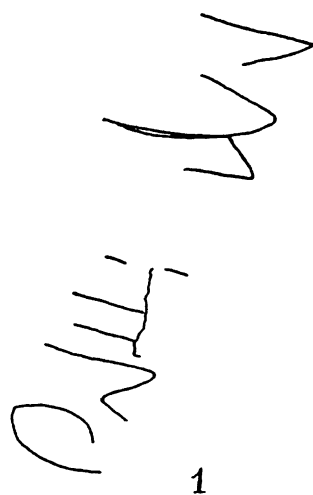
1

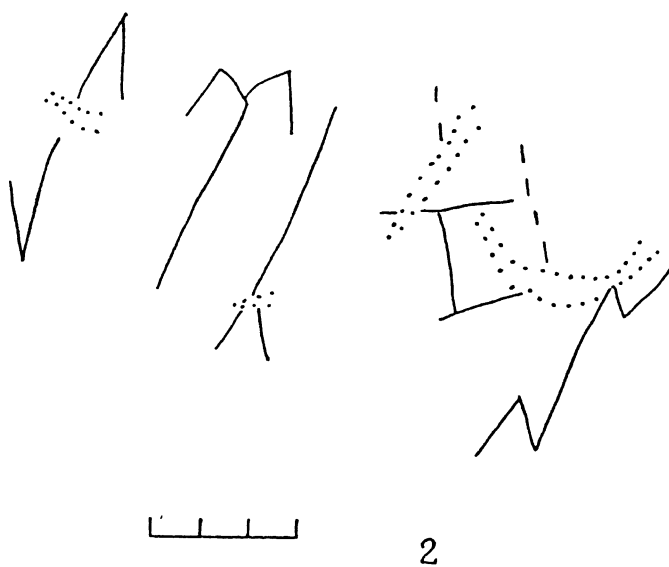
2

Рис. 5
Ялбак-Таш (Алтай). Надписи XXV (1) и IX (2)

1

2

Рис. 6
Ялбак-Таш (Алтай). Надписи XVI (1) и XXVII (2)

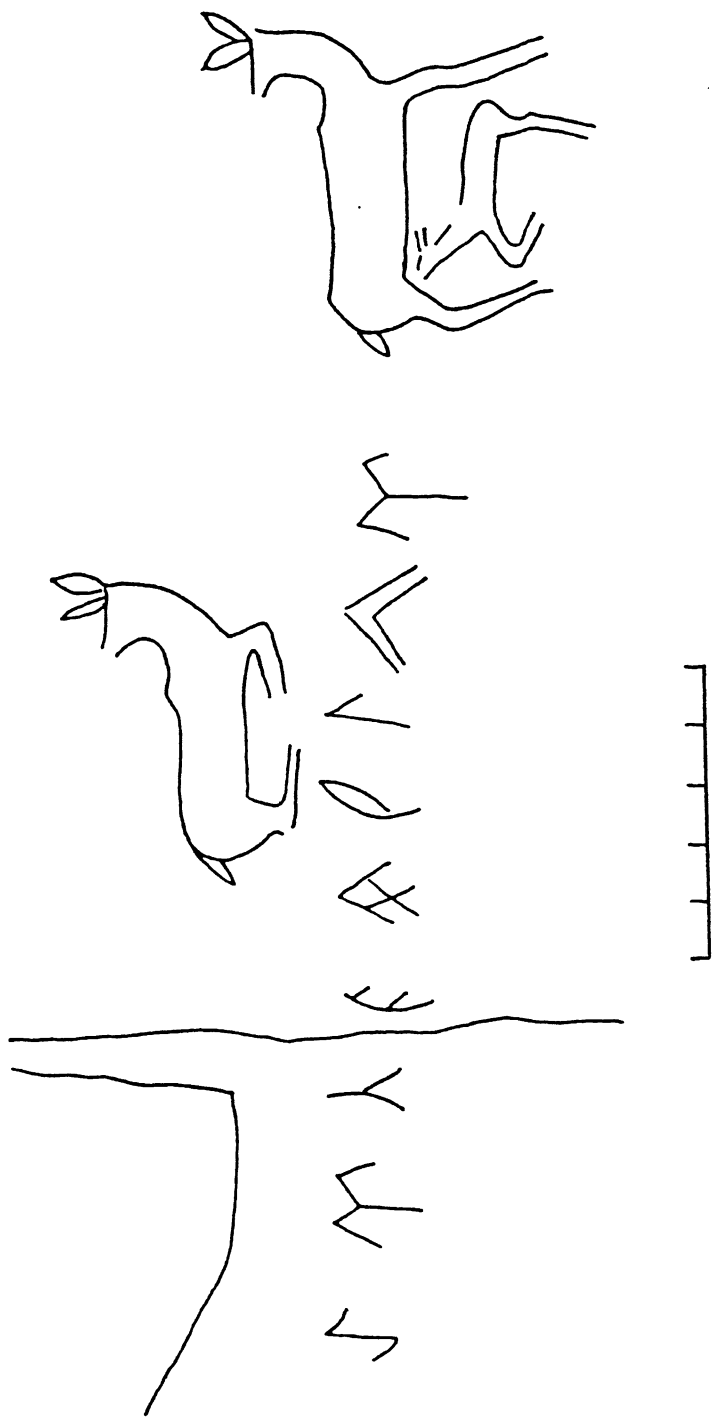

Рис. 7
Надпись Адыр-Кая I (Алтай), нанесенная среди наскальных рисунков

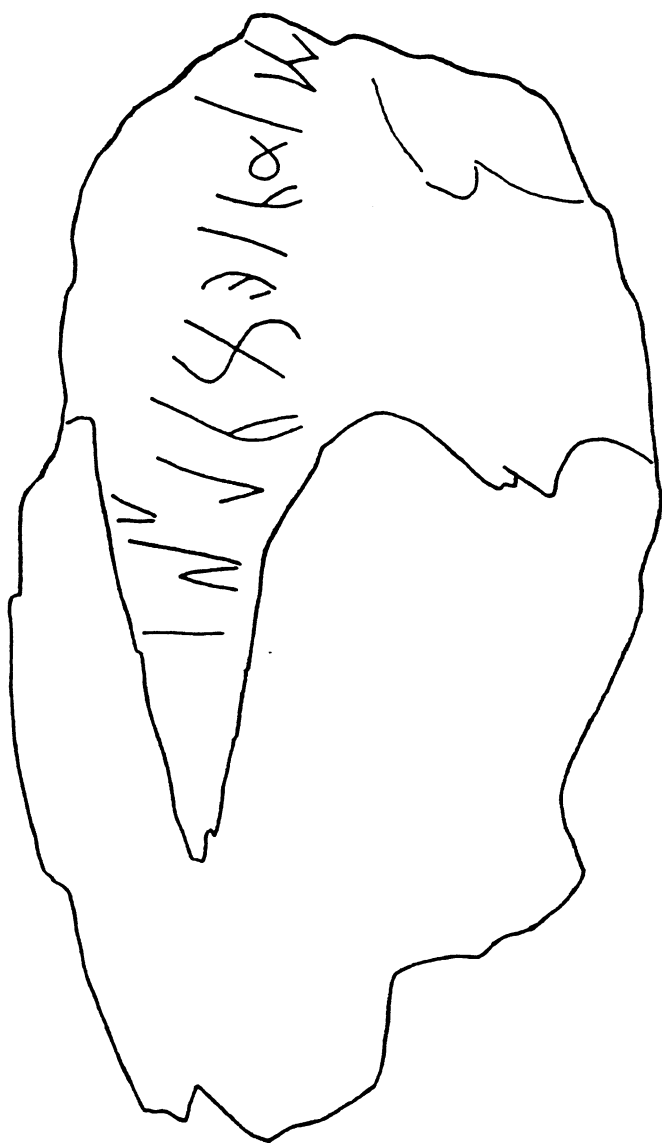

Рис. 9
Камень с надписью Мендур-Соккон V (Алтай)

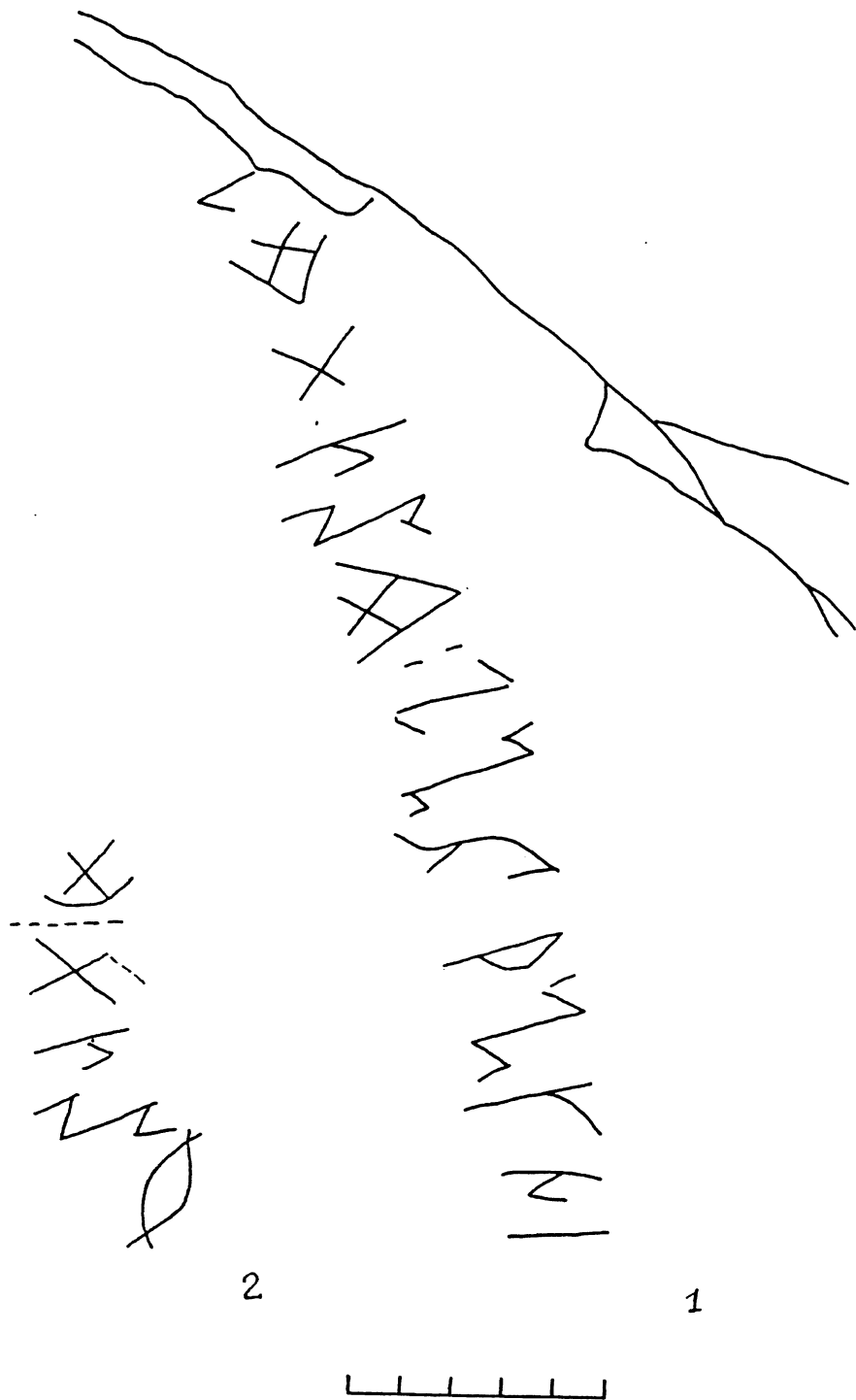

Рис. 10
Надписи Ялбак-Таш X (1, прорисовка автора) и Текленек (2, по прорисовке В.А.Кочеева) (Алтай)

Giovanna Lombardo

SOME PROBLEMS
ABOUT THE NECROPOLIS OF KANGURT-TUT
IN SOUTHERN TAJIKISTAN

The Necropolis of Kangurt-Tut is situated in Southern Tajikistan, more precisely in the Dangara region, on the middle course of a tributary of the Vakhsh river, the Tairsu river. This large burial ground was being excavated during the last twenty years, till 1997 by the archaeologists of the Institute for Oriental Studies (Russian Academy of Sciences) and has been described in detail in numerous articles by N.Vinogradova and by myself in my paper presented to the 14th Conference of South Asian Archaeology in 1997¹, so I shall not give here further descriptions. I shall try, instead, to set it inside the Sapalli-Molali cultural horizon (13th–11th cc. B.C.) and, in the same time, to understand if this cemetery, besides those of Nurek (which share some characteristics with it) represents a Tajik aspect of Sapalli Culture and finally, if we can really speak about a Tajik aspect of this derivation of the larger Namazga VI horizon.

Some elements differentiate Kangurt-Tut from the other cemeteries of Sapalli Culture in Uzbekistan and from the Tandyriul necropolis in Tajikistan:

1) the first and most important is the overwhelming preponderance of cenotaphs in Kangurt-Tut. Only three out of eighty nine tombs contained bones: one (no. 53) contained a complete skeleton and two (nos. 65 and 74) fractional burials.

2) the absence in most of these cenotaphs of the anthropomorphic clay figurines which in many cemeteries of the Molali phase characterize cenotaphs. In the necropolis of Bustan in Uzbekistan, for example, a fairly good amount of various typologies of such figurines have been found, while in Kangurt-Tut the figurines were only in two burials (nos. 26, 74). Another element characteristic of Sapalli cenotaphs was practically absent in Kangurt-Tut: the skeletons of animals, usually sheep or goats, or part of their body, which substituted the body of the dead person.

3) The funerary items in Kangurt-Tut are exemplified especially by groups of ceramic vases and, to a much smaller extent, by miniature metal objects reproducing life-size implements, toilet objects, ornaments, also typical of Molali phase in a great number of the cemeteries of Sapalli Culture. Life-size implements, weapons, ornaments are completely absent, unlike what happens in the Uzbek necropolis of Djarku-

---

¹ Vinogradova N.M. 1996: 171–194; Lombardo G. 1997, in press.

tan, Molali, Bustan, in the Tajik cemetery of Tandyriul and, to a smaller extent, in those of Nurek.

4) This is not, perhaps, an element of diversity but is rather a peculiarity inside a common use: in some necropolis, like Bustan but also Tandyriul remarkable traces of the use of fire in the burial rituals, like burnt coals, have been observed. In Bustan there are also structures for the preparation of ritual meals. This is missing in Kangurt-Tut but nevertheless there are traces of coal in clay lumps placed in the graves, and this suggests that even if rituals involving fire were not actually practiced, the memory of such rituals was preserved in these traces.

These are the essential starting points to examine Kangurt-Tut both inside a Tajik context of Sapalli Culture and in the whole horizon of the Culture itself.

We must now consider the most remarkable element of diversity: the fact that cenotaphs practically constitute the whole body of the burials in Kangurt-Tut.

The appearance of cenotaphs (applying the term to every burial without human remains, including those with clay figurines²) is documented in Uzbekistan during the Sapalli phase (18/17th–16/15th cc. B.C.). In this period, however, cenotaphs make a small percentage that increases in the later phases; in the following Djarkutan phase (16th–14th cc. B.C.), in the necropolis of the site of Djarkutan itself a percentage of 3% cenotaphs is registered. The highest increase is in the Molali phase, when cenotaphs make up 17% of the graves in Djarkutan and are to be found in great numbers also in the Bustan necropolis.³ It must be pointed out, however, that in spite of this increase cenotaphs are always a smaller amount than inhumation burials while in this period cremation burials also begin to appear.

This is the development of the various types of burials in Uzbekistan. In Tajikistan the picture is different: the necropolis of Tandyriul, situated in the upper reaches of the Surkhandarya river, in the Hissar valley, not far from the border with Uzbekistan, has yielded only one cenotaph containing an anthropomorphic male figurine in clay and the bones of a goat as often is found in the Uzbek necropolis where figurines, goats and sheep were intended to substitute the dead. It must be said that this necropolis, being so near to Uzbekistan, in the same Surkhandarya area, shares more aspects with the Uzbek than with Tajik cemeteries of Sapalli Culture as Kangurt-Tut and Nurek. The nearly complete absence of cenotaphs at Tandyriul in a period during which this kind of burial was imposing itself, at least in Tajikistan, suggests the hypothesis that the necropolis itself is more ancient than the other three cemeteries.⁴

The remains of the material culture, besides, show more similarity to the Uzbek assemblage. I refer particularly to pottery which, beyond a general relationship derived from the common belonging to the Namazga VI horizon, seems to share less elements with the production of the other Sapalli graveyards from Southern Tajikistan than with the cities of Southern Uzbekistan. For these reasons the necropolis of Tandyriul should be dated to a moment preceding the period during which the Kangurt-Tut necropolis was in use, the ritual involving cenotaphs burials probably had not yet imposed itself in Tajikistan and was just beginning in Uzbekistan.

² N. Avanesova 1995: p. 32 considers only the burials with no figurines or animal inhumation substituting the dead person as true cenotaphs. She calls "symbolic burials" the graves where figurines and animal bodies, or parts of them, are found but no human skeletons.

³ Askarov A.A. and Shirinov T. 1993: 79; Avanesova 1995: 32.

⁴ Vinogradova N.M. 1991: 68–88.

The picture of cultural development in Southern Tajikistan between the 14/15th and the 11th centuries was very diversified, as excavations have demonstrated: in the upper Surkhandarya course and in the Hissar valley the farming culture of Sapalli had spread; to the South groups of nomadic people established in the Bishkent and lower river Vakhsh valleys. These tribes probably came from the Central Asiatic branch of Andronovo culture (Kazakhstan) and getting sedentary and merging with the local farming people they gave birth to a new horizon, the so-called "Bishkent-Vakhsh culture". Up till now the Bishkent and Vakhsh cultures have been considered two distinct horizons, both of nomadic origin: the former being more ancient, and the latter somewhat more recent. In these last years, however, N.Vinogradova has reached the conclusion that they should rather be regarded as two subsequent phases of one cultural horizon. Necropolis of this horizon were Rannii Tulkhar, Bishkent I-III, Aruktau, Tigrovaya Balka, Vakhsh I, Djarkula, Makonimor. Only one settlement has been excavated at the moment, that of Toshguzar in the Dangara steppe, on the bank of the Tairsu river.⁵

To the East and North-East of the Bishkent and Vakhsh valleys, the Dangara plain and the upper Vakhsh valley had been occupied around the 14th–13th cc. by the farming population of Sapalli culture which settled down in an area where probably there had been no important cultural development after the last phase of the neolithic civilization of Hissar. In the settlement of Kangurt-Tut, e.g., the strata belonging to the Hissar culture can be found immediately under those of the Late Bronze Age apparently without an intermediate level.

So the Sapalli farming culture in its Molali phase established itself in South-Eastern Tajikistan directly on the Hissar horizon without an intermediate cultural level, representing a change in the territory and perhaps a break in the development of the last phases of Hissar culture.

It is possible to hypothesize that, when the farming tribes left Uzbekistan and reached Southern Tajikistan, a change in the funerary ideology had already begun in Uzbekistan, reaching different results in the two parts of Northern Bactria: in the original area of Sapalli culture the use of cenotaph burials, notwithstanding a fairly good degree of diffusion, was limited to a certain percentage (17–20%) of the whole body of the burials. With the progress of the migration of some groups towards Tajikistan the cenotaph ritual and the religious belief connected with it must have assumed a more important role than they have had in the original region's customs, or the parts of population which migrated to Tajikistan were the bearer of the cenotaph funerary ideology. What is certain is that this usage never spread fully in Uzbekistan, not even in the necropolis of Bustan where the completely empty burials (the only ones which N.Avanesova considers real cenotaphs), together with the graves with only anthropomorphic figurines and animal bones substituting the dead person, were found in a good percentage.

It is difficult to tell whether the cenotaphs ideology originated in Uzbekistan in the Sapalli culture as a spontaneous evolution of the eschatological conception or if it was introduced there by new groups of population that arrived in Uzbekistan at a later time; some of them mixed with the local people while others went on to Tajikistan where they settled. As anyway this concept basically differentiates from the Sapalli ideology, at least as it appears from the finds in the cemeteries, perhaps it was

---

⁵ Vinogradova 1993: 297–298.

rather brought by a new ethnical group than as the result of an evolution or of a change in the funerary and eschatological belief.

As to a possible origin of the cenotaphs usage, N.Vinogradova speaks about some analogies with the Indian burial ritual for people who died away from home. In some cases the body could be brought back home in a container filled with oil or directly cremated on the place of death. After cremation thirty three bones were chosen from different parts of the body and sewed on a goat skin forming a human figure; the rolled skin was brought back home and there cremated again.

Sometimes, if the body was not preserved, a figure was made of plant stalks and was washed and dressed according to the ritual, with gift presentation, then the figure was cremated.⁶

This is what was attested as far as India is concerned; in Tajikistan no cremation burials are documented in the farming culture necropolis. In Uzbekistan, instead, cremations are attested although they are a minority and, as in the case of Bustan, they are concentrated in a definite area of the necropolis. Anyway, the cremations in Bustan have been made right on the place, so they have nothing in common with the Indian ritual for people who died far from home.⁷

In the graves of Kangurt-Tut, moreover, there is no trace of cremation, nor of goat skins and human bones, neither of figures made of plant-stalks. The usage of secondary or fractional burials is documented in Central Asia also for the Late Bronze Age. This kind of burial ritual consists in the exposition of the corpses on platforms in the open air so that the flesh was taken off by birds or animals or gradually came off the bones by itself. The bones were later collected and buried in a grave or sometimes, as in the Swat culture, in some other place devoted to this purpose.⁸

In Kangurt-Tut necropolis at least two fractional burials have been found (nos. 65 and 74) but except these two graves and another one with an inhumation burial (no. 53) the main bulk of the graves is empty. Anyway, and this element looks very meaningful, almost in all the burials the disposition of the pottery vases in the funerary chamber suggests the idea that some free room was left for the disposition of a body. A place eventually devoted to receive the bones waiting for a definitive burial has not yet been found.

On the subjects of fractional burials and the presence of cenotaphs in the proto-historic graveyards of the Swat valley, especially in Katelai I, G.Stacul puts forward the hypothesis that these so-called "cenotaphs" were provisional burials waiting for the secondary and last burial or for the cremation.⁹ In the graveyards of the Swat valley, Katelai I, Butkara II and Loebanr I, cenotaphs and tombs with a few very little bones have been found, according to Stacul, they could be provisional burials. The furnishing of this type of grave consisted in only one vessel: among the represented typologies were also the large globular anthropomorphic jars generally used as urns.

This last element, in Stacul's opinion, could be the evidence of a connection between cremation burials and the type of burial just described. In the case of these graves with only a few bones it is possible that they had been left with their furnishing, as cenotaphs, in order to keep a memory of the stay in them of the dead human bodies, also because probably the grave would not be re-used. In Stacul's opinion,

⁶ Vinogradova 1996: 182 and note 17.

⁷ Avanesova 1995: 33-37 and figs. 2, 3.

⁸ Stacul G. 1975: pp. 324-325.

⁹ Stacul 1975: 325-326, 332.

almost all these empty or half-empty burials belong to the most ancient phase of occupation of Katelai necropolis, the V Period, that should be dated to the late 2nd and early 1st millennium (approximately the same age as the occupation of the farming culture necropolis in Tajikistan), while the number of these "cenotaphs" goes down in the following VI and VII Periods (first three quarters of the 1st millennium) with the parallel increase of the fractional burials perhaps in connection with the diffusion of Zoroastrism.

In any case, in the Swat valley cenotaphs are not altogether a large percentage in comparison with the other kinds of burial, although especially in Katelai they can still be found in a certain amount in the Period VI graves (the first quarter of the 1st millennium). Perhaps, as Stacul hypothesizes observing the increasing of fractional burials during the VI Period, the practice of the first provisional inhumation followed by the secondary burial or by the cremation could have been substituted by that of the exposition of the body in the open air. Anyway perhaps, beyond a generic presence of cenotaphs in the cemeteries of the Swat valley, in most cases between Period V and the beginning of VI, right in the second half of the 2nd and in the first centuries of the 1st millennium, in my opinion, it doesn't seem possible to make a significant comparison between the Swat graveyards and the Tajik cemeteries of the Sapalli cultures, since again in this last case scholars have to deal with a different phenomenon.

Whereas in fact in the North Pakistan necropolises of Swat and in those of Dir and Buner valleys (the cemeteries of Timargarha and Zarif Karuna) there is evidence of what can be usually found in Late Bronze Central Asia or in Eastern Europe, i.e. a coexistence of inhumations, fractional burials, cremations and cenotaphs (as documented, e.g., in Bustan or Djarkutan graveyards¹⁰, in Tajikistan there is a very different picture of burial rituals which are not represented in this variety. The fractional burials, for example, are very rare in the Sapalli culture necropolises: only two in Kangurt-Tut, some in Nurek and also rare cases in Tandyriul. The inhumations are practically absent in Kangurt-Tut and can be found in a small number in Nurek too. Cremation burials are not documented in the Sapalli cemeteries in Tajikistan. In substance, with the exception of Tandyriul, the most frequent burial type so far attested for the farming culture in Southern Tajikistan is the cenotaph: of course this is what has been excavated up till now. It must be kept in mind that fairly good percentages of cenotaphs have been found also in the graveyards of the Bishkent-Vakhsh culture. It is difficult to demonstrate that the cenotaphs of Kangurt-Tut or Nurek were a kind of temporary graves before the last burial because in the necropolis there is not an area where fractional burials have been found (and in any case these are too small in number). Even the funerary ritual that can be deduced from the finds in the cenotaphs of the Swat cemeteries is different from that which appears to be in use in the Tajik necropolises: the empty or half-empty graves of Katelai or Loebanr have always only one vessel as furnishing, while in the cenotaphs of Kangurt-Tut, Nurek and, after all, also of the Uzbek graveyards there is real furniture, like in the inhumation burials; moreover, as we noted above, it can be hypothesized, observing the disposition of the vessels at the moment of the finding, that some room could have been left intentionally free for the corpses.

This could effectively lead to the assumption that the graves were ready for their occupants or that the cenotaphs were in reality temporary burials, the skeletons hav-

---

¹⁰ Avanesova 1995: 32.

ing already been removed, but this last hypothesis seems unlikely. As a matter of fact grave furnishings in Kangurt-Tut are quite those of the inhumation burials, even if some classes of objects are absent, as we said, and there don't seem to be symbolic items left as a memory of the passage of the dead people in the temporary graves.

The graves in their totality appear to be last burials. In any case, a place for a primary or secondary deposition of corpses or skeletons or even bones has never been found, so far, in the necropolis.

I don't think it is possible, therefore, to compare funerary rituals, as they can be reconstructed from the finds in the cemeteries of the farming culture in Southern Tajikistan, to the rituals of the necropolises of Northern Pakistan, except perhaps for the presence of a certain amount of burials without bones or with a few fragments or small bones in the graveyards of Swat in the same period of the development of the farming culture in Tajikistan.

Going back to the Indian ritual described above, anyway, it must be said that it reminds, at least in one element, the cenotaphs ritual as it is documented in Uzbekistan (Djarkutan, Molali, Bustan) and in Tandyriul in Tajikistan: this common element is the presence of the body of a sheep or goat, or parts of it.

Keeping this particular in mind and coming back to the problem of origin of the practice of cenotaph burials on a larger scale in Uzbekistan and as a mass practice in Tajikistan (at least in Kangurt-Tut and Nurek) one could suppose that, in the beginning, also in Uzbekistan might have been in use a ritual for people who died far from home, whose body was substituted by that of a sheep or a goat, although the difference from the Indian ritual is in the fact that the bones were not recomposed and sewed on the goat skin, nor there was a fetish made of stalks to represent the dead person. Perhaps, given their rarity, the first cenotaphs of Sapalli culture, in the Sapalli site itself or in Djarkutan, could really have been dedicated to people dead far from home, whose body had been lost, though they constitute a minority of cases. Later, perhaps during the Kuzali phase or at the very beginning of Molali, the funerary ideology lying at the base of the cenotaphs usage began to impose itself, perhaps brought by new ethnic groups. At this point the existing ritual for cenotaphs might have been used, in part at least, whether this new ideology developed spontaneously at a certain stage of Sapalli culture or was introduced by newcomers. These new people, while assimilating the material culture of the farming population could have absorbed and adapted some rituals to their beliefs.

To tell the truth, judging from the pit and catacomb grave typologies and the furnishing, such as pottery vessels, miniature metal objects and, in Nurek, axe pendants and beads, the Tajik cenotaphs show no difference from the inhumation burials of the Molali horizon.

This is true as far as cenotaphs are concerned; the necropolis of Kangurt-Tut, however, differs from other graveyards of the farming culture in the very use of cenotaphs because, unlike what can be seen in the cenotaphs of Sapalli, Djarkutan, Bustan and Molali, the dead people were almost never substituted by animal bodies or anthropomorphic figurines: in Kangurt-Tut only two burials have yielded clay figurines. Moreover, the complete absence of life-size personal ornaments, beads, axe pendants, toilet objects like those found in Tandyriul and also at Nurek has been recorded. Life-size daggers, knives, axes are missing too and are substituted by miniature metal reproductions. These are in bronze, with a good percentage of tin (1 to 5 %) and consist of weapons, implements, blades, earrings, beads, mirrors. The

presence of miniature ornaments and toilet objects and, in the same time, the absence of their life-size prototypes (recorded instead in Tandyriul and, sometimes, in Nurek) let me think that the necropolis being constituted almost entirely of cenotaphs, it should have been senseless to put ornaments or personal objects in burials, although their presence must in some way be reminded through the miniature reproductions.

Unlike other cemeteries of the farming culture, especially those in Uzbekistan, which have yielded life-size objects together with miniature copies, in Kangurt-Tut any object of daily use except pottery has been excluded. So this necropolis distinguishes itself from all the other graveyards, including the two of Nurek, for its austere essentiality, not necessarily due to poverty but perhaps to a precise belief.

Except for some cases, the furnishing consists mainly of pottery vessels of which the typologies are all connected to food and feeding: bowls, beakers, jars and other large vessels for the conservation of cereals, large bowls on legs and, in the graves attributed to children, spouted jugs for milk.¹¹

In the necropolis of Bustan some structures, perhaps for the preparation of ritual meals and many hearths have been found, in Tandyriul there were traces of fire use in more than one burial¹² (real inhumation burials). In Kangurt-Tut there are no structures for ritual meal like in Bustan, nor perhaps the abundance of coals observed in Tandyriul but some indirect traces of fire use, or rather the memory of a ritual fire, can be found all the same in the presence of coals, often enclosed in clay blocks that barred the entrance to the funerary chamber from the *dromos*, or in clay lumps and bits that were found in the chamber, of which the purpose is not clear.

There are no evident traces in the graves of a ritual performed with fire but the coals enclosed in the clay blocks suggest that, as in the case of personal ornaments reproduced only in miniature for cenotaphs here perhaps the ancient inhabitants of Kangurt-Tut might have judged useless to perform true rituals with fire. At the same time, however, they did not renounce to keep in some way alive this tradition alive some way, so they put in the burials an element, the coals, that could suggest and evoke the rituals themselves.

It looks as if Kangurt-Tut and Nurek represented a partial break with the Sapalli culture tradition but that this detaching must be recent because, notwithstanding the basic difference consisting in the mass use of cenotaphs in these three Tajik cemeteries, the endeavour of keeping alive some of the old customs appears evident enough.

It could be supposed that Kangurt-Tut in particular represents a transition moment in the process of the migration and establishing of the farming populations from Uzbekistan to Tajikistan, when in the funerary ideology some trends already existent in Uzbekistan became general: the burial rites changed but some features concerning the grave furnishing or the memory of the older ceremonies remained fixed, while in other respects some elements that before had more importance for the cenotaphs ritual (like the burial of a goat) were abandoned.

Another hypothesis for the origin of the practice of cenotaph burials on a large scale, finally, could be that their increase at the end of the Late Bronze Age could be in some way connected with the beginning of the Kuzali phase in the Uzbek sites. According to A.L.Askarov, the Kuzali phase, dated by the Russian archaeologists

---

¹¹ Vinogradova 1996: 189–191, figs. 5–7.

¹² Avanesova 1995: 32, 36; Vinogradova 1991: 69, 71–72.

from the 14th to the 12th cc., is a true break in the ceramic tradition, in comparison to the preceeding phases. In the development of the Sapalli culture, since the phase of Sapalli to that of Molali there is no evidence of pottery forms like those of Kuzali phase, above all, more than the forms that are anyhow still inside the Namazga VI horizon, the real change is in the decoration: this is very rich, redundant (one could say "baroque") and cannot be found before or after the phase itself. May be it is not the case that, according to N.Avanesova, with this phase begins the significant increase of the so-called "symbolic burials" (empty burials with animal bodies or anthropomorphic clay figurines). In Askarov's opinion, this phase is probably characterized by the arrival of groups of people perhaps from India after the end of the Indus civilization; he finds many similarities between the pottery of the Uzbek sites and that of Harappa. Askarov supposes that, as after the end of the Indus civilization, a part of the population migrated into the Kathiawar peninsula, some other groups could have moved north-westward to Northern Bactria and their interaction with the local population of the Sapalli culture at the end of the Djarkutan phase gave birth to this new phase of Kuzali, apparently detached from the previous development but actually still bound to it. If we consider this hypothesis, apart from the real provenience of the new population (whether it came from the Indus valley or were a different ethnic group), we could also assume that, concomitantly with the introduction of the new forms and decorations of the pottery, the appearance of the "symbolic burials" took place, together with the introduction of particular types of votive objects and of objects of daily life in all the kinds of burial, of the ritual meals with parts of the body of goat (back hoof, shoulder or breast).¹³

Besides, according to Askarova, the anthropological remains of the Kuzali phase are different from those of the other three phases of the culture (Sapalli, Djarkutan, Molali), while they show some relationship with the remains of the cemetery of Rannii Tulkhar in Tajikistan, a site of the Bishkent-Vakhsh culture. So, according to Askarov, between the population of the Kuzali phase in Uzbekistan and the Bishkent-Vakhsh people could have existed a genetic relationship that would be confirmed by the presence of the "catacomb" burials, characteristic of the Sapalli culture in some necropolis (Tigrovaja Balka) and by the similarity of the grave furnishing, moreover, a percentage of cenotaphs has been found also in the cemeteries of Bishkent-Vakhsh.¹⁴

It is not the aim of this article to go into the question of the origin of the Bishkent-Vakhsh culture, I just would like to suggest a different perspective to try to understand the beginning of the diversification phenomenon inside the Sapalli-Molali horizon as it appears from the study of the finds of Southern Tajikistan sites.

It is possible that the interaction between the newly arrived groups in Uzbekistan in the Kuzali phase (whatever their origin) and the agricultural tribes in Northern Bactria, well as also that between the same new population and the nomadic tribes of Bishkent-Vakhsh, has given origin to various culture horizons which are, however, related. The most important are those indicated by Askarov in the catacomb typology of a large part of the burials in some necropolis and in the presence of Molali pottery in the cemetery of Rannii Tulkhar and, perhaps not last, the finding of cenotaphs in a significant percentage also in the cemeteries of the Bishkent-Vakhsh culture: 29.7%

---

¹³ Askarov A.A. 1982: 122; Avanesova 1995: 32.

¹⁴ Askarov 1982: 122-123.

at Tigrovaja Balka, 34.6% in Vakhsh I, 28.5% at Djarkula and Makonimor, each of these 14%.¹⁵

All these factors could lead to the assumption that groups external to the Northern Bactrian civilization, in its Uzbek aspect, had given origin in Uzbekistan to the Kuzali phase that is a partial break with the preceding tradition and in the course of which the "symbolic burials" had appeared; with the progress of the migration, at the end of the 14th and in the 13th–12th centuries, the members of those groups which did not settle in Uzbekistan arrived in Southern Tajikistan and part of them settled in the Bishkent and Vakhsh valleys, interacting with nomadic tribes. Another part went on further north-eastward, to the Dangara plain, along the upper course of the Vakhsh, near the Nurek basin, bringing the basic elements of the Sapalli culture in the Molali phase: the pottery, the catacomb burials, the use of putting miniature metal objects in the graves. At the same time, however, these groups brought with them their own funerary customs whose expression must have been the cenotaph burial, considering as such not only the completely empty burials but any other grave without human remains. As the last cultural heritage of ethnic groups which in the various stages of their migration had absorbed most of the material culture of the Northern Bactrian populations, the ideology of cenotaphs must not only have resisted to the impact with the Sapalli culture but have found its full expression and self-assertion in such a virgin ground as Southern Tajikistan.

This last hypothesis, like the other one about the possible origin of the practice of cenotaph burial as a mass phenomenon, is a mere suggestion of a possible direction of research. It is, in fact, possible that the Sapalli farming civilization and the nomadic culture of Bishkent-Vakhsh are less separated than they appeared, even though they are two distinct horizons, as Askarov suggested speaking about the Kuzali phase as a possible cultural contribution of new groups and as a moment of change.

In any case, the data about the farming culture sites in Southern Tajikistan are still too partial and further excavations are necessary to fully understand the development of Sapalli culture in this area.

REFERENCES

- Askarov, A.A. "Traditions et innovations dans la culture du Nord de la Bactriane à l'Age du Bronze". *Actes du colloque franco-soviétique "L'archéologie de la Bactriane ancienne"*. Dushanbé, 27 octobre — 3 novembre 1982:119–123.
- Askarov, A.A., Shirinov, T.M. *The Early Urban Culture of the Bronze Age Southern Uzbekistan* (in Russian). Samarkand, 1993.
- Avanesova, N. "Boustan VI, une nécropole de l'Age du Bronze dans l'ancienne Bactriane (Ouzbekistan méridionale): témoignages de culte du feu". *Art Asiatique* 50, 1995:31–56.
- Lombardo, G. "The Necropolis of Kangurt Tut: Aspects of Sapalli Farming Culture in Southern Tajikistan, in the Late Bronze—Early Iron Age". *Proceedings of the 14th International Conference of the Association of South Asian Archaeologists*. Rome, 7–11 July 1997 (in print).

---

¹⁵ Mandelshtam A.M. 1968: Pls. XIII, XIV, XVIII; P'iankova 1989: 24–26.

- Mandel'shtam, A.M. "Pamjatniki èpokhi bronzy v juzhnom Tadzhihistane". *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* 145. Moscow: Nauka, 1968.
- P'jankova, L.T. *Ancient Cattle Breeders of Southern Tajikistan* (in Russian). Dushanbe, 1989.
- _____. "Otchet o rabote Nurekского arkheologicheskogo otrjada". *Arkheologicheskie raboty v Tadzhihistane* 14 (1974), 1979:78–92.
- Stacul, G. "The Fractional Burial Custom in the Swat Valley and Some Connected Problems". *East and West* 25, 1975:323–332.
- Vinogradova, N.M. "Interrelation between Farming and 'Steppe' Tribes in the Bronze Age South Tajikistan". In Gail, A.J., Mevissen, G.J.R., eds. *Proceedings of the Eleventh International Conference of the Association of South Asian Archaeologists in Western Europe. Berlin, 1–5 July 1991*. Stuttgart, 1993.
- _____. "Kangurt-Tut: The Ancient Agricultural Burial Ground in Southern Tajikistan". *Information Bulletin* 20, 1996:171–194.
- _____. "The Necropolis of Tandyriul in Southern Tajikistan". *Information Bulletin* 18 (in Russian), 1991:68–88.

М.Б.Мейтарчиян

ОГОНЬ В ЗОРОАСТРИЗМЕ ПО «ПЕРСИДСКИМ РИВАЯТАМ»

Почитание огня было распространено почти у всех народов мира. Культ огня пронизывал многие сферы духовной жизни [Мейтарчиян 1998, с. 64–65]. У индоевропейцев в древности имелись алтари огня.

Ригведа начинается гимном Агни, который выступает в разных ипостасях: как бог жертвенного огня, руководитель жертвоприношения, божественный жрец [Елизаренкова 1989, с. 498].

В Индии в середине I тыс. до н.э. появилась веданга — вспомогательная литература, примыкавшая к ведам. Одна из веданг, «кальпа» (т.е. «ритуал»), была посвящена различным аспектам проведения обрядов. Важная ее часть включала правила совершения жертвоприношений, предписанных в священном откровении (шрути), совершаемых жрецами на нескольких священных огнях. Эти тексты назывались «шраутасутрами». А тексты о жертвоприношениях, совершаемых домохозяином на домашнем очаге, — «грихьясутрами» [Пандей 1990, с. 38; Вигасин 1990, с. 11].

В индийском ритуале существуют три важных жертвенных огня. Огонь гархапатья (от gr̥ha — «дом») — один из трех жертвенных огней, сопоставляемых с тремя мировыми сферами (земля, воздушное пространство, небо). На нем готовили жертвенную пищу. Одновременно он служил и семейным огнем, передававшимся от отца к сыну, поддержание этого огня считалось долгом, забота о нем оценивалась как религиозная заслуга. От огня гархапатья зажигался огонь ахавания, который помещался в восточной стороне алтарной площадки для совершения жертвоприношения. Он рассматривался как часть солнца на земле (солнечный огонь). Третий священный огонь, поддерживаемый домохозяином для совершения ритуала шраута, является огонь дакшина — «южный», посвящаемый Яме и предкам [Schroeder 1916, S. 481–496; Вигасин 1990, с. 294, 298, 299; Chlopin 1975, S. 63; Gonda 1980, с. 163–175].

Одним из наиболее сложных древнеиндийских жертвенных обрядов, связанных с огнем, является ритуал Agnicayana [Hillebrandt 1901, S. 161–165]. Описание этого ритуала имеется почти во всех основных трудах по религии древней Индии. Наиболее основательно он описан в работе Г.Крик [Krick 1982]. Основные его элементы приводит Б.А.Литвинский в своей фундированной статье «Семиреченские жертвенники (индоиранские истоки сакского культа огня)» [Литвинский 1991, с. 66–87]. Б.А.Литвинский приходит к выводу, что

в иранских верованиях, связанных с огнем, практически нет сходства с индийскими. Алтари и ритуалы огня также отмечаются, но есть отдельные общие представления и некоторое подобие в ритуальном инвентаре [Литвинский 1991, с. 79]. Мы присоединяемся к его мнению.

Зороастризм — одна из древнейших религий, в которой почитание огня занимало значительное место. В священной книге зороастрийцев Авесте огонь — Атар — является священным, жертвенным огнем, божеством — сыном Ахура-Мазды.

Точная дата создания иранских храмов огня неизвестна¹. Исследователи считают, что храмовые огни, как и святилища с изображениями, уже утвердились в зороастрийском богослужении к концу правления Ахеменидов. После того как зороастрийцы основали храмовые культы огня, их стали называть «огнепоклонниками». М.Бойс приводит историю о Михрам-Гушнаспе, знатном персе, принявшем христианство. Он погиб мученической смертью под именем Гиваргиса в 614 г. при Хосрове II. Михрам-Гушнасп был ярким противником старой веры. Между ним и неким магом произошел будто бы следующий диспут:

«Маг заявил: „Мы никоим образом не считаем огонь Богом, мы только молимся Богу посредством огня, так же как вы молитесь кресту“.

Михрам-Гушнасп сказал: „Но мы не говорим, как вы говорите огню: „Мы молимся тебе, крест Бог““.

Маг заметил: „Это не так“. Но хорошо обученный Михрам-Гушнасп привел примеры из текстов и сказал: „Так говорится в вашей Авесте, что это Бог“.

Загнанный в угол, маг изменил свое прежнее мнение и сказал: „Мы поклоняемся огню, потому что он той же природы, как Ормазд“.

Михрам-Гушнасп заметил: „У Ормазда есть все то же, что и у огня?“

„Да“, — ответил маг.

„Огонь сжигает помет и конский навоз, короче говоря, все, что попадает в него. Поскольку Ормазд той же природы, то истребляет ли он все так же, как огонь?“ — сказал Михрам-Гушнасп.

Затем Михрам-Гушнасп спросил: „Почему вы не поклоняетесь огню, пока он находится скрытым в камнях, дереве и других предметах? Вы же сначала зажигаете его, а потом молитесь ему. Между тем вы сперва делаете его достойным поклонения, а без вас он не таков. Но все это не имеет значения, ведь огонь не может отличить мага, который приносит ему жертвы, от человека, который не поклоняется ему, он горит одинаково для обоих“.

Маг, как рассказывается далее, будто бы после этих нападок замолк, но власть была на его стороне, и в конце концов Михрам-Гушнаспа умертвили по приказу царя» [Бойс 1994, с. 162, 164–165].

Однако следует отметить, что даже в начале XX в. образованные дастуры (жрецы) отрицали, что они поклоняются огню как таковому. Они утверждали, что огонь является символом божества. В беседе с крупнейшим иранистом А.В.Джексоном дастуры говорили, что называть зороастрийцев «огнепоклонниками» все равно что называть христиан «крестопоклонниками» [Jackson 1909].

Исследование зороастрийского культа огня требует комплексного подхода и соответственно привлечения многообразных материалов. В разработке

---

¹ Об иранских культах огня см. [Boyce 1968, с. 52–69; Boyce 1975, с. 454–465; Duchesne-Guillemin 1962, с. 198–206; Godard 1938; Kramers 1954, с. 342–363; Wikander 1946; Hertel 1925].

проблемы первостепенное значение отводится «внутренним источникам». Одним из них наряду с собственно Авестой и пехлевийскими сочинениями являются «Персидские Риваяты». Они относятся к так называемой новоперсидской зороастрийской литературе и чрезвычайно важны для последующей истории зороастризма как в Иране, так и в Индии.

«Персидские Риваяты», или «трактаты», — это переписка иранских и парсийских дастуров XV–XVIII вв. по вопросам, связанным с ритуалом и обрядовой практикой.

Парсы при переселении взяли с собой только садэ — чисто авестийские тексты². Все остальное сохранялось и постепенно передавалось им иранскими дастурами [Бойс 1987, с. 202].

Первый «Риваят» был привезен в Индию в 1478 г. и известен как «Риваят Наримана Хушанга». Затем были привезены другие «Риваяты». Некоторые из них известны как авторские, другие анонимные. Позже они были классифицированы Хормаздьяром Фарамарзом, его сыном Даабом Хормаздьяром и Барзо Камдином.

В «Персидских Риваятах» проливается свет на важные вопросы, связанные с перенесением огня, содержанием его отдельно от воды, с огнем у дахмы (места выставления трупов), с очищающей силой огня и др.

В индийской традиции считается, что в течение первого года после смерти кости облекаются плотью и соединяются с душой на небе. По мнению М.Бойс, «именно из-за этого представления индоарийцы постепенно сменили свой похоронный обряд кремацией, в которой тленная плоть быстро уничтожается». Кости после кремации собирали и хоронили в надежде воскрешения. Однако иранцы, как считает М.Бойс, «слишком почитали огонь, чтобы использовать его для уничтожения оскверняющего вещества» [Бойс 1994, с. 24].

На наш взгляд, несколько проясняет отношение иранских зороастрийцев к огню следующий пассаж из «Персидских Риваятов». В главе «Огонь, находящийся в контакте с *nasu* (мертвым)» говорится:

«Кама Бохра спрашивает: „Если *nasu* или что-либо мертвое сжигается в огне и если человек готовит пищу на нем и приготавливает свой хлеб или еду и ест ее, каково решение?“ Ответ: „Если *nasu* сжигается и превращается в пепел, то огонь или пепел не оскверняется кем-либо; и если человек приготавливает пищу на нем и ест ее, это не является грехом; но этот огонь, на котором было сожжено мертвое, должен быть перенесен прочь от этого места, и затем пища должна быть приготовлена на нем. И это не обязательно, чтобы этот огонь был перенесен в аташгах. Необходимо знать, что огонь имеет такую силу, что если что-нибудь находится с ним в контакте, то оно становится таким же чистым, как он“».

И еще один пассаж:

«Кама Бохра и Каус Кама спрашивают: „Имеется огонь, на котором было приготовлено мертвое, или сожжено, или зажарено, и человек приготавливает свою пищу на нем или жарит что-нибудь, или приготавливает пищу в горшке на нем и ест ее, или соприкасается с пеплом сожженного мертвого, каково решение?“

Ответ: „Если *nasu* полностью сгорело, и если какой-нибудь волосок или мягкая ткань не вся осталась, но должна была превратиться в пепел, и если кто-либо контактировал с пеплом, это не является осквернением; и если кто-нибудь

---

² О культах огня у парсов см. [Modi 1922].

помещает горшок на этот огонь, и готовит пищу, и ест ее, то в этом случае даже я не знаю, чем это является³». Иными словами, существует опасность осквернения [Dhabhar 1932, с. 57–58].

В «Персидских Риваятах» также говорится о том, что ничто не должно мешать огню гореть, даже лучи солнца не должны попадать на огонь. Очевидно, это более позднее представление, так как у индоиранцев существовал культ солнца. В Авесте в Яште Х (Михр-Яшт) говорится о божестве Митра, который первоначально выступает как мифологический персонаж, связанный с идеей договора. Вместе с тем в авестийской мифологии существуют «предпосылки для формирования солярной функции Митры». Это такие эпитеты Митры, как «исполненный собственного света», «сияющий» (Яшт Х, 44), «блестящий», в «Видевдате» (19, 28) мотивы всегда бодрствующего Митры, бдительно стерегущего творения Мазды [Топоров 1980, с. 154–156].

Следует подчеркнуть, что в других иранских традициях Митра выступает непосредственно как божество солнца, в частности в согдийской и парфянской традициях.

Впоследствии, когда у зороастрийцев Ирана утвердилось почитание огня как основного божества, все прочие божества не должны были мешать ему свободно гореть, даже солнце не смело затмевать его своими лучами, что и нашло отражение в «Персидских Риваятах»: «Кама Бохра отвечает: „74-я глава говорит о том, что свету солнца не должно позволять падать на огонь; ибо если вы позволите свету солнца попасть на огонь, это является грехом в 3 истира (6 $\frac{1}{2}$ дирхема)“» [Dhabhar 1932, с. 57].

Недопустимо также, чтобы свет солнца падал на огонь из каких-либо отверстий, если огонь был покрыт чем-либо, где имелись отверстия, то для каждого отверстия, из которого попадает его свет на огонь, предусматривалось наказание в 3 истира, так как это грех, приводящий к уменьшению силы огня. И если зороастрийцы позволяли огню оставаться под светом солнца с утра до вечера, то это также являлось грехом, за который предусматривалось наказание в 300 истиров [Dhabhar 1932, с. 57].

В «Персидских Риваятах» существуют и другие предостережения, в частности: огонь должен собираться вдали от воды, потому что имеется злой дух, смешивающийся с огнем и водой. Когда они встречаются, то становятся вредоносными. И не должен солнечный свет попадать на огонь или чтобы огонь находился слева³ в солнечном свете, потому что это грех. Всякий раз, когда рука коснется огня, это грех; и всякий раз, когда люди задувают дыханием огонь, это грех, который равен 180 истирам [Dhabhar 1932, с. 57].

В зороастризме считается смертным грехом, если женщина в период месячных сидит рядом с огнем. Следует отметить, что имелись факты, когда зороастрийцы, приняв христианство, в знак отречения от своей бывшей веры непочтительно обращались с огнем. «Когда сестра и жена Михрам-Гушнаспа приняла христианство, она ознаменовала свое отречение от веры предков тем, что взяла в руки жаровню с огнем во время месячных, швырнула ее на землю и растоптала угли ногами, тем самым совершив, с точки зрения зороастрийца, двойной смертный грех» [Бойс 1994, с. 164].

Зороастрийцы тщательно следили за совершением многочисленных ритуалов, связанных с огнем. Они считали невозможным замещение совершения ри-

³ Левая сторона в зороастризме считается сферой Ахримана.

туала денежным пожертвованием. Однако такая практика, очевидно, все же имела место, так как в «Персидских Риваятах» не случайно упоминается о ней как о непозволительной.

Шапур Бхаручи советует: «Служитель должен кланяться огню, и огонь дома, где готовилась пища в течение трех дней, должен быть собран и перенесен в Аташ-адаран».

Если никто не может сам перенести огонь, так как он погас, и если он пошлет 100 динаров в Адар-Гушнасп⁴ — это недопустимо.

Считается, что дым, появляющийся от огня, является принадлежностью Ахримана [Dhabhar 1932, с. 57].

Зороастрийцы почитали и огонь, появляющийся в результате извержения вулкана. Об этом также говорится в «Персидских Риваятах»: Adar Khordad считается представителем царства и жрецов и находится на горе Kānkara в Индостане, он называется парсами jalāmukhi, т.е. вулкан. Его зовут и Atash Berezi-savang. Эти два имени являются именами того же огня. Adar Burzin Meher является представителем домохозяина. Он находится на горе Raiwand, его называют Mino-Karko. Эти огни горят без топлива и не боятся воды, т.е., если вода попадет на них, они не погаснут [Dhabhar 1932, с. 60].

Дж.Дармстетер наблюдал вулкан возле Kangra, который вплоть до 30-х годов XX в. являлся объектом паломничества индусов. Возможно, беглецы-парсы могли поддерживать огонь от него в Индии [Dhabhar 1932, с. 60].

Таковы основные положения о почитании священного огня в «Персидских Риваятах».

Таким образом, «Персидские Риваяты» свидетельствуют о том, какую важную роль зороастрийцы уделяли ритуалам, связанным с огнем, и выявляют отличие в обрядовой практике иранских зороастрийцев и парсов Индии, что имеет большое значение для изучения обрядов, связанных с огнем в зороастризме, как древних, так и современных.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бойс 1987 — Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М.
Бойс 1994 — Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. 3-е изд. СПб.
Вигасин 1990 — Вигасин А.А. Предисловие. — Пандей Р.В. Древнеиндийские домашние обряды. М.
Елизаренкова 1989 — Елизаренкова Т.Я. Ригведа. Мандалы I–IV. М.
Литвинский 1991 — Литвинский Б.А. Семиреченские жертвенники (индоиранские истоки сакского культа огня). — Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М.
Мейтарчян 1998 — Мейтарчян М.Б. Культ огня в Иране и Средней Азии. — Древние цивилизации Евразии. История и культура. Тез. докл. междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию действительного члена Академии наук Таджикистана, д-ра ист. наук, проф. Б.А.Литвинского. М.
Пандей 1990 — Пандей Р.В. Древнеиндийские домашние обряды. М.

⁴ Адар-Гушнасп — один из трех сакральных огней зороастрийской религии (ранее огонь Ка-ви-Виштаспы Адар-Виштасп) [Рак 1998, с. 452].

- Рак 1998 — *Рак И.В.* Зороастрийская мифология. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. СПб.
- Топоров 1980 — *Топоров В.Н.* Митра. — Энциклопедия «Мифы народов мира». Т. 1. М.
- Boyce 1968 — *Boyce M.* On the Sacred Fires of the Zoroastrians. — BSOAS. № 31, с. 52–69.
- Boyce 1975 — *Boyce M.* On the Zoroastrian Temple Cult of Fire. — JAOS. № 95, с. 454–465.
- Chlopin 1975 — *Chlopin I.N.* Archäologische Materialien zur Entstehung des altiranischen Feuerkultes. — Klio, H. 1. Bd. 57. B., S. 53–71.
- Dhabhar 1932 — *Dhabhar B.N.* The Persian Rivayats of Hormazyar Framarz and others. Bombay.
- Duchesne-Guillemin 1962 — *Duchesne-Guillemin J.* Fire in Iran and Greece. — EW. № 3, с. 198–206.
- Godard 1938 — *Godard A.* Les monuments du feu. — Athar-e Iran, III, с. 7–82.
- Gonda 1980 — *Gonda J.* Vedic Ritual. The nonsolemn Rites. Leiden-Köln.
- Hertel 1925 — *Hertel J.* Die arische Feuerlehre, I. Th. Lpz., (Sächsische Forschungsinstitut in Leipzig. Indo-Iranische Quellen und Forschungen. VI. Hft.).
- Hertel 1931 — *Hertel J.* Die awestischen Herrschafts und Siegesfeuer. Mit Text, Übersetzung und Erklärung von Yašt 18 und 19. Lpz. (Abhandlungen der philologisch-historischen Klasse der Sächsischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 41, № 6).
- Hillebrandt 1901 — *Hillebrandt A.* Ritual-litteratur, vedische Opfer und Zauber. Strassburg. (Grunriss der indo-arischen Philologie und altertumskunde (Encyclopedia of Indo-Aryan research. Bd. 3, Hft. 2).
- Jackson 1909 — *Jackson A.V.W.* Persia Past and Present. N. Y.
- Kramers 1954 — *Kramers J.H.* Iranian fire worship. — Analecta Orientalia. Vol. I. L., с. 342–363.
- Krick 1982 — *Krick H.* Das Ritual der Feuergründung (Agnyādheya). — Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Bd. 393. Wien.
- Modi 1922 — *Modi J.J.* Religious Ceremonies and Customs of the Parsees. Bombay.
- Schroeder 1916 — *Schroeder L.* Asiatische Religion, 2. Naturverehrung Lebensfeste. Lpz.
- Wikander 1946 — *Wikander S.* Feuerpriester in Kleinasien und Iran. Lund.

Т.К.Мкртычев, У.И.Трейнер

К ВОПРОСУ О ТЕХНИКЕ ИЗГОТОВЛЕНИЯ РИТОНОВ ИЗ СТАРОЙ НИСЫ

Ритоны, найденные во время раскопок «Квадратного дома» на Старой Нисе в 1948 г., общепризнанно считаются одним из шедевров эллинистического искусства. Их исследованию посвящены специальная монография Г.А.Пугаченковой и М.Е.Массона «Парфянские ритоны Нисы» (1959) и ряд статей [Кошеленко 1967; Сергеева 1972; Bernard 1985]. Без упоминания о них не обходится ни одна обобщающая работа по эллинистическому искусству [Ghirshman 1962; Barnett 1968; Schlumberger 1970; Bernard 1991; Pfrommer 1993; Boardman 1994; Вайнберг, Ставиский 1994]. Вместе с тем, несмотря на то что нисийские ритоны уже приобрели хрестоматийный характер, в их истории по-прежнему остается много неясностей и нерешенных проблем. Среди вопросов, которые требуют дополнительного изучения, важное место занимает технология их изготовления.

В монографию Г.А.Пугаченковой и М.Е.Массона входит глава «Техника изготовления и формы ритонов», в которой приводятся основные данные по этому вопросу, представляющие собой подробный перечень материалов и основных приемов, применявшихся при изготовлении ритонов. Эта информация основывается на данных, полученных в процессе реставрации.

Следует отметить, что после реставрации целый ряд технологических характеристик оказался скрыт тонировками и доделками. Это, в свою очередь, отразилось на характере дальнейших исследований, сформированном на визуальном восприятии отреставрированных ритонов и представлении о слоновой кости как единственном материале изделий.

В связи с тем, что в научной литературе до сих пор нет точной характеристики технологии изготовления ритонов, произошло искажение понимания этих вещей, которые принято считать просто образцами резьбы по кости [Пугаченкова, Ремпель 1982, с. 267]¹.

Несмотря на то что изделия из слоновой кости нередко встречаются среди материалов раскопок, ритоны среди них встречаются крайне редко. Наиболее древним является изготовленный из бивня орнаментированный ритон, найденный в одном из микенских склепов [Mylonas 1966, с. 196, fig. 143]. Известен также фраг-

¹ Рассказ о ритонах помещен в разделе «Резная кость».

мент протомы ритона в виде льва из храма Окса, который датируется И.Р.Пичикяном ахеменидским временем — VI–V вв. до н.э. [Пичикян 1991, с. 100–102, табл. 11]. Сделанная из слоновой кости стенка ствола ритона была найдена в сокровищнице Ай-Ханум (II в. до н.э.)². Парфянским временем (I–II вв. н.э.) датируются пластинки для обкладки навершия ритона с изображением музыкантов [Кошеленко 1977]. Очевидно, парфянское происхождение имеет и фрагмент с царской головой (I–II вв. н.э.), который, по имеющейся версии, был найден на Шаш-тепе [Филанович 1983, табл. 1].

Таким образом, мы можем говорить о том, что традиция использования слоновой кости, восходящая к XVI в. до н.э., сохранялась и в эллинистическое время. Между тем восстановить конструкцию ритонов из слоновой кости оказывается возможным только на примере находок из Старой Нисы.

Внимательное прочтение монографии Г.А.Пугаченковой и М.Е.Массона, а также несогласие с некоторыми положениями этих исследователей, касающимися истории и назначения ритонов, заставило авторов настоящей статьи еще раз обратиться к вопросу технологии изготовления нисийских ритонов.

Быше было отмечено сложившееся представление о ритонах как произведениях косторезов, хотя подробный перечень использованных для их изготовления материалов, приведенный в монографии Г.А.Пугаченковой и М.Е.Массона, включает в себя не только слоновую кость, но и металлы, дерево, а также стекло и камень.

Слоновая кость

Несмотря на то что ритоны повторяют форму бивня, они делались не из одного, а из нескольких кусков кости. В целом они представляли собой сложную многосоставную конструкцию, в которую входили следующие части: скульптурная протома, патрубок из одной или двух частей, ствол, рельефный фриз, карниз.

Подробный анализ описания нисийских ритонов также показывает, что различное число кусков слоновой кости использовалось для одних и тех же частей ритонов (ствол, рельефный фриз, протомы, карниз).

Так, в большинстве случаев **тулово** ритона изготовлено из одного куска бивня (33 ритона). При этом тулово соединяется с фризом и патрубком методом втулки, которая на местах стыка закреплялась шпёнками из слоновой кости.

Однако у 7 ритонов оно собрано из двух продольных кусков (ритоны № 1, 2, 12/19, 14, 16/40, 25, 28), а у ритона 12/19 — и патрубок. Соответственно эти части должны были скрепляться между собой. В этом случае две продольные части тулова при помощи металлических штифтов крепились на деревянную основу (деревянные пластины), находящуюся внутри ритона. Наиболее яркий пример этого дает ритон 1, на котором видны расположенные по обе стороны от соединительного шва бронзовые заклепки (сохранились три: две — друг против друга, одна — выше по стволу), окруженные каждая шестью точечными углублениями, образующими цветок. Они располагались, видимо, по всей длине тулова.

² Об этом нам любезно сообщил автор работ К.Рапен.

Еще одним решением при соединении таких частей являются внешние кольца, которые могли быть сделаны из разных материалов. На ритонах № 18 и 31 место соединения патрубка с туловом, а на ритоне № 18 — и тулова с карнизом сохранились выточенные отдельно костяные пояски. Однако наиболее подходящим материалом для таких колец был металл. На ритоне № 78 фриз был отделен от тулова выступающей бронзовой полосой шириной 1,8 см со следами позолоты. Следы соприкосновения с бронзовыми частями соединительных оброчей фиксируются здесь также в верхней и нижней частях патрубка.

В описании Г.А.Пугаченковой и М.Е.Массона имеется упоминание о внешних скобах из покрытой плакированным золотом серебряной проволоки [Массон, Пугаченкова 1959, с. 63]. Авторы считают эти скобы свидетельством ремонтов.

Скорее всего, на ритонах, у которых тулово состояло из двух продольных частей, все перечисленные приемы совмещались.

Рельефные **фризы** также имеют несколько вариантов исполнения. В большинстве случаев (20 фриз) они вырезаны на целиковом отдельном куске бивня, который затем скреплялся со стволом методом втулки³.

Одиннадцать фриз были вырезаны на одном куске вместе со стволом⁴, из них три — на стволах, состоящих из двух частей (ритоны № 2, 14, 28).

Еще тринадцать фриз набраны из отдельных пластин, которые крепились на деревянную или металлическую основу, представляющую собой навершие ритона⁵.

Карнизы ритонов имеют три варианта исполнения: выточенные из отдельных кусков (4 карниза), выточенные вместе с фризом из целого куска бивня (3 карниза) и выточенные целиком отдельно (7 карниз)⁶. Они крепились к фризам бронзовыми гвоздиками или заклепками.

Скульптурные **протомы** составлялись из нескольких частей. Из одного куска, как правило, с вертикальным расположением слоев (что объясняется особенностями обработки материала), вырезалось тулово фигуры с втулкой для крепления с патрубком. Отдельно вырезались ноги (с расположением слоев по длине ног), для крепления которых в тулове вырезался паз. Так же крепились и рога. На ритоне 20 отдельно вырезана также грудь человекобыка.

Из тонких пластин вырезались крылья, для которых на протомах делались овальные, треугольные или трапециевидные врезы. Крылья крепились к протомам при помощи медных гвоздиков или костяных штифтов.

Вместе с тем имеются протомы, вырезанные из куска с горизонтальным расположением слоев. В этом случае отдельно вырезалась голова и крепилась на штифте к тулову (ритоны № 7, 8, 78).

Две протомы (ритоны № 11, 32) вырезаны из одного вертикально расположенного куска бивня.

Протомы крепились к патрубкам методом втулки, которая фиксировалась шпильками из кости.

Таким образом, разнообразие приемов исполнения одних и тех же деталей свидетельствует о весьма умелом и экономном расходовании исходного мате-

³ Ритоны № 3, 5, 8, 9, 10, 13, 16/40, 20, 21, 25, 33, 43, 47, 52, 63, 71, 76, 80, 87, 90.

⁴ Ритоны № 2, 4, 14, 15, 23, 24, 28, 30, 37, 65, 86.

⁵ Ритоны № 1, 7, 18, 22, 27/34, 31, 38, 57, 77, 81, 87, 90. Ритон № 78 имел бронзовую основу. Ритон № 35 имел серебряное навершие, № 55 — бронзовое, распавшееся от окислов.

⁶ В остальных случаях сохранность не позволяет определить технологию изготовления.

риала. По данным этнографии известно, что в Индии все работы по обработке слоновой кости производились вручную. Первоначально бивень распиливали на три отрезка, отделяя полую толстую часть от средней и последнюю от тонкой, конечной [Гусева 1982, с. 215–216]. Из тонкой части бивня, обычно используемой для изготовления браслетов и мелких поделок, могли делаться накладные пояски и, вероятно, патрубки. Из средней части, скорее всего, вытачивался ствол, фриз и протомы. Толстую полую часть распиливали на пластины для рельефных композиций и крыльев.

Дерево

Следы дерева были обнаружены при расчистке внутри значительного числа ритонов (точное число авторы монографии не указывают). По словам исследователей, «внутри некоторые ритоны имели деревянную, истлевшую от времени **обкладку**. ...**Обкладка**, делавшаяся, очевидно, из особого дерева, состояла из двух и более продольных частей» [Массон, Пугаченкова 1959, с. 61]. Говоря о значении деревянных частей, М.Е.Массон и Г.А.Пугаченкова сообщают о том, что они служили как бы каркасом, на который с помощью бронзовых штифтов крепились костяные детали. На основании разницы толщины костяной части и длины штифтов они определили и возможную толщину деревянной внутренней обкладки, которая составляет 2,5–3 мм [Массон, Пугаченкова 1959, с. 61]. Попытки реконструировать описываемую систему крепления приводят нас к выводу о том, что предыдущие исследователи неудачно выбрали термин «обкладка» для обозначения внутренней деревянной части. Скорее всего, мы имеем дело не со сплошной конструкцией, как можно понять из использованного термина, а с отдельными крепежными пластинами, которые служили основой для соединения продольных частей тулова ритона (см. выше). Судя по наличию на дереве красноватых следов, использовался также и специальный связующий материал, так называемые «пушлолановые земли» [Массон, Пугаченкова 1959, с. 61].

Конструктивно более понятным представляется применение дерева в верхней части ритонов, где оно использовалось для крепления рельефных фризов. По всей видимости, это были сплошные деревянные кольца, выточенные на токарном станке. На них с помощью металлических штифтов и клея (?) закреплялись отдельные пластины, из которых составлялись фризы. Г.А.Пугаченкова полагает, что для маскировки мест стыков пластин помещались гравированные изображения [Массон, Пугаченкова 1959, с. 62].

Металл

Судя по дошедшим до нас фрагментам, металл использовался для изготовления различных частей ритонов.

Как отмечалось выше, в ряде случаев ритоны имели металлическое навершие (серебро, бронза, бронза с позолотой). Из меди были сделаны заклепки, которыми крепились костяные пластины, составляющие рельефный фриз.

Как материал для крепления металл применялся также для изготовления декоративных колец, стягивающих продольные части и места горизонтальных соединений. Об этом свидетельствуют следы окислов на кости (ритон № 78).

Для инкрустаций ячеек овов, на крыльях и, вероятно, других частях ритонов (гладкой поверхности ствола?) применялось плакированное золото.

В помещении с ритонами были также найдены фрагменты серебряных изделий — рога, крылья, ножка быка, которые могли быть деталями скульптурных протом металлических ритонов. Из этого помещения происходит и серебряная обкладка патрубка, соединяющего фигурную протому со стволом ритона. Так же как и костяные патрубки, она была украшена рельефными аканфами и остролистами. Однако какие-либо свидетельства того, что эти находки были деталями ритонов из кости, отсутствуют.

Возможно, наличие этих находок может свидетельствовать о том, что в данном помещении помимо ритонов, в которых основным материалом была слоновая кость, хранились и ритоны, сделанные из драгоценных металлов.

Камень и стеклянная паста

Для инкрустации ячеек овов, крыльев, а также глаз животных на протомах применялись вставки из разноцветных камней и стеклянной пасты. Имеется упоминание о стеклянном роге, который мог на протоме комбинироваться с костью.

Материалы и методы работы, применявшиеся при изготовлении нисийских ритонов, дают основания говорить о сложной комбинированной технике, которая может быть сопоставлена с хрисозлефантинной техникой. Произведения, выполненные в этой технике, хорошо известны по описаниям античными авторами монументальной храмовой скульптуры.

Скорее всего, в нашем случае речь идет о варианте хрисозлефантинной техники. Подобное определение технологии изготовления нисийских ритонов не только ставит их в соответствующий ряд произведений древнего искусства, но и позволяет с новой стороны подойти к некоторым спорным вопросам в изучении нисийских ритонов, в частности, к проблеме их назначения.

Как известно, существуют две противоположные точки зрения на назначение ритонов — культовая (М.Е.Массон, Г.А.Пугаченкова, Г.А.Кошеленко) [Массон, Пугаченкова 1959, с. 236–237; Кошеленко 1967, с. 170] и утилитарная (П.Бернар) [Bernard 1991, с. 31–32]. В классической Греции вещи, выполненные в хрисозлефантинной технике, как правило, имели культовый характер. Однако прямой перенос такого значения на хрисозлефантинные произведения эллинистического времени неправомерен в силу больших идеологических перемен, которые произошли после походов Александра Македонского на Восток. Смещение значений между сферами культового и светского, одним из проявлений которого стало возникновение культа обожествленного здравствующего царя, затронуло все стороны жизни.

Вероятно, аналогичное явление имело место и в отношении хрисозлефантинных вещей, которые из культовых предметов перешли в разряд социально значимых.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вайнберг, Ставиский 1994 — *Вайнберг Б.И., Ставиский Б.Я.* История и культура Средней Азии в древности. М.
- Гусева 1982 — *Гусева Н.Р.* Художественные ремесла Индии. М.
- Кошеленко 1967 — *Кошеленко Г.А.* Греческая надпись на парфянском ритоне. — ВДИ. № 2.
- Кошеленко 1977 — *Кошеленко Г.А.* Родина парфян. М.
- Массон, Пугаченкова 1959 — *Массон М.Е., Пугаченкова Г.А.* Парфянские ритоны Нисы. — ТЮТАКЭ. Т. IV. Аш.
- Пичикийн 1991 — *Пичикийн И.Р.* Культура Бактрии. М.
- Пугаченкова, Ремпель 1982 — *Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.* Очерки искусства Средней Азии. М.
- Сергеева 1972 — *Сергеева Т.В.* К вопросу о месте изготовления ритонов, найденных на городище Старая Ниса. — Сообщения ГМИНВ. Вып. V. М.
- Филанович 1983 — *Филанович М.И.* Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Таш.
- Barnett 1968 — *Barnett R.D.* The Art of Bactria and the Treasure of the Oxus. — *Iranica Antiqua*. VIII. Leiden.
- Bernard 1985 — *Bernard P.* Les rhytons de Nisa. 1. Poétesses grecques. — *Journal des Savants*. Janvier-septembre. P.
- Bernard 1991 — *Bernard P.* Les rhytons de Nisa: à quoi, à qui ont-ils servi? — *Histoire et cultes de l'Asie Centrale préislamique. Sources écrites et documents archéologique*. P.
- Boardman 1994 — *Boardman J.* The Diffision of Classical Art in Antiquity. Wash., D.C.
- Ghirshman 1962 — *Ghirshman R.* Persian art. The Parthian and Sassanian Dynasties. N. Y.
- Mylonas 1966 — *Mylonas G.E.* Mycenae and Mycenaean Age. Princeton.
- Pfrommer 1993 — *Pfrommer M.* Metalwork from the Hellenized East. California.
- Schlumberger 1970 — *Schlumberger D.* L'Orient Hellénisé. P.

В.Н.Пилипко

О КОСТЮМЕ ПАРФЯН И ПАРНОВ

Выражение «парфянский костюм» прочно вошло в научную литературу, и вместе с тем оно остается достаточно аморфным. Исследователи вкладывают в это понятие разный смысл. Для одних это этнографический костюм парфян, для других — вид одевания, преобладающий в пределах Парфянского государства, для третьих — некий космополитический стиль одежды, господствовавший в пределах Ближнего и Среднего Востока в период существования Парфянской империи. Отсутствие четкого определения понятия затрудняет решение связанных с ним проблем.

Если использовать выражение «парфянский костюм», то его прежде всего следует связывать с древним этносом, его породившим, — парфянами. Имя парфян у всех на слуху, но между тем мы очень мало знаем об этом народе и часто отождествляем его с парнами, завоевавшими этот народ или, напротив, освободившими его от греческого господства. До образования Аршакидского государства парны и парфяне были разными народами, и родственные связи между ними некоторыми исследователями излишне преувеличиваются.

Парфяне — это древний народ, по языку, между прочим, относящийся к западноиранской группе, освоивший долины и предгорья Туркмено-Хорасанских гор еще в конце II — начале I тыс. до н.э. Первоначально, возможно, это был кочевой, скотоводческий народ, но ко времени образования Ахеменидского государства парфяне прочно перешли к земледелию и оседлому образу жизни, усвоили многие традиции местного древнеземледельческого населения [Пилипко 1989].

Парны — один из евразийских степных народов (подразделение даев), сравнительно поздно появившийся на исторической арене, но добившийся в III–II вв. до н.э. значительных успехов, став сначала властителем Парфии, а затем всего Среднего Востока.

* * *

О внешнем облике парфян относительно четкие сведения могли бы дать ахеменидские рельефы. Но идентификация представленных на них народов еще не закончена. В частности, высказаны предположения, что на рельефах Ападаны парфянской могла быть «делегация» XIII, или XV, или IV¹.

---

¹ Изложение различных точек зрения и литературу по этому вопросу см. [Walser 1966; Roaf 1974; Koch 1993]. К этим колебаниям исследователей, специально занимавшихся данной пробле-

Большинство исследователей склонны считать парфянской делегацию XV. На этом рельефе изображены длиннорослые, простоволосые мужи, одетые в длинные рубахи с округлым шейным вырезом и просторные прямые штаны. Длинные волосы перехвачены широкой начельной повязкой, рубаха подпоясана кушаком, из-под штанов видны головки войлочных или кожаных сапог, у правого бедра подвешен короткий меч-акинак (рис. 1, 1).

Этот костюм для древнеиранских народов самый общий. Условно его можно называть мидийским (мидийцы были признанными законодателями мод этого времени) или древнеиранским [Roaf 1974, с. 91; Горелик 1985].

Специфических парфянских черт в этом наряде практически нет. М.В.Горелик отметил особый способ повязывания головной ленты [Горелик 1985]. Но разную форму узла начельной повязки можно обнаружить в пределах одной делегации, например эламитов [Roaf 1983, fig. 55]. Х.Кох, вслед за В.Хинцем [Hinz 1969, с. 95–96], предлагающая рассматривать как парфянскую «делегацию IV», специфической особенностью парфян считает сапоги с высокими голенищами [Koch 1993, с. 95].

До появления нового иконографического и эпиграфического материала проблема точной идентификации, видимо, не будет решена, но и имеющихся данных достаточно для констатации важного вывода — для парфян характерен древнеиранский (мидийский) костюм, достаточно четко отличающийся от туранского (согдийского, хорезмийского, сакского), для которого характерны распашные куртки.

Заканчивая рассмотрение одеяния парфян на ахеменидских рельефах, следует добавить, что в реальной жизни гардероб парфян, вероятно, был богаче. Помимо парадного, церемониального костюма, представленного на рельефах, следует предполагать существование повседневной одежды, боевого облачения, а также сезонной одежды, необходимой в условиях резко континентального среднеазиатского климата. По аналогии с мидийцами и другими народностями можно предполагать использование ими (парфянами) кирбасии и кандиса. Вероятно, существовали также различия в одеянии разных социальных групп.

Эта одежда оставалась традиционной для парфян в течение многих столетий. Доказательство этому можно видеть на рельефах парадного панциря Августа, представленного на статуе из Прима Порты. На нем изображен парфянин, передающий представителю римской власти боевые штандарты поверженных римских легионов². Этот парфянин мало отличается от соответствующих персонажей ахеменидских рельефов (рис. 1, 3). На нем просторная подпоясанная рубаха и прямые свободные штаны, из-под которых видны сапоги³. Длинные волосы, окладистая борода и начельная повязка усиливают это сходство. Такой же облик персонажей можно видеть на некоторых терракотовых плитках с изображением парфянских всадников (рис. 2).

мой, могу прибавить свое еще более скептическое замечание: парфянами может оказаться практически любая «делегация», подносящая в дар «царю царей» двугорбых верблюдов или коней.

² Фигура парфянина скорее аллегорическая, вряд ли это «портрет» самого Фраата IV или даже Митридата I, как предполагают некоторые исследователи [Ingholt 1969].

³ Этот факт можно использовать как аргумент против построений Х.Коха, приписывающей парфянам штаны, заправленные в сапоги с высокими голенищами. Впрочем, «проблема сапог» может быть мнимой. Не исключено, что сапоги — это элемент зимней одежды. Подтверждение этому можно найти в погребении 4 могильника Тилля-тепе, где сапоги не одеты на погребенного, а положены рядом [Яценко 1989].

Таким образом, есть основания полагать, что основная масса парфян в течение длительного времени сохраняла свой обычный наряд, состоящий из просторных прямых штанов и длинной подпоясанной рубахи с округлой горловиной.

* * *

Поскольку пары приняли имя парфян⁴, то как парфянский обычно рассматривается и костюм парнов. Наиболее надежные сведения об этом костюме сообщают аршакидские монеты (рис. 3). На оборотной стороне почти всех аршакидских драхм неизменно, от начала до конца правления этой династии, изображался так называемый «парфянский лучник». Относительно того, кого именно представляет этот персонаж, существуют разные мнения⁵. Но для данной темы это не имеет особого значения — в любом случае он представлен в наряде, характерном для ранних Аршакидов. Этот костюм не парфянский, а парнский. Он состоит из короткой распахнутой куртки, ладно облегающей тело и стянутой в талии поясом без свисающих концов (т.е. это не кушак, а кожаный или металлический пояс с пряжкой), относительно узких, в частых поперечных складках штанов, наброшенного на плечи кандиса и войлочной кирбасии с мягким, свисающим набок округлым верхом. Примечательно, что эти ранние пары гладко брились, носили в ушах небольшие кольцевые серьги, а на шее — гривну.

Еще более отчетливо этот костюм прослеживается по некоторым типам тетрадрахм I в. до н.э., на которых на троне изображен не легендарный основатель династии, а правящий царь (рис. 3, 2). По этим монетам устанавливается присутствие на правом боку кинжала. Эти монеты фиксируют и некоторые изменения в рассматриваемом костюме. Правители I в. до н.э. (и последующие) уже не носят войлочную кирбасию и кандис, на куртках появляется роскошный орнамент с использованием эллинистических мотивов.

Этот костюм значительно отличается от парфянского (древнеиранского) и обнаруживает сходство со скифским (необходимо только учитывать разницу в несколько столетий). Аршак — основатель династии происходил из племени парнов (апарнов), которые, в свою очередь, входили в объединение даев, или дахов. Соответственно костюм, представленный на аршакидских монетах, можно называть парнским, или дахским (дайским). Но предпочтение следует отдавать более общему определению «сакский», или скифо-сакский, так как основные его компоненты характерны для широкого круга степного населения от Монголии до Дуная (рис. 4).

Наиболее известным и ярким изображением персонажа в подобном костюме является бронзовая статуя из Шами (рис. 5, 1). Менее известными, но не менее эффектными являются статуи из Буткары (рис. 5, 2; 6). По этим скульптурным изображениям особенно четко прослеживается еще один элемент данного костюма, так называемые леггинсы — широкие, длинные, драпирующиеся частыми поперечными складками раздельные штанины, являющиеся специфическим элементом одеяния всадников. Возникнув у азиатских кочевников, прирожденных наездников, этот, видимо, очень удобный вид «рабочей одежды» до-

⁴ Или им приписали его западные историки (древние и современные). В восточных источниках поздние пары-парфяне известны под именем пахлавов.

⁵ Подробное рассмотрение данного вопроса и литературу см. [Раевский 1977; Зеймаль 1982].

вольно быстро потерял этническую привязку и был заимствован многими народами на пространстве от Китая до Аравии⁶.

Попытаемся более подробно рассмотреть отдельные элементы данного, парнского костюма (рис. 7). «Лучник» аршакидских монет представлен в оригинальном головном уборе, условно называемом кирбасия или башлык. Подобные уборы, приспособленные для суровых степных условий, были широко распространены среди иранских скотоводов. Для каждого племени был характерен свой своеобразный покрой, так как помимо своего прямого назначения головной убор выполнял функции наиболее заметного опознавательного знака. Парнский башлык, вероятно, изготовлялся из мягкой кожи. Он плотно облегал голову, был снабжен широким, спускающимся на спину назатыльником и относительно узкими длинными наушниками, переходящими в шнуровидные завязки. Важнейшей отличительной чертой парнского башлыка был небольшой мягкий гребень, наподобие петушиного, свисающий набок. Этими конструктивными элементами головной убор парнов отличается как от персидских «сатрапских» кирбасий (ср. [Dayet 1949]), так и от «шапок» причерноморских скифов (ср. [Кошеленко 1968]). Наибольшую близость с ним обнаруживают головные уборы правителей Каппадокии [Mørkholm 1991, pl. XXVIII], некоторых донаторов на золотых пластинах из амударынского клада [Зеймаль 1979; Литвинский, Пичикян 1992], а также согдов или хорезмийцев, представленных на ахеменидских рельефах (Ападана, делегация XVII).

Как долго подобный башлык использовался в парнской среде, мы не знаем. Судя по монетам, со времен Митридата I Аршакиды его уже не надевали, но в среде простых парнов он мог сохраняться дольше. У родственных парнам савков Гандхары, судя по рельефам, кирбасии находились в употреблении в I в. до н.э. — I в. н.э. [Goldman 1978].

Начиная с Митридата II в торжественных случаях парфянские цари стали облачаться в так называемые тиары, которые в действительности могли быть парадными или боевыми шлемами. Парфянская «тиара», вероятно, была собственным изобретением парнов. В ней объединены элементы трех разных головных уборов: древнеиранского полусферического кулаха (широко представленного на ахеменидских рельефах), сакского шлема, распространенного по всему степному поясу [Горелик 1993, с. 170–172], и парнского башлыка. От первого была заимствована полуэллиптическая форма основного массива, от второго — невысокий продольный гребень, от третьего — наушники (превратившиеся в нашечники) и назатыльник. Но тиары — это особый парадный убор, которым пользовались лишь в торжественных случаях. Большую часть времени поздние, «опарфянившиеся» парны, в том числе и цари, предпочитали ходить простоволосыми.

Третий вид парнско-парфянского головного убора — начельная повязка. Такие повязки в ахеменидский период носили представители многих народов, в том числе и парфяне. В эллинистический период древняя иранская традиция была дополнена греческим обычаем повязывания диадемы, и на иконографическом материале не всегда можно определить, где обычная головная повязка, а где особый знак отличия. На аршакидских монетах — это всегда диадема, знак царского достоинства. Она повязывалась не только на обнаженную голову, но

⁶ Некоторые исследователи считают возможным приписывать «леттинсам» (штаны *ku*) китайское происхождение [Крюков и др. 1983, с. 194].

даже поверх головного убора. Но повязки типа диадемы имеются и у персонажей, которых трудно считать царскими особами. Не исключено, что широкая головная повязка — это сословный знак отличия знатных парнов и парфян. Рядовые же парны, вероятно, никак не стесняли своей буйной шевелюры. Последняя являлась специфическим элементом парнского облика [Bernard 1980]. Парны носили длинные, до плеч, волосы, которые специально взлохмачивали или завивали. Пышная копна волос, перехваченная широкой лентой, создает наиболее узнаваемый образ парна-парфянина. Особенно эффектны изображения анфас, когда прическа передается тремя крупными объемами — шаровидный пук сверху и два овальных или также шаровидных по сторонам лица. Эти «букли» в определенной степени продукт схематизации изображения. В действительности волосы пышно выбивались из-под повязки не только по сторонам головы, но и сзади. На профильных изображениях иногда они также принимают форму шара, расположенного позади головы. Но переоценивать специфику этой прически также не следует. Близкие по форме прически можно обнаружить у многих персонажей многократно упоминаемых здесь ахеменидских рельефов и у Сасанидов.

Несколько слов следует сказать о бороде и усах. До сих пор не находят удовлетворительного объяснения факт резкого различия внешнего вида Аршака Основателя и последующих парфянских царей. Он гладко выбрит, а все его потомки, начиная с Митридата I, носят бороду и усы. Одно из объяснений можно видеть в том, что, став правителями Парфии, Аршакиды приняли характерный для оседлых иранцев обычай ношения усов и бороды. Но этот обычай, вероятно, был принят не всеми саками (даями?). Некоторые группы продолжали полностью брить лицо или оставлять только усы. Это прослеживается по некоторым гандхарским рельефам [Ingholt 1957; Goldman 1978] и рисунку из Мансур-депе [Кошеленко, Пилипко 1968]. Безбородость некоторых дахских или сакских персонажей могла иметь и другие причины (например, возрастная градация, исполнение определенных ритуалов и т.п.).

Куртка у парнов очень короткая, распахная (рис. 3; 5; 7). Правая пола накладывалась на левую. Куртка без ворота, борта образовывали на груди глубокий треугольный вырез. Края ее отделялись широкими нашитыми лентами. Парфянские цари со временем стали использовать для своих курток эллинистические ткани с рельефным шитым узором. Рукава часто делались более длинными. При ношении они подтягивались вверх и образовывали частые поперечные складки. Эта особенность парфянских курток зафиксирована на многих изображениях: аршакидские монеты, статуя из Шами, глиняная скульптура из Нисы.

Персонаж из Шами (рис. 5, 1) представлен в куртке, надетой на голое тело, но в аршакидское время практиковалось и сочетание сакской куртки со старо-иранской рубахой. Наиболее ранний образец подобного одевания (II в. до н.э.), вероятно, зафиксирован на Старой Нисе. Здесь обнаружен фрагмент руки в двуслойном одевании, из-под короткого рукава куртки выступает узкий гофрированный рукав рубахи (рис. 8). Более четко подобный вариант иранского одевания зафиксирован по коммагенским рельефам [Rosenfield 1967, табл. 154]. Персонажи гандхарских рельефов в башлыках и иранских рубахах (рис. 9, 1), в холодное время года, надо полагать, поверх рубах также надевали сакские куртки. В трехслойном одевании (рубаха, куртка, халат) был похоронен тиллятепинский князь [Яценко 1989].

Парны подпоясывали свои куртки не кушаками, а ремнями с пряжками. Сами пояса, вероятно, были кожаными или ткаными, но среди знати наиболее популярны были наборные пояса из крупных металлических бляшек прямоугольной или круглой формы. С эпохой кочевнических завоеваний связано появление в Средней Азии и Иране прямоугольных пряжек с ажурными изображениями (рис. 2; 4; 6), характерными для сарматского мира [Дэвлет 1980]. В иранской среде пояса во все времена являлись важным знаком социального положения субъекта, так же как гривна и серыги. О конструкции некоторых парадных поясов можно судить по погребениям Иссыка [Акишев 1978], Тилля-тепе [Sarianidi 1985]) и Орлата [Ilyasov, Rusanov 1998].

В сакской среде существовало несколько видов штанов. На аршакидских тетрадрамах I в. до н.э. цари изображены в свободных равношироких по всей длине штанах, завязанных у пояса и шиколоток. Эта разновидность штанов, возможно, была заимствована Аршакидами у парфянов или мидийцев. На «лучнике» парфянской монеты ноги обычно изображены в частых поперечных складках, т.е. «лучник» облачен в упомянутые выше «леггинсы». Этот вид специальной одежды, вероятно, сочетался с нижними штанами-чулками, широко распространенными среди саков. Чулки-штаны представлены на ахеменидских рельефах среди даров, подносимых среднеазиатскими кочевниками. Они часто встречаются в кочевнических погребениях степного пояса. Изготавливались они чаще всего из тонкого войлока, но встречаются также изделия из тканых материалов. Известны два основных типа таких изделий — это штаны в виде современных колготок и рейтуз. Оба эти вида могли сочетаться с сапогами из тонкой кожи, типа ноговиц⁷. Из погребений известны комбинированные изделия, верхняя часть которых изготовлена из войлока, а нижняя — из кожи [Руденко 1962, табл. XIII]. Штаны-чулки и сапоги часто дополнительно укреплялись на ступне специальной бечевой. Вероятно, сыромятный ремешок обматывался вокруг ступни и шиколотки и завязывался на подъеме; на некоторых изображениях «аршакидского лучника» отчетливо видны длинные концы завязок.

Среди скотоводческого населения евразийских степей подобный наряд, как уже отмечалось, был известен давно, по крайней мере со скифского времени, но на юге Средней Азии и в Иране он появился только после аршакидского завоевания и разгрома Греко-Бактрии. Иконографический материал (монеты и скульптура) указывает, что у Аршакидов и связанных с ними саков этот костюм устойчиво сохранялся вплоть до крушения Парфянского государства и даже некоторое время спустя. Наиболее поздний пример его использования зафиксирован у ранних Сасанидов, ниспровергателей Аршакидов. В подобный наряд (уже сильно трансформированный) иногда облачался шахан-шах Ирана и не Ирана Шапур I [Curtis 1993, с. 68].

Довольно многочисленный иконографический материал, представляющий правящих потомков Аршака I и их окружение, казалось бы, дает прекрасную возможность выявить особенности, присущие парнскому костюму, но в реальности эта цель оказывается труднодостижимой. При сравнении парнского костюма с одеянием неиранского населения и даже староиранским костюмом земледельческого населения Ирана особенности парнского наряда проявляются достаточно ярко, но практически вся его специфика исчезает при сопоставлении с одеянием других сакских групп. Точные соответствия можно найти почти всем

⁷ Такие сапоги были найдены при раскопках Тилля-тепе.

его элементам, причем на территориях, удаленных от Парфии на тысячи километров (рис. 4). В то же время не приходится сомневаться, что во внешнем облике парнов присутствовали черты, позволяющие осуществить их этническую идентификацию среди других сакских групп, но нам они пока остаются неизвестными. Эти элементы, видимо, следует искать не среди основных компонентов костюма, обусловленных образом жизни и средой обитания, а в менее заметных деталях, например, в особенностях покроя, фактуре и цвете используемых материалов или даже в особой манере ношения. Примечательно, что в более представительном иконографическом материале по причерноморским скифам различия между отдельными племенными группами иногда устанавливаются именно по таким «малозначительным» деталям [Яценко 1993].

* * *

Тот же костюм, который обычно называют парфянским, представленный скульптурными изображениями Пальмиры, Дура-Европос, Хатры, имеет мало общего с парфянским и тем более парнским костюмами. Он сформировался на Ближнем Востоке благодаря совместным усилиям западных иранцев (преимущественно мидийцев) и местного семитского населения. Именно мидийцы и персы, вероятно, первыми принесли на Ближний Восток сшитый костюм, состоящий из туники и штанов. В период господства Ахеменидов влияние иранцев еще более усилилось, и именно тогда произошло усвоение этого одеяния многими неиранскими народами. Во всяком случае, в ахеменидское время, судя по рельефам, иранский костюм был усвоен каппадокийцами и армянами.

Известно много разновидностей этого костюма, но наиболее характерны: длинная туника с округлым вырезом вокруг шеи и потайной застежкой, длинная верхняя рукавная одежда типа халата и штаны — пышные сверху и зауженные у шиколотки (рис. 11, 4, 6). Подобный наряд часто сочетается уже не с кочевническими сапогами, а с изящными туфлями. Характерным его элементом были широкие декоративные полосы, нашитые вертикально спереди на тунику и на каждую штанину. Такие полосы в персидском или мидийском костюме фиксируются с ахеменидских времен. Они отчетливо видны на одном из персонажей знаменитой древней картины «Битва Александра с Дарием» [Chamoux 1981, с. 48–49], на некоторых персонажах, представленных в Амударыньском кладе [Abdullaev, Badanova 1998, fig. 7, 15], и на изображениях «персов» в греческой вазописи.

В создании этого костюма принимали участие и греки, занимавшиеся изготовлением тканей и декоративным оформлением подобных нарядов. Очень часто «парфянские» костюмы расшиты фигурами греческого орнамента, греческих богов и греческих мифологических персонажей.

Что касается парнско-парфянского участия в создании рассматриваемого костюма, то оно, на мой взгляд, было минимальным. Таковое можно усматривать лишь в использовании наборных металлических поясов. Поэтому данный костюм нельзя называть парфянским. Это продукт региональной моды, в первых веках нашей эры господствовавшей не только в пределах Парфянского государства, и его лучше так и называть: «ближневосточный костюм первых веков нашей эры». Большой популярностью он пользовался в разноречивой среде богатых торговцев, что способствовало его широкому распространению. Иногда

в него облачались парфянские цари и другие представители парфянской знати, превратившиеся в постоянных жителей Месопотамии. Некоторые его элементы были заимствованы даже кушанскими царями.

Эти основные направления развития иранского костюма находились в постоянном диалектическом взаимодействии. В известном иконографическом материале имеется множество гибридных форм одежды, отражающих результаты длительного взаимовлияния различных этнических и социальных групп.

Направления, развивавшиеся при царском дворе, — прежде всего это парнский (сакский) костюм — оказывали определенное влияние на провинциальную знать, которая стремилась подражать центральным властям или соперничать с ними. Но парнский костюм не получил всеобщего распространения в Парфянском государстве, и причин этому было несколько. Во-первых, распространение этого костюма среди иноэтнического населения, вероятно, сдерживалось его особой знаковой, социальной ролью. Это был костюм азатов, саков-победителей, и это его значение, возможно, ревниво оберегалось. Во-вторых, это был специфический костюм северных степняков, и в условиях жаркого юга, населенного в основном земледельцами, он потерял свою функциональность, и даже сами бывшие или продолжавшие оставаться таковыми кочевники в новых условиях вынуждены были вносить изменения в свою традиционную одежду. Кандис, а попросту тулуп, еще у персов в ахеменидское время потерял значение повседневной одежды и превратился в парадный, церемониальный халат⁸. Он еще наброшен на плечи Аршака Основателя, но последующие парфянские цари его не носили, равно как и войлочную кирбасию. По гандхарским рельефам у местных «скифов» прослеживается замена душных, плотно облегающих тело курток на свободные староиранские рубахи (рис. 9, 1) и т.д.

Наряду с выработкой каких-то общих региональных элементов одежды в позднепарфянское время намечается и обратная тенденция, обусловленная проявлениями сепаратизма. Местные династы, укрепившиеся в отдельных провинциях, поощряли проявления местной самобытности, в том числе и в одежде. На основе развития местных традиций, в формировании которых принимало участие и неиранское население, постепенно формируются самобытные провинциальные наряды. Если сопоставить известные образцы «парфянского костюма» позднепарфянского времени из разных концов Парфянского государства, то можно подивиться разнообразию существующих типов (рис. 9–12). В этом отношении плодотворный подход наметила Т.Кавами, которая старается говорить не вообще о парфянском костюме, а о хузистанском, персидском, мидийском костюмах парфянского времени [Kawami 1987]. Такой подход представляется наиболее перспективным. Парфянское государство населяли не только парфяне, а множество других народов со своей самобытной культурой, и парфянские цари не стремились нивелировать это разнообразие.

Выделение в иконографическом материале представителей разных этнических типов будет способствовать развитию и собственно исторических исследований. Огульное же определение всех изображений как парфянских или индоскифских [Rosenfield 1967], наоборот, сдерживает правильное понимание исторических процессов.

---

⁸ Примечательно, что в условиях Средней Азии меховая шуба, похожая на персидский кандис, сохранилась у современных туркмен.

В дополнение к экскурсам Т.Кавами можно обратить внимание на хорошо известный рисунок «пехотинца с копьем» из Дура-Европос (рис. 12, 3). Обычно он определяется как парфянин, но его наряд обнаруживает мало общего с парнским или парфянским костюмами. Обращает на себя внимание шарф. Близкие по форме шарфы на ахеменидских рельефах характерны для жителей Арии, Арахозии и Дрангианы [Горелик 1985]. На этом основании нельзя исключить (если только предложенные идентификации действительно верны), что на этом рисунке позднепарфянского времени изображен представитель одной из этих местностей, волей случая заброшенный на берега Евфрата. Примечательно, что это пехотинец. Возможно, что древнее, досакское население этих областей славилось именно как надежные пешие воины, и в этом качестве оно привлекалось парфянскими царями для гарнизонной службы в разных частях государства. Изображение еще одного подобного персонажа известно по скульптуре Бард-и Нишанде [Ghirshman 1978].

С известной осторожностью надо относиться к определению как парфян всадников на некоторых терракотовых плитах из Месопотамии, изображенных с развевающимися за спиной плащами (рис. 2). Плащ, кажется, не был обычным элементом парнско-парфянского одяния. Всадники в коротких плащах — это скорее арабы, находившиеся на службе у парфян. Более уверенно как арабов можно определять воинов, сидящих верхом не только на конях, но и верблюдах, представленных на рельефе из Центральной Сирии [Hertmann 1989, pl. XII–XIII]. Примечательно, что всадники на этом рельефе используют леггинсы: удобное для верховой езды приспособление потеряло этническую окраску.

В научной литературе иногда не делается разницы между «парфянским» и «кушанским» костюмами (см., например, [Rosenfield 1967; Путаченкова 1979]), но это некорректно. Кушаны имели с парнами общее кочевническое происхождение, но они представляли разные группы степного населения и на последнем, «имперском», этапе своего развития существенно разошлись. Различия хорошо прослеживаются даже в основных формообразующих элементах одежды (рис. 13). Основу одяния кушан и других племен юэчжийского круга составляли длинные, поколенные рубахи. Верхней одеждой, судя по изображениям кушанских царей, служили тяжелые плотные кафтаны, спускающиеся ниже колен. У одних разновидностей кафтанов полы запахивались, у других лишь смыкались на груди, соединенные одной или двумя декоративными высоко расположенными бляхами. Характерной особенностью кушанского костюма являлись сапоги с гипертрофированными головками. Кушанские цари нередко дополняли свой наряд плащами-накидками. Наиболее наглядное представление о парадном кушанском костюме дают монеты [Göbl 1984] и статуя Канишки Победителя из Матхуры [Rosenfield 1967, табл. 2].

Подробное рассмотрение кушанского костюма выходит за рамки данного исследования, но ознакомление с иконографическим материалом из юго-восточных районов иранского мира заставляет воздержаться от определения персонажей в коротких распашных куртках как кушан (ср. [Яценко 1989, с. 251; Nikonov 1997, fig. 32, 36d]).

Приведенный краткий обзор известного иконографического материала показывает, что огульное определение как парфянского всех видов одяния, происходящих с территории Парфянского государства, недопустимо. Полное право называться парфянским имеет только костюм этнических парфян, одяние Ар-

шакидов и связанных с ними дахов лучше называть сакским, а к ближневосточному костюму позднепарфянского времени этот термин лучше вообще не применять.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абдуллаев 1998 — *Абдуллаев К.К.* Образ номадов в искусстве Бактрии. — ВДИ, № 1.
- Акишев 1978 — *Акишев К.А.* Курганы Иссык. М.
- Горелик 1985 — *Горелик М.В.* К этнической идентификации персонажей, изображенных на предметах Амударьинского клада. — Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л.
- Горелик 1993 — *Горелик М.В.* Оружие древнего Востока. М.
- Дэвлет 1980 — *Дэвлет М.В.* Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. — I в. н.э. — САИ. М.
- Зеймаль 1979 — *Зеймаль Е.В.* Амударьинский клад. Каталог выставки. Л.
- Зеймаль 1982 — *Зеймаль Е.В.* Парфянский лучник и его происхождение. — Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 47. Л.
- Картис 1991 — *Картис В.* Кочевническая одежда парфян: сохранение центральноазиатской традиции. — Мерв в древней и средневековой истории Востока: культурные взаимодействия и связи. Тез. докл. науч. конф. Аш.
- Кошеленко 1968 — *Кошеленко Г.А.* Некоторые вопросы ранней истории Парфии. — ВДИ, № 1.
- Кошеленко, Пилипко 1968 — *Кошеленко Г.А., Пилипко В.Н.* Исследование парфянского святилища в окрестностях Нисы. — Каракумские древности. Вып. 2. Аш.
- Крюков и др. 1983 — *Крюков М.В., Переломов Л.С., Сафронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.
- Литвинский 1972 — *Литвинский Б.А.* Древние кочевники «Крыши мира». М.
- Литвинский, Пичикян 1992 — *Литвинский Б.А., Пичикян И.Р.* Золотые пластины из храма Окса (Северная Бактрия). — ВДИ, № 3.
- Пилипко 1989 — *Пилипко В.Н.* Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркменистана. — Автореф. докт. дис. М.
- Пугаченкова 1979 — *Пугаченкова Г.А.* Искусство Бактрии эпохи кушан. М.
- Раевский 1977 — *Раевский Д.С.* К вопросу об обосновании царской власти в Парфии («Парфянский лучник» и его семантика). — Средняя Азия в древности и средневековье. М.
- Руденко 1953 — *Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л.
- Руденко 1962 — *Руденко С.И.* Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.—Л.
- Самашев, Ольховский 1996 — *Самашев З.С., Ольховский В.С.* Племена Арало-Каспийских степей. — История Казахстана. Т. 1. Алматы.
- Сарианиди 1989 — *Сарианиди В.И.* Храм и некрополь Тиллятепе. М.
- Семенов 1992 — *Семенов В.А.* Военские погребения ранних кочевников Тувы. — Археологические вести. Вып. 1. СПб.
- Яценко 1989 — *Яценко С.А.* Костюм и покровы кочевой аристократии из некрополя Тиллятепе (Афганистан). — Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. М.
- Яценко 1993 — *Яценко С.А.* Скифский мужской костюм на предметах греко-скифской торевтики IV в. до н.э. (к вопросу об этнографизме изображений). — Вестник Шелкового пути. Археологические источники. Вып. 1. М.

- Abdullaev, Badanova 1998 — *Abdullaev K., Badanova E.* Bactrian dress in the Achaemenian period. — *Mesopotamia*. Vol. XXXIII. Firenze.
- Alkazi 1983 — *Alkazi R.* Ancient Indian Costume. New Delhi.
- Bernard 1980 — *Bernard P.* Plutarque et la coiffure des Parthes et des nomades. — *Journal des savants*, № 1-2. P.
- Chamoux 1981 — *Chamoux F.* La Civilisation hellénistique. P.
- Curtis 1993 — *Curtis V.K.* A Parthian statuette from Susa and the bronze statue from Shami. — *Iran*. Vol. XXXI.
- Czuma 1986 — *Czuma S.J.* Kushan Sculpture: Images from Early India. Ohio.
- Dayet 1949 — *Dayet M.* Monnaies Arsacides à bonnet satrapali. — *Revue numismatique*. P.
- Faccena 1964 — *Faccena D.* Sculpture from the sacred area of Butkara 1. Vol. II. 2, Roma, 1962. Vol. II. 3, Roma.
- Gall 1990 — *Gall v. H.* Das Reiterkampfbild in der iranische und iranisch beeinflussten Kunst parthischer und sasanidischer Zeit. B.
- Ghirshman 1979 — *Ghirshman R.* Terrasses Sacrées de Bard-e Nechandeh et de Masjid-i Solaiman. P.
- Göbl 1984 — *Göbl R.* Münzprägung des Kušanreiches. Wien.
- Goldman 1964 — *Goldman B.* Origin of Persian Robe. — *Iranica Antiqua*, № 4.
- Goldman 1978 — *Goldman B.* Parthians of Gandhara. — *EW*. Vol. 28.
- Hannestad 1986 — *Hannestad N.* Roman Art and Imperial Policy. Aarhus.
- Herrmann 1989 — *Herrmann G.* Parthian and Sasanian Saddlery. New Light from the Roman West. — *Archaeologia Iranica et Orientalis*. Vol. II, Gent.
- Hinz 1969 — *Hinz W.* Altiranische Funde und Forschungen. B.
- Ilyasov, Rusanov 1998 — *Ilyasov J. Ya., Rusanov D.V.* A Study on the Bone Plates from Orlat. — *Silk Road Art and Archaeology*, № 5, Kamakura.
- Ingholt 1957 — *Ingholt H.* Gandharan art in Pakistan. N. Y.
- Ingholt 1969 — *Ingholt H.* The Prima Porta. Statue of Augustus. — *Archaeology*, № 22.
- Kawami 1987 — *Kawami T.S.* Monumental Art of the Parthian Period in Iran. — *Acta Iranica*. Vol. XIII, Leiden.
- Koch 1993 — *Koch H.* Achämeniden Studien. Wiesbaden.
- Loth 1979 — *Loth A.M.* La vie publique et privée dans l'Inde Ancienne. Fasc. VII: Les Costumes. P.
- Mørkholm 1991 — *Mørkholm O.* Early Hellenistic Coinage from the accession of Alexander to the Peace of Apamea (336-186 B.C.). Cambridge.
- Nikonorov 1997 — *Nikonorov V.* The Armies of Bactria 700 B.C. — 450 A.D. Vol. 1-2. Stockport.
- Roaf 1974 — *Roaf M.* The subject peoples on the base of statue of Darius. — *Cahiers de la Délégation archéologique Française en Iran*, № 4.
- Roaf 1983 — *Roaf M.* Sculptures and Sculptors at Persepolis. — *Iran*. Vol. XXI. L.
- Rosenfield 1967 — *Rosenfield J.M.* The Dynastic Arts of the Kushans. Berkeley Los Angeles.
- Sarianidi 1985 — *Sarianidi V.I.* Bactrian Gold. Leningrad.
- Schmidt — *Schmidt E.F.* Persepolis. Vol. 1-3. Chicago, 1953, 1957, 1970.
- Seyrig 1937 — *Seyrig E.F.* Armes et costume iraniens de Palmyre. — *Syria*, № 20. P.
- Tanabe 1986 — *Tanabe K.* Sculpture of Palmyra. Tokyo.
- Walser 1966 — *Walser G.* Die Völkerschaft auf den Reliefs von Persepolis. B.
- Widengren 1956 — *Widengren G.* Some remarks on riding costume and articles of dress among Iranian peoples in antiquity. — *Arctica*, Uppsala.
- Yatsenko 1992 — *Yatsenko S.* Clothing VII. Of the Iranian tribes on the Pontic Steppes and in the Caucasus. — *Elr*. Vol. 5. L.-N. Y.

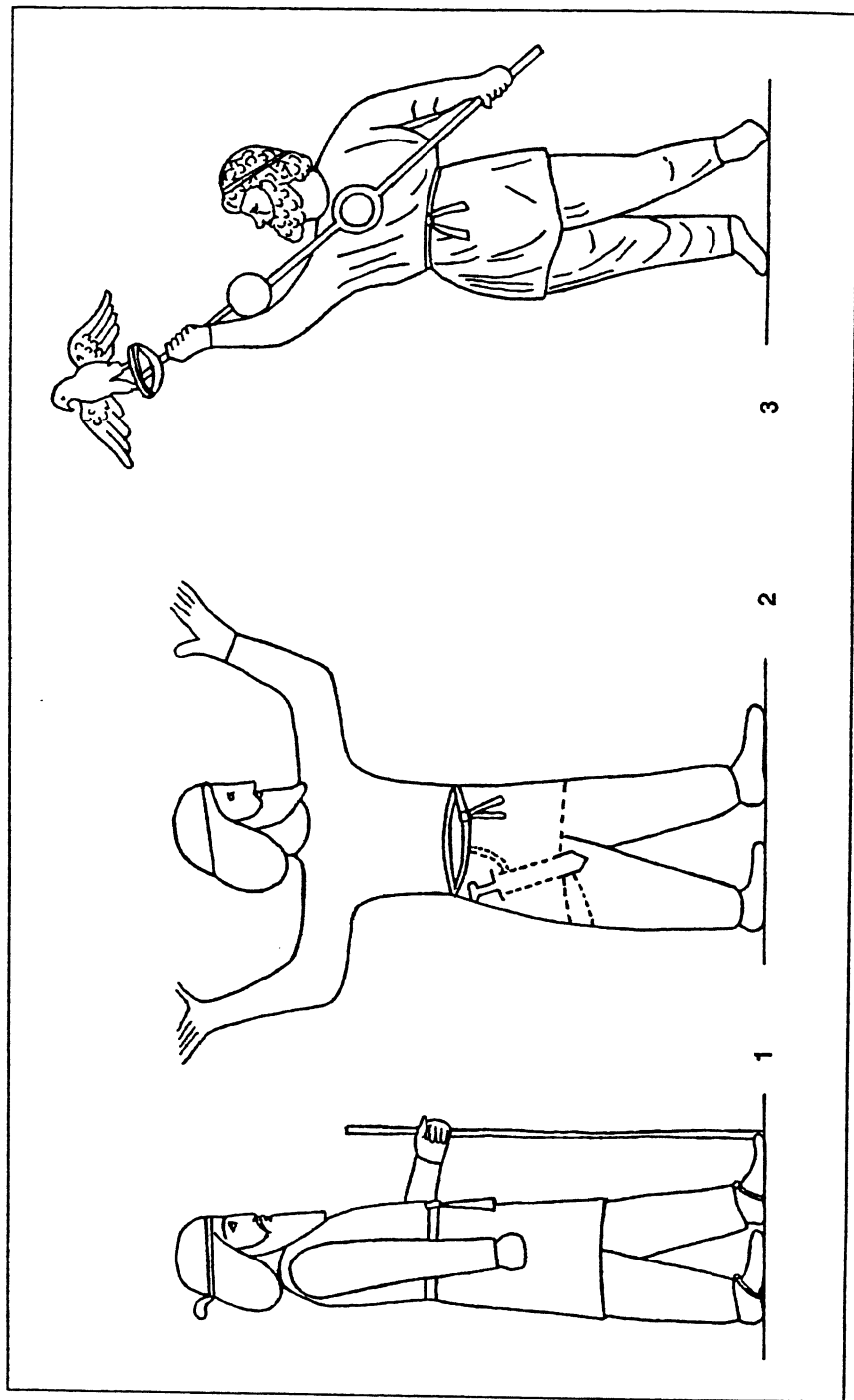

Рис. 1

Изображение парфян: 1, 2 — на ахеменидских рельефах; 3 — панцире Августа

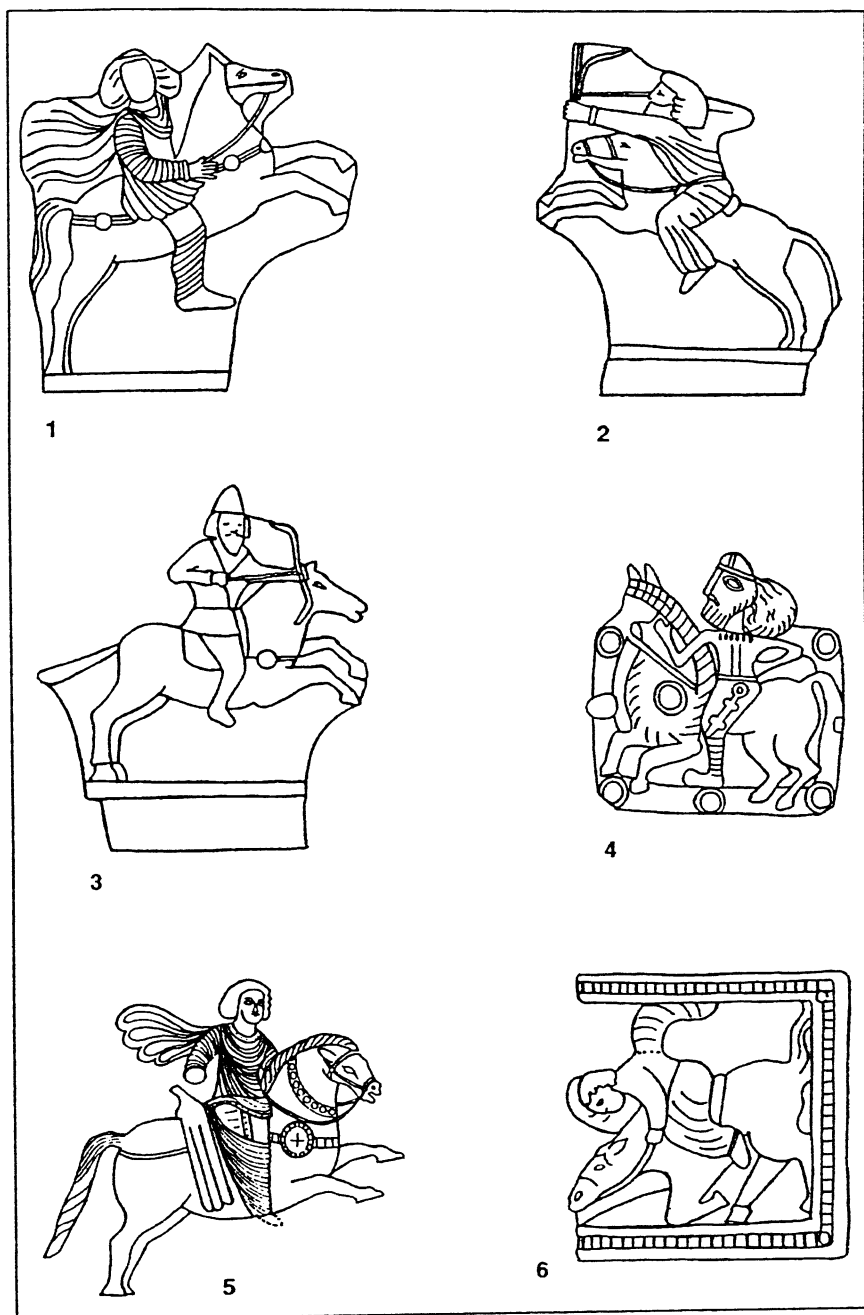

Рис. 2

1-3 — изображения «парфянских» всадников. Терракотовые плиты из Месопотамии; 4 — пряжка из Британского Музея; 5 — рельеф из центральной Сирии; 6 — пряжка с Кампыр-тепе

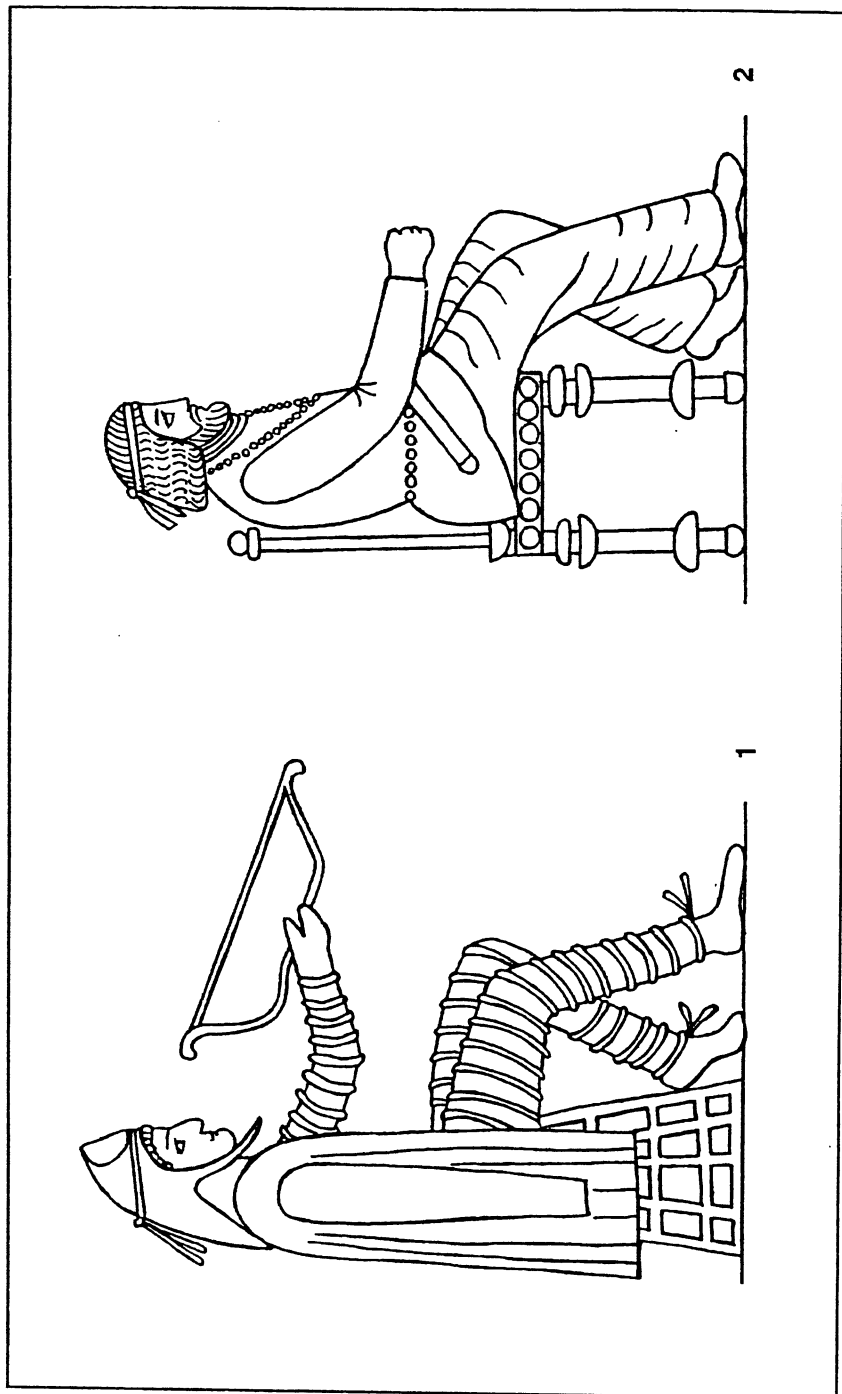

Рис. 3
Изображения на аршакидских монетах: 1 — «лучника» и 2 — царя

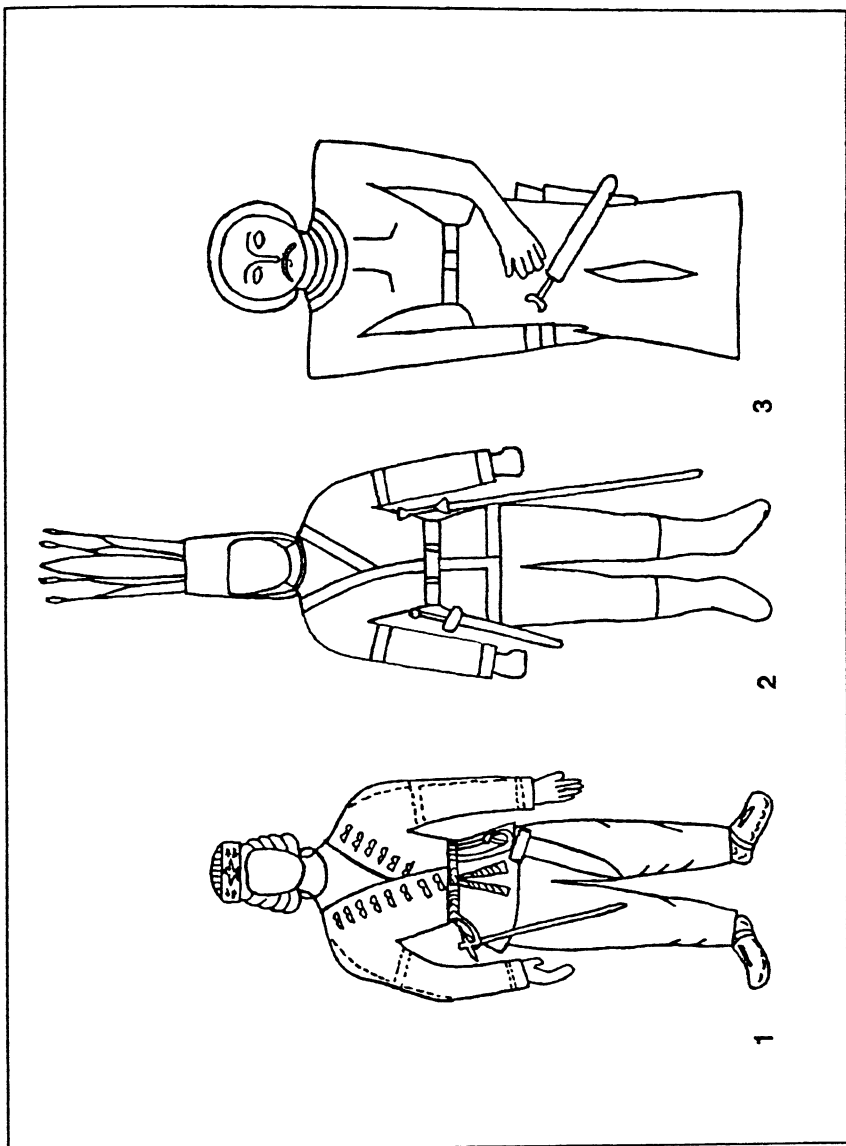

Рис. 4
 Сакский костюм за пределами Парфянского государства
 1 ---- Тува, 2 ---- Иссык, 3 ---- Устьюрт

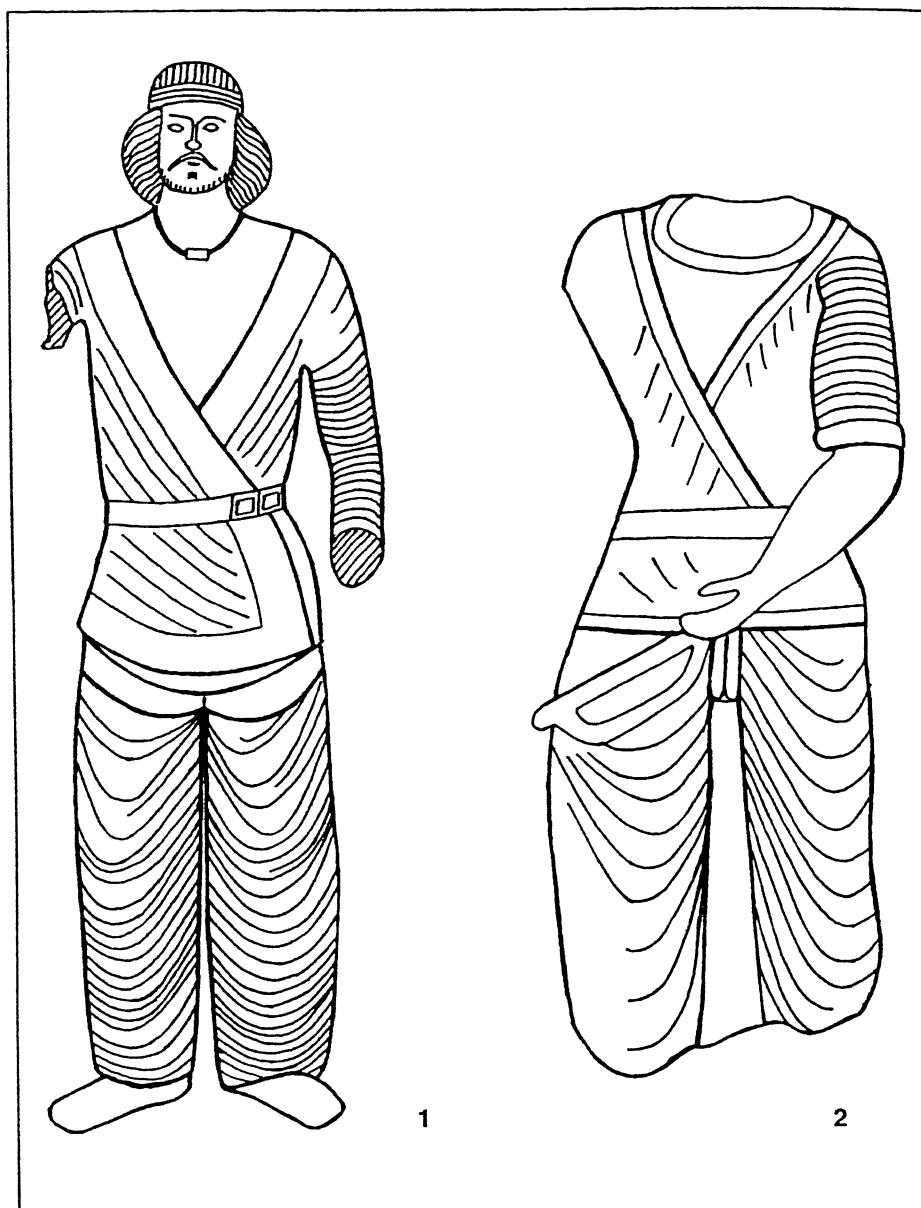

Рис. 5
Сакский костюм
1 — статуя из Шами и 2 — рельеф из Буткары

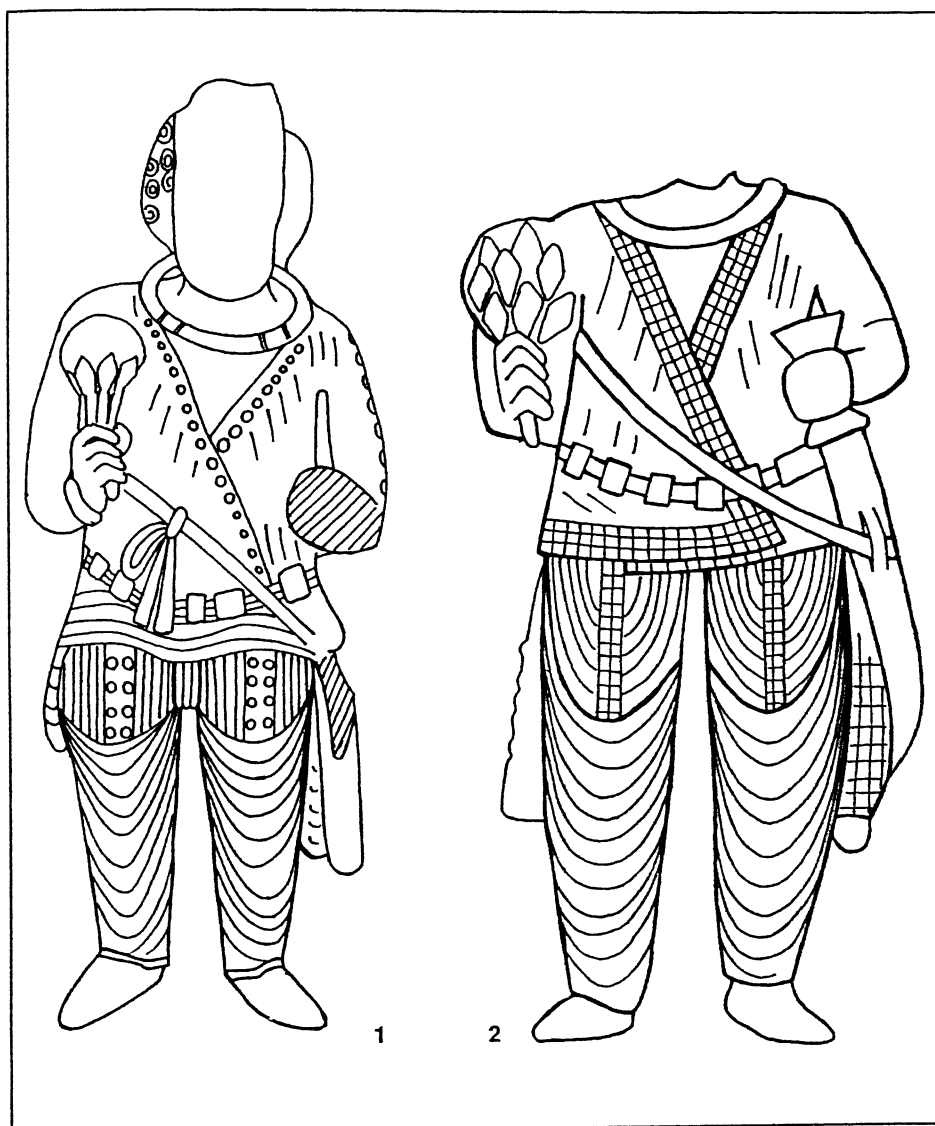

Рис. 6
Сакский костюм. Рельефы из Буткары

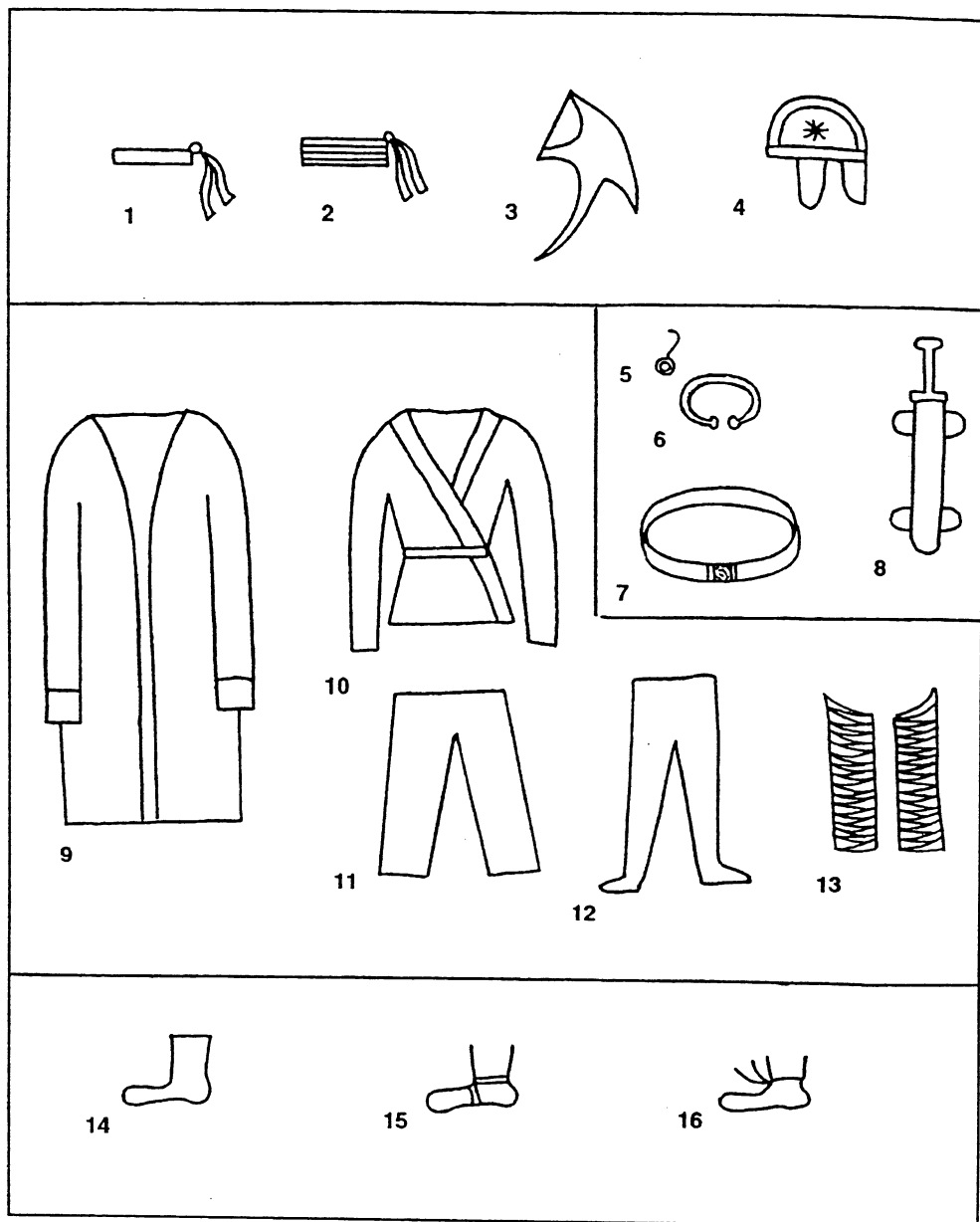

Рис. 7

Основные элементы парнского костюма

1, 2 — диадемы; 3 — кербасия, 4 — кулах, 5 — серьга, 6 — гривна, 7 — пояс, 8 — кинжал, 9 — кандис, 10 — распашная куртка, 11 — верхние штаны, 12 — штаны-чулки, 13 — «леггинсы», 14-16 — обувь

Рис. 8
Рука из Нисы. Фрагмент глиняной скульптуры

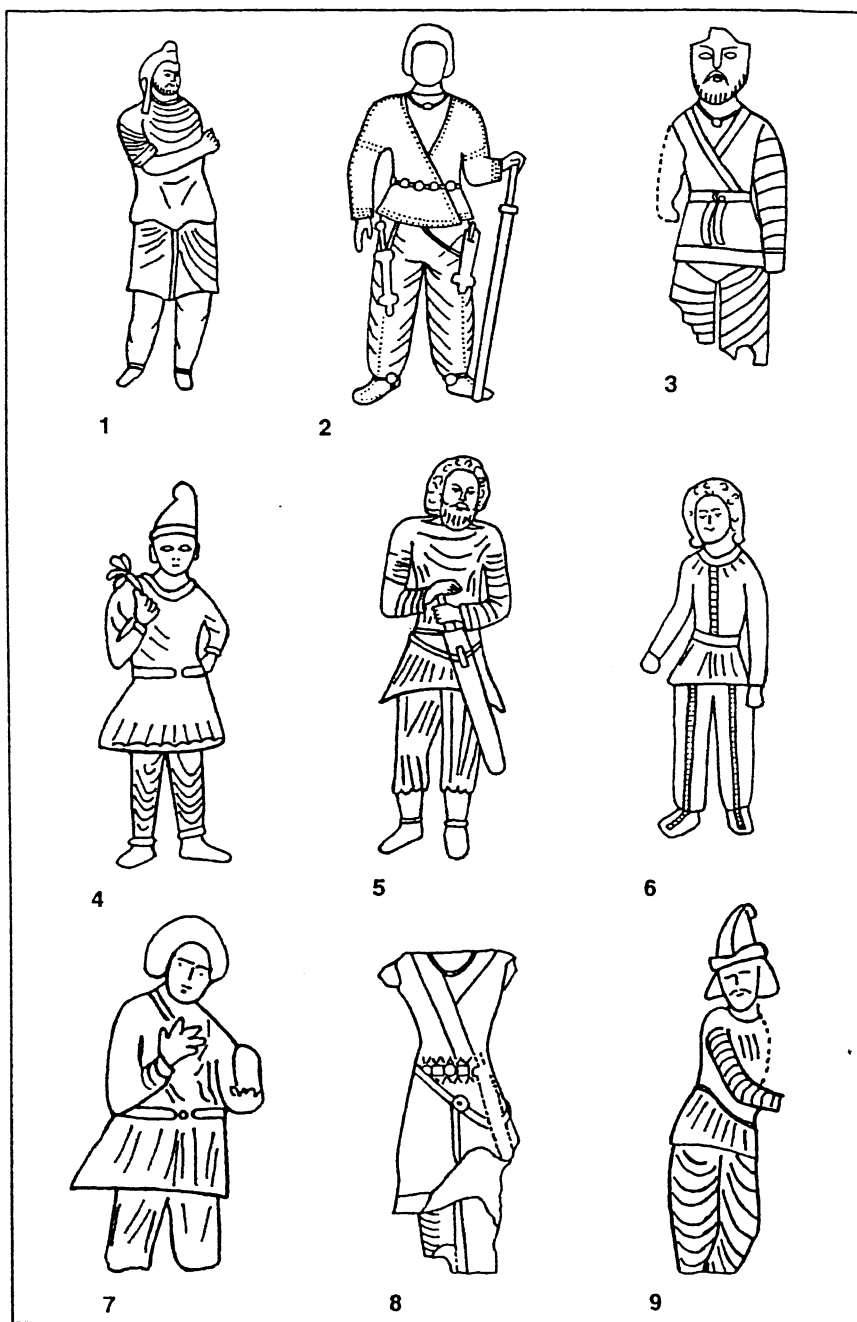

Рис. 9

Костюмы позднепарфянского времени. Восточные регионы
 1 — Бунер; 2 — Тиля-тепе; 3 — Кампыр-тепе; 4 — Матхура; 5 — Бунер; 6 — Буткара; 7 — Гандхара; 8 — Матхура, Сатрап Киштана; 9 — Пешавар

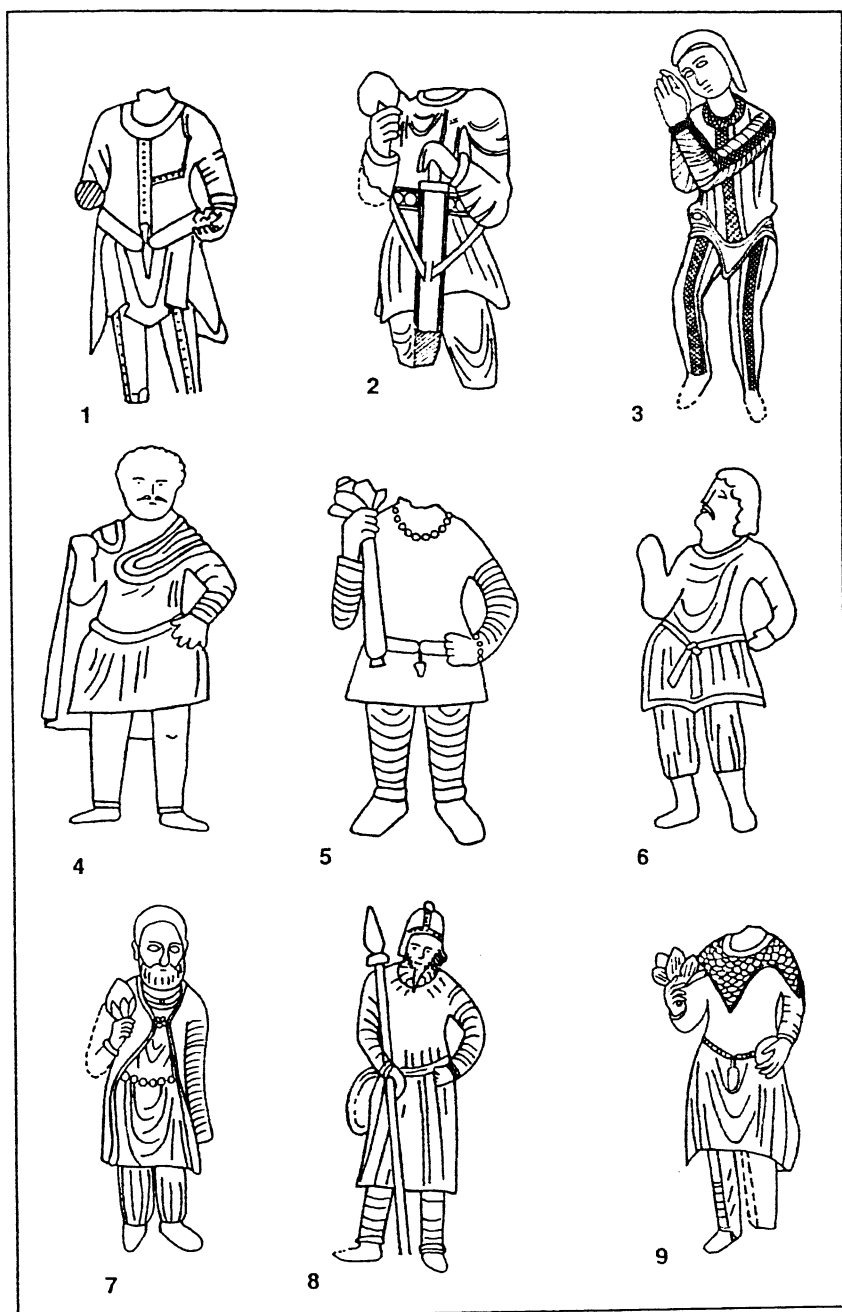

Рис. 10

Костюмы позднепарфянского времени. Восточные регионы

1 — Шахри-Болот; 2-4 — Буткара; 5 — Матхура; 6 — Гандхара; 7 — Пешавар; 8 — Нагарджуни-конда; 9 — Пешавар

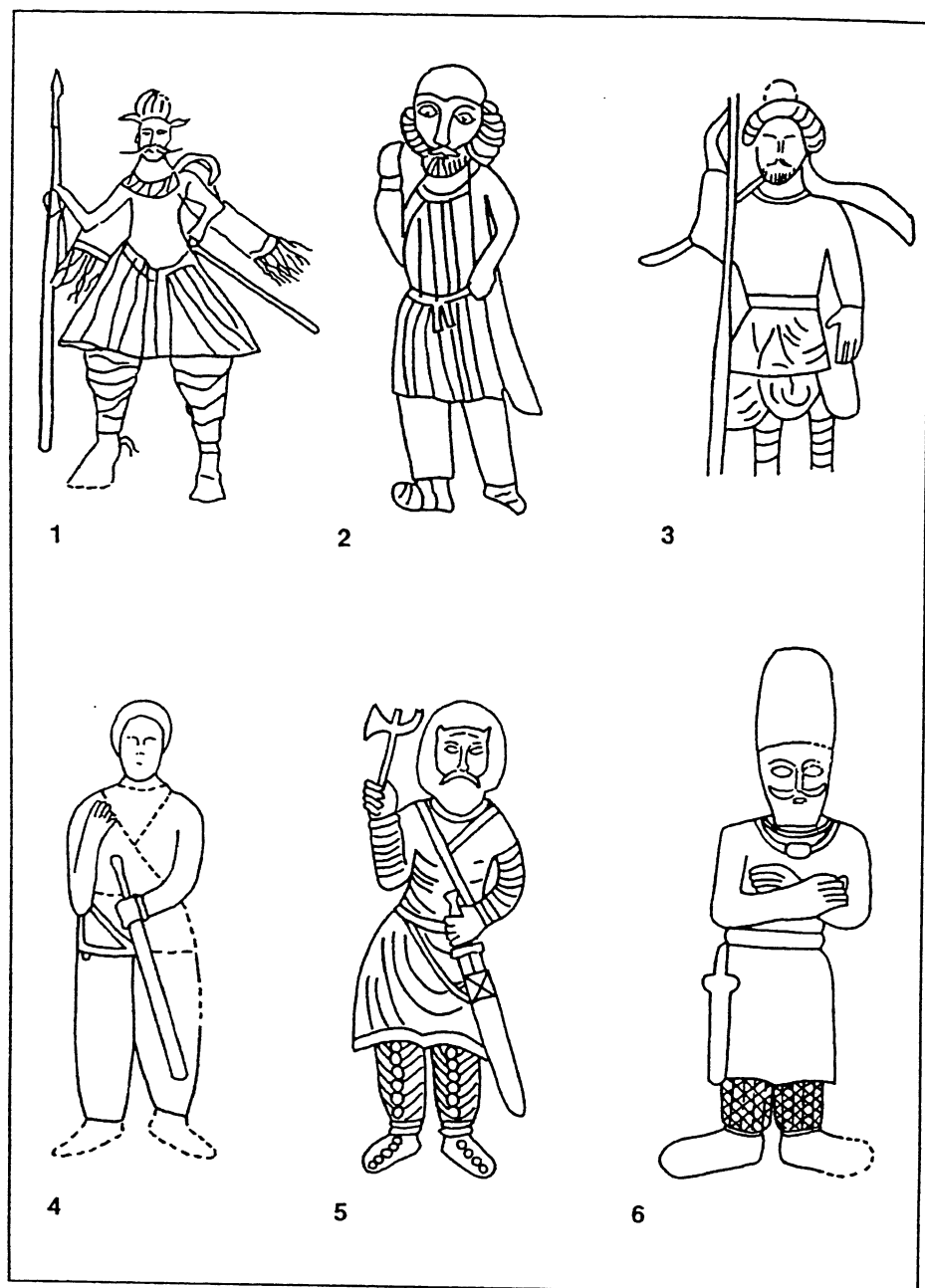

Рис. 11
 Костюм позднепарфянского времени. Западные регионы
 1 — Дура Европос; 2 — Сузина; 3 — Барде-Нишанле; 4 — Ашур; 5 — Дура Европос; 6 — Масл-
 жиди-Сулейман

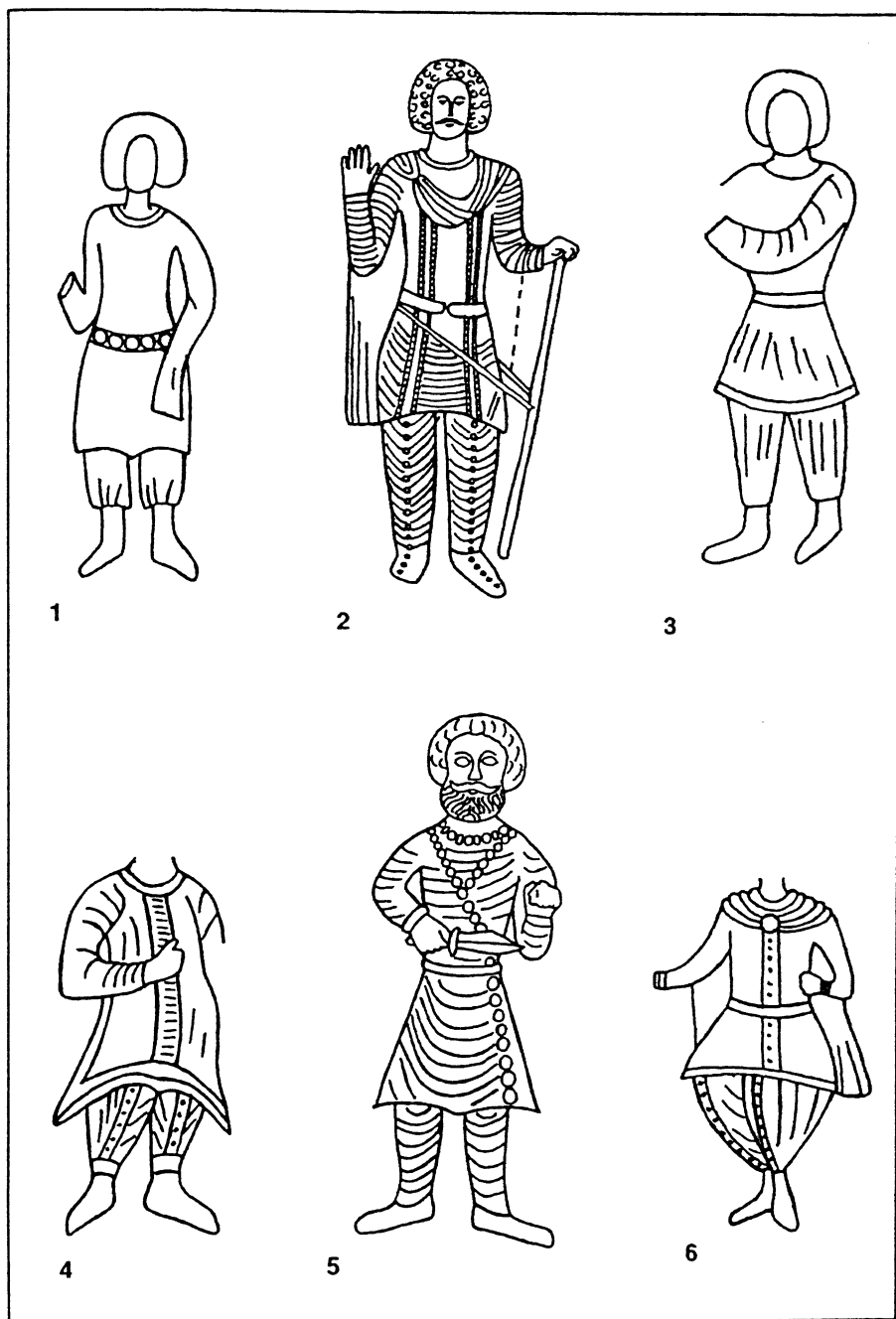

Рис. 12

Костюм позднепарфянского времени. Западные регионы

1 — Ольвия; 2 — Хатра; 3 — Дура Европос, Синанога; 4 — Пальмира; 5 — Хатра; 6 — Дура Европос

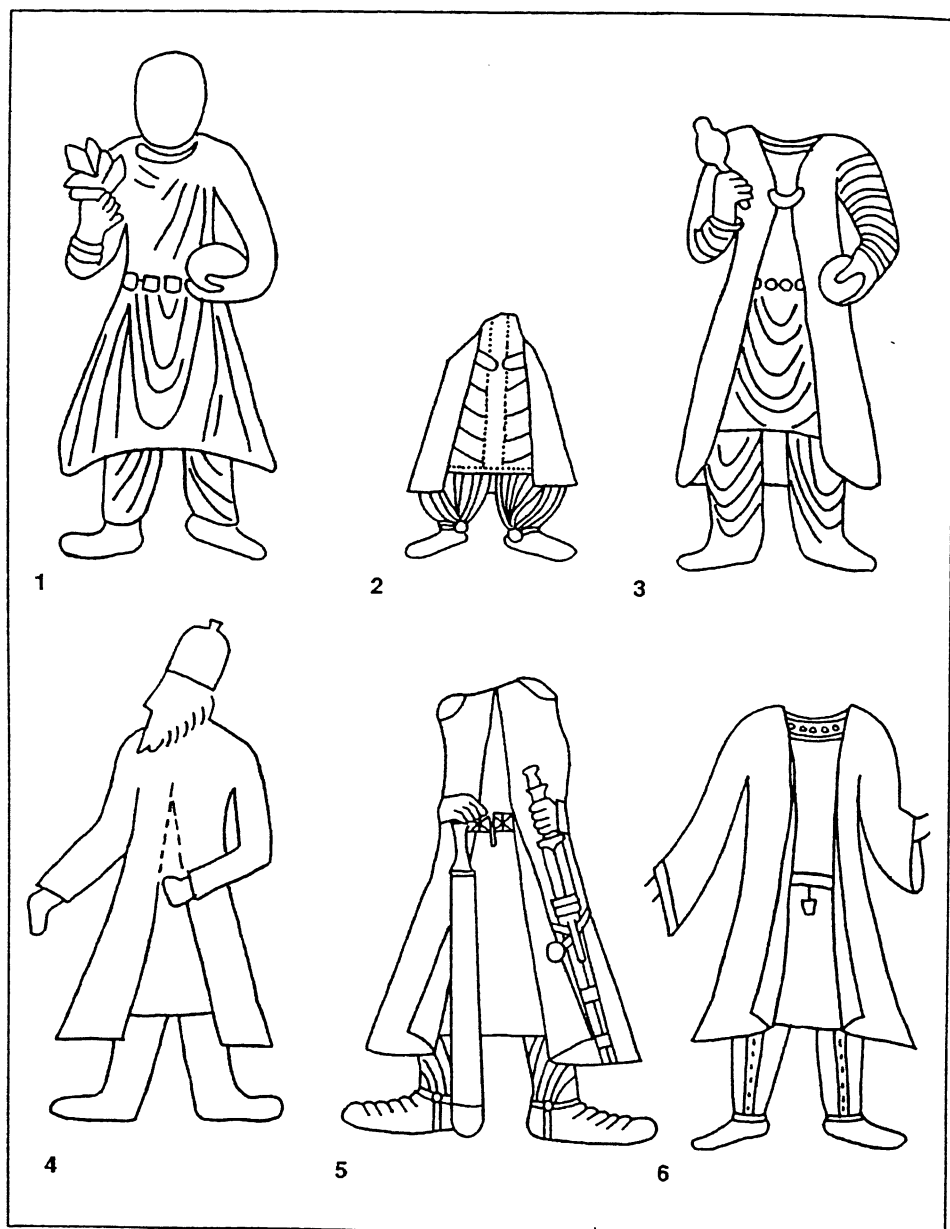

Рис. 13
Кушанский костюм

1 — Шоторак; 2 — Сурх Котал; 3 — Шоторак; 4 — монета Канишки I; 5 — Матхура, Статуя Канишки; 6 — монета Канишки II

М.Н.Погребова

ЗАКАВКАЗЬЕ
И КИММЕРИЙЦЫ АССИРИЙСКИХ ТЕКСТОВ
КОНЦА VIII в. до н.э.

Вопрос о носителях этнонима «киммерийцы», известного как из аккадских, так и из античных письменных источников, не перестает привлекать внимание специалистов. Тщательное исследование А.А.Иванчика, включающее свод аккадских текстов, упоминающих киммерийцев [Ivantchik 1993; Иванчик 1996], еще больше усилило интерес к киммерийской проблеме, о чем свидетельствует и дискуссия, развернувшаяся недавно на страницах «Вестника древней истории» (1996–1998). В частности, привлекалось внимание и к возможной локализации киммерийцев в пору их первого появления на исторической сцене, отраженного ассирийскими источниками эпохи Саргона II. Источники эти проанализированы и интерпретированы А.И.Иванчиком. Напомним лишь, что речь идет о поражении, которое потерпел урартский царь Руса I от киммерийцев (*gamiraa*), и о «стране» Гамир (*kur Gamir, Gimir, Gamirra*) [Иванчик 1990 и др.]. Безусловно, нет оснований считать, что детерминатив «страна» применительно к киммерийцам обозначал сколько-нибудь стабильное политическое объединение и соответственно стабильную территорию. Следует согласиться с А.И.Иванчиком, определяющим Гамир как район, в котором действовали киммерийцы во время их конфликта с Урарту. Очевидно также, что где бы ни располагалась родина киммерийцев, события, отраженные в клинописных текстах, разворачивались к югу от Кавказского хребта и в непосредственной близости от границ Урарту. Однако вопрос о том, у каких именно границ имело место упомянутое столкновение, решался неоднозначно (см. подробно [Иванчик 1996, с. 28–34; Пиотровский 1959, с. 239; Diakonoff, Kashkai 1981, с. 71]). В настоящее время все большую поддержку получает мнение о локализации Гамир к северу от Урарту. Наиболее подробно эта точка зрения аргументирована в работах А.И.Иванчика [Иванчик 1990; Ivantchik, 1993, с. 19–55; Иванчик 1996, с. 21–59]. В статьях, написанных совместно с Э.А.Грантовским и Д.С.Раевским [Грантовский, Погребова, Раевский 1996, с. 72–77] и с И.В.Яценко и Д.С.Раевским [Погребова, Раевский, Яценко 1998, с. 76], мы сформулировали сомнения относительно бесспорности приведенной аргументации¹. Хотелось бы еще раз

¹ Нет оснований поэтому приводить эту аргументацию снова. Отмечу лишь, что она не сводилась к утверждению, что письменные источники «невняты», как это представил А.И.Иванчик в дискуссии по киммерийской проблеме в ВДИ.

подчеркнуть, вопреки встречающимся после работ А.И.Иванчика утверждениям, что письменные источники прямо свидетельствуют о расположении Гамир к северу от Урарту [Алексеев, Качалова, Тохтасьев 1993, с. 49], речь может идти лишь о предложенной упомянутым автором интерпретации этих источников.

Сведения ассирийских текстов конца VIII в. до н.э. о киммерийцах действительно скудны. Значительно больше известно о той ситуации, в которой находился в указанное время их противник, т.е. Урарту, и о которой повествуют как ассирийские, так в первую очередь и урартские источники. Представляется, что именно эти источники могут пролить некоторый свет на возможную зону урартско-киммерийского конфликта.

Особенное внимание в связи с этим привлекает деятельность Русы I — урартского царя, впервые непосредственно столкнувшегося с киммерийцами. От Русы I дошло значительно меньше эпиграфических памятников, нежели от его предшественников. Отсутствуют и подробные ежегодные описания его деяний, подобные так называемым летописям Аргишти I и Сардури II. Более того, не только о его поражениях, но и об успехах зачастую известно лишь из ассирийских источников [АВИИУ 46 (52), 49 (199)]. Возможно, часть эпиграфического наследия Русы I оказалась утерянной, но те ассиро-урартские источники, которыми мы располагаем, рисуют следующую картину: в противоположность своим предшественникам Руса I вообще не совершал походов в северные и северо-западные области Южного Закавказья. Между тем очевидно, что эта территория никогда не входила в границы Урарту достаточно прочно. Об этом свидетельствуют не только с завидной регулярностью направлявшиеся в одни и те же «страны» походы урартов (иногда непосредственно после сообщения об их покорении (см., например, [УКН 155 В, С, D, E и др.]), но и сам характер этих откровенно грабительских походов. Сообщается только о разорении, наложении дани, угоне и умерщвлении людей, угоне скота и т.п. Хозяйственная и строительная деятельность, широко проводившаяся в Араратской долине, применительно к северным районам не упоминается. Лишь однажды Сардури II, описывая очередной поход на «страну» Эриахи (район бывшего Ленинакана), сообщает, что он построил там крепости и «страну к моей стране присоединил» [УКН 155 E]. Это, однако, не помешало ему в последующие годы продолжать военные рейды, разоряющие эту землю. Очевидно, что по-настоящему твердо Аргишти I и Сардури II закрепились лишь в Араратской долине, где они возводили крепости, храмы, проводили каналы, разводили сады и виноградники [УКН 127 11, 30–40; 128 В2, 40; 136–141] (см. также [Мартиросян 1964, с. 21, 35 и др.]).

Если Русе I действительно пришлось при вступлении на престол заново собирать свое царство [Пиотровский 1959, с. 87 и сл.], вряд ли можно сомневаться в том, что Эриахи и близлежащие области оказались в числе отпавших. Однако, как уже отмечалось, никаких сведений о походах Русы I в эти области не сохранилось. Очевидно также, что внимание этого царя привлекали восточные границы Урарту. Он активно продолжал и завоевания по западному побережью озера Севан. Как известно, начав завоевательные походы в Закавказье с его южных и западных областей, к Севану урарты подходили постепенно. Впервые о завоевании «страны» Кехуни (Кихуни), расположенной, судя по месту находки соответствующей надписи [УКН 134], в северо-западной части побережья озера, сообщает Аргишти I [УКН 127, II]. Этот первый поход был исключительно

грабительским. Сардури II дошел до западного побережья Севана, где разорил несколько «стран», в том числе Уеликухи, располагавшуюся в районе современного Нор-Баязета [УКН 156 D I, D II], и спустился до юго-западного и южного побережий [УКН 160, 161]. Действия его всюду сводились к разорению, утону, сожжению и т.п.

Руса I уделял побережью Севана, как и побережью Урмии, особое внимание [Арутюнян 1970, с. 280 и сл.]. Победив в очередной раз «страну» Уеликухи, он удалил оттуда местного «царя», поставил своего областеначальника, построил сохранившуюся доньне крепость, названную им «город бога Халди», воздвиг храм бога Халди [УКН 265]. На южном берегу им возведена также сохранившаяся доньне крепость, названная «город бога Тейшебы» [УКН 266; Меликишвили 1954, с. 208; Арутюнян 1970, с. 281]. Как сообщает ассирийский источник [АВИИУ 49 (199)], большую строительную деятельность вел Руса I и в Приурмийских районах — строил города, дворцы, провел канал, «полноводный, как Евфрат» и множество арыков, разбивал сады. Он же отвоевал у Манны область Уишдиш.

С середины VIII в. до н.э. усиливается утихшая в предшествующие годы война Урарту с Ассирией, причем главной ареной борьбы стал Приурмийский район. Руса I вообще, видимо, не сталкивался с ассирийцами в западных областях Передней Азии, что было обычно для его предшественников. Это, очевидно, явилось следствием, а может быть, частично и причиной усиления его интереса к восточным областям. Активное продвижение на восток наблюдалось еще в царствование предшественника Русы I — Сардури II, захватившего «страну» Пулуади, где им была построена крепость [УКН 155 E 5–10]. Находка соответствующей надписи позволила достаточно точно локализовать Пулуади в Иранском Азербайджане [УКН 453, послесловие № 13; Меликишвили 1968].

Возвращаясь к вопросу о том, где же именно Русе I пришлось столкнуться с киммерийцами, напомним, что единственное указание на местоположение Гамир содержится в донесении Ашшурилуа Саргону II [Иванчик 1996, № 4; ABL 146], где сказано, что между Урарту и Гамир лежит область Гурианиа (Gu-ri-a-ni-a). В анналах самого Русы I единожды, в надписи, высеченной на скале на южном побережье озера Севан, недалеко от селения Цовинар (Кёлагран) упомянута область Гуриаини (kur Gu-ri-a-i-ni) [УКН 266]. Надпись сообщает о победе Русы над 23 «странами», четыре из которых на основании других урартских текстов убедительно локализуются на западном побережье Севана. Что касается остальных 19 стран, в том числе Гуриаини, располагавшихся, согласно надписи, «с той стороны озера в горах высоких», их локализация целиком зависит от понимания выражения «с той стороны озера» и соответственно достаточно произвольна. В упоминавшейся выше статье [Грантовский и др. 1996] мы пытались показать необязательность предпринятого А.И.Иванчиком отождествления Гуриаини Русы I с Куриани (kur Qu-ri-a-ni) анналов Сардури II и соответственно их обеих с Гуриани ассирийского источника. По мнению И.М.Дьяконова и С.М.Кашкай, Гуриаини Русы I — область, лежавшая к востоку от Севана, но с Гурианиа ассирийского источника может быть идентична Куриане Сардури II, локализуемая ими в верховьях Куры, что определяет место Гамир в районе современного Гори. К востоку от Севана помещал Гуриаини и И.И.Мешанинов [Diakonoff, Kashkai 1981 с. 71; Мешанинов 1937]. Очевидно, что тождество Гуриани и Гуриаини вряд ли может быть доказано, тем не менее локализация Гу-

риаини, как и остальных 19 «стран» упомянутой надписи, представляет интерес с точки зрения направления предпринятого Русой I похода. Как отмечалось, подобная локализация встречает целый ряд трудностей. Неясно, прежде всего, какой именно берег подразумевал автор Цовинарской надписи, употребляя выражение «с той стороны озера в горах высоких», если под этой стороной скорее всего понималось хорошо освоенное урартами западное побережье, а надпись располагается на южном берегу. Неоднократно обращалось внимание на то, что перечисление «стран» западного берега производилось урартами с севера на юг [Пиотровский 1959, с. 91]², что соответствует единственно возможному маршруту, если его отправная точка находилась, что всего вероятнее, в Араратской долине. В этом случае естественно допустить, что области «по ту сторону» лежали не к северу, как полагает А.И.Иванчик, а к востоку или юго-востоку от озера.

Немаловажно и то обстоятельство, что, если бы Гуриаини Цовинарской надписи соответствовала Куриаини анналов Сардури II, трудно было бы объяснить, каким образом ни одна из столь хорошо знакомых урартам в районе Чалдырского озера «стран» в данной надписи не упомянута. Маловероятно, чтобы предполагаемый маршрут Русы I их бы никак не затронул и еще менее — что данные области не нуждались в очередном замирении. Естественнее допустить, что «страны» или племена, названия которых встречаются в Цовинарской надписи впервые, и располагались там, куда урарты ранее не ходили, т.е. к востоку или юго-востоку от Севана (см. также [Мешанинов 1937; Diakonoff, Kashkai 1981, с. 4]). Кстати, учитывая подтреугольную форму Севана, приходится признать, что взгляд стоящего на его южном берегу устремляется по направлению к восточному, а не к северному его побережью. Вряд ли, однако, урарты обладали столь четкими представлениями о конфигурации северной и восточной береговых линий Севана, чтобы этот аргумент мог быть использован. В целом же, конечно, выражение «по ту сторону» может иметь достаточно широкое толкование, тем более что под «горами высокими» могли подразумеваться и Севанский (Шахдагский) и Варденисский хребты, но в меньшей степени горы северного и северо-западного побережий. Восточное направление похода совпадало бы и с тем явным вниманием Русы I к восточным пределам его владений, о котором говорилось выше.

Все сказанное позволяет высказать предположение, что и конфликт с киммерийцами, скорее всего, должен был бы иметь место также вблизи восточных границ Урарту. Это оставалось бы чисто логическим домыслом, если бы не донесенный ассирийскими источниками факт присутствия киммерийцев в Манне в близкое неудачному походу Русы I время (см. об этом подробно [Иванчик 1990; 1993; 1996]). В письме Урда-Сина глашатаю дворца сообщается, что «киммериец этот вышел из Манны. Он вошел в Урарту» [АВИИУ 50 (8); Ivantchik 1993, с. 47–51, 174–177]. В весьма плохо сохранившемся письме неизвестного Саргону II [Ivantchik 1993, с. 178–179, № 6; Иванчик, 1996, № 6 свода] упоминается присутствие киммерийцев в урартской области Ушун, локализуемой в непосредственной близости от Муцапира [Ivantchik 1993, с. 50].

² Правда, нужно учитывать и то, что подобная последовательность иногда не соблюдалась. Так, Сардури II в своих анналах, т.е. вне связи с фиксированным местом надписи, начинает перечисление со страны Аркукив [УКН 155], располагавшейся на южном берегу Севана [УКН 161], затем упоминает страну Адахуни (первую в Цовинарской надписи), а потом несколько стран, очевидно находившихся в непосредственной близости к Аркукив (ср. [УКН 155 Д]).

Хотя эти сообщения не дают оснований для локализации «страны» Гамир, они, бесспорно, подтверждают присутствие киммерийцев на восточных границах Урарту³. Как уже отмечалось вначале, родина киммерийцев и соответственно отправная точка их движения на юг должна была лежать к северу от Кавказского хребта. Воинские отряды, какими, без сомнения, являлись киммерийцы ассирийских текстов, могли, очевидно, попадать на территорию Манны и через Урарту, границы которого, особенно на севере, были, видимо, условны. Тем не менее проходы через Араратскую долину и центральные области Урарту должны были встречать определенные препятствия. В этом отношении Восточное Закавказье, особенно его низменные степные районы, не слишком густо заселенные, представляло для подобных вторжений значительно более удобный плацдарм. Добавим и особенно тесные связи восточнозакавказских областей с Иранским нагорьем, осуществлявшиеся главным образом путем челночных рейдов. С конца II тысячелетия до н.э. начинается проникновение в Восточное Закавказье и Иран групп ираноязычных племен из южнорусских степей [Грантовский 1970; Погребова 1977]. В свете сказанного предположение о том, что и киммерийцы конца VIII в. до н.э. могли воспользоваться тем же, уже освоенным евразийскими народами путем, представляется особенно вероятным. При этом, очевидно, активно должны были использоваться перевалы через центральную часть Кавказского хребта.

Возникает вопрос, можно ли найти высказанному предположению какое-нибудь подтверждение в археологическом материале Восточного Закавказья конца VIII в. Однако, прежде чем искать такие подтверждения, необходимо определить, что могла представлять собой материальная культура киммерийцев данного времени и какие ее следы можно обнаружить в достаточно удаленных от их основной территории районах.

Как известно, сейчас все большее признание в научной литературе получает тезис об однокультурности киммерийцев и ранних скифов [Алексеев, Качалова, Тохтасьев 1993, с. 82, 91 и др.]. Этот тезис полностью принимает и автор данной работы. Тем не менее вопрос об археологическом комплексе, которым обладали носители этнонима «гими́рри» в конце VIII в. до н.э., остается открытым. Ряд исследователей сейчас активно настаивают на том, что начало формирования раннескифского культурного комплекса уходит еще в VIII в. до н.э. (подробно см. [Медведская 1983]). Недавно А.И.Иванчик обвинил археологов, считающих подобное удревнение пока недоказанным, в недооценке факта присутствия элементов раннескифского культурного комплекса в переднеазиатских памятниках первой половины VII в. до н.э. Это обстоятельство, по его мнению, неоспоримо свидетельствует не только о существовании в это время раннескифской культуры, но и о том, что ее сложение уходит в предшествующее столетие. Следовательно, вопрос о материальной культуре киммерийцев времени Русы I решается однозначно. Такое решение представляется, однако, излишне прямолинейным. Необходимо учитывать, что те из инокультурных предметов, обнаруженные в стратифицированных переднеазиатских комплексах и имеющие явно скифский облик, должны были сформироваться именно в период пре-

³ А.И.Иванчик убедительно оспаривает предложенное А.Кристенсен отождествление Гамир с областью Уишдиш, расположенной к востоку от озера Урмия [Ivantchik 1993, с. 51], но это еще не опровергает возможности известного сосредоточения киммерийцев в других, относительно близких Манне областях.

бывания киммерийцев и скифов в Передней Азии [Погребова, Раевский 1992, с. 128–137]. Когда эти походы только начались, т.е. в конце VIII в. до н.э., комплекс раннескифской культуры еще не сложился и сложиться не мог. Если принять гипотезу о сложении раннескифской культуры, обоснованную Д.С.Раевским и мною [Погребова, Раевский 1992], придется признать, что в разные периоды своей истории носители этнонима «киммерийцы» обладали разной материальной культурой (см. о двукультурности киммерийцев также [Дударев 1998]). Конечно, можно не принимать упомянутую гипотезу, но уже факт ее существования указывает на то, что вопрос о времени формирования раннескифской культуры не имеет однозначного решения.

Очевидно, что какой бы материальной культурой ни обладали столкнувшиеся с Русой I киммерийцы, она должна была быть связана с евразийским, а скорее всего с северокавказским комплексом и быть чуждой для любой закавказской области. Несомненно также, что нигде южнее Кавказского хребта не известны памятники, которые можно было бы связать с присутствием или непосредственным влиянием ранних киммерийцев. Вряд ли такие памятники вообще существовали, так как нет оснований считать, что первое пребывание здесь киммерийцев продолжалось долго. В этой связи особый интерес приобретает материал, свидетельствующий о контактах Закавказья с областями к северу от Кавказского хребта. И как раз с территории Восточного Закавказья известно сравнительно большое количество предметов, указывающих на интенсивные связи населения этого региона как с южнорусскими степями, так и с Приурмийским районом в интересующее нас время.

Интересен в данном контексте один из вариантов бронзовых удил, распространившийся как в Восточном Закавказье, так и в Западном Иране и для этих мест необычный. Эта узда уже неоднократно привлекала внимание исследователей [Иессен 1953; 1965; Тереножкин 1971; Медведская 1983; Эрлих 1994 и др.]. Речь идет о двукольчатых удилах, обыкновенно с витой мундштучной частью. По описанию А.А.Иессена, «каждое звено таких удил сплетено из одного прокованного прута, образуя при этом два кольца — большое-наружное и малое-внутреннее» [Иессен 1953, с. 54]. Следует добавить, что прутья, из которых сделаны внешние кольца, часто имеют прямоугольное сечение. В 1953 г. А.А.Иессен мог указать лишь на два экземпляра таких удил, найденных в Закавказье, — удила из Мингечаурского кургана II, тогда еще неопубликованного, и из разрушенного погребения в Узун-тепе Астраханбазарского района в Муганской степи [Джафарзаде 1946, с. 36, табл. VIII, 1]. К настоящему времени находки подобных удил умножились, причем нередко они встречались вместе с трехдырчатыми бронзовыми псалиями, не скрепленными с удилами. Так, самим А.А.Иессеном витые удила и трехдырчатые псалии были обнаружены в Малом кургане, расположенном в Мильской степи (Южный Азербайджан) [Иессен 1965, с. 27, рис. 10]. Публикация материалов Мингечаурского кургана II показала, что, наряду с упоминавшимися А.А.Иессеном удилами, в том же погребении находились и трехдырчатые псалии, правда, по мнению ее авторов, прилагавшиеся к однокольчатым витым удилам с гладкими мундштучными частями [Асланов и др. 1959, с. 97, табл. XXXIX, 1–4]. Витые удила вместе с трехдырчатыми псалиями особой формы находились в могиле 47 могильника Парадизфестунг у г. Калакента (Западный Азербайджан) [Nagel, Strommenger 1985, Taf. 74, 2]. Подобные же удила, сопровождаемые трехдырчатыми псалиями,

найжены на черепе погребенного вместе с человеком коня в Шамхорском могильнике (Западный Азербайджан) [Асланов 1986, рис. 14]. Известны витые удила и к югу от Аракса. Еще А.А.Иессен указал на удила, происходящие из могильника Солдуз в Северном Иране [Ghirshman 1939, pl. C, 17]. Подобные же удила были найдены в известном погребении в Норшун-тепе (Анатолия), где они находились вместе с удилами со стремечковидными окончаниями внешних колец [Hauptman 1985]. Витые удила содержались и в инвентаре могилы с конскими погребениями в Хасанлу [Ghirshman 1964, fig. 338]. Витые удила также вместе с трехдырчатыми псалиями в количестве сорока двух наборов были обнаружены в цитадели Хасанлу [Ghirshman 1964, fig. 338; de Schauensee, Dyson 1983, p. 68, fig. 11]; обломок витых биметаллических удил находился в могиле с конским захоронением на Бабаджан-тепе [Goff, 1969, fig. 7, 5]. Случайная находка таких удил была сделана в Калуразе [Moorey 1974, fig. 51]⁴.

Трехдырчатые псалии, как правило сопровождающие удила данного типа, представляют собой уплощенный стержень с одним прямым, круглым в сечении концом и другим таким же — загнутым. В некоторых случаях окончания снабжены круглыми шляпками. Все три сквозных отверстия размещены в одной плоскости и сдвинуты к центру. Пластина стержня вокруг отверстий слегка расширяется. Эти псалии представляют вариант широко распространенных в Евразии трехдырчатых псалиев, по мнению большинства исследователей, генетически связанных с роговыми. Псалии этого варианта вместе с однокольчатыми гладкими удилами были обнаружены в некрополе В тепе Сиалка VI, что привело к определению «сиалковский вариант». [Эрлих 1994, с. 66, сл.]. Как известно, подобный псалий был обнаружен и в могильнике Сакар-Чага в Приаралье [Yablonsky 1990, fig. 5, 1–2], литейная форма — в материалах чустской культуры Ферганы [Заднепровский 1962, табл. XX, 3]. В.Р.Эрлих указал также на находки таких псалиев в Закубанье [Эрлих 1994, табл. 32, 3] и отметил железные псалии той же формы, найденные вместе с железными удилами в погребении 27 Келермесского могильника [Эрлих, с. 68; Галанина 1983, рис. 4, 5]. Однокольчатые удила со стержневидными псалиями известны и из могилы 3 тепе Гийана [Contenau, Ghirshman 1935]. Несмотря на то что псалии «сиалковского» варианта уже неоднократно были предметом исследования, в свете рассматриваемой темы целесообразно вернуться к этому вопросу еще раз.

Что касается витых удил в комплексе с напускными псалиями, они известны на Ближнем Востоке еще во второй половине II тыс. до н.э. [Potratz 1941, Abb. 3, 5, 11]. Особенность витых удил из перечисленных памятников заключается в их сочетании с псалиями, не составлявшими с удилами единого целого, т.е. в принадлежности к системе узды евразийского типа (см. подробно [Медведская 1983]). Как неоднократно отмечалось, в Закавказье узда в основном изготовлялась по переднеазиатской системе, т.е. с псалиями, напускавшимися на мундштучную часть или составлявшими с ней одно целое. Одновременно, хотя и значительно реже, применялись и костяные или роговые псалии, прикреплявшиеся к однокольчатым бронзовым удилам [Куфтин 1941, табл. XLIII, XLVI; Мартиросян 1961, рис. 55; Эребуни 1979, рис. 113; Джафаров 1986, рис. 6, 8; Джафаров 1993, рис. 6, 2]. На этом фоне бронзовые трехдырчатые псалии в Закавказье, несомненно, выглядят как инородные.

⁴ Не упоминаются находки, сделанные далеко за пределами региона.

Несмотря на единство формы, псалии «сиалковского» варианта имеют различия в деталях. Так, выделяются экземпляры, имеющие на обоих концах грибовидные шляпки, подобно псалиям из Малого кургана, Южного Азербайджана, Сакар-Чага и, очевидно, Сиалка. Псалии из Малого кургана и Сакар-Чага сближает также подромбическая конфигурация расширений стержня, которой в сакарчагинском экземпляре соответствует и ромбическая форма центрального отверстия. В то же время сакарчагинский псалий отличается очень короткий прямой конец, что не свойственно ни сиалковскому, ни азербайджанскому псалиям, оба конца которых имеют примерно равную длину. Весьма близки друг другу мингечаурский и шамхорский псалии — с укороченным прямым и длинным изогнутым окончанием и небольшими круглыми отверстиями в круглых же расширениях. Стержень в обоих случаях имеет в центре овальное, а на концах круглое сечение. Оба конца хасанлуских псалиев достигают примерно одинаковой длины, а стержень имеет овальное в центре и круглое на концах сечение. Два хасанлуских псалия увенчаны змеиными головками. Эта пара демонстрирует соединение псалия «сиалковского» варианта с внешним концом удил посредством литья, т.е. приспособление псалия, относящегося к евразийской системе, к креплению, свойственному системе переднеазиатской. Упомянутые выше псалии из Парадизфестунга представляют собой гибридную форму, получившуюся в результате присоединения к трехдырчатому псалию «сиалковского» варианта лопасти, характерной для новочеркасских псалиев (см. также [Эрлих 1994, с. 91]). Несколько другой конструкции трехдырчатые псалии из Южного Тагискена, Уйгарака, Биже [Итина, Яблонский 1997, рис. 22, 10; Вишневская 1973, табл. 111, 11, 12; К.Акишев, А.Акишев 1978, с. 53, рис. 2]. Подобные, пусть и незначительные, различия в деталях предполагают возможность производства псалиев в разных точках региона.

Дата бронзовых трехдырчатых псалиев «сиалковского» варианта, в зависимости от датировки содержащих их комплексов, колеблется от IX до VII в. до н.э. Особенно четко определяется сейчас началом VII в. до н.э. верхняя граница их бытования. В свое время А.А. Иессен датировал Малый курган второй половиной VII в. до н.э. При этом он отмечал, что данный комплекс, бесспорно, старше Келермесских и Ульских курганов, датировавшихся тогда второй четвертью и серединой VI в. до н.э. Как известно, в настоящее время начальная дата Келермесских курганов опущена до середины — третьей четверти VII в. — 660–640 гг. до н.э. [Галанина 1997, с. 192]. Уже это обстоятельство переносит Малый курган во всяком случае в первую половину VII в., а скорее всего в его начало. Нужно также принять во внимание, что в составе инвентаря подбойной могилы Малого кургана был конский налобник [Иессен 1965, рис. 12, 4], самым общим аналогом которому, как указывал А.А.Иессен, могут быть налобники из курганов Келермесской группы. Сейчас очевидно, что особенно близки азербайджанскому налобники Саккызского клада [Погребова 1981; Галанина 1983, с. 40; Погребова 1984, с. 100]. Принадлежность большей части Саккызского клада концу VIII — началу VII в. до н.э. представляется сейчас наиболее вероятной (подробно см. [Луконин 1987, с. 235–236; Погребова, Раевский 1992, с. 83]). Налобник той же формы был найден в упоминавшейся выше могиле с конским захоронением на Бабаджан-тепе, датированной началом VII в. до н.э. [Goff 1969, с. 123–126, fig. 7, 3, 5]. Близкого типа налобник найден также в цитадели Хасанлу IV [de Schauensee, Dyson 1983, с. 64]. Единственный нако-

нечник бронзовой стрелы из Малого кургана — втульчатый, трехгранный — А.А.Иессен датировал VII, отчасти VI в. до н.э. и сравнивал с наконечниками из могилы 48 Кедабекского могильника [Ивановский 1911, табл. VIII, 35, 36]. Кедабекский могильник в целом, включая и наиболее поздние могилы, не может быть датирован позже VIII — самого начала VII в. до н.э. Очевидно, именно началом VII в. до н.э. следует в настоящее время датировать и Малый курган.

Тому же периоду принадлежит и комплекс, состоящий из витых бронзовых удилов и бронзового трехдырчатого псалия, обнаруженный в могильнике недалеко от современного города Шамхор в Западном Азербайджане [Асланов 1986]. Могильник, к сожалению, полностью не опубликован, но очевидно тем не менее, что конские уборы находились при погребенных вместе с человеком лошадей или конских головах (могила 35). Какие именно предметы сопутствовали узде, неясно, но инвентарь могильника в целом определяет его примерную дату. Автор, правда, датировал могильник широко — от VII до IV в. до н.э., но опубликованные вещи не отражают столь большого хронологического диапазона, а указывают определенно лишь на VII в. до н.э. (двухлопастные втульчатые шипастые наконечники стрел, железные кинжалы с широкой основой ствола рукоятки, железный серповидный нож). Очевидно, к тому же времени относится и погребение с упомянутым комплектом узды, которое, скорее всего, одновременно Малому кургану или ненамного его моложе. Псалии с раскованными «ложковидными» окончаниями из могильника Парализфестунг, исходя из связи их формы с удилами новочеркасского типа, могут относиться к периоду от конца VIII до первой половины VII в. до н.э. Однако характер инвентаря могильника в целом позволяет датировать его и соответственно упомянутые псалии первой половиной VII в. до н.э. Сакарчагинский псалий, найденный в комплексе со стремечковидными удилами, датирован, с учетом находок в Фергане, Казахстане, Иране и Закавказье, «не позднее VII в. до н.э.» [Yablonsky 1990, с. 292] или «временем от VII в. до н.э.» [Итина, Яблонский 1997, с. 56].

Таким образом, большинство комплексов, датированных по совокупности инвентаря, определяет время бытования псалиев «сиалковского» варианта концом VIII и главным образом началом VII в. до н.э. К близкому выводу пришел В.Р.Эрлих, датировавший эти псалии с учетом и северокавказских материалов концом VIII — первой половиной VII в. до н.э. [Эрлих 1994, с. 68].

Для определения поздней даты бытования псалиев «сиалковского» варианта немаловажное значение имеет и вопрос о дальнейшей трансформации этой формы. В литературе уже высказывалось предположение, что подобные псалии послужили основой для псалиев с зооморфными головками, известными как в Северном Причерноморье, так и в Иране [Кузьмина 1966, с. 60]. Выше уже упоминались псалии с зооморфными головками из Хасанлу IV. О. Маскарелла сравнивал с ними и два бронзовых псалия из музея Метрополитен [Muscarella 1988, с. 264, № 353]. Бронзовый псалий с лошадиной (?) головкой и круглыми отверстиями в ромбовидных расширениях стержня был найден предположительно в Амлаше [Moorey 1971, с. 126, № 131]. П. Мури, подчеркивая чуждый для Западного Ирана характер этих псалиев, предполагал, что они, как и псалии Сиалка и Гийана, имели северное происхождение. В.Р.Эрлих продемонстрировал сложение выделенного им варианта псалиев «Уашхиту-Жаботин» как результат синтеза псалиев «сиалковского» варианта и новочеркасских, протекавшего также на протяжении конца VIII — начала VII в. до н.э. [Эрлих 1994, с. 65 и сл.].

Таким образом, факт бытования псалиев «сиалковского» варианта в конце VIII — начале VII в. до н.э. устанавливается достаточно убедительно. Что касается их первого появления, прежде всего, конечно, привлекает внимание найденная в материалах чустской культуры литейная форма для изготовления подобного псалия.

Как известно, чустская культура была датирована концом II — началом I тыс. до н.э. Однако дата упомянутой литейной формы, как правило, определялась в зависимости от датировки Сиалка В и Гийана I [Заднепровский 1962, с. 64; Кузьмина 1966, с. 60; Тереножкин 1971, с. 77]. Соответственно в настоящее время ее дата не опускается ниже VIII в. до н.э. [Итина, Яблонский 1997, с. 56]. Хотя полного единодушия относительно даты Сиалка В до сих пор нет, наиболее вероятным для некрополя в целом представляется VIII век до н.э. [Медведская 1983; Погребова 1977, с. 163, сл. и др.], однако полностью исключить VII в., в частности для могилы 15, содержавшей псалии, нельзя [Эрлик 1994, с. 67, сл.].

Весьма интересным, в том числе и с точки зрения хронологии псалиев рассматриваемого типа, является цитадель Хасанлу IV. Как уже упоминалось, здесь было обнаружено 42 пары бронзовых (или медных, как считают исследователи Хасанлу) удила и 15 псалиев, составлявших, как минимум, семь комплектов [de Schauensee, Dyson 1983, с. 68–69]. Как отмечали авторы, трехдырчатые псалии представляют наиболее распространенный здесь тип, а 13 экземпляров однокольчатых удила имеют витые и скрученные мундштучные части. Именно эти особенности, по их мнению, резко отличают узду Хасанлу и вообще Северо-Западного Ирана от ассирийской и луристанской, хотя в отдельных элементах убранства хасанлуская сбруя имеет много общего с ассирийской. Опираясь на данные С 14, исследователи Хасанлу датируют слой, в котором были найдены уздечные наборы, т.е. IV B, IX в. до н.э. и считают необходимым соответственно датировать все памятники Северо-Западного Ирана, содержавшие подобную узду, и в первую очередь некрополь В Сиалка VI. Как представляется, весомые аргументы против столь ранней даты были приведены И.Н.Медведской, настаивающей на VIII в. как наиболее реальной для Хасанлу IV дате [Medvedskaya 1988]⁵.

Так или иначе, очевидно, что Хасанлу IV B — один из наиболее ранних памятников, содержавших псалии «сиалковского» типа. Несомненно, не позже конца VIII в. до н.э. узда подобного типа появилась и в Восточном Закавказье, о чем свидетельствуют материалы кургана II Мингечаурского могильного поля. При этом приходится признать, что мнения исследователей относительно даты этого памятника расходятся достаточно ощутимо. В свое время авторы раскопок Мингечаура датировали всю курганную группу в целом XI–IX вв. до н.э., но не считали пять раскопанных курганов полностью синхронными. Наиболее ранним, по их мнению, являлся курган V (XI в. до н.э.), затем следовал курган II (конец XI — начало X в. до н.э.), а курганы III и IV замыкали период сооружения всей группы [Асланов и др. 1959, с. 121]. Вскоре, однако, А.А.Иессен, отметив

⁵ Вместе с тем необходимо учитывать, что дата, предложенная И.Н.Медведской, вызвала серьезные возражения западных исследователей, опиравшихся не только на данные С 14, но и на анализ собственно археологического материала. Так, отмечалось и сочетание двух типов шлемов — конического и гребневого, возможное лишь около 800 г. до н.э., и, главное, полное отсутствие в Хасанлу IV урартского влияния, тогда как с конца IX и на протяжении VIII в. до н.э. данный район попал под контроль урартов [Curtis 1995, с. 19, 20].

сходство в инвентаре Мингечаурских курганов, и в первую очередь кургана II, с инвентарем Малого кургана Южного Азербайджана, пришел к выводу о необходимости пересмотра предложенной исследователями Мингечаурских курганов даты в сторону ее сближения с датой Малого кургана, определенной им, как уже было сказано, второй половиной VII в. до н.э. [Иессен 1965, с. 30]. А.И.Тереножкин, опираясь в значительной степени на анализ однокольчатых витых удили и изогнутых трехдырчатых псабиев, твердо датировал курган II второй половиной VII — началом VI в. до н.э. [Тереножкин 1971]⁶. О.А.Даниелян также выделяла курган V как наиболее ранний и датировала его X в. до н.э. Остальные четыре кургана отнесены ею к одной хронологической группе, датируемой широко — IX–VII вв. до н.э. [Даниелян 1973]. Автор данной работы датировал всю группу Мингечаурских курганов IX–VIII вв. до н.э. [Погребова 1977, с. 123]. И.Н.Медведская категорически отвергала возможность отнесения кургана II к VII в. до н.э., опираясь как на инвентарь впускного погребения I, так и на содержащиеся в основном погребении двухчастные удила с напускными псабиями [Медведская 1983, с. 68]. Не вдаваясь в чересчур подробную аргументацию, отметим лишь несколько позиций. Так, несомненно отмеченное И.Н.Медведской значение для датировки кургана II бронзового кинжала талышского типа, содержавшегося в одном из впускных в насыпь кургана погребений⁷. Можно также добавить, что бронзовые наконечники стрел и керамика из этого впускного погребения имеют аналогии как в центральной погребальной камере кургана II, так и в грунтовом могильнике того же могильного поля. Это относится и к инвентарю других впускных могил кургана II. Очевидно, все они, кроме, разумеется, средневековой, были сделаны вскоре после сооружения основной камеры и насыпи кургана. В целом же инвентарь пяти Мингечаурских курганов вряд ли позволяет предполагать существование между ними такой хронологической разницы, которая бы измерялась столетиями. Они достаточно однородны и в основном одновременны грунтовому могильнику того же могильного поля. Относя курган II к VII в. до н.э., А.И.Тереножкин опирался, в частности, на находившиеся в центральном погребении железные вещи — обломок кинжала и серповидный нож. Авторы раскопок считали эти вещи собственностью грабителей центральной погребальной камеры, А.И.Тереножкин — органичной частью ее инвентаря, рисунки их в публикации не приведены. По мнению раскопщиков, эти вещи идентичны тем, которые входили в инвентарь Мингечаурских погребений с вытянутыми костяками VI–V вв. до н.э. [Халилов 1971, с. 185], и в таком случае их дата, безусловно, позднее времени сооружения кургана. Правда, серповидные ножи появились в Закавказье не позже VIII в. до н.э., а поскольку рукоятка кинжала отломана, соотнесение его с определенным типом скифских акинаков достаточно сомнительно. Нужно также учитывать, что немногочисленные железные вещи содержались и в курганах I и V, где они представлены фрагментами копий, а в кургане I еще и фрагментом серповидного ножа. Сами по себе эти вещи не могут рассматриваться как узкие хронологические маркеры, но уже самый факт их малочисленности скорее позволяет отнести содержавшие их комплексы к VIII, а не к VII в. до н.э. На VIII в. до н.э. ука-

⁶ Собственно закавказские аналогии мингечаурскому инвентарю, приводимые А.И.Тереножкиным, не имеют узких хронологических границ и поэтому непоказательны.

⁷ В общей характеристике инвентаря Мингечаурского могильного поля говорится о нескольких кинжалах подобного типа [Асланов и др. 1959, с. 78–79]. Однако в погребальном описании указания на них отсутствуют.

зывают и такие вещи, как глазурованные сосуды из кургана II (о поливной посуде в Закавказье см. [Кушнарева 1959, с. 383–385]). Бронзовые фалары или умбоны от щитов из Мингечаурских курганов I и V А.А.Иессен сравнивал с фаларами Малого кургана, отмечая в то же время различный характер их орнаментации [Иессен 1965, с. 28]. Можно добавить, что умбоны из кургана II несколько другой формы и, возможно, назначения и имеют аналогии в более древних памятниках. Что касается двухчастных бронзовых удил с напускными псалиями, верхняя дата их широкого распространения не выходит за пределы начала I тыс. до н.э., хотя приходится учитывать, что отдельные их экземпляры встречались и в памятниках сравнительно поздних (см., например, [Nagel, Strommenger 1985, t. 3]). В основном не позже VIII в. до н.э. могут быть датированы и бронзовые втки с рельефным орнаментом и многие типы украшений. Однако, учитывая долгое бытование многих из перечисленных вещей, основным аргументом при датировке Мингечаурских курганов должны быть не столько отдельные предметы, входившие в состав их инвентаря, сколько сравнение с близкими по времени памятниками Восточного Закавказья, в первую очередь Кедабекским могильником и могильником Парадизфестунг. Сравнение их проведено в специальной работе, подготовленной мной к печати. Здесь можно лишь подчеркнуть хронологическую близость Мингечаурского и Кедабекского могильников и их несколько более ранний сравнительно с Парадизфестунгом возраст, что позволяет отнести основную часть составивших их погребений ориентировочно к VIII в. до н.э., возможно, ко второй его половине.

Все сказанное позволяет заключить, что в Восточном Закавказье, как и в Западном Иране, псалии «сиалковского» типа появляются не позже того времени, когда в Манне присутствие киммерийцев засвидетельствовано письменными источниками, а в Восточном Закавказье оно представляется вполне вероятным. Однако, как упоминалось, вопрос о месте формирования рассматриваемого варианта трехдырчатых псалиев пока не ясен. Так, если специалисты по переднеазиатской и, в частности, иранской археологии считают их привнесенными в Иран с севера [Moorey 1971, с. 126; Медведская 1983], то исследователь Северного Кавказа предполагает, что они проникли к северу от хребта из юго-восточных районов вместе со стремечковидными удилами [Эрлих 1994, с. 32]. В пользу последнего предположения свидетельствует и то, что, как уже отмечалось, на территории Средней Азии и Казахстана были найдены не только классические псалии «сиалковского» варианта и даже литейная форма для их изготовления, но и несколько их разновидностей (Южный Тагискен, Уйгарак, Биже). Однако же что касается восточнозакавказского и иранского региона, ряд особенностей встреченной здесь инокультурной узды ставит под сомнение возможность ее восточного происхождения. Так, прежде всего обращает на себя внимание полное отсутствие в регионе стремечковидных удил при довольно устойчивом сочетании трехдырчатых псалиев с витыми одноколычатыми удилами. Нельзя также не учитывать и чрезвычайную концентрацию «сиалковских» псалиев в Хасанлу, где есть и упоминавшиеся выше удила, демонстрирующие попытку прикрепить подобный псалий к удилам способом, более обычным для Передней Азии. Наконец, немаловажно и отмеченное выше раннее появление трехдырчатых псалиев в восточнозакавказско-иранском регионе. Отсутствие прямых одновременных аналогий этим ранним экземплярам как на севере, так и на востоке позволяет высказать предположение, что подобный вариант евразийской формы трехдырчатого псалия мог сложиться в пределах упомянутого

региона. Явно отличный от переднеазиатского способ крепления псалиев данного типа наряду с сомнительностью эволюции от переднеазиатской к евразийской системе крепления [Медведская 1983] наводит на мысль, что непосредственными создателями псалиев «сиалковского» варианта должны были быть не аборигены, а носители евразийской традиции или во всяком случае те, кто исполнял их заказ. И.Н.Медведская уже высказывала предположение, что появление подобных псалиев могло быть связано с проникновением с северо-запада киммерийцев [Медведская 1983]. При этом нужно учитывать, что Хасанлу хотя и не входил в пределы Манны, где присутствие киммерийцев засвидетельствовано письменными источниками, но располагался в непосредственной близости к ней. Как уже отмечалось, скорее всего именно псалии «сиалковского» варианта послужили основой для раннескифских, представленных, в частности, среди иранских находок. Подобная эволюция могла бы произойти во времена пребывания скифов примерно в тех же областях, где на какое-то время в конце VIII в. до н.э. обосновались киммерийцы.

Известен еще ряд предметов, свидетельствующих о связях Восточного Закавказья с Северным Кавказом и южнорусскими степями в интересующее нас время. Выше уже упоминались псалии комбинированной формы из западно-азербайджанского могильника Парадизфестунг. В.Р.Эрлих рассматривал их в ряду нескольких широко разбросанных по Закавказью предметов, которые, по его мнению, могли бы свидетельствовать о непосредственном присутствии носителей Новочеркасского комплекса к югу от Кавказского хребта [Эрлих 1994, с. 91].

Несомненный интерес представляют и сделанные из отростков оленьего рога псалии и костяные бляхи от конского убора из могилы 77 уже неоднократно упоминавшегося Мингечаурского грунтового могильника. Слегка изогнутые псалии имеют шляпки на широких концах и три отверстия, расположенные в двух плоскостях. Поверхность псалиев покрыта полосками нарезного орнамента, а бляхи — нарезными кругами и полукругами [Асланов и др. 1959, рис. 41; Мелентьев 1968]. Уже было высказано предположение о связи этого набора с венгерскими и евразийскими рубежа II—I тыс. до н.э., с одной стороны, и с ассирийскими времени Синаххериба и Ашшурбанипала — с другой [Мелентьев 1968; Littauer, Crouwel 1979, с. 22]. Однако, учитывая повышенную по сравнению с первыми публикациями дату Мингечаурского грунтового могильника, нет оснований относить функционирование данного набора в Закавказье ранее чем к VIII в. до н.э. Нужно также отметить, что орнаментация костяных блях весьма близка орнаментации на костяном кольце от сбруи из центрального погребения кургана II того же могильного поля, а также орнаментации на костяной пронизи из кургана Паша-тапа, памятника значительно более раннего (конец II тыс. до н.э.) и расположенного сравнительно недалеко от Мингечаура. Пашатапинская бляха, в свою очередь, сходна с костяными бляхами из Иловатки (Нижнее Поволжье), которые К.Ф.Смирнов считал прообразом скифских блях-обойм [Смирнов 1957; 1961а; 1961б, с. 95] (то же относительно сиалкских обойм отмечает и И.Н.Медведская). Как показал К.Ф.Смирнов, резной бордюр на иловатских бляхах и по технике и по рисунку совпадает с орнаментом на усатовских и комаровских псалиях. Уже была высказана гипотеза о связи группы курганов, в которую входил и курган Паша-тапа, с курганами Поволжья [Погребова 1977]. откуда, очевидно, и была заимствована костяная бляха. Любопытно, что такой орнамент на предметах конской упряжи оказался чрезвычайно устойчивым и на

протяжении последующих веков может быть прослежен как в Восточном Закавказье, так и в Иране (Луристане).

Все перечисленные факты свидетельствуют, что завязавшиеся еще во второй половине II тыс. до н.э. связи Восточного Закавказья с евразийскими степями около второй половины VIII в. до н.э. получили новый дополнительный импульс, причем в Закавказье проникали главным образом предметы, имевшие отношение к конской сбруе. На этом фоне появление в восточнозакавказских степях первых отрядов киммерийских или киммерийско-скифских воинов представляется вероятным. В дальнейшем ситуация изменилась, и скифы или во всяком случае носители скифского культурного комплекса стали оседать в районах, непосредственно примыкавших к проходам через центральную и западную части Большого Кавказа, но это была уже другая, отличная от первоначальной модель, вызванная к жизни другими условиями [Погребова 1981; 1984; Есаян, Погребова 1985; Погребова, Раевский 1992].

В связи с вероятностью локализации района действий киммерийцев, т.е. «страны» Гамир, в Восточном Закавказье можно привести еще одно наблюдение. Как следует из ассирийских текстов, где-то между Урарту и Гамир лежала уже упоминавшаяся выше «страна» Гурианиа, платившая урартам дань и принявшая их на свою территорию после понесенного от киммерийцев поражения [Иванчик 1996, с. 30–31, свод № 4]. Если приведенные выше соображения верны, область эта должна была бы находиться где-то к востоку от южной оконечности озера Севан. Любопытно, что именно на этой территории зафиксированы памятники, относящиеся к VIII в. до н.э. и совершенно идентичные тем, которые располагались в восточной части южного побережья Севана, очевидно, захваченного урартами [Ивановский 1911]. Подобная близость свидетельствует о существовании тесных связей между населением этих районов, независимо от их политического подчинения. Именно в ареале этих памятников в VIII в. до н.э. распространились железные вещи урартских типов. Локализация Гуриани в восточной части очерченного ареала, конечно, не обязательна, но возможна. К этому можно добавить, что исследователи неоднократно обращали внимание на находки переднеазиатских вещей в памятниках Нагорного Карабаха. Так, К.Х.Кушнарева замечала, что вопрос о причинах концентрации переднеазиатских вещей именно в Карабахе, который никогда не был завоеван урартами, требует специального исследования. По ее мнению, в VIII–VI вв. до н.э. замкнутая ранее область Нагорного Карабаха устанавливает связи с пришедшими в Закавказье урартами и с более южными странами Передней Азии [Кушнарева 1959, с. 385].

Конечно, все приведенные археологические данные не являются прямым подтверждением гипотезы, основанной на анализе политики урартов в Закавказье, но они ей во всяком случае не противоречат, что уже немаловажно.

Остается добавить, что, принимая гипотезу о восточнозакавказской локализации Гамир, придется отвергнуть версию Геродота о пути киммерийцев по восточному побережью Черного моря, возможно, порожденную последующей широко известной грекам их активностью в западных районах Передней Азии.

- АВИИУ — *Дьяконов И.М.* Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. — ВДИ. № 2-4, 1951.
- К.Акишев, А.Акишев 1978 — *Акишев К.А., Акишев А.К.* Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры. — Археологические памятники Казахстана. А.-А.
- Алексеев, Качалова, Тохтасьев 1993 — *Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р.* Киммерийцы: Этнокультурная принадлежность. СПб.
- Асланов и др. 1959 — *Асланов Г.М., Вайдов Р.М., Ионе Г.И.* Древний Мингечаур. Баку.
- Асланов 1986 — *Асланов Г.Г.* Шамхорский могильник (сер. «Памятники материальной культуры Азербайджана»). Баку.
- Арутюнян 1970 — *Арутюнян Н.В.* Биайнили (Урарту). Военно-политическая история и вопросы топонимики. Ер.
- Вишневская 1973 — *Вишневская О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. по материалам Уйгарака. — ТХАЭЭ. Вып. VIII. М.
- Галанина 1983 — *Галанина Л.К.* Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов). — АСГЭ. № 24. Л.
- Галанина 1997 — *Галанина Л.К.* Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М. (на рус. и нем. яз.).
- Грантовский 1970 — *Грантовский Э.А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.
- Грантовский, Погребова, Раевский 1996 — *Грантовский Э.А., Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Киммерийцы в Передней Азии (по поводу монографии: *Ivantchik A.I. Les Cimmériens au Proche Orient. Editions Universitaires, Fribourg Suisse, Göttingen, 1993*).
- Даниелян 1973 — *Даниелян О.А.* К хронологии некоторых курганов Азербайджана. — Материальная культура Азербайджана. Т. VII. Баку.
- Джафаров 1986 — *Джафаров Г.Ф.* Борсунлу — погребение племенного вождя (сер. «Памятники материальной культуры Азербайджана»). Баку.
- Джафаров 1993 — *Джафаров Г.Ф.* Курганы эпохи бронзы вблизи Сарычобана. — РА. № 4.
- Джафарзаде 1946 — *Джафарзаде И.М.* Элементы археологической культуры древней Муганы. — Известия АН Азербайджанской ССР. № 9. Баку.
- Дударев 1998 — *Дударев С.Л.* К вопросу о месте «киммерийских» комплексов из Западной Азии в системе хронологических и культурных связей Причерноморья, Кавказа и восточных районов Евразии. — ВДИ, № 4.
- Есаян, Погребова 1985 — *Есаян С.А., Погребова М.Н.* Скифские памятники Закавказья. М.
- Заднепровский 1962 — *Заднепровский Ю.А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА, № 118.
- Ивановский 1911 — *Ивановский А.А.* По Закавказью. — Материалы по археологии Кавказа. Т. VI. М.
- Иванчик 1990 — *Иванчик А.И.* Киммерийцы и Урарту накануне восьмого похода Саргона II. — ВДИ, № 3.
- Иванчик 1996 — *Иванчик А.И.* Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII-VI вв. до н.э. М.
- Иессен 1953 — *Иессен А.А.* К вопросу о памятниках VIII-VII вв. до н.э. на юге европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.). — СА. Вып. XVIII. М.
- Иессен 1965 — *Иессен А.А.* Из истории прошлого Мильско-Карабахской степи. — Тр. Азербайджанской археологической экспедиции. МИА, № 25. Т. 2. М.
- Итина, Яблонский 1997 — *Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Саки нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.

- Кузьмина 1966 — *Кузьмина Е.Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. — САИ. Вып. № 4–9. М.
- Куфтин 1941 — *Куфтин Б.А.* Археологические раскопки в Триалети. Тб.
- Кушнарева 1959 — *Кушнарева К.Х.* Археологические работы 1954 г. в окрестностях села Ходжалы. — Тр. Азербайджанской археологической экспедиции. МИА, № 67. Т. 1. М.
- Луконин 1987 — *Луконин В.Г.* Древний и раннесредневековый Иран. Очерки истории и культуры. М.
- Мартirosян 1961 — *Мартirosян А.А.* Город Тейшебаини. Ер.
- Мартirosян 1964 — *Мартirosян А.А.* Армения в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Ер.
- Мелведская 1983 — *Мелведская И.Н.* Конский убор из могильника Сялк В. — *Iranica Antiqua*, т. XVIII.
- Мелентьев 1968 — *Мелентьев А.Н.* Две узлы из Мингечаура. — СА, № 1.
- Меликишвили 1954 — *Меликишвили Г.А.* Нагри-Урарту. Тб.
- Меликишвили 1968 — *Меликишвили Г.А.* О некоторых наименованиях металлов в древневосточных и кавказских языках. — ВДИ, № 4.
- Мешанинов 1937 — *Мешанинов А.А.* Восточное Закавказье времен халдских завоеваний. — ВДИ, № 1.
- Пиотровский 1959 — *Пиотровский Б.Б.* Ванское царство. М.
- Погребова 1977 — *Погребова М.Н.* К вопросу о миграциях ираноязычных племен в Закавказье в доскифскую эпоху. — СА, № 2.
- Погребова 1981 — *Погребова М.Н.* Памятники скифской культуры в Закавказье. — Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.
- Погребова 1984 — *Погребова М.Н.* Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М.
- Погребова, Раевский 1992 — *Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Ранние скифы и древний Восток. М.
- Погребова, Раевский, Яценко 1998 — *Погребова М.Н., Раевский Д.С., Яценко И.В.* Киммерийская проблема (по поводу книги: *Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р.* Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993). — ВДИ, № 3.
- Смирнов 1957 — *Смирнов К.Ф.* Погребения эпохи бронзы в Нижнем Поволжье. — СА, № XXVII.
- Смирнов 1961a — *Смирнов К.Ф.* Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. — СА, № 1.
- Смирнов 1961b — *Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов. — МИА, № 101. М.
- Тереножкин 1971 — *Тереножкин А.И.* Дата мингечаурских удил. — СА, № 4.
- УКН — *Меликишвили Г.А.* Урартские клинообразные надписи. М., 1960.
- Халилов 1971 — *Халилов Дж.Х.* Археологические находки «скифского» облика и вопрос о «скифском царстве» на территории Азербайджана. — Проблемы скифской археологии. М.
- Эребуни 1979 — *Ходжаш С.И., Трухтанова Н.С., Оганесян К.Л.* Эребуни. М.
- Эрлих 1994 — *Эрлих В.Р.* У истоков раннескифского комплекса. М.
- Contenau, Ghirshman 1935 — *Contenau G., Ghirshman R.* Fouilles de Tépé Giyan, près de Nehavend, 1931 et 1932 etc. P.
- Curtis 1995 — *Curtis Jh.* Introduction to Later Mesopotamia and Iran. Tribes and Empires 1600–539 B.C. — *Proceedings of a Memory of Vladimir Lukonin*. Ed. by Jh. Curtis. L.
- Diakonoff, Kashkai 1981 — *Diakonoff I.M., Kashkai S.M.* Geographical Names according to Urartian Texts. — *Répertoire Géographique des Textes Cuneiformes*. Bd. 9, Wiesbaden.
- Ghirshman 1939 — *Ghirshman R.* Fouilles de Sialk, près de Kashan, 1933, 34, 37. Vol. II. P.

- Ghirshman 1964 — *Ghirshman R.* Persia from the Origin to Alexander the Great. L.
- Goff 1969 — *Goff C.M.* Excavations at Bābā Jān 1967. Second preliminary Report. — Iran. Vol. VII. L.
- Hauptman 1985 — *Hauptman H.* Neue Funde eurasischer Steppennomaden in Kleinasien. — Beiträge zur Altertumskunde Kleinasien. Mainz.
- Ivantchik 1993 — *Ivantchik A.I.* Les Cimmériens au Proche-Orient. Editions Universitaires. Fribourg Suisse, Göttingen.
- Littauer, Crouwel 1979 — *Littauer M.A.* and *Crouwel J.H.* Wheeled vehicles and ridden animals in the Ancient Near East. Leiden.
- Medvedskaya 1988 — *Medvedskaya I.N.* Who destroyed Hasanlu IV? — Iran. T. XXVI.
- Moorey 1971 — *Moorey P.R.S.* Catalogue of the Ancient Persian Bronzes in the Ashmolean Museum. Oxf.
- Moorey 1974 — *Moorey P.R.S.* Ancient Persian Bronzes in the Adam Collection. L.
- Muscarella 1988 — *Muscarella O.W.* Bronze and Iron Ancient Near Eastern Artefacts in the Metropolitan Museum of Art. N. Y.
- Nagel, Strommenger 1985 — *Nagel W., Strommenger E.* Kalakent. Früheisenzeitliche Grabunge aus dem transkaukasischen Gebiet von Kirovabad. — Elisavetpol. B.
- Potratz 1941 — *Potratz H.A.* Die Pferdegebisse des zwischenstromländischen Raumes. — Archiv für Orientforschung. Bd. 14, H. 1-2. B.
- de Schauensee, Dyson 1983 — *de Schauensee M., Dyson R.H.* Hasanlu Horse Trapping and Assyrian Reliefs. — Near Eastern Art and Archaeology. In Honor of Ch. K. Wilkinson. N. Y.
- Yablonsky 1990 — *Yablonsky L.T.* Burial Place of Massagetian Warrior. — Antiquity. Vol. 64, № 243. L.

И.В.Пьянков

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

(Опыт исторической реконструкции)

Проблема древнейших (доахеменидских) государственных образований Средней Азии давно уже занимает ученых. Не обойдена она вниманием и в известной книге академика Б.Г.Гафурова [Гафуров 1972, с. 58–60], изданной под редакцией и при активном участии академика АН Таджикистана Б.А.Литвинского.

Обычно, когда идет речь о древнейших государствах Средней Азии, исследователи опираются лишь на скудные и легендарные сведения античных источников о Бактрийском царстве или даже на намеки (толкуемые не всегда однозначно), указывающие будто бы на существование Хорезмийского объединения. В зависимости от того, каким сведениям отдавали предпочтение, говорили о Бактрийском или Хорезмийском государственном (или предгосударственном) образовании, часто допуская, впрочем, одновременное существование того и другого¹. В последнее время как будто с большей уверенностью говорят о Бактрийском царстве, нежели о Хорезмийском [Gnoli 1980, с. 92, 93; Вайнберг, Ставиский 1994, с. 30, 31; Frye 1996, с. 79, 85], что кажется нам вполне оправданным.

Однако, как ни странно, пытаясь реконструировать древнейшее прошлое Средней Азии, обычно совсем или почти не принимают во внимание местную, древнеиранскую историческую традицию — предания о древних кави. Впервые использовал эту традицию для воссоздания доахеменидской истории Средней Азии в сочетании с античными данными и при учете последних достижений археологии и других наук крупнейший востоковед И.М.Дьяконов [Дьяконов 1971, с. 122–154; История древнего мира 1989, с. 396–398; СНИ 1985, с. 131]. В настоящей работе предпринята попытка пойти в реконструкции прошлого именно таким путем. Но в ряде существенных моментов мы предлагаем иную трактовку событий. Рамки работы заставляют нас ограничиться внешней, событийной стороной истории, хотя мы и понимаем, что объяснена она может быть лишь при анализе внутренней жизни общества «авестийских арьев», «народа Авесты», в среде которого и возникали царства древних кави. В частности, мно-

¹ Обзор истории вопроса о древнейших государствах Средней Азии (который тесно связан с вопросом о родине зороастризма) дан мной в работах [Пьянков 1972, с. 16–18; 1996, с. 3–6].

го дал бы анализ самого института «кави» (например, намечается такая его эволюция: правитель < сакральный поэт, мудрый провидец и наставник < кузнец-колдун).

Если попытаться выделить в исторической традиции о царствах древних кави рациональное ядро, то история этих царств предстанет примерно в следующем виде². Вся она делится на два периода: ранний и поздний, к которым и относятся соответственно первая (ранняя) и вторая (поздняя) династии древних кави.

Основателем ранней династии был кави Кавата, ему наследовал кави Апи-воху, все четыре сына которого носили титул «кави» — возможно, царство было разделено на четыре удела, — но главным среди них был кави Усан, или Усалан, при котором царство достигло большого могущества. После какого-то периода смут и вторжений на престол вступает внук Усана кави Хаусрава, держава которого вновь достигает расцвета. Базовой областью первых кави была Дрангиана — область озера Хамун.

Держава Хаусравы, видимо, распалась на множество мелких царств, во главе которых стояли правители, продолжавшие носить титул «кави». Именно такова была обстановка ко времени странствий пророка Заратуштры. Одним из этих правителей являлся кави Виштаспа, сидевший в Бактрии, при дворе которого и обосновался Заратуштра. Этого кави можно считать представителем второй, поздней династии великих кави. При нем начались «религиозные» войны, которые велись под лозунгом утверждения учения Заратуштры. Так была создана держава кави Виштаспы, и с тех пор Бактрия играла ведущую роль на востоке иранского мира вплоть до завоеваний Ахеменидов.

Если исходить из датировки Заратуштры, а вместе с ним и царства кави Виштаспы второй половиной VII в. до н.э. как наиболее вероятной, то царство ранних кави можно датировать, как это делает А.Кристенсен, примерно 900–775 гг. до н.э. [Christensen 1931, с. 34].

Почти единственным источником для истории древних кави являются эпические сказания³, где, как всегда в такого рода известиях, воспоминания о подлинных событиях обильно сдобрены народной фантазией. Вполне вероятно, что сказания о ранних кави первоначально сохранялись в виде устной традиции дома кави Виштаспы. Позднее они вошли в свод исторических преданий, составивший один из насков Большой Авесты (видимо, Чихрдал-наск). Судя по дошедшим до нас ссылкам на эти предания в сохранившемся тексте Авесты, они явились основой для цикла сказаний о Кеянидах (кави) в позднем эпосе «Книги царей», одна из позднейших переработок которой ныне известна нам как Шахнаме великого Фирдоуси. Освященная авторитетом зороастрийской религии, эта традиция еще в глубокой древности распространилась среди многих иранских народов, принявших зороастризм, вытеснив местные эпические традиции. Цикл о Кеянидах делится на три части: от Кей-Кобада до Кей-Хосрова (ранние кави); Лухрасп и Гуштасп (поздние кави); от Бахмана до Дары II [Yarshater 1983, с. 436–438]. Если первые две части повествуют в основном об исторических кави, то в третью часть включены также остатки преданий об Ахеменидах, дошедшие до позднего эпоса.

² Свою трактовку истории царств древних кави я уже излагал вкратце в работах [Пьянков 1995а, с. 51–53; 1995б, с. 30]. Общий очерк истории царей-кави см. [Christensen 1931, с. 31–34].

³ Концепция истории каянидского цикла (преданий о древних кави), из которой я исхожу в данной статье, изложена мною в работе [Пьянков 1994а, с. 8–22 (там же ссылки на литературу)].

В том, что в основе сказаний о кави лежат подлинные исторические факты, теперь почти никто не сомневается⁴. Но, разумеется, нельзя и полностью принять цикл о Каянидах, изложенный в Шахнаме, как подлинную историю. Во всяком случае, теперь у нас есть возможность установить степень реальности преданий о кави на археологическом материале.

Кроме иранского эпоса кое-какие глухие известия об интересующих нас событиях сохранили индийские источники. Вообще «народ Авесты» — та этническая среда, где возникли и существовали царства древних кави, — был известен индийцам, видимо, под именем «камбоджей». Но до индийцев доходили слухи и об отдельных кави — может быть, не случайно именно о тех двух кави, которые наиболее активно вели завоевательную политику: Усане (инд. Ушанас) и Хаусраве (инд. Сушравас)⁵.

Относительно происхождения ранних кави прямое свидетельство содержится в Авесте: эти кави возвысились, явившись из мест, «где лежит озеро Кансавья, образуемое рекой Хайтумант, где стоит гора Ушидау, окруженная водами, текущими с гор...» (Яшт XIX, 66). Указание на Дрангиану (совр. Систан) здесь совершенно бесспорное: оз. Кансавья и р. Хайтумант ныне практически единодушно идентифицируются с оз. Хамун и р. Хильменд, а гора Ушидау является, очевидно, скалой Кухи-Хвалджа, поднимающейся из оз. Хамун [Gnoli 1980, с. 131–134]. Связь древних кави с Систаном еще долго хранилась в памяти местного населения⁶. Здесь же, близ селения Нади-Али, под холмом Сурх-даг, археологи обнаружили развалины древнего города столичного облика, с высокой платформой, где некогда возносились над окружающей равниной дворцы правителей; Р.Гиршман датирует этот город VIII в. до н.э. [Ghirshman 1939, с. 20]. Вполне возможно, что здесь и находилась столица ранних кави [Дьяконов 1971, с. 138].

И появление этих кави на исторической арене, и их уход сопровождаются чудесными легендами. Но они ни в коей мере не заставляют усомниться в историчности самих кави. Легенда о первом кави, Кавате, согласно которой он младенцем был брошен в корзине (Бундахишн, XXXV, 28)⁷, — лишь одна из подобных легенд, которые рассказывали о многих прародителях и основателях империй, в том числе и о вполне исторических⁸, как, например, о Саргоне Древнем [Флиттнер 1958, с. 133]. Легенда о последнем из ранних кави, Хаусраве, чудесным образом исчезнувшем в снежной пустыне [Шахнаме III, 1965, с. 499–539], — тоже распространенный сюжет о герое, живым взятом в страну предков [Бонгард-Левин, Грантовский 1983, с. 56–61].

⁴ Об историчности этой традиции см. [Christensen 1931, с. 27 и сл.; Yarshater 1983, с. 461]. К области индоиранской мифологии целиком относит ранних кави И.Келленс [Kellens 1979, с. 51]; по этому поводу см. [Gnoli 1980, с. 233, 234].

⁵ Об этих персонажах индийской традиции см. [Yarshater 1983, с. 443–445, 451, 452]. Конечно, образы Усана и Ушанаса явно взаимосвязаны [Kellens 1979, с. 42–44; Mayrhofer 1977, с. 85], но связь эта обусловлена именно контактами «авестийцев» с индийцами [Christensen 1931, с. 28, примеч. 2]. На формирование образов индийских двойников иранских кави повлияли, видимо, некоторые циклы мифов, сохранившие в индийской традиции такие архаические представления об институте кави, которые были уже забыты в иранской традиции.

⁶ О Каянидах, правивших в Систане вплоть до прошлого века и считавшихся прямыми потомками древних кави, см. [Ханыков 1973, с. 143]. О селении в Систане, считавшемся, по преданию, столицей древних кави, см. [Бартольд 1971, с. 90; Altheim, Stiehl 1970, с. 611].

⁷ У Фирдоуси появление Кей-Кобада (кави Каваты) описано несколько иначе [Шахнаме I, 1957, с. 327–334].

⁸ По поводу этого сюжета с учетом иранского материала см. [Schubert 1890, с. 38, 44].

Наиболее могущественные кави, Усан и Хаусрава, претендовали и на «власть над всеми странами» (Яшт V, 45, 46, 49, 50); а кави Хаусрава носит постоянное прозвище «Герой, объединивший арийские страны в одно царство»⁹. Конечно, под «арийскими странами» здесь имеются в виду лишь страны «авестийских» арьев. Это подтверждает и перечень владений кави Усана (Кей-Кавуса), сохранившийся в Шахнаме и, по-видимому, очень древний по происхождению: «Мерв дальний и Балх, Нишапур и Герат — повсюду Кавуса дружины стоят» [Шахнаме I, 1957, с. 434]¹⁰. Для Каянидов, как они представлены в Шахнаме, такой перечень выглядит странным, но для исторических кави, центр которых находился в Систане, он понятен: это и есть основные «авестийские» земли, за вычетом Систана.

Самыми упорными и опасными врагами древних кави были кочевники северных степей, именовавшиеся тогда «турами»; позднее, видимо, те же кочевники стали известны античным авторам под именем массагетов¹¹. Предводителем их был Франграсьян (Афрасиаб). Центром туров, где находилась и столица Франграсьяна, служила область Кангха (Канг), лежавшая, скорее всего, в районе низовьев Сырдарьи¹², которыми являлись в те времена сухие ныне русла Инкардарьи и Жаныдарьи [Толстов 1962, с. 78, 79]. Если верить древним преданиям, то Франграсьян являлся современником всех ранних кави и даже их предшественников. В действительности, видимо, наиболее выдающийся вождь туров, носивший это имя, в поздних преданиях вообрал в себя образы всех остальных верховных владык туров той эпохи. В поздних преданиях Афрасиаб стал приобретать и некоторые мифологические черты демона засухи [Yarshater 1983, с. 442; 1984, с. 571, 572] или, наоборот, гения разных водных катаклизмов [Markwart 1938, с. 16, 17].

Франграсьяну удалось даже на какое-то время овладеть всеми землями арьев и носить царский фарн арийских кави (Яшт XIX, 93)¹³, т. е. быть признанным властителем арьев. И действительно, пехлевийская традиция сохранила воспоминания о строительной деятельности Афрасиаба на территории Систана: об основании им города Зранг (Шахрастанихайи-Эраншахр, 35–37), о каких-то грандиозных гидросооружениях в районе оз. Хамун (Бундахишн, XX, 34; Дадастани-дениг, LXX, 3) и т. д.

Однако в целом, если верить эпической традиции, соотношение сил складывалось не в пользу Франграсьяна. Трагический исход его борьбы с арьями связан с Сьяваршаном (Сиавушем). Царевич Сьяваршан, сын кави Усана, бежал к Франграсьяну, в страну туров, и здесь на «высокой священной Кангхе» основал замок¹⁴ Хшатросаука (Яшт V 54, 57), который в позднем эпосе именуется

⁹ Относительно перевода этой формулы см. [Zend-Avesta, II, 1960, с. 379, примеч. 58; Herzfeld 1947, с. 445].

¹⁰ Названия стран здесь приведены, конечно, в поздней форме.

¹¹ Таково, в общем, мнение большинства современных ученых. Точка зрения Г.Ньоли на этот вопрос [Gnoli 1980, с. 110, 111, 117–120] мне кажется неприемлемой.

¹² Историю вопроса см. [Кляшторный 1964, с. 165–179; Андрианов 1969, с. 185–187; Буряков 1982, с. 107, 108]. Преобладающее в последнее время мнение относительно местонахождения Кангха — низовья Сырдарьи.

¹³ Но имелось сказание и о тщетных попытках Франграсьяна овладеть фарном (Яшты V, 41–43 и XIX, 56–64).

¹⁴ Слово *dvar* не всегда переводится как «замок, дворец», но иногда и как «проход, теснины». На возвышенности Тагискен, круто поднимающейся над руслом Инкардарьи, где, как уже говорилось, можно локализовать область Кангху и, возможно, находилась столица Франграсьяна, обнаружены современные этому легендарному туранскому владыке строения из сырцового кирпича.

и Кангдизом, и Сиавушгердом¹⁵. Но Сяваршан впал в немилость у владыки туров и был убит, а его сын Хаусрава тайно возвратился к арьям¹⁶. Образ Сиавуша стал очень популярен в поздней традиции, вокруг него сплелось множество мифологических сюжетов. Поэтому теперь нередко принимают Сиавуша вообще за мифическую фигуру. Но для этого нет оснований. Дело в том, что Сиавуш, как и многие вполне реальные личности после него, стал объектом «траурного» культа, с которым к тому же слились некоторые элементы культа божества умирающей и воскресающей природы [Yarshater 1983, с. 449–451 (см. там же историю вопроса)]¹⁷.

Кави Хаусрава, признанный арьями, решил мстить Франграсьяну. Сначала он послал своего «храброго колесничего» Тусу, который победил «сыновей Вайсаки», турских витязей, засевших в замке Хшатросаука (Яшт V, 52–59; ср. [Шахнаме II, 1960, с. 381–558]), а затем двинулся сам со всеми силами, разграбил и сжег столицу Франграсьяна в Канге [Шахнаме III, 1965, с. 402, 425, 426]; ср. [Шахнаме II, 1960, с. 296 — дублирующий вариант], а Франграсьяна — закованного в цепи, согласно преданию, с помощью божества опьяняющего напитка Хаумы (Яшты IX, 17–19 и XVII, 37–39; Ясна XI, 7; ср. [Шахнаме III, 1965, с. 479–489])¹⁸, — убил у озера Чайчаста (Яшты IX, 21–23, XVII, 41–43 и XIX, 77; ср. [Шахнаме III, 1965, с. 487–489]), «глубокого озера с солеными водами» (Аральское море [Дьяконов 1971, с. 144; Gershevitch 1974, с. 55, 72]). Возможно, что следы этого разгрома донесли до наших дней развалины мавзолеев в местности Тагискен у Аральского моря (IX–VIII вв. до н.э.), подвергшихся когда-то, как установили археологи, грабежу и страшному пожару¹⁹.

ча, характерного для южных земледельческих областей [Голстов 1962, с. 81, 86], что само по себе «для северных регионов Средней Азии того времени беспрецедентно» [Степная полоса... 1992, с. 36].

¹⁵ В Шахнаме это разные пункты; о соотношении их между собой и с Кангом по данным эпоса см. [Шахнаме III, 1965, с. 571]. В основе этих данных лежат вполне реальные указания: город находился на горе, за рекой, среди пустыни и недалеко от моря [Шахнаме II, 1960, с. 199, 201, 202, 588]; но истолкованы они в эпосе произвольно, и в результате получена совершенно сказочная локализация. Интересно проследить, как была получена локализация, например, Сиавушгерда; в Шахнаме имеются точные указания на его местонахождение: Сиавушгерд расположен недалеко от Хотана, к востоку от него [Шахнаме II, 1960, с. 211, 288–290; III, 1965, с. 471–473]. Откуда эти данные? А дело в том, что, судя по ряду моментов, родовые предания владетельных домов Средней Азии и, в частности, Согда, ведших свое происхождение от владетелей Канга, к исходу древности совместились с родословиями народа юечжи (тохаров), пришедшего из Центральной Азии, откуда-то из мест близ Хотана [Пьянков 1987, с. 267]. Это совмещение засвидетельствовали уже китайские хроники Суй-шу и Тан-шу: они говорят о городе Шао-ву (Сиавуша), находящемся там, откуда пришли юечжи [Tomaschek 1877, с. 72, 73; Смирнова 1970, с. 24–38; Вайнберг 1977, с. 73–77, 95]; ср. сообщение Сюань-Цзана о прародине народа тухоло (тохаров) к востоку от Хотана [Marquart 1901, с. 207].

¹⁶ История Сяваршана не изложена в Авесте полностью, но, судя по намекам на нее, разбросанным в тексте Авесты, составители последней знали о ней [Boysse 1975, с. 106]; ср. [Шахнаме II, 1960, с. 97–340].

¹⁷ О траурных культах в Средней Азии помимо культа Сиавуша см. также [Снесарев 1969, с. 206, 207, 258, 287–289].

¹⁸ В Шахнаме бог Хаума превращен в святого отшельника Хума. Не является ли весь этот пассаж жреческой обработкой сюжета, очень распространенного применительно к кочевникам Средней Азии и в древности, и в средние века: воины-кочевники, обманутым образом одурманенные опьяняющими напитками, попадают в плен к врагу? Ближайшая параллель: пленение массагетского царевича Спаргаписа персидским царем Киросом [Геродот, I, 211–213]; характерное совпадение в деталях — и Спаргапис был закован в цепи.

¹⁹ Археологические следы пожара в Тагискене толкуются по-разному: или как следы ритуального сожжения, или как свидетельство пожара, последовавшего за разграблением; см. соображения в пользу последнего толкования [Грязнов 1966, с. 234–236].

Ранние кави направляли свои походы и на запад. В Авесте сохранились намеки на сказание о борьбе кави Хаусравы «у входа в Белую пустыню»²⁰, в самой пустыне и у конца пустыни» с неким «владыкой страны» Арвасарой (Яшт XV, 31–33)²¹. Как самая большая из пустынь, Белая пустыня именуется также Всеарийской. Речь, очевидно, идет о Большой Соляной пустыне в Центральном Иране (ср. [Geiger 1882, с. 135, 136])²². Арвасара, который вроде бы не имеет соответствия в позднем эпосе, — фигура неясная²³, но возможно, что он является представителем уже западноиранского мира, который и был отделен от стран «авестийских» иранцев Большой Соляной пустыней.

Но особенно интересно то, что в эпоху ранних кави имели место контакты «авестийских» иранцев и с индийцами, причем контакты эти засвидетельствованы в эпической традиции как тех, так и других. В авестийской эпической традиции фигурируют «мазанские дайвы», которые в поздней иранской традиции именуются мазандаранцами, дивами Мазандарана. Теперь установлено, что значение этих племенных названий в глубокой древности было очень широким, отнюдь не ограниченным рамками современного Мазандарана²⁴: так «авестийские» иранцы называли древнейшие индоиранские племена Иранского нагорья [Burrow 1973, с. 134–136], распространяя эти названия и на индоарьев Индии [Monchi-zadeh 1975, с. 48–79].

Поэтому предания о походе Кей-Кавуса (кави Усана) на мазандаранских дивов и о борьбе иранцев с Арженгом, Белым дивом и самим царем Мазандарана [Шахнаме I, 1957, с. 351–407] можно истолковать и как поход в Индию, тем более что даже поздний эпос сохранил в описании Мазандарана некоторые детали, характерные для Индии, — например, обилие слонов [Шахнаме I, 1957, с. 382]. И действительно, в известной индийской поэме Махабхарата, посвященной описанию внутренних распрей в крупном племенном объединении куру-панчала, которое занимало земли Центральной Индии, в области Дели, упоминается о победоносном походе Арджуны, одного из членов рода Пандавов, брата царя всего объединения, на далекий запад. Поход был направлен из Индрапрастхи (Дели) и привел к покорению камбоджей, а вместе с ними и дарадов (горные племена Гиндукуша), бахликов (бактрийцев) и других народов [Махабхарата 1962, с. 54–59]. Упоминается и о царях камбоджей и их взаимоотношениях с правителями объединения куру-панчала, равно как и о царе соседних с камбоджами гандхаров. Упомянут в этой связи и сам кавья Ушанас, наставник

²⁰ Слово *gazuga* обычно переводится как «лес». Но еще В.Гейгер указывал на другое значение этого слова: «пустыня, глушь, безлюдные места» [Geiger 1882, с. 134, примеч. 7].

²¹ Пространное толкование этого эпизода см. [Gershevitch 1974, с. 60–66]; ср. [Zend-Avesta II, 1960, с. 586, 587]. Толкование это довольно гипотетично.

²² Ф.Юсти локализует «Белый лес» в Хухистане к востоку от Большой Соляной пустыни [Justi 1895, с. 42]. И.Гершевич считает, что здесь имеются в виду березовые леса(!) [Gershevitch 1974, с. 52, 61, 73]. Но есть ли где-нибудь на территории Средней Азии или Ирана большие массивы березовых лесов? В незначительных количествах береза в Средней Азии произрастает лишь в горах. И почему колесничные ристалища устраивались именно в лесах (да еще березовых)?

²³ Э.Херцфельд, исходя из своей общей концепции, считает Арвасару одним из индийских великих царей [Herzfeld 1968, с. 17]. А.Кристенсен отождествляет его с Франграссьяном [Christensen 1931, с. 21]. И.Гершевич видит в нем Агрерату, одного из братьев Франграссьяна [Gershevitch 1974, с. 61, 65]. Мне кажется перспективным рассматривать это имя как сложное слово «глава Арвы», где Арва может означать народ [Gershevitch 1974, с. 61], а еще вернее, ту «страну», «владыкой» которой и был Арвасара: ср. горную страну Руа на краю Соляной пустыни, до которой доходили ассирийцы в VIII в. до н.э. [Дьяконов 1956, с. 201, 202].

²⁴ Историю вопроса см. [Gnoli 1980, с. 45–47].

и вождь асуров (т.е. в данном случае иранцев) (см., например, [Махабхарата 1962, с. 111, 112]). Датируются все эти события X–IX вв. до н.э., если исходить из датировки знаменитой битвы на Курукшетре X в. до н.э. [Бонгард-Левин, Ильин 1985, с. 159; Гринцер 1974, с. 161] или, по Б.Б.Лалу, IX в. до н.э. (приблизительно 836 г. до н.э.) [Лал 1984, с. 124].

Несомненно, что иранский и индийский эпосы описывают одни и те же события [Monchi-zadeh 1975, с. 62 и сл., 142 и сл.], хотя, разумеется, полного совпадения в описании ждать и не приходится; так, например, ясно, что каждая из сторон стремится приписать успех себе, впрочем, и в Шахнаме говорится о пленении Кей-Кавуса (кави Усана) Белым дивом и Арженгом [Шахнаме I, 1957, с. 362–364].

Второй период в истории царств древних кави освещен, в общем, теми же источниками. Сказания о деяниях Виштаспы и близких к нему и Заратуштре людей также составили отдельный наск Большой Авесты (Виштасп-саст-наск) и затем вошли в поздний эпос. Ссылки на Виштаспу содержатся и в Гатах — изречениях самого Заратуштры. Кроме того, поскольку Виштаспа был связан с Заратуштрой, события его царствования нашли отражение во многих пехлевийских и еще более поздних зороастрийских сочинениях (например, в Денкарде, Ядгари-Зареран, Зардуштнаме). Совокупность всех данных не позволяет сомневаться в реальности кави Виштаспы, так же как и в реальности предшествовавших ему кави [Yarshater 1983, с. 438]²⁵. Особый вопрос — это вопрос о соотношении кави Виштаспы и Ахеменида Виштаспы, отца Дария I. Мнение о тождестве их, неоднократно выдвигавшееся (например, см. [Струве 1968, с. 33 и сл., 135; ср.: Дьяконов 1956, с. 48, примеч. 4, с. 431, примеч. 4]), теперь уже никто всерьез обосновывать не берется.

Кое-что можно извлечь и из индийских источников. В одном из буддийских сочинений дан перечень 16 махаджанапад — крупнейших государственных образований, известных индийцам, относящийся к первой половине VI в. до н.э., и среди них наряду с Куру, Панчалой и после Гандхары названа Камбоджа [Бонгард-Левин, Ильин 1985, с. 194]. Не исключено, что под махаджанападой Камбоджа имеется в виду держава, созданная кави Виштаспой.

Кроме иранского эпоса и индийских источников некоторые данные для этого, более позднего, времени теперь уже предоставляют и античные источники²⁶. Большое значение имеют сведения Ктесия [Пьянков 1975, с. 42–81, 116–122, 142–185]. Не пускаясь здесь в подробный разбор их²⁷, отметим главное: сказочный характер деталей и самого известия о походе ассирийцев в Бактрию не умаляет значения того, что в основе рассказа Ктесия лежит представление о могущественном Бактрийском царстве, существовавшем в доахеменидские времена, и о связи с ним Зороастра. Не менее важно и независимое известие Геродота [I, 153].

Поздних кави отделяет от ранних заметный пробел — с этим согласны все исследователи. Но отношение династии кави Виштаспы к династии ранних кави

²⁵ В прошлом обосновывались и такие теории, согласно которым образ кави Виштаспы — создание поздних легенд [Бартольд 1971, с. 385–391]. И.Келленс считает, что реальный Виштаспа — только жрец, а не царь [Kellens 1979, с. 46, 47].

²⁶ Обзор их в связи с данным вопросом можно найти во многих работах [История таджикского народа 1963, с. 154–157, 510, 511; Массон, Ромодин 1964, с. 48–50; Ставиский 1977, с. 5–7].

²⁷ Свое отношение к сведениям Ктесия на данную тему я изложил в работах [Пьянков 1968, с. 64; 1994б, с. 197, 198].

не вполне ясно. В Авесте Виштаспа принадлежит к роду Наутара, никаких указаний на царское достоинство его предков не имеется [Yarshater 1983, с. 435, 460, 461, 465, 466; Mayrhofer 1977, с. 63]. В позднем эпосе основатель этого рода Нодар (Новзер) отодвинут в глубокую древность (в Шахнаме даже сделан царем), а род Виштасы возводится к брату кави Усана [Yarshater 1983, с. 466; Justi 1895, с. 226, 227, 372]. Скорее всего, мы имеем здесь дело с довольно неуклюжей контаминацией двух родословий: династии Каватидов (ранних кави) и династии Наутаридов (поздних кави) и искусственным возведением рода Виштасы к роду ранних кави [Yarshater 1983, с. 438; Justi 1904, с. 410]. В действительности же предки Виштасы, видимо, происходили из рода Наутара, являлись мелкими местными владетелями и никогда на власть над всеми арьями не претендовали. Когда великие кави из рода Каватидов достигали верховной власти над арьями, представители рода Наутаридов служили им, как, например, упомянутый выше Туса.

Место царства кави Виштасы ни в Авесте, ни в пехлевийской литературе не указано, но подразумевается, что оно находилось в пределах страны Арьянам-Вайджа. Зато в более поздней эпической традиции этим местом фактически единодушно признается Балх, т.е. Бактрия²⁸. И есть основания считать, что это мнение имеет очень древние корни; сообщение Ктесия о Бактрийском царстве Зороастра важно, между прочим, и потому, что свидетельствует о существовании такого мнения еще в V в. до н.э.²⁹

Большое значение для проблемы локализации царства Виштасы имеет определение страны Арьянам-Вайджа. Многие исследователи отождествляют ее с Хорезмом, а вместе с ней помещают в Хорезм и царство Виштасы³⁰. Однако такое решение кажется искусственным и в последнее время часто подвергается критике [Gnoli 1980, с. 84, 88, 89, 94, 95; Yarshater 1983, с. 438–440; и др.]. Все встает на свои места, если в Арьянам-Вайджа признать большую область, примерно соответствующую поздней Бактрии, занимавшую бассейн Верхней Амударьи по обе ее стороны [Пьянков 1979, с. 203; он же, 1983, с. 66, 67]: это хорошо отвечало бы и данным источников о местоположении Арьянам-Вайджи³¹, и древней традиции, представлявшей Бактрию как страну кави Виштасы. Следует только учитывать, что царство Виштасы, по крайней мере сначала, занимало лишь часть территории Арьянам-Вайджи³².

Судя по всему, этой частью был Балхский оазис с центром в Балхе, Бактре, т.е. Бактрия в узком смысле. По преданию, основателем Балха был Лухрасп

²⁸ Обзор источников см. [Jackson 1919, с. 57–60, 208, 209, 218].

²⁹ Более подробно о местонахождении царства Виштасы я говорю в статье [Пьянков, 1968, с. 11].

³⁰ Такая позиция в вопросе о локализации Арьянам-Вайджи [Gnoli 1987, с. 47] связана с упомянутой уже гипотезой о древнем (доахеменидском) Хорезмийском царстве. И.М.Дьяконов, не считая, что кави Виштаспа правил в Хорезме, тем не менее признает загадкой — почему же, согласно традиции, Хорезм играл ведущую роль в Арьяшайане (= Арьянам-Вайджа, по И.М.Дьяконову), в которой находилось царство кави Виштасы [Дьяконов 1971, с. 138, 142]? Здесь уже в самой формулировке вопроса сказалось влияние «хорезмийской» гипотезы; в действительности в источниках нет никаких указаний на господство Хорезма ни в Арьяшайане, ни в Арьянам-Вайдже.

³¹ Страна эта располагалась по верхнему течению реки Вахви-Датя (Амударьи): ниже ее простиралась до моря страна тура Гопатшаха [Пьянков 1979, с. 203]. Видеть в этой последней Согдиану нет никаких оснований [Gnoli 1980, с. 121–127; Humbach 1985, с. 327–334].

³² Родина Заратуштры тоже находилась в стране Арьянам-Вайджа, но для того, чтобы попасть в царство кави Виштасы, Заратуштре потребовалось переправиться через реку Вахви-Датя [Jackson 1919, с. 56–59].

(Арватаспа), отец Виштаспы [Yarshater 1983, с. 466]. В эпосе Балх является резиденцией и самого Виштаспы [Justi 1904, с. 403]. Кроме того, в Шахнаме содержатся любопытные указания на связь с родом Новзера (т.е. Наутаридами) и с Лухраспом некоего Зараспа, а этот последний — не кто иной, как эпоним зариаспов, т.е. бактрийцев в узком смысле³³. Город Бактра хорошо известен и античным авторам как крупнейший центр на востоке державы Ахеменидов, а в глубокой древности и столица Бактрийского царства. Археологические работы на городище древнего Балха подтверждают, что город действительно существовал там в описываемое время, причем древнейшие слои его, по-видимому, не старше VII в. до н.э.³⁴

Царствование кави Виштаспы — это время деятельности пророка Заратуштры. При всех колебаниях хронологического определения последней в современной науке, представляется, что стойкая зороастрийская традиция, выраженная в формуле «за 300 лет до Александра», продолжает оставаться надежной опорой для датировки. Правда, сами отправные пункты в этой формуле значительно варьируют. Все же есть основания считать, что конечный пункт 300-летнего промежутка времени приходится на 330 г. до н.э., а в качестве начального пункта традиция принимала дату божественного Откровения, явленного пророку³⁵. В таком случае время правления Виштаспы будет определяться следующими датами (такие же даты были предложены еще в старой хронологической схеме Э.В.Веста — А.В.Джексона [Jackson 1919, с. 180, 181]): самая ранняя — 620 г. до н.э. (приход Заратуштры ко двору Виштаспы), самая поздняя — 583 г.

³³ О соответствии новоперсидского имени Зарасп древнему Зариасп см. [Justi 1895, с. 381]. Зариаспов как бактрийский народ упоминает Клавдий Птолемей (География. VI, 11, 6). Название этого народа перешло и на реку Бактр (Балхаб), и на город Бактру (Балх), образовав их второе имя Зариаспа [Geiger 1882, с. 67, 68]. Очевидно, зариаспы являлись собственно бактрийцами, населявшими Балхский оазис, а эпический Зарасп/Зариасп — их легендарным эпонимом. У Фирдоуси в Шахнаме неоднократно упоминается и «племя» или «потомки» Зараспа, так что этнический характер этого имени проступает и в позднем эпосе еще довольно прозрачно. Во II-I вв. до н.э. зариаспов в качестве господствующего народа в Бактрии сменяют скифские тохары. Поэтому не случайно, что Зарасп на страницах поэмы Фирдоуси встречается с Тохаром, подобно тому как на карте Бактрии в «Географии» Птолемея (VI, 11, 6) зариаспы встречаются с тохарами. Символически выглядит сцена в Шахнаме (II, 1960, с. 399, 400), где Зарасп гибнет от руки туранца, направленного Тохаром.

Связь Новзера с Зараспом выражена в эпосе в том, что Новзер является то ли братом Зараспа, то ли дедом его (через Туса), а Зарасп предводительствует над людьми Новзера [Шахнаме I, 1957, с. 166; II, 1960, с. 366, 399].

Связь Лухраспа с Зараспом засвидетельствована в эпосе в следующем эпизоде. Лухрасп, будучи безвестным воином, начал свое возвышение с того, что пришел к Зараспу всего лишь с одним конем [Шахнаме III, 1965, с. 529]. Надо заметить, что сам этот мотив — воин и конь — являет собой след очень популярного в I тыс. до н.э. сюжета: основатель новой династии овладевает властью с помощью коня. Имя Арватаспа — авестийский прототип имени Лухрасп — значит «Имеющий быстрого коня». Среди кушанских монет давно уже известны такие, которые имеют легенду, читаемую как АРООАСПО или ДРООАСПО, и изображение бородатого мужчины рядом с конем, идущим рысью. В последнее время чаще предпочитают второе чтение и видят в нем упоминание богини Друваспы [Зеймаль 1983, с. 190, 192, 207; Воусе 1975, с. 82]. Но такому толкованию явно противоречит изображение. Первое чтение позволяет понять легенду как имя Арватаспа (Арватаспа). В таком случае наиболее убедительным остается давно предложенное объяснение: на кушанских монетах изображен Арватаспа, отец кави Виштаспы, герой-основатель Балха [Tomaschek 1896, с. 2812; Jackson 1919, с. 209] — города, игравшего значительную роль и в кушанскую эпоху.

³⁴ Судя по керамике типа Яз II-III [Массон 1959, с. 127, 134].

³⁵ Более подробно о времени жизни Заратуштры, современника Виштаспы, см. в статье [Пьянков 1996, с. 16-19].

до н.э. (гибель Заратуштры). Конечно, эти даты следует принимать лишь как более или менее приблизительные. Время правления династии Виштаспы — приблизительно 660–540 гг. до н.э. [Jackson 1919, с. 179]³⁶.

С приходом пророка Заратуштры для маленького царства Виштаспы началась новая эпоха. Кави Виштаспа стал опорой и защитником новой религии, с оружием в руках расчищая ей путь (Яшт XIII, 99, 100). Это была эпоха «священных войн»³⁷, успешный исход которых засвидетельствован самим фактом дальнейших успехов зороастризма. Так была создана новая держава на востоке иранского мира — Бактрийское царство. Представление об этом новом объединении, видимо, и лежит в основе поэтического описания страны арьев, Арьяшайаны³⁸, которое мы находим в Авесте: бог Митра с золотых вершин хребта Хары обозревает земли арьев, где «реки мчатся далеко бурным потоком к Ишкате и Поруте, Мору (Мерву), Харойу (Герату) и Сугдийской Гаве, Хваризму» (Яшт X, 13, 14). Перечисленные здесь шесть стран³⁹ соответствуют шести авестийским частям света (материкам — каршварам); седьмая страна, соответствующая центральной части, не названа, но если взглянуть на карту, то будет ясно, что в центре круга, образованного перечисленными странами, окажется Бактрия [Пьянков 1972, с. 14, 15] (относительно Ишкаты и Поруты см. [Пьянков 1984, с. 110, 111; ср. Litvinskij 1993, с. 147]). Таким образом, здесь перед нами новое представление о мире «авестийских» арьев, в центре которого находится Бактрия; области к югу от Гиндукуша вообще не упомянуты. Не может быть речи и о центральном положении Хорезма в этом мире: он, как видим, упомянут среди окраинных областей. Эта новая общность находит отражение и в материальной культуре: археологическая «культура баночной керамики», формирующаяся примерно в середине VII в. до н.э., довольно точно соответствует очерченному кругу земель.

Особенно упорными были войны с туром Арджатаспой (Арджаспом)⁴⁰, местопребывание которого в древнейшей версии предания мыслится где-то около моря Ворукаша (Каспийское море) (Яшт V, 116). Во время первой войны Виштаспа и его брат Заривари действуют у реки Вахви-Датья, или Джейхун

³⁶ Согласно традиции, это даты правления самого Виштаспы. Но здесь явно имеет место совмещение Виштаспы с его династией [Jackson 1904, с. 692].

³⁷ Изложение событий см. [Jackson 1919, с. 102–123].

³⁸ Высказывались предположения и о том, что это описание относится к предшествующим кави-завоевателям: кави Усану или кави Хаусраве. Но такие предположения не согласуются с тем, как представляет себе автор указанного описания состав и центр «страны арьев», которая у него вообще не включает земли к югу от Гиндукуша. Для датировки этого текста важно также то, что в одном с ним Яште (X, 127) содержится древнейшее упоминание Огня Атур-Хварра (Атур-Фарнбаг), история которого связана с деятельностью Виштаспы.

³⁹ Правда, если следовать переводу И. Гершевича, то стран получается четыре [Gershevitch 1959, с. 81; так после И. Гершевича обычно переводят и другие исследователи, например, И. Стеблин-Каменский: Авеста. Избранные гимны... 1993, с. 79, 80]. Но такой перевод не согласуется с контекстом перечня, где явно в качестве аналогии последнему приведен перечень шести окраинных каршваров (Яшт X, 15; ср. [Пьянков 1961, с. 99]), не согласуется он и с другим списком стран в Авесте (Видевд II), где все совпадающие с рассматриваемым перечнем названия (Мору, Харойу, Сугдийская Гава) являются названиями отдельных стран.

⁴⁰ Арджатаспа уже в Авесте был определен как «хьяуна», т.е. хионит. О возникающей в связи с этим проблеме см. [Дьяконов 1971, с. 144; Gnoli 1980, с. 119, 120]. Я думаю, что это почти несомненно интерполяция, видимо, попавшая в текст Авесты как часть позднего комментария. Замечу в связи с этим, что в Авесте и фонетическая форма многих географических названий является очень поздней.

(Амударья) (Яшты V, 112; IX, 29; XVII, 49: ср. [Шахнаме IV, 1969, с. 69–113]), а Заривари, видимо, и близ Мерва (так согласно Ядгари-Зареран). Вторая война, надо думать, застала Виштаспу в области озера Хамун, «у вод Фраздану» (Гауди-Зира) (Яшт V, 108; ср. [Шахнаме IV, 1969, с. 122–132])⁴¹. Во время этой войны Арджатаспа добился значительных успехов: он захватил столичный город Балх, одержал победу в битве с Виштаспой, и лишь благодаря подвигам великого воина Спентодаты (Исфандияра), сына Виштаспы, пришельцы из Турана были разгромлены [Шахнаме IV, 1969, с. 127–208]. Если придерживаться принятой нами хронологии, то первая война датируется 601 г. до н.э., вторая — 583 г. до н.э. Интересно, что одним из итогов борьбы с турами предание считает возведение Спентодатой пограничной крепости Навазак в области Балха (Шахра-станихайи-Эраншахр, 7–9) — в средние века это селение Навида [Jackson 1928, с. 272, 273] на берегу Амударьи между Керкухом (Керки) и Амумем (Чарджоу) [Бартольд 1963, с. 132]. Археологи обнаружили в указанных местах несколько поселений, относящихся к описываемому времени, которые являлись пограничными пунктами бактрийской культурной области [Воробьева 1979, с. 40, 41; Пилипко 1985, с. 102; Древнейшие государства... 1985, с. 245].

Это нашествие туров нашло отражение и в античных источниках, где туры именуются саками — так персы (через посредство которых греки и узнали о данных событиях) называли всех северных кочевников⁴². Согласно Ктесию, легендарная сакская царица Зарина, которой он приписывает все славные деяния саков в отдаленной древности, покорила многие из соседних с саками народов [Пьянков 1975, с. 72, 73]. При ней и произошла война саков с мидянами из-за парфян [Пьянков 1975, с. 70, 71, 74–77, 121, 183, 184]. Мидянами правил тогда царь Астибар, соответствующий Киаксару (625–585 гг. до н.э.) других источников. Вполне возможно, что здесь имеется в виду то же самое вторжение среднеазиатских кочевников, о котором знает авестийская эпическая традиция и которое, надо думать, затронуло не только «авестийских» арьев, но и мидян; именно благодаря этому последнему обстоятельству до Ктесия и дошли слухи о нем, так как античные авторы, естественно, лучше были знакомы с западно-иранской исторической традицией⁴³.

⁴¹ Упоминание о Виштаспе в «Чудесах Систана» относится к этому же эпизоду.

⁴² Об истории и расселении сакских племен более подробно см. [Литвинский 1972, с. 158–174].

⁴³ Парфия в доаршакидские времена — это полоса между Эльбурзом и Большой Соляной пустыней с центром в области Кумиш. Известно древнее предание, зафиксированное уже в пехлевийской литературе, о битве иранцев с Арджаспом в Белой пустыне у горы Кумиш (Бундахишн XII, 17, 18, 32–34; Денкард IX, 35, 36; Бахман-Яшт III, 9; ср. [Шахнаме IV, 1969, с. 132–134]). Возможно, что оно связано с сюжетом, знакомым нам по Ктесию. То, что оно было включено в цикл сказаний о кави Виштаспе, — понятно, ведь поздний иранский эпос о мидийских царях вообще забыт [Пьянков 1994б, с. 198].

С саками Зарины, как и вообще с турами-завоевателями, часто ставят в связь хорасмиев, иногда даже прямо отождествляя их. А такое представление, в свою очередь, связано с гипотезой о существовании древнего Хорезмийского царства. Примерно в таком виде все это когда-то представлялось и мне [Пьянков 1972, с. 175]. Такую же версию, в разных вариантах, нередко обосновывают и сейчас [Вайнберг, Ставиский 1994, с. 26, 43, 44; Вишневская, Рапопорт 1997, с. 166–171]. Но вся совокупность данных, в том числе историческая традиция самих хорезмийцев, никак не позволяет считать хорасмиев кочевниками-скотоводами. К тому же здесь мы имеем не столь уж частый случай, когда историческая традиция безупречно подтверждается археологией. Однако отмеченные археологами связи хорезмийских скифов с областями Северо-Восточного Ирана в VII–VI вв. до н.э., видимо, действительно отражают те события, о которых у нас идет речь,

Впрочем, античные историки знали и о том, что некогда в древности саки завоевывали Бактриану [Страбон XI, 8, 4]⁴⁴. В этом случае, вероятно, имеется в виду то же событие, о котором иранский эпос говорит как о захвате Балха, т.е. Бактры, Арджаспом. Но есть и еще некоторые данные, позволяющие предполагать, что античная литературная традиция была знакома с народом Арджаспа. У ряда античных авторов в связи с походами Кира и Александра упоминается народ ариаспы, обитающий в Дрангиане. Он прямо назван скифским (Стефан Византийский, s.v. «Эвергеты»). О нем говорится как об одном из тех скифских народов, которые далеко распространили свое господство и наряду с саками и массагетами получили имя по знаменитому царю [Диодор II, 43, 5]⁴⁵. Если ариаспы — это действительно народ Арджаспа⁴⁶, то вторжение последнего было не просто набегом, а переселением каких-то групп северных кочевников в область Хамуна, предтечей последующего переселения саков, которые и дали этой области свое имя (Сакастан = Систан)⁴⁷.

Виштаспа заканчивает собой ряд царей достоверной авестийской эпической традиции. Этому факту обычно придают большое значение и делают из него выводы, касающиеся политической истории. Считается, что вместе с Виштаспой прекратило существование и его царство; события эти связываются с внешними завоеваниями, например, с походами Кира [Henning 1951, с. 43] или с нашествием Арджатаспы [Дьяконов 1971, с. 144], согласно автору, созданное Арджатаспой объединение и было Бактрийским царством. Но такой вывод, по-видимому, вовсе не обязателен. Выше уже отмечалось, что авестийская эпическая традиция восходит к своду, изложенному в насках Большой Авесты. Но вся Авеста, как известно, считалась Откровением, данным Заратуштре богом Ахурамаздой. Заратуштра погиб еще при жизни Виштаспы и поэтому, естественно, о времени после Виштаспы в ней не могло рассказываться, — по крайней мере в виде последовательного изложения исторических событий.

Факты, напротив, свидетельствуют, что преемственность после Виштаспы не прерывалась и давала о себе знать даже в ахеменидские времена. Имен преемников Виштаспы мы не знаем, но, судя по данным зороастрийской традиции, счет времени по поколениям продолжался, и хронологическое определение

т.е. экспансию туров-саков. Возможно также, что юго-западное направление этой экспансии нашло позднее, уже в ахеменидское время, продолжение в какой-то особой связи Мидии с гирканцами и закаспийскими скифами.

⁴⁴ О времени, к которому относится это известие, см. [Tam 1951, с. 283].

⁴⁵ О вариантах «ариаспы»-«аримаспы» см. [Gnoli 1980, с. 144].

⁴⁶ Уже указывалось на возможность чтения Agriaspī (<Argiaspī?) вместо Ariaspī [Thomas 1906, с. 196].

⁴⁷ Совсем иначе трактует ариаспов Г.Ньоли [Gnoli 1980, с. 137 и сл., 150]. Но он не учитывает приведенных здесь данных. Кроме того, нужно учесть еще одно свидетельство. Плутарх говорит, что Александр «научил жителей Арахосии возделывать землю» («Об удаче и доблести Александра Великого», I, 5). Эти слова, видимо, как-то связаны с сообщением Арриана о том, что Александр дал ариаспам немного соседней земли, которой сами они не просили (Арриан. «Поход Александра», III, 27, 5). Похоже, что речь здесь идет о чем-то вроде политики седентаризации, причем касается она, конечно, не собственно арахов, а их ближайших соседей ариаспов, входивших, по всей вероятности, в Арахосийскую сатрапию. То обстоятельство, что ариаспы снабдили Кира хлебом [Диодор, XVII, 81, 1], еще не свидетельствует с необходимостью о них самих как земледельцах. А то, что ариаспы отличались по образу жизни от других варваров, были «справедливы» и отвечали идеалам лучших людей Эллады (Арриан. «Поход Александра», III, 27, 5), характеризует их, скорее всего, именно как номадов — ведь спутники Александра впервые столкнулись с кочевниками в их лице, и идеализация кочевников-скифов в Греции процветала как раз во времена Александра.

конца династии Виштаспы (см. выше) удивительно точно совпадает с датой завоевания Бактрии Киром (незадолго до завоевания Вавилонии в 539 г. до н.э. [Дандамаев 1985, с. 28]). Целый ряд ахеменидских сатрапов Бактрии носил имя Виштаспа (Гистасп); более того, вообще все лица, носившие это имя, известные в древности (кроме Виштаспы, отца Дария I), были прямо связаны с Бактрией [Justi 1895, с. 372]. А один из Гистаспов, бактрийских сатрапов, имел сына по имени Писсуфн, — в подражание кави Виштаспе, у которого был сын по имени Пишьяутна⁴⁸.

В общий ряд со всеми этими фактами встает и еще одно обстоятельство: до Ктесия доходили слухи о том, что один из повстанцев в Персии в смутные времена после смерти Камбиза (видимо, имелся в виду зороастриец Вахьяздата) слыл в Бактрии за Спентодату (Сфендадат у Ктесия)⁴⁹. Если учесть, что повстанцы тогда часто принимали какое-нибудь популярное имя одного из членов царского рода, правившего до Кира в той стране, где они искали поддержку, то отсюда будет неизбежен вывод, что традиции дома кави Виштаспы в Бактрии того времени были еще живы и действительно очень влиятельны. И выбор имени Спентодаты не случаен: это самый выдающийся из сыновей Виштаспы, безупречный борец за веру, великий воин, спасший царство Виштаспы от врагов. Вполне возможно, что вспыхнувшие тогда же восстания в Маргиане и Арахосии, отличавшиеся особенно большим числом участников, были лишь двумя не успешными соединиться очагами общего движения, которое вдохновлялось идеей возрождения могущества бактрийских кави и местной зороастрийской общины. Во всяком случае, повстанцы Арахосии, которые представляли собой отряд, действовавший по приказу Вахьяздатy, были перехвачены персами лишь у крепости Каписы [Бехистунская надпись, III, 54–64], т.е., очевидно, на пути из Арахосии в Бактрию.

Таковы общие контуры истории государств древних кави Средней Азии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Авеста. Избранные гимны... 1993 — Авеста. Избранные гимны. Из Видевдата. Пер. с авестийского И. Стеблин-Каменского. М.
- Андрианов 1969 — *Андрианов Б.В.* Древние оросительные системы Приаралья. М.
- Бартольд 1963; 1971 — *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. I. М., 1963; Т. VII. М.
- Бонгард-Левин, Грантовский 1983 — *Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От Скифии до Индии. 2-е изд. М.
- Бонгард-Левин, Ильин 1985 — *Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.* Индия в древности. М.
- Буряков 1982 — *Буряков Ю.Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Таш.
- Вайнберг 1977 — *Вайнберг Б.И.* Монеты древнего Хорезма. М.
- Вайнберг, Ставиский 1994 — *Вайнберг Б.И., Ставиский Б.Я.* История и культура Средней Азии в древности. VII в. до н.э. — VIII в. н.э. М.
- Вишневская, Рапопорт 1997 — *Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А.* Городище Кюзелигыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма. — ВДИ, № 2.

⁴⁸ Об имени Писсуфн-Пишьяутна см. [Justi 1895, с. 253, 254; Mayrhofer 1977, с. 71].

⁴⁹ Эти известия Ктесий, как обычно, использовал для сочиненного им сюжета; см. подробнее [Пьянков 1978, с. 92, 93].

- Воробьева 1979 — Воробьева М.Г. Проблема «Большого Хорезма» и археология. — Этнография и археология Средней Азии. М.
- Гафуров 1972 — Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М.
- Гринцер 1974 — Гринцер П.А. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М.
- Грязнов 1966 — Грязнов М.П. Восточное Приаралье. — Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л.
- Дандамаев 1985 — Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М. Древнейшие государства... 1985 — Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии (Археология СССР). М.
- Дьяконов 1956 — Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н.э. М.—Л.
- Дьяконов 1971 — Дьяконов И.М. Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса). — История Иранского государства и культуры. М.
- Зеймаль 1983 — Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душ.
- История древнего мира 1989 — История древнего мира. Расцвет древних обществ. 3-е изд. М.
- История таджикского народа 1963 — История таджикского народа. Т. I. М.
- Кляшторный 1964 — Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источники по истории Средней Азии. М.
- Пал 1984 — Пал Б.Б. Культура серой расписной керамики. — Древние культуры Средней Азии и Индии. Л.
- Литвинский 1972 — Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М.
- Массон 1959 — Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.—Л.
- Массон, Ромодин 1964 — Массон В.М. и Ромодин В.А. История Афганистана. Т. I. М.
- Махабхарата 1962 — Махабхарата. Книга вторая. Пер. с санскр. и коммент. В.И.Кальянова. М.—Л.
- Пилипко 1985 — Пилипко В.Н. Поселения Северо-Западной Бактрии. Аш.
- Пьянков 1961 — Пьянков И.В. Сведения Ктесия о владениях Бардии на востоке Ирана. — ВДИ, № 4.
- Пьянков 1968 — Пьянков И.В. Ктесий о Зороастре. — МКТ. Вып. 1.
- Пьянков 1972 — Пьянков И.В. Хорасмий Гекатея Милетского. — ВДИ, № 2.
- Пьянков 1975 — Пьянков И.В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душ.
- Пьянков 1978 — Пьянков И.В. Таниоксарк и Бактрия. — МКТ. Вып. 3.
- Пьянков 1979 — Пьянков И.В. К вопросу о путях проникновения ираноязычных племен в Переднюю Азию. — Переднеазиатский сборник. III. М.
- Пьянков 1983 — Пьянков И.В. Река Ох и Арьяна Вайджа. — Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. М.
- Пьянков 1984 — Пьянков И.В. Аскатаки-скифы и восточные каспии. — Памироведение. Вып. 1. Душ.
- Пьянков 1987 — Пьянков И.В. Древнейшее античное известие о пути в Восточный Туркестан. — Прошлое Средней Азии. Душ.
- Пьянков 1994а — Пьянков И.В. Древнейшие эпические циклы «Шахнаме». — Известия АН Республики Таджикистан. Сер.: востоковедение, история, филология. № 2.
- Пьянков 1994б — Пьянков И.В. Античные авторы о Средней Азии и Скифии. — ВДИ. № 4.
- Пьянков 1995а — Пьянков И.В. Ариана по свидетельствам античных авторов. — Восток. № 1.
- Пьянков 1995б — Пьянков И.В. Некоторые вопросы этнической истории древней Средней Азии. — Восток. № 6.
- Пьянков 1996 — Пьянков И.В. Зороастр в истории Средней Азии: проблема места и времени. — ВДИ, № 3.
- Смирнова 1970 — Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. М.
- Снесарев 1969 — Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.

- Ставиский 1977 — *Ставиский Б.Я.* Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М.
 Степная полоса... 1992 — Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское
 время (Археология СССР). М.
 Струве 1968 — *Струве В.В.* Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа
 и Средней Азии. Л.
 Толстов 1962 — *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарты. М.
 Флиттнер 1958 — *Флиттнер Н.Д.* Культура и искусство Двуречья и соседних стран. Л.—М.
 Ханыков 1973 — *Ханыков Н.* Экспедиция в Хорасан. М.
 Шахнаме I, 1957; II, 1960; III, 1965; IV, 1969 — *Фирдоуси.* Шахнаме. Т. I-IV. Пер.
 Ц.Б.Бану-Лахути. Коммент. А.А.Старикова. М.
 Altheim, Stiehl 1970 — *Altheim F. und Stiehl R.* Geschichte Mittelasiens im Altertum. B.
 Boyce 1975 — *Boyce M.* A History of Zoroastrianism. Vol. I. Leiden-Köln.
 Burrow 1973 — *Burrow T.* The Proto-Indoaryans. — JRS. № 2.
 Christensen, 1931 — *Christensen A.* Les Kayanides. København.
 Frye 1996 — *Frye R.N.* The Heritage of Central Asia. Princeton.
 Geiger 1882 — *Geiger W.* Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen.
 Gershevitch 1959 — *Gershevitch I.* The Avestan hymn to Mithra. Cambridge.
 Gershevitch 1974 — *Gershevitch I.* An iranist's view of the Soma controversy. — Mémorial
 Jean de Menasce. Louvain.
 Ghirshman 1939 — *Ghirshman R.* Fouilles de Nad-i Ali dans le Seistan Afghan. — Revue des
 arts asiatiques. Vol. XIII. № 1.
 Gnoli 1980 — *Gnoli G.* Zoroaster's time and homeland. Naples.
 Gnoli 1987 — *Gnoli G.* Avestan geography. — Elr. Vol. III, fasc. 1.
 Henning 1951 — *Henning W.B.* Zoroaster, Politician or Witch-doctor? L.—Oxf.
 Herzfeld 1947 — *Herzfeld E.E.* Zoroaster and his world. Princeton.
 Herzfeld 1968 — *Herzfeld E.E.* The Persian Empire. Studies in Geography and Ethnography
 of the Ancient Near East. Wiesbaden.
 Humbach 1985 — *Humbach H.* About Gōpatšāh, his country and the Khwarezmian
 hypothesis. — Papers in honour of prof. M.Boyce. T. I. Leiden.
 Jackson 1904 — *Jackson A.V.W.* Die iranische Religion. — GIPh. Bd. II. Strassburg.
 Jackson 1919 — *Jackson A.V.W.* Zoroaster, the Prophet of Ancient Iran. N. Y.
 Jackson 1928 — *Jackson A.V.W.* Zoroastrian Studies. N. Y.
 Justi 1895 — *Justi F.* Iranisches Namensbuch. Marburg.
 Justi 1904 — *Justi F.* Geschichte Irans von den ältesten Zeiten bis zum Ausgang der
 Sasaniden. — GIPh. Bd. II.
 Kellens 1979 — *Kellens J.* L'Avesta comme source historique: la liste des Kayanides. —
 Studies in the sources on the history of pre-Islamic Central Asia. Budapest.
 Litvinskij 1993 — *Litvinskij B.A.* Pamir und Gilgit. Kulturhistorische Verbindungen. —
 Antiquities of Northern Pakistan. Mainz.
 Markwart 1938 — *Markwart J.* Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und
 geschichtlichen Landeskunde von Ostiran. Leiden.
 Marquart 1901 — *Marquart J.* Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. B.
 Mayrhofer 1977 — *Mayrhofer M.* Die altiranischen Namen. Fasc. 1. Wien.
 Monchi-zadeh 1975 — *Monchi-zadeh D.* Topographisch-historische Studien zum iranischen
 Nationalepos. Wiesbaden.
 Schubert 1890 — *Schubert R.* Herodots Darstellung der Kyros-sage. Breslau.
 Tam 1951 — *Tam W.W.* The Greeks in Bactria and India. 2 ed. Cambridge.
 Thomas 1906 — *Thomas F.W.* Sakastana. — JRS, pt. 1.
 Tomaschek 1877 — *Tomaschek W.* Centralasiatische Studien. Bd. 1. Sogdiana. Wien.
 Tomaschek 1896 — *Tomaschek W.* Baktriane. — RE. Bd. II.
 Yarshater 1983 — *Yarshater E.* Iranian National History. — CHI. Bd. III, № 1.
 Yarshater 1984 — *Yarshater E.* Afrāsiāb. — Elr. Vol. I, fasc. 6.
 Zend-Avesta, II 1960 — *Le Zend-Avesta*, trad. nouv. avec comment. hist. et phil. par
 J.Darmesteter. Vol. II. P.

Л.Т.Пьянкова

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА ПРЕДГОРНЫХ РАЙОНОВ
ЮГО-ЗАПАДНОГО ТАДЖИКИСТАНА
В ЭПОХУ БРОНЗЫ

В эпоху бронзы территория Южно-Таджикской депрессии являлась зоной активных контактов разнокультурных племен, что привело к созданию здесь оригинальных синкретических комплексов, одним из которых являются поселения предгорной северо-восточной части региона, благоприятной по своим климатическим особенностям для развития как высокопродуктивного скотоводства, так и богарного земледелия. К настоящему времени различны по масштабам работы были проведены здесь на пяти поселениях: Кангурттут, недалеко от селения Кангурт, в предгорьях Вахшского хребта, по правобережью верхнего течения Таирсу [Виноградова 1984, 1987, 1993, 1994; Vinogradova 1994; Виноградова, Кузьмина 1986, с. 138–145]; Тегузак, на восточном склоне хребта Санглок, в 4 км западнее левого берега Нурекского водохранилища, в том месте, где русло Вахша при повороте к г. Нуреку образует небольшую петлю и приобретает северное направление [Пьянкова 1985; 1987; 1988; 1993]; Дахана, на западной окраине г. Нурека, в предгорьях невысокого хребта Ширбиби по правобережью Вахша [Пьянкова 1993, с. 239–241; 1994]; Каримберды, приблизительно в 20 км к северо-западу от г. Куляба, в предгорьях невысоких горных хребтов, разделяющих долины рек Кызылсу и Яхсу [Виноградова 1986, с. 80–86; P'jankova 1996], а на поселении Баракикурук, расположенном в 2 км западнее Кангурттута, В.В.Радилюковским был заложен лишь небольшой пробный шурф, материал из которого не опубликован.

Материальная культура поселений разнокомпонентна: в разных соотношениях представлены, с одной стороны, традиции северобактрийских оседлоземледельческих комплексов времени Молали-Бустан и Кучук Iб-II — Кызыл I, а с другой — комплексов степной бронзы времени, предшествующего появлению валиковой керамики, а также и валиковой керамикой. Кроме того, на некоторых поселениях найдены каменные изделия, выполненные в традициях позднего этапа гиссарской неолитической культуры. Хронологически наиболее поздним является поселение Каримберды.

Своеобразие культурно-хозяйственного облика рассматриваемых поселений дополняется не характерными для оседлоземледельческих поселений Бактрии строительными приемами с широким использованием камня. Некоторые общие принципы устройства поселений и жилищ эпохи бронзы в предгорной зоне Юго-Западного Таджикистана и будут рассмотрены ниже.

Все поселения расположены в сходных геоморфологических условиях, на склонах лессовых предгорий-адыров, плавно понижающихся от гребней горных хребтов и кражей к речным долинам. Характерной чертой этой местности являются частые глубокие саи, рассекающие рельеф параллельно адырным всхолмлениям. Все поселения расположены на высоте не менее 1000 м над уровнем моря, на более или менее уплощенных частях адырных холмов, как правило, заключенных между двумя глубокими саями, из которых по крайней мере один питается водой из расположенных в горах родников или имеет выходы небольших подземных источников. Наибольшим дебитом обладают источники, питающие саи Кангурттут и Дахана возле одноименных поселений. Вода в них пресная и пригодна для питья. В саях возле Тегузака и Каримберды имеются небольшие выходы подземных вод, но они сильно минерализованы и обладают горьковатым привкусом.

В современном рельефе поселения никак не выражены, и их площадь визуально определить невозможно. Наиболее четко ограничены саями сравнительно ровные площадки адыров, где расположены поселения Кангурттут и Каримберды. Площадь первой из них 800×60–100 м, второй — 500×300 м. Адырный склон, где находится Тегузак, в целом круто спускается к долине Вахша, но его поверхность имеет характер невысоких уплощенных микротеррас-уступов. Терраса, на которой расположено поселение, имеет размеры 200×100 м. Лессовый останец, на котором открыто поселение Дахана, сильно разрушен различными строительными работами ввиду его местонахождения в черте г. Нурека. Площадь оставшейся части равна приблизительно 160×90 м, однако возможности раскопочных работ здесь были очень ограничены, так как поверхность холма сильно пострадала от многочисленных перепланировок и прокладки труб различных коммуникаций. По своему внешнему виду и местоположению несколько отличается от других поселение Баракикурук, находящееся в каменистой местности, на узкой лессовой площадке размером 190×100 м, с севера и востока примыкающей к глубокому горному ущелью-саю, а с южной стороны обнесенной стеной, от которой сохранился каменный фундамент. Внутри ограды видны выступающие на поверхность каменные кладки.

Строительные остатки на всех поселениях также представлены каменными кладками, в большинстве случаев имеющими вид фундаментов стен (рис. 1; 2; 4; 5) шириной в 2–3 ряда лежащих плашмя, необкатанных и необработанных крупных камней (длиной до 75 см) и высотой чаще всего в 1–2 ряда. Реже встречаются фундаменты в трех и более вертикальных рядов камней. В целом ширина таких фундаментов в среднем достигала 60–80 см, максимальная ширина стены (1,2 м) отмечена в Кангурттуте [Виноградова 1993, с. 244]. Камни в фундаментах укладывались как всухую (при этом пространство между ними заполнялось небольшими камнями или гравием), так и скреплялись с помощью глиняного раствора. Иногда толстый слой раствора подстилал и саму каменную кладку.

Пока окончательно не решен вопрос, чем надстраивались такие фундаменты сверху. На самих кладках не сохранилось никакого строительного материала. При выполненном объеме работ можно утверждать, что сырцовый кирпич в архитектуре жилищ не использовался, хотя он был известен обитателям горных поселений: несколько таких кирпичей было обнаружено в конструкции гончарной печи в Кангурттуте [Vinogradova 1994, fig. 6, 3], однако следует заме-

тить, что эти кирпичи далеки от тех стандартов, которые существовали у оседлых земледельцев Бактрии в эпоху бронзы. Вероятнее всего, фундаменты жилищ горных поселений надстраивались сверху пахсой плохого качества, которая со временем могла быть целиком размыта и выветрена. Например, это могли быть комки типа «гуваля», часто используемые таджиками для возведения стен, в настоящее время преимущественно при сооружении каких-либо подсобных построек. В верховьях Зеравшана для аналогичных целей иногда в конце весны выкапывают большими комьями еще влажную почву, а затем сушат ее на солнце [Материальная культура 1973, с. 11]. Дома с каменными фундаментами и паховыми стенами до сих пор встречаются и в кишлаках, близко расположенных к рассматриваемым здесь поселениям.

В Дахане также вскрыты кладки, состоящие из камней, врытых в землю ребром в один, иногда в два ряда (рис. 4, стена между помещениями II и III и загородка в помещении II). Они, конечно, не могли являться фундаментами стен, надстроенных сверху пахсой и, возможно, укрепляли основания каких-то более легких построек, например, типа заслона или загородки из прутьев или веток. В кишлаках, расположенных вблизи поселения Тегузак, для устройства заборов и загонов для скота в настоящее время часто используются высокие толстые стебли прямостоящего зонтичного растения ферула, в изобилии растущего на склонах предгорий. Описывая традиционное жилище таджиков нурекской группы кишлаков, И. Мухилдинов [1982, с. 211, 214–216] в качестве строительных материалов, кроме лесса, камня и дерева, также упоминает камыш, хворост, ферулу, прутья.

В одном из раскопов на Тегузаке расчищена каменная кладка в виде прерывистой цепочки, в плане напоминающая часть окружности (рис. 3). Камни лежат отдельными скоплениями, некоторые вкопаны в грунт ребром. Вероятно, это также остатки какой-то конструкции легкого типа, округлой в плане.

Расположение всех поселений приурочено к склоновому рельефу (например, в Кангуртуте и Тегузаке перепад высот такого рельефа составляет 1 м на 10 м длины), поэтому при устройстве места обитания обычно требовалось выравнивание соответствующей площадки. В зависимости от крутизны склона, горизонтальность поверхности достигалась путем более или менее глубокой врезки в грунт в сторону повышения склона в результате чего площадка, зачищенная под будущие постройки, приобретала вид своеобразного котлована с разновысокими стенами, а в наиболее пониженной части склона выклинивалась на его поверхность. Иногда на месте будущих построек зачищалось несколько таких площадок, располагавшихся, как и сами постройки в этом случае, террасовидно друг к другу.

Фундаменты по отношению к площадке укладывались по-разному: 1) на ее поверхности; 2) с заглублением в материк; 3) котлован обкладывался камнем по наружному краю, и тогда основание фундамента возвышалось над полом площадки (и постройки) соответственно рельефу склона, в пониженной части выклиниваясь на пол. Обычно для жилья выбирались сравнительно горизонтальные участки адыров, и глубина котлована была небольшой. Постройки были наземными, лишь слегка (на 20–35 см) заглубленными в материк. Такие постройки характерны для поселений Тегузак и Дахана. В Кангуртуте вскрыт жилой комплекс, сооруженный в глубоком котловане-врезке в материковый грунт склона [Виноградова, Кузьмина 1986, с. 138, рис. 7]. Такой строительный при-

ем часто используется современными горными таджиками и хорошо описан М.С.Андреевым: «На склоне создавалась выемка с ровными стенами и основанием, соответствующим размерам будущего помещения. Задняя и боковые стены незначительно выступали над уровнем прилегающей к помещению земли, иногда же задняя стена не выступала вообще, что способствовало термоизоляции строения» [1958, с. 420 и сл.]. В кангурттутском комплексе один из участков наиболее высокой задней стороны выемки укреплен подпирающей ее каменной стеной высотой 1,7 м и пахсой.

Кангурттутский комплекс состоит из прямоугольного (18×6,7 м) жилого дома и примыкающего к нему двора. Один из входов в дом оформлен ступенчатым порогом с подпятами для двери. Внутри дома вскрыты хозяйственные загородки, суфа, следы кострища и вкопанный в пол сосуд. Вопрос о характере северной стены дома остается открытым. Постройка расположена на берегу сая, и эта стена не сохранилась (или отсутствовала вовсе?). Во дворе раскопаны хозяйственные ямы.

Другие строительные остатки Кангурттута представлены менее выразительными постройками, от которых также уцелели каменные фундаменты стен. Обособленное положение занимал хозяйственно-производственный участок, по-видимому, связанный с изготовлением керамики. Здесь вскрыта и гончарная обжигательная печь [Виноградова 1994, с. 16].

В целом прямоугольный, но открытый на запад и юг комплекс раскопан и в Тегузаке (рис. 2). Условный прямоугольник занимаемого им пространства имеет размеры 14×8 м. Внутри комплекса выделяются два П-образных помещения-загородки I и II, открытые на запад. Они устроены террасовидно по отношению друг к другу: пол первого из них на 22 см выше пола другого. Размеры помещения I — 3,5×3,5 м, II — 4,2×3,3 м. Северная стена помещения II продолжается на запад, ограждая расположенную южнее открытую площадку, где вскрыто большое кострище овальной формы размером 7×3,8 м, состоящее из прокаленной земли, золы и очень мелких и редких черных углистых вкраплений. Горелый слой имеет толщину от 20 до 30 см и на всем протяжении чрезвычайно насыщен фрагментами керамики, из которых в большинстве случаев собираются целые или почти целые сосуды. Таких сосудов здесь обнаружено 9. Их фрагменты располагались преимущественно компактными скоплениями. Многие фрагменты закопчены. Представлена керамика, выполненная как в оседлоземледельческих, так и в степных традициях.

Почти в центре площадки расчищено искусственно сооруженное возвышение прямоугольной формы (1,9×1,5 м) со слегка скругленными углами, высотой в 55 см. Его ориентация (оно вытянуто четко с севера на юг) несколько не совпадает с общей направленностью горелого пятна и примыкающей к нему стены. В разрезе возвышение состоит из плотного, жженного, спекшегося слоя земли густо-оранжевого цвета толщиной около 20 см, лежащего частично на полу, частично на горелом слое; над ним тянется тонкая прослойка золы, а выше положен слой лесса толщиной в 20–25 см. Это сооружение сверху и с боков обмазано глиной. Оно подвергалось неоднократному ремонту в виде повторных обмазок: в некоторых местах прослеживаются два, в некоторых — три-четыре слоя такой обмазки. Первоначально сооружение было на 20 см короче: в какой-то момент, после разрушения северной стенки оно было удлинено и укреплено дополнительным слоем лесса, обмазанного глиной. Поверхность материкового слоя-пола под этим сооружением сильно изрыта норами грызунов.

Культовый характер площадки и, по-видимому, всего комплекса не вызывает сомнений. Здесь была совершена ритуальная церемония возжигания огня, в который были брошены целые сосуды, возможно, содержавшие жертвенную пищу или питье. Судя по характеру горелого слоя, здесь была сожжена сухая трава или солома и мелкие ветки, почти не оставившие углей. Спекшийся густо-оранжевый слой в центре площадки, вероятно, позволяет говорить о совершении здесь какого-то возлияния (масла?). Особая роль этого акта в церемонии подчеркнута устройством в этом месте специального сооружения, напоминающего алтарь, а также его неоднократным специальным ремонтом.

На камнях северной стены, ограждающей кострище, нет никаких следов воздействия огня, поэтому представляется, что ритуальная церемония была совершена здесь до возведения постройки, на предварительно зачищенной для нее площадке. На выбранном участке было несколько ям, возможно, оставленных предыдущими обитателями, так как на дне одной из ям были найдены кремневые пластины позднегиссарского облика: Тегузак долго был известен как неолитическая стоянка [Юсупов 1977], которая располагалась на той же микро-террасе, что и поселение бронзового века. Последнее и было открыто в результате закладки здесь А.Юсуповым серии шурфов. Две из вышеупомянутых ям перед возведением стен комплекса бронзового века были засыпаны (рис. 2, восточная часть пом. II), с помощью насыпного грунта была выровнена и вся северо-восточная часть площадки (общая толщина подсыпки равнялась 20–70 см), а ямы, расчищенные под ритуальным кострищем, оставались открытыми: их заполнением, особенно в верхней части, являлся горелый слой с фрагментами керамики, которые склеивались с фрагментами из кострища.

После совершения церемонии были возведены стены с каменными фундаментами. Фундамент северной стены был выложен по наружному краю котлована площадки, и его уровень падает с запада на восток соответственно рельефу склона: при сравнительно ровном поле площадки этот фундамент выше пола в западной части комплекса на 60 см, в восточной — на 10–15 см. Восточная стена помещения II лежит на полу, на искусственной подсыпке, о чем уже говорилось выше, а для сооружения помещения I, на месте которого не было никаких ям, зачищалась другая площадка, на 22 см выше северной. Интересно, что камни их общей стены также лежат на разных уровнях: каждый из двух рядов камней фундамента на «своем» полу.

В северной стене комплекса имеются два прохода, еще один — в северо-восточном углу помещения I, между собой оба помещения также соединены проходом. В северо-восточном углу комплекса вскрыто еще одно небольшое кострище, а в южной части — яма, не содержавшая никаких находок. Помимо керамики, в загородках I и II найдены каменная ступка (округлый камень с выдолбленной серединой), фрагмент песта фаллической формы из сиреневато-серого песчаника, фрагменты двух литейных форм из красного песчаника, фрагменты плоских плит из красного песчаника, зернотерки, глиняное пряслице с кружковым орнаментом.

Наличие церемониальной площадки и неоднократно ремонтируемого «алтаря», по-видимому, позволяет интерпретировать тегузакский комплекс как святилище.

Остатки кладок-фундаментов из положенных плашмя камней были вскрыты на Тегузаке еще в одном раскопе. Они имеют вид прямой стены длиной около 2 м и не позволяют сделать каких-либо реконструкций.

В Дахане на одном из раскопов вскрыты фундаменты одного или двух, примыкающих друг к другу, строительных комплексов. Все помещения и загородки здесь открыты на восток, к незастроенному пространству, где раскопана заглубленная в землю топочная часть гончарной печи. На другом раскопе вскрыты фундаменты двух разновременных построек, нижняя из которых имела подпрямоугольную или подквадратную форму со скругленными углами (рис. 5).

Фундаменты Каримберды из выложенных плашмя в два горизонтальных ряда камней ничем не отличались от вышеописанных, однако вскрытые здесь небольшие участки стен (максимальная длина 1,4 м) не позволяют реконструировать существовавшие здесь постройки.

Раскопанные на поселениях помещения различаются характером полов. В прямоугольных постройках Кангурттута и Тегузака полы хорошо утрамбованы (утопаны). В кангурттутском доме, около суфы, отмечена подмазка пола глиной [Виноградова 1987, с. 133]. В Тегузаке (рис. 2) наиболее хорошо зачищался пол в северо-восточной части постройки, над насыпным грунтом, так как последний, в отличие от материка, содержал большое количество известковых конкреций, в результате чего пол приобрел со временем белый цвет. Напротив, в трех южных помещениях раскопа I Даханы (рис. 4) пол почти не прослеживался, выделяясь лишь тонкой, тянувшейся над ним, углисто-лессовой прослойкой более темного, чем материк, цвета и отдельными зольными пятнами. А в двух северных помещениях этого же комплекса пол засыпан слоем гравия (мелким окатанным галечником) толщиной в 30–35 см. Аналогичный пол зачищен и в помещении на другом раскопе Даханы (рис. 5), но здесь он более утрамбован, а внизу, под слоем галечника, уложены крупные камни, по размерам равные камням фундамента. Общая толщина каменного покрытия пола равна 15–25 см. Две разновременные галечные вымостки (разница их уровней 60 см) вскрыты на раскопе II Даханы и за пределами построек. Выше упоминалась округлая постройка легкого типа на Тегузаке (рис. 3). Внутри нее, на заглубленном на 20–25 см по отношению к каменной обкладке полу расчищена овальная вымостка из колотых галек. Еще одна такая вымостка вскрыта на поверхности горизонта бронзового века в одном из других раскопов на Тегузаке, но камней вокруг нее не обнаружено. Каменная вымостка из плоских камней большого размера частично сохранилась во дворе кангурттутского комплекса [Виноградова, Кузьмина 1986, с. 139].

Никаких данных о характере перекрытий раскопанных комплексов нет.

На двух поселениях — Кангурттут и Дахана — обнаружены каменные конструкции непонятного назначения, имеющие вид небольших каменных «ящичков» почти квадратной или округлой формы. Они сделаны из плоских камней, вкопанных в пол узкой торцовой гранью, выложенных наклонно-наружу вокруг центрального камня, лежащего на дне горизонтально. В Кангурттуте одна такая конструкция расчищена под кладкой фундамента наиболее мощной южной стены дома и, очевидно, была сооружена до возведения фундамента, три «ящичка» расположены вдоль этой же стены в западной половине дома и один — у восточной стены, недалеко от выхода, ведущего во двор [Виноградова 1993, рис. 3; Vinogradova 1994]. В Дахане, на раскопе I, вскрыт один «ящичек». Он вкопан на границе помещения V с незастроенным пространством (рис. 4 А). Ширина «ящичков» по верху в Кангурттуте 60–70 см, в Дахане — 30–35 см, глубина 25–30 см.

Первоначально Н.М.Виноградова предполагала, что такие конструкции являлись базами для деревянных подпорных столбов, но потом отказалась от этой

гипотезы [1987, с. 130; 1993, с. 244]. Описывая балочное перекрытие жилых домов Ягноба, М.А.Хамиджанова [1982, с. 237] упоминает, что для поддержания центральных прогонов здесь часто устанавливали один или три столба, для чего в полу делали углубление в 30–40 см, а на дно клали плоский камень, на который и устанавливали столб. Верхний край такого столба немного затачивали, чтобы вставить его в небольшое углубление, которое специально делали в центральной балке. Даже если попытаться приложить эту аналогию к конструкциям бронзового века, то против этого прежде всего свидетельствует расположение «ящичков», а для установки столбов для поддержания основных балок перекрытия они выглядят слишком хрупкими.

Попытка выяснить значение рассматриваемых конструкций у этнографов не дала результатов. Сотрудник Академии наук Таджикистана Р.Авзалов сообщил, что он видел подобные устройства на летовках в Джиргитале, где они использовались для установки сосуда, в котором взбивали масло.

Наконец, сходные, но всегда круглые конструкции обнаружены на полах нескольких помещений в Сапаллитепа, но здесь они рассматриваются как обогревательные очаги-сандали с каменной облицовкой и на дне содержат слой золы [Аскарров 1977, с. 25, 33, рис. 16]. Ни в одном из наших «ящичков» золы не было, к тому же они заглублены в пол лишь своей нижней частью.

Очаги типа сандали вскрыты в Кангурттуте: они заглублены, имеют круглую форму, их стенки обмазаны глиной с примесью мелкого галечника и обожжены [Виноградова 1984, с. 75; 1994, с. 163]. В помещении I культовой постройки Тегузака очаг был устроен в специальной нише в южной стене, однако он совершенно разрушен. Выемка в фундаменте имеет размеры 50×30 см и заполнена фрагментами обожженной глиняной обмазки и обломками закопченного кухонного горшка, часть которых найдена и на полу возле выемки (рис. 2, 14). Остатки трех печей типа танура с каменным основанием расчищены на изолированном участке на окраине Каримберды. Одна из них имеет у основания топочное отверстие, образованное двумя плоскими камнями, вкопанными ребром в землю и перекрытыми сверху третьим таким камнем. Такое устройство по типу напоминает ягнобскую печь-инкир [Хамиджанова 1982, с. 230, рис. 3]. Все три печи в Каримберды примыкали к сооруженной между ними конструкции типа стола или суфы, аккуратно сложенной из специально подобранных плоских камней [P'jankova 1996, с. 197–198, fig. 2]. На такую суфу, например, очень удобно было бы класть доставаемые из печей горячие лепешки. «Столы», но не каменные, а кирпичные, на которые, возможно, ставили посуду с горячей пищей, известны, например, на поселении Кызылча 6 в Миршадинском оазисе Северной Бактрии [Сагдуллаев 1987, с. 25].

Можно видеть, что многие приемы устройства поселений и жилищ в предгорных районах Юго-Западного Таджикистана в эпоху бронзы были в значительной степени близки методам современного сельского домостроения таджиков в аналогичных экологических условиях. В предгорьях в изобилии имеется такой строительный материал, как камень, и природный фактор, безусловно, сыграл значительную роль в формировании в этом регионе архитектурных традиций, возникших здесь в эпоху бронзы (а возможно, и неолита¹) и существующих вплоть до наших дней.

¹ Скопления битого камня, залегающего в виде полос, возможно, являвшиеся основаниями стен жилищ, упоминаются для позднего этапа гиссарской культуры на поселении Куй-Бульон вблизи Дангары [Ранов 1985, с. 20; 1988, с. 43].

Широкое освоение Гиссарской долины, а затем и предгорий современного Юго-Западного Таджикистана по времени совпало с формированием наиболее северного оазиса культуры Сапалли — Миршадинского, когда северобактрийские земледельцы на позднем этапе этой культуры начали расселяться в зону дельтовых саев правобережья Сурхандарьи, вверх по ее течению. В рассматриваемый нами регион они принесли и характерные черты своей культуры, в частности, керамическую традицию, которая, как и формы сосудов, в целом решительно преобладает в материалах предгорных поселений, хотя и претерпевает некоторые изменения. Однако ни характер этих поселений, ни строительная техника, ни планировка жилищ не характерны для жителей бактрийских оазисов.

В эпоху поздней бронзы наблюдается и наиболее мощная волна проникновения степных племен в земледельческие оазисы бга Средней Азии. Постепенная инфильтрация пришлого населения в местную среду и ассимиляция разнотипных элементов привели к появлению новых черт и в традиционной культуре древнебактрийских племен (см., например, [Аскаров 1987; Аванесова 1995]). Можно полагать, что появление степных племен вызвало активизацию скотоводческой отрасли в хозяйстве древнебактрийского населения, что в значительной степени способствовало заселению предгорий, где к тому же имеются хорошие условия для богарного земледелия.

Широкое использование камня в строительном деле было хорошо знакомо некоторым племенам степной бронзы, в частности каменные конструкции играли ведущую роль в безлесных районах Западного и Центрального Казахстана, где архитектура из камня достигла уровня подлинного искусства [Маргулан 1979, с. 299–306; Кузьмина 1994, с. 77–78]. Конечно, строительные приемы, используемые жителями предгорных поселений Южного Таджикистана эпохи бронзы, значительно более просты и примитивны, однако в генетическом отношении большой пучок культурных связей степных племен, пришедших в Бактрию (керамика, металл), восходит именно к культурам Казахстана. Сооружение молалинско-бустанского этапа с каменными фундаментами, аналогичными южнотаджикистанским, вскрыто и на поселении Джаркутан [Аскаров, Ширинов 1993, рис. 53]. А.А.Аскаров рассматривает такой строительный прием в качестве степного компонента, влившегося в культуру Сапалли [1987, с. 57]. Большое жилище Кангурттута с использованием каменной кладки Е.Е.Кузьмина считает элементом андроновской культурной общности [Виноградова, Кузьмина 1986, с. 147]. В Центральном Казахстане известны и языческие святилища, ранними формами которых были большие открытые костры и каменные очаги, позднее священный костер перенесли в помещение [Маргулан 1979, с. 189–192]. Округлая постройка легкого типа на Тегузаке (рис. 3) также имеет аналогии в степных культурах, где подобные, слегка заглубленные жилища с вкопанными по периметру и в центре кольями или на легких опорных столбах и с песчаной обваловкой рассматриваются как прообраз юрты [Итина 1977, с. 105–106, 208; Кузьмина, Лившиц 1987].

Наконец, можно заметить, что с использованием камня были хорошо знакомы и обитавшие в горных районах Южного Таджикистана племена гиссарского неолита, важным структурным элементом строительных конструкций которых являлись каменные выкладки — горизонтальные площадки из плотно уложенных в несколько слоев обломков известняка, расколотых и целых галек [Ранов 1985, с. 19]. Аналогичные выкладки открыты и на рассмотренных здесь поселениях эпохи бронзы.

В целом техника строительства и характер поселений в предгорьях Южного Таджикистана сложились под влиянием различных факторов — как природного и экономического, так и культурно-исторического.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесова 1995 — *Аванесова Н.А.* Новое в погребальном обряде сапалтинской культуры. — Российские вести. № 4.
- Андреев 1958 — *Андреев М.С.* Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи). Вып. II. Сталинабад.
- Аскарлов 1977 — *Аскарлов А.А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Таш.
- Аскарлов 1987 — *Аскарлов А.А.* Степной компонент в оседлых комплексах Бактрии и вопросы его интерпретации. — Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: Тез. докл. советско-французского симпозиума. А.-А.
- Аскарлов, Ширинов 1993 — *Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш.* Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд.
- Виноградова 1984 — *Виноградова Н.М.* Отчет о работе отряда по изучению памятников бронзового века ЮТАЭ (1978 г.) — АРТ. Вып. 18. Душ.
- Виноградова 1986 — *Виноградова Н.М.* Работы отряда по изучению памятников эпохи бронзы ЮТАЭ весной 1979 г. — АРТ. Вып. 19. Душ.
- Виноградова 1987 — *Виноградова Н.М.* Раскопки поселения эпохи бронзы Кангурттут на юге Таджикистана в 1980 г. — АРТ. Вып. 20. Душ.
- Виноградова 1993 — *Виноградова Н.М.* Отчет о работе Южно-Таджикистанского археологического отряда на поселении Кангурттут в 1984 г. — АРТ. Вып. 24. Душ.
- Виноградова 1994 — *Виноградова Н.М.* Отчет о работе Южно-Таджикистанского археологического отряда ЮТАЭ в 1985 г. на земледельческом поселении Кангурттут. — АРТ. Вып. 25. Душ.
- Виноградова, Кузмина 1986 — *Виноградова Н.М., Кузмина Е.Е.* Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы. — Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.
- Итина 1977 — *Итина М.А.* История степных племен Южного Приаралья. М.
- Кузмина 1994 — *Кузмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? М.
- Кузмина, Лившиц 1987 — *Кузмина Е.Е., Лившиц В.А.* Еще раз о происхождении юрты. — Прошлое Средней Азии. Душ.
- Максумов 1964 — *Максумов А.М.* Основные проблемы богарного земледелия Таджикистана. Ч. I. Душ.
- Маргулан 1979 — *Маргулан А.Х.* Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. А.-А.
- Материальная культура 1973 — Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Отв. редакторы *А.К.Писарчик, Н.Н.Ершов.* Душ.
- Мухиддинов 1982 — *Мухиддинов И.* Традиционное жилище таджиков среднего течения р. Вахш в зоне затопления Нурекским водохранилищем (XIX — начало XX в.). — Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Пьянкова 1986 — *Пьянкова Л.Т.* Раскопки на поселении бронзового века Тегузак в 1979 г. — АРТ. Вып. 19. Душ.
- Пьянкова 1987 — *Пьянкова Л.Т.* О раскопках на поселении бронзового века Тегузак в 1980 г. — АРТ. Вып. 20. Душ.
- Пьянкова 1988 — *Пьянкова Л.Т.* Раскопки на поселении Тегузак в 1981 г. — АРТ. Вып. 21. Душ.

- Пьянкова 1993 — *Пьянкова Л.Т.* Отчет о работах Вахшского археологического отряда в 1984 г. — АРТ. Вып. 24. Душ.
- Пьянкова 1994 — *Пьянкова Л.Т.* Работы Байпазинского отряда на поселении бронзового века Дахана (1985 г.). — АРТ. Вып. 25. Душ.
- Ранов 1985 — *Ранов В.А.* Гиссарская культура — неолит горных областей Средней Азии (происхождение, распространение, особенности). — Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. Новосибирск.
- Ранов 1988 — *Ранов В.А.* Каменный век Южного Таджикистана и Памира. Автореф. докт. дис. Новосибирск.
- Сагдуллаев 1987 — *Сагдуллаев А.С.* Усадьбы древней Бактрии. Таш.
- Хамиджанова 1982 — *Хамиджанова М.А.* Жилище таджиков Ягноба. — Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Юсупов 1977 — *Юсупов А.Х.* Неолитическая стоянка Тугузак. — Материалы по археологии и истории Таджикистана. Душ.
- Vinogradova 1994 — *Vinogradova N.M.* The Farming Settlement of Kangurtut (South Tadjikistan) in the Late Bronze Age. — *Archaeologische Mitteilungen aus Iran*. Bd. 27. B.
- P'jankova 1996 — *P'jankova L.T.* The Settlement of Karimberdy (IX–VIII centuries B.C.) in the South of Tadjikistan. — *IB IASCCA*. Issue 20. Moscow.

Рис. 1
Тегузак. Каменная кладка-фундамент

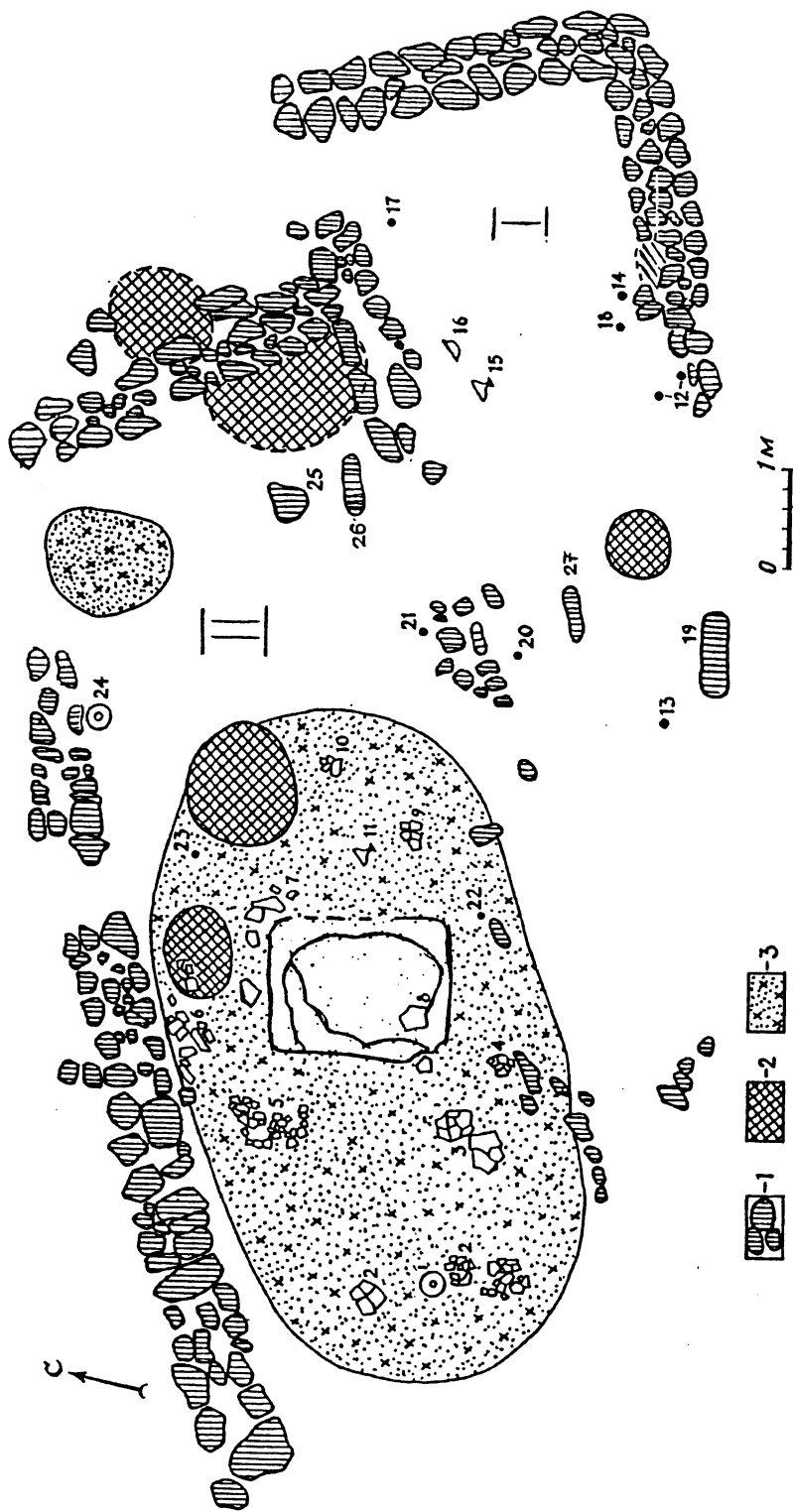

Рис. 2

Тугузак. Ритуальный комплекс. План

Условные обозначения: 1 — камни; 2 — рыхлый грунт темного цвета (ямы); 3 — горелый слой. Находки: 1-11, 15-17, 21-23 — керамика; 12, 13 — фрагменты литейных форм из красного песчаника; 14 — фрагменты кухонного сосуда; 18 —

глиняное пряслице; 19, 25 — фрагменты плоских плит из красного песчаника; 20 — фрагмент пестика из сиреневато-серого песчаника; 24 — каменная ступка; 26, 27 — зернотёрки

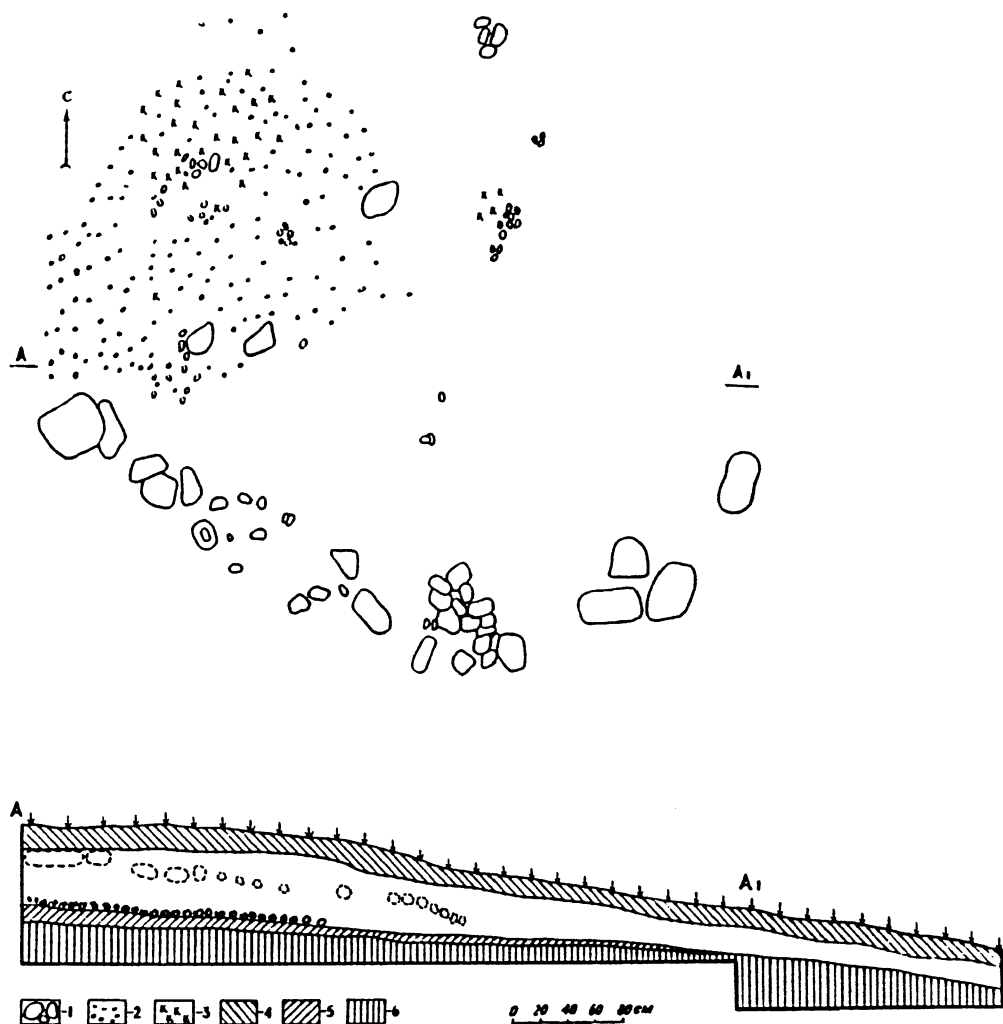

Рис. 3

Тегузак. Постройка легкого типа. План и разрез

Условные обозначения: 1 — камни; 2 — выкладка из колотых галек; 3 — керамика; 4 — дерновый слой; 5 — темная (углистая) прослойка лёсса; 6 — материк

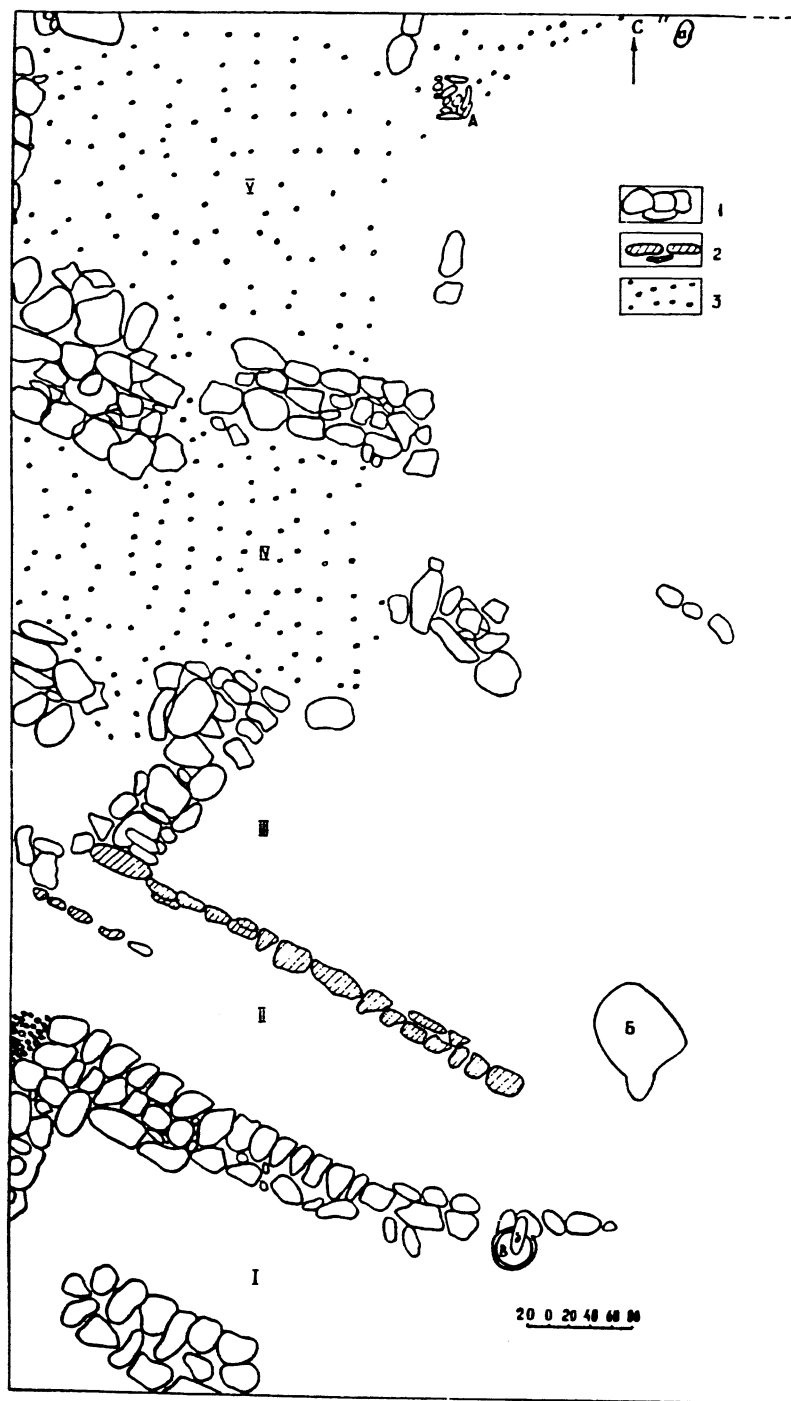

Рис. 4

Дахана. Раскоп I. План построек

Условные обозначения: 1 — камни, лежащие плашмя; 2 — камни, вкопанные ребром; 3 — гравий
 А — каменный «ящик»; Б — гончарная печь; В — хум; а, б — зернотёрки

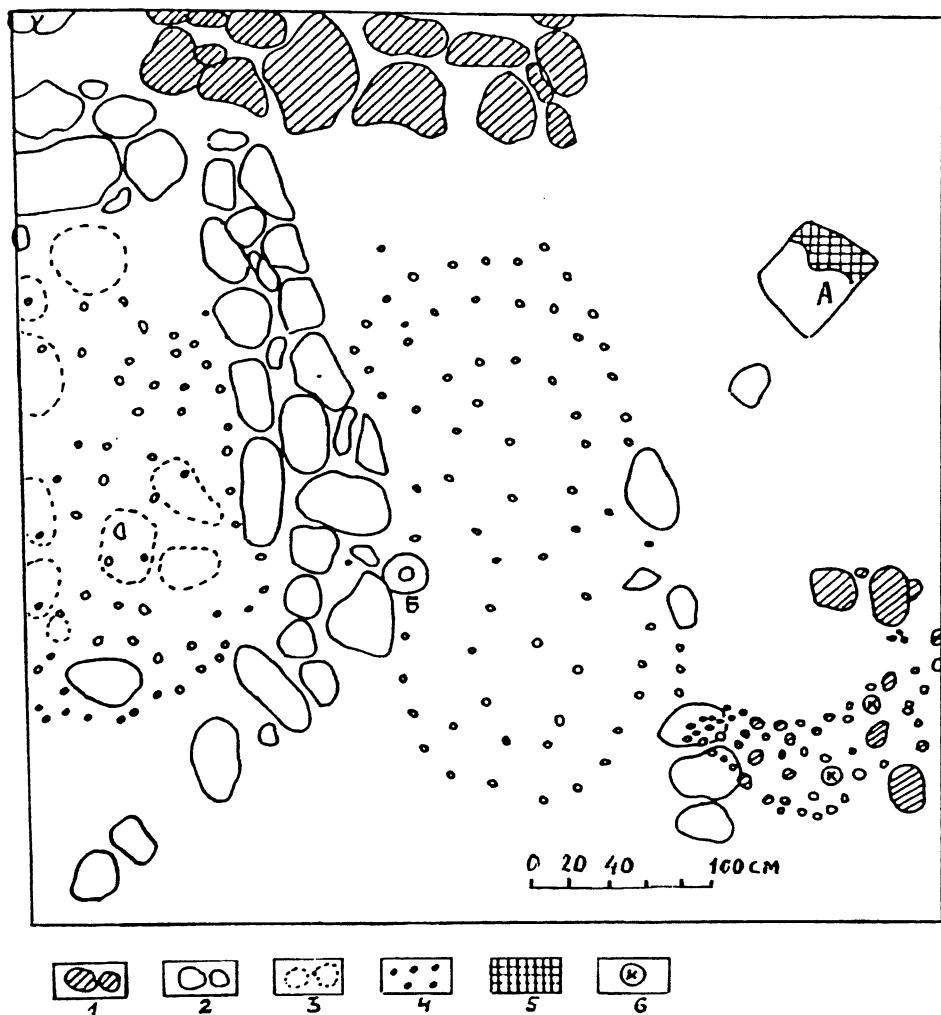

Рис. 5

Дахана. Раскоп II. План строительных остатков

Условные обозначения: 1 — камни и галечная вымостка верхнего горизонта; 2 — камни нижнего горизонта; 3 — камни, лежащие под слоем галечника; 4 — галечник; 5 — прокалённая земля; 6 — керамика; А — обломок плоской плиты из красного песчаника; Б — ступка

Д.С.Раевский

СКИФСКИЙ ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ: ПОЭТИКА И ПРАГМАТИКА

В ряду наиболее ярких и самобытных культурных феноменов Евразии скифской эпохи специфическому анималистическому искусству, известному в значительной мере под условным наименованием скифского звериного стиля, принадлежит особое место. Характеризуясь значительным единообразием по всему ареалу культур так называемого скифского мира (в культурно-историческом, а не этническом понимании этого термина) и одновременно выразительными локальными особенностями, присущими отдельным этнокультурным зонам, он, как известно, служит одним из основных признаков различия этих культур. Вместе с тем огромное количество памятников звериного стиля, происходящих из различных областей евразийского степного пояса и смежных с ним горных и лесостепных районов, дает в руки исследователям богатейший материал для изучения самых разных сторон материальной, художественной и духовной культуры обитателей этих территорий.

Дать звериному стилю скифской эпохи краткое и емкое определение, учитывающее главные, сущностные признаки этого явления, достаточно сложно. Для наших целей весьма удачной можно считать формулировку, предложенную в свое время Н.Л.Членовой [Tchlenova 1966, с. 383; Членова 1967, с. 110] и несколько модифицированную Е.В.Переводчиковой [Переводчикова 1994, с. 19], согласно которой звериный стиль характеризуется *изображениями определенных животных в определенных позах с помощью особых приемов*. При недостаточной на первый взгляд конкретности этой дефиниции она ценна тем, что учитывает как содержательные, так и формальные ключевые особенности рассматриваемого культурного феномена — фиксированность репертуара образов и наличие строгого иконографического и стилистического канона их воплощения.

В толковании этого оригинального анималистического искусства существует много нерешенных вопросов, хотя в отечественной и мировой науке накоплены богатые традиции его исследования в самых разных аспектах. Что касается анализа его формально-стилистических характеристик — того, как изображены животные, — то в нем существуют два принципиально разных подхода. Один ориентирован преимущественно на собственно искусствоведческие принципы и отмечен преобладанием оценочно-эстетического начала, что в принципе вполне правомерно. Уязвимость такого подхода состоит, однако, в том, что он

недостаточно учитывает специфику культурно-исторических процессов в среде носителей звериного стиля, и это зачастую приводит к существенно модернизированному пониманию механизмов его исторического существования — в частности, к завышенной оценке его связи непосредственно с натурой и влияния индивидуального авторского начала¹.

Другой подход к формальным особенностям искусства звериного стиля обоснованно уделяет большое внимание именно этим процессам, констатируя ограниченную роль в них индивидуального художественного почерка и натурального элемента. К работам этого круга следует в первую очередь отнести недавнюю монографию Е.В.Переводчиковой (1994). По ее наблюдениям, изображение животного в искусстве звериного стиля «опирается не на непосредственное восприятие (натуры. — *Д.Р.*), а на осмысление многообразных впечатлений о мире и его обитателях» и воплощает «длительное обобщение разрозненных впечатлений» [Переводчикова 1994, с. 22]. При этом следует подчеркнуть, что традиция такого обобщенного воплощения формировалась под воздействием той «предварительной цензуры коллектива», которую П.Г.Богатырев и Р.Якобсон (1971, с. 372) отмечали при анализе специфики фольклора. Исследователи видели в этой «цензуре» фактор, определяющий механизмы порождения и функционирования фольклорных текстов, поскольку она обеспечивает укоренение в традиции лишь того, что отвечает требованиям данного социума, одним из следствий чего является сложение достаточно стабильного канона. Правомерность распространения такого подхода и на определенные виды архаического визуального искусства, в том числе и на звериный стиль скифской эпохи, подтверждается самим характером его памятников, и потому совершенно справедливым представляется заключение Е.В.Переводчиковой (1994, с. 23), что «мастер, работавший в традиции скифского звериного стиля, в значительной мере просто следовал этой традиции, жившей в коллективных представлениях носителей скифской культуры, и оттого не может считаться автором, самостоятельно осмысливающим мир».

Второе направление в изучении звериного стиля, зародившееся достаточно давно, но особенно интенсивно развивающееся в последние десятилетия, сосредоточено преимущественно на репертуаре его образов и на месте и роли каждого из них в системе представлений о мире, присущих носителям культур скифского типа, т.е. по существу — на семантике звериного стиля. Здесь внимание исследователей обращено уже на то, *кого* именно изображали. Интерес к этой проблематике определяется безусловным преобладанием (а на определенной стадии — и исключительным наличием) в скифском искусстве зооморфных образов. На первых этапах развития этого подхода среди исследователей

---

¹ Последний пример такого подхода демонстрирует недавняя статья В.А.Коренько. Автор считает возможным говорить об «убедительном соответствии» стилистической специфики звериного стиля с «одним из позднейших „больших стилей“ нового времени» — экспрессионизмом прежде всего на том основании, что им обоим свойственна «обостренная выразительность, достигаемая главным образом деформацией», т.е. «искажением натуральных форм» [Коренько 1998, с. 64–65]. Для исследователя несущественным является тот факт, что в экспрессионизме подобные деформации связаны с индивидуальным почерком художника, а в зверином стиле они сугубо каноничны и, следовательно, «обостренной выразительности» отнюдь не обеспечивают. Тезис В.А.Коренько о воспроизведении в образах звериного стиля жертв облавной охоты в соответствующих, воспроизводящих натуру позах [Коренько 1998, с. 70], помимо методологической уязвимости, не согласуется с конкретными данными о репертуаре и истории сложения представленных в традиции иконографических схем, на чем здесь нет возможности останавливаться подробно.

наибольшей популярностью пользовалось толкование этого искусства на основе тотемической и магической концепций в тех их формах, которые неоправданно архаизируют мировосприятие носителей исследуемых культур. В анималистических «персонажах» скифского искусства видели воплощения тотемических предков, а его магическая функция трактовалась как стремление обеспечить обладателей соответствующих изображений свойствами воспроизведенных животных — силой, быстротой, зоркостью и т.д.

В дальнейшем большее распространение получила мифологическая трактовка образов и композиций искусства звериного стиля (впрочем, понимаемая различными исследователями по-разному), что, разумеется, не исключает присутствия в нем определенного тотемического и магического элемента. Суть понимания этой проблемы автором данной статьи, во многом определяющая дальнейшее изложение, состоит в следующем. Зооморфные образы звериного стиля, вопреки достаточно распространенному мнению, не являются изображениями скифских богов, мыслившихся преимущественно в антропоморфном облике. Тем не менее есть основания полагать, что система этих образов, с одной стороны, и персонажи скифской мифологии — с другой, средствами разных кодов моделируют одно и то же смысловое пространство, достаточно определенно скоррелированы между собой. Поэтому образы скифского анималистического искусства, не будучи иконическими знаками скифских богов, тем не менее представляют своего рода их символы (и символы элементов модели мира, воплощенных в этих персонажах), их метонимические обозначения (подробнее см. [Раевский 1985, с. 83 и сл.]).

При обращении к истории изучения анималистического искусства скифской эпохи бросается в глаза то обстоятельство, что два обозначенных аспекта его исследования в большинстве случаев существуют как бы сами по себе: проблему, *каких животных изображали* и чем определялся этот репертуар образов, относят «по ведомству» плана содержания, выходя на анализ семантики памятников звериного стиля; то же, *как их изображали*, трактуется почти исключительно как относящееся к плану выражения, и вопрос о том, почему — с точки зрения смысла — изображали именно так, чаще всего попросту не ставится, собственно стиль анализируется вне связи с семантикой. Так, Е.Е.Кузьмина (1983, с. 95) как раз в связи с исследованием скифских памятников отмечала, что «кроме эстетической нагрузки каждое произведение изобразительного искусства несет определенную смысловую нагрузку. *Форма служит лишь средством выражения содержания*, обусловленного мировоззрением общества, к которому принадлежит и для которого работает художник» (курсив мой. — Д.Р.). Следует, впрочем, отметить, что этот тезис парадоксальным образом противоречит конкретным наблюдениям того же автора о соотношении формы и содержания в скифском искусстве: именно Е.Е.Кузьмина (1984, с. 93–97) в этом вопросе ближе всего к тому пониманию этой проблемы, которое предлагается в настоящей работе, в чем нам предстоит убедиться в дальнейшем.

Правда, спорадически некоторые элементы плана выражения скифского звериного стиля в какой-то мере рассматривались как порожденные семантикой. Это, во-первых, некоторые особенности иконографии — точнее, выбор поз, в которых изображались животные (лежащий олень, свернувшийся в кольцо хищник) (см. [Раевский 1987]). Чаще же всего в качестве семантически обусловленного рассматривается другой элемент плана выражения — так называемые зооморфные превращения, т.е. трактовка какой-либо части фигуры зверя как

самостоятельного, дополнительного звериного образа. Их появление объясняли либо в ключе примитивной магии (усиление функций того органа, который подчеркнут дополнительным изображением, ради придания соответствующих свойств обладателю предмета), либо в космологическом плане: автор данной статьи в свое время предложил рассматривать «основной» образ подобных изображений как своего рода космическое тело, разные элементы которого средствами того же зоологического кода маркируют отдельные элементы космоса [Раевский 1985, с. 124–126]. Не отказываясь и сейчас от такой трактовки, следует признать, что она явно не исчерпывает проблемы, о чем подробно речь пойдет ниже.

В целом, однако, в скифологии преобладает раздельный анализ плана выражения и плана содержания памятников звериного стиля, и это весьма напоминает ту «школьную методику изучения литературы», которая, по словам Ю.М.Лотмана, настойчиво убеждала учеников, что «несколько строк логических выводов (предположим, вдумчивых и серьезных) составляют всю суть художественного произведения, а остальное относится к второстепенным „художественным особенностям“» [Лотман 1970, с. 7]. Между тем, по справедливому замечанию того же Ю.М.Лотмана, возможность замены художественных средств передачи определенной информации иными способами ее трансляции сделала бы искусство как таковое неоправданно громоздким и при этом необязательным элементом культуры, конечным результатом чего явилось бы его отмирание. Оно потому и является не факультативной, а одной из неперменных составляющих культуры, что «художественный текст — сложно построенный смысл. *Все его элементы суть элементы смысловые*» ([Лотман 1970, с. 17–19]; курсив мой. — Д.Р.).

Приведенные слова Ю.М.Лотмана касаются прежде всего вербальных текстов, но они с полным основанием могут быть отнесены и к другим видам художественной — в том числе изобразительной — коммуникации. Недавно Я.А.Шер (1997, с. 29) высказал вполне правомерную мысль, что в архаических культурах «сходство между устной и изобразительной традициями должно наблюдаться не только в содержании тех или иных вербальных и изобразительных текстов, но и между их выразительными элементами», и охарактеризовал архаические изобразительные памятники — в первую очередь петроглифы — как «изобразительный фольклор». Однако, следуя по этому весьма перспективному пути, в конкретных сопоставлениях визуальных и вербальных текстов исследователь в основном ограничился уровнем набора образов, семантических блоков типа «Мать-Земля и Отец-Небо», «мировое древо» и т.п., в самом деле представленных в обеих названных категориях художественных текстов. Но проблему сходства между ними необходимо рассмотреть глубже и шире — в самых различных аспектах, условно объединяемых термином «*поэтика*», которая вслед за О.М.Фрейденберг (1936, с. 9) понимается здесь как *единство между семантикой и морфологией*.

Если изучение понимаемой в таком ключе поэтики вербального творчества архаических обществ имеет богатый опыт и озаменовано (прежде всего усилиями фольклористов) существенными достижениями, то к анализу визуальных памятников подобный подход применялся лишь эпизодически и фрагментарно. Есть основания полагать, что скифское искусство звериного стиля является особенно благодарным материалом для изучения под таким углом. Исследование его поэтики как единства морфологии и семантики представляет, по существу,

поиски ответа на вопрос, почему присущая его образам семантика обрела именно такое формальное воплощение, или *vice versa*, — чем соответствуют семантике его образов именно такие приемы их воплощения. Для получения развернутого ответа на эти вопросы представляется необходимым наряду с морфологией и семантикой учитывать и третью составляющую механизма функционирования любых знаковых систем и основанных на них текстов — их *прагматику*.

Исследование памятников скифского звериного стиля в единстве присущей им морфологии, семантики и прагматики составляет актуальную задачу, попытку движения к реализации которой и представляет данная статья. Разумеется, сформулированная таким образом проблема весьма обширна и требует детальной разработки и методического, и конкретно-аналитического, и интерпретационного аспектов. Предлагаемая работа — лишь первый шаг на этом долгом, по преимуществу неосвоенном пути. Ее цель ограничивается обозначением ряда узловых сторон проблемы и демонстрацией некоторых — сугубо предварительных — наблюдений.

Изучение визуальных памятников в обозначенном ключе предполагает, среди прочего, их сопоставление по всем трем перечисленным характеристикам с устной поэзией, чему можно назвать две основные причины. Вспомним сказанное выше о близости механизмов возникновения и бытования фольклорных текстов и произведений звериного стиля, о формировании тех и других на базе традиционных коллективных представлений. Следствием этой близости должно было явиться определенное сходство по крайней мере некоторых формальных и семантических характеристик обеих названных категорий памятников. К тому же, как уже отмечалось, именно на вербальном материале накоплен богатый опыт анализа поэтики в интересующем нас ракурсе, и обращение к нему может дать нам первичные методические ориентиры на практически не освоенном еще пути.

В качестве пригодных для такого сопоставления вербальных текстов в первую очередь, конечно, выступают материалы фольклора, поскольку именно исследование живых фольклорных традиций позволило исследователям воссоздать механизмы порождения и функционирования устного поэтического слова. Однако вряд ли правомерно ограничиваться собственно фольклором, игнорируя другие разновидности устной поэзии. Известно, что собственно скифское вербальное творчество до нас не дошло; возможность же реконструкции некоторых его элементов по данным античных авторов, нартского эпоса осетин и т.п. ограничена почти исключительно содержательным уровнем и потому не информативна в контексте рассматриваемой проблемы. В этих условиях, исходя из принадлежности скифов к ираноязычному миру, принципиально важным для нас материалом оказывается религиозная поэзия родственных скифам народов, обращение к которой позволило бы, не ограничиваясь общетипологическими сопоставлениями, опираться и на генетическую близость сравниваемых культурных явлений.

Дошедшие до нас в сравнительно поздней записи тексты этого круга, как установлено специалистами, до того длительное время обращались в устной форме. Из достаточно хорошо сохранившихся и сравнительно полно изученных памятников в первую очередь следует, конечно, назвать Авесту, создатели которой так же, как и скифы, принадлежали к числу древнеиранских народов. Однако ее первоочередное привлечение в интересующих нас целях встречает серьезные препятствия. Важнейшее из них — гетерогенность входящих в этот памятник текстов, по существу принадлежащих к различным по природе и ха-

рактору культурным традициям: если одни из них отражают преимущественно архаичный пласт «естественной» религии древних иранцев, стадияльно близкой к религии скифов, то другие — «религию откровения», зороастризм. В какой мере такая разноприродность сказалась на поэтике самих авестийских текстов — самостоятельный вопрос, требующий отдельного (не всегда на сегодня доступного) анализа. Но для нас на первых порах предпринимаемого исследования особенно важна культурная целостность сопоставительного вербального материала, поскольку она обеспечивает единство трех интересующих нас составляющих как явления органичного, не отягченного воздействием дополнительных факторов. С этой точки зрения более высокой ценностью обладают древнеиндийские гимны Ригведы.

Хотя этногенетически ведийские индоарии дальше отстоят от скифов, чем иранцы, оставившие нам Авесту, исследователи неоднократно сталкивались с фактами, когда именно данные Ригведы — в значительной мере в силу отмеченной «естественности» отраженных в ней представлений, не подвергшихся целенаправленной деформации, — помогали уяснить семантику образов или мотивов скифской мифологии или некоторые формальные особенности скифских памятников (см., например, [Кузьмина 1984])².

Немаловажным для нас обстоятельством является и наличие фундаментальных исследований поэтики Ригведы в интересующем нас ракурсе. В отечественной науке они представлены в первую очередь работами Т.Я.Елизаренковой (см. прежде всего [Елизаренкова 1993]), из которых автор данной статьи, не будучи филологом, в основном черпал ценнейший для рассматриваемой темы сравнительный материал. Очень существенны также наблюдения исследователей о глубокой древности и архаичности ряда элементов ведийской поэтики, восходящих, вполне вероятно, к эпохе индоевропейского единства [Елизаренкова, Топоров 1979]. Однако следует еще раз специально подчеркнуть, что первичным для нас объектом исследования являются памятники собственно скифского звериного стиля: все сопоставления с вербальным творчеством правомерны лишь при условии, что самим этим памятникам имманентно присущи те признаки, по которым осуществляется такое сопоставление.

После этих предварительных замечаний обратимся к анализу скифского звериного стиля в обозначенном ракурсе.

Первой его особенностью, на которой следует остановиться, является постоянно отмечаемое исследователями безусловное преобладание в нем (особенно на ранних стадиях развития, предшествующих активному влиянию античной культуры) одиночных, изолированных изображений животных и отсутствие какого-либо действия, повествовательного элемента [Ильинская 1965, с. 106–107; Артамонов 1968, с. 39]. Автор данной статьи в свое время объяснял эту черту особенностями становления скифского анималистического искусства на основе заимствованных образов и сравнивал с ранней, безглагольной стадией освоения человеком естественного языка [Раевский 1985, с. 105–106]. Но сравнение с ведийской поэзией позволяет теперь считать такое объяснение явно недостаточным.

---

² Речь ни в коей мере не идет о следствии наличия в скифской среде особого «индоарийского пласта», как это предполагает концепция О.Н.Трубачева, а о значительной стадияльно-типологической близости восходящих к общим корням ведийской и скифской культур в интересующих нас сферах.

По наблюдениям Т.Я.Елизаренковой (1993, с. 20), Ригведе «мало свойственно дискурсивное изложение событий, их логически обоснованная линейная последовательность. В РВ, во всяком случае в ее древней части, редко встречается привычное современному человеку линейное изложение мифологических сюжетов. Большой частью мифы не излагаются, а называются. Нередко они упоминаются в одних и тех же выражениях (кратких, часто имеющих формульный характер)». Семантической доминантой ведийского гимна является акт *называния* божества — по имени или путем перечисления его эпитетов, зачастую четко не отграниченных от имени как такового или замещающих его; в том же ряду должны быть названы постоянно встречающиеся в гимнах упоминания атрибутов божества, поскольку «его эпитеты и атрибуты рассматриваются как „свернутые“ действия данного божества» [Елизаренкова 1993, с. 124].

Описанный способ выражения семантики гимна напрямую связан с его прагматикой, поскольку произнесение имени божества (или его субститутов) в представлении ведийских ариев выступает как «один из вариантов общей магической процедуры „произнесения истины“, которой в древнеиндийской культуре приписывались большие креативные возможности» [Елизаренкова 1993, с. 103]. С этим связан целый ряд дополнительных формальных характеристик ведийской поэзии, на которых нам предстоит остановиться в дальнейшем.

Поскольку, как уже сказано, есть основания рассматривать образы звериного стиля как знаки элементов скифской модели мира и соответственно символизирующие их богов, т.е. в конечном счете как своего рода метонимические их обозначения, вполне сопоставимые со способами называния божеств в ведийских гимнах, можно высказать предположение: *не является ли каждое произведение скифского анималистического искусства, обладающее указанным семантическим и композиционным сходством с вербальным гимном, своего рода визуальным эквивалентом последнего?* Такое толкование могло бы послужить ориентиром и при решении вопроса о прагматике звериного стиля, придав качественно новый смысл старой гипотезе о магических его функциях.

Разумеется, предложенного выше сопоставления вербальных и визуальных текстов по единичному признаку явно недостаточно для столь радикального заключения, и его правомерность необходимо проверить сравнительным анализом других их особенностей.

Обратимся в этой связи к вопросу о свойственном тем и другим памятникам соотношении канона и вариативности. Выше — в связи с определением понятия «скифский звериный стиль» — уже отмечалось, что ключевой его чертой является строгая каноничность, проявляющаяся как в репертуаре образов, так и в приемах их воплощения. В то же время абсолютно идентичных памятников звериного стиля, происходящих из разных комплексов, мы практически не имеем. Так, один из самых популярных в Скифии анималистических мотивов — олень с поджатыми ногами — при всей его традиционности всегда трактуется создателем несколько по-особому. Изображения свернувшегося хищника, тоже крайне многочисленные в скифском искусстве, также весьма близки между собой по формальному построению, но и они никогда не повторяют друг друга буквально, будь то достаточно лаконичные или же отягченные множеством изысканных деталей варианты воплощения этой схемы. В этом плане интересно, к примеру, сравнить найденные сравнительно недавно у с. Ковалевка на Южном Буге бляхи с этим мотивом [Ковпаненко, Бунятян 1978, рис. 1, 39] и счи-

тающуюся наиболее близкой им аналогией знаменитую бляху из кургана Кулаковского в Крыму [ScA 1986, табл. 61]. На первый взгляд они в самом деле чрезвычайно сходны не только содержательно, но и формально, однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что по сути каждая деталь в них трактована оригинально.

Для осмысления этой особенности искусства звериного стиля вновь обратимся к наблюдениям специалистов по изучению устной вербальной традиции. По словам создателя одной из ключевых для этой сферы науки концепций А.Б.Лорда (1994, с. 15), в устной поэзии «каждое исполнение в действительности представляет собой самостоятельную песню, поскольку каждое исполнение уникально и несет на себе печать поэта-сказителя». Но границы этой оригинальности, пределы импровизации строго заданы традицией, которая определяет спектр «не только сюжетов, мотивов и образов, но и постоянных стилистических формул, эпитетов, сравнений, фразеологических оборотов и т.п., которыми поэт-импровизатор пользуется как своего рода поэтическим языком» [Жирмунский 1974, с. 635–636], т.е., не ограничиваясь планом содержания, регламентирует и план выражения. Эта особенность устного творчества породила концепцию М.Пэрри и А.Б.Лорда о формульной его природе. Под формулой в ней понимается достаточно устойчивое сочетание слов, призванное передать определенное смысловое ядро [Лорд 1994, с. 14]³. Процедура создания новых версий поэтических текстов, согласно этой концепции, есть прежде всего и по преимуществу оперирование формулами. В самом деле, в условиях бытования вербальных произведений исключительно в устной форме только формульность (прежде всего как мнемоническое средство) могла обеспечить соблюдение неперменного условия — соответствия каждый раз заново порождаемых версий текста традиции, некоему инварианту. Без этого они не преодолели бы упоминавшейся выше «цензуры коллектива», поскольку оказались бы непригодны для выполнения своей социальной функции. Существует и другая сторона формульного характера устной поэзии — он защищал от необходимости дословного воспроизведения единожды сложенного и затем просто заученного текста, о чем речь подробнее пойдет далее.

Естественно, что определенное соотношение стабильности и вариативности присуще не только собственно фольклору, на материале которого разработана теория поэтических формул, но и другим видам поэзии при условии их существования только в устной форме — к примеру, религиозным гимнам, в частности ведийским. Конечно, здесь оно не было совершенно таким же, как в «светских» жанрах фольклора. С одной стороны, высокая степень сакрализации ведийской поэзии требовала более бережного отношения к созданному ранее: в семьях певцов-риши «хранились и передавались из поколения в поколение целые мандалы, т.е. циклы гимнов... или же группы гимнов» [Елизаренкова 1993, с. 24]. С другой стороны, именно в этой культурной среде особенно отчетливо выявляется потребность постоянно привносить в текст определенную новизну, выражающаяся прежде всего в настойчивых поисках «новой, изысканной формы, в которую может быть вложено и старое содержание» [Елизаренкова 1993].

---

³ Ввиду специфики вербальной поэзии, на материале которой выработано понятие формулы, в ее характеристику включено и сходство «метрических условий», в которых она встречается. При анализе визуальных памятников мы пока оставляем этот аспект вне поля зрения, хотя совсем исключать его значения для подобной процедуры, вероятно, преждевременно.

В этой связи весьма интересно, что риши осознавали новизну своего произведения по сравнению с другими версиями гимна (это эксплицитно выражено даже в самой лексике текста [Елизаренкова 1993, с. 26–28]), тогда как для эпического сказителя она далеко не всегда очевидна: известны случаи, когда он настаивает на том, что целиком следует традиции, не прибавляя и не убавляя ничего по сравнению с предшественниками, хотя в действительности это далеко не так. Б.Н.Путилов (1997, с. 154) полагает, что это противоречие снимается тем, что стабильность касается «плана содержания, который не подлежит переменам и поправкам», тогда как «свободное отношение касается плана выражения: у сказителей, особенно у мастеров, имеется достаточный фонд стилистических средств, чтобы варьировать этот план, и есть навыки подобного варьирования». Однако вряд ли это утверждение полностью решает проблему, поскольку, как говорилось выше, в художественном тексте и элементы формы также выступают как смысловые.

Представляется, что описанное соотношение канона и вариативности в устной поэзии составляет достаточно близкую аналогию приведенной выше характеристике с этой точки зрения скифского звериного стиля. Его традиционные иконографические схемы воплощения повторяющегося набора образов, воспроизводимые с помощью достаточно стабильного арсенала стилистических приемов, которыми свободно оперирует создатель изображения, правомерно уподобить вербальным формулам (см. также [Кузьмина 1984, с. 94]). Это проявление того самого воздействия традиции, которое отмечено в приведенных выше наблюдениях Е.В.Переводчиковой и обусловлено характером художественной деятельности в архаических обществах.

Гораздо труднее объяснить то обстоятельство, что создатели произведений звериного стиля так же, как сказители и певцы, практически непременно вносят в них определенные новации. Эта оригинальность каждого нового воплощения традиционного мотива в сфере визуального искусства предстает тем более существенной, что здесь оказывается неактуальной одна из главных причин такой вариативности, действующая в вербальной сфере.

Дело в том, что фольклорный сказитель или поэт-риши, приступая к исполнению, не имеет в своем распоряжении образов, ибо предшествующих воплощений исполняемого им произведения попросту *не существует*: в условиях устной культуры каждый вербальный текст рождается в процессе исполнения и с ним же умирает. Поэтому, «когда сказитель завершает песню — с ней покончено. Все его привычки, весь образ мыслей направлен вперед, и он не способен вернуться и проделать тот же путь снова» [Лорд 1994, с. 146]. Вследствие этого, чтобы оставаться в рамках той традиции, к которой он принадлежит, певец должен черпать необходимые ему данные о строении текста, как и традиционные поэтические средства, исключительно из своей памяти.

Совсем иная ситуация наблюдается в сфере визуального искусства. Каждый памятник, к примеру, звериного стиля, получив материальное воплощение, остается в мире и теоретически вполне может послужить образцом для следующего мастера. Конечно, многие из подобных изделий создавались, видимо, специально для погребального убора и в кратчайшие сроки попадали в могилу, тем самым изымаясь из активного обращения. Однако конкретные материалы свидетельствуют, что и в живой среде циркулировало множество подобных предметов, и это создавало оптимальные предпосылки для подражания или даже пря-

мого копирования. Тем не менее тенденция к выходу за рамки стабильных клише и к постоянным поискам новых выразительных средств и созданию отличающихся от прежних (хотя и каноничных) воплощений того или иного мотива, как сказано, была в искусстве звериного стиля преобладающей. Более того, можно даже утверждать, что ее сохранение в условиях наличия перед глазами мастера реальных образцов свидетельствует об особой значимости этой тенденции. Чем же она в данном случае была обусловлена?

В этой связи вновь обратимся к сравнению с ведийскими гимнами. Как уже говорилось, в среде ведийских риши вариативность текста, его постоянное обновление были не просто производным от способов хранения и передачи устной поэтической информации, но осознавались и поощрялись. Мало того, эта новизна, проявляющаяся главным образом на уровне плана выражения, рассматривалась как фактор, повышающий прагматическую ценность гимна, поскольку в создании новой версии видели «средство поддержания божества и источник силы адепта в определенные моменты циклического обновления жизни» [Елизаренкова 1993, с. 26–27; Gonda 1941].

Такое прагматическое осмысление постоянного обновления текста гимна имеет прежде всего чисто семиотическую природу. Как отмечал Ю.М.Лотман (1970, с. 95), «для того чтобы общая структура (художественного. — Д.Р.) текста сохраняла информативность, она должна постоянно выводиться из состояния автоматизма, которое присуще нехудожественным структурам». Сама прагматика ритуального текста, будь он вербальный или визуальный, требует неперемennого преодоления такого автоматизма, ибо обращение к божеству, каковым, к примеру, является ведийский гимн, предполагает активность адресанта. Оно должно быть каждый раз прочувствовано и осознано на всех уровнях. Религиозное поведение человека архаической эпохи принципиально отличается от достаточно характерной для более поздних эпох практики почти бездумного повторения затверженных раз и навсегда молитв.

Если верно предложенное выше толкование произведений звериного стиля как своего рода «визуальных гимнов», то прагматически обусловленное стремление преодолеть автоматизм восприятия оказывается для них еще более актуальным, чем для вербальной поэзии. Последняя непременно предполагает определенную активность произносящего гимн (и тем самым совершающего акт призвания божества) — особенно в той уже охарактеризованной ситуации циркуляции текстов исключительно в устной форме, когда акт их произнесения вместе с тем представляет (в большей или меньшей степени) и акт их создания. Созерцание же единожды созданного изображения — процесс в основе своей сугубо пассивный, а многократное тиражирование совершенно идентичных визуальных текстов еще усугубляет быструю автоматизацию их восприятия, что радикально ослабляет их прагматическую функцию обращения к божеству. Попыткой преодоления этой тенденции и должна была, видимо, явиться неполная тождественность, почти неперемennая вариативность воплощения одних и тех же образов звериного стиля⁴.

⁴ В свете сказанного интересно различие в соотношении единообразия и вариативности между собственно скифским искусством звериного стиля и так называемыми греко-скифскими древностями IV в. до н.э., также связанными с религиозной практикой скифов, но созданными эллинистическими мастерами. Известны случаи, когда одно и то же изображение этого круга тиражировалось в больших количествах — иногда даже с применением одного и того же штампа. Так, уже по

Обратимся к тому, какими именно средствами подобная нетождественность достигалась. В вербальном творчестве исследователи отмечают в этой связи постоянные поиски более совершенной формы, достижение особой изысканности [Елизаренкова 1993, с. 27]. При сравнении разных реализаций одного содержания выясняется, что «значимым и существенным процессом является обычно усложнение, тогда как упрощение свидетельствует либо об ограниченных возможностях певца, либо о нехватке у него времени, либо о недостаточной практике в исполнении данной песни» [Лорд 1994, с. 137]. В целом эти наблюдения приложимы и к памятникам звериного стиля, но с тем непременным уточнением (справедливым в отношении и вербального, и визуального творчества), что усложнение формы — это «вовсе не „чистая“ орнаментация, она имеет свой смысл в контексте традиции, из которой проистекает» [Лорд 1994].

В этом плане весьма показательна такая уже упоминавшаяся особенность скифского звериного стиля, как использование зооморфных превращений — трактовка отдельных элементов фигуры зверя в виде дополнительных зооморфных мотивов. К ней нам неоднократно придется обращаться в контексте различных аспектов нашего анализа. Прежде всего следует отметить, что в качестве таких дополнительных изображений используются образы, содержательно и стилистически тождественные тем, которые в том же скифском искусстве бытуют и в качестве самостоятельных мотивов, т.е. целиком находящиеся в рамках изучаемой традиции. Мастер так же, как и певец, остается в рамках использования «формул». Классические примеры таких превращений — придание отрокам оленьего рога формы птичьего клюва или целой головы хищной птицы [ScA 1986, fig. 97, 101] либо превращение хвоста и концов лап знаменитой келермесской пантеры в ряд изображений небольших, свернувшихся в кольцо хищников. Более сложным, не столь легко «прочитаваемым», но имеющим ту же природу является трактовка затылочной части головы хищной птицы как еще одного изображения такой же головы, расположенной перпендикулярно к «основному» изображению, примеры чего мы находим в Семибратних курганах [ScA 1986, fig. 99] или в 1-й Завадской могиле [Мозолевский 1980, рис. 47] (рис. 2). Вряд ли будет выглядеть натяжкой прямое сопоставление этого приема с той характерной именно для поэтических текстов особенностью, что в них чисто языковые элементы, в естественном языке обычно выступающие исключительно в качестве средства выражения, дополнительно семантизируются, обретают собственный смысл. Эта особенность построения обеспечивает прагматическую ценность изображения не только тем, что, как говорилось ранее, препятствует автоматизации его восприятия, но и тем, что — опять-таки в полном соответствии с принципами ведийской поэтики — семантизация формы вводит дополнительный уровень плана содержания и тем самым «служит коммуникативному назначению гимна — воздействию на восхваляемое божество» [Елизаренкова 1993, с. 27], поскольку введение каждого нового зооморфного превра-

---

меньшей мере в семи скифских курганах (Чертомлык, Куль-оба, Огуз, 1-й Мордвиновский, Мелитопольский, Верхнерогачикский и в урочище Носаки) обнаружены золотые бляшки, воспроизводившие сидящую богиню с зеркалом и предстоящего ей безбородого скифа с ритонном. Существуют и другие примеры такого тиражирования. Не является ли это одним из проявлений коренного культурного различия между бесписьменным скифским и «литературным» греческим мирами? В последнем уже складывалась ориентация на единожды записанный и после этого остающийся неизменным текст. Вопрос о том, почему она получила отражение и в характере распространения греческих древностей среди скифов, требует специального осмысления.

шения фактически умножает число содержащихся в «визуальном гимне» случаев называния божества.

Структурные и композиционные способы введения в образы звериного стиля зооморфных превращений достаточно разнообразны. Простейшим случаем является ситуация, когда дополнительные мотивы механически накладываются на определенные места «основной» фигуры, как у уже упомянутой келермесской пантеры. Здесь фигурки свернувшихся в кольцо хищников легко распознаются именно как самостоятельные изображения, а свою роль элементов «основного» образа (хвоста и концов лап) они играют не в силу визуального им подобия, а исключительно благодаря своему местоположению. Гораздо более сложной следует считать ситуацию, когда один и тот же элемент зрительно с одинаковым основанием воспринимается и как деталь основного изображения, и как самостоятельная фигура. Примерами использования такого приема могут служить уже упомянутые случаи трактовки отростков оленьего рога как птичьих клювов или знаменитая головка хищной птицы из кургана на Темир-горе [ScA 1986, fig. 3], достаточно натуралистичное изображение клюва которой формируется из элементов, одновременно представляющих и два дополнительных изображения — головы и целой фигурки каких-то длинноухих животных. Наконец, необходимо отметить и наиболее сложный прием — иерархическую организацию зооморфных превращений, когда каждое дополнительное изображение, в свою очередь, содержит свои зооморфные превращения. Блестящую реализацию этот принцип находит в упомянутых изображениях головы хищной птицы из Семибратних курганов и 1-й Завалской могилы: здесь затылочная часть основного изображения, как уже сказано, трактована в виде такой же головы, а та, в свою очередь, имеет аналогичное строение (в одном из названных памятников таких иерархических уровней три, а в другом — даже четыре).

Помимо названных в скифском зверином стиле могут быть выявлены и другие способы реализации приема зооморфных превращений. Известны также памятники, в построении которых обнаруживается сочетание разных способов и, наконец, случаи использования одного и того же элемента для создания нескольких дополнительных изображений одновременно — своего рода визуальная полисемия.

Такая полисемия свойственна не только дополнительным мотивам скифского искусства. Иногда многозначностью обладают и «основные» изображения. Наиболее известен прием использования двух симметрично размещенных звериных профилей для создания образа животного *en face* [ScA 1986, fig. 64]. Но, пожалуй, наиболее совершенный и изысканный пример являют бронзовые псалии из кургана у с. Хошеутово, имеющие на обоих концах скульптурные головки животных (рис. 1). Опубликовавшие этот комплекс В.В.Дворниченко и М.А.Очир-Горяева (1997, с. 107, рис. 1, 7) усмотрели в них головы оленей, направленные мордой к центральной части псалия, но не отметили, что эти головы, будучи совершенно идентичными, обращены верхом в противоположные стороны. Самым замечательным является то, что изображение при этом не выглядит перевернутым, а просто приобретает новое содержание: его элементы трактованы и размещены таким образом, что при переворачивании голова оленя (или, скорее, лося) превращается в голову хищника. Таким образом, при взгляде с любой стороны на горизонтально размещенный псалий один его конец смотрится как голова копытного, а другой — как голова хищника.

Памятники звериного стиля, созданные с применением охарактеризованных формальных приемов, обладают неодинаковой «прозрачностью»: некоторые дополнительные изображения или наличие у изображения второго значения распознаются с первого взгляда, тогда как другие (в первую очередь те, которые состоят из элементов, обладающих несколькими значениями) трудноуловимы и требуют внимательного рассматривания и своего рода угадывания. Так, в уже упомянутой головке птицы из кургана на Темир-горе М.Н.Погребовой и мной, помимо общепризнанных дополнительных мотивов (двух названных выше изображений на клюве и лежащей фигурки в затылочной части), было вычленено также изображение головы козла с вертикально расположенным рогом [Погребова, Раевский 1992, с. 234, примеч. 24]. На бронзовой бляхе из кургана Кулаковского передняя нога «основного» хищника в сочетании с размещенной над ней головой лося образует голову еще одного хищника с раскрытой пастью и длинным лежащим на шее ухом, сходную с изображениями на концах скифских орнаментированных кабаньих клыков [Яковенко 1969, рис. 1, 1, 2, 5, 6]. Имеются и другие примеры подобного многозначного прочтения зооморфных превращений в скифском зверином стиле.

Все эти приемы могут быть охарактеризованы как активное (и очень искусное) использование в построении изобразительных памятников двух специфических приемов — *игрового начала* и *загадки*.

Под игровой здесь понимается, пользуясь формулировкой Ю.М.Лотмана (1970, с. 85–86), «модель, допускающая неоднозначные решения», которые «не отменяют друг друга, а взаимосоотносятся». При этом «механизм игрового эффекта заключается не в неподвижном, одновременном сосуществовании разных значений, а в постоянном сознании возможности других значений, чем то, которое сейчас принимается» [Лотман 1970, с. 89]. Приведенные выше примеры свидетельствуют, что искусство скифского звериного стиля демонстрирует виртуозное применение этого эффекта в визуальной сфере, благодаря чему предполагает не пассивное созерцание, а крайне высокую степень зрительской активности⁵.

---

⁵ Интересно, что автор классического труда о роли игрового начала в культуре Й.Хейзинга (1992, с. 188–189) практически отрицал возможность его применения в изобразительном искусстве, как и вообще в искусствах класса техне. По его мнению, «мусическое искусство есть деятельность и как деятельность воспринимается в процессе исполнения всякий раз, когда повторяется это исполнение». Что же касается изобразительного искусства, то «уже из-за своей прикованности к материи и ограниченных возможностей формотворчества, предоставляемых материалом, ему не удастся *играть* так же свободно». Здесь мастер «усердным и длительным трудом утверждает в материале свой эстетический импульс... Воздействие его искусства не зависит от акта представления или исполнения другими и им самим, как в музыке... Однажды созданное, осуществляет оно, неподвижное и немое, свое воздействие... Если... при изготовлении произведения искусства игровой элемент, по видимости, отсутствует, то он тем более никак себя не проявляет и в процессе созерцания и потребления этого произведения». Достаточно спорный сам по себе, этот подход совершенно неприменим к тем видам визуального творчества, где откровенно используется прием многоуровневости зрительного образа, постигаемого постепенно, поскольку это требует от зрителя в момент предъявления произведения значительной активности, что по существу равносильно деятельности — правда, не художника, совершившего акт творения единожды, а именно зрителя.

Впрочем, Й.Хейзинга (1992, с. 189–191) сам отмечал наличие определенного игрового элемента в восприятии «вещественных произведений искусства», обусловленного их прагматикой (в частности, сопричастностью культовой сфере), как и тот факт, что некоторые памятники визуального искусства в силу своей «необузданной фантастичности» все-таки «неодолимо вызывают ассоциации со сферой игры».

Использование игрового начала — еще одна черта, сближающая скифское анималистическое искусство с вербальным творчеством, в частности с ведийскими гимнами. Игровые приемы в ведийской поэзии весьма разнообразны и проявляются на самых разных уровнях — звуковом, морфологическом, лексическом, синтаксическом. Именно здесь, пожалуй, наиболее наглядно проявляется специфическая близость ее поэтики с поэтикой скифского звериного стиля, поскольку речь может идти не только о самом принципе, но и о способах конкретной его реализации. Принимая во внимание качественное различие вербального и визуального материала, можно лишь поражаться, насколько адекватны демонстрируемые скифским искусством изобразительные аналоги конкретным игровым механизмам, применявшимся ведийскими риши. Не анализируя здесь весь имеющийся материал такого рода, ограничусь несколькими выразительными примерами.

Так, свойственное ведийской поэзии «изошренное искусство звукописи, звуковых намеков, анаграмм и т.п.» [Елизаренкова 1993, с. 125, 288], позволяющее выстраивать из случайных звуковых отрезков текста добавочные по отношению к основному его содержанию смысловые элементы (прежде всего ключевое для данного гимна имя божества или родственные ему слова), вплетенные в звуковую ткань гимна, прямо перекликается с представленным в скифском искусстве приемом «складывания» из нескольких самостоятельных фигур животных некоего нового изображения, типа птичьей головы из кургана на Темир-горе, или с использованием отдельных деталей «основного» изображения для создания новых зооморфных образов. О игре, основанной на морфологии (в частности, на использовании в пределах одного гимна падежной парадигмы имени [Елизаренкова 1993, с. 154–155]), напоминает рассмотренная выше келермесская пантера, где как «основное», так и дополнительные, помещенные в разных позициях изображения воспроизводят одного и того же хищника. Другой вариант обращения к тому же приему мы видим в иерархическом, многоуровневом использовании одного и того же мотива птичьей головы на предметах из Семибратних курганов и 1-й Завадской могилы. Трактовка одних и тех же элементов изображения как многозначных адекватна игре омонимией в вербальном тексте. Наконец, вершиной визуального эквивалента вербальной поэтической игры является описанная структура хошеутовского псалия, представляющая по существу *изобразительный палиндром*, сохраняющий морфологию и семантику при переворачивании украшенного зооморфными образами предмета на 180 градусов.

Как и в ведийских гимнах, все эти приемы не просто формальными средствами обеспечивают «гиперсемантизацию» текстов [Елизаренкова 1993, с. 154], но отражают последовательную ориентацию на тайное, неявное, суггестивное [Елизаренкова 1993, с. 125]. В обоих случаях введение дополнительных смыслов не только умножает количество случаев обращения к божеству, тем самым усиливая прагматическую (магическую) эффективность гимна (вербального или визуального), но требует от адепта способности распознать целый ряд дополнительных значений, скрытых за первым семантическим уровнем, тем самым активизируя его участие в коммуникативном акте и усиливая его прагматическую (магическую) ценность⁶.

⁶ В свете тезиса о наличии в памятниках скифского звериного стиля дополнительных значений, требующих целенаправленного распознавания, встает вопрос о критериях достоверного их

В этой связи следует остановиться на представленном в памятниках скифского звериного стиля элементе загадки. По существу, именно как загадки («загадочные картинки») можно трактовать выявляемые в скифских анималистических образах изображения второго и последующих уровней. Так рассматривает их Е.Е.Кузьмина (1984, с. 95–96), объясняющая использование скифами соответствующего приема свойственным мифологическому мышлению «пристрастием к загадкам» и сославшаяся в этой связи на замечание Т.Я.Елизаренковой о построении некоторых ведийских гимнов как загадок, а также на роль загадки в некоторых ритуалах индоиранских народов. Правда, по мнению Т.Я.Елизаренковой (1993, с. 138), в ведийских текстах достаточно четко различаются случаи эксплицитного придания гимну формы загадки, с одной стороны, и примеры суггестивной передачи дополнительной информации с помощью звуковых намеков и иных игровых приемов — с другой: первые предназначены для испытания сакрального знания адепта, тогда как целью вторых является дополнительное привлечение внимания божества в процессе коммуникации между ним и адептом. По формальным признакам с «загадочными картинками» скифского звериного стиля правомерно сопоставлять именно последние.

Однако применимость указанного разграничения к визуальному материалу не кажется бесспорной, поскольку сам круг средств, пригодных для создания «изобразительных загадок», оказывается гораздо более ограниченным, чем при построении загадок вербальных. По существу, он сводится к уже охарактеризованному игровому приему использования зрительных элементов таким образом, чтобы они одновременно образовывали более чем одну структуру (образ). Это одно из проявлений той самой игры идентификаций по схеме «это есть то», которая, по замечанию В.Н.Топорова (1994, с. 26–27), «имеет целью ответить на вызов со стороны дискретности, аморфности, хаотичности, энтропической стихии» и в которой он видит истоки «загадок-идентификаций». Поскольку в нашем визуальном материале выстраиваемые из одних и тех же элементов изобразительные образы обладают разной степенью явленности, «очевидности», постольку они выступают по отношению друг к другу в роли загадки и разгадки. Что касается причин, по которым загадки играют столь важную роль в архаической культуре, то в данный момент ограничимся ссылкой на мысль того же В.Н.Топорова (с. 19), что кругом задач и загадки и процесса космогенеза было «*проявление сущего*, а для того, чтобы это произошло, нужно освободить то, что до того находилось в состоянии смещения, и открыть-явить то, что было скрыто, определить неопределенное, найти в... лишенном смысла смысл». Хотя этот тезис сформулирован в связи с анализом словесных загадок, его применимость к нашему материалу, требующему именно такого *проявления неявленного*, очевидна. Именно в этом ключе и нужно, видимо, исследовать морфологическую, семантическую и прагматическую природу связанных с загадкой особенностей скифского звериного стиля, но реализация этой задачи — дело будущего.

выявления, позволяющих избежать субъективных фантазий. Однако возможен и иной подход к этой проблеме. В ряде случаев наличие в таких памятниках второго и последующих смыслов абсолютно бесспорно, а значит, прием выявления скрытых значений изображения был актуален для скифов в семантическом и прагматическом отношении. В таких условиях усмотренные зрителем дополнительные изображения (смыслы) могли восприниматься как релевантные вне зависимости от того, примыслены ли они им только в процессе созерцания или заложены создателем памятника изначально: в обоих случаях они увеличивали число «призываний божества» адептом и, следовательно, магическую эффективность.

Приведенные наблюдения демонстрируют, как представляется, значительное сходство многих элементов поэтики скифского звериного стиля с поэтикой ведийских текстов, что — с учетом прагматической ценности рассмотренных скифских памятников — подтверждает правомерность толкования их как визуальных гимнов. Такой трактовке отвечают и семантическая их доминанта, и структура, и назначение. Конечно, между вербальными и визуальными гимнами существуют и многообразные различия, требующие неосуществимого в рамках этой статьи подробного анализа. Остановимся для примера на одном из них — на специфике вовлечения ритуальных текстов этих двух видов в коммуникативный акт между божеством и адептом.

В вербальной сфере этот акт совершается одновременно с созданием (произнесением) гимна, и его участниками являются творец как адресант и божество-адресат; тот факт, что певец выступает в этом акте в качестве представителя совокупности адептов (в том числе внимающих исполнению гимна), не меняет природы самой коммуникации, ибо активным ее участником со стороны социума остается сам риши. В случае же с визуальным гимном коммуникативная ситуация принципиально отлична. В принципе в акте художественной коммуникации в сфере искусств класса техне адресантом является создатель произведения, а адресатом — любой потенциальный зритель. Если при этом произведению приписывается определенный сакральный смысл, а акту его создания — ритуальная ценность, то адресатом *par excellence* оказывается трансцендентный зритель, божество. На этом этапе коммуникативная природа вербального и визуального гимнов практически одинакова. Однако в дальнейшем определяющим оказывается уже отмечавшееся выше продолжительное материальное присутствие изобразительного памятника в арсенале культуры. Для сохранения за ним функций гимна, а не просто магического амулета, т.е. для многократного повторного включения его в коммуникативный акт с божеством, требуется появление нового адресанта, поскольку участие мастера в создании памятника носило однократный характер. Теперь для этой роли потенциально пригоден уже любой из созерцателей изображения, но, поскольку акт коммуникации требует активного участия обеих сторон, это созерцание обретает характер постижения все более глубоких, неявных уровней значения и тем самым как бы предъявления их божеству, равносильное многократному к нему обращению.

Из сказанного следует, что в качестве визуального гимна может выступать отнюдь не любой памятник визуального искусства, обладающий религиозно-мифологической семантикой, а лишь такой, поэтика которого создает предпосылки для выполнения им соответствующих прагматических функций. Конечно, элементы подобной поэтики (многозначность, игровое начало, сущестивность и т.п.) могут быть обнаружены в самых разных изобразительных традициях, но вряд ли случайно наиболее яркие сходжения на уровне поэтики скифский звериный стиль демонстрирует именно с поэтическим наследием родственной скифам древнеарийской (ведийской) среды. Правомерным представляется предположение, что в данном случае мы имеем проявления единой культурной традиции, нашедшей качественно разноприродное воплощение.

Правда, если вспомнить признаваемый большинством исследователей тезис об аниконическом характере культуры ведийских ариев (как и древних индоиранцев в целом), то использование древнеарийских поэтических приемов в изобразительном искусстве предстает достаточно неожиданным. Однако некоторые

моменты делают это схождение не столь парадоксальным, каким оно кажется на первый взгляд. Исследователи отмечают, что ведийские риши воспринимали процесс постижения истины как «видение», которое потом должно получить словесное выражение [Елизаренкова 1993, с. 20; Gonda 1963]. Такое «визуальное» отношение к миру (в том числе — к трансцендентной его сущности) создавало определенные предпосылки для применения изысканных приемов поэтического творчества и в изобразительной сфере. К тому же само сотворение гимна осмыслялось архаическим индоевропейским обществом (в том числе создателями Ригведы) как аналог ремесленной, рукотворной операции, чему имеются и чисто лексические подтверждения [Елизаренкова, Топоров 1979, с. 43], и потому восприятие вполне материального объекта, украшенного изощренным зооморфным изображением, как аналога гимна не требовало концептуальной ломки⁷. В итоге, когда скифское общество, до тех пор также анимичное, под воздействием определенных социально- и культурно-исторических причин, подробно рассматривать которые мы в данной статье не имеем возможности, ощутило потребность в создании изобразительных текстов ритуального характера, оно обратилось к тем приемам, которые на протяжении многих поколений создавались их предками в сфере вербальной поэзии. О том, насколько успешным был итог этих попыток, и шла речь в данной статье.

Затронутые в ней вопросы отнюдь не исчерпывают поднятой проблемы. Ее детальная разработка требует, прежде всего, не привлечения отдельных — пусть даже и достаточно характерных — памятников, а систематизации массового материала и его исследования в диахронии, с учетом специфики отдельных этапов. Совершенно не затронут нами вопрос о формальной и смысловой связи между образами, выступающими в памятниках скифского звериного стиля в роли «основных», и теми, которые используются в качестве зооморфных превращений. Требуется подробного рассмотрения вопрос о причинах обращения скифов к созданию визуальных гимнов. Остались неосвещенными и другие аспекты изучения поэтики скифского звериного стиля. На данном этапе в мою задачу входило лишь обратить внимание читателя на существование как самой проблемы, так и достаточно широкого спектра возможностей ее анализа.

В свое время ведущий отечественный исследователь древнеиранского искусства В.Г.Луконин [1977, с. 70–71] указывал на возможность соотнесения поэзии авестийских Гат со структурой ансамбля Персеполя. Его замечание можно рассматривать как одну из первых попыток подойти с мерками поэтики к визуально воспринимаемым памятникам древних ариев. Такой же подход к скифскому искусству звериного стиля обещает интереснейшие открытия.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Артамонов 1968 — Артамонов М.И. Происхождение скифского искусства. — СА. № 4.
Богатырев, Якобсон 1971 — Богатырев П.Г., Якобсон Р. Фольклор как особая форма творчества. — Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М.

---

⁷ Правда, в специальном анализе нуждается вопрос о социальном и ритуальном статусе мастеров, занятых в сфере создания визуальных гимнов, ибо они оказываются как бы между двумя категориями населения, в древнеарийском обществе находившимися на противоположных полюсах: обладающими особой сакральностью творцами гимнов и стоящими на нижних ступенях социальной иерархии ремесленниками.

- Елизаренкова 1993 — *Елизаренкова Т.Я.* Язык и стиль ведийских риши. М.
- Елизаренкова, Топоров 1979 — *Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н.* Древнеиндийская поэтика и ее индоевропейские истоки. — Литература и культура древней и средневековой Индии. М.
- Дворниченко, Очир-Горяева 1997 — *Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А.* Хошеутовский комплекс уздечных принадлежностей скифского времени на Нижней Волге. — Донские древности. Вып. 5. Азов.
- Жирмунский 1974 — *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. Л.
- Ильинская 1965 — *Ильинская В.А.* Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. — СА. № 1.
- Ковпаненко, Бунятян 1978 — *Ковпаненко Г.Т., Бунятян Е.П.* Скифские курганы у с. Ковалевка Николаевской области. — Курганы на Южном Буге. Киев.
- Коренько 1998 — *Коренько В.А.* К проблеме происхождения скифо-сибирского звериного стиля. — РА. № 4.
- Кузьмина 1983 — *Кузьмина Е.Е.* О «прочтении текста» изобразительных памятников искусства евразийских степей скифского времени. — ВДИ. № 1.
- Кузьмина 1984 — *Кузьмина Е.Е.* Опыт интерпретации некоторых памятников скифского искусства. — ВДИ. № 1.
- Лотман 1970 — *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М.
- Лорд 1994 — *Лорд А.Б.* Сказитель. М.
- Луконин 1977 — *Луконин В.Г.* Искусство древнего Ирана. М.
- Мозолевский 1980 — *Мозолевский Б.Н.* Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972–1975 гг.). — Скифия и Кавказ. Киев.
- Переводчикова 1994 — *Переводчикова Е.В.* Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.
- Погребова, Раевский 1992 — *Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Ранние скифы и древний Восток. М.
- Путилов 1997 — *Путилов Б.Н.* Эпическое сказительство. Типология и этническая специфика. М.
- Раевский 1985 — *Раевский Д.С.* Модель мира скифской культуры. М.
- Раевский 1987 — *Раевский Д.С.* О природе иконографических схем звериного стиля скифо-сакской эпохи. — Прошлое Средней Азии (археология, нумизматика и эпиграфика, этнография). Душ.
- Топоров 1994 — *Топоров В.Н.* Из наблюдений над загадкой. — Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. 1. М.
- Фрейденберг 1936 — *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. Л.
- Хейзинга 1992 — *Хейзинга Й.* Homo Ludens. М.
- Членова 1967 — *Членова Н.П.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.
- Шер 1997 — *Шер Я.А.* Петроглифы — древнейший изобразительный фольклор. — На скальное искусство Азии. Вып. 2. Кемерово.
- Яковенко 1969 — *Яковенко Э.В.* Клыки с зооморфными изображениями. — СА. № 4.
- Gonda 1941 — *Gonda J.* Ein neues Lied. — WZKM. Bd. 48. Wien.
- Gonda 1963 — *Gonda J.* The Vision of the Vedic Poets. The Hague.
- ScA 1986 — *Scythian Art. The Legacy of the Scythian World: Mid-7th to 3rd Century B.C.* Leningrad.
- Tchlenova 1966 — *Tchlenova N.* L'art de l'époque scythique en Sibirie et en Pontide. — Atti del VI Congresso internazionale delle scienze preistoriche e protostoriche. III. Roma.

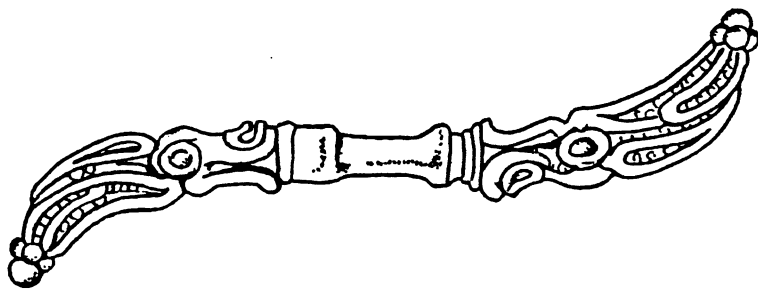

Рис. 1
Бронзовый псалий из кургана у с. Хошеутово

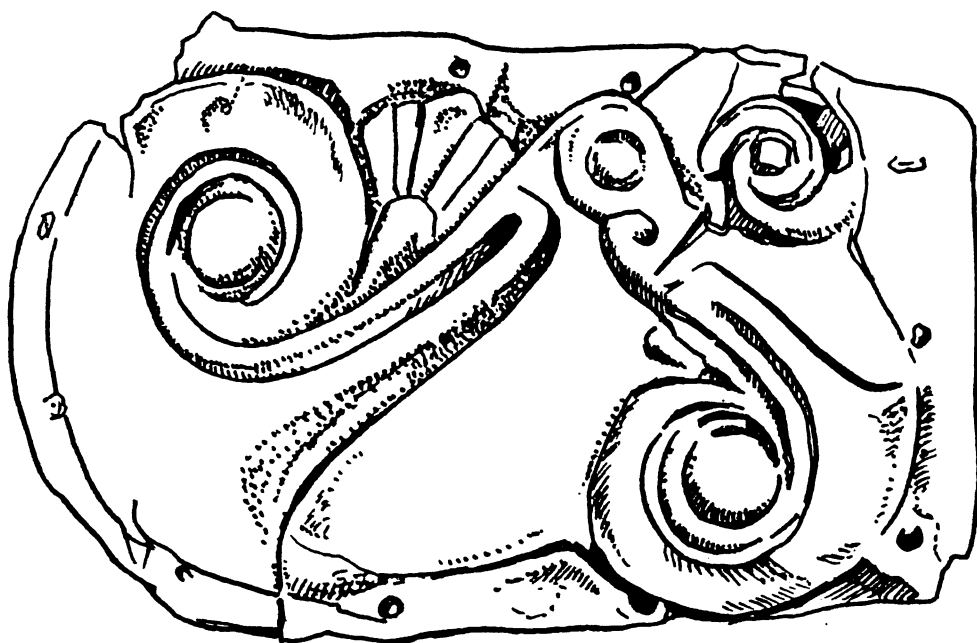

Рис. 2
Золотая обкладка деревянного сосуда
из 1-й Завадской могилы

В.А.Ранов, А.Г.Амосова

ЗАВЕРШЕНИЕ РАСКОПОК СТОЯНКИ КАРАТАУ 1

Отряд по изучению каменного века в 1986 г. провел последний — восьмой полевой сезон раскопок нижнепалеолитической стоянки Каратау 1, расположенной на водоразделе хребта Яванский Каратау в 4 км от кишлака Чормагзяка (работы 1973–1974, 1981–1986 гг.; небольшие по объему раскопки проводились на памятнике в 1975 и 1980 гг.)¹ (рис. 1).

В отличие от прошлых лет раскоп за зиму не заплыл, что позволило сэкономить рабочее время, необходимое для расчистки новых площадей. По всей очевидности, лёсс за три года, прошедших после взрыва, заметно консолидировался, уплотнился. Перед раскопками задачей-минимум было довести прохождение в глубину склона до 20 м, считая от края оврага, задачей-максимум — до 25 м. К сожалению, была выполнена только задача-минимум. По фронту длина раскопа доведена в настоящем сезоне до 35 м. Поскольку были оставлены некоторые старые стенки, только отчасти подновленные, удалось выиграть в объеме

¹ Отряд работал в составе: А.Г.Амосова — начальник отряда, В.А.Ранов — старший научный сотрудник, Т.Г.Филимонова — научный сотрудник, В.В.Радилюковский — младший научный сотрудник, руководитель группы школьников Малой академии наук г. Душанбе, В.И.Скачков — художник. Под руководством О.С.Кожина в работе отряда приняли участие школьники Дворца пионеров г. Шилки (Читинская обл.). Первый этап работ проходил с 5 июня по 5 июля, второй — с 9 августа по 9 сентября. Отчетные публикации по раскопкам стоянки Каратау 1: Ранов В.А. Работы отряда по изучению каменного века в 1973 г. — АРТ (1973 г.). Вып. 13. Душ., 1977, с. 6–15; Ранов В.А., Жуков В.А. Работы отряда по изучению каменного века в 1974 г. — АРТ (1974 г.). Вып. 14. Душ., 1979, с. 7–26; Ранов В.А. Работы отряда по изучению каменного века в 1981 г. — АРТ (1981 г.). Вып. 21. Душ., 1988, с. 201–216; Ранов В.А., Амосова А.Г. Работы отряда по изучению каменного века в 1982 г. — АРТ (1982 г.). Вып. 22. Душ., 1990, с. 161–184; Ранов В.А. Работы отряда по изучению каменного века в 1983 г. — АРТ (1983 г.). Вып. 23. Душ., 1991, с. 116–150; Ранов В.А., Амосова А.Г. Работы отряда по изучению каменного века в 1984 г. — АРТ (1984 г.). Вып. 24. Душ., 1993, с. 195–215; Ранов В.А., Амосова А.Г. Раскопки палеолитической стоянки Каратау 1 в 1985 г. — АРТ (1985 г.). Вып. 25. Душ., 1994, с. 132–145. Начиная с 1980 г. раскопочные работы на стоянке проводила А.Г.Амосова под общим руководством В.А.Ранова. Авторы приносят глубокую благодарность научным сотрудникам Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша В.А.Жукову и В.В.Радилюковскому, сотруднику Целиноградского музея (ныне — Астанауского) В.С.Волошину, сотруднице Института геологии Казахской АН О.А.Артюховой, художнику В.С.Скачкову и шоферу П.М.Окуневу за многолетнее участие в наших работах. В данной статье А.Г.Амосовой принадлежат все цифровые подсчеты (кроме процентов различных типов каменного инвентаря), составление планов и диаграмм. Текст статьи написан В.А.Рановым.

убираемой земли, и во время расчистки, которой руководил В.В.Радилюловский, было сделано три ступени шириной до 8 м: 1-я высотой в 2,5 м, 2-я — 2,8 м, 3-я — 2 м, и, таким образом, общая высота подчистки составила 8,3 м.

Во время этой работы в лёссах сделано несколько находок, всего четыре предмета, из которых три лежат более или менее на одном уровне и примерно в 1 м выше хорошо видимого горизонта биолитов, которые, в свою очередь, связаны с зачаточной почвой². Одна находка приурочена к самому слою биолитов. Похоже, что это какой-то очень краткосрочный уровень заселения. Это наиболее компактное скопление артефактов в лёссах стоянки Каратау 1. Среди находок — отчетливо выраженный чоппер со слегка выпуклым рабочим краем, хорошо подчеркнутым шестью сколами. Длина — 7,8 см, ширина рабочего края — 6 см; грубый скребок «рабо» с двумя сколами, оформляющими рабочую часть; один крупный (длина — 9 см) и один мелкий отщеп³.

В результате подготовительных работ на нижней площадке шестая погребенная почва была вскрыта и затем разобрана до карбонатной корки на площади 25 м², на верхней — 50 м², и, таким образом, общая площадь раскопа 1986 г. составляет 75 м², а общая площадь, вскрытая за восемь сезонов, — 500 м².

Необходимо остановиться на возрасте шестой палеопочвы. Со времени раскопок прошло уже более десяти лет, и некоторые позиции по этому вопросу коренным образом изменились. С начала 70-х и до начала 90-х годов основной стратиграфии лёссово-почвенной формации в Южном Таджикистане была серия термолюминесцентных дат, полученных украинским геологом В.И.Шелкоплясом. Согласно этим датам, шестая палеопочва, с которой связана описываемая стоянка, имеет возраст в 200 тыс. лет [Лазаренко, Ранов 1977]. В настоящее время большое распространение получила другая хронологическая схема, согласно которой возраст стоянки Каратау 1 определяется в 600 тыс. лет, т.е. стоянка стала в три раза древнее! В основе новой хронологии лежит представление о глобальном изменении климата и возможности корреляции палеопочв Южного Таджикистана и межледниковых периодов, прослеживаемых по нечетным стадиям кислородно-изотопной кривой, полученных по данным глубоководного океанического бурения. При этой корреляции шестая почва сопоставляется с 15-й стадией, которая имеет возраст в рамках 560–620 тыс. лет [Forster, Heller 1994; Schäfer, Sosin, Ranov 1996]. Таким образом, в настоящее время стоянка Каратау 1 имеет две возможные даты, и выбор одной из них зависит от признания или отрицания второй, глобальной корреляции.

О разном высотном положении верхней и нижней раскопочных площадок упоминалось в предыдущих отчетах [Ранов, Жуков 1979, с. 9–15; Ранов, Амосова 1990, рис. 1]. Как показали раскопки отчетного сезона, перемещение одной карбонатной корки по отношению к другой, очевидно, не идет глубоко в склон, и, хотя нам не удалось достигнуть точки смыкания верхней и нижней почвы, чувствовалось, что такая точка находится недалеко, может быть в 7–10 м далее в глубь склона. Об этом, в частности, говорит то, что в новой прирезке, на верхней площадке, корка старого раскопа приходится на половину красно-бурой почвы, т.е. шестая почва на обеих площадках имеет тенденцию к сближению.

² Последние находятся примерно в двух метрах от корки и 0,5–0,6 м от начала почвы климатического оптимума [Ранов, Амосова 1990, с. 164–167].

³ В последние годы палеолитические артефакты найдены вне погребенных почв в разделяющих их лёссах (стоянки Оби-Мазар и Хонако, см. [Schäfer, Sosin, Ranov 1996, S. 105]).

На верхней площадке, в 1,35 м от юго-восточного угла, на высоте 1 м от кровли почвы климатического оптимума найдено три отщепы, которые, как и предыдущие артефакты, находились в зачаточной почве. Здесь же поверхность палеопочвы красно-бурого цвета, в направлении склона имеет отдельные ямы и заметные неровности, которые в той или иной степени прослеживались и на контакте почвы климатического оптимума и зачаточной почвы, ее перекрывающей, и на нижней площадке. Как всегда, границу между началом этой почвы и перекрывающей ее зачаточной почвой проследить трудно. На кровле искомой почвы, как обычно, отдельные угольки и угольные прослойки прослеживаются по контакту как по фронту, так и вглубь. Нужно сказать, что увеличение площади раскопа на верхней площадке было вызвано и тем обстоятельством, что стены, оконтуривающие нижнюю площадку, достигли высоты 7–8 м, и к тому же в них появились трещины, работать здесь стало опасно, и поэтому разборку почвы климатического оптимума пришлось ограничить юго-восточным участком вскрытой площади.

Мошность разобранной почвы климатического оптимума от 1,8 до 1,3 м. Преобладает обычная толщина — 1,5 м, и, в общем, структура этого образования здесь мало чем отличается от ранее вскрытых участков. Различие состоит в том, что нижняя часть почвы климатического оптимума более четко, чем это было раньше, проявляет большую окarbonаченность, она примерно на высоту 30–40 см более уплотнена, здесь прослеживаются отдельные журавчики карбонатов, известковые стяжения, прослойки псевдомицелия, в сухом состоянии эта часть почвы имеет белесый налет (рис. 2). Сравнивая карбонатную корку верхней и нижней площадки, можно представить себе воздействие на нее подвижек, переместивших блок с первоначального места. Видимо, случайным совпадением является то, что падение карбонатных корок, подстилающих почву с северо-востока на юго-запад, составляет 7°. В обоих случаях корка разбита трещинами, иногда создающими небольшие уступы. Их глубина на верхней площадке — 15–18 см, на нижней — до 18–20 см. Во втором случае ряды этих трещин повторяются значительно чаще, что говорит о большом влиянии смещения на сохранность корки, хотя в целом последняя, вместе с залегающей на ней почвой климатического оптимума, осела целым блоком и не разбилась на части.

В отчетном сезоне выделена и зона перехода от вышележащей зачаточной почвы к почве климатического оптимума. Толщина этой зоны, не содержащей археологических находок, — 20–30 см. Она состоит из красноватой, заметно отличающейся по цвету от нижележащей почвы массы, содержащей отдельные угольки, угольные примазки. Эта зона сформировалась на размытой поверхности шестой палеопочвы. В рисунках почвенных разрезов этот слой специально не выделяется, и граница между зачаточной почвой и почвой климатического оптимума проводится горизонтально [Додонов 1986, с. 58]. Как и в предыдущих работах, мы выделяли эту зону только описательно, не фиксируя ее в чертежах, что, вероятно, было неправильно.

На рис. 3 и 4 представлены планы раскопок на нижней и верхней площадках с нанесенными на план находками с их действительной ориентацией по длинной оси. Как и раньше, нанесены все находки — как артефакты, так и манупорты, распространенные на толщину основной части почвы климатического оптимума, т.е. примерно на 1,5 м.

Для нижней площадки наибольшие скопления зафиксированы в кв. Л-9, Н-9, Р-15 — 5 шт., М-13 — 6 шт, М-11 — 8 шт. Если даже представить себе

горизонтальные срезы (если их проводить через 20 см, таких срезов будет семь) и наполнение находками разобранной почвы, то это вполне может соответствовать представлению о нескольких жилых уровнях. Интересно отметить положение наиболее выразительных находок 1986 г. Так, например, чопперы на верхней площадке встречены на уровнях +102, 95, 82, 69, 45, т.е. на протяжении 57 см по вертикали. Два унифаса на нижней площадке имеют отметки — 251 и 216. Расстояние между ними — 35 см по вертикали. Скребла на верхней площадке разбросаны по вертикали на 34 см, а на нижней — 44 см. Такой вертикальный разброс свидетельствует не об одном, а о нескольких жилых горизонтах.

Если представить себе, что жилой горизонт в целом мог охватывать 40 см по вертикали, то можно объединить упомянутые изделия в две группы. Если же считать, что единовременное заселение должно давать примерно 20 см по глубине распространения орудий, то три из пяти чопперов находятся на разновременных горизонтах.

Расстояние между орудиями по горизонтали — между чопперами в кв. Р-23 и кв. Р-20 — 3 м, между последним артефактом и чоппером в кв. Т-20 — 1,6 м, между ним и чоппером в кв. Х-23 — 4 м, а чоппинг отстоял от последнего орудия на 2,6 м. Это распределение интересно и для выявления совокупности орудий, индустриальных комплексов, обеспечивавших жизнедеятельность населения стоянки на разных этапах ее существования.

Как и в прошлые сезоны, отремонтированные (апплицированные) изделия очень редки. К ним относится хорошо выраженный отщеп-долька, половина которого найдена в кв. О-13 на уровне 168, а другая — в кв. Ш-15, на уровне 167. Горизонтальное перемещение — 2 м. Обломок чоппера составил из двух находок, сделанных в кв. М-13 на уровне 157 и 197. В данном случае хорошо видно перемещение предмета на 40 см по вертикали. Обломок крупного отщепа найден в кв. О-13 на уровне 199, а сам отщеп там же, но на более высоком уровне — 184. Разница — 15 см.

Как уже многократно отмечалось в предыдущих отчетах, наряду с очень крупными предметами, такими, как чопперы, унифасы, достигающие 14,5 см длины, часто встречаются мелкие обломки со следами скалывания и мелкие отщепы длиной 1–2 см. Иногда попадаются и чешуйки. Это одно из важных свидетельств о непереотложенности материала или о минимальном его перемещении в горизонтальной плоскости. Таким образом, новый полевой сезон на стоянке Каратау 1 принес дополнительный и интересный материал для изучения условий залегания артефактов в погребенной почве.

Что касается подсчета градусов направления длинной оси артефактов, то основные результаты выглядят следующим образом⁴. Всего измерено 210 объектов. Наибольшие цифры приведены (выборочно) на измерениях: 340 (160)⁰ — 16 (7,62%), 200 (20)⁰ — 12 (5,71%), 210 (30)⁰ — 11 (5,24%), 310 (130)⁰ — 10 (4,76%), 295 (45)⁰ — 9 (4,29%), 300 (120)⁰ — 8 (3,81%), 245 (65)⁰ — 7 (3,33%). Ноль встречен на отметке 205 (25)⁰, единица встретила 5 раз: 185 (5)⁰ — 1 (0,48%), 255 (75)⁰, 305 (125)⁰, 325 (145)⁰, 335 (155)⁰. Таким образом, разброс направлений значителен, но если сгруппировать результаты и сравнить их с полученными в прошлом сезоне, то получится следующая картина: от 135 до 175⁰ — 63, или 30% (в сезоне 1985 г. — 30%), от 95 до 130⁰ — 43, или 20,47% (25,1%), от 0 до 45⁰ — 30, или 14,28% (23,7%) и 45–90⁰ — 39, или

⁴ О принципах измерения градусов ориентации артефактов см. [Ранов 1980, с. 21–23].

18,57% (19,2%), т.е. совпадения процентов в двух случаях и расхождение, в общем-то не очень значительное, тоже в двух. Итак, можно сказать, что среди находок в отчетном сезоне, так же и в прошлом, преобладало, но не доминировало направление ЮЮВ-ССЗ.

Угол залегания артефактов от условной горизонтальной поверхности замерен в 210 случаях⁵. Это максимальный результат за все восемь полевых сезонов раскопок памятника. Согласно диаграмме, составленной А.Г.Амосовой, учтено 189 измерений. Из них 34, или 17,98%, соответствует горизонтальному залеганию; 9, или 4,76%, — вертикальному. Между 0 и 5° — 35, или 18,5%; 5–10° — 39, или 20,63%; 10–15° — 23, или 12,16%; 15–20° — 16, или 8,46%; 20–25° — 12, или 6,34%; 25–30° — 15, или 7,93%; более 30° — 6, или 3,17%. Таким образом, подавляющая часть 0–20° — 156, или 82,53% измерений (рис. 5). В принципе эта диаграмма близка к той, которая получена для углов, измеренных в 1985 г. [Ранов, Амосова 1994, рис. 2].

В полевом сезоне 1986 г. на стоянке найдено 256 предметов. Из них 13 экземпляров обнаружены в отвале переработанной почвы предыдущего, и, следовательно, отчетный сезон дал 243 находки. Из них 222, или 91,35%, имеют четкую привязку от репера. Процент изделий со следами преднамеренного раскалывания (артефактов) остается близким к тем измерениям, которые были получены раньше. Артефактов 126 экземпляров, или 51,82%.

От постоянного репера находки распределяются следующим образом (в см)⁶:

Верхняя площадка

21–40 — 5 (3,91%) и 2 (1,56%)	121–140 — 5 (3,91%) и 4 (3,12%)
41–60 — 11 (8,59%) и 7 (5,47%)	141–160 — 5 (3,91%) и 3 (2,34%)
61–80 — 20 (15,63%) и 16 (12,5%)	161–180 — 4 (3,12%) и 4 (3,12%)
81–100 — 51 (39,84%) и 29 (22,66%)	181–200 — 1 (0,78%) и 1 (0,78%)
101–120 — 25 (19,53%) и 11 (8,68%)	<u>201–220 — 1 (0,78%) и 1 (0,78%)</u>
	128 (100%) и 78 (60,93%)

Нижняя площадка

61–80 — 6 (6,4%) и 2 (2,12%)	161–180 — 12 (12,78%) и 4 (4,26%)
81–100 — 5 (5,35%) и 1 (1,06%)	181–200 — 17 (18,08%) и 10 (10,64%)
101–120 — 8 (8,52%) и 5 (5,33%)	201–220 — 20 (21,28%) и 12 (12,78%)
121–140 — 18 (19,16%) и 6 (6,38%)	221–240 — 3 (3,10%) и 2 (2,12%)
141–160 — 4 (4,26%) и 2 (2,12%)	<u>241–260 — 1 (1,06%) и 1 (1,06%)</u>
	94 (100%) и 48 (51,06%)

Карбонатная корка на верхней площадке имеет отметки от + 20 до + 70 для разных квадратов раскопа, а почва здесь фиксируется на расстоянии 220–280 см от корки. Для нижнего раскопа отметки корки 250–316 см, а кровля почвы прослеживается на уровне 60 см от репера (таким образом, мощность почвы здесь немного меньше — 256–190 см). Детальная фиксация уровня карбонатной корки, как уже неоднократно отмечалось, очень затруднена трещинами и мелкими вертикальными подвижками, образовавшимися при скольжении корки в результате тектонических движений или оползневых процессов. Кроме

⁵ О принципах измерения углов залегания артефактов см. там же.

⁶ Первая цифра в колонках обозначает общее количество находок, вторая — артефактов.

того, верхняя граница палеопочвы всегда улавливается с трудом, и только после прохождения первого десятка сантиметров можно уверенно говорить о том, что переходной горизонт зачаточной почвы уже сменился настоящей, интенсивно окрашенной погребенной почвой климатического оптимума.

По типам находки 1986 г. распределяются следующим образом: 1) чопперы — 5 (3,96%); 2) чоппинги — 1 (0,79%); 3) унифасы — 4 (3,17%); 4) орудия с ретушью — 22 (17,46%), 5 из них орудия с выемками — 7 (3,55%), нуклевидные скребки — 4 (3,17%), скребла — 2 (1,58%), ножи — 3 (2,38%), скребки — 2 (1,58%), струг — 1 (0,79%), резцы — 2 (1,58%), крупный отщеп с ретушью — 1 (0,79%); 5) отщепы — 49 (38,88%); 6) пластины — 1 (0,79%); 7) дольки — 12 (9,52%); 8) клинья — 21 (16,66%); 9) чешуйки — 6 (4,76%); 10) нуклеусы и нуклевидные изделия — 5 (3,96%); 11) обломки и осколки со следами скалывания — 11 (4,52%); 12) обломки и осколки — 97 (39,91%); 13) обломки известняка и мергеля, сильно выветренные — 2 (0,82%); 14) гальки расколотые — 6 (2,46%); 15) гальки без сколов 1 (0,41%).

В первых десяти категориях процент вычислен из цифры 126. В остальных (11–15) для цифры 243.

Чопперы — 5. В отличие от предыдущего сезона немногочисленны. Как обычно, они не дают типологической серии, а каждое орудие имеет свой индивидуальный характер. Четыре из них найдены на верхней площадке.

Классическим можно считать чоппер из гальки зеленокаменной мелкозернистой породы выпукло-вогнутых очертаний, рабочий край которого образован на выпуклой части гальки, служащей основанием орудия и покрытой галечной коркой так же, как и округлая пятка, лишь немного заходящая на противоположную сторону, большая часть которой снята при формировании рабочего края. Угол заострения последнего — 60° . Он образован серией коротких и глубоких сколов, изменяющих поверхность первоначального раскалывания. Дополнительная ретушь хорошо прослеживается в центральной части выпуклого лезвия, скорее режущего, чем дробящего. Длина рабочего края — 9,2 см. Предположительная функция — струг (рубанок) или нож. Размеры: 9,4×1,1×6,2 см (рис. 6, 1). Аналогии подобному чопперу чрезвычайно обширны — от чопперов гиссарской культуры до чопперов нижнепалеолитических стоянок.

В принципе сходный характер, но иную форму имеет второй чоппер, изготовленный из удлиненной подпрямоугольной гальки черной эффузивной породы. Галька — узкая и вытянутая, основание — уплощенное, рабочий край — поперечный. Как и в первом случае, он образован несколькими косонаправленными снятиями (на поверхности — три крупных фасетки), и затем по прямому краю нанесена хорошо заметная, очень мелкая однорядовая ретушь с легкими заломами. Как обычно, использована вся высота гальки. Угол заострения — 60° , длина рабочего края, охватывающего почти всю ширину гальки, — 6,7 см. Размеры: 8,6×7,4×4,9 см. Заметим, что на поверхности изделия часть галечной корки разрушена четырьмя большими кавернами, которые могли получиться в результате морозного выветривания или если эта галька (скорее всего, до обработки человеком) попала в огонь.

Совсем иной характер имеет следующий чоппер (нуклеус), это — одна четверть гальки брекчевидной породы светло-серого цвета. Основанием служит плоская поверхность, покрытая коркой. С противоположной стороны имеется плоскость, образованная одним сколом, полностью снявшим здесь галечную

корку. Между этими двумя плоскостями вся поверхность обработана очень круто, под 90^0 , крутыми, с заломами сколами, оставившими довольно длинный — 3,7 см — карниз. В результате получился лежащий под прямым углом рабочий край треугольной формы, который не имеет ни следов вторичной обработки, ни следов работы. Размеры: $5,4 \times 7,2 \times 4,4$ см.

Четвертый чоппер совсем необычен и тоже может рассматриваться и в иной функции нуклеуса, затем вторично использованного. Эта часть очень крупной гальки зелено-серой метаморфизованной породы, со слегка выпуклым основанием, от которого вверх на всю толщину гальки образованы три плоскости. Одна ровная без раковистого излома, по всей очевидности, плоскость раскалывания. Длина по основанию — 7,6 см. Центральная часть — явный скол, немного не доходящий до самого верха, с коротким, в 2,5 см, снятием в левой части. Длина всего скола — 6,8 см. Длина по основанию, образующему выпуклый зубчато-шипастый рабочий край, — 9,2 см. Обработка последнего видна очень хорошо, все выемки и шипы, а также прямые участки детально обработаны мелкой, частично пластинчатой ретушью. Угол заострения одного из участков рабочего края — 40^0 . Третья плоскость в правой части повреждена дополнительным сколом, но хорошо видно, что это тоже искусственное снятие. Размер плоскости от основания до верхней части, где все три плоскости сходятся, — 8,8 см. Длина по основанию — 6,2 см, но только 2,2 см имеют хорошо прослеживаемую ретушь. В целом орудие напоминает дисковидный нуклеус или унифас, но не плоский, а представляющий собой пирамиду с тремя сходящимися плоскостями. Четвертая сторона занята галечной коркой. Размеры: $9,8 \times 12,3 \times 6,9$ см. Орудие массивное и тяжелое, но, судя по характеру рабочего края, им производились скребушие или пилящие действия.

Пятый чоппер представляет собой комбинированное орудие из гальки метаморфизованной породы черного цвета, сильно патинизированной по поверхности сколов. От первоначальной гальки осталась лишь небольшая часть, и галечная корка занимает только небольшой выпуклый участок. Основанием орудия является поверхность раскалывания, на это основание опирается округлый выступ, обработанный дополнительной мелкой ретушью. Следы ретуши наблюдаются по всей протяженности рабочего края, длина которого — 4,5 см. Рабочий край образован серией очень крутых сколов, сильно занозистых и образующих заметные ступени почти на всю толщину гальки. Если этот рабочий край образован при помощи сколов, сделанных от основания к выпуклой поверхности с галечной коркой, то на другом участке, где также создано рабочее лезвие (но уже без подправки), возможно режущее, сколы направлены наоборот — от выпуклой части к основанию. Так что перед нами комбинированное орудие — чоппер-нож. Размеры: $4,9 \times 6,1 \times 2,8$ см.

На нижней площадке найден только один чоппер, к тому же очень плохо выраженный. Это плитка кремнистого сланца, утолщенная с одной стороны, и здесь крупными сколами образовано прямое лезвие с крупным выступом в центральной части и с более мелким по краю. Добавочной ретуши нет, но отдельные пластинчатые выпадения, вероятнее всего, являются следами работы.

Чоплинг — 1. Орудие сделано из необычной для стоянки породы — белого кварца, пронизанного желтыми прожилками. С одной стороны галечная корка охватывает $\frac{2}{3}$ поверхности, с другой — последняя полностью покрыта фасетками снятий, лишь небольшой участок принадлежит плоскости раскалывания.

Рабочий край занимает лишь небольшой участок сходящихся плоскостей — 5,0 см. Он образован четырьмя сколами (по два с каждой стороны), несколько смещенными по отношению друг к другу. В результате получилось слабоизогнутое лезвие с шагом извилин — 2,4 см, 4 и 1,7 см⁷. Добавочной ретуши или следов работы на рабочем крае нет.

Поверхность фасеток орудия слегка выветрена. Размеры: 9,5×8,9×4,6 см.

Унифасы — 4. О специфическом, во многом спорном (орудия, нуклеусы) назначении этих изделий, найденных на стоянке Каратау 1, мы уже писали [Ранов, Амосова 1990, с. 180–181].

Наиболее хорошо выраженный унифас вполне отвечает признакам, который мы предлагаем для орудий этого типа, — это орудие, вытянутое по форме с сужающимся концом, обработанное только с одной стороны, напоминающее по характеру обработки поверхности бифас. В данном случае изделие выполнено на уплощенной гальке зеленокаменной мелкозернистой породы. Галечной коркой полностью покрыты основание и массивная утолщенная пятка. На поверхности хорошо прослеживаются восемь фасеток. Две из них являются поверхностью раскалывания гальки. Первоначальные фасетки частично срезаны вторичными снятиями. На небольшом участке — 3,4 см — по краю заметны три фасетки крупной ретуши. Небольшой участок в виде выемки длиной 2,5 см имеется с обратной стороны. Остальное лезвие не обработано, имеет угол в 40–50°, и оно довольно острое, вполне приспособленное к режущим действиям. Размеры: 11,3×10,5×4,4 см (рис. 7, 1). Поверхность сильно патинирована или выветрена.

В принципе такой же характер имеет и другое орудие, которое также отнесено к унифасам. И здесь основание полностью покрыто галечной коркой. Так же массивна пятка. Обработанная сторона имеет более четко выраженные фасетки снятий, чем в предыдущем случае. Пять довольно крупных сколов шириной в 1,4; 3,0; 5,1 см расположены, как у дисковидных нуклеусов.

Орудие сделано из темно-серой мелкозернистой породы и имеет сильно патинированную поверхность, но с довольно четкими гранями. Участки с регулярной ретушью незаметны, лишь кое-где по краю имеются выбоины, видны следы работы. Угол заострения в большинстве случаев 50°. Такой угол обеспечивает и соответствующие острые края орудия.

Это орудие можно было бы отнести к дисковидным односторонним нуклеусам, если бы не некоторые обстоятельства, позволяющие видеть в нем, скорее, унифас. Это, во-первых, в определенной степени вытянутая форма орудия, хотя в меньшей степени, чем в вышеописанном экземпляре, но тем не менее позволяющая сопоставлять его с предыдущим. Еще более важным является наличие специально выделенной пятки и отсутствие утилитарных сколов в этой части, так что, по всей очевидности, эта часть изделия предназначалась для того, чтобы удобно держать в руке. Размеры: 9,5×9,3×9 см.

Хуже выражено третье орудие, имеющее листовидную форму, основание полностью покрыто галечной коркой, грубые, продолговатые ступенчатые сколы охватывают всю поверхность. С узкого и вытянутого края случайным (?) сколом образован выступающий вперед острый шип, кое-где заметны небольшие участки мелкой ретуши. В тех местах, где можно измерить, стороны имеют покатость в 60°. Размеры: 8,4×5,8×2,7 см.

⁷ О шаге извилин см. [Гинзбург, Ранов 1981, с. 96, рис. 1].

Условно к унифасам можно отнести и небольшой предмет, напоминающий вместе с тем плохо выраженный дисковидный нуклеус, но высокого профиля. Материал — мелкозернистая кремнистая порода черного цвета. Все изделие покрыто очень интенсивной патиной серого цвета. На выпуклой стороне вся поверхность покрыта сколами, на обратной — один крупный скол срезает примерно половину плоскости раскалывания. Пятка тоже несет сколы на всей поверхности. Противоположная, дистальная часть изделия утончена и вытянута в виде округлого «острия», или рыльца. Выделение этой части орудия подчеркивается небольшими участками специально сделанной ретуши с обеих сторон этого участка, который опирается на гладкую поверхность скола с другой стороны. Размеры: 5,3×5,0×3,3 см (рис. 8, 2).

Орудия с ретушью. Если проанализировать состав орудий за все восемь полевых сезонов, то можно увидеть, что при наличии определенных моментов сходства общего набора инструментов и характера их изготовления имеются и существенные различия в их количественных соотношениях, а также отчасти и в качественном уровне обработки. Эти различия, очевидно, могут быть связаны с дифференциацией назначения разных участков стоянки Каратау 1. В этом плане набор инструментов, полученных в 1986 г., отличается несколькими особенностями: во-первых, здесь совсем или почти совсем нет орудий с тщательной ретушью, и за редким исключением, нет орудий, морфологически хорошо выраженных. Во-вторых, заметно преобладают выемчатые орудия, в том числе настоящие «анкоши»⁸. На втором месте по численности, что тоже необычно, — нуклевидные скребки.

С определенной долей условности можно выделить следующие категории орудий: на отщепе сделано 3 орудия, на обломках различных размеров — 11, на обломках плиток — 5, на нуклевидных обломках — 2.

Орудия с выемками — 7. Три из них напоминают известные анкоши — орудия с крупными выемками, не подправленными дополнительной ретушью по дуге. Одно орудие на блоке крупного отщепа с ударной площадкой, покрытой галечной коркой. Размеры: 7,2×12,7×2,6 см, ширина выемки — 2,2 см. Другое на обломке размером 5,6×5,1×1,7 см, ширина выемки — 2,5 см. Третье орудие на обломке кремня размером 5,6×3,9×2,2 см, ширина выемки — 2,0 см. Среди других выемчатых орудий небольшой обломок: 2,2×2,9×1,0 см, ширина выемки — 3,1 см. Еще одно орудие можно отнести к этой категории, это крупный отщеп с прямой, скошенной под углом 120° площадкой (ширина — 3,1 см), на краю которой со стороны дорсала имеются три крупные выемки шириной 2,5; 1,5 и 1,4 см. Средняя выемка имеет достаточно хорошо заметную ретушь или следы работы. Размеры этого очень хорошо выраженного отщепа: 7,8×4,9×2,0 см. Пять орудий найдено на верхней площадке и два — на нижней.

Нуклевидные скребки — 4. Лучший экземпляр представлен на рис. 9, 3. Он сделан на плитке местного пластового желтовато-серого кремня, размер: 4,6×3,8×1,6 см. Пожалуй, это наиболее четко выраженное орудие данного типа из найденных до сих пор на стоянке. Действительно, крутой рабочий край здесь образован двумя четкими, характерно изогнутыми фасетками. Рабочий край

⁸ Термин «анкош», известный в Западной Европе, определяется Ф.Бордом следующим образом: «Это крупная выемка, полученная одним ударом отбойника, иногда обрабатывается при помощи вторичной мелкой ретуши, которая может быть и следами работы» [Bordes 1961, с. 35]. Термин используется и российскими специалистами.

подчеркнут с одной стороны мелкой ретушью, а с обратной стороны, как это часто бывает у орудий этого рода, дополнительным сколом. По самому краю имеется мелкая ступенчатая ретушь или следы работы. Важным моментом является то, что обратная сторона имеет гладкое и ровное основание, как кажется, обязательный компонент нуклевидных скребков. В Таджикистане наиболее хорошо выраженные изделия этого рода известны в первом горизонте Шугноу, где распространены нуклевидные скребки «с мордочкой» [Ранов 1973, с. 53, табл. 7, 6].

Три других орудия выражены менее ярко. Одно из них сделано на обломке серого кремня плохого качества размером $5,0 \times 3,2 \times 1,4$ см. Утолщенный торец обломка до половины имеет два, а далее один относительно широкий скол (0,8 см) в нижней части, опирающейся на относительно широкую площадку с узким бортиком, подчеркнутую специальным сколом, ограничивающим ее. Рабочий край, имеющий полукруглую форму, образован шестью короткими сколами, но не имеет ретуши. Сомнений в том, что это преднамеренно сделанное орудие, нет. Два других орудия выражены хуже. Одно на обломке светло-серого кремня (размер: $4,6 \times 2,2 \times 1,0$ см), другое на обломке черного окремненного сланца (размер: $3,6 \times 2,5 \times 1,6$ см). В обоих случаях имеется два выпуклых тонких пластинчатых снятия и плоская площадка, но в этом случае не имеющая подправки. Два нуклевидных скребка найдены на верхней площадке и два — на нижней⁹ (рис. 9, 3).

Скребла — 2. Лучший экземпляр изготовлен из плитки светло-зеленой породы, окремненного песчаника. Рабочий край очень четко выражен, имеет протяженность в 9,5 см и выемчато-зубчатый характер, так что дефиниция — скребло — вполне может быть заменена на зубчато-выемчатое орудие. С другой стороны, это скорее пилка, чем настоящее скребло. На лезвии орудия прослеживаются четыре выемки с выступами-шипами между ними. На отдельных участках, преимущественно на выступах, отмечается дополнительная ретушь. Размеры: $10,65 \times 7,1 \times 1,4$ см. Угол заострения варьирует в рамках $40-50^\circ$. Сторона, противоположная рабочему краю, имеет утолщение, и эта часть орудия может быть использована как обушок (рис. 9, 4). Второе скребло, на обломке черной породы типа окремненного сланца, имеет очень небрежно оформленный рабочий край и мелкую ретушь или следы работы на противоположной стороне, которая опирается на гладкую поверхность, покрытую галечной коркой. Размеры: $9,2 \times 5,4 \times 2,3$ см (рис. 7, 3).

Ножи — 3. Эта категория орудий выражена недостаточно четко и поэтому их выделение носит условный характер. Первое изделие — это обломок крупного отщеп (?) серой породы типа фельзит-порфира, часть ударной площадки которого срезана сколом с гладкой поверхностью, возможно выполнявшего аккомодационные функции. Противоположная ударной площадке часть схождение двух плоскостей образует специально не подправленное лезвие, имеющее следы работы и угол между этими плоскостями в 50° . Размеры: $6,9 \times 2,6 \times 1,6$ см. Несколько лучше выражен экземпляр, сделанный из серо-зеленой осадочной породы. Это отщеп или обломок неправильной формы, имеющий бессистемные сколы с обеих сторон. В двух случаях небольшими пятнами сохраняется галечная корка. Рабочий край, имеющий небольшую выемку, образован двумя широ-

⁹ Нуклевидные скребки появляются очень рано, например, в среднем ашеле [Коробков 1971, с. 78].

кими сколами, опирающимися на площадку (поверхность раскалывания?) с другой стороны. Угол рабочего края — 60° , длина — 4 см, лезвие тонкое, по краю идет мелкая тонкая ретушь, расположенная нерегулярно. Размеры: $3,7 \times 4,8 \times 1,7$ см. Как нож или пилку можно рассматривать хорошо выраженную дольку-отщеп из зелено-серой вулканической породы, которая хорошо соответствует понятию «нож со спинкой». Лезвие неровное, образованное несколькими сколами, заложенными под разными углами (скол в центральной части свежий). Размеры: $6,7 \times 4,2 \times 1,6$ см (рис. 6, 5).

Скребки — 2. Первый — из окремненного песчаника с заметно выветренной поверхностью, треугольной формы со слегка выпуклым лезвием представляет как бы сегмент круга. Длинные края образованы в одном случае поверхностью раскалывания (т.е. не имеет раковистого излома), а в другом — двумя сколами. Рабочий край этого скребка «высокой формы» образован серией мелких сколов, проходящих примерно половину толщины орудия. Мелкая ретушь или следы работы видны очень плохо. Угол атаки орудия — 50° . Размеры: длина — 3,0 см, ширина рабочего края — 2,0, толщина — 1,5 см. Орудие отдаленно напоминает скребки маркансуйской культуры. Второе орудие, также треугольное по форме, сделано из черного кварцита. Характер обработки здесь иной, ретушь, покрывающая рабочий фас почти на всю толщину изделия, покрыта пластинчатой ступенчатой с заломами ретушью. Несколько мелких сколов имеется и на лезвии, которое с обратной стороны частично опирается на ровную площадку, покрытую галечной коркой. Одна латераль образована двумя плоскостями скалывания, другая — двумя сколами, очевидно сделанными специально. Рабочий угол (угол атаки) — 60° . Размеры: $4,0 \times 2,6 \times 2,4$ см. Вероятно и другое функциональное назначение — долотовидный инструмент, мелкий струг. Судя по сохранности лезвия, орудие вряд ли могло быть долгое время в работе. Все три орудия имеют индивидуальный характер. Предложенное их назначение в определенной степени условно.

Долотовидное орудие (струг?) — 1. Крупный обломок серого кремня плохого качества. Не исключено, что ранее использовался как нуклеус. Это комбинированное орудие, поскольку следы организации рабочего края видны на трех гранях. Самые значительные следы на прямой грани имеют длину 3,9 см. С обратной стороны имеется скол, подчеркивающий образованное тремя гранями острие. На другой грани два крупных скола образуют две выемки и шип между ними. Мелкая занозистая ретушь в одной из выемок — по-видимому, следы работы. Небрежная ретушь ступенчатого характера отмечается еще на одном участке. Назначение предмета определяется характером ретуши на главном участке, не похожей на ретушь, имеющейся на скреблах. В данном случае последняя очень грубая, можно сказать «резкая», с глубокими ступенями и нависающими карнизами. Размеры: $6,4 \times 5,3 \times 3,3$ см (рис. 8, 4).

Резцы (?) — 2. Обломок плитки серовато-желтого кремня. Две сходящиеся грани естественным образом создают подобие срединного резца, что подчеркивается двумя сколами на «торцевой» стороне, где ими создается режущая кромка. Скорее все же, что это псевдорезец, лишь случайно напоминающий настоящие резцы. Размеры: $7,8 \times 8,1 \times 1,4$ см. Второй сомнительный резец сделан на кремневом отщепе с плохо прослеживаемым ударным бугорком и площадкой, покрытой желвачной коркой. Со стороны площадки на брюшко нанесены мелкие сколы. Кромка резца образована, как это часто бывает в индустрии Кара-

тау 1, сколом, рассекающим ударную площадку и проходящим всю длину отщеп, и небольшим снятием, лежащим под углом 50° . Размеры: $3,6 \times 2,5 \times 1,0$ см.

Крупный отщеп со сколами и мелкой зубчатой ретушью — 1. Один из самых крупных отщепов, полученных за все годы раскопки стоянки. Материал — темно-серая, почти черная метаморфизованная порода вулканического происхождения. Изделие слегка выветрено и патинировано. Поверхность спинки изделия обработана полностью. Лишь кое-где имеются очень маленькие, трудно заметные участки галечной корки (на рис. 9, 1 не показаны). Дистальная часть поверхности представляет собой поверхность раскалывания и не имеет раковистого излома. Основную часть дорсала занимает широкий скол. В левой части имеются два крупных снятия и два мелких, в которых отмечается добавочная зубчатая ретушь. В целом здесь образован рабочий край зубчато-шипастого характера, что позволяет рассматривать при желании этот отщеп в функции чоппера. Ударная площадка овальной формы покрыта галечной коркой. Угол скалывания — 120° . Ударный бугорок выпуклый, хорошо заметный, охватывает около половины брюшка. Отщеп массивный — 700 г. Размеры: $10,9 \times 11,2 \times 4,2$ см (рис. 9, 1).

Отщепы — 49. Кремневых — 6, кварцитовых — 2, из песчаника — 2, остальные принадлежат метаморфизованным кремневым породам вулканического происхождения. Последние в основном трех цветов: светло-серого, темно-серого и зеленого. Полученная коллекция отщепов ничем не отличается от находок этой категории из раскопок предыдущих лет. Для всех изделий этого рода характерна неустойчивость формы, отсутствие стандарта и невыразительность, почти полное отсутствие пластинчатых отщепов. Кроме одного случая, да и то в неясной стратиграфической позиции, заготовок, снятых с подготовленного нуклеуса, не встречено. Среди отщепов можно выделить следующие типы спинок: первичных — 3 (6,1%), полупервичных — 9 (18,4%), со сколами, лежащими в разных направлениях, — 13 (26,5%), со сколами, лежащими в одном направлении, — 8 (16,3%), с конвергентными снятиями — 2 (4%), неопределимых спинок оказалось много — 14 (28,5%).

Гладкие площадки занимают большое место — 28 (57,1%), площадки с галечной или желвачной коркой — 17 (34,7%), двугранных площадок — 3 (6,1%) и грубофасетированных — 1 (2,0%). Прямых площадок — 38 (77%), изогнутых — 11 (23%). Из 48 измеренных ударных площадок — 8 (16,6%) имеют угол скалывания между 90° и 110° , 13 (27,1%) — 111° – 120° и 5 (10,42%) — более 120° . Преобладает длина до 5 см. Из 49 измеренных образцов 43, или 87,7%, занимают именно эти заготовки и только 5, или 12,2%, падает на размер от 6 до 10 см. И раньше подобное соотношение уже фиксировалось [Ранов 1977, с. 13]. Менее концентрированы данные по ширине: от 1–2 см — 17 (34,6%), от 2 до 3 см — 9 (18,4%), от 3 до 4 см — 16 (32,6%), от 4 до 5 см — 7 (14,2%). Можно отметить, что на достаточно широкие отщепы падает почти половина всех измеренных — 23 (47%). Вместе с тем больше всего отщепов тонких, до 1 см — 34 (69,4%), тогда как толщина от 1 до 2 см у 13 (26,5%), а от 3 до 4 см у двух (4,0%). Измерения отщепов, приведенные в предшествующих публикациях, делались от случая к случаю, поэтому лишь после полной проработки материала можно будет сказать, какие размеры отщепов Каратау 1 преобладают и каковы их общие особенности, но и сейчас видна их главная направленность — это не отщепы, получившиеся от поправки нуклеусов с препарирован-

ной поверхностью, а отщепы, полученные с галечных нуклеусов или при производстве галечных орудий, и лишь очень небольшое их число снято с более или менее проработанных ядрищ.

Пластины — 1. К сожалению, положение *in situ* единственной пластины, найденной в этом сезоне, не было точно зафиксировано. Она найдена в кв. 0–16, но, согласно записи в книге поступлений, «в куске, отвалившемся от стены», без указания на то, выпал ли этот кусок из почвы или же из лёсса над нею. Пластина очень близка к пластинам (или треугольным отщепам-остриям) второго снятия леваллуазского типа. Особенно четко выражена фасетка первоначально снятой треугольной пластины, на проксимальной части которой имеется глубокая выемка от ударного бугорка снятой заготовки. Ударный бугорок хорошо заметен на брюшке. Угол скалывания тупой — 110° . Ударная площадка гладкая, без подправки, слегка изогнутая. Ее длина — 3,9 см, ширина — 1,4 см. Размеры пластины, сделанной из фельзит-порфира темно-серого цвета: 6,4×4,7×1,4 см.

Дольки (цитрус, «quartier d'orange») — 12. В предыдущих публикациях, к сожалению, дольки были объединены с клиньями и только в двух случаях подсчитан их процент по отношению ко всем артефактам. В 1981 г. он очень высокий — 21,42%, а в 1982 г. значительно меньший — 3,16%. Процент долек в отчетном сезоне составляет 9,52%. Таким образом, количество этих специфических для каратауской культуры изделий значительно колеблется. Половина из имеющихся долек обломана, по-видимому, в процессе скалывания. В пяти случаях это действительно дольки, поскольку их спинки, покрытые галечной коркой, охватывают как минимум половину окружности, если считать все сечение гальки за таковую. Очень четко видна и характерная особенность долек — утолщенная спинка, покрытая галечной коркой, и утончающиеся, сходящиеся на клин две стороны. Ударный бугорок четко заметен в семи случаях. Две дольки представляют из себя не дольку, а «ломтик колбасы», хотя галечная корка на спинке протягивается лишь на $\frac{2}{3}$ ее поверхности¹⁰. Говоря о дольках, стоит немного подробнее остановиться на соотношении этой категории и ножей с натуральной спинкой. Названные изделия хорошо известны для ашеля и мустье Европы и неоднократно описаны разными авторами [Bordes 1961, с. 32–34; Brézillon 1968, с. 199]. Один из вариантов процесса изготовления ножей со спинкой продемонстрировал Э.Боеда на примере многократного использования леваллуазского нуклеуса. Несмотря на то что в отдельных случаях подобные ножи совпадают с дольками, в основном они сильно отличаются и соответственно имеют вытянутую форму, при которой спинка и противолежащее лезвие более или менее параллельны. В отличие от ножей со спинкой дольки имеют не прямую, а выпуклую спинку и рабочее лезвие и, как правило, демонстрируют обратную по отношению к спинке выпуклость. Кроме того, у многих долек очень широкая спинка, что не свойственно для ножей, имеющих более выдержанные пропорции [Bordes 1961, с. 33]. Это различия морфологического плана, а функциональное (а может быть, функциональное единство) еще предстоит установить. Размер самой крупной дольки — 15,4×9,4×4,3 см. Это мощный и тяжелый отщеп (вес 500 г) из светло-серой породы с черными пятнышками-вкраплениями вулканической породы. Ширина спинки — 36 см, длина рабочего

¹⁰ Такие сечения галек встречаются, но очень редко [Ранов 1988, рис. 6,8; Ранов 1991, рис. 10, 1]. На них нам уже приходилось обращать внимание [Ранов 1979, с. 29–30].

края — 13,3 см. Долька среднего размера (представлена на рис. 9, 2) имеет размер 6,3×4,2×1,7 см. Мелкая долька имеет размеры 4,7×4,4×1,3 см (две более мелких дольки обломаны). Ни в одном случае ни ретуши, ни следов работы на тонком крае, противоположном выгнутой спинке дольки, не зафиксировано.

Клинья — 21. Удлиненно-клиновидные осколки, не несущие на плоскости скалывания сколько-нибудь заметного ударного бугорка. Как и сколы цитрус, они являются результатом сегментации гальки, но в отличие от долек их преднамеренное производство нуждается в дополнительном обосновании, что неоднократно описывалось в предыдущих отчетах. Статистика, проведенная А.Г.Амосовой, показывает, что в течение первых четырех сезонов найдено 15 клиньев, что составляет 5,53%. В следующие два сезона раскопок стоянки Каратау 1 соответственно 6 (3,23%) и 8 (9,52%)¹¹. Клинья можно подразделить на несколько групп: 1) напоминающие кливеры или секачи — 2; 2) клинья, одна или две стороны которых ограничены сколом, проходящим всю длину и отсекающим часть площадки (или основания) клина, почти всегда покрытого галечной коркой, — 12; 3) клинья с естественными краями — 4; 4) клинья со следами обработки (клинья-орудия?) — 3. Размеры наиболее крупного клина (первая группа) — 9,0×6,1×2,7 см, среднего — 5,0×3,6×0,9 см, мелкого — 2,4×2,1×0,8 см.

Особо стоит остановиться на клинях, напоминающих кливеры или сечки. Более крупный — это хорошо выраженный клин из вулканической породы серого цвета со следами обработки на двух плоскостях. Естественная поверхность и сколы создали клиновидное поперечное лезвие, следов работы на котором не видно. Торцовые стороны также имеют обработку — единичный продольный скол, создающий обушок, утолщенная верхняя часть покрыта галечной коркой. Размеры: 8,7×6,0×2,7 см (рис. 10, 1). Второй клин, строго говоря, должен быть исключен из общего подсчета, так как он найден не собственно в почве, а немного выше, в перекрывающем почву лёссе. Поверхность изделия, сделанного из серо-зеленой вулканической окремненной породы, свежая и не несет следов выветренности. Как и в первом случае, это не отщеп, хотя обе поверхности совершенно освобождены от галечной корки. В одном случае здесь имеет место гладкая поверхность снятия, а во втором — три больших раковистых скола. Интересно, что, как и в первом случае, лезвие сделано при помощи крутого снятия, создающего высокий уступ. С торцовых сторон имеются продольные сколы, не проходящие всей длины изделия. В верхней части сохранилась галечная корка. На лезвии имеются плохо различимые следы работы. Размеры: 5,7×4,5×2,0 см (рис. 10, 2).

В Средней Азии четких кливеров до последнего времени не было¹². Теперь три орудия этого типа приведены на рисунке в публикации У.И.Исламова. Это крупные предметы длиной 9–7 см. В одном случае это орудие на отщепе. В двух других случаях поверхность обработана более тщательно, чем у вышеописанных изделий с Каратау 1, но аккомодационный скол с торца виден только у одного изделия. Утолщенное основание также имеется лишь в одном случае [Islamov 1990, fig. 5, 1, 3, 5].

Дефиниция термина «кливер», на наш взгляд, не представляется достаточно четкой, и главным определением для этого орудия у большинства авторов будет

¹¹ При подсчете процентов учитывались только артефакты и отбрасывались манупорты и осколки без следов скалывания.

¹² Нами ранее неправильно, как кливер, было определено орудие, найденное в лёссово-почвенном разрезе Хонако II [Додонов, Ранов, Пеньков 1978, рис. 5].

наличие поперечного, специально не обработанного лезвия (рабочего края), образованного двумя сходящимися плоскостями — обработанными или нет (и лежащими перпендикулярно длинной оси орудия) [Chavaillon 1988, с. 462; Brodas 1976, с. 27]. Еще отмечается массивность основания, сечение в виде параллелограмма или V-образное [Brézillon 1968, с. 249]. Далеко не все авторы обращают внимание на такой важный фактор для этого орудия, как обработка одного или двух краев кливера, причем чаще всего используется крутая, скорее затупливающая, чем приостряющая, ретушь, иногда очень грубая, но порой весьма тщательная [Кларк 1977, рис. 75; Mason 1969, fig. 112, 2]. Эта ретушь иногда лежит так, что орудие напоминает большое скребло, и на стоянке Гарба 1 на таком орудии удалось увидеть следы работы [Chavaillon 1976, с. 8]. Как правило, кливеры изготавливались из крупных отщепов с косым направлением скалывания, но в отдельных случаях их основой были гальки. Наиболее подробно кливеры изучены в Африке, особенно французскими исследователями, а классификация кливеров, сделанная более сорока лет тому назад Ж.Тиксье для Северной и Центральной Африки, остается пока что наилучшей, хотя и не включает в себя многие вероятные варианты [Tixier 1956, с. 914–923]. Вместе с тем наличие или отсутствие ретуши или более грубой обработки на длинных сторонах кливеров не всегда является обязательным условием выделения такого орудия, что открывает возможность для отнесения к кливерам любого массивного отщепа, имеющего подпрямоугольные очертания и поперечный рабочий край. Представляется, что такой подход сильно размывает точное определение орудия¹³. Как и во многих других случаях, пытаясь давать тому или иному изделию точно определенную дефиницию, мы очень быстро от первоначального («классического») определения уходим к менее ярко выраженным типам, и весь вопрос состоит в том, чтобы не потерять нить «принципа сделанности» [Медоев 1982, с. 43–44]. На наш взгляд, массивный отщеп подтреугольной или подпрямоугольной формы, имеющий поперечное лезвие, не имеющий затупливающей ретуши или хотя бы крупных сколов на длинных сторонах артефакта, не отвечает «принципу сделанности» палеолитических орудий и не может называться кливером, хотя в отдельных случаях подобные отщепы выполняются серийно и тогда должны получать свое собственное название (хороший пример «сечки-секачи» на стоянке Королево) [Гладилин, Ситливый 1990, рис. 26–27]. Очевидно, что к группе кливеров надо относить изделия, имеющие поперечное лезвие, вытянутую прямоугольную форму, затупливающую ретушь или грубую подправку вдоль длинных краев, придающую изделию симметричные очертания и V-образное или в виде параллелограмма сечение. Классические типы кливеров из Северной Африки (Музей Человека в Париже) или со стоянок мадрасской культуры (хранилище Сафарджанг в Дели) наводят на мысль, что боковая затупливающая ретушь этих орудий нижнего палеолита может лежать в основе идеи затупливания спинки, столь ярко проявившейся на более поздних этапах развития палеолита. Все вышесказанное не позволяет, на наш взгляд, отнести упомянутые находки в Сельунгуре к типичным кливерам, что ставит под сомнение отнесение индустрии этого памятника к фации «южного палеолита», как утверждает его исследователь [Исламов 1984, с. 58]. То же самое можно сказать

¹³ Это особенно хорошо видно в палеолите Испании, где кливеры (исп. *hendedos*) широко распространены от древнейшего палеолита (Лагуна де Медина) до мустье (пещера Кастильо). О различных формах кливеров в Испании см. [Santonja Perez-Gonzales 1984, fig. 15, 23, 24].

и о клиньях из Каратау 1, описанных выше, которые лишь очертаниями отдаленно напоминают кливеры, но таковыми явно не являются.

Нуклеусы и нуклевидные изделия — 5. Описания заслуживают только два из них. Остальные — это небольшие обломки (размер одного из них: 3,9×3,1×2,6 см), полностью освобожденные от галечной или желвачной корки. На их поверхностях видны небольшие по размерам фасетки от ранее снятых нерегулярных сколов. Это не сработанные до предела нуклеусы, с которыми мы встречаемся, например, в мустьерском пещерном памятнике Огзи-Кичик, а скорее мелкие обломки подходящего материала, с которых было снято один-два случайных скола. Вид очень плохо выраженного нуклеуса имеет клиновидный обломок или скол — явно часть большой заготовки. Из трех поверхностей этого изделия одна представляет собой плоскость раскалывания, другая почти полностью покрыта галечной коркой, которая стесана лишь в верхней части, а третья полностью обработана ударами, шедшими из разных направлений. Но вверху имеется несколько фасеток, более или менее параллельных длине оси, что и создает сходство с нуклеусом клиновидной формы. На торце, образованном двумя плоскостями, имеется очень узкая (0,9–0,3 см) продольная фасетка, проходящая всю длину нуклевидного изделия. Площадка, образованная поперечным сколом, имеет фасетку снятой позже пластинки. Размеры площадки: 3,4×2,4 см. Размеры общие: 5,6×3,4×2,4 см. Хорошо выражен только один экземпляр — довольно крупный кубовидный нуклеус подпрямоугольных очертаний, сделанный из гальки эффузивной вулканической породы светло-серого цвета. Поверхность нуклеуса, за исключением узкой полоски, занятой галечной коркой, полностью покрыта фасетками сколов, в ряде случаев срезанных в дистальной части. Условно можно выделить две рабочие поверхности, которые с полным правом считаются и отбивными площадками. Полностью сохранившихся фасеток от сколов всего 3, а их общее число на поверхности нуклеуса — 18. Размеры наиболее хорошо сохранившихся фасеток снятий: 4,2×2,9 см; 3,6×1,5 см (в дистальной части — 2,7×3,9 см). Размеры: 5,9×5,5×4,8 см.

Кубовидный нуклеус — редкость на стоянках каратауской культуры, в которой вообще нет стабильных типов нуклеусов (исключая, может быть, некоторых ядриш на стоянке Лахути 1). Не полностью обработанный кубовидный нуклеус известен со стоянки Карамайдан (шестая почва) [Додонов, Ранов, Шарапов 1989, с. 29, рис. 4]. Вообще, кубовидные нуклеусы типологически явление в достаточной мере условное, и форма, называемая кубовидной, в значительной мере расплывчата, неопределенна (в частности, сфероиды и субсфероиды и более того — полиэдры из древнейших стоянок Африки и Евразии отчасти могут попадать в эту категорию¹⁴). Хотя кубовидный нуклеус — полиэдр — является признаком древнейшего палеолита, отдельные образцы подобных изделий присутствуют в Африке вплоть до финального ашеля [Biberson 1961, с. 128], а в Азии иногда встречаются и в более поздних индустриях, вплоть до голоценовых [Ранов 1959, с. 40; Wang Yüping and Olsen 1985, с. 246].

¹⁴ Так, различие между полиэдром и сфероидом, по мнению израильских археологов, заключается в отсутствии во втором случае рабочего края (или в одном варианте — отбивной площадки) [Bar Yosef and Goren-Inbar 1993, с. 102]. Конечно, вопрос об отнесении некоторых сфероидов и полиэдров в группу нуклеусов требует детального исследования, хотя о возможности смешивания полиэдров и кубовидных нуклеусов (globuleux) говорилось давно [Heinzelin de Brancourt de J. 1962, с. 45]. Хорошая схема, показывающая различные формы сфероидов и полиэдров по материалам нижнепалеолитической стоянки Ай-Ханеш, недавно опубликована [Sahnouni 1995, с. 349–351].

В целом артефакты, добытые в результате последнего сезона раскопок стоянки Каратау 1, дополняют ранее полученную коллекцию наиболее широко раскопанной стоянки «лессового палеолита» — специфического раздела палеолита Евразии, изучающегося вот уже четверть века. К большому сожалению, на этом раскопки стоянки Каратау 1 пришлось остановить из-за трудности преодоления огромной толщи лёсса, перекрывающего шестую палеопочву. Достаточно сказать, что высота стенки раскопа в 1986 г. составила 30 м, а увеличение толщи лёсса на каждый горизонтальный метр почвы составляет 1 м по вертикали. Таким образом, через 10 м в глубину склона перекрывающая стоянку толща лёсса составит уже 40 м. Для раскопок такого масштаба потребуются огромные финансовые затраты, что отодвигает продолжение исследований стоянки Каратау 1 на неопределенное время.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гинзбург, Ранов 1981 — Гинзбург Э.Х., Ранов В.А. О комплексном сравнении чоппингов и нуклеусов. — Описание и анализ археологических источников. Иркутск.
- Гладилин, Ситливый 1990 — Гладилин В.Н., Ситливый В.И. Ашель Центральной Европы. Киев.
- Додонов 1986 — Додонов А.Е. Антропоген Южного Таджикистана. М.
- Додонов, Ранов, Пеньков 1978 — Додонов А.Е., Ранов В.А., Пеньков А.В. Находки палеолита в погребенных почвах Южного Таджикистана. — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 48. М.
- Додонов, Ранов, Шарапов 1989 — Додонов А.Е., Ранов В.А., Шарапов Ш.Ш. Карамайдановская точка с палеолитическими орудиями и среднеплейстоценовой фауной в палеопочвах Южного Таджикистана. — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 58. М.
- Исламов 1984 — Исламов У.И. Первая нижнепалеолитическая пещерная стоянка в Ферганской долине. — ОНУ. № 8. Таш.
- Кларк 1977 — Кларк Дж.Д. Доисторическая Африка. М.
- Коробков 1971 — Коробков И.И. К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений открытого типа. — Палеолит и неолит СССР. Т. 6. Л.
- Лазаренко, Ранов 1977 — Лазаренко А.А., Ранов В.А. Каратау 1 — древнейший палеолитический памятник в лессах Средней Азии. — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 47. М.
- Любин 1977 — Любин В.П. Мустьерская культура Кавказа. Л.
- Медоев 1982 — Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. А.-А.
- Ранов 1973 — Ранов В.А. Шугноу — многослойная палеолитическая стоянка в верховьях р. Яхсу (раскопки 1969–1970 гг.). — АРТ (1970 г.). Вып. 10.
- Ранов 1980 — Ранов В.А. Раскопки в Огзии Кичике в 1975 г. — АРТ (1975 г.). Вып. 15.
- Ранов 1986 — Ранов В.А. Раскопки нижнепалеолитической стоянки Лахути 1 в 1979 г. — АРТ (1979 г.). Вып. 19.
- Bar Yosef and Goren-Inbar 1993 — Bar Yosef O. and Goren-Inbar N. The lithic assemblages of 'Ubeidia. A lower Palaeolithic site in the Jordan valley. — QEDEM. Monographs of the Institute of Archaeology, 34. The Hebrew Univ. of Jerusalem.
- Biberson 1961 — Biberson P. Le paléolithique inférieur du Maroc Atlantique. Casablanca.

- Boeda 1988 — *Boeda E.* Analyse technologique du débitage du Niveau II A. Le gisement paléolithique Moyen de Biache-Saint-Vaast — Mémoire de la Société Préhistorique Française. T. 21, 1. P.
- Bordes 1961 — *Bordes F.* Typologie du Paléolithique Ancien et Moyen. Bordeaux.
- Brézillon 1968 — *Brézillon M.N.* La denomination des objets de pierre taillée. P.
- Brodas 1976 — *Brodas J.* Tools of the Old and New Stone Age. N. Y.
- Chavaillon 1976 — *Chavaillon J.* Mission archéologique Franco-Ethiopienne de Melka-Konture. — Ethiopie avant l'Histoire. Cahier 1. P.
- Chavaillon 1988 — *Chavaillon J.* Hachereau. — Dictionnaire de la Préhistoire. P.
- Foster, Heller 1994 — *Foster Th., Heller E.* Loess deposits from the Tadjik depression (Central Asia) — Magnetic properties and paleoclimate. Earth and Planetary Science Letters. Vol. 128. Amsterdam.
- Heinzelin de Brancourt de 1962 — *Heinzelin de Brancourt de J.* Manuel de typologie des industries lithiques. Bruxelles.
- Islamov 1990 — *Islamov U.* Sel'oungur, un nouveau site du Paléolithique inférieur en Asie Centrale. — L'Anthropologie. Vol. 94, № 4.
- Mason 1969 — *Mason R.* Prehistory of the Transvaal. Johannesburg.
- Sahnouni 1995 — *Sahnouni M.* A new look at the Lower Palaeolithic site at Ain Hanech, Algeria. — Human evolution in Europe and the Atapuerca evidence. Vol. 2. Valladolid.
- Santonja Peres-Gonzales 1984 — *Santonja M. Peres-Gonzales A.* Las industrias Paleolíticas de la Maya 1 en su ambito Regional. Madrid.
- Schäfer, Sosin, Ranov 1996 — *Schäfer J., Sosin P.M., Ranov V.A.* Neue Untersuchungen zum Lösspaläolithikum am Obi-Mazar, Tadjikistan. — Archäologisches Korrespondenzblatt, 26, Heft 2.
- Tixier 1956 — *Tixier J.* Le Hachereau dans L'Acheuléen Nord-Africain. Notes typologiques. Congrès Préhistorique de France. Compte rendu de la XV Session. Poitiers-Angoulême.
- Wang Yuping and Olsen 1985 — *Wang Yuping and Olsen J.* Aspects of the Inner Mongolia. — Palaeoanthropology and Palaeolithic Archaeology in the People's Republic of China. Orlando.

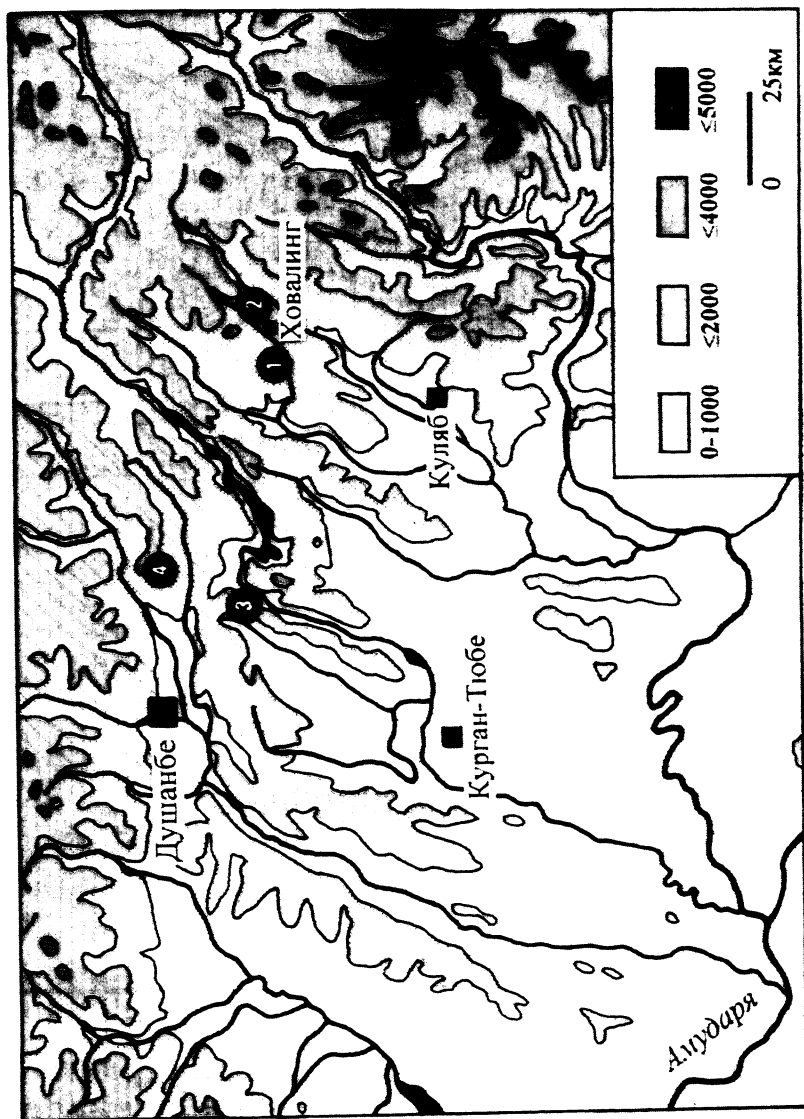

Рис. 1
 Главные стоянки лесового палеолита в Южном Таджикистане.
 1 — Оби-Мазар; 2 — Хонако; 3 — Каратау; 4 — Карамайдан

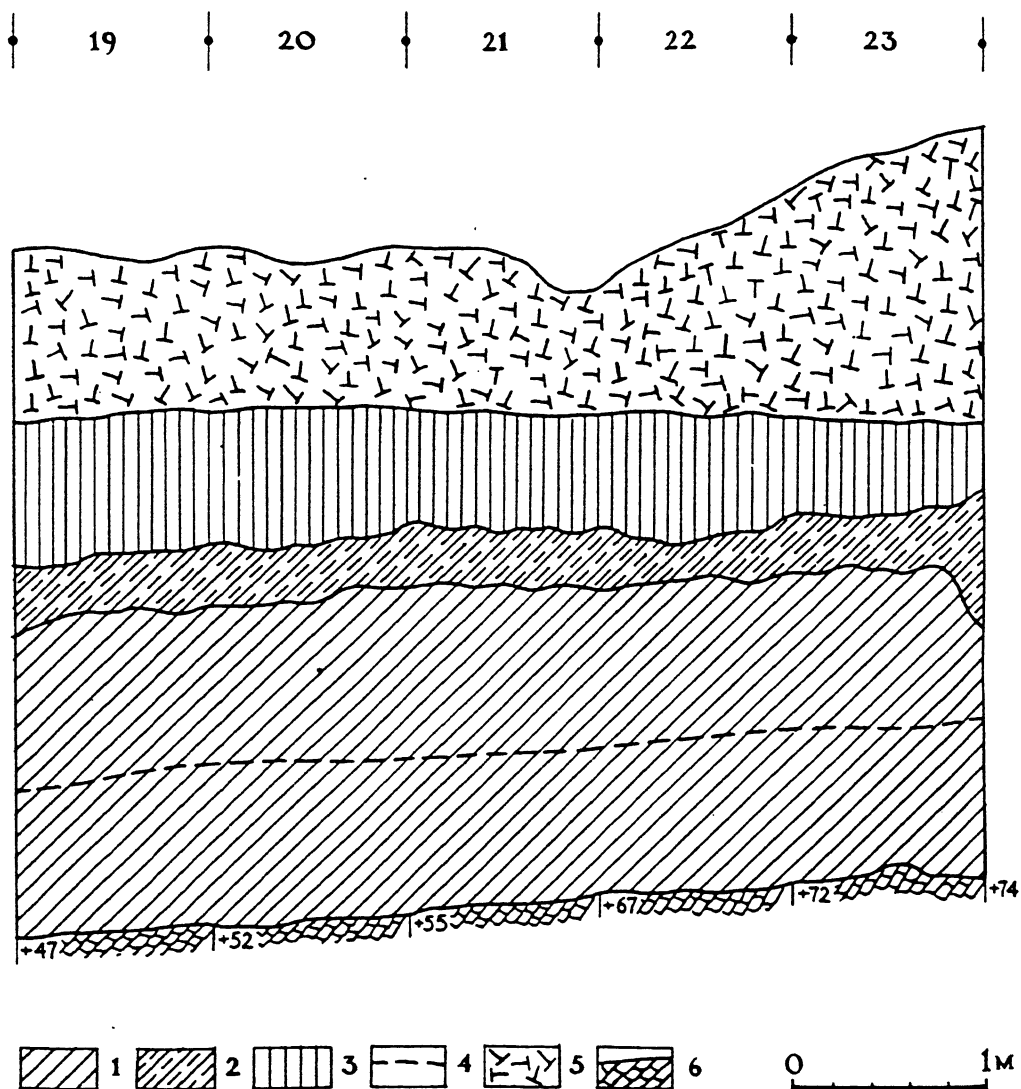

Рис. 2

Фрагмент продольного разреза стоянки Каратау 1 (верхняя площадка).

Условные обозначения: 1 — почва климатического оптимума; 2 — переходная зона между почвой климатического оптимума и лёссом; 3 — лёсс (зачаточная почва); 4 — ниже пунктирной линии почва сильно окarbonачена; 5 — отвал предыдущего раскопа; 6 — карбонатная корка

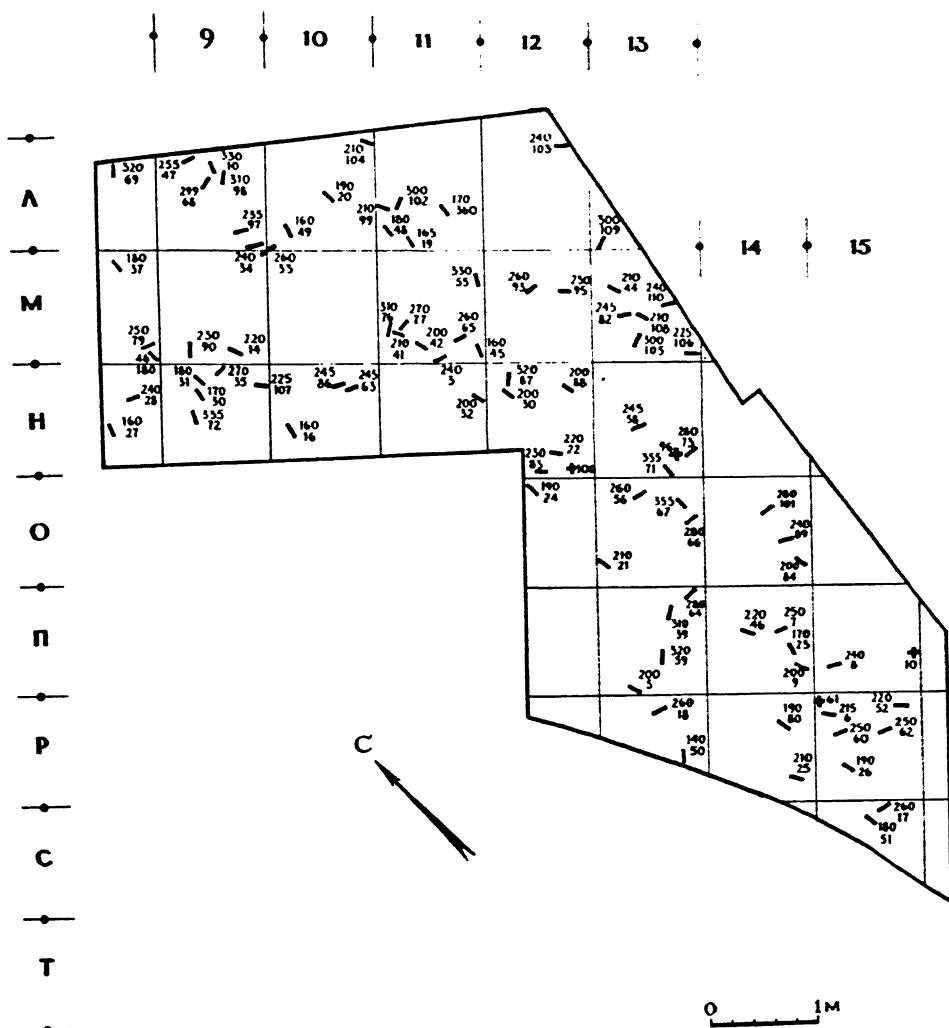

Рис. 3
Положение находок по отношению к сторонам света (нижняя площадка).
Верхняя цифра — градусы, нижняя — номер находки

16 17 18 19 20 21 22 23 24 25

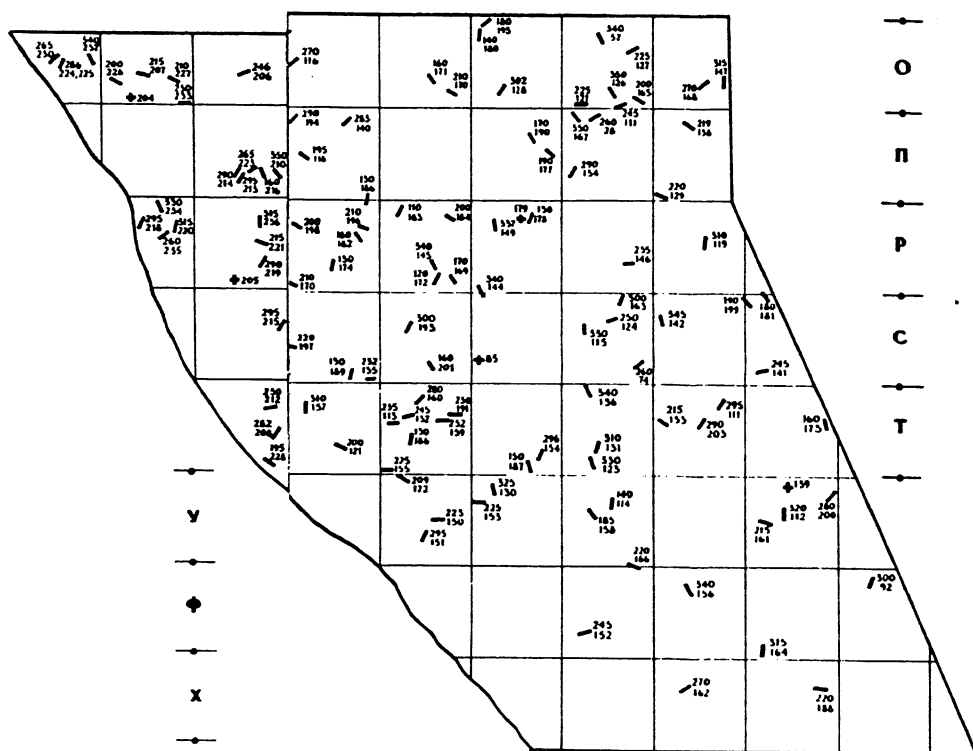

Рис. 4

Положение находок по отношению к сторонам света (верхняя площадка)

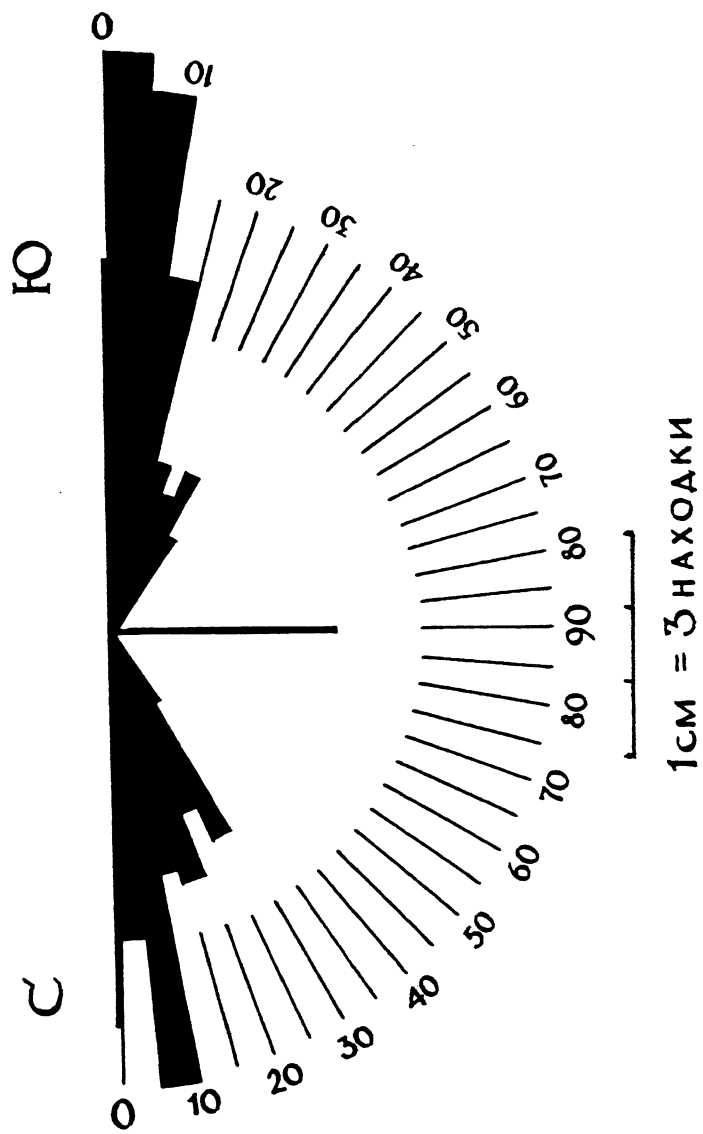

Рис. 5
 Диаграмма распределения углов наклона находок

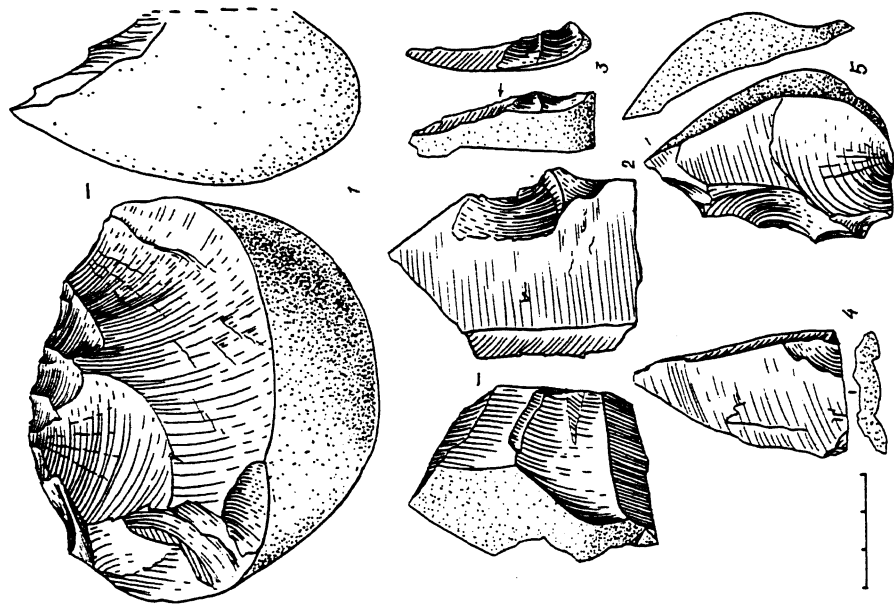

Рис. 6

Каратау 1. Каменные изделия: 1 — чопер; 2 — анкош; 3 — оживальный скол; 4 — клин; 5 — долька с ретушью (нож)

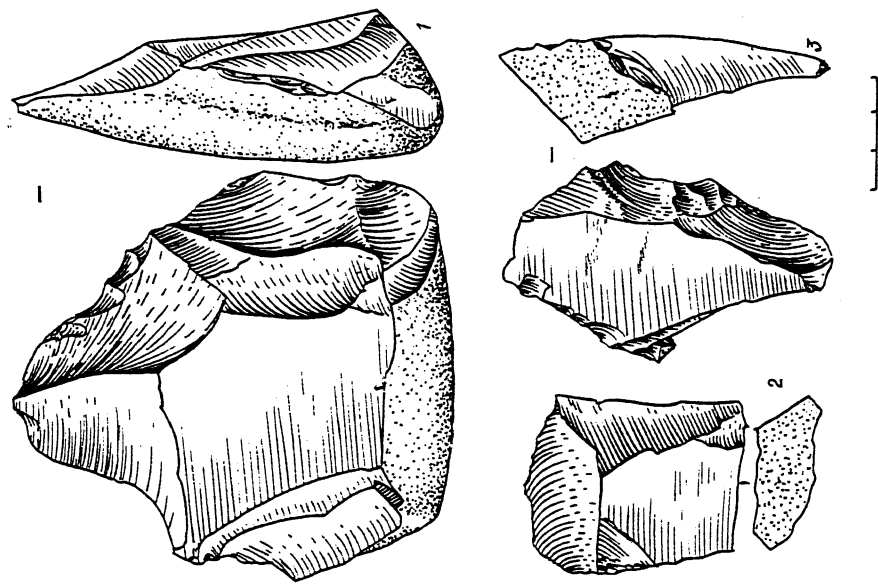

Рис. 7

Каратау 1. Каменные изделия: 1 — унифас; 2 — отщеп; 3 — клин с ретушью (скребло)

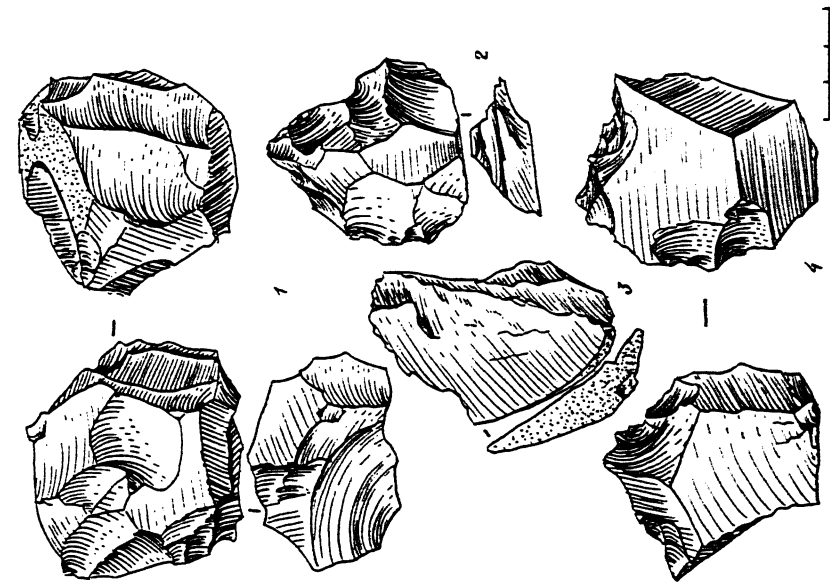

Рис. 8

Каратау 1. Каменные изделия: 1 — нуклеус, близкий к кубовидному; 2 — унифас; 3 — клин; 4 — долотовидное орудие

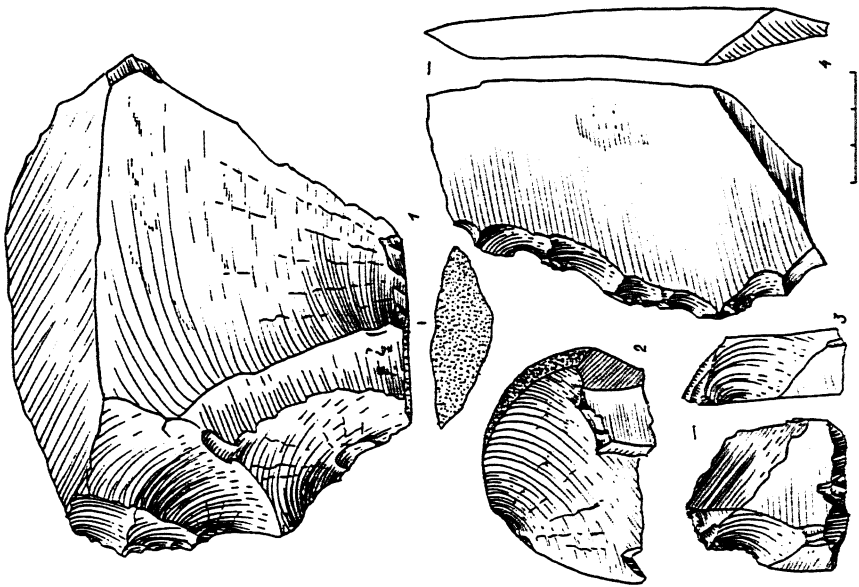

Рис. 9

Каратау 1. Каменные изделия: 1 — крупный отщеп (чоппер?); 2 — долыка; 3 — нуклевидный скребок; 4 — скребло

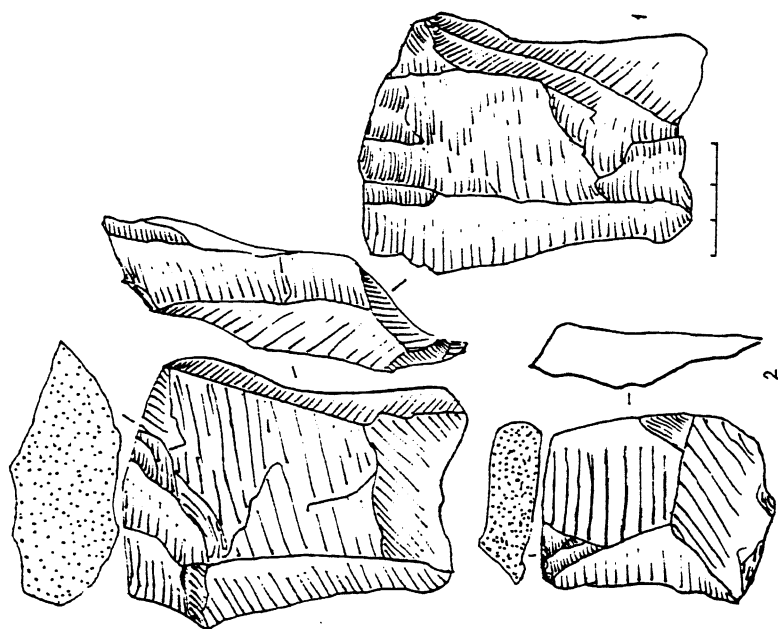

Рис. 10
 Каратау 1. Каменные изделия: 1, 2 — клинья

Ю.А.Рапопорт

АНТИЧНЫЙ СТЕКЛЯННЫЙ МЕДАЛЬОН, НАЙДЕННЫЙ В ХОРЕЗМЕ

В 1947 г. на городище Топрак-кала был найден стеклянный медальон, не опубликованный по каким-то причинам до сих пор¹. Между тем предмет этот бесспорно интересен, а сообщение о нем, видимо, будет уместно в этом сборнике, поскольку оно затронет некоторые сюжеты, соприкасающиеся с многотранными исследованиями Б.А.Литвинского.

Напомню, что в основе археологического комплекса Топрак-калы лежат развалины города, храмов и дворцов, построенных во II в. н.э. царями Хорезма. Дворцы были покинуты в начале IV в., хотя город просуществовал до VI в.². Медальон лежал на поверхности цитадели, т.е. северо-западного участка городища, отделенного от жилых кварталов мощной внутренней стеной. Судя по сопровождающей этикетке, не вполне ясной, гемма была найдена неподалеку от подножия Высокого дворца, откуда она могла рухнуть вместе с угловой частью планировки сооружения. Удержавшаяся здесь группа помещений сохранила остатки дворцового архива, а также украшения из стекла и золота. Как бы то ни было, связь рассматриваемой драгоценности с дворцовым комплексом несомненна.

Овальный медальон из зеленого стекла имеет по осям размеры 2,7 и 3,5 см при максимальной толщине 0,4 см. В овал тесно вписано рельефное изображение бородатого человека, данное в профиль вправо (рис. 1). Темя и затылок персонажа укрыты скальпом льва. Различимы также контуры нижней челюсти зверя и его лапы. Трудно сомневаться, что на медальоне изображен Геракл в шкуре побежденного им чудовищного льва³ или же какой-то правитель в облике излюбленного героя сказаний, литературы и искусства античного мира. Достаточно известно, что изображения Геракла и местных божеств, воспринявших характерные черты его иконографии, нередко встречаются также на Среднем Востоке и в Центральной Азии⁴. Они представлены и в мелкой пластике,

¹ Шифр Хорезмской археолого-этнографической экспедиции — 47 Топр-к/974. С 1994 г. хранится в Музее Востока.

² Толстов 1948, с. 164–190; Неразик, Рапопорт 1981; 1984; Рапопорт 1993, с. 161–181; Рапопорт 1996, с. 161–185.

³ Согласно одним преданиям, Геракл облачился в шкуру киферонского льва, согласно другим — в шкуру льва нимейского [Любкер 1885, с. 608].

⁴ См., например: Ingen 1939, с. 106–108; Ghirshman 1962, с. 57, 66, 102, 243, 277; Paul-David, Hallade, Hambis 1964, с. 345, 346; Фрай 1972, с. 211; Пугаченкова 1977, с. 76–92; Bernard, Juillen 1982, с. 31–45; Menninger 1996, S. 155, 156.

и в монументальном искусстве, и в нумизматических материалах. Уникально изображение из слоновой кости, украшавшее вотивный меч III в. до н.э., пожертвованный в храм Окса на городище Тахти-Сангин. Это миниатюрный портрет Александра Македонского с львиным скальпом на голове⁵. В монетном чекане греческих государств профильные изображения Геракла с соответствующим трофеем известны с VI в. до н.э., но жители глубинной Азии, очевидно, ознакомились с ними раньше всего по тетрадрахмам Александра, а затем по многочисленным подражаниям им. Такие подражания выпускали не только диадохи и эпигоны греки, но и правители из автохтонных династий⁶.

Претендуя на родство с Гераклом и воспроизводя образ героя-полубога, дошедшего до краев ойкумены, македонский завоеватель, конечно, соотносил его деяния с собственными, но примечательно, что портретные черты полководца возникают под львиным шлемом практически одновременно на монетах многих городов в 327 г. до н.э.⁷. Существует предположение, что образцом для всех них стал не дошедший до нас скульптурный портрет Александра, созданный после его охотничьего подвига в 328 г. до н.э. В согдийском лесном заповеднике он победил в поединке огромного льва (Curt. VIII, 11–19; Just. XV, 3). Это, разумеется, было сопоставлено с первым подвигом Геракла⁸.

Есть основания считать, что в ираноязычной среде образ могучего эллинского героя мог слиться с представлением о Веретрагне — божестве войны и победы, которому посвящен 14-й яшт Авесты⁹. Давно замечена связь между именем этого бога и древнеиндийским именем-эпитетом Индры — В(и)ртрахан, т.е. «Поражающий Вритру»¹⁰. Если отголоски древнейшего мифа сохранялись у иранцев к моменту их знакомства со сказаниями о подвигах Геракла, то лернейская гидра могла быть сопоставлена с демоном Вритрой, поскольку тот представлялся змееподобным и издающим шипение. Надписи на кушанских монетах указывают, впрочем, на возможность независимого существования образов Веретрагны (ORΔAGNO) и Геракла (EPAKΛIO)¹¹. Похоже, что в западной части Азии представление о тождестве Геракла и Веретрагны укоренилось раньше, чем в кушанском регионе. Во всяком случае в надписи Антиоха I Коммагенского (69–34 гг. до н.э.), найденной в его грандиозном погребальном комплексе Нимруд-даг, наряду с уравнениями Ормазд–Зевс и Митра–Аполлон–Гелиос дано и такое: Геракл–Веретрагна (в написании 'Αρταύνης — Артагн)¹². Та же идентификация прослежена в митраизме¹³, в арамейском варианте надписи парфянского царя Вологеза IV (191–208 гг. н.э.), где Геракл назван Веретрагной, тогда как в греческой версии то же изображение определено эллинским именем¹⁴. Марта Картер, посвятившая затронутой здесь теме обстоятельную статью, так сформулировала три причины адаптации образа Геракла в Азии: он был чрезвычайно важен для греков как божественный предок Александра,

⁵ Литвинский, Пичикян 1980, с. 124–133; Пичикян 1983, с. 80–89; с. 124–133; Litvinskii, Pichikian 1996, с. 60.

⁶ Неверов 1971а, с. 89; Зеймаль 1983, с. 77, табл. 9.

⁷ Пичикян 1983, с. 85.

⁸ Gebauer 1938/1939, S. 11, 12.

⁹ Boyce, Grenet 1991, с. 62.

¹⁰ Benveniste, Renou 1934.

¹¹ Göbl 1984, S. 41.

¹² Gray 1929, с. 119.

¹³ Cumont 1896, с. 143, 236.

¹⁴ Invernizzi 1989, с. 65–66.

и культ его внедрялся Селевкидами; для зороастрийцев он был величайшим умертвителем льва, а лев рассматривался как творение Аримана и даже ипостась дьявола; Геракл воскрешал любимый изобразительный мотив архаического Ближнего Востока — «душитель льва»¹⁵.

Веретрагну, наряду с другими богами, почитали и в Хорезме¹⁶. В местном варианте зороастрийского календаря, сохраненном Бируни, этому божеству победы был посвящен двадцатый день месяца¹⁷. Следует отметить, что, уточнив транслитерацию М.А.Салье по стамбульской рукописи знаменитого труда средневекового ученого, выросшего в Хорезме, В.А.Лившиц дает написание для этого дня 'rθun, т.е. такое же, как в коммагенском тексте¹⁸.

Все вышеизложенное хорошо объясняет, почему медальон с изображением Геракла хранился во дворце царей Хорезма. Однако, для того, чтобы установить происхождение и первоначальное назначение самого предмета, нам придется из глубин Азии перенестись в древний Рим.

Ю.Л.Шапова, которой я глубоко благодарен за авторитетные консультации, убеждена, что состав стекла и некоторые технологические приемы, выявленные при изучении медальона, свидетельствуют, что это римское изделие первых веков нашей эры, более того, это изделие столичных мастерских. Предмет был отлит под давлением в очень хорошей форме. Края овала несут следы тонкой ретуши, оставленные при удалении излишков стекольной массы, выдавленной при прессовании. Для ее изготовления использовались сода, известь и песок. В обесцвеченный первоначально расплав была добавлена очень чистая медь, которая и придала изделию изумрудный цвет. Со временем выступание меди на поверхность привело к образованию золотистых участков главным образом в углублениях барельефа¹⁹.

Наилучшее сопоставление, которое я могу предложить рассматриваемому предмету по материалу, размеру и стилистике изображения, это овальный медальон из зеленоватого стекла, хранящийся в Эрмитаже. Он несет профильное изображение императора Септимия Севера, который правил со 193 по 211 г. В своей известной работе 1926 г. М.И.Максимова называет этот предмет просто «литиком»²⁰. Однако О.Я.Неверов в ряде своих публикаций уверенно относит крупные стеклянные медальоны эрмитажной коллекции к категории фалер²¹. Так же определяет их Н.З.Кунина²².

Фалары или фалеры (φαλαρα, phalerae) впервые упомянуты в Илиаде, там это украшение шлема. У Геродота золотые фалеры — часть конской упряжи

¹⁵ Carter 1995, с. 119. Отсылая читателя к этой работе, замечу, что второй из этих тезисов вряд ли применим к Хорезму: слишком часто львов здесь изображали как защитников (дверей, сосудов и т.п.). Должен также указать на одну ошибку исследовательницы. Рассматривая птицеобразные короны как инсигнии, связанные с сельмой инкарнацией Веретрагны, М.Картер (вслед за Ф.Тиссо) относит к ним одно изображение на фляге из Кой-Крылган-калы. На самом деле это голова гуся, являющаяся частью полиморфного мифического образа (см. [Рапопорт 1977, с. 58–71]).

¹⁶ Рапопорт 1996, с. 53–77.

¹⁷ Бируни 1957, с. 62.

¹⁸ Лившиц 1970, с. 16.

¹⁹ В момент написания тезисов доклада, лежавшего в основе этой статьи, я полагал, что это остатки золочения. И сейчас меня настораживает тот факт, что на оборотной стороне медальона золотистые блески практически отсутствуют.

²⁰ Максимова 1926, с. 100, № 15.

²¹ Неверов 1971б, с. 93, 122.

²² Кунина 1997, с. 82, 261, 267.

победителей великого Кира — массагетов (I, 215). В качестве украшения лошадей они фигурируют в текстах Еврипида, Ксенофонта, Полибия и других греческих авторов. В римское время знают и конские фалеры (*equi phalerati*), и те, которые носили сами легионеры как один из видов воинских наград, — *donna militaria*. Обычай помешать их поверх панцирей появился около 200 г. до н.э. Награды вручали во время торжественного построения солдатам и младшим командирам (не выше центуриона) от имени императора или наместника крупной провинции. Известны подлинные фалеры, видимо, не слишком многочисленные. Среди них выделяются прекрасные серебряные диски из Лауэрсфорта с персонажами дионисийского круга. Нередко фалеры бывают изображены на солдатских надгробиях. Барельефы показывают, что эти протоордена крепились на перекрестиях ремней, образующих своего рода прочную сетку. Известно упоминание об одном легионере, имевшем в числе иных знаков воинской доблести 25 фаларов. Изображения приписывают апотропеическое значение. Дионисийские сюжеты трактуют иногда как отражение мифов о беспредельных завоеваниях Вакха. Яснее обстоит дело, когда награда воспроизводит облик императора или наместника: этим декларируется неразрывная связь доблестного воина со своим полководцем.

Античные авторы говорят только о металлических фаларах. В современных энциклопедических статьях, даже достаточно подробных²³, нет упоминаний о фаларах стеклянных ни тем более их воспроизведений. А между тем такие наградные знаки, состоящие из стеклянных медальонов в широких металлических оправках, были найдены. Наиболее известна находка, полученная при раскопках Виндинисса — лагеря римского легиона, стоявшего в Прирейнской Швейцарии (современный кантон Ааргау). В центр бронзового диска вставлена стеклянная гемма с изображением наместника Галлии Друза (I в. н.э.) и его малолетних детей. Металлические петли с внутренней стороны изделия не оставляют сомнений относительно его предназначения. Ранее других написал о стеклянных медальонах-фалерах В.Бартель в 1912 г., специальные статьи им посвятили А.Альфёльди, Д.Бошунг и некоторые другие авторы²⁴. В 1991 г. о римских фалерах рассказал О.Я.Неверов²⁵. Свою статью он иллюстрировал стеклянными медальонами, хранящимися в Эрмитаже. Их немного, и, как отмечено, почти все они приобретены еще при Екатерине II у художника Дж.Казановы, работавшего в Дрездене.

Тем интереснее находка в Хорезме, которую к разряду фалер можно отнести с не меньшим основанием, чем эрмитажные медальоны. Здесь я целиком опираюсь на авторитетное мнение петербургских ученых, хотя полагаю, что слишком крупные для перстней портретные геммы и инталии могли быть вотивными приношениями в храмы, украшениями жреческих диадем и т.п.²⁶. Сравнительно небольшие размеры рассматриваемого нами изделия, видимо, не должны препятствовать определению его как фалеры: Альфёльди определяет среднюю величину для них в 37–42 мм. Среди эрмитажных предметов, отнесенных к категории фалер, есть и меньшие.

Считают, что стеклянные медальоны подражали изображениям на каменных геммах, утвержденных двором, а иногда просто механически копировались

²³ См., например: Lammert 1938, IV 59–1662.

²⁴ Alföldi 1951, S. 68, Taf. II–III; Alföldi 1957, S. 80–96; Boschung 1987, S. 193–258.

²⁵ Неверов 1991, с. 17–19.

²⁶ Неверов 1972, с. 49.

с них²⁷. Драгоценные геммы с профильным бюстом Геракла с львиным скальпом на голове известны, но наш медальон, безусловно, не отлит в снятой с них форме и не является прямым подражанием ни одному из них; еще менее похож на находку из Хорезма крупный стеклянный медальон с бюстом безбородого Геркулеса в фас, убедительно восстанавливаемый Д.Бошунгом по обломкам двух экземпляров²⁸. Небольшие «стеклянные геммы в перстни простонародья» (Plin. N.H. 35, 48), как полагают, отливались сотнями и тысячами²⁹. На многих из них, очевидно, был запечатлен Геракл. Этот образ очень часто встречается на камнях и инталиях, поступавших в римские провинции. Так, среди изображений героев на инталиях, найденных на всей территории Галлии, четверть приходится на долю этого персонажа³⁰.

В то же время для меня осталось не ясным, велись ли массовое производство и продажа крупных литиков с изображением богов и императоров, т.е. предметов, которые принято называть фалерами. Если они служили исключительно (или хотя бы по преимуществу) наградными знаками для солдат, то их сюжеты, изготовление и распространение должны были находиться под контролем императорской администрации, поскольку это было средство пропаганды в войсках. В этом они по своему значению приближались бы к монетам³¹.

Как было упомянуто, профиль бородатого Геракла стали чеканить на монетах в глубокой древности. Его можно видеть, например, на полустатерах Дикей (Фракия), выпускавшихся в VI в. до н.э.³². Очень похож на персонажа нашей фалеры Геракл на монете македонского царя Аминты III (389–364 гг. до н.э.)³³. Принято считать, что образцом для художника, готовившего последние эмиссии римского императора Коммода, служили монеты Филиппа II и Александра Македонского³⁴. Но, может быть, иконография эта восходит к тетрадрахмам деда великого полководца (рис. 2)?

Скорее всего ко времени правления Коммода (181–192 гг.) и относится рассматриваемый нами предмет. Сохранность изображения на медальоне не столь хороша, чтобы с уверенностью говорить о портретном сходстве с Гераклом-Коммодом на монетах и медалях 192 г., однако оно достаточно велико³⁵. Отметим, в частности, что нос передан горбатым с нависающим кончиком, и это отличает профиль и от эллинского идеала, и от Геракла «лисипповского типа» с его деформированным носом атлета. В то же время незаметно стремление передать завитки на бороде, свойственные Коммоду. Но, может быть, мы хотим слишком многого от стекла, пролежавшего века под солнцем Хорезма?

Если же обратиться к личности Марка Аврелия Коммода Антонина, то станет ясно, что выпуск им солдатской награды с образом Геракла или собственным уподоблением этому полубогу весьма вероятен. Коммод, которого считают первым «солдатским императором», довел культ Геракла, давно существовавший

²⁷ Максимова 1926, с. 21, 22; Неверов 1994, с. 120.

²⁸ Furtwängler 1900, I. Bd., Taf. 64, № 19; Dalton 1915, № 112; Eichler, Kris 1927, Taf. 10, № 27; Boschung 1987, S. 197, Abb. 1–4.

²⁹ Неверов 1977, с. 145.

³⁰ Guiraud 1988, с. 63.

³¹ Абрамзон 1995.

³² LMC, vol. IV/1, с. 734; vol. IV/II. pl. 444, 5.

³³ LMC, vol. IV/1, pl. 459, 235.

³⁴ Абрамзон 1995, с. 394.

³⁵ Mattingly, Sydenham 1930, pl. XV, № 310; Зорпаф 1951, табл. XXIII, 14; Grant 1958, с. 55; Robertson 1971, pl. 122, № 183–185; Szaivert, 1986, Taf. 3, 1164–2/75.

в Риме, до апогея и абсурда. Он приказал и самого себя именовать Геркулесом, «сняв с себя римское императорское облачение, он натягивал на себя львиную шкуру и носил в руках дубину» (Herod. Hist. I, 14, 8)³⁶. Все это запечатлено и известным мраморным бюстом Коммода, и на его монетах с дубиной и надписью *Hercul. Romano*. Полагают, что эти выпуски свидетельствуют о попытке Коммода создать монотеистический культ, предусматривавший поклонение императору как божеству³⁷. Отождествление собственной персоны с Геркулесом в немалой степени определялось недюжинной силой Коммода, его страстным увлечением гладиаторскими забавами и личным участием в них. Так, однажды он собственноручно забил на арене сто львов, с удивительной меткостью поразив их дротиками сверху (Herod. Hist. I, 15, 2; SHA, *vita Commodi*, 8, 5–9). Здесь уместно вспомнить о поединке Александра со львом в согдийском лесу и о связанных с этим подвигом портретных изображениях полководца в львином шлеме. Победы Коммода на арене цирка были сопоставлены с подвигами Геракла (и Александра?), что, видимо, и привело к выпуску соответствующих монет, медалей, а может быть, и фалер. Были введены новые названия месяцев, «большая часть которых относилась к Геркулесу, как наиболее мужественному» (Herod. Hist. I, 14, 9). Коммод-Геркулес объявил об установлении и предстоящем праздновании нового века³⁸. В день нового года он собирался, отказавшись от императорского облачения, возглавить процессию, выйдя из гладиаторской казармы в сопровождении ее обитателей (Herod. Hist. I, 16, 3). Однако в ночь на 1 января группа заговорщиков приказала гимнасту Нарциссу («спарринг-партнеру» Коммода) задушить его в бане, что и было исполнено. Римские историки чуть ли не главной причиной заговора называют неприемлемые формы внедрявшегося культа Геркулеса. Этот культ отчетливо проступает в последних выпусках монет Коммода, а предполагавшиеся празднества могли потребовать раздачи фалер и сравнительно дешевых стеклянных медальонов.

Краткий период бесчинств преторианцев и междоусобиц солдатских ставленников завершился воцарением Септимия Севера (193–211), который почтил память Коммода специальным выпуском монет в честь деифицированного покойного императора с надписью *Divus Commodus*³⁹. Таким образом, длительно-го и систематичного уничтожения изображений убитого императора, очевидно, не было, и солдаты могли носить его фалеры во время успешных кампаний Септимия Севера в Месопотамии. Через парфянскую среду одна из таких наград могла проникнуть в Хорезм. Не исключено, конечно, что стеклянные медальоны с профилем Геркулеса просто шли на продажу.

Следы связей с Римом в Хорезме есть. К ним можно отнести местное керамическое воспроизведение римского ковша-патеры из верхнего слоя Кой-Крылган-калы⁴⁰ или оттиск античной инталии на булле, найденной среди документов в Высоком дворце Топрак-калы⁴¹. Вполне вероятно, что некоторые эллинистические мотивы в монументальном искусстве этого династического центра были восприняты через какие-то образцы, пришедшие из римского мира. Но это уже иная тема.

³⁶ Геродиан 1995, с. 90.

³⁷ Штаерман 1987, с. 287.

³⁸ Grant 1950, с. 111.

³⁹ Grant 1950, с. 99, № 2, с. 121, № 8.

⁴⁰ Кой-Крылган-кала 1967, с. 124, 125, рис. 50.

⁴¹ Топрак-кала. Дворец 1984, с. 177.

В заключение замечу, что уверенно назвать данный предмет фалерой Коммода, конечно, нельзя. Профильные изображения бородатого Геракла, укрытого львиной шкурой, создавались и до и после правления этого императора. Однако исторические, иконографические и археологические соображения делают такую возможность вероятной. Надеюсь, что эта публикация поможет дать более твердое определение интересному предмету, заброшенному в далекий Хорезм.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамзон 1995 — Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М.
- Бируни 1957 — Бируни А. Избранные произведения. Т. I. Памятники минувших поколений. Пер. М.А.Салье. Таш.
- Геродиан 1995 — Геродиан. История императорской власти в восьми книгах (Пер. книг I и II А.И.Доватура). СПб.
- Зеймаль 1983 — Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душ.
- Зограф 1951 — Зограф А.Н. Античные монеты. М.-Л.
- Кой-Крылган-кала 1967 — Толстов С.П., Вайнберг Б.И. (ред.). Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма. М.
- Кунина 1997 — Кунина Н.З. Античное стекло в собраниях Эрмитажа. СПб.
- Лившиц 1970 — Лившиц В.А. Хорезмийский календарь и эры древнего Хорезма. — История, культура, языки народов Востока. М.
- Литвинский, Пичикян 1980 — Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Археологические открытия на юге Таджикистана. — Вестник АН СССР, № 7.
- Любкер 1885 — Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. Под ред. Л.Георгиевского и Ф.Зелинского. СПб.
- Максимова 1926 — Максимова М.И. Античные резные камеи Эрмитажа. Л.
- Неверов 1971а — Неверов О.Я. Митридат и Александр. К иконографии Митридата VI. — СА. № 2.
- Неверов 1971б — Неверов О.Я. Античные камеи в собрании Государственного Эрмитажа. Л.
- Неверов 1972 — Неверов О.Я. К вопросу о смысле и назначении крупных портретных гемм поздней империи. — Сообщения ГЭ. Т. XXXV. Л.
- Неверов 1977 — Неверов О.Я. Портретные геммы республиканского Рима в собрании Эрмитажа. — История и культура античного мира. М.
- Неверов 1991 — Неверов О.Я. Римские фалеры. — Юный художник, № 11.
- Неверов 1994 — Неверов О.Я. Античные камеи. СПб.
- Неразик, Рапопорт 1981 — Неразик Е.Е., Рапопорт Ю.А. (ред.). Городище Топрак-кала. — ТХАЭЭ. Т. XII. М.
- Пичикян 1983 — Пичикян И.Р. Александр-Геракл (греко-бактрийский портрет великого полководца). — СА. № 1.
- Пугаченкова 1977 — Пугаченкова Г.А. Геракл в Бактрии. — ВДИ, № 2.
- Рапопорт 1977 — Рапопорт Ю.А. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах. — Средняя Азия в древности и средневековье. М.
- Рапопорт 1993 — Рапопорт Ю.А. Загородные дворцы и храмы Топрак-калы. — ВДИ № 4.
- Рапопорт 1996 — Рапопорт Ю.А. Религия древнего Хорезма: некоторые итоги исследований. — Этнографическое обозрение, № 6.
- Толстов 1948 — Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.

- Топрак-кала. Дворец 1984 — *Рапопорт Ю.А., Неразик Е.Е.* (ред.). Топрак-кала. Дворец. — ТХАЭЭ. Т. XIV. М.
- Фрай 1972 — *Фрай Р.* Наследие Ирана. М.
- Штаерман 1987 — *Штаерман Е.М.* Социальные основы религии древнего Рима. М.
- Alföldi 1951 — *Alföldi A.* Römische Porträtmedallion aus Glas. — *Ur-Schweiz*, XVe Anne, № 4, fasc. 1.
- Alföldi 1957 — *Alföldi A.* Zu den Glasmedaillons der militärischen Auszeichnungen aus der Zeit Tiberius. — *Ur-Schweiz*. Т. XXI. Anne.
- Benveniste, Renou 1934 — *Benveniste E., Renou L.* Vrtra et Vrθragna. P.
- Bernard, Juillen 1982 — *Bernard P., Juillen C.P.* Hāltères votives de lutteurs dans le Gandhara. — *Studia Iranica*. № 11 (1982).
- Boschung 1987 — *Boschung D.* Römische Glasphalerae mit Porträtbusten. — *BJ*. Bd. 187.
- Boyce, Grenet 1991 — *Boyce M., Grenet F.* A History of Zoroastrianism. — *Zoroastrianism under Macedonian and Roman rule*. Vol. 3. Leiden.
- Carter 1995 — *Carter M.L.* Aspects of the imagery of Verethragna: the Kushan empire and buddhist Central Asia. — *Proceedings of the second European conference of Iranian studies*. Roma.
- Cumont 1896 — *Cumont F.* Textes et monuments figurés relatifs au mystères de Mithra. T. I. P.
- Dalton 1915 — *Dalton O.M.* Catalogue of the engraved gems of the postclassical periods in the department of British and mediaeval antiquities and ethnography in British Museum. L.
- Eichler, Kris 1927 — *Eichler F., Kris E.* Die Kameen in Kunsthistorischen Museum. Wien.
- Furtwängler 1900 — *Furtwängler A.* Die antike Gemmen. Lpz.
- Gebauer 1938/1939 — *Gebauer K.* Alexanderbildnis und Alexandertypus. Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts. Athenische Abteilung.
- Ghirshman 1962 — *Ghirshman R.* Iran. Parthes et Sassanides. P.
- Göbl 1984 — *Göbl R.* Münzprägung des Kušanreiches. Vien.
- Grant 1950 — *Grant M.* Roman anniversary issue. An exploratory study of the numismatic and medallion commemoration of anniversary years. 49 BC—A.D. 375. Cambridge.
- Grant 1958 — *Grant M.* Roman History from coins. Cambridge.
- Gray 1929 — *Gray L.N.* Foundations of the Iranian religions. Bombay.
- Guiraud 1988 — *Guiraud H.* Intailles et camées de l'époque romaine en Gaule. P.
- Ingen 1939 — *Ingen W. von.* Figurines from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor.
- Invernizzi 1989 — *Invernizzi A.* Heracles à Seleucie du Tigre. — *Revue Archéologique*, № 1.
- Lammert 1938 — *Lammert F.* Phalerae. — *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa. Vol. XIX, Stuttgart.
- LIMC — *Lexicon iconographicum mythologiae classicae*. Zürich und München. 1984.
- Litvinskii, Pichikian 1996 — *Litvinskii B.A., Pichikian I.R.* The Hellenistic Architecture and Art of the Temple of the Oxus. — *Bulletin of Asia Institute*. Vol. 8. Bloomenfield Hills, Michigan, 1996 (1994).
- Mattingly, Sydenham 1930 — *Mattingly A., Sydenham E.A.* The Roman Imperial coinage. Vol. III. Antoninus Pius to Commodus. L.
- Menninger 1996 — *Menninger M.* Untersuchungen zu den Gläsern und Gipsabgüssen aus dem Fund von Begram (Afganistan). Würzburg.
- Paul-David, Hallade, Hambis 1964 — *Paul-David M., Hallade M., Hambis L.* Toumchong. Vol. II. P.
- Rapoport 1996 — *Rapoport I.U.A.* The Palaces of Topraq-Qal'a. — *The Archaeology and Art of Central Asia. Studies from the Former Soviet Union*. Bulletin of Asia Institute. Vol. 8. Bloomenfield Hills, Michigan, 1996 (1994).
- Robertson 1971 — *Robertson A.S.* Roman Imperial Coins in the Hunter Coin Cabinet. — *University of Glasgow*. Vol. II. Traian to Commodus. Glasgow, New York.
- Szaivert 1986 — *Szaivert W.* Die Münzprägung der Kaiser Marcus Aurelius, Lucius Verus und Commodus (*Moneta imperii romani*, Bd. 18). Wien.

А

Б

Рис. 1

Медальон, найденный на городище Топрак-кала
А — гипсовая отливка по оттиску; Б — прорисовка

1

2

Рис. 2

1 — тетрадрахма Аминты III (Македония, 389–364 гг. до н.э.);
2 — монета императора Коммода (192 г. н.э.)

В.С.Соловьев

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ КУЛЬТУРЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ТОХАРИСТАНА

Сфера научных интересов Б.А.Литвинского чрезвычайно обширна. Значительное место в ней занимает изучение контактов древней Средней Азии и окружающих стран. В работах этой тематики Б.А.Литвинский всегда дает яркую и убедительную картину взаимодействия культур, оказавшего существенное влияние на развитие среднеазиатской цивилизации. В данной статье автор продолжает эту тему — рассматривает вопросы формирования культуры ранне-средневекового Тохаристана.

Полвека назад С.П.Толстов, проводивший широкомасштабные археологические работы на севере Средней Азии, высказал мнение об упадке в ранне-средневековом Хорезме городской жизни, ирригации, ослаблении внешних торговых связей. Этот вывод он перенес и на другие среднеазиатские государства, в том числе и на Тохаристан, на территории которого археологические раскопки тогда еще только начинались [Толстов 1948, с. 203–205]. Т.Аннаев, подводя первые итоги своих исследований памятников Сурхандарьи, отметил, что северотохаристанский регион переживал в раннем средневековье упадок [Аннаев 1977, с. 88]. Затем его оценка положения в регионе становится более сдержанной [Аннаев 1988, с. 58]. Недавно Ф.Грене назвал посткушанский период (IV–V вв.) в Бактрии и Согде кризисным [Grenet 1996, с. 367–390]. Некоторые негативные тенденции в развитии Согда и Северной Бактрии после вторжения кочевников отметила Г.В.Шишкина: упадок городской жизни, отток городского населения в сельскую местность [Shishkina 1996, с. 91].

Автор полагает, что значительные по объему материалы, полученные с территории Бактрии–Тохаристана за последние годы, не позволяют рассматривать посткушанский период в истории страны столь однозначно. Здесь происходили сложные, не всегда негативные процессы, коснувшиеся всех сторон жизни его населения.

Сасанидская держава с самого начала своего существования проводила агрессивную политику по отношению к своему восточному соседу — Кушаншахру. После походов в его пределы Ардашира I и Шапура I Кушаншахр стал слабеть и разваливаться [Соловьев 1997, с. 16–18]. Вследствие разрушения кушанской государственной системы поддержки лишаются города. Уже во второй половине III в. приходит в упадок большая их часть. В правобережной Бактрии были заброшены центр Кобадиянского оазиса — городище Кейкобадшах [Дьяконов

© В.С.Соловьев, 2001

1953, с. 278–279; 289–290], небольшой городок на восточной окраине оазиса — Тепайшах [Литвинский, Седов 1983, с. 37–38]. Примерно в это же время жизнь прекращается на большей части одного из самых крупных городов Бактрии, известного сейчас как Дальверзинтепа [Пугаченкова, Ртвеладзе и др. 1978, с. 50]. Не лучшие времена переживает крупный город левобережной Бактрии — Дильберджин [Кругликова 1974, с. 98–99].

По этой причине приходят в упадок и буддийские сооружения Бактрии. Во время раскопок Каратепа в Старом Термезе было установлено, что значительная часть памятника в конце III — IV в. была заброшена и разрушена, в некоторых его помещениях совершаются захоронения людей. Этому предшествовал период их запустения [Ставиский 1998, с. 41]. Одновременно было заброшено Фаязтепа, часть его помещений превратили в склепы, входы в которые заложили кирпичом [Альбаум 1974, с. 58]. Прекращает функционировать также храм в местности Шутурмулло в Кобадияне [Зеймаль 1986, с. 186–202].

Шапур II, предприняв в конце 70-х — 80-х годах IV в. длительный поход в область хионитов и евсений (кушан), подчинил Тохаристан, после чего начался период сасанидской оккупации его территории. Установилась политическая стабильность, способствовавшая возрождению экономики, основанной на развитом денежном обращении [Dani, Litvinsky 1996, с. 108]. Зброшенные ранее города не были восстановлены, однако в других городах (Зартепа, Гаваркала) жизнь продолжается в полном объеме [Zavyalov 1994, с. 69; Зеймаль 1969, с. 6].

Иные тенденции преобладали в развитии сельских регионов Тохаристана. Приток в них части городского населения привел к значительному увеличению количества поселений. Как установил Т.Д.Аннаев, в Ангорском оазисе Сурхандарьи их стало в три раза больше [Аннаев 1988, с. 59]. Продолжается жизнь и на многих поселениях региона, возникших в кушанское время. Например, из 11 поселений левобережья нижнего течения Сурхандарьи только 4 возникли в раннем средневековье. В Кобадиянском оазисе осваивались значительные по площади массивы целинной земли. В южной части Бешкентской долины возникают 4 новых поселения: Актепа II, Дарахшатепе, Клычдувал, Шуртепа. Слой кушано-сасанидского периода зафиксирован на Безымянном городище, Хангазе, Мунчактепа. Недалеко от райцентра Шахритуз обнаружено поселение этого времени — Шодмонкала. У поселения Актепа II найдены гончарные печи, керамика, изготавливаемая здесь, хорошего качества. А.В.Седов, занимавшийся изучением сельских поселений Кобадияна, полагает, что в кушано-сасанидский период в оазисе, возможно, произошел хозяйственный подъем [Седов 1987, с. 11–39, 114]. Судя по количеству кушано-сасанидских памятников в Южной Бактрии, ее территория также обживалась не менее интенсивно, чем в кушанский период [Ball 1988, с. 481–482]. В это время возникает, в частности, крупное укрепленное поселение Чакалактепа [Mizuno 1970].

В IV — середине V в. формируется кушано-сасанидский культурный комплекс, обладающий большой унификацией всех его элементов. По мнению А.В.Седова, он носил провинциальный характер вследствие того, что Тохаристан являлся окраиной Сасанидской державы [Седов 1987, с. 115]. Однако мне представляется, что облик культурного времени определяли уже не города, а сельские центры, переживавшие экономический подъем. Этим, в частности, объясняется характер застройки Зартепа и особенно Гаваркалы. Квалифицированные ремесленники, ставшие жителями сельских поселений, изготавливают

продукцию «городского» качества. Наиболее богатые горожане становятся владельцами земли, усадеб, замков.

Еще бóльшие испытания выпали на долю Тохаристана в годы экспансии эфталитов и их противоборства с Сасанидами в середине V в. Оно было длительным и переменчивым в смысле военного счастья для обеих сторон. Именно тогда были заброшены не только городские центры (Зартепа, Гаравкала, Дильберджин), но и многие сельские поселения. По наблюдениям Т.Аннаева, в Шерабадском оазисе Сурхандарьи из 13 изученных поселений кушанского времени восемь пришли в полный упадок. В Бешкентской долине жизнь продолжается в последующее время лишь в одном из шести поселений — на Безымянном городище. При этом практически на всех оставленных жителями памятниках найдено большое количество годных к употреблению керамических сосудов, других бытовых изделий. Это говорит о том, что жителям городов и поселений пришлось спешно покинуть свои дома, очевидно, в результате военных действий. Часть жителей долин вынуждена была переселиться в горы. Так, в V в. появляется поселение в одном из микрорегионов Тохаристана — верховьях р. Ширкент [Новиков, Радилиловский, Соловьев 1987].

Таким образом, Кушанское царство дважды испытало в III–IV вв. сильные политические потрясения. В пределах Тохаристана еще при эфталитах стали формироваться самостоятельные владения, число их ко времени визита Сюаньцзана достигло 27. Политические проблемы вызвали кризис городов, культовых учреждений, однако о полном кризисе страны говорить не приходится, так как успешно развивалась экономика и культура сельских районов. В это же время здесь начала формироваться новая городская культура, получившая развитие в VI–VII вв. На смену мегаполисам приходят небольшие города и городки [Литвинский, Соловьев 1985, с. 124–125]. Часть из них была возведена заново, в пределах старых границ возводились небольшие города. К первым из них, например, относится Кафыркала (Хелаверд), ко вторым — Калаи Кафирниган.

Посткушанский период в истории Тохаристана был переходным от эпохи эллинизма к раннему средневековью. Все сложные социально-экономические новации того времени свидетельствуют о зарождении в стране феодальных отношений. Аналогичные изменения переживал соседний Согд после вторжения хуннов. Как отметил Б.И.Маршак, здесь наблюдается быстрый рост поселений и городов на протяжении IV–VII вв. [Маршак 1987, с. 235].

Генезис раннесредневековой культуры Тохаристана был сложным. В его основе лежали местные бактрийские традиции. Они проявляются в культуре Тохаристана по-разному, например, в облике городов, для которых характерен квадратный план, трехчастное членение (собственно город, пригород и цитадель). Раннекушанский город изучается на Дальверзинтепа. И хотя вскрытые участки уличной сети еще не дают целостного представления о системе коммуникаций, трудно согласиться с мнением о том, что она носит аморфный характер [Grenet 1996, с. 378]. Скорее всего, на особенностях планировки Дальверзинтепа отразился характер городского рельефа, в частности, наличие в разных частях города водоемов, к которым подходили улицы [Пугаченкова, Ртвеладзе и др. 1978, с. 8, рис. 2].

Бактрийско-тохаристанские параллели выявляются и при анализе архитектуры. Это касается планировочной схемы «двор с обводом из коридора и различных помещений» [Аршавская 1986, с. 11–12]. Исходными моделями для не-

которых раннесредневековых буддийских памятников явились древнебактрийские храмы, такие, как храм Окса на городище Тахти Сангин [Пичикян 1991, с. 145, рис. 2]. Планировочная схема бактрийских многокамерных наусов, состоящая из осевого коридора и симметрично расположенных по обе стороны от него камер, явилась основой для коридорно-гребенчатой структуры, широко применявшейся для строительства тохаристанских замков и исламских домов. Одинаков способ разгрузки стен с помощью стоек в богатом жилом доме на Дальверзинтепа (ДТ-5) и в аудиенц-зале правителей области Вахш. Аналогична конструкция бактрийских и тохаристанских каминов. Приемы бактрийской фортификации использованы в оборонительной системе Хелаверда [Соловьев 1997, с. 104–113]. Близкие параллели выявляются и в отдельных категориях предметов материальной культуры, например, в керамике [Соловьев 1996, с. 50]. Бактрийское монументальное письмо, трансформированное в курсив, использовалось в Тохаристане на протяжении всего раннего средневековья.

Говоря о генезисе раннесредневековой культуры Тохаристана, необходимо коснуться ее взаимодействия с культурами отдельных стран. Ф.Грене видит причину возрождения городов Бактрии и Согда из кризиса в IV–V вв. во влиянии на их структуру иранских городов, усвоивших античные модели, — благодаря ему она приобрела регулярный характер. Исследователь Зартепа В.А.Завьялов отметил сходство застройки кроющего слоя города с застройкой сасанидского Вех-Ардашира. Однако я не исключаю того, что некоторые структурные изменения тохаристанского города, произошедшие на рубеже эллинистического и раннесредневекового периодов, могли явиться результатом прямого воздействия городской культуры Византии. Моделью в данном случае явились города ее восточных провинций [Downey 1961, рис. 6; II]. Это позволяет говорить о преемственности между кушанским городом, который «обнаруживает наличие сильных эллинистическо-римских традиций и элементов» [Литвинский 1981, с. 123], и кушано-сасанидским городом. Важным различием в эволюции византийских и среднеазиатских городов является то, что в подвергшейся «варварскому» нападению Византии пришли в упадок не крупные, а мелкие города-полисы. Эта особенность была обусловлена ростом крупного землевладения, способствовавшего подъему более крупных центров [Курбатов 1971, с. 31–89].

Представляется, что между собой генетически были связаны также римские виллы и тохаристанские замки. Для некоторых вилл было характерно наличие на периферии серии коридорообразных помещений, жилые и парадные помещения при этом располагались в ее центральной части [Овчаров 1969, с. 27, рис. 2]. Практически такое же архитектурно-планировочное решение имеет в своей основе замок Балалыктепа [Альбаум 1960, с. 64]. Рустовку паховых стен раннесредневековых монументальных построек Тохаристана с помощью глубоких швов следует рассматривать как подражание квадратной кладке византийских построек.

Столовая кушано-сасанидская керамика чрезвычайно близка к позднеримской керамике как морфологией, так и техникой изготовления, размерами сосудов. В среде тохаристанской знати был модным византийский шелк, доставлявшийся в Среднюю Азию через Северный Кавказ [Иерусалимская 1972, с. 35]. О значительных объемах этого экспорта свидетельствуют подсчеты образцов шелка, найденного при изучении могильника Мошевая Балка. Доля византийского шелка в коллекции составляет 25% общего количества находок [Савченко 1999,

с. 125–141]. В одежды, шитые из него, одеты персонажи, изображенные в настенной живописи Балалыктепа.

Византийским влиянием объясняется наличие на некоторых «бактрийских» чашах греческих сюжетов [Boardman 1994, с. 96; Маршак 1978, с. 258–268]. Как и в Согде [Мкртычев, Наймарк 1989, с. 87–88], тохаристанские мастера изготавливали в подражание поздне римским саркофагам керамические оссуарии [Соловьев 1997, с. 12]. В Тохаристан попадали не только византийские монеты, правители Чаганиана чеканили их медные реплики с парным изображением [Массон 1951, с. 97; Ртвеладзе 1987, с. 218–224; Ртвеладзе 1999, с. 22–28]. Костяные заколки для волос, увенчанные изображением человеческой пятерни, были широко распространены в Тохаристане также благодаря связям с Византией. Это же касается мотива виноградной лозы и аркад в архитектурном декоре.

Направление культурных связей между Тохаристаном и Византией во многом зависело от политической ситуации в среднеазиатском регионе. В кушано-сасанидский период они осуществлялись, очевидно, преимущественно через Иран. При этом тохаристанцы могли знакомиться с культурой восточно-римских провинций как непосредственно, так и через иранские заимствования. При эфталитах и особенно при тюрках, враждовавших с Ираном, для этого использовался северный маршрут Великого Шелкового пути. Важным фактором, сближавшим Тохаристан и Византию, было христианство.

Тесным было взаимодействие культур Тохаристана и Ирана. Оно также отразилось на облике тохаристанской культуры: в архитектуре (чортаки, конструкции арок), символике (изобразительный блок из полумесяца и солнечного диска), в монетном чекане (подражания драхмам Хосрова I, Пероза), торовитике (круглый медальон с человеческим бюстом на дне чаши). В Тохаристане раньше, чем в других регионах Средней Азии, распространился язык фарси-дари. У тохаристанцев и иранцев существовали близкие представления, связанные с верой в фарна [Соловьев 1997, с. 158–161]. В годы сасанидской оккупации в Тохаристане произошло некоторое возрождение зороастризма.

Буддизм был главным фактором, определяющим характер взаимодействия культур Тохаристана и Индии. Архитектурные схемы индийских буддийских памятников оказали влияние на планировку тохаристанских буддийских сооружений [Литвинский, Зеймаль 1971, с. 48–56]. Буддийское искусство Тохаристана испытало влияние гандхарского и гуптского искусства. Из Северо-Западной Индии или Кашмира в Тохаристан привозили буддийские рукописи на бересте, а также сердоликовые бусы с наведенным орнаментом. Своеобразным идеалом женской красоты у тохаристанских художников был образ индийской яшмини. Анализ структуры Хелаверда позволяет сравнить ее со структурой средневекового города Индии [Ашрафян 1977, с. 124]. Дворец правителя, городской храм, жилые дома знати были построены на периферии города. Центральную же его часть заселяли ремесленники.

Следует также отметить, что раннесредневековая культура Тохаристана развивалась в тесном взаимодействии с культурой кочевников, пришедших на его территорию. Наиболее наглядно это демонстрирует тохаристанский поясной набор, некоторые типы железных наконечников стрел, каменные изваяния.

Таким образом, культура раннесредневекового Тохаристана представляет собой сложный сплав из бактрийско-тохаристанских и заимствованных элемен-

тов. Если говорить о заимствованиях в тохаристанской культуре, то необходимо прежде всего отметить большую роль в них римско-византийского компонента. Усвоение тохаристанцами культуры других стран шло по линии прикладного и изобразительного искусства, архитектуры. Часто они не слепо копировали иноземные образцы, а творчески перерабатывали их, приспособлявая к местным условиям.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Альбаум 1960 — *Альбаум Л.И.* Балалыктепа. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Таш.
- Альбаум 1974 — *Альбаум Л.И.* Раскопки буддийского комплекса Фаяз-Тепе (по материалам 1968–1972 гг.). — Древняя Бактрия. П.
- Аннаев 1977 — *Аннаев Т.Д.* К характеристике раннесредневековых памятников правобережного Тохаристана (по материалам Сурхандарьинской области). — Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тез. всесоюзн. науч. конф. в г. Пенджикенте Таджикской ССР, 25–31 августа 1977 г. Душ.
- Аннаев 1988 — *Аннаев Т.Д.* Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. Таш.
- Аршавская 1986 — *Аршавская З.А.* К эволюции архитектурной схемы «двор с обводом из коридорообразных помещений» в Северном Тохаристане и Согде. — Городская среда и культура Бактрии–Тохаристана и Согда (IV в. до н.э. — VIII в. н.э.). Тез. докл. советско-французского colloquium. Самарканд, 25–30 августа 1986 г. Таш.
- Ашрафян 1977. — *Ашрафян К.З.* Феодализм в Индии: особенности и этапы развития. М.
- Дьяконов 1953 — *Дьяконов М.М.* Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиян) (1950–1951 гг.). — МИА. № 37. М.–Л.
- Зеймаль 1969 — *Зеймаль Т.И.* Вахшская долина в древности и раннем средневековье. — АКД.
- Зеймаль 1986 — *Зеймаль Т.И.* Буддийский комплекс Шутурмулло. — АРТ (1979). Вып. XIX. Душ.
- Иерусалимская 1972 — *Иерусалимская А.А.* К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде. — Средняя Азия и Иран. П.
- Кругликова 1974 — *Кругликова И.Т.* Дильберджин. М.
- Курбатов 1971 — *Курбатов Т.Л.* Основные проблемы развития византийского города в IV–VII вв. М.
- Литвинский 1984 — *Литвинский Б.А.* Кушанский город. Индийско-среднеазиатские параллели. — Древний Восток и мировая культура. М.
- Литвинский, Зеймаль 1971 — *Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И.* Аджинатепе. М.
- Литвинский, Седов 1983 — *Литвинский Б.А., Седов А.В.* Тепаи-шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М.
- Литвинский, Соловьев 1985 — *Литвинский Б.А., Соловьев В.С.* Средневековая культура Тохаристана. М.
- Маршак 1978 — *Маршак Б.И.* Бактрийские чаши. — Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М.
- Маршак 1987 — *Маршак Б.И.* Искусство Согда. — Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М.
- Массон 1951 — *Массон М.Е.* К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики. — Тр. САГУ. Новая серия, XXII, кн. 4. Таш.

- Мкртычев, Наймарк 1989 — *Мкртычев Т.К., Наймарк А.И.* К проблеме римско-византийского влияния на культуру средневекового Согда. Зоны и этапы урбанизации (теоретические аспекты проблемы «город и процесс урбанизации в Средней Азии»). Тез. докл. региональной конф. Наманган.
- Новиков, Радилюловский, Соловьев 1987 — *Новиков В.П., Радилюловский В.В., Соловьев В.С.* Геолого-археологические исследования в бассейне р. Ширкент. — ИООН АН ТаджССР. Сер. востоковедение, история, филология. Душ.
- Овчаров 1969 — *Овчаров Димитр.* Вила рустика до с. Могилец, Търговишко. — Археология. I. София.
- Пичикян 1991 — *Пичикян И.Р.* Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М.
- Пугаченкова, Ртвеладзе и др. 1978 — *Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др.* Дальверзинтепа. Таш.
- Ртвеладзе 1987 — *Ртвеладзе Э.В.* Раннесредневековые монеты Чаганиана с парным изображением. — Прошлое Средней Азии. Душ.
- Ртвеладзе 1999 — *Ртвеладзе Э.В.* Византийские монеты и индикации из Средней Азии. — Нумизматика Центральной Азии. Вып. IV. Таш.
- Савченко 1999 — *Савченко Е.И.* Мошевая Балка — узловой пункт Великого Шелкового пути на Северном Кавказе. — РА. № 1.
- Седов 1987 — *Седов А.В.* Кобадян на пороге раннего средневековья. М.
- Соловьев 1996 — *Соловьев В.С.* Раннесредневековая керамика Северного Тохаристана. Елец.
- Соловьев 1997 — *Соловьев В.С.* Северный Тохаристан в раннем средневековье. Елец.
- Ставиский 1998 — *Ставиский Б.Я.* Судьбы буддизма в Средней Азии. М.
- Толстов 1948 — *Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л.
- Ball 1982 — *Ball W.* Archaeological Gazetteer of Afghanistan. T. II. P.
- Boardman 1994 — *Boardman J.* Diffusion of classical Art in Antiquity. L.
- Dani, Litvinsky 1996 — *Dani A.H., Litvinsky B.A.* The Kushano-Sasanian kingdom. — History of civilization of Central Asia. Vol. III. P.
- Downey 1961 — *Downey G.* A History of Antioch in Syria. Princeton.
- Grenet 1996 — *Grenet F.* Crise et sortie de Crise en Bactriane — Sogdiane aux IV-V-e siècles: de l'Héritage antique à l'adoption de modes Sasanides. — La Persia e l'Asia centrale da Alessandro al X secolo in: Atti dei convegni Lincei, 127. Roma.
- Mizuno 1970 — *Mizuno E.S.* Chagalag Tepe. Fortified Village in North Afghanistan. Excavated in 1964–1967. Kyoto.
- Shishkina 1996 — *Shishkina G.V.* Ancient Samarcand: Capital of Sogdh. — Bulletin of the Asia Institute. New Series. Vol. 10. Michigan.
- Zavyalov 1994 — *Zavyalov V.A.* Zar-tepe: a Kushanian town in Southern Uzbekistan. — New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. St. Petersburg.

Richard N. Frye

ANCIENT CENTRAL ASIAN GENERALITIES

When one is old, details of digging a site, deciphering an almost illegible inscription, or checking dozens of references for a fact in an article, all become difficult. That is why at that stage in life, it is usually not a new discovery but an application of years of experience to certain problems which occupies one. Boris Anatolyevich is an historian as well as an archeologist, and I, as an historian wish to dedicate this unworthy morsel to many years of our close relationship. Boris was not only a life saver for my family in Dushanbe in 1991, but he and Elena also made our stays in Moscow memorable. May he long continue to enlighten us with his many and informative writings.

Here I wish to summarize a number of disparate items about the ancient past of Central Asia.

1. The first subject is a general outlook on the relations between the settled people of the oases of Central Asia and the pastoralists, who were either simply shepherds or true nomads. The domestication of the horse on the grasslands of south Russia in the third, or even earlier millennium provided a means whereby pastoralists were able to control large numbers of animals over greater distances than on foot. It may be proposed that at first horses were attached to wagons but surely by the end of the second millennium B.C., if not earlier, horses also were ridden. Horse bits and bridles found in *kurgans* indicate that horseback riding was practiced, of course without stirrups. In ancient Babylonian cuneiform texts the horse is called the "ass of the east", which tells us that horses were rare and they came from the Iranian plateau to the Mesopotamian lowlands. It would be natural to assume that horses were used to herd sheep and cattle, but there is no evidence that in this early period nomadism, such as we know among later Scythians/Sakas, Turks and Mongols, existed. How then did the Indo-European speakers migrate, especially the Indo-Iranians to the south and east in the second millennium B.C.? We learn of warriors on chariots in the Rigveda, Avesta and the Iliad and Odyssey, but no soldiers on horseback, which is strange. It seems reasonable to suggest that the Indo-Iranian speakers moved on foot, or with wagons, but the chiefs only rode chariots because it was unseemly for warriors to mount horses as did the lowly herd keepers. Fashion or modes sometimes last long and have priority over common sense. The elongation of the skulls of the Hephthalite aristocracy, for example, is a mode or fad which was also practiced by other

peoples in Central Asia and the north Caucasus. So the natural assumption that it would be easier and more effective for warriors to ride horses rather than in chariots, does not seem to have applied to the ancient Iranians. From the scarce archaeological evidence we have of ancient clothing it might be supposed that trousers, so helpful for horseback riding, were introduced by the Scythian/Sakas about the eighth century B.C. But again this may have been the fad or style of clothes which promoted horseback riding among warriors, for trousers were not necessary for horseback riding. This suggestion, I submit, is both logical and consistent with the sparse data we have. New discoveries, of course, could change this.

2. Russian archaeologists, such as Elena Kuzmina, have found that the homeland, or the first area of expansion, of the Indo-Iranians or Aryans was in present Kazakhstan, and this is accepted by most scholars dealing with the early history of Central Asia. But there is a problem about the expansion of Indo-European speakers in this part of the world, and that is the place of the *centum* "Tokharian" speakers of Kucha and Karashahr in Uiguristan, which the Manchu dynasty termed Xinjiang. The last article published by my teacher W.B.Henning addressed this problem.¹ He implied, without discussing the matter, that the first Indo-European speakers to move from the north onto the Iranian plateau and Mesopotamia in the third millennium B.C. were called Guti, and they were the ancestors of the "Tokharians". In his analysis of several words, which need not be repeated here, he suggests that the Guti were driven out of Mesopotamia and moved east to the Kucha area. In my opinion this is most unlikely, for anyone familiar with the geography of the vast area between the two regions would find it very difficult to postulate a movement so far to the east over deserts and mountains, formidable even for motivated merchants, much less for tribes. Is there an alternative, accepting that the "Tokharians" came to Uiguristan (Xinjiang) in the third or even fourth millennium B.C.?

If the "Tokharians" came to their later homeland so early, then they and the Hittites (also *centum* speakers) would be the oldest Indo-European speakers in Asia. The obvious conclusion is that they both are the earliest peoples, attested by language remains, who broke away from other Indo-Europeans, and since the Guti came into Mesopotamia from the east, it would be rational to propose that one group of the latter went east from the south Russian-Kazakhstan homeland, while another went south into Iran and Mesopotamia. The *satem* speakers, especially the Aryans, then moved later.

It is difficult to accept the arguments of Ivanov and Gamkrelidze that Anatolia was the homeland of the Indo-Europeans, for the Guti surely came from the east, and we would expect to see much evidence of early Indo-Europeans in Mesopotamia and Syria, the natural places for the earliest expansion.² Such early Indo-Europeans surely would have inundated the "Fertile Crescent" with little desire to expand eastward over the Iranian plateau. In my opinion, the hypothesis of Anatolia as the homeland of the Indo-Europeans should be rejected. I propose this general sketch as more consistent with the meagre linguistic and archaeological evidence we now have. Obviously more discoveries in the future might change this outlook.

---

¹ Henning, W.B., "The Earliest Indo-Europeans", in G.L.Ulmen, ed., *Society and History, Essays in Honor of Karl A. Wittfogel*, Mouton, The Hague, 1978, 215-230.

² Gamkrelidze, T. V. and Ivanov, V. V., *Indoevropskii Yazyk i indoevropetsy*, 2 vols., Tbilisi, 1984.

3. To continue with the Indo-Europeans, we surmise that a general means of disposal of the dead was cremation, since this is found with the ancient Greeks, Indians, Vikings and others. On the other hand, since inhumation and cremation competed with each other since palaeolithic times, as we gather from archaeology, we may suppose that both forms were in use, possibly together or at different times. At an early period some people thought that only the individual spirit was important, not the body, hence cremation. The pre-Islamic Iranians, however, at some time adopted exposure of the bodies to vultures or the elements as a feature of their religion, commonly called Mazdaism, or perhaps more limited to the reform of the ancient religion which we may call Zoroastrianism. The flesh of the dead apparently was not important but the bones were, since they were gathered together and placed in receptacles. When and how concepts of the purity of the elements—fire, air, earth and water—developed is uncertain, but it must have been clear to people who either buried their dead, or exposed them, that only the bones would survive no matter what form of disposition of corpses, other than cremation. Prehistoric shamans believed that they could raise the bones of the dead and somehow restore life, and to the east of Kazakhstan was the abode of shamans *par excellence*. One may suggest that the Iranians were influenced by the shamans of their neighbors, and in pre-migration times buried their dead, as revealed by excavated early graves in Kazakhstan. But in their move southward they found aborigines who neither cremated their dead, possibly because of lack of wood, nor buried them, but exposed them.

We may suggest that both cremation and burial on the migration were abandoned, and exposure became the norm, rationalized by a religious precept not to defile the elements.³ Again this is simply a suggestion which appears reasonable.

This is not all that need be said about the dead, however, since what is significant in questions of disposal of corpses is the attitude of the living towards the dead. For example, the ancient Chinese, it seems, on the whole wanted to get rid of the dead, to send them on a journey to the next world, so they (the dead spirits) would not cause trouble to the living in this world. Dedicatory shrines, of course, were erected to one's ancestors, as a matter of piety, but there were no beliefs, it appears, similar to those of the Iranians. For the latter, the living really wanted the dead to interfere in this world to aid the living. Shrines to the dead were sacred places where the living could obtain help from the dead, as in the shrines of Catholicism. This attitude was ancient and continued into Islamic times when many Zoroastrian shrines were converted into Islamic *mazars* or *ziyaretgahs*, which became places of pilgrimage.

Against this proposal, one might protest that there were really few differences in the attitudes of various peoples towards their dead, but only in degree. Practices or rituals, on the other hand, varied, for the Chinese practice of placing lists of articles or contracts in the tombs of the departed, as at Astana in the Turfan oasis, was not common elsewhere, although domestic articles and food, of course, were put in tombs in many tombs throughout Asia. The practice of placing a coin on the tongue of the deceased, so frequent in ancient Greece, was a kind of counterpart or parallel to the Chinese contracts. The above remarks, however, merely indicate the complex-

---

³ Is it too much to suggest that the Iranians may have felt a response similar to that of a Zoroastrian doctor at a banquet in Shiraz in 1973, when he was asked by the sophisticated lady next to him with a note of disgust in her voice, "Is it true that Zoroastrians still expose their dead?" His reply, "Madam prefers worms?"

ity of relying on various modes of disposal of the dead to reconstruct the religious practices of ancient peoples.

In passing, a *caveat* to archaeologists is the belief that the discovery of a fire altar in an excavation of early Central Asia is surely evidence of Zoroastrianism. But other religions revered fire from prehistoric times, and even today fire altars are found in Hindu temples. So one must be careful of assigning a very early presence of Zoroastrianism to an ancient site simply where a fire altar has been found.

4. To turn to later history, place names may be derived from tribal names or geographical features, such as rivers. For example, if we look at the Old Persian inscriptions, the name Parsa (Ionian Persis) obviously was derived from the Persian tribe of Iranians who settled in the southwestern part of the Iranian plateau. Sogdia too appears to be the name of the tribe which principally settled in the Zarafshan River basin. Haraiva, or the Herat area, on the other hand, may have been derived from the name of the river which flows through that land, and Arachosia (Iranian Harahvati, Indian Sarasvati) would be the same. Bactria too may be derived from a river name rather than the name of a tribe of ancient Iranians.

Old place names frequently are carried to new regions by the movement of peoples. For example, it has been suggested that the town of Amul in Tabaristan is derived from Amul on the Amu Darya by the Amardi tribe which wandered to the west. As a parallel one may suggest that the Kashka Darya in Sogdiana is related to Kashi, one name of the town of Kashgar in Uiguristan. Another name for Kashgar, identified in Khotanese documents by Professor Kumamoto, apparently was Suli, the town of the "Sogdians", the chief merchants on the "Silk Route" to China, borrowed by the Tibetans as Shulig. This would serve to explain the scarcity of Buddhist monuments in the Kashgar area, similar to Sogdiana.

5. Why did Buddhism flourish in Bactria, to the north and east of Sogdiana, and even in the Merv oasis, whereas in the Zarafshan River valley few Buddhist remains have been found, indicating either an anti-Buddhist reaction, or possibly a population not favorable to the monastic character of that religion. I propose that it was more in the society of the Sogdians, and the pragmatic nature of their merchants, to reject the doctrinal beliefs and practices of monkish Buddhists and Manichaeans than the simpler creeds of the local Mazdean priests, or even the Nestorian Christians, who were not monastery oriented as were their Monophysite rivals (Jacobites). There were, of course, adherents of all these faiths among the Sogdians, and even the shamanistic or nature beliefs of the nomads found adherents. The Sogdians were surely more tolerant in religious matters than their Sasanian neighbors, and in this regard more akin to the Turks and other tribes of Inner Asia than to the people of the settled states to south, west and east.

In other words, I suggest that the Sogdian merchants were more inclined to refer to shamans controlling the forces of nature, magic, talismans, or leaders of cults, and the like, rather than to missionaries of the world religions. The discovery of Buddhist, Christian and Manichaean writings from the northern oases of Uiguristan in the Sogdian language should reflect circumstances different from those in the homeland. The great majority of the writings date from the period after the Arab invasions of Sogdiana and may be the products of isolated communities of Sogdians in merchant colonies to the east of their homeland. Or conceivably refugees from the west turned to the "world" religions in solace for the loss of their lands to the invaders. In any case, the documents should not be considered as representative of the prevailing religious

situation in Sogdiana. Again, these are my thoughts about the general religious situation of the Sogdians at the time of their probably greatest flourishing in the seventh century.

6. The pre-historic Merv-Bactrian archaeological complex, recovered and described by Russian archaeologists, by no means ended in historic times. I suggest that throughout history Bactria and the Merv oasis had more in common with each other than with Sogdiana, both in trade and in culture. Were the eastern bank of the Oxus/Amu Darya and the Hissar mountain range the borders between the Persian influenced Merv with Bactrian areas and Sogdiana? If we adopt this suggestion some features of history may be clarified. For example, when al-Biruni in the eleventh century of our era tells us about the ancient festivals of the Sogdians and the Khwarazmians, we miss those of the Bactrians. I suggest that one reason for this was the early Persianization of Bactria, as it was in the Merv oasis. Another reason was the predominance of Buddhism here, and ancient Iranian festivals and calendars well may have been forgotten, or superseded by Buddhist festivals and calendars. Let us review history to account for this.

If we leave the prehistoric archaeological connections between Merv and Bactria, the first information about the two lands is found in the Behistun inscription of Darius. There we learn of Frada, the rebel against the authority of Darius, who was defeated by an army led by Dadarshi, the satrap of Bactria, sent by Darius. Later Merv and Bactria were united under one satrap, an indication of the close connection of the two. It is uncertain if this situation lasted throughout the era of the Achaemenid Empire, but both were ruled by the early Seleucids, followed by the Graeco-Bactrians. It seems as though communications between Merv and Bactria were more important than connections with Sogdiana. Perhaps the Hissar mountains and the lower Oxus River were considered as the real frontier of the western powers, while Sogdiana in this early period was considered a kind of buffer region, beyond the borders of the core areas.

With the conquest of the Merv oasis by the Parthians, however, the close contact or union of Merv and Bactria was broken. From this time, through the rule of the Sasanians and the Umayyad Caliphate, Merv became a military outpost of the western powers and an extension of west Iranian culture. Bactria, "land of a thousand cities" as the Greeks called it, of course, was more populous and richer than the Merv oasis, and when the two were separated by different rulers, it became a goal and prize for conquerors coming from the west. When Sasanian forces marched against the Kushans, and later Chionites and Hephtalites, troops from the Merv garrison usually joined the main army moving from the Herat region. Under Shapur I, and possibly first during the reign of his father Ardashir, both Bactria and Merv became part of the Sasanian Empire. The Kushano-Sasanian governors, who ruled this part of the empire, issued gold coins on the Sasanian model, probably in Merv, and on the Kushan model probably in Bactra/Balkh. The connections between Merv and Bactria were broken by the Chionites at the end of the reign of Shapur II in 379, and the old Merv-Bactria axis ended.

From the excavations of Kara Tepe, near Termez, we learn of later Sasanian occupation of Bactria, but just how much was controlled and how long that rule lasted is unknown. It is possible that local rulers from time to time acknowledged Sasanian suzerainty, but we do not know. Bahram V is supposed to have made conquests in the east, since the rulers of Bukhara copied his coin type, but again information is

lacking about Bahram's control of Bactria. To return to al-Biruni, it is quite possible that during the Sasanian occupation of Bactria, the Persian festivals and time reckoning replaced local systems. In any case, it seems clear that both Bactria and Merv were "Persianized", whereas Sogdiana, Khwarazm, and elsewhere in Central Asia, were not.

It is fascinating to see that the Arabs followed Sasanian practices by establishing their outpost in the east, and center for further raids into Central Asia, in the Merv oasis. But again Balkh too received garrisons and together with Merv became the Umayyad centers of rule in the east. Even before the conquests, however, the Persian language had spread in Bactria, as in Merv, and Sogdian, which was a competitor, lost, with the native Bactrian language, and system of writing in modified Greek letters, becoming a poor third in cultural competition. Under Islam, however, Persian swept all before it, especially when it was written in the Arabic alphabet. The groundwork for this dominance, however, had been laid in pre-Islamic times.

7. Bullae and clay sealings. Both bullae and clay sealings are very ancient, the latter probably older than the former, for the need to identify or seal wares must have existed before the spread of writing. In my opinion one should restrict the term "bullae" to documents on which is writing. The material on which writing was placed could have been clay, papyrus, parchment or leather, and paper, and any substance which sealed the document, clay, wax, or other, on which a seal impression was made, should be called a bulla. Some scholars believe that all pieces of clay with seal impressions were bullae, attached to documents, but we have evidence to refute this position. In the Sasanian Empire we find both clay bullae and clay sealings, and the two are easily distinguishable. The bullae are small pieces of fine clay, usually with only one seal impression on them (fig. 1). The clay sealing, on the other hand, is larger in dimensions, with coarser clay, and usually with many seal impressions, including an "official" seal impression, which has writing but no figures or designs (fig. 2). The "official" seals were those of the religious establishment which seems to have had the responsibility for registering commercial activities on behalf of the government. Possibly this was because of the literacy of the *mobads*, and the lack of such knowledge by the vast majority of people. The late Vladimir Lukonin suggested that these clay seals with many impressions represented partnerships in commerce, with the partners impressing their seals on wares which were transported and sold after having been registered by government officials. Since such impressions have been found as distant as in Sri Lanka, his proposal appears attractive. Whatever the purpose of the seal impressions, there is no doubt they had something to do with trading. Since the impressions seem to be late in the time of the Sasanian Empire, their usage was standardized, and probably regulated by the government, at the time of Khusro I (531-579) as one of his reforms. From the legends of the "official" seal impressions on the clay, one gains a picture of the geographical divisions of Sasanian Iran.

In Central Asia, other than Merv which was part of the Sasanian Empire, archaeologists do not find clay sealings like those from Iran. The conclusion is that merchants were not regulated as in Iran, and trade was not constrained by governmental controls similar to those in the neighboring empire. Bullae were used in both areas and indeed elsewhere, but evidence of government regulation is lacking. This does not mean that the merchants of Central Asia were in any way backward compared to their counterparts in Iran, for after the time of Khusro the Iranian merchants had much to do to catch up with the enterprising Sogdian and Khwarazmian mer-

chants. Undoubtedly there was competition, but also cooperation, as we learn from Middle Persian names, together with many Sogdian personal names on the graffiti or carvings of merchants on the upper Indus River, as well as both Sogdian and Middle Persian writings on ostraca from Merv. After the Islamic conquest of Central Asia, Central Asian traders took advantage of belonging to a vast Caliphate to expand their activities to such a degree that the cities of Central Asia outpaced those of Iran in commerce. This is a subject which I have discussed on numerous occasions, and I need not continue with this subject here.

8. Finally, as Alice in Wonderland said, "the time has come to talk of many things", in this case, forgeries. I believe that many archaeologists and art historians are unaware of the extent of forgeries, and the capabilities of master forgers in the Orient. Just as in Europe, a few Oriental forgers are uninterested in making money but only in fooling experts, and their productions are veritable masterpieces, creations rather than copies of existing objects. Since I have had interesting experiences with forgers over years, I feel information should be given to persons concerned with such matters. Some general remarks may be appropriate to the subject.

On the sub-continent of India Rawalpindi was a great center of forgeries, and still is. The specialties of the forgers were gold coins of the Kushans and Kushano-Sasanian governors, but also silver coins of Greco-Bactrian and later rulers. Stone and stucco sculptures in the Gandharan style were also favorite objects of forgery. Usually the objects were offered for sale in the bazaars, but sometimes archaeological excavations were "seeded" with forgeries by workers.

In Iran specialties of forgers were Luristan bronzes, Sasanian silver objects, but rarely coins, and seals, with manuscripts and miniatures not far behind. Boyid silks and other textiles were also forged, but not as much as seals, including clay bullae and pottery, both ancient and Islamic. Factories of forgers existed in Tehran, while even provincial towns, such as Harsin in Luristan for bronzes, were engaged in the activity. In fact the Iranians were rivals to the Chinese, who were experts in the forgery of ancient Chinese bronzes and art objects. Perhaps it was an extension of the Chinese practice which induced forgers in Uiguristan to take up the trade, as Sir Aurel Stein and Paul Pelliot found out.

Russian Central Asia was never a great center for forgeries, while in Russia itself icons and Scythian gold objects attracted forgers. This predilection is probably being revived at the present time. So forgers have not vanished by any means and museums and collectors must continue to be on guard.

All of the above remarks could be elaborated and details supplied, but I only wished to give general directions for younger researchers in the Iranian and Central Asian regions to fill in the details and expand our understanding of the fascinating past of this vast area.

Л.А.Чவர்

ТУРКЕСТАНЦЫ:
УЙГУРЫ СИНЬЦЗЯНА И НАРОДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ
В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ОТНОШЕНИИ

На протяжении многих столетий население обеих частей Туркестана (Восточной его части, ныне — Синьцзяна, в Китае, и западной части, т.е. Средней Азии) входило в состав различных государственных образований, то мирно сосуществовавших, то враждовавших между собой. Но политический аспект истории не должен заслонять и тем более подменять более глубокие этнокультурные процессы, поэтому изучение историко-культурного единства Туркестана до сих пор остается одной из актуальных проблем истории Центральной Азии. Исследования в этом направлении велись уже давно археологами, лингвистами, историками, антропологами, но касаются они преимущественно периода древности. Своеобразной вехой на пути освоения и обобщения всего наработанного мировой наукой XIX–XX вв. является подготовленная ведущими отечественными востоковедами пятитомная монография «Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье» под общей редакцией Б.А.Литвинского (четыре тома уже вышли в 1988, 1992, 1995, 2000 гг.). В этом коллективном труде не была обойдена вниманием и проблема культурного соотношения восточной и западной частей Туркестана в древности: их тесная взаимосвязь, позволяющая, несмотря на смену многочисленных государственно-политических образований, видеть в Туркестане единое этнокультурное пространство. Этой проблеме посвящена и специальная статья Б.А.Литвинского [1984].

На этом фоне позднейшая судьба культурного наследия населения Туркестана, особенно в новое время (вплоть до современности), по сути остается неизученной. Главное препятствие этому — разная степень этнографического обследования восточных и западных туркестанцев. Если современные народы Средней Азии, преемники древних культур Туркестана, в этнографическом отношении исследованы относительно подробно, то уйгурская проблематика (а уйгуры — самый крупный коренной народ Восточного Туркестана) выглядит весьма неопределенно, и не только из-за малочисленности аналогичных материалов, но главным образом из-за их разрозненности и разномасштабности. Поэтому сначала были систематизированы сохранившиеся в публикациях и источниках фрагменты уйгурской традиционной культуры, а затем, через сравнение с окружающими народами Средней и Центральной Азии, определено ее место в центральноазиатском культурном мире и, в частности, выяснено историко-культурное соотношение западной и восточной частей Туркестана.

© Л.А.Чவர், 2001

Принято считать, что основное, сущностное в характеристике культуры каждого народа — это ее этническая специфика, для выяснения которой одни исследователи предпочитают анализ материальной сферы, другие — духовной. Последние часто обращаются к семейной обрядности, традиционно относя ее к наиболее ярким этническим признакам. Однако анализ уйгурской традиционной семейной обрядности, проведенный в сравнительном ключе с аналогичными данными соседних народов — на территории Синьцзяна, Средней Азии, Алтая и Южной Сибири, — привел нас к прямо противоположным выводам. Вопреки ожиданиям, привычные описания свадеб, похорон, родин не выявили очевидного этнического ядра и даже «оттенка». Зато в итоге сравнения обнаружилось разной степени и формы сходство основных обрядовых циклов (детского, свадебного и похоронного) у уйгуров не столько с отдельными народами, сколько с их группами. Анализу этого явления (на примере детского цикла обрядов) и посвящена предлагаемая статья.

* * *

Согласно общепринятому постулату, всякого рода культурные соотношения современных этносов в конечном счете отражают результаты некогда реально протекавших в изучаемом регионе этнокультурных процессов. Поэтому для уяснения исторического места уйгурской традиции в центральноазиатском пространстве прежде всего были выявлены основные *соотношения* обрядности уйгуров и окружающих, а также родственных им народов в XIX–XX вв. Конкретным предметом сравнительного анализа был избран детский обрядовый цикл, относительно детально (хотя в разной степени) изученный у разных народов Центральной Азии.

Предварительная работа с материалом позволила выявить наиболее эффективные *критерии сравнения*:

— *структура обрядового цикла*: сравнение по набору компонентов (т.е. отдельных магических, умиловительных и других небольших обрядов и действий); по их *очередности* и *акцентировке* (последовательность обрядов в цикле может быть достаточно вольной, гибкой либо, напротив, жестко обязательной, почти этикетной у разных народов; а одна и та же церемония может считаться важнейшей, центральной или проходить факультативно);

— второй аспект сравнения — *наличие сходных обрядовых атрибутов: предметов*, проводимых с ними или над ними *манипуляций; персонажей* (людей, духов, божеств, животных, птиц и пр.), а также связанных с ними верований и легенд;

— наконец, показателен сам *характер сходства всех обрядовых реалий* у сравниваемых групп: в одних случаях предметы или персонажи представлены в «натуральном» виде, в других — лишь в вербальном варианте (т.е. только упоминаются во время обряда). Одни и те же атрибуты у двух сравниваемых народов могут быть редкими, «реликтовыми», или, напротив, массовыми, активно используемыми и распространенными; они могут быть устойчиво-однообразными или вариабельными, мотивированными или немотивированными.

Фиксация подобных «мелких» характеристик, конечно, трудоемка, да и не всегда в полной мере достижима (из-за качества сохранившегося полевого материала), поэтому может иногда показаться излишней. Однако учет именно таких

подробностей и нюансов каждого критерия в итоге как раз и позволяет установить качественное разнообразие уже самих *соотношений* между традиционными культурами уйгуров и каждого из окружающих их народов. Сам этот факт для настоящей работы особенно важен в силу того, что именно за такими разными *соотношениями* и начинают проступать логично реконструируемые разновидности этнокультурных взаимоотношений между конкретными, реальными группами населения.

В работах историков, археологов, антропологов, этнографов Средней Азии часто заходит речь о «материально воплощенных» результатах культурного взаимодействия групп населения, которые можно свести к трем основным моделям.

1. Если у сравниваемых групп населения, как правило обитавших неподалеку друг от друга, отмечено множество сходных и даже тождественных обрядовых черт и атрибутов (и редких, и распространенных), то этот факт обычно воспринимается как очевидный показатель если не близкого родства, то уже наверняка давнего и тесного культурного сотрудничества, постоянного культурного взаимообмена (причем время контактов определяют редко).

А между тем первостепенно важным в такой ситуации как раз является умение отличать результаты давних и недавних контактов. Сама массовость совпадений в обеих сравниваемых культурах широко распространенных предметов, явлений или признаков чаще всего является следствием как раз недавних заимствований, своеобразной местной «моды» и т.п., и тогда предположение о «большой историко-культурной, даже генетической близости» как раз выглядит сомнительно. А какие из похожих изделий, зафиксированных у представителей разных этносов, и почему указывают на длительные контакты, какие элементы и характеристики изучаемой материальной культуры относятся к этнической специфике, а какие — к культуре этноса в целом, пока точно неизвестно. Совпадение в двух культурах «редких», «архаичных» элементов тоже может быть истолковано неоднозначно: и как «след» общности их культурных корней (с вытекающей из этого факта исторической интерпретацией), и как случайное, недавнее малозначимое заимствование.

2. В другой ситуации, например у двух групп, ныне живущих порознь, иногда уже на значительном удалении друг от друга, отмечают целый ряд схожих атрибутов и признаков в обрядности, правда, уже не столь многочисленных, хотя и далеко не единичных. Если к тому же некоторые сходные элементы определяются самими аборигенами как преимущественно «архаичные», «старинные», «наши» (т.е. их относят к разряду этнически специфических), то в таких совпадениях этнографы обычно видят следы прошлого сосуществования обеих групп, сохранившиеся символы былой принадлежности к одному хозяйственно-культурному укладу жизни, к одной религиозной ориентации и т.п.

Этот вывод вполне логичен, но все же требует подтверждения самой «архаичности». Косвенно это возможно установить по характеру выявленного сходства: если два атрибута у сравниваемых групп населения идентичны или близки к этому, то скорее всего это означает недавние контакты между ними и заимствование; явная вариативность двух предметов (хотя и в пределах одного типа), на наш взгляд, предполагает давность взаимодействия.

Археологи при интерпретации подобного *соотношения* двух культурных традиций обычно склонны предполагать не только их культурную общность, но даже и вероятное этническое родство, а за подтверждением обращаются к соответствующим антропологическим материалам, если они есть. В этой связи за-

метим, что в этнологическом аспекте длительное культурное взаимодействие разнородных групп населения может привести (или не привести) к отождествлению культурного и этнического объединений. Надо иметь в виду традиционное, не всегда совпадающее с нашим, современным, пониманием феномена родства, оно во многом фактически снимает актуальность «кровнородственной» преемственности в этнокультурных исследованиях. В то же время в процессе длительных и продуктивных культурных взаимодействий у нескольких групп населения, ранее относивших себя к разным общностям, может образоваться представление о «родстве» и — на этом основании — возникнуть общее этнокультурное самосознание. При таком повороте событий антропологические данные перестают быть основополагающими.

3. Наконец, еще один частый вариант взаимодействия двух культурных традиций выражен отдельными редкими совпадениями на фоне абсолютного преобладания различий по всем другим признакам. Как правило, такой результат истолковывают как случайности, доверие к которым невелико. Если же совпадает хотя и единичный, но явно «архаичный» эпизод обрядового цикла или ведущий персонаж, то его обычно считают заимствованием, без указания его времени и попыток объяснения хотя бы общего основания для такого предположения.

Три выделенные модели *соответствий* между разными культурными традициями, конечно, не исчерпывают наблюдаемого в реальности многообразия, но мы остановимся лишь на них, потому что именно они как будто просматриваются в туркестанском материале. Ниже, изучая эти три варианта формальных взаимоотношений подробнее, мы попытаемся проследить отраженные в них формы конкретно-исторического взаимодействия уйгуров с окружающими народами и проверить, насколько привычные схемы исторического истолкования результатов сравнения совпадут с полученными выводами.

* * *

Предварительно проведенное, согласно выдвинутым выше критериям, сравнение детских обрядовых циклов у уйгуров, их соседей в Туркестане, а также для полноты картины у тюркского населения Саяно-Алтая дало следующие результаты.

Во-первых, у *всех туркестанцев* обнаружены общие обрядовые признаки. Так, основной набор магических действий и церемоний, проводившихся с участием новорожденного и роженицы, у уйгуров, узбеков и остальных народов Средней Азии либо абсолютно одинаков, либо весьма похож в основных чертах (ритуальное омовение ребенка, смотрины новорожденного женщинами, ритуальное угощение пожилых вдов и нерожавших молодых, провозглашение имени младенца, манипуляции с последом, пуповиной, волосами, первое ритуальное положение в колыбель, смена «одежды» на ребенке и т.п.). Смысл всех этих действий, часто одновременно и утилитарных, и религиозно-магических, и социальных, по существу, универсален: они бытовали не только у всех народов Туркестана, но и далеко за его пределами, но здесь эта «всеобщность» как бы вынесена за скобки, все внимание сосредоточено на чисто формальных отличиях обрядов и церемоний.

Во-вторых, самым ярким общетуркестанским признаком детской обрядности является выделение первого сорокаднейя в жизни ребенка и матери («чил-

ла», «кырки»), хотя у разных локальных групп он проявляется в разной степени. Структура самого детского цикла у уйгуров и остальных коренных народов Туркестана тоже оказалась похожей. Внутри «чилла» — сорокадневья — последовательность обрядов и магических процедур нигде не была устойчивой, в один день могли проводить сразу несколько разных обрядов; смысловое выделение одного из них как важнейшего тоже варьировалось и у разных народов, и даже у разных этнографических, локальных групп одного этноса: в одних местах центральным событием считали ритуальное купание, в других — положение в колыбель, в третьих — имянаречение.

Наконец, в-третьих, переходя к сравнению обрядовых атрибутов у разных народов, можно было бы легко продолжить перечень «обштуркестанских» предметов, образов, признаков и черт детской обрядности, но это малопродуктивно и нецелесообразно (подробнее см. в рукописи автора «Реликты древних верований в традиционной культуре уйгуров Туркестана XIX — начала XX в.»). Важно лишь отметить, что систематизация многочисленных и разномасштабных сходств и отличий в детских обрядах коренных народов Туркестана показала, что однотипных «отношений» у уйгуров с целыми этносами не существовало, большее или меньшее сходство обнаружено с отдельными этнографическими группами или субэтносами среднеазиатских народов. В итоге по вполне определенным формальным признакам (критериям) явственно проступили устойчивые соотношения обрядовых традиций уйгуров в XIX — начале XX в. с некими устойчивыми сообществами, межэтническими конгломератами — назовем их «этнокультурными пластами» и рассмотрим подробнее.

Уйгуры, оседлые узбеки, таджики

В сфере детской обрядности ближе других к уйгурской традиции оказалось оседлое население центральных и юго-восточных областей Средней Азии, состоящее из нескольких локальных этнографических групп *таджиков* и *узбеков* Ташкентского оазиса, Зеравшанской и Ферганской долин, горных и предгорных районов Таджикистана ([Сухарева 1929; Троицкая 1927, 1935; Рахимов 1976; Чвырь 1983] и др.). Прежде всего, здесь, как и у уйгуров Восточного Туркестана, зафиксировано большое, почти абсолютное сходство в структуре обрядов: весьма рельефное выделение *первого сорокадневья* жизни новорожденного, по существу вмещавшего все церемонии и действия, обеспечивавшие с точки зрения архаического мировоззрения безопасность младенца и матери. Следующим заметным рубежом в их жизни в процессе социализации ребенка у оседлых земледельцев Туркестана повсеместно считался мусульманский обряд обрезания («суннет-той», «хатна-той»), который обычно справляли уже в три, пять, семь, даже в девять-двенадцать лет. Между первым сорокаднем и обрезанием никаких других особо важных ритуальных вех в жизни ребенка не было, лишь иногда, по мере надобности, мать могла устроить сеансы магического «лечения» или в узком семейном кругу отметить появление первого зуба, начало хождения ребенка.

Внутри сорокадневья таджики, оседлые узбеки, а также уйгуры выделяли как наиболее значимые одни и те же дни — чаще всего первый, третий, седьмой (иногда пятый или девятый), двадцатый и самый важный, «рубежный», — сороковой.

Кроме того, весьма большое сходство наблюдается у названных трех групп среднеазиатского населения и в области собственно *обрядовой атрибутики*. Многие реалии и персонажи у них просто тождественны, например, набор оберегов для колыбели, ингредиенты для воды в ритуале первого купания, сочетание действующих или упоминаемых животных, птиц, злых духов (лошадь, змеи, собаки, ястреб, филин, петух, «ал» («албасты», «пари») или женских покровительниц младенцев и т.п.

Для выяснения специфики соответствия традиций уйгуров, таджиков и части узбеков самого наличия сходных обрядовых атрибутов, очевидно, недостаточно, поскольку даже названные совпадения при желании можно обнаружить далеко за пределами Центральной Азии (быть может, лишь не в таком сочетании). Поэтому желательны и даже необходимы какие-то дополнительные характеристики самих обнаруженных соответствий (см. выше). К сожалению, находящийся в нашем распоряжении уйгурский материал — в отличие от среднеазиатского — из-за своей неполноты не всегда соответствует предложенным требованиям, поэтому мы вынуждены пока довольствоваться лишь различием «распространенных» и «редких», «архаичных» (с точки зрения самих участников обрядов) элементов, атрибутов, мотивов и представлений, типичных для обрядов всех трех сравниваемых народов. Рассмотрим обе группы обрядовых атрибутов поочередно. Вот несколько примеров широко распространенных обрядовых элементов, общих для оседлых туркестанцев:

— колыбели-качалки деревянные, с продольной ручкой («бюшюк», «гахвора»), ареал которых широк, но еще до конца не выяснен (от Кавказа, Поволжья до Ирана и Египта); в Центральной Азии они более всего известны уйгурам, узбекам, таджикам, а у других народов (например, у тюрков Южной Сибири) не зафиксированы [Тошакова 1978, с. 30]. Во время церемонии положения ребенка в колыбель в нее предварительно помещали камень, затем — целый набор оберегов (нож или ножницы, зеркало, лепешку, гребень, пучки трав и пр.), а потом уже и самого младенца. Размеры и декор колыбелей этого типа у разных групп туркестанцев различались;

— среди многочисленных и безымянных *злых духов* первым врагом рождения и младенцев считался демон «ал» («албасты»), а покровителями — добрые «момохо», «анилар». Эти представления почти повсеместно были довольно однообразны;

— *ритуальная пища* («умоч», «атоля», «жинт» и др.) обычно включала специальный хлеб, печенья, пшеничную или рисовую кашу, молочную похлебку с клецками, мучной кисель. Иногда куриную лапшу и сладости.

К числу общераспространенных черт обрядовой практики относятся и две самые типичные формы ритуальных трапез в честь новорожденного, по существу представляющие собой жертвоприношение и воспроизводящие универсальный архетип «разрывания жертвы» [Фрейденберг 1936, с. 61–64, 186]: *осыпание* младенца и колыбели сладостями, печеньем, сухофруктами с произнесением благожеланий, после чего присутствующие дети наперегонки собирали разбросанное и частично разносили по домам, и *раздача некоторым гостям* (уже или еще не родившим женщинам) ритуальной пищи для домашнего потребления.

Редкие, архаичные черты и атрибуты детских обрядов, общие для оседлых туркестанцев (в том числе и для уйгуров), ограничим двумя характерными примерами:

— у некоторых групп зафиксировано странное с обыденной точки зрения обыкновение: после первого ритуального купания младенца мать натирает его тельце землей или «пылью из чистого места» [Полевые материалы автора 1979; Сухарева 1929, с. 153]. Каким бы ни было его объяснение (самими уйгурами, таджиками или этнографами), сейчас важнее сам факт наличия сходных магических действий и соответствующих им представлений;

— еще один общий для оседлых туркестанцев небольшой детский обряд, из разряда уже исчезающих, — *церемония с куклами*. Женщины обычно приносили их на мазар, раскладывали близ гробницы святого, разжигали рядом небольшой костер и после специальной трапезы молились, испрашивая божественной помощи перед родами или для выздоровления больного ребенка [Полевые материалы автора 1979; Пешерева 1956, с. 46, 52, 83 и др.]. Самым удивительным является очевидное сходство подобных обрядов у всех трех народов, иногда почти тождественное, иногда упрощенное, связанное с «отмиранием» старых ритуалов.

Каков же окончательный вывод проведенного сравнения? Прежде всего, учет всех критериев позволил максимально продемонстрировать исключительную обрядовую близость этих трех групп оседлых жителей Туркестана. Кроме того, следует отметить не столько степень, сколько *качество* сходства. Оно представлено целым спектром всевозможных проявлений: совпадают главные и второстепенные, редкие и распространенные атрибуты и черты обрядов; в одних случаях похожие вещи или признаки однообразны, в других варьируются, в одних — присутствуют только словесно, в других — непосредственно и т.д. Поэтому, хотя небольшие и единичные отличия в детских обрядах уйгуров, узбеков, таджиков все же существуют, среди них не обнаружено сколько-нибудь этнически характерных, скорее они объяснимы обычной локальной вариативностью. Главный итог проведенного анализа в том и состоит, что все упомянутые своеобразия в детских обрядах, очевидно, присущи не отдельным народам, а вообще носителям тюрко-иранской оседлой традиции в Средней Азии, Синьцзяне (Восточном Туркестане) и отчасти в Передней Азии.

Кстати, заметим, что у таджиков перечисляемые обрядовые элементы и атрибуты ни в коем случае не следует относить к заимствованиям от тюркоязычных соседей (как может второпях предположить человек, поверхностно знакомый с культурой Средней Азии). Во-первых, почти все названные соответствия в обрядах обнаружены этнографами также и у собственно персов Ирана, а иногда и у курдов, белуджей и других ираноязычных кочевых и полукочевых народов Передней Азии. Во-вторых, имевшие место в прошлом этногенетические процессы, как уже установлено наукой, предполагают как раз долговременные и интенсивные контакты разнообразных тюрко- и ираноязычных групп населения в Средней Азии на протяжении почти полутора тысячелетий. Эти взаимодействия не могли не привести к синтезу мощного *тюрко-иранского культурного пласта*, который хотя и изучается давно, но осмыслен все еще недостаточно. Следствием этого исторического феномена и является устойчивое и глубокое культурное сходство оседлых групп ирано- и тюркоязычного населения (сартов, чагатаев, кашгарльков и др.).

Итак, вряд ли целесообразно ограничивать интерпретацию установленной обрядовой близости исключительно предположением о взаимозаимствованиях трех издавна соседствующих народов. Такое яркое сходство, почти тождество,

скорее является следствием сразу нескольких причин. Одна из них, безусловно, приверженность общемусульманским предписаниям и церемониям, обычно особенно тщательно соблюдавшимся именно в оседлой среде. Однако этот факт не следует и переоценивать: собственно мусульманские элементы, как легко убедиться из описаний, именно в детских обрядах немногочисленны. Другое, исторически более предпочтительное объяснение большого сходства заключается в давнем этническом родстве всего или части оседлого населения Средней Азии и Восточного Туркестана, о чем, имея в виду период древности и раннего средневековья, уже писали [Литвинский 1984]. Но главная причина кроется, скорее всего, в многовековом, почти непрерывном культурном обмене населения обеих частей Туркестана, непосредственном и интенсивном взаимодействии как в древности, так и в недалеком прошлом (XVIII — начало XX в.).

Уйгуры и южнохорезмские узбеки, туркмены, турки и азербайджанцы

Благодаря знаменитой книге Г.П.Снесарева (1969) и некоторым другим исследованиям аналогии уйгурским детским обрядам и представлениям, подобные только что разобранным, можно найти, правда несколько реже, и в традиционном быту другой локальной группы *оседлых узбеков* — из Южного Хорезма. Их с полным основанием можно отнести к только что описанной первой группе народов, если бы не одно удивительное на первый взгляд обстоятельство — редкие, но характерные параллели с *туркменами*.

К сожалению, детские обряды туркмен разных племен и локальных групп изучены все еще недостаточно подробно. Но даже судя по публикациям, детские обряды туркмен (особенно северных) и узбеков Южного Хорезма, несмотря на некоторую разницу (видимо, обусловленную спецификой кочевого и оседлого быта), по отдельным очень характерным деталям сближаются, и более того — многими реалиями и признаками соответствуют обрядам таджико-узбекского «пласта», хотя и в «сокрашенном» виде ([Ниязкычев 1964; Оразов 1972; Союнова 1987] и др.). Близость туркменских (особенно човдорских) и южнохорезмских узбекских детских обрядов можно было бы попытаться объяснить простым влиянием оседлых жителей на своих кочевых соседей (что все же сомнительно с психологической точки зрения), если бы не еще две далекие аналогии — у *азербайджанцев* Закавказья и у *турок-османов* Турции. Как известно, по происхождению все они, как и туркмены, потомки средневековых огузов Средней Азии, позднее расселившиеся по разным странам. Азербайджанские обычаи еще только изучаются [Пчелинцева 1987], а турецкие уже очень основательно проанализированы, что и облегчает нашу задачу поиска обрядовой близости с уйгурами [Серебрякова 1979].

Из своеобразных деталей и элементов детских обрядов у всех названных «огузских» групп, находящих явные соответствия также и в уйгурской традиции, можно назвать следующие:

— помимо четкого выделения детских сороковин, именно у хорезмских узбеков, северных туркмен, азербайджанцев и османских турок сохранилось, подобно уйгурам, еще и его парадоксальное внутреннее деление на две части:

«малое сорокадневие» («кучук кырки») — от недели до двенадцати дней — и собственно сороковины («кырки») [Серебрякова 1979, с. 133, 141; Фирштейн 1978, с. 192; Оразов 1972, с. 117; Ниязклычев 1964, с. 38; Пчелинцева 1987, с. 39];

— еще один общий для тех же групп населения элемент — обычай отмечать особым знаком дом, где находилась роженица с новорожденным в период «кырки». В селениях и городах уйгуры на дверь или ворота такой усадьбы прикрепляли пучок соломы или травы [Полевые материалы автора 1979], турки — ветку шиповника или плодового дерева [Серебрякова 1979, с. 131], узбеки Хорезма ставили деревце «чаман» [Фирштейн 1978, с. 195]. Все эти знаки относятся к растительному коду и пока у других народов не описаны (ср. с китайско-монгольской традицией выставления над юртой или домом с новорожденным младенцем высоких шестов с флажком красного или желтого цвета);

— главной покровительницей рожениц и детей у хорезмских оседлых узбеков, туркмен, турок и уйгуров (а через них — у таджиков и остальных оседлых узбеков) были либо безымянные благодатные женские духи («момохо», «анилар»), либо святые персонажи Анбар-Она (в Хорезме), громовница Гарри-Мама (у некоторых туркмен), Сют-Хотун и Анлар (у уйгуров) и др. Вера и поклонение великой тюркской богине Умай были характерны лишь для казахов, северных киргизов и, возможно, каракалпаков (см. ниже), у остальных туркестанцев отмечены лишь редкие упоминания ее имени наряду с другими аналогичными обрядовыми персонажами (например, у таджиков и узбеков Ферганы и Ташкента Умай упоминается вместе с мусульманской защитницей женщин Фатимой, Зухрой и громовницей Камбар-Она [Троицкая 1927, с. 354]).

Итак, у «огузских» групп туркестанского и переднеазиатского населения, несмотря на их значительную локальную и временную разобщенность, еще в конце XIX — начале XX в. продолжали существовать немногочисленные, но выразительные обрядовые параллели. Они не повторяли друг друга, а как бы «перекликались», касаясь преимущественно деталей, но это были либо архаичные атрибуты, либо структурные особенности обрядов. Такого качества формальные соответствия вполне логично увязываются с пережитками былой (еще средневековой) «огузской» этнокультурной общности, включавшей, безусловно, как действительно родственные группы населения, так и культурно тесно общавшихся с ними иноэтничных соседей. Однако не следует упускать из виду и другой факт — в целом по ряду второстепенных признаков детский цикл «огузских» групп населения XIX — начала XX в. был очень похож, фактически примыкал к обычаям и ритуалам туркестанцев «тюрко-иранского пласта». И именно на этом фоне немногочисленные сохранившиеся крупницы «огузского» своеобразия особенно четко отделяют их от следующей крупной общности — туркестанских «кипчаков».

Уйгуры и казахи, киргизы,
кочевые узбеки, каракалпаки

Соотношение детской обрядности уйгуров и среднеазиатских народов «кипчакского круга» своеобразно и неоднозначно, поэтому окончательные вы-

воды о нем, безусловно, преждевременны. К сожалению, семейные обряды этих народов изучены неравномерно, например, казахские и северокиргизские — лучше, а каракалпакские и узбекские («кочевые») — хуже. ([Абрамзон 1949; Моногарова 1969; Баялиева 1972; Есбергенов, Атамуратов 1975; Толеубаев 1991; Шаханова 1993] и др.). И тем не менее по уже опубликованным материалам можно выстроить предварительную модель «уйгурско-кипчакского» соотношения, которая может быть содержательно развита или опровергнута только новыми полевыми материалами;

— согласно выделенным выше критериям сравнения прежде всего следует отметить *структурные обрядовые совпадения*. Для казахов и северных киргизов характерно выделение сорокадневия, но по сравнению с другими народами Средней Азии «кырки» (или «шилде») у них проявлено менее подробно: предписанную изоляцию младенца и матери соблюдали нестрого, а внутреннее членение сорока первых дней было нечетким или вовсе отсутствовало. Перечень сорокадневных магических действий и обрядов напоминает уйгурский, хотя опять-таки каждый обряд по отдельности гораздо проще, как бы «сокращен». Например, наречение имени ребенку. У казахов и киргизов этот обряд отличается от подобного уйгурского действия рядом мелких деталей, но два существенных признака как раз совпадают: впервые имя произносили шепотом на ухо младенцу, и, кроме того, ему поочередно давали два имени — сначала «ложное», «пеленочное», «временное», а затем «настоящее», «постоянное». Оба эти правила полностью совпадают не только с уйгурскими обычновениями, но и с аналогичными обычаями средне-, центрально- и переднеазиатских народов, не говоря уже о том, что они были известны с древности индийцам, иранцам и тюркам (подробнее см. рукопись автора «Реликты древних верований...»).

Структура детских обрядовых циклов у «кипчакских» групп, как правило, не ограничивалась первым сорокаднелием, многие веселые и шумные церемонии, любимые детьми и взрослыми, праздновали от года до пяти-семи лет («разрезание пут» у начинающего ходить ребенка, стрижка утробных волос в годовшину, опоясывание мальчика и сажание на подаренного коня и пр.). У уйгуров и оседлых туркестанцев эти обряды вовсе отсутствовали или проводились редко;

— сходства и отличия обрядовых *персонажей* у «кипчаков» и уйгуров Туркестана тоже трудно интерпретировать однозначно. С одной стороны, наиболее распространенными в обоих случаях являются (известные почти всем другим народам Центральной и Передней Азии) собака, лошадь, курица и петух, хищные птицы, злой дух «ал» («албасты»), которые присутствуют в обрядовых действиях и непосредственно, и в виде знаков-символов (натуральных перышек, когтей, клювов и в виде изображений на вышивках), и словесно. Но с другой стороны, у казахов, киргизов (северных), каракалпачков и кочевых узбеков главной женской покровительницей считалась богиня Умай, которую также почитают тюркоязычные народы Южной Сибири и Поволжья, а в Туркестане рожениц и младенцев охраняли богини с другими именами (см. выше);

— сравнение обрядовых *атрибутов* дает ту же картину: например, в детской среде «кипчаки» применяли похожие с туркестанцами обереги и амулеты; у них бытовала деревянная колыбель «на двух дугообразных поперечных ножках», очень похожая на узбекский «бешик» или таджикскую «гахвору». И даже обрядовое осмысление колыбели как коня-медиатора у них похоже (ср. [Чвырь 1983]).

Приведенный «кипчакский» материал, несмотря на его значительную фрагментарность, предстает отчетливо как «двухсоставный», одной своей частью примыкающий к тюрко-иранскому этнокультурному пласту Туркестана, а другой — касающийся тюркского культурного ареала Саяно-Алтая и Поволжья. Оставляя пока в стороне последний, но помня о его существовании, повторим кратко суть кипчакско-уйгурского обрядового *соотношения*.

Формально оно выражается, во-первых, в наличии у казахов, киргизов, каракалпаков и кочевых узбеков широкого «обштетуркестанского» обрядового фона (например, в виде упоминавшихся массовых совпадений оберегов, амулетов, символов, «универсальных» персонажей и многих других мелких второстепенных черт). Во-вторых, на этом фоне в обрядах зафиксировано и несколько принципиально важных признаков и элементов (наличие «обштетуркестанского» типа колыбели, сходным образом мифологизируемой, частичные структурные совпадения и др.). Все эти и некоторые другие примеры формального соотношения обрядности «кипчаков» и оседлых туркестанцев могут быть вполне логично интерпретированы как свидетельства переплетенности их исторических судеб с древнейших времен, как указания на чрезвычайно сильный тюрко-иранский субстрат туркестанского происхождения, взаимодействовавший с собственно «кипчакским» культурным комплексом в культуре современных казахов, киргизов, каракалпаков и кочевых (в прошлом) узбеков.

Уйгуры и алтайцы, хакасы, тувинцы

Народы Саяно-Алтая, как известно, образуют внутри общетюркского массива определенную историко-культурную общность, которая считается прямой наследницей древнетюркской (и в том числе древнеуйгурской) культуры (если не в большей, чем современные уйгуры, то наверняка в значительной степени). Этот контекст размышлений задан гипотезой Л.П.Потапова (1983), требующей еще многократной эмпирической проверки, поэтому результаты сравнительного анализа детской обрядности уйгуров и алтайцев, хакасов, тувинцев могут оказаться полезными для решения и этой задачи.

Саяно-алтайские тюркоязычные народы, естественно, не входят в ареал Туркестана, но установление соответствия их детской обрядности с уйгурской (и шире — с туркестанской) в нашей статье целесообразно, поскольку специфика их взаимодействия наглядно демонстрирует глубокую разницу между всеми туркестанцами, с одной стороны, и саяно-алтайцами — с другой, как представителями обширной центральноазиатской культурной провинции.

Сразу отметим, что между уйгурами и народами Саяно-Алтая в области детской обрядности, особенно на фоне «внутритуркестанских» степеней близости (см. выше), по всем выделенным критериям абсолютно преобладают *отличия*. В структуре цикла у саяно-алтайцев не выделялось первое сорокадневие ребенка и роженицы. Вопреки утверждениям некоторых авторов о важности и сакральности этого периода у всех тюрков, приведенные ими примеры касаются только киргизов, казахов, томских татар, но не саяно-алтайцев [Традиционное мировоззрение 1989, с. 160–164]. У последних состав магических действий и обрядов детского цикла несколько иной, хотя само понятие «сороковин», без-

условно, встречалось, но в других циклах (в похоронно-поминальных обрядах, во время посвящения молодого шамана, в медицинской народной практике [Каруновская 1927; Усманова 1976; Шатинова 1979; Бутанаев 1988; Дьяконова 1988; Соломатина 1993; Кустова 2000] и др.). Сам факт отсутствия обычая выделять особо первые сорок дней жизни ребенка — отличительный признак саяно-алтайского ареала от туркестанского.

Кроме того, у саяно-алтайских народов отмечены широко бытовавшие и любимые в семьях детские обряды, полностью или частично отсутствовавшие у уйгуров: «разрезание пут» при первых шагах ребенка, дарение коня и пояса мальчику и др. В то же время торжественный, почти центральный обряд уйгуров — положение в колыбель — у алтайцев, хакасов, тувинцев или вовсе отсутствовал, или его никак не акцентировали. Многие из так называемых универсальных обрядов (первая стрижка волос, первое купание, «смотрение» ребенка и пр.) у южносибирских народов устраивали не в первые дни, а позднее.

Очень заметны отличия двух традиций и в обрядовой *атрибутике* (например, преобладание иных, «нетуркестанских», типов колыбели), и в *символике* (бытование амулетов, оберегов, почти неизвестных уйгурам, — клыков марала, кости рыси, фигурок из войлока, наконечников стрел, узлов на ремешках колыбели и др.; или в колыбель новорожденного в первый раз клали не камень, как в Туркестане, а ягненка, шенка, козленка, а то и просто другого младенца) [Тошакова 1978], и в *главных персонажах* (божественная покровительница рожениц и детей у алтайцев и народов Южной Сибири — Умай, Ымай, Май-эне), кроме того, у уйгуров, как и у других туркестанцев, иные женские божества — «момохо», Анбар-Она, Диви-Сафед, «анилар» (возможно, Анилар) и др.

На этом фоне существующие в уйгурских и саяно-алтайских детских обрядах *сходства* сравнительно невелики и касаются преимущественно мелких обрядовых *атрибутов*, хотя и широко распространенных. Например, окуривание места обитания новорожденного травой «ыртиш» (йиртиш), приготовление в первый день обрядового блюда «толкан» (из жареной ячменной муки), купание ребенка в соленой воде, большое магическое значение ножа и ножниц и др. Совпадают также ведущие обрядовые *персонажи* (образы коня, собаки, птиц), многие магические *действия* (например, имитация «продажи», «кражи», «смерти» новорожденного, известная многим народам мира), наконец, преклонение перед огнем, водой, землей — стихиями, силами, сопутствующими и охраняющими женщин и детей. Но все эти обыкновения и обычаи, как нетрудно заметить, универсальны или во всяком случае бытовали у большинства азиатских и европейских народов. Однако и за этими сходствами при более подробном анализе можно увидеть разницу. Так, например, почитание огня (связанного с Умай) было одним из центральных культов алтайских верований; уйгуры и народы Средней Азии тоже сохранили память о древней религии предков-огнепоклонников, но тем не менее отношение к огню домашнего очага у них было разным: в обоих случаях уважительное, оно вело к прямо противоположным обрядовым действиям — к «кормлению» огня у алтайцев и к запрету бросать в огонь крошки еды у туркестанцев.

Единичным, но чрезвычайно ярким сходным эпизодом детской обрядности алтайцев и уйгуров (а также узбеков и таджиков) является уже упоминавшийся *обряд с куклами*. Алтайские женщины проводили его ежегодно, в дни особого праздника, а также по мере семейной надобности — перед родами, в случае

тяжелой болезни женщины или ребенка. Тогда доставали из укромных уголков родовых женских «предков» в виде специальных кукол, торжественно рассаживали их дома, «кормили», просили о помощи [Каруновская 1927, с. 22–23]. Уйгурки устраивали подобное действо на мусульманском мазаре, у почитаемой гробницы святого и тоже просили об избавлении от болезни и бесплодия, изготавливая специальных кукол, «кормя» их, разжигая костры около могилы, устраивая там ритуальные трапезы и произнося имена различных женских покровительниц, как мусульманских (Фатима, Зухра), так и немусульманских (подробное описание см. в рукописи автора «Реликты древних верований...»).

Формальная близость алтайского и уйгурско-таджикского вариантов явно одного женского обряда очевидна, хотя в последние столетия между этими двумя группами населения не было массовых и непосредственных бытовых контактов, следовательно, даже предположение об обрядовых заимствованиях, да еще в детских церемониях, вряд ли уместно. Различия между двумя вариантами, конечно, есть. У алтайцев этот обряд устраивали часто, и не только для лечения; а у туркестанцев его проводили редко, наряду с другими обрядами использовали исключительно как способ магического воздействия ради избавления от болезни. Но при сравнении бросается в глаза прежде всего главная — стадийная — специфика этих обрядов с куклами: у алтайцев это одно из проявлений местных, «шаманистских» верований, у уйгуров (и таджиков) — якобы «мусульманский» обряд. Разумеется, домусульманская основа в последнем случае просматривается очень явственно. Но характерно, что сугубо мусульманское место его проведения, произнесение многочисленных мусульманских формул и молитв, обращение в первую очередь к кораническим и мусульманско-мифологическим персонажам, а затем уже к образам местных духов — все эти «знаки мусульманства» для уйгуров, узбеков, таджиков оказываются чрезвычайно важными, а очевидно домусульманские элементы, составляющие сами обрядовые действия, как бы оттесняются в тень. Все «домусульманское» (если оно таковым все же осознается) воспринимается ими абсолютно непротиворечиво, как ценная часть *их прошлого*, являющегося вместе с мусульманством неотъемлемой сущностью их культуры. Поэтому вопреки научным утверждениям, попытки (со стороны мулл, некоторых ревнителей благочестия и т.п.) официально-религиозного очищения «исконно мусульманского» от «местного домусульманского», столь логичные и очевидные для нас, местным населением, как правило, не принимаются, а игнорируются в пользу их привычного сближения и отождествления. Таково свойство народного традиционного сознания.

Итак, обряд с куклами — фрагмент очевидно архаического верования, данный нам сквозь призму двух религиозных контекстов, — может быть истолкован как свидетельство ныне самостоятельных и автономных этнокультурных традиций, «проросших» из некогда единого древнего корня и вряд ли значительно контактировавших в последующие времена.

Таким образом, *уйгурско-саяноалтайское* соотношение детских обрядов в конечном счете и особенно на «среднеазиатском фоне» оказалось сугубо специфичным: в нем не просто преобладают отличия, но они связаны с параметрами, как раз объединяющими самих туркестанцев. В то же время немногочисленные сходства касаются либо «универсальных» обрядовых моментов, либо крупных единичных совпадений, которые с большой долей вероятности могут быть интерпретированы как следы былой принадлежности к единой этнокультурной общности в древности.

Исторических причин столь глубоких и очевидных культурных различий между тюрками Туркестана и Саяно-Алтая несколько: отсутствие в Южной Сибири мощного мусульманского «покрова», меньшая сохранность иранского культурного компонента, некогда отмеченного и даже доминировавшего на этой территории в древности, наконец, в средние века разнообразное и систематическое воздействие на обитателей Алтая и Саян монгольского культурного начала, сложение тюрко-монгольского культурного синтеза, в свою очередь также повлиявшего и на народы Средней Азии, но в гораздо меньшей степени.

Выводы

1. Итак, завершив сравнительный анализ детской обрядности уйгуров и народов Средней Азии, прибегнув к методике сравнения, выделяем три формальные разновидности *соотношений* уйгурской традиции с обрядами трех групп туркестанского населения (XIX — начало XX в.). Эти соотношения различаются интенсивностью и качеством взаимосвязей, а стоящие за ними довольно крупные и устойчивые сообщества туркестанского населения являют собой межэтнические конгломераты, обычно состоящие из нескольких этносов или их этнографических подразделений. Характерно, что специфика детской обрядности максимально проявляется в культурах не столько отдельных этносов, сколько именно этих межэтнических сообществ, видимо образующих таксономически более высокий уровень этнической иерархии. Сразу отметим, что ярко выраженного самосознания, тем более этнонима это разнородное население, как правило, не имело, хотя туманное ощущение прошлого родства и многочисленные фольклорные представления об общих героях-предках (Огузе, Кипчаке, Афрасиабе и др.), давней совместной исторической судьбе, великом прошлом их общей Родины (реальной или мифологической) у них все же были. Таким образом, некоторые основания отнести эти сообщества, названные «этнокультурными пластами», к этническим образованиям у нас все же есть. На территории Туркестана таких «пластов» выделено три — «тюрко-иранский», «огузский» и «кипчакский»; «саяно-алтайский» пласт был описан для сопоставительной наглядности его несходства с туркестанцами.

2. В итоге заметно прояснилось место уйгурской традиции в центрально-азиатском культурном пространстве: уйгуры в области семейной обрядности оказались настолько близки оседлым узбекам и таджикам, что совместно они и входят в «тюрко-иранский пласт» оседлых туркестанцев (ср. сходные результаты анализа материальной культуры [Чвырь 1990]). Подобно этому восточнотуркестанские казахи и киргизы составляют этническое и культурное целое со своими среднеазиатскими сородичами. В результате коренное население обеих частей Туркестана (XIX — начало XX в.) образует нерасторжимое историко-культурное единство, в известном смысле автономное по отношению к населению остальных частей Центральной Азии (монголо-тибетского и южносибирского ареалов).

На протяжении XIX–XX вв. и в настоящее время среднеазиатская и синьцзянская части Туркестана неофициально как бы «поделены» между отдельными местными этносами, что обусловлено не только национальной политикой отдельных государств, но и усилившимися во всем мире тенденциями этно- и на-

ционально-политического размежевания. Единство Туркестана, увиденное сквозь призму не отдельных современных этносов, а через выявленные выше этнокультурные пласты, по всей вероятности, отражает предшествовавшее современному этническое и культурное членение региона. Историко-культурная общность Туркестана не была однородной и ранее, как всякий естественно сложившийся организм, она состояла из качественно различающихся частей, «пластов», по-разному взаимосвязанных друг с другом и с родственными группами вне региона.

В этнографической реальности конца XIX — XX в. этнокультурные «пласты» проступают неотчетливо, зато они ярко проявляются в *исторической ретроспективе*, как в виде «объективной» информации (археологии, антропологии, лингвистики), так и «субъективной», выраженной через современное самосознание соответствующих групп населения. Изучение феномена этнокультурных пластов должно быть продолжено.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамзон 1949 — Абрамзон С.М. Рождение и детство киргизского ребенка (из обычаев тьяншанских киргизов). — МАЭ. Т. XII. М.—Л.
- Баялиева 1972 — Баялиева Т.Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе.
- Бутанаев 1988 — Бутанаев В.Я. Воспитание маленьких детей у хакасов. — Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л.
- Восточный Туркестан 1988 — Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М.
- Дьяконова 1988 — Дьяконова Н.П. Детство в традиционной культуре тувинцев и теленгитов. — Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л.
- Дыренкова 1928 — Дыренкова Н.П. Умай в культе турецких племен. — Культура и письменность Востока. Кн. 3. Баку.
- Есбергенов, Атамуратов 1975 — Есбергенов Х., Атамуратов Т. Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков. Нукус.
- Каруновская 1927 — Каруновская Л.В. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком. — СМАЭ. Т. VI. Л.
- Кустова 2000 — Кустова Ю.Т. Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов. СПб.
- Литвинский 1984 — Литвинский Б.А. Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (проблемы этнокультурной общности). — Восточный Туркестан и Средняя Азия. М.
- Моногарова 1969 — Моногарова Л.Ф. Семья и семейный быт. — Этнографические очерки узбекского сельского населения. М.
- Ниязкычев 1969 — Ниязкычев К. Обычай и обряды, связанные с рождением детей у туркмен-човдуров в конце 19 — начале 20 в. — Известия АН ТССР. № 6. Аш.
- Оразов 1972 — Оразов А. Хозяйство и культура населения северо-западной Туркмении в XIX — начале XX в. Аш.
- Пешерева 1956 — Пешерева Е.М. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков. — СМАЭ. Т. XVII. М.—Л.
- Потапов 1973 — Потапов Л.П. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных. — Тюркологический сборник. 1972. М.

- Потапов 1983 — *Потапов Л.П.* Древнеуйгурские элементы в традиционной культуре алтае-саянских народов. — Актуальные проблемы советского уйгуроведения. А.-А.
- Пчелинцева 1987 — *Пчелинцева Н.Д.* Народные обряды и поверия, связанные с охраной здоровья ребенка у азербайджанцев. — Полевые исследования. ИЭ. 1983. М.
- Рахимов 1976 — *Рахимов М.В.* Рождение и воспитание ребенка. — Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. III. Душ.
- Серебрякова 1979 — *Серебрякова М.Н.* Семья и семейная обрядность в турецкой деревне. М.
- Снесарев 1969 — *Снесарев Г.П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.
- Соломатина 1993 — *Соломатина С.Н.* Тувинцы: символическое поведение, связанное с ребенком. — Этносы и этнические процессы. М.
- Союнова 1987 — *Союнова А.* Колыбель в обрядах и верованиях туркмен. — Материалы по исторической этнографии туркмен. Аш.
- Сухарева 1929. — *Сухарева О.А.* Мать и ребенок у таджиков. — Иран. Вып. 3. Л.
- Толеубаев 1991 — *Толеубаев А.Т.* Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. А.-А.
- Тошакова 1978 — *Тошакова Е.М.* Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX — начало XX в.). Новосибирск.
- Традиционное мировоззрение 1989. — Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск.
- Троицкая 1927 — *Троицкая А.Л.* Первые сорок дней ребенка («чилля») среди среднеазиатского оседлого населения Ташкента и Чимкентского уезда. — Сб. В.В.Бартольд. Таш.
- Троицкая 1935 — *Троицкая А.Л.* Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана. — СЭ. № 6.
- Усманова 1976 — *Усманова М.С.* Обычай, связанные с рождением ребенка у хакасов. — Из истории шаманства. Томск.
- Фирштейн 1978 — *Фирштейн Л.А.* О некоторых обычаях и поверьях, связанных с рождением и воспитанием ребенка у узбеков Южного Хорезма. — Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Фрейденберг 1936 — *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. Л.
- Чвырь 1983 — *Чвырь Л.А.* Опыт анализа одного современного обряда в свете древневосточных представлений. — Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М.
- Чвырь 1985 — *Чвырь Л.А.* Три «чилля» у таджиков. — Этнография Таджикистана. Сб. ст. Душ.
- Чвырь 1990 — *Чвырь Л.А.* Уйгуры Восточного Туркестана и соседние народы в конце XIX — начале XX в. М.
- Шатинова 1979 — *Шатинова Н.И.* Традиционные обряды алтайцев, связанные с рождением ребенка. — Вопросы истории Горного Алтая. Вып. 1. Горно-Алтайск.
- Шаханова 1993 — *Шаханова Н.Ж.* Половозрастная стратификация традиционного общества казахов (конец XIX — начало XX в.). — Этносы и этнические процессы. М.

В.Г.Шкода

ГЕНЕЗИС СОГДИЙСКОЙ КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ¹

Среди многочисленных трудов Б.А.Литвинского, посвященных самым различным аспектам истории культуры Центральной Азии, выделяются работы по развитию зодчества эпохи древности и раннего средневековья. Для данной статьи особое значение имеют исследования Б.А.Литвинского о сложении архитектурно-планировочных схем храмов, и в частности храмов восточноиранского эллинизма, непосредственно предшествовавших культовым сооружениям Согда.

До недавнего времени культовая архитектура Согда была представлена только храмами Пенджикента V — первой четверти VIII в. Теперь к ним можно прибавить еще два сооружения — храмы Еркургана III–VI вв. в Южном Согде [Сулейманов 1987; 1989] и храм Джартепе V–VIII вв., находившийся примерно на полпути между Самаркандом и Пенджикентом [Бердимуратов, Самибаев 1992; 1994; Самибаев 1996]. Хотя раскопки в Пенджикенте, Еркургане и Джартепе еще далеки до завершения, уже сейчас можно говорить об общих чертах этих построек — здание храма имело зал с целлой, обычно портик перед ними и располагалось на платформе внутри огороженного — священного — участка с двором (рис. 1).

Особенности согдийских храмов лучше всего известны по Пенджикенту [Škoda 1987]. Здесь было два храма, находившихся рядом, но разделенных стеной. За свою более чем 300-летнюю историю храмы претерпели множество перестроек, в ходе которых эволюционировал их облик. Каждое изменение в зданиях выдает знакомство зодчих с определенными архитектурными образцами, которые они использовали для решения своих задач. Поэтому, несмотря на относительно позднюю датировку пенджикентских храмов, они позволяют понять, как в Согде развивались древние иранские и восточноэллинистические традиции архитектуры культовых зданий.

С самого начала в планировке пенджикентских храмов использовалась композиция, развивавшаяся в глубину от входа, — два двора, внешний и внутренний, и главное здание на платформе в глубине внутреннего двора [Škoda 1987, fig. 1; Maršak 1990, fig. 4]. Здания храмов состояли из открытого на восток портика, за которым располагались зал и целла, окруженные обходным коридором. Наружные стены боковых коридоров доходили до края платформы, образуя

¹ В основу статьи легли доклады на III Всесоюз. конф. востоковедов (Душ., 1988) и на Междунар. конф. «Парфянская и сасанидская тематика в искусстве Ирана» (Лондон, 1992).

портик в антах. Этот ранний план пенджикентских храмов целиком следует традициям архитектуры эллинистического времени: постройки, включенные в композицию замкнутого двора, рассчитаны на фронтальное восприятие [Herzog 1932] (ср. подробнее [Шкода 1988; 1989, с. 82–92]). Возможно, что такое последовательное воплощение в архитектуре эллинистических традиций было вызвано желанием подчеркнуть, что храмы посвящены богам. Их изображение — статуи из необожженной глины — находились в нишах четырехколонных залов, открытых навстречу восходящему солнцу².

Наряду с общей эллинистической схемой в главных зданиях есть особенности, которые присущи многим иранским постройкам — квадратный четырехколонный зал и обводной коридор. Эту особенность иранских храмов выделяли многие исследователи, основываясь на плане так называемой аядааны в Сузах³. Композиционную схему «зал в обводе» (вариант — «зал и целла в обводе») выводили обычно из ахеменидской традиции, привлекая в качестве аналогий здания в Сузах и Кухи Хваджа (рис. 2, 3), которые считали одними из самых ранних храмов Ирана⁴. Сейчас такая атрибуция основательно поколеблена, так же как и ранняя дата этих построек [Schippmann 1971, с. 481, 487; Boucharlat 1984, с. 129–133; Stronach 1985, с. 618; Bernard 1990, S. 57–58; Рапэн 1994, с. 133–138]. Генезис данной планировочной схемы был, возможно, несколько иным.

Ключевым памятником для решения этого вопроса в настоящее время служит храм Окса (основан в IV–III вв. до н.э.) на городище Тахти Сангин (рис. 2, 4)⁵.

Центральную часть постройки составляет здесь четырехколонный зал с пьедесталом (возможно, для статуи) в северо-западном углу и двумя коленчатыми коридорами, которые не дают обвода, а оканчиваются тупиками. Короткие отрезки коридоров фланкируют центральный зал, а длинные, лежащие параллельно друг другу, находятся за залом. В центре боковых стен зала были проходы, выводящие в коридоры по сторонам от него. Если закрыть на этом плане коридоры за залом, то получится план с трехчастной целлой, аналогичный структуре храмов в Ай-Ханум и храма в Дильберджине (I период) — памятников селевкидского времени того же региона (рис. 3, 1, 3). На сходство плана храма Окса и планов храмов с трехчастной целлой в Ай-Ханум и Дильберджине указал еще П.Бернар [Bernard 1990, S. 55], ранее он же писал о сходстве планировки храмов в Ай-Ханум с культовой архитектурой месопотамского региона [Bernard 1976, с. 266–273; 1994, с. 51–52] (ср. [Пугаченкова 1982, с. 34–35]). Развивая мысль П.Бернара, К.Рапэн обратил внимание не только на сходство планировки храмов с трехчастной целлой в Бактрии и Месопотамии, но и на близость функционального назначения помещений по обеим сторонам от целлы⁶. В Ай-Ханум такие боковые помещения в храме с уступчатыми нишами определяются как

² Такая планировка храмовых залов была, вероятно, рассчитана для утренней молитвы, которая начиналась с восходом солнца [Škoda 1987, № 54; Marshak 1993, с. 230].

³ Наиболее последовательно материал рассмотрен у К.Шиппмана [Schippman 1971, с. 474–496].

⁴ См. работы русских ученых, посвященные генезису этой схемы [Воронина 1960, с. 52–53; Пугаченкова 1973, с. 121–131; 1976, с. 38–42; 1982, с. 21–42; Литвинский, Соловьев 1985, с. 55].

⁵ Литературу о раскопках на Тахти Сангине см. [Литвинский 1996, с. 3, примеч. 1]. О датировке храма см. также [Зеймаль 1993, с. 52–56; Bernard 1994, с. 96; Zeymal 1997, с. 94].

⁶ Помимо сооружений с трехчастной целлой, названных П.Бернаром и Рапэном, можно упомянуть аналогичные по планировке храм (дворец?) Каср ал-Бинт в Петре I в. н.э. [Larché 1984, с. 20–22] и храм селевкидского времени в Хуре [Hakemi 1990, с. 11–41].

места хранения предметов культа и храмовых сокровищ. Такое же или очень похожее расположение храмовых сокровищниц по отношению к целле К.Рапэн отмечает для месопотамских храмов [Рапэн 1994, с. 135–138]. В храме Окса основные находки посвященного инвентаря были сделаны в боковых и продольных отрезках коленчатых коридоров [Пичикян 1991, с. 150; Рапэн 1994, с. 135]. К храмовым сокровищницам К.Рапэн относит и боковые помещения трехчастной целлы в храме Дильберджина [Рапэн 1994, с. 135] (ср. [Кругликова 1986, с. 23–34]). На основании этих наблюдений К.Рапэн делает вывод об определенной связи целлы с местами хранения храмовых сокровищ и заключает, что (во всяком случае, в Бактрии) трехчастная целла должна служить основным признаком культовой постройки [Рапэн 1994, с. 135–136]. Таким образом, можно предполагать, что бактрийские архитекторы заимствовали иноземную планировку не только формально, но каждая деталь плана соответствовала своему исходному функциональному назначению. Возможно, что план с трехчастной целлой составлял первоначальное ядро и в храме Окса.

В этом сооружении проход из зала в восточной стене выводил в портик перед храмом, фланкированный несколькими помещениями, в двух из которых находились алтари огня — древнеиранские *ātš-dāna- или *ātš-gāvu-, позднейшие ātašgāh — «аташгах». По краям фасада храма, обращенного в сторону теменоса, располагались башнеобразные сооружения с внутренними помещениями [Пичикян 1987, с. 43–44; 1989, с. 113; 1991, с. 147; Пичикян, Керзум 1989, с. 177–194]. Выделение аташгахов в композиционной структуре храма Окса является решающим для его определения как храма огня. Это первое открытие такого храма для досасанидской эпохи (ср. [Bernard 1990, S. 57–58]).

Исходя из планировки храма Окса, И.Р.Пичикян реконструировал по аналогии с ним так называемый храм «фратараков» или «фратадаров» в Персеполе [Пичикян 1987, с. 53, рис. 3, 1; 1989а, с. 55–73]. Сходную реконструкцию, независимо от И.Р.Пичикяна, предлагал Д.Стронах, вычленив здание храма «фратараков» из общей застройки нижней террасы Персеполя [Stronach 1985, с. 612–617].

Так же как в храме Окса, центром композиции в Персеполе служил четырехколонный зал со ступенчатым пьедесталом у задней стены, уже наметился и обвод вокруг зала. В одном из боковых помещений находилась плоская каменная плита, на которой, возможно, стоял алтарь огня [Erdmann 1941, с. 29–30]. Перед залом располагалось длинное поперечное помещение и колонный портик, фланкированный двумя небольшими комнатами с каждой стороны (рис. 2, 1).

Храм «фратараков» считали самым ранним из сохранившихся иранских закрытых культовых сооружений. Его постройку относили ко времени Артаксеркса II (404–357), который, по свидетельству вавилонского жреца Бероса (жил в III в. до н.э.), ввел поклонение изображениям богов и установил их статуи в закрытых храмах [Boyce 1982, с. 217, 226; Stronach 1985, с. 616]. В надписях Артаксеркса II впервые упоминаются как покровители царя царей Митра и Анахита (помимо Ахура Мазды).

Более широкую дату в пределах V — первой половины IV в. до н.э. предлагал И.Р.Пичикян, однако, по мнению многих ученых, храм «фратараков» относится к концу владычества Ахеменидов или к постахеменидской эпохе [Пичикян 1989а, с. 70; Schippmann 1971, с. 474–475; Boucharlat 1984, с. 130–133; Boyce, Grenet 1991, с. 117–118].

Большое значение для генезиса архитектурного плана «зал в обводе» имеет храм Дедоплис Миндори II–I вв. до н.э. в Грузии (рис. 3, 5). Здесь также есть квадратный четырехколонный зал с портиком перед ним и коридором вокруг центральных помещений. Хотя коридоры перегородены поперечными стенами, общий облик храма близок аядагане Суз. Принятие и развитие данного типа построек в Грузии, один из царей которых «возлюбил веру персов» [Гагошидзе 1981, с. 114, 108], может свидетельствовать о традиционности таких зданий в самом Иране.

Достаточно надежно обходной коридор зафиксирован в точно датированном II в. до н.э. здании (так называемый Дом I) в Ай-Ханум [Bernard 1970, с. 310–313, fig. 9; Лекую 1987, с. 63]. Коридор, охватывающий зал с портиком перед ним, служит для организации пространства внутри дома, связывая помещения по сторонам от зала. Аналогичную функцию выполняли обходные коридоры жилых домов Дильберджина [Кругликова, Пугаченкова 1977, рис. 1], Дальверзинтепе [Пугаченкова, Ртвеладзе 1978, рис. 15, 26] и дворца в Еркургане [Сулейманов 1989, с. 28 и сл.], в которых коридор являлся основной коммуникацией между центральной и периферийными частями.

В Сузах и Кухи Хваджа коридор служит не для связи с дополнительными помещениями, которые вынесены в периметр ограды двора, а, по выражению Д.Стронаха, для подчеркивания индивидуального характера центральной части здания [Stronach 1985, с. 618–619]. Иными словами, коридор не являлся здесь признаком того, что эти здания были светскими [Рапэн 1994, с. 136], а скорее всего, это признак обязательного ритуального обхода вокруг сакрального центра постройки. Таким образом, сходство с домами Бактрии может быть отмечено только в планировке, а не в функциональном назначении обходных коридоров.

Атрибуция зданий в Сузах и Кухи Хваджа не получила однозначного толкования — их считают либо храмами, либо дворцами [Schippmann 1971, с. 481; Boucharlat 1984, с. 130, 133; Bernard 1990, S. 58; Рапэн 1994, с. 133, 136], хотя композиция «зал в обводе», представленная в них, была, по всей видимости, ведущей для иранских храмов досасанидского времени. Р.Бушарля охарактеризовал ее так: четырехколонный квадратный зал, окруженный коридорами или комнатами и выступающим вперед портиком [Boucharlat 1984, с. 133]. В наиболее законченном варианте данная схема представлена в династийном кушанском святилище Сурх Котал, планировка которого является переходной между древнеиранскими и сасанидскими храмами. По мнению ряда ученых, тетрастильный план в дальнейшем эволюционирует в сасанидский чортак [Гиршман 1978, с. 39; Schippmann 1971, с. 496; Fussman 1983, с. 64; Boucharlat 1984, с. 130, № 15; Stronach 1985, с. 623]; (ср. [Huff 1990, с. 634–638]).

Обходной коридор присутствует в разных по конфессиональной принадлежности культовых сооружениях, что, вероятно, диктовалось ритуалом, составной частью которого был обход вокруг святынь. Традиционность, с которой возводили подобные постройки, зависела, очевидно, от того, что строители следовали давно установившимся и хорошо известным образцам. Показательно, что истоки сложения буддийских храмов с такой схемой исследователи выводят из среднеазиатско-иранской архитектуры, испытывавшей влияние эллинизма [Franz 1979, с. 9–10]; ср. [Schippmann 1971, с. 498]⁷.

⁷ См. также мнение Б.А.Литвинского в рецензии на указанную работу Х.Франца [Литвинский 1981, с. 227–231], где на с. 228 ссылки на другие работы автора по этому вопросу; ср. [Stavisky 1986, S. 381–388].

Основной план пенджикентских храмов с залом, целлой, обходным коридором и портиком сохранялся в неизменном виде на всех этапах существования этих сооружений.

Во втором периоде строительной истории (вторая половина V в.) в пенджикентском храме I был построен ряд дополнительных святилищ возле южного фасада платформы (рис. 2, б). Пом. 19 возле юго-восточного угла платформы представляло собой комнату со смещенным от ее центра проходом и стенами, окрашенными черной краской. Следы сильного горения огня на уровнях трех верхних полов и большое количество белой чистой золы на самом верхнем полу свидетельствуют о том, что это помещение предназначалось для хранения священного огня. Лестница, сооруженная возле юго-восточного угла платформы, связала это помещение с главным залом храма. По ней, вероятно, огонь в переносном алтаре поднимали на платформу в главный зал, в котором совершались поклонения богам [Шкода 1990].

Аташгах у подножия платформы пенджикентского храма, а фактически возле бокового южного крыла портика — точная реплика аташгахов храма Окса, повторенная много веков спустя. Этот архитектурный, или, скорее, ритуальный, феномен был отмечен в литературе [Bernard 1990, S. 57; Boyce, Grenet 1991, с. 178]. Трудно поверить, что пенджикентская реплика могла оказаться случайным совпадением и не иметь других аналогий для периода, отделяющего ее от храма Окса.

Отдаленной аналогией к боковому аташгаху пенджикентского храма и к алтарям огня храма Окса служит одно из помещений в храме Дильберджина третьего строительного периода (рис. 2, 5), который И.Т.Кругликова относит ко времени Канишки I [Кругликова 1986, с. 63]. В центральном зале был сооружен алтарь или пьедестал для статуи. Вокруг здания храма появился обходной коридор, смыкавшийся у фасада с боковыми приаиванными помещениями (пом. 6, 7), проходы из которых выводили во двор. В центре южного помещения (пом. 7), но в стороне от оси прохода сохранились остатки ступенчатого основания алтаря. Стенки его, обмазанные алебастром, были прокалены, а на полу, рядом с основанием алтаря, лежал толстый слой пепла с угольками [Кругликова 1986, с. 59–60, 108, рис. 54]. Можно предполагать, что огонь, горевший в этом помещении, переносили по длинному обводу в центральный зал. Я не буду настаивать на атрибуции помещения в Дильберджине как хранилища огня, замечу лишь, что его место в планировке здания указывает на возможность такого истолкования.

Пристройка бокового аташгаха в пенджикентском храме ставит его в один ряд с группой культовых сооружений, в которых поклонение огню сочеталось с почитанием изображений богов. Такой ритуал, судя по письменным источникам, должен был иметь место и в Иране начиная с царствования Артаксеркса II.

Аргументом в пользу предположения о сосуществовании в одном храме культа огня и культа изображений богов (возможно, также царственных предков) в позднеахеменидское время может служить святилище во дворце на городище Калалыгыр I в Хорезме. Дворец, по всей видимости, был предназначен для ахеменидского наместника Хорезмийской сатрапии [Рапопорт 1987, с. 141; 1996, с. 68]. Святилище представляло собой двухколонный зал с нишами в стенах для живописных панно. У восточной стены находился ступенчатый сырцовый постамент, на который устанавливалась переносная жаровня с пылающим

в ней огнем. Огонь, переносимый в зал с изображениями, хранился, по-видимому, на кирпичной платформе в боковом коридоре, сообщавшемся с залом. Как справедливо отметил Ю.А.Рапопорт, детали плана святилища в Калалыгыре (зал с коридором и два постаменты) сопоставимы с аналогичными элементами планировки храма «фратараков» в Персеполе [Рапопорт 1987, с. 143–145; 1996, с. 68–69]. Вероятно, могут быть сопоставимы и ритуалы, отправлявшиеся в Хорезме и Иране. Если проводить дальнейшие аналогии между культовыми сооружениями Хорезма и Ирана, то необходимо вспомнить еще так называемое Здание V (II в. н.э.), входившее в состав загородного комплекса городища Топрак-кала. Вестибюль этого храма имел по сторонам два помещения с пристенными алтарями огня, которые хорошо согласуются с боковыми аташгахами в храме Окса, однако, по мнению Ю.А.Рапопорта, этого недостаточно для того, чтобы считать Здание V храмом огня [Рапопорт 1993, с. 174]. Тем не менее основные черты его планировочной схемы те же, что и у многих иранских храмов, в том числе храма в Сузах [Рапопорт 1993, с. 177; 1996, с. 71].

Боковые приайванные помещения, в которых мог бы храниться священный огонь, известны во многих зданиях Ирана, отождествляемых с храмами. По аналогии с боковыми аташгахами в храме Окса И.Р.Пичикян предлагал идентифицировать с ними приайванные помещения нескольких вновь открытых и давно известных памятников [Пичикян 1987, с. 53; 1991, с. 157]. Большинство из них относят теперь к эллинистическому времени, в котором культ образов получил особенное распространение [Бойс 1975, с. 99]. М.Бойс обращает внимание также на строки Павсания (II в. н.э.) о храме Анахиты в Лидии, в котором была статуя богини и святилище огня [Бойс, Grenet 1991, с. 178–179, 235–236].

Присутствие аташгаха у боковой стороны портика в храме Пенджикента показывает, что гипотеза И.Р.Пичикяна весьма правдоподобна (ср. [Сарианиди 1996, с. 319; Рапэн 1994, с. 129]), хотя доказать это смогут лишь дальнейшие раскопки. Мне кажется, что можно поставить вопрос о единой линии развития ритуалов центра и периферии иранского мира. Это единство могло также выразиться в определенном типе культовых зданий, имевших боковые помещения для хранения огня.

Дальнейшие перестройки в храмах Пенджикента, не меняя планировки внутри главных зданий, происходят за счет второстепенных частей храмов, причем в любом периоде можно найти детали, имеющие аналогии в глубокой древности. К ним, вероятно, следует отнести незаложенные пространства в кладках северной и южной стен обходной галереи храма II [Беленицкий 1953, с. 45], которые принимали за кладовые или тайники [Воронина 1953, с. 103–104]. Роль этих помещений, появившихся не ранее четвертого периода (VI в.), остается неясной, но план целлы храма с ними — несомненный рудимент тройных целл памятников греко-бактрийской и селевкидской эпох. Более явно тройная целла представлена в храмах Еркургана и Джартепе. В третьем периоде (вторая половина V в.) в храме Еркургана поперечными стенами отсекли западную и восточную стороны святилища, так что образовались два дополнительных помещения по бокам от центрального [Сулейманов 1987, с. 137; 1989, с. 27]. В Джартепе трехчастная целла (рис. 1, 3) появляется после коренной перестройки здания не ранее пятого периода (VIII в.), и здесь она сочетается с обходным коридором, имеющим выход наружу.

В четвертый период в пенджикентском храме I на месте святилищ второго и третьего периодов строят боковые пилоны, сделавшие портик перед храмом широким. На мой взгляд, идея пилонов восходит к башнеобразным выступам по фасаду храма Окса, для которых, в свою очередь, прототипом послужили боковые помещения-выступы построек типа «хилани» [Шкода 1988, с. 54; Литвинский 1996]. Однако в пенджикентском храме широкий портик представлял также большие плоскости стен для росписей [Беленицкий, Гуревич, Маршак 1973, с. 158], что отличает согдийский храм от построек типа «хилани» при всей близости их композиции.

Пенджикентские дополнительные святилища четвертого периода в пределах огороженного священного участка обнаруживают сходство с камеллой во дворе храма с уступами в Ай-Ханум [Bernard 1974, с. 295, fig. 8; 1976, с. 273], а восточная ограда внутреннего двора храма II (третий период) в виде широкой суфы-платформы с прямоугольными выступами [Škoda 1987, с. 66–67, fig. 4] представляет собой, по всей вероятности, реплику меандровидного края священных террас, подобных Барде Нешанде [Ghirshmann 1976].

Между упомянутыми постройками и согдийскими храмами имеется большой хронологический разрыв, но надо учесть, что некоторые храмы существовали очень долго и могли служить образцом для подражания. Храм Окса практически без существенных изменений в архитектуре простоял несколько столетий. В отдаленные храмы совершали паломничества, могли быть и странствующие строители, знакомые с опытом разных стран.

Живые традиции предшествующих цивилизаций отразились и в других видах архитектуры и искусства Согда. С древневосточным опытом связаны некоторые памятники оборонительного зодчества и торевого Согда V–VI вв. [Семёнов 1996, с. 189–192; Маршак 1971, с. 74], а влияние эллинизма проявилось в монументальной глиняной скульптуре VI в. и в формах керамики IV в. [Маршак 1987, с. 236].

Архитектура пенджикентских храмов восходит к культовым зданиям, представленным в Ай-Ханум, Тахти Сангине, Сурх Котале и Дильберджине. Другие согдийские храмы — в Еркургане и Джартепе — свидетельствуют о том, что в Согде был выработан свой особый тип зданий, сложившийся под влиянием архитектурных традиций Бактрии–Тохаристана, которые, в свою очередь, тесно связаны с культурным наследием Греции и древнего Ближнего Востока. Это позволяет считать историю согдийских храмов составной частью истории всемирной архитектуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беленицкий 1953 — Беленицкий А.М. Раскопки согдийских храмов в 1948–1950 гг. — МИА. № 37. М.–Л.
- Беленицкий, Гуревич, Маршак 1973 — Беленицкий А.М., Гуревич Л.Л., Маршак Б.И. Пенджикентские храмы и развитие согдийского культового искусства в V–VII вв. — Тез. докл. сессии, посвящ. итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Таш.

- Бердимуратов, Самибаев 1992 — *Бердимуратов А.Э., Самибаев М.К.* Результаты раскопок храма на Джартепе II. — ИМКУ. Вып. 26. Таш.
- Бердимуратов, Самибаев 1994 — *Бердимуратов А.Э., Самибаев М.К.* Ранние росписи согдийского храма Джартепе II (V — начало VI в.). — Археологические вести. № 3. СПб.
- Воронина 1953 — *Воронина В.Л.* Архитектурные памятники древнего Пенджикента. — МИА. № 37. М.—Л.
- Воронина 1960 — *Воронина В.Л.* Доисламские культовые сооружения Средней Азии. — СА. № 2.
- Гагошидзе 1981 — *Гагошидзе Ю.М.* Из истории грузино-иранских взаимоотношений (храм II—I вв. до н.э. Дедоплис Миндори). — Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М.
- Гиршман 1978 — *Гиршман Р.М.* Происхождение «чахартака». — История и археология Средней Азии. Аш.
- Зеймаль 1993 — *Зеймаль Е.В.* Тахти Кобад или «Тахти Сангин»? (Снова об Амударьинском кладе). — Эрмитажные чтения памяти Б.Б.Пиотровского. СПб.
- Кругликова 1986 — *Кругликова И.Т.* Дильберджин. Храм Диоскуров. Матер. Советско-Афганской археологической экспедиции. М.
- Кругликова, Пугаченкова 1977 — *Кругликова И.Т., Пугаченкова Г.А.* Дильберджин (раскопки 1970–1973 гг.). М.
- Лекуюо 1987 — *Лекуюо Г.* Айханум. Жилищное строительство. — Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Матер. советско-французского коллоквиума. Таш.
- Литвинский 1981 — *Литвинский Б.А.* [Рец. на:] *Franz H.G.* Pagode, Turmtempel, Stupa. Studien zum Kultbau des Buddhismus in Indien und Ostasien. Graz, 1978; *Franz H.G.* Von Gandhara bis Pagan. Kultbauten des Buddhismus und Hinduismus in Süd- und Zentralasien. Graz, 1979. — НАА. № 1.
- Литвинский 1996 — *Литвинский Б.А.* К генезису архитектурно-планировочных схем восточноиранского эллинизма. — ВДИ. № 4.
- Литвинский, Соловьев 1985 — *Литвинский Б.А., Соловьев В.С.* Средневековая культура Тохаристана. В свете раскопок в Вахшской долине. М.
- Маршак 1971 — *Маршак Б.И.* Согдийское серебро. Очерки по истории восточной торговли. М.
- Маршак 1987 — *Маршак Б.И.* Искусство Согда. — Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М.
- Пичикийн 1987 — *Пичикийн И.Р.* Композиция храма Окса в контексте архитектурных сопоставлений. — Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 12. М.
- Пичикийн 1989 — *Пичикийн И.Р.* Открытие теменоса храма Окса (Северная Бактрия). — ВДИ. № 4.
- Пичикийн 1989а — *Пичикийн И.Р.* Храм огня в Персеполе. Композиция, дата, атрибуция. — Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 16. М.
- Пичикийн 1991 — *Пичикийн И.Р.* Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М.
- Пичикийн, Керзум, 1989 — *Пичикийн И.Р., Керзум А.П.* Тахти Сангин. Алтарно-башенное помещение. — Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока (археологические источники). М.
- Пугаченкова 1973 — *Пугаченкова Г.А.* К архитектурной типологии Бактрии и Восточной Парфии. — ВДИ. № 1.
- Пугаченкова 1976 — *Пугаченкова Г.А.* Бактрийский жилой дом (к вопросу об архитектурной типологии). — История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М.
- Пугаченкова 1982 — *Пугаченкова Г.А.* К типологии монументального зодчества древних стран среднеазиатского региона. — *Iranica Antiqua*. Vol. 17.

- Пугаченкова, Ртвеладзе 1978 — Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др. Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Таш.
- Рапопорт 1987 — Рапопорт Ю.А. Святилище во дворе на городище Калалыгыр I. — Прошлое Средней Азии (археология, нумизматика и эпиграфика, этнография). Душ.
- Рапопорт 1993 — Рапопорт Ю.А. Загородные дворцы и храмы Топрак-калы. — ВДИ. № 4.
- Рапопорт 1996 — Рапопорт Ю.А. Религия древнего Хорезма: некоторые итоги исследований. — Этнографическое обозрение. № 6.
- Рапэн 1994 — Рапэн К. Святилища Средней Азии в эпоху эллинизма. — ВДИ. № 4.
- Самибаев 1996 — Самибаев М.К. Предметы вооружения в согдийском храме Джартепе II и их роль в ритуальных обрядах. — Самарканд давлат музей — куриқхонаси илмий ходимлари мақола ва илмий очерклари тупламлари. Самарканд.
- Сарианиди 1996 — Сарианиди В.И. Происхождение иранских храмов огня. — La Persia e l'Asia Centrale da Alessandro al X secolo. № 127. Roma.
- Семенов 1996 — Семенов Г.Л. Согдийская фортификация V–VIII веков. СПб.
- Сулейманов 1987 — Сулейманов Р.Х. Храмовый комплекс Еркургана, предварительные результаты изучения. — Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Матер. советско-французского colloquium. Таш.
- Сулейманов 1989 — Сулейманов Р.Х. Общественные сооружения Еркургана осевого композиционно-планировочного типа. — Градостроительство и архитектура. Развитие, связи и взаимодействия (с древнейших времен до наших дней). Культура Среднего Востока. Таш.
- Шкода 1988 — Шкода В.Г. Храмы Согда: эллинистические и передневносточные традиции. — III Всесоюз. конф. востоковедов «Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке». Тез. докл. конф. М.
- Шкода 1988–1989 — Шкода В.Г. Греческое «жилище богов» и согдийский храм. — Древний Восток и античная цивилизация. Л.
- Шкода 1990 — Шкода В.Г. К реконструкции ритуала в согдийском храме. — AOr. № 58.
- Bernard 1970 — Bernard P. Campagne de fouilles 1969 à Aï Khanoum en Afghanistan. — CRAI.
- Bernard 1974 — Bernard P. Fouilles de Aï Khanoum (Afghanistan). Campagnes de 1972 et 1973. — CRAI.
- Bernard 1976 — Bernard P. Les traditions orientales dans l'architecture Gréco-Bactrienne. — JA. T. 264, fasc. 3–4.
- Bernard 1990 — Bernard P. L'architecture religieuse de l'Asie Centrale à l'époque hellénistique. — Akten des XIII. Internationalen Kongresses für klassische Archäologie. B., 1988. Mainz am Rhein.
- Bernard 1994 — Bernard P. Le temple du dieu Oxus à Takht-i Sangin en Bactriane: temple du feu ou pas? — Studia Iranica. T. 23, fasc. 1. P.
- Boucharlat 1984 — Boucharlat R. Monuments religieux de la Perse achéménide, état des questions. — Travaux de la Maison de l'Orient. Lyon. 7.
- Boyce 1975 — Boyce M. Iconoclasm among the Zoroastrians. — Christianity, Judaism and other Graeco-Roman cults. Studies for Morton Smith at Sixty. Vol. IV. Leiden.
- Boyce 1982 — Boyce M. A History of Zoroastrianism. Vol. II. Under the Achaemenians. Leiden-Köln. (Handbuch der Orientalistik Abt. I., Bd. 8, I Abschn., Lfg. 2, Hft. 2A).
- Boyce, Grenet 1991 — Boyce M. and Grenet F. A History of Zoroastrianism, III. Zoroastrianism under Macedonian and Roman Rule. With a contribution by R. Beck. Leiden-New York-Köln (Handbuch der Orientalistik I Abt., 8. Bd., I Abschn., Lfg. 2, Hft. 2).

- Erdmann 1941 — *Erdmann K.* Das iranische Feuerheiligtum. Lpz.
- Franz 1979 — *Franz H.G.* Von Gandhara bis Pagan. Kultbauten des Buddhismus und Hinduismus in Süd- und Zentralasien. Graz.
- Fussman 1983 — *Fussman G.* Surkh Kotal. Tempel der Kuschan-Zeit in Baktrien. München.
- Ghirshmann 1976 — *Ghirshmann R.* Terrasses sacrées de Bard-é Néchandeh et Masjid-i Solaiman. V. I. P. (MMAI 45).
- Hakemi 1990 — *Hakemi Ali.* The Excavation on Khurha. — EW. T. 40, № 1/4.
- Herzog 1932 — *Herzog R.* Kos. Bd. I. Asklepieion. B.
- Huff 1990 — *Huff D.* Čahārtāq I. In pre-islamic Iran. — EIr. Vol. IV. L.-N.Y.
- Larché 1984 — *Larché F.* Le Qasr al-Bint de Petra. — Contribution française à l'archéologie Jordanienne. Dijon.
- Maršak 1990 — *Maršak B.* Les fouilles de Pendjikent. — CRAI.
- Marshak 1993 — *Marshak B.* The Khvar Sun cult of Central Asia. — The Sun. Symbol of Power and Life. N. Y.
- Schippmann 1971 — *Schippmann K.* Die iranischen Feuerheiligtümer. B.-N.Y. (Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten. Bd. 31).
- Škoda 1987 — *Škoda V.* Le culte du feu dans les sanctuaires de Pendžikent. — Cultes et monuments religieux dans l'Asie Centrale préislamique. P.
- Stavisky 1986 — *Stavisky B.* On the Formation of two Types of Buddhist Temples in Central Asia. — Orient und Okzident im Spiegel der Kunst. Festschrift H.G.Franz zum 70. Geburtstag. Graz.
- Stronach 1985 — *Stronach D.* On the Evolution of the Early Iranian Fire Temple. — Papers in Honour of Professor Mary Boyce. Acta Iranica. 25. Leiden.
- Zeymal 1997 — *Zeymal E.V.* Coins from the Excavations of Takht-i Sangin (1976–1991). — Studies in Silk Road Coins and Culture. Papers in Honour of Professor Ikuo Hirayama on his 65th Birthday. Kamakura.

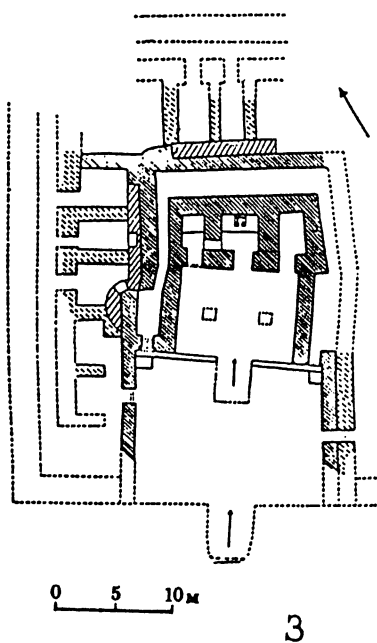
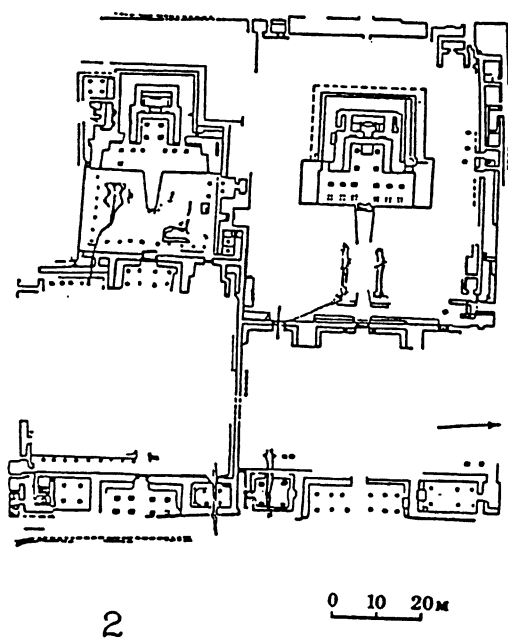
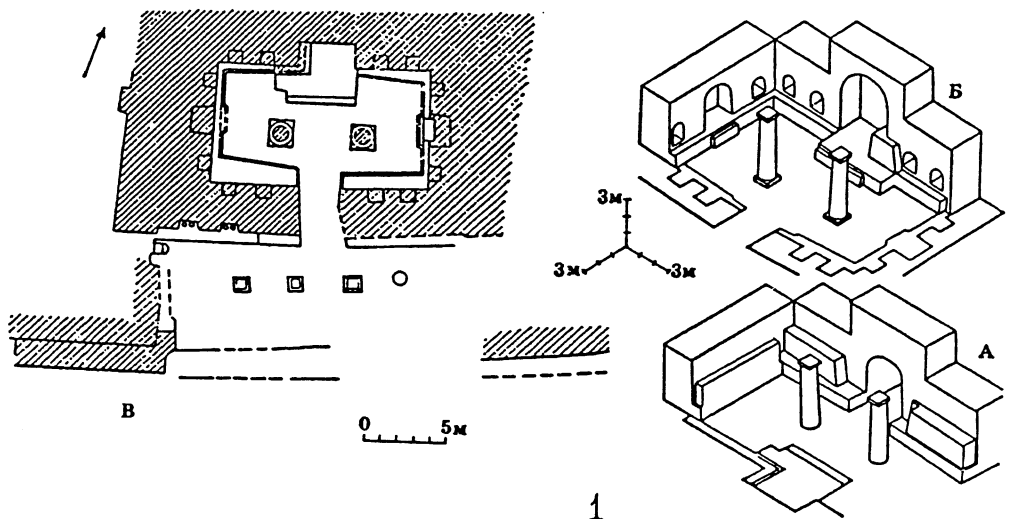

Рис. 1

1А, 1В — Еркурган. Два строительных периода. Аксонометрия; 1В — Еркурган. План;
 2 — Пенджикент. Пятый-шестой строительные периоды;
 3 — Джартепе. Пятый строительный период

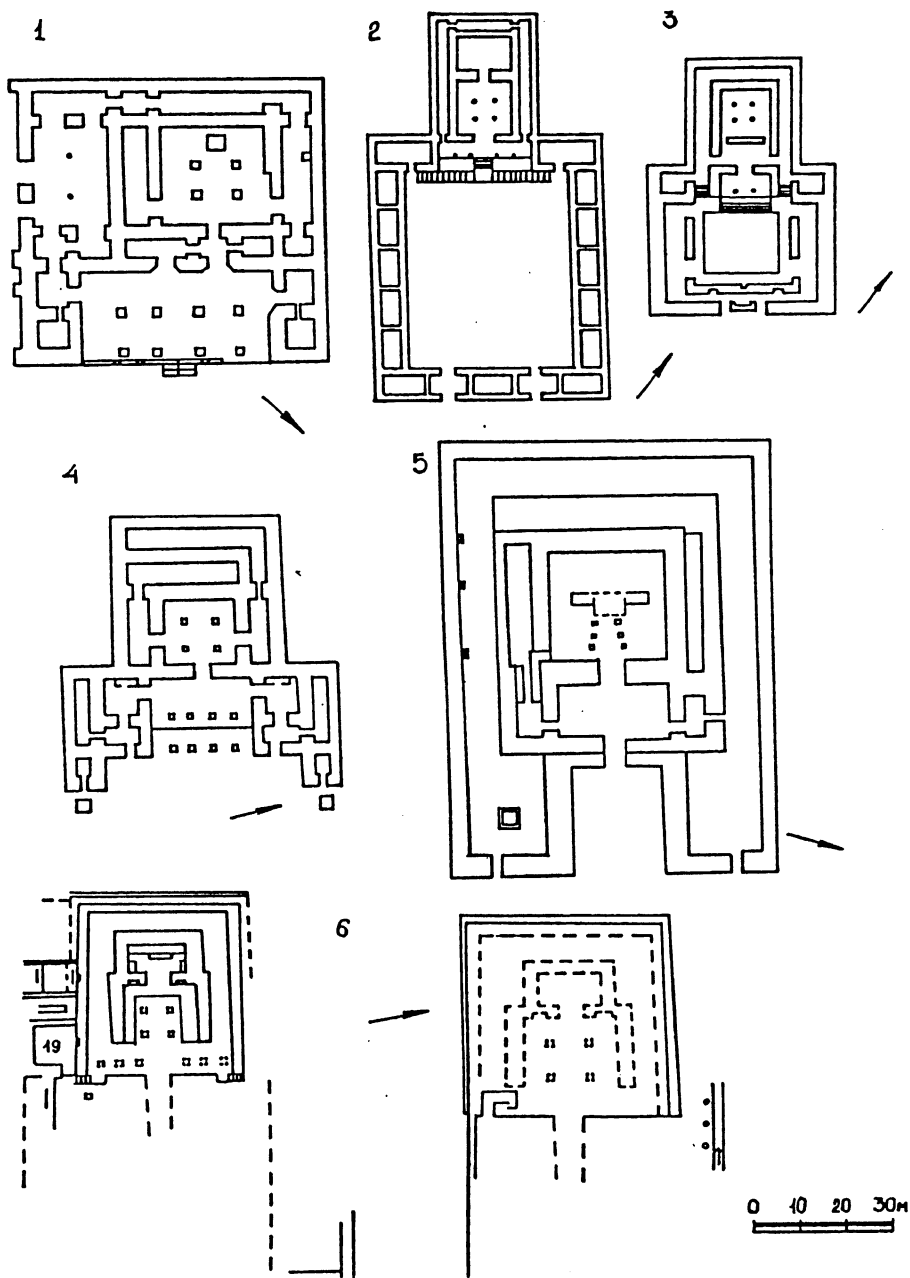

Рис. 2

- 1 — Персеполь. Храм «фратараков»;
 2 — Кухи Хваджа; 3 — Сузы; 4 — храм Окса;
 5 — Дильберджин. Третий строительный период;
 6 — Пенджикент. Второй строительный период

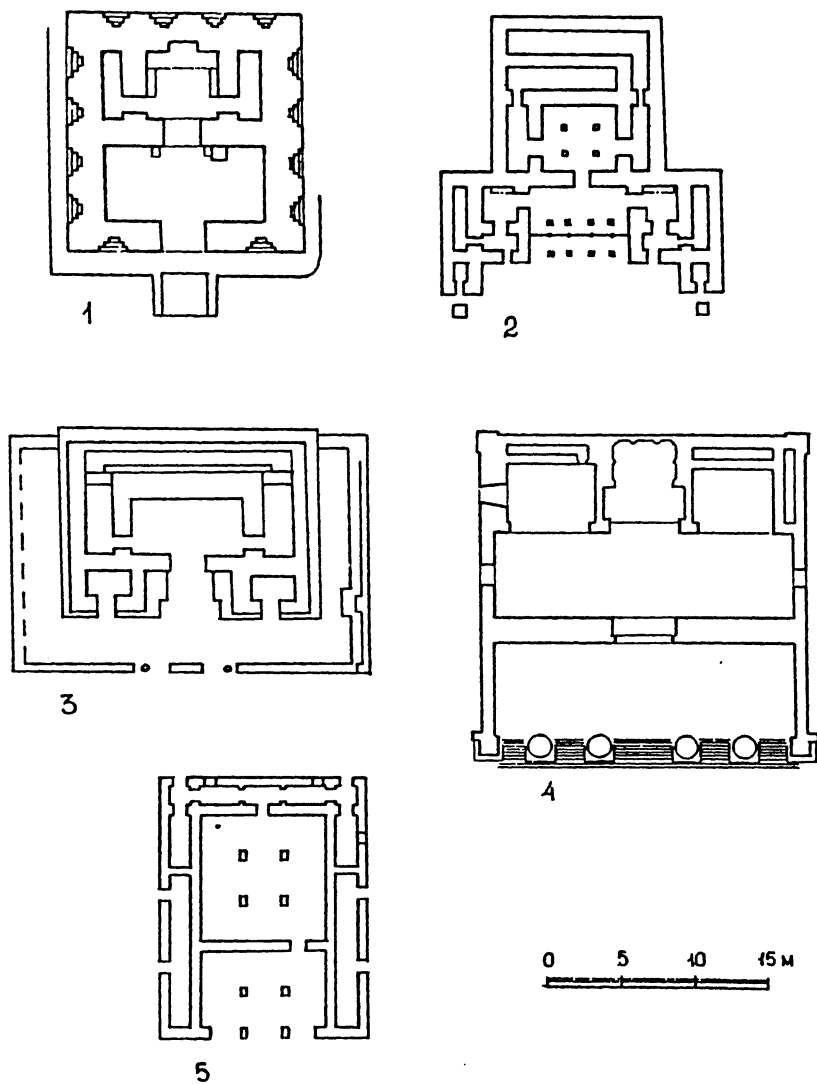

Рис. 3

1 — Ай-Ханум. Храм с уступчатыми нишами;

2 — храм Окса;

3 — Дильберджин. Первый строительный период;

4 — Каср ал-Бинт; 5 — Дедоплис Миндори

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКД	— Автореферат кандидатской диссертации
АО	— Археологические открытия
АРТ	— Археологические работы в Таджикистане. Сталинабад, Душ.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
БСЭ	— Большая Советская Энциклопедия. М.
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ВИ	— Вопросы истории. М.
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГМИНВ	— Государственный музей искусства народов Востока
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
Докл.	— Доклады
ИА	— Институт археологии АН СССР; РАН
ИИ	— Институт искусствознания им. Х.Хамзы
ИИАЭ	— Институт истории, археологии и этнографии им. А.Дониша АН Респуб- лики Таджикистан
ИИМК	— Институт истории материальной культуры
ИИЯЛ	— Институт истории, языка и литературы
ИМКУ	— История материальной культуры Узбекистана. Таш.
ИООН	— Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР. Сталинабад, Душ.
КАЭЭ	— Киргизская археолого-этнографическая экспедиция. М.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.—Л., М.
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР. М.—Л., М.
МАИКЦА	— Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии
МАР	— Материалы по археологии России. СПб.
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии АН СССР; РАН
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МКТ	— Материальная культура Таджикистана. Душ.
МХЭ	— Материалы Хорезмской экспедиции. М.
НАА	— Народы Азии и Африки. М.
ОНУ	— Общественные науки Узбекистана. Таш.
ПВ	— Проблемы Востока. М.
РА	— Российская археология. М.
РАН	— Российская академия наук
СА	— Советская археология. М.
САГУ	— Среднеазиатский государственный университет
САИ	— Свод археологических источников. М.
СМАЭ	— Сборник музея археологии и этнографии
СТ	— Советская тюркология. М.
СТАЭ	— Северо-Таджикистанская археологическая экспедиция

СЭ	— Советская этнография. М.–Л., М.
Тез.	— Тезисы
Тр.	— Труды
ТТАКЭ	— Труды Термезской археологической комплексной экспедиции. Таш.
ТХАЭЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
ТЮТАКЭ	— Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Аш., М., Л.
УСА	— Успехи среднеазиатской археологии. Л.
ХАЭЭ	— Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
AMIT	— Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. B.
AOH	— Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae. Budapest
AOr	— Archiv Orientalní. Prana.
BSOAS	— Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London Institution (University of London)
CHI	— The Cambridge History of Iran. L.
CRAI	— Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres. P.
DAI	— Deutsches Archäologisches Institut
Elr	— Encyclopaedia Iranica. N. Y.
EW	— East and West. Rome
IB IASCCA	— Information Bulletin of the International Association for the Study of Cultures of Central Asia. Moscow
JA	— Journal asiatique. P.
JAOS	— Journal of the American Oriental Society. New York — New Haven
JRAS	— Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. L.
MDAFA	— Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan. Paris, Le Caire
MDAI	— Mémoires de la Délégation archéologique française en Iran. P.
RE	— Pauly's Real — Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
WZKM	— Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Библиография печатных работ Б.А.Литвинского.....	8
<i>Р.М.Масов, В.А.Ранов.</i> Жизнь, отданная археологии.....	49
<i>В.Н.Пилипко.</i> Наши учителя	61
<i>Б.В.Лунин.</i> Б.А.Литвинский как историограф среднеазиатского востоковедения	65
<i>М.Б.Мейтарчиян.</i> Древние цивилизации Евразии. История и культура. Международная научная конференция, посвященная 75-летию Б.А.Литвинского (Москва, 1998 г.)	70
<i>Е.В.Антонова.</i> Реконструкция смысла археологической вещи. Поиски пути	75
<i>Н.С.Байматова.</i> Классификация сырцовых куполов Средней Азии (IV–III тыс. до н.э. — VIII в. н.э.).....	88
<i>Г.А.Брыкина.</i> Погребальные сооружения и обряды Ферганы I тысячелетия н.э.	102
<i>М.А.Бубнова, И.А.Половникова.</i> Янтарь в Средней Азии.....	124
<i>Б.И.Вайнберг.</i> Хорезмийская эра	136
<i>Н.М.Виноградова.</i> Поселение эпохи поздней бронзы — Ташгузор в Южном Таджикистане.....	142
<i>J.-Cl.Gardin.</i> The Archaeological Exploration of Eastern Bactria (Afghanistan): Its Contribution to the History of Early Economic and Political Developments in Central Asia	169
Н.Г.Горбунова . Конская упряжь ранних саков Центральной Азии (Средняя Азия и Казахстан, кроме Западного)	179
<i>A.Invernizzi.</i> The Citadel of Parthian Nisa	201
<i>K.Jettmar.</i> Secluded Sanctuaries of the Oxus Culture	210
<i>H.-J.Klimkeit.</i> The Question of Image Worship in Manichaeism	219
<i>В.Б.Ковалевская.</i> Торговые пути Северного Кавказа в раннем средневековье (по данным обработки компьютерных карт распределения сердоликовых бус V–IX вв.).....	227
<i>И.Л.Кызласов.</i> Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях).....	243
<i>G.Lombardo.</i> Some Problems about the Necropolis of Kangurt-Tut in Southern Tajikistan	271
<i>М.Б.Мейтарчиян.</i> Огонь в зороастризме по «Персидским Риваятам».....	281
<i>Т.К.Мкртычев, У.И.Трейнер.</i> К вопросу о технике изготовления ритонов из Старой Нисы	287
<i>В.Н.Пилипко.</i> О костюме парфян и парнов.....	293

<i>М.Н.Погребова.</i> Закавказье и киммерийцы ассирийских текстов конца VIII в. до н.э.	317
<i>И.В.Пьянков.</i> Древнейшие государственные образования Средней Азии (Опыт исторической реконструкции).....	334
<i>Л.Т.Пьянкова.</i> Поселения и жилища предгорных районов Юго-Западного Таджикистана в эпоху бронзы	349
<i>Д.С.Раевский.</i> Скифский звериный стиль: поэтика и прагматика	364
<i>В.А.Ранов, А.Г.Амосова.</i> Завершение раскопок стоянки Каратау 1	383
<i>Ю.А.Рапопорт.</i> Античный стеклянный медальон, найденный в Хорезме	409
<i>В.С.Соловьев.</i> К вопросу о генезисе культуры раннесредневекового Тохаристана	418
<i>R.N.Frye.</i> Ancient Central Asian Generalities	425
<i>Л.А.Чвырь.</i> Туркестанцы: уйгуры Синьцзяна и народы Средней Азии в этнокультурном отношении	432
<i>В.Г.Шкода.</i> Генезис согдийской культовой архитектуры.....	448
Список сокращений	461